

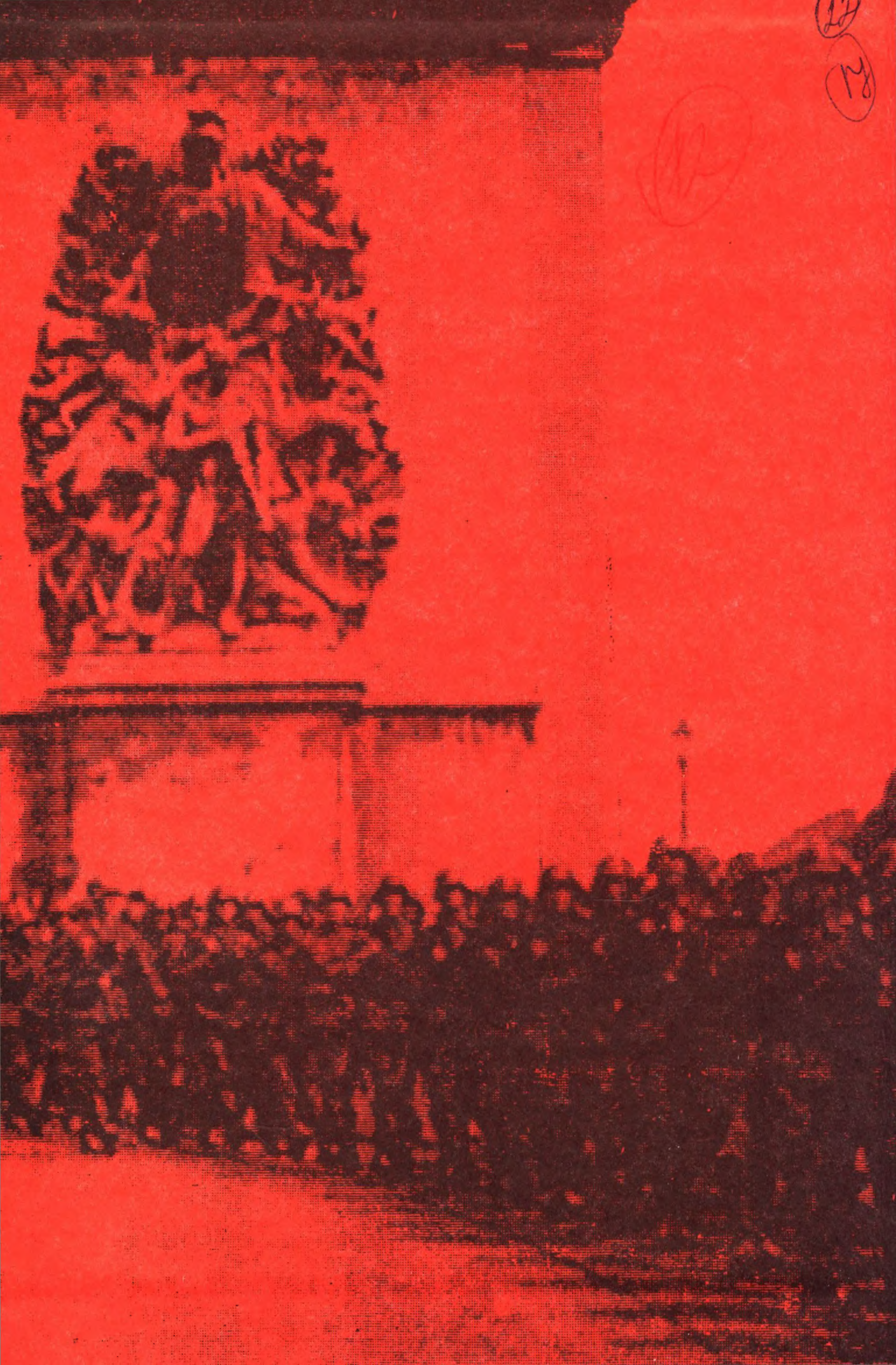
**ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА:**

**ДВА
ВЗГЛЯДА**

27

128

128

**ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА:**

**ДВА
ВЗГЛЯДА**

Hans-Adolf Jacobsen

1939-1945

**Der zweite
Weltkrieg
in Chronik
und
Dokumenten**

A. J. P. Taylor

**The
Second
World
War**

63.3(0)62
В 87

Г.-А. Якобсен
1939-1945
ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

ХРОНИКА
И ДОКУМЕНТЫ

Перевод
с немецкого
Г.Я. Рудого

А. Тейлор
ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

Перевод
с английского
З.П. Вольской

Москва · «Мысль» · 1995

ф2 92

ББК 63.3(0)62
В 87

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Федеральная целевая программа книгоиздания России

Hans-Adolf Jacobsen

**1939—1945. Der Zweite Weltkrieg
in Chronik und Dokumenten**

3.durchgesehene und ergänzte Auflage

Wehr-und-Wissen Verlagsgesellschaft. Darmstadt, 1959

Сокращенный перевод с немецкого *Г.Я. Рудого*

A.J.P.Taylor

The Second World War

Hamish Hamilton. L., 1975

Перевод с английского *З.П. Вольской*

© Издательство "Мысль". 1995

© Г.Я. Рудой. Сокращенный вариант,
перевод. 1995

© З.П. Вольская. Перевод. 1995

ISBN 5-244-00699-1

Г.А. Яковсен 1939-1945 ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Яковсен: "...германское нападение на Советский Союз в 1941 г. не являлось превентивной войной. Решение Гитлера осуществить его было порождено отнюдь не глубокой тревогой перед грозящим советским нападением, а явилось конечным выражением той его агрессивной политики, которая с 1938 г. становилась все более неприкрытой".

I. ТАК БЫЛА ПРОИГРАНА ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

На рассвете 26 августа 1939 г., за шесть дней до начала войны, команда особого назначения германского вермахта внезапно захватила Яблунковский перевал в Польше. Она имела задание держать его открытым до подхода передовых частей сухопутных войск; при этом было захвачено в "плен" свыше 2000 польских солдат. Приказ Гитлера отложить предусмотренное на 26 августа наступление уже не смог вовремя достигнуть этого "отряда для действий в темноте". Ему пришлось мелкими группами отойти к германской границе.

Только 31 августа 1939 г. Гитлер отдал окончательный приказ на наступление: 1 сентября, в 4 часа 45 минут утра, германские дивизии вступили в Польшу. Вторая мировая война разразилась, когда Англия и Франция (включая доминионы), выполняя свои союзнические обязательства перед Польшей, по истечении сроков предъявленных ими ультиматумов 3 сентября объявили войну Германии. Они не остановились даже перед серьезными последствиями своего шага, как на то до самого конца надеялся Гитлер, пребывая в состоянии между иллюзией и самообманом. Когда шеф-переводчик министерства иностранных дел перевел ему фатальные слова ноты западных держав, он "словно застыл... и сидел в своем кресле совершенно безмолвно и неподвижно". Представление Гитлера о малодушной и уступчивой позиции Англии и Франции не подтвердилось; не сыграла и его крупная козырная карта — пакт с Советским Союзом о ненападении от 23 августа: союзники были полны решимости положить предел осознанной ими еще весной экспансионистской политике Гитлера. Время, когда они мирились со свершившимися фактами, миновало. С момента германского захвата Чехии и Моравии они, поддерживаемые в том президентом США, повернули руль своей политики на 180 градусов: вступив в Прагу, Гитлер "перешел Рубикон".

В отличие от 1914 г. в отношении 1939 г. проблема вины за войну как таковая, собственно, не стоит, хотя и ее исторические оценки могли бы быть более дифференцированными, чем это сформулировано в многочисленных послевоенных исследованиях.

Что касается возникновения первой мировой войны, то западногерманские и иностранные исследователи сходятся сегодня в том, что следует говорить о разделенной ответственности. Все участники этой войны, как выразился однажды Ллойд Джордж, в большей или меньшей степени "втянулись" в конфликт, причем каждый из них, вступая в нее, искренне верил, что должен защищаться с оружием в руках от нападения извне! Статья 231 Версальского договора, возложившая вину за войну исключительно на Германию и ее союзников, роковым бременем легла на плечи молодой Веймарской республики. После разрушения системы европейских государств в результате первой мировой войны принятая в 1919 г. неудавшаяся попытка новой организации Европы создала питательную почву для дальнейшего, чреватого тяжкими последствиями хода развития. Версальский мир ни территориально, ни политически, ни тем более морально не мог удовлетворить европейские нации, особенно побежденные; не способен он был и содействовать желательному всестороннему взаимопониманию. Созданная тогда Лига Наций, несмотря на отдельные ее достижения, оказалась не в состоянии разрешить споры на международном уровне, так как должна была принимать решения только единогласно и к тому же не обладала достаточной исполнительной властью. Но особенно далеко стояли в стороне от Лиги Наций Соединенные Штаты Америки, которые вышли из первой мировой войны в качестве властно-политической и особенно идеологической ведущей силы, а затем вновь впали в изоляционизм.

В эту эпоху, которая, кроме того, характеризовалась экономической депрессией и духовными кризисами, демагоги находили себе послушные массы, которые давали им возможность посулами и обещаниями осуществлять собственные политические идеи. Несомненно одно: в 1933 г. Гитлер начал свою внешнюю политику с борьбы против версальского "диктата". Под лозунгом "мира" он шаг за шагом освободил Германию от наложенных на нее ограничений и на свой манер помог вновь обрести полную действительность односторонне сформулированному в 1919 г. праву народов на самоопределение. Но за этой националистически и шовинистически (*völkisch*) обрамленной политикой пересмотра Версальского договора, которую его пропагандисты изображали в самом благоприятном свете, скрывалось с самого начала нечто гораздо большее. Наряду с внутренней консолидацией и созданием тоталитарного фюрерского государства, формирование которого Гитлер ускорил жестокими средствами и методами, он целеустремленно преследовал (поначалу лишь слабо осознаваемые как реализация идей его книги "Майн кампф") две крупные цели: не останавливающееся ни перед каким риском завоевание "соответствующего численности населения жизненного пространства" на Востоке (при одновременном

сведении счетов с большевизмом) и установление своего господства в Европе, с которым он намеревался связать ее националистическое преобразование в духе своей расовой теории. Однако решение о времени и направлении той или иной акции (действовать "так или так") он всегда оставлял за собой, не принимая его до самого последнего момента.

Движимый присущим ему внутренним нетерпением и опасением не успеть до конца собственной жизни осуществить свое исторически уникальное "дело", Гитлер в своей политике не считался ни с какими правилами человеческого и национального сосуществования. Поскольку его акции начиная с 1935 г. не наталкивались на сколько-нибудь значительное сопротивление европейских держав, он действовал все смелее и смелее: восстановление всеобщей воинской повинности и ввод войск в ремилитаризованную Рейнскую область в сочетании с форсированным вооружением — таковы были первые этапы его начинавшихся престижных успехов. Вместо того чтобы с самого начала поставить его на место, что при военном превосходстве западных держав в первые годы национал-социалистского господства было все еще возможно, Англия и Франция (недооценивая методы и динамику тоталитарной национал-социалистской системы) считали, что смогут скорее способствовать решению всех спорных вопросов политикой умиротворения. В 1936 г. Гитлер осуществил сближение с Италией, к которому стремился ("ось" Берлин — Рим), а также укрепил позицию Германии как бастиона против большевизма, заключив с Японией Антикоминтерновский пакт. Год спустя он на секретном совещании 5 ноября 1937 г. в самом узком кругу заявил, что для него в решении вопроса о германском жизненном пространстве есть только один путь — силы, а без риска этот путь немыслим.

Когда 4 февраля 1938 г. Гитлер сместил с занимаемых ими постов имперского военного министра генерал-фельдмаршала фон Бломберга и начальника генерального штаба сухопутных сил барона фон Фрича и принял командование вермахтом непосредственно на себя, был сделан еще один важный шаг: сильнейший инструмент государства, дотоле унифицированный лишь политически, теперь потерял и свою профессионально военную самостоятельность. Тем самым в будущей войне на долю Гитлера должна была выпасть роль полководца! Одновременно под его влиянием оказалась и дипломатия, когда он назначил имперским министром иностранных дел Риббентропа вместо барона фон Нейрата. После аншлюса Австрии, когда авторитет Гитлера в народе еще больше укрепился, он стал стремиться к ликвидации Чехословакии. Но сначала ему пришлось довольствоваться в Мюнхене в сентябре 1938 г. частичным решением: Германия получила Судетскую область, которая была занята 1 октября 1938 г. Хотя Гитлер 26 сентября и провозгласил

во всеуслышание в рейхстаге: "Чехи нам не нужны", уже в середине декабря он дал штабу Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ*), пусть и с некоторыми оговорками, приказ принять все подготовительные меры для разгрома оставшейся части Чехии.

* * *

Вступление в Прагу положило начало решающему повороту к войне: отнюдь не насытившись и этой добычей, Гитлер обратил свой взор на Польшу. С 1935 г. он пытался привлечь ее на свою сторону для совместной борьбы против Советского Союза. Но от этого плана ему в конце 1938 г. пришлось отказаться, так как руководящие деятели Польши и не помышляли позволить сделать себя орудием национал-социалистской агрессивной политики, надеясь в качестве "третьей силы" в Европе проводить независимую политику. Они отвергли и гитлеровские предложения по решению вопроса о Данциге и коридоре от 21 марта 1939 г., а тем временем западные державы 31 марта дали Польше свои гарантии. Гитлер денонсировал германо-английское военно-морское соглашение и германо-польский договор о ненападении (28 апреля) и одновременно заключил военный союз с Италией ("Стальной пакт"), а также, конкурируя с западными державами, активизировал дипломатические усилия в отношении Москвы, чтобы получить свободу рук против Польши. Это привело 23 августа 1939 г. к заключению пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом.

После того как Гитлер в начале августа принял окончательное решение напасть на Польшу, германо-польские отношения стали все более обостряться. Эксцессы многих поляков в отношении "фольксдойче"**, сознательно раздувавшиеся национал-социалистской прессой, дали Гитлеру желанный повод к насильственному вторжению. Правда, заключение польско-английского пакта о взаимопомощи от 25 августа и заявление Италии о ее неготовности к войне привели еще раз к отсрочке нападения. Но 31 августа 1939 г. Гитлер дал приказ о вступлении вермахта после того, как прямые польско-германские переговоры не состоялись и Польша, совершенно не понимавшая своих действительных военных возможностей, во второй половине дня 30 августа объявила мобилизацию.

Критически мыслящий политик тех драматических августовских дней 1939 г. [германский посол в Риме] У. фон Хассель так описал свои впечатления: "...Гитлер и Риббентроп хотели войны против Польши и сознательно пошли на риск войны с западными державами, до последних дней испытывая колеблющуюся по своей

* Аббревиатура от нем.: das Oberkommando der Wehrmacht (OKW). Здесь и далее примечания переводчика.

**Этнические немцы, проживавшие вне Германии.

температуре иллюзию, что те останутся нейтральными. Поляки же с их польским высокомерием и славянской податливостью ходу событий, проникшись доверием к Англии и Франции, упускали любой еще остававшийся шанс избежать войны. Лондонское правительство, посол которого сделал все, дабы сохранить мир, в последние дни прекратило этот бег наперегонки и совершило своего рода "*Vogue la galère*"*. Франция пошла по этому пути с гораздо большими колебаниями. Муссолини не жалел усилий для того, чтобы избежать войны<...>" Характерно, что уже в этой первой кампании военная цель Гитлера далеко выходила за рамки разгрома вражеских вооруженных сил: он хотел вести борьбу до полного уничтожения Польши!

Разумеется, вторая мировая война возникла не только в результате честолюбия и жажды власти отдельного лица. Но свободной от вины за эту вторую европейскую катастрофу едва ли была какая-либо держава, ибо все позже участвовавшие в войне государства ранее оказывали более или менее сильное содействие национал-социалистской политике. Однако факт остается фактом: Гитлер сознательно развязал войну против Польши и тем самым вызвал вторую мировую войну. Поэтому он несет за нее такую ответственность, какая вообще "мыслима в рамках крупных всемирно-политических процессов" (Херцфельд).

Начало второй мировой войны, вызвавшее у немецкого народа отнюдь не восторг, а скептицизм и мрачные предчувствия, застало вермахт в разгар его строительства. Оно велось очень быстрыми темпами, почти что в спешке, и притом вширь, а потому ему не хватало глубины в области вооружения и кадров. Таким образом, Германия обладала еще далеко не готовым к действию инструментом войны даже при том, что по производству современных видов вооружения она и опережала западные державы. Из требуемого четырехмесячного запаса вооружения всякого рода в наличии имелось в среднем 25%; боеприпасов для зенитной артиллерии и авиационных бомб хватало всего на три месяца, между тем как запасы горючего из резервов и текущей продукции в лучшем случае покрывали потребности лишь четырех военных месяцев. Генеральный штаб сухопутных войск никаких оперативных приготовлений к наступлению, за исключением касающихся Польши, не предпринял, ибо рассматривал сухопутные войска исключительно как боеспособное средство обороны. Вопреки утверждениям обвинения на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников (1945 — 1946), будто германский генеральный штаб еще

* *Vogue la galère* (фр.) — кривая вывезет.

до 1939 г. разработал планы наступления на западные державы, сегодня твердо установлено: первая директива главного командования сухопутных войск (ОКХ*) о стратегическом сосредоточении и развертывании войск датирована 19 октября 1939 г.

Причем и эту директиву Гитлер руководящим чинам ОКХ навязал. Ведь еще в сентябре он оказался перед выбором: или пренебречь своими последними политическими и только что совершенными военными захватами, или же "окончательно" рассчитаться с западными демократиями, которые, как он позднее заявил генералитету, вот уже несколько десятилетий противодействуют консолидации рейха. Учитывая ту быстроту, с какой блестяще руководимые ОКХ и командованием групп армий германские войска шагали в Польше от успеха к успеху (между тем как Франция, почти бездействуя, отсиживалась за своей линией Мажино!), и растущее понимание того факта, что Великобритания, вступив в войну, будет биться до последнего, Гитлер хотел использовать мнимое благоприятствование момента и вынудить противника к решающей битве.

При этом проблема нейтралитета не играла для него никакой роли; если Германия победит, никто об этом и не спросит — таков был его аргумент.

Импульсивный и беззастенчивый образ действий, при котором он не считался со взглядами других и оценками положения своими ближайшими военными советниками, привел Гитлера в октябре к поспешному решению: пока он, как казалось, обладает военным превосходством, нужно как можно скорее напасть на западные державы и уничтожить их. Когда Гитлер после так называемого мирного предложения от 6 октября 1939 г. приказал ускорить оперативные приготовления к наступлению и, не дожидаясь ответа западных держав на свое предложение, назначил первую дату — 25 ноября 1939 г., это вызвало возмущение у командующего группой армий "Ц" генерал-полковника фон Лееба. Он писал в своем дневнике: "<...>все распоряжения<...> указывают на то, что это безумное наступление с нарушением нейтралитета Голландии, Бельгии и Люксембурга действительно собираются предпринять. Итак, речь Гитлера в рейхстаге была всего лишь обманом немецкого народа". Не только он и генеральный штаб сухопутных войск, но и ряд других командующих задействованных на Западе армий справедливо сомневались в том, что еще этой же осенью удастся добиться решающей победы; к тому же польская кампания выявила очевидные недостатки сухопутных войск. На различных совещаниях по обсуждению обстановки они неоднократно обращали внимание Гитлера на то, сколь мало германская армия в данный момент по обученности личного состава и по вооружению отвечает высоким

* Аббревиатура от нем.: das Oberkommando des Heeres (OKH).

требованиям похода на Запад. Разумеется, на основе опыта первой мировой войны они оценивали боеспособность противника, в том числе и французов, очень высоко. Генерал-полковник фон Браухич [главнокомандующий сухопутными войсками] попытался в последний раз сделать это в драматической беседе с Гитлером 5 ноября и вместе с начальником своего генерального штаба генералом Гальдером вновь и вновь предпринимал попытки трезво изложить все военные точки зрения и убедить Гитлера использовать любую возможность мира. Это трагическое противоречие (с одной стороны, желание не допустить расширения конфликта и превращения его в новый мировой пожар, а с другой — необходимость со всем профессионализмом двигать вперед приготовления к военной кампании) предъявляло высочайшие требования к их нравственному чувству ответственности и к их солдатскому чувству долга. Всю глубину этого конфликта с собственной совестью может оценить, однако, только тот, кто был вынужден действовать на таком же посту и получил такое же воспитание. Сегодня мы можем только предполагать, в состоянии какой внутренней борьбы находился начальник генерального штаба сухопутных войск, если он задумывался над тем, не является ли устранение Гитлера единственным выходом из этого запутанного положения. Но он и его единомышленники не решились на этот последний шаг, ибо считали, что такой поступок был бы нарушением традиции, к тому же подходящего преемника нет; кроме того, молодой офицерский корпус, веривший в фюрера, ненадежен, но прежде всего для этого еще не созрело настроение внутри страны.

Но так как Гитлер продолжал форсировать подготовку к наступлению, ОКХ всеми средствами по меньшей мере затягивало переход в это наступление, надеясь тем самым дать место политическому, мирному решению конфликта, который пока еще не разгорелся открыто ("сидячая война"). Однако после того, как Гитлер объявил борьбу со всеми "критиканами", у ОКХ остался только один путь: со всей энергией посвятить себя подготовке наступления. Плохая погода, а также неприкрытая оппозиция его планам побудили Гитлера зимой 1939/40 г. 20 раз переносить дату начала наступления. Кроме того, разработанная ОКХ по его инициативе директива о стратегическом сосредоточении и развертывании войск не сулила ему большого успеха, а потому он продолжал поиски лучших и более перспективных решений, скорее непреднамеренно, чем умышленно, сам затягивая запланированное наступление!

Тем временем внимание Гитлера приковало к себе положение на севере Европы. Советско-финская зимняя война могла дать западным державам возможность под предлогом военной поддержки Финляндии встать твердой ногой в Норвегии и овладеть шведскими

рудными залежами; это означало для Германии опасную угрозу ее флангу. Союзное верховное главнокомандование действительно занималось таким планом. Но операция "Везерюбунг" ("Везерское учение"), готовившаяся с января 1940 г. прежде всего ввиду желания военно-морского флота заполучить Норвегию в качестве своей оперативной базы, упредила действия союзников всего на несколько часов. 9 апреля 1940 г. части германского вермахта заняли Данию и захватили Норвегию; лишь боевые действия по овладению Нарвиком затянулись до начала июня.

Кампания на Западе, начавшаяся наконец 10 мая 1940 г., при благоприятных для Германии предпосылках (крупные пробелы в области вооружения, боевой подготовки личного состава, а также оснащения танками и автомашинами были за время зимы 1939/40 г. в значительной мере устранены), никоим образом не была превентивной мерой для защиты от "планомерно готовившегося совместно с бельгийским и нидерландским генеральными штабами продвижения" войск западных союзников в Рурскую область, как то утверждала национал-социалистская пропаганда. Хотя Гитлер и попытался политически оправдать свои действия и переложить ответственность за них на оба нейтральных государства, на самом деле эти действия определялись в первую очередь его собственными стратегическими соображениями. Он явно считал, что военной победой на континенте сможет побудить своего главного врага — Англию принять его условия и, до предела используя все экономические резервы, сумеет быстро закончить войну. Это было второй его военной целью и вместе с тем его первым ложным умозаключением! К тому же осенью 1939 г. он еще имел неверные представления о фактической боеспособности германского вермахта и, несмотря на предостережения специалистов, переоценивал собственную вооруженную силу. Этому его свойству будет суждено приобрести роковое значение в другой взаимосвязи с ведшейся им войной. Здесь у Гитлера впервые обнаружилось то расхождение между понятиями "хотеть" и "мочь" в военной области, которое постоянно углублялось у него с годами!

Какой триумфальный момент для ефрейтора первой мировой войны, когда 24 июня 1940 г. он получил из Дорна телеграмму, в которой его бывший верховный полководец кайзер Вильгельм II поздравил фюрера с "огромной победой"! То, что не удалось императору за четыре года ожесточенной войны, несмотря на величайшее напряжение всех сил, он, Гитлер, совершил всего за несколько недель. Франция сокрушена в ходе поистине невиданной в современной военной истории кампании, от которой просто за-

хватывает дух, а англичане изгнаны с континента — военный подвиг такого масштаба, какой не снился даже самым смелым оптимистам, а оплачен совсем незначительными потерями! В Компьенском лесу, на историческом месте 1918 г., Франция должна теперь подписать в целом умеренные германские условия перемирия.

Гитлер, с 1933 г. шагавший от одного успеха к другому, уже одержавший победу в трех военных кампаниях, теперь достиг вершины своей стремительной карьеры. Его предсказания вновь оправдались: противники были сломлены в кратчайший срок. Теперь он явно достиг своей далеко идущей цели! Он добился этого благодаря своему "инстинкту" в выборе подходящего момента, при помощи которого почти с уверенностью лунатика вел до сих пор свою внешнюю политику. Казалось, он и с войной справляется так же легко опять-таки благодаря своей "интуиции". Национал-социалистская пропаганда не знала удержу, в превосходных степенях восхваляя Гитлера: из "величайшего государственного мужа" со времен Бисмарка она теперь сделала из него и "величайшего полководца всех времен"!

Сфера господства Гитлера простиралась отныне от Нордкапа до испанской границы, ограждаемая от врагов, пожалуй, самыми боеспособными вооруженными силами в мире. И хотя зимой 1939/40 г. критические, более того, оппозиционные голоса мужественно предостерегали от похода на Запад, победа в мае и июне 1940 г. либо заставила их надолго замолчать, либо лишила их всякого резонанса. Престиж Гитлера в народе решающим образом укрепился. Немало религиозно мыслящих немцев считало, что "человек, добившийся таких успехов, ниспослан им самим Богом"! Даже такой умный и обладающий острым зрением наблюдатель, как Уве фон Хассель, писал в своем дневнике: "Никто не может оспаривать величия, достигнутого Гитлером. Но это ничего не меняет во внутреннем характере его деяний и не умаляет тех ужасных опасностей, которые угрожают всем высшим ценностям. Демонический Спартак может действовать только разрушающе<...>"

В союзе с Италией, которая вступила в войну 10 июня 1940 г., Гитлер теперь держал в своих руках судьбу Центральной Европы. Легко понять, что сомнение большинства немцев возросло, но надежный глазомер, определяющий, что возможно и что невозможно в политической и военной областях, был ими утерян! Ведь это всего-навсего вопрос ближайших дней, ну, нескольких недель, и Англия, последний противник, прекратит почти бесперспективную борьбу! В самом узком кругу Гитлер вновь и вновь повторял: Англия побеждена, только не признает этого!

Мы не можем оставить без внимания эту возникшую после непрерывной цепи успехов Гитлера психологическую ситуацию лета и осени 1940 г., если хотим правильно оценить начавшийся тогда период напряженности между политикой и самим ведением войны.

Англия Черчилля не сдалась; она оценивала свое положение в первую очередь как положение морской державы, и с этой точки зрения у нее не было никакой причины, заставлявшей ее сложить оружие. Именно в этом состояла особая, отличающаяся одна от другой оценка войны французом Петеном и британским премьер-министром. Для первого в мае — июне 1940 г. речь шла об обычном военно-политическом столкновении, которому было суждено закончиться военным поражением Франции на континенте. Для Черчилля же конфликт решался не на традиционных полях сражений Европы, а всемирными и идеологическими факторами! К тому же он был убежден, что Рузвельт вскоре преодолет изоляционистскую позицию американского конгресса и вступит в войну на стороне Англии. Таким образом, в данном пункте Гитлер оказался не прав, и очень скоро стало очевидно, сколь дорого обойдется ему эта ошибка! Ведь какими средствами и возможностями располагал он, чтобы склонить Англию к мирным переговорам?

Гитлера тех месяцев можно по праву сравнить с шахматистом, который в начале партии считает достаточными четыре-пять ходов, чтобы объявить противнику мат. Вот он уже готов сделать первый ход, но вдруг начинает колебаться, ибо надеется прийти к цели быстрее, более эффективным ходом. Однако в самый последний момент отказывается и от него, чтобы в конце концов снова прибегнуть к своему излюбленному ходу.

Так, поначалу он все свои надежды возложил на усиленную воздушную и морскую войну. Еще до начала второй мировой войны Гитлер неоднократно утверждал: смертельную рану Англии можно нанести только всеобъемлющей экономической войной; будучи отрезанной от импорта, она долго продолжать сопротивление не сможет. А значит, все дело в том, чтобы захватить на побережье Ла-Манша подходящие базы для подводного флота и авиации и оттуда начать широкомасштабные военные действия по установлению блокады Англии. Если зимой 1939/40 г. борьбу против британских надводных и подводных сил начал германский военноморской флот, то после похода против Франции должна была в более крупном масштабе вступить в дело люфтваффе. Гитлер, а особенно Геринг надеялись посредством широко задуманного воздушного наступления сделать Англию покладистой и тем самым создать предпосылки для окончательного разгрома врага. Для этой

цели были выделены два воздушных флота, насчитывавшие около 2000 самолетов, которым англичане в критические дни июля — августа могли противопоставить всего лишь 600 — 700 истребителей.

13 августа началась первая фаза "воздушной битвы над Англией" (операция "Орел"); ее первоначальной целью было добиться превосходства в воздухе. Кроме того, совершались крупные налеты на вражеские базы истребительной авиации и опорные пункты противовоздушной обороны. Во второй фазе, начавшейся 5 — 7 сентября, предусматривалось разгромить экономический потенциал и деморализовать население Британских островов. Но ни то, ни другое не удалось! Не говоря уже о крупных потерях немецкой авиации в результате сильной, хорошо руководимой английской противовоздушной обороны, а также об отсутствии четырехмоторных бомбардировщиков дальнего радиуса действий для ведения стратегической воздушной войны, что привело к провалу операции, ее пришлось постепенно прекратить потому, что на первый план все сильнее выдвигалось стратегическое сосредоточение и развертывание сил против Советского Союза и с этой целью надо было держать воздушные флоты в боевой готовности.

Борьба с Англией на море, естественно, могла привести к успеху лишь в далекой перспективе. Причины этого коренились прежде всего в военно-морской политике третьего рейха. После германо-английского соглашения 1935 г., установившего соотношение тоннажа германского и британского военно-морских флотов 35:100, война с Англией как возможная еще не рассматривалась. Только в начале 1938 г. Гитлер впервые заявил адмиралу [главнокомандующему военно-морским флотом] Редеру, что надо готовить военно-морской флот к столкновению с Англией и осуществить направленные на это меры. Затем командование военно-морским флотом на командно-штабных учениях проработало возможность его использования в войне против Англии и пришло к выводу, что до тех пор, пока германская крейсерская война будет вестись в основном подводными лодками, ядро британского флота уничтожить не удастся. Результатом было принятие рассчитанной на шесть лет (до 1944 г.) программы, целью которой являлось значительное увеличение личного состава флота и количества кораблей, особенно крупных (план "Z"), чтобы в предположительном случае быть лучше вооруженными. Гитлер приказал обеспечить этому расширению ВМФ приоритет перед обеими другими составными частями вооруженных сил (сухопутными войсками и люфтваффе).

Однако поставленная двойная цель ведения морской войны (борьба против вражеского торгового флота и ликвидация британского господства на море), по словам историка Хубача, страдала отсутствием "всякого политического опыта и понимания стеснен-

ности Германии своим континентальным положением". Хотя командующий подводным флотом будущий гросс-адмирал Дёниц требовал усиленного развития своего рода оружия (так как, по его мнению, только оно в случае военного конфликта, обладая соответствующими силами на море, могло решить исход войны), отстаивать свою точку зрения ему не удалось. В конце концов Гитлер еще 22 июля 1939 г. приказал объявить своим офицерам-подводникам, что до войны с Англией дело ни в коем случае не дойдет, ибо это означало бы "Finis Germaniae"*!

Начало войны застало германский военно-морской флот врасплох. К этому моменту он имел, образно говоря, всего лишь туловище, поскольку план "Z" едва начал осуществляться. Его слабость по сравнению с одним только английским флотом выражалась соотношением 1:7,5 в крупных и средних надводных кораблях, а в миноносцах — 1:9,2, и только в подводных лодках соотношение было равным. Такое положение следовало предвидеть в результате германской военно-морской политики, проводившейся с 1935 г. Но Гитлер полагал, что сможет пойти на риск войны, несмотря на вражеское превосходство на море; находясь в плену представлений, присущих континентальному мышлению, он хотел добиться решения исхода войны с морской державой Англией на суше.

Навязать британскому флоту бой в форме "морского сражения выстроившихся кораблей", как это имело место в первой мировой войне, было по вышеназванным причинам невозможно, а тактически уже и едва ли приемлемо. Напротив, германский военно-морской флот должен был попытаться всеми имеющимися в его распоряжении средствами предпринять против Британских островов экономическую войну и военную блокаду, успех которых мог быть тем больше, чем лучше исходные базы. Главнокомандующий военно-морским флотом первым делом распорядился прекратить все крупные постройки по плану "Z" (за исключением кораблей, уже спущенных со стапелей), чтобы ускорить выпуск подводных лодок, и вооружить вспомогательные суда для охоты за торговыми судами ("каперская война"). Вместо 300 подводных лодок, которые Дёниц требовал в качестве минимума для успешной морской войны против Англии, Германия имела всего 57, а из них пригодных к военным действиям — только 46. В результате перенесения центра тяжести в военно-морском флоте на субмарины теперь должно было строиться ежемесячно 29 подводных лодок. Но так как эта программа не была включена в число самых первоочередных мер по вооружению, в марте 1940 г. пришлось на длительный срок сократить производство до 25 в месяц. Однако даже и эта программа, хотя

* конец Германии (лат.).

бы приближенно, не была осуществлена за первые два года войны. В первом полугодии 1940 г. работавшие с крайним напряжением верфи построили 2, а до декабря — 6 подлодок, и только в конце 1941 г. число выпускаемых ими подлодок достигло 20 в месяц.

Поэтому в первый год войны командование военно-морского флота могло направлять в оперативное пространство только 12 — 14 подводных лодок. Но для решающего успеха этих сил не хватало! Вторая фаза битвы за Атлантику, начавшаяся после норвежской операции в июне 1940 г. при значительно более благоприятных для военно-морских действий стратегических условиях (новые базы в Бискайском заливе!), показала, каких результатов мог бы достигнуть германский военно-морской флот при большем числе подводных лодок: только 12 действовавших в оперативном пространстве подлодок за период до марта 1941 г. потопили 2,31 млн брутто-тонн, что во много раз превышало водоизмещение всех вновь построенных в Англии кораблей.

Иное решение проблемы нанесения решающего удара по Англии обещала высадка на Британских островах (операция "Морской лев"). Новейшие исследования подтвердили, что этот план нельзя отнести только к области психологической войны. Проводя подготовку к его осуществлению, Гитлер отнюдь не просто блефовал, ведя приготовления, а всерьез намеревался крупными силами высадиться в Англии, как только для этого будут созданы безусловно необходимые условия.

ОКМ* и ОКХ уже в ноябре — декабре 1939 г. дали первые разработки такой операции. По приказу ОКВ эти планы с июля 1940 г. обсуждались и дополнялись всеми составными частями вермахта. 16 июля Гитлер приказал принять подготовительные меры для высадки на тот случай, если Англия не проявит готовности пойти на мир. Условиями успешной морской и сухопутной операции он считал: превосходство немецкой авиации в оперативном пространстве, свободный от мин проход для транспортных судов в обоих направлениях, обеспечение флангов на Ла-Манше установкой заградительных минных полей, изгнание английского военного флота из района южного побережья Британских островов, а также необходимость сковывать все остальные расположенные в Англии части германскими военно-морскими силами и, наконец, создание сильной береговой артиллерии по всему фронту канала. В ходе оперативного планирования весьма скоро возникли разногласия между ОКМ и ОКХ. Гросс-адмирал Редер придерживался мнения, что имеющихся в настоящее время соединений военно-морского флота (после потерь в Норвегии) хватит самое большее для высадки на узкой базе. В противоположность этому генерал-фельдмаршал

* Аббревиатура от нем.: das Oberkommando der Kriegsmarine (ОКМ) — главное командование военно-морского флота.

фон Браухич и генерал-полковник Гальдер требовали создания плацдармов на широком фронте (300 км) для того, чтобы различные группировки сухопутных войск могли поддерживать их операции с флангов. В конце августа Гитлер решил подготовить высадку на плацдарме около 120 км. Но в сентябре он опять перенес первоначально запланированную на 21 сентября высадку. 12 октября он отодвинул высадку на весну 1941 г.; тем самым "Морской лев" практически сдох.

К числу разочарованных отказом от этой операции принадлежал и Муссолини. Еще в конце июня он сообщил Гитлеру в одном письме, сколь горячо приветствует он высадку в Англии; в начале июля он обещал предоставить для этого 10 итальянских дивизий и 30 эскадрилий своей авиации. Он хотел, по крайней мере символически, подкрепить новое братство по оружию! Но 13 июля Гитлер дал ему понять, что должен отклонить это предложение прежде всего ввиду необходимости стандартизации оружия при крупной операции по высадке. Он же, дуче, пусть лучше сконцентрирует свои усилия на ведении войны в Средиземном море.

Гитлер отказался от операции "Морской лев" в конечном счете потому, что германская люфтваффе не могла выполнить поставленную перед ней задачу в требуемом объеме. Что касается командующего военно-морскими силами, то в своих докладах Гитлеру он настойчиво подчеркивал, что не может принять на себя ответственность за высадку в 1940 г.; к тому же до сих пор не удалось полностью обеспечить необходимый объем транспортных судов для снабжения войск. Эти опасения Редера явно оказали воздействие на Гитлера. Тот чувствовал себя в большей степени "специалистом" сухопутной войны и к операциям на море относился довольно скептически. Поставить на карту в результате по сути рискованной операции свою только что приобретенную репутацию "величайшего полководца всех времен" казалось ему слишком смелым; предостережением ему служил и кризис в ведении боевых действий по овладению Нарвиком. А во всем, что касалось его личного престижа, Гитлер был чрезвычайно чувствителен!

К этому добавлялась неблагоприятная метеобстановка, которая, как уже часто бывало, ставила под вопрос успех операции. Но все вышеназванные причины кажутся не имевшими для его решения такого важного значения, как надежда разбить Англию, разгромив Россию.

С вступлением в войну Италии возник театр военных действий и на Средиземном море, который Гитлер поначалу считал полностью доменом своего партнера по "оси". Однако главнокомандующий сухопутными войсками, а в первую очередь главнокомандующий военно-морским флотом настойчиво указывали ему на то, какое значение имеет средиземноморская стратегия в рамках борьбы

против Англии. Редер придерживался взгляда, что ведущиеся здесь операции (скажем, против Гибралтара, против Канарских островов с целью закрыть вход в Средиземное море и отрезать Мальту, защита вишистской Северной Африки от вражеских высадок, прорыв к Суэцкому каналу и изгнание противника с Ближнего Востока) скорее отвечают радиусу действия германских вооруженных сил.

Так с июля 1940 г. встал вопрос о захвате Гибралтара (операция "Феликс") с испанской помощью. Поскольку отношения между "осью" и Испанией на основе той помощи, которую Германия и Италия оказывали ей в гражданской войне, были весьма дружественны (Франко еще 3 июня с восторгом поздравил Гитлера с германскими военными успехами), Гитлер надеялся вскоре привлечь эту страну к борьбе на своей стороне.

В июле он поначалу активизировал дипломатические усилия по привлечению Испании к реализации своих планов. Но Франко, хотя и склонялся после германской победы над Францией к участию в войне, с одной стороны, сознательно сильно завысил свои требования: так, он потребовал военные материалы всякого рода, тяжелое оружие, боеприпасы, горючее, оснащение и пшеницу для своей страны, еще не преодолевшей последствий внутренних столкновений. С другой стороны, его привлекало приобретение новых территорий, таких, как Гибралтар, Французское Марокко, часть Алжира (Оран), расширение колонии Рио-де-Оро за счет Франции и район Гвинейского залива. Но пойдя Гитлер навстречу этим желаниям, пришлось бы вступить в конфликт с вишистской Францией, а это в тот момент противоречило его намерениям! Кроме того, приходилось опасаться, что тогда под знамя де Голля перейдут и другие части французских колониальных владений. Итак, Гитлер встал здесь перед несомненной дилеммой!

Вполне возможно, колебания Франко были вызваны негибкой позицией Англии. До тех пор пока Великобритания не была действительно повержена, в случае его вступления в войну жизненный нерв Испании — ее снабжение морем — оказался бы под величайшей угрозой. Когда же Гитлер 23 октября предложил каудильо в начале 1941 г. вступить в войну, тот снова уклонился от определенного ответа, забаррикадировавшись требованиями больших поставок техники и оружия. Адмиралу Канарису, начальнику германского абвера, пришлось 7 декабря 1940 г. снова задавать в Мадриде вопрос, согласится ли Испания хотя бы пропустить германские войска через свою границу с целью захвата горных укреплений. Но и на сей раз Франко отказался, заявив, что его страна еще не в состоянии пойти на этот шаг по экономическим причинам. Несомненно, это было всего лишь внешним предлогом: неудачные операции итальянцев в Греции и Северной Африке, успехи англичан в воздушной битве в сочетании с тем фактом,

что Гитлер все еще не рискнул предпринять высадку на Британские острова, вполне могли открыть испанскому правительству первые отчетливо видимые слабые места "оси"; да к тому же английский посол в Мадриде умел их эффективно подчеркнуть. Поэтому Гитлер в середине декабря 1940 г. счел, что политические предпосылки для операции "Феликс" уже отсутствуют, и 9 января 1941 г. от нее отказался. В остальном же Средиземное море было для него прежде всего итальянским театром военных действий, а подлежащая осуществлению здесь стратегия — ослабление английских позиций — не казалась ему серьезной альтернативой его планам на Востоке!

Как сообщил [начальник штаба оперативного руководства вермахта] генерал Йодль в докладе гауляйтерам 7 ноября 1943 г., Гитлер еще во время Западной кампании сказал ему о своем "принципиальном решении" ликвидировать большевистскую опасность, как только это позволит военное положение Германии. Действительно, после победы над Францией нападение на Советский Союз (план "Барбаросса") все сильнее овладевало помыслами и желаниями Гитлера. Однако отнюдь не "жизненное пространство на Востоке", насильственное завоевание которого уже с 20-х годов пронизывало политические расчеты Гитлера, служило главным активизирующим моментом; нет, главным импульсом являлась наполеоновская идея разбить Англию, разгромив Россию.

Большое число уцелевших военных документов, относящихся к лету 1940 г., едва ли оставляет какое-либо сомнение в том, что Гитлер начал серьезно планировать нападение на Советский Союз уже с июля 1940 г. и в принципе (правда, вначале с некоторыми временными оговорками) был полон решимости предпринять его еще весной 1941 г. Однако ОКВ отговорило его от этого, ибо русская распутица могла создать трудности продвижению германской армии на Восток.

* * *

21 июля 1940 г. Гитлер приказал ОКХ подробно изучить все предварительные условия наступления на Востоке и начать соответствующие приготовления. Как заявил Гитлер Браухичу и Гальдеру десятью днями позже, он считал, что Англия скорее заключит мир, если Советский Союз — ее последний возможный, потенциальный союзник на континенте — будет уничтожен. Продолжительность операции на Востоке он определял примерно в пять месяцев! Тогда Германия сможет считать себя "неограниченным господином" в Европе и на Балканах!

Вне всякого сомнения, начавшееся тем временем советское продвижение в Прибалтике и в Юго-Восточной Европе (аннексия Бессарабии и Северной Буковины) в июне 1940 г. не столько обескуражило, сколько обеспокоило нацистское руководство; ибо в результате этого возникла несомненная угроза важным для Германии румынским нефтяным районам. Ведь со времени подписания германо-русского секретного соглашения от августа 1939 г. Гитлеру было ясно, что его партнер рано или поздно представит свой счет за "спокойное поведение" во время германских наступлений.

В остальном же из ставших ныне известными документальных источников явствует, что Гитлер принял решение о нападении на Советский Союз отнюдь не на основании указанных выше событий. Гораздо больший вес имели следующие соображения.

Если Советский Союз — последняя континентальная шпага Англии — будет побежден, у Великобритании едва ли останется какая-либо надежда на перспективное сопротивление. Ей придется прекратить борьбу, особенно если удастся побудить Японию к действиям против Англии в Восточной Азии, прежде чем вступят в войну США.

Если же она, несмотря на все это, будет сражаться дальше, Гитлер решил путем захвата Европейской России осуществить завоевание новых огромных экономически важных областей, используя резервуар которых, он в случае необходимости сможет выдержать и более длительную войну. Тем самым наконец-то осуществлялась его великая мечта: Германия приобретала на Востоке то жизненное пространство, на которое она претендовала для своего населения. Одновременно ни одно государство в Европе больше уже не могло оспаривать у Германии главенствующее положение; ставший обременительным конкурент устранялся и больше не мог продолжать свою "вымогательскую тактику"! Не последнюю роль играло и то соображение, что "окончательное столкновение" обеих систем — национал-социализма и большевизма — однажды все равно станет неизбежным; данный момент казался Гитлеру наиболее благоприятным для этого, ибо Германия обладала сильными, испытанными в боях вооруженными силами и, кроме того, была высокооснащенной для войны страной.

Разумеется, только переговоры с Молотовым в ноябре 1940 г. в Берлине окончательно избавили Гитлера от последних сомнений в том, что принятое им решение — правильный и единственный выход. Эти переговоры показали, что единство между обоими жаждущими экспансии партнерами в вопросе о разделе "сфер интересов" в мировом масштабе теперь, а также и в будущем едва ли возможно.

В этой связи необходимо разрушить одну все еще распространенную легенду: германское нападение на Советский Союз в 1941 г. (как об этом свидетельствуют результаты изучения документальных источников) не являлось превентивной войной. Решение Гитлера осуществить его было порождено отнюдь не глубокой тревогой перед грозящим Германии предстоящим советским нападением, а явилось конечным выражением той его агрессивной политики, которая с 1938 г. становилась все более неприкрытой.

Как можно судить, Советы не считали нападение на Германию в 1940/41 г. средством своей политики; до тех пор они осуществляли свои намерения гораздо более безопасным "холодным путем" — их излюбленным методом! При внезапном нападении летом 1941 г. не было захвачено никаких документов, которые бы, несмотря на сосредоточение советских войск у границы, давали основание для выводов о вражеских наступательных намерениях. К тому же Красная Армия еще только собиралась модернизировать свои танковые войска и авиацию. И наконец, Хрущев на XX съезде КПСС выдвигал против Сталина тяжкие обвинения именно в том, что тот, несмотря на британские предупреждения, не придавал достаточного значения возможности германского нападения и верил, что все еще имеющиеся разногласия между обоими государствами можно устранить дипломатическим путем. Другой вопрос, естественно, что сделал бы Советский Союз, если бы положение Германии, скажем после высадки в Англии, стало менее благоприятным? Но такой способ рассмотрения лежит за пределами стремления к историческому познанию.

Однако не имели ли место в эти драматические месяцы 1940 г. предложения и усилия с германской стороны закончить войну политическим путем? Разве Гитлер не достиг при помощи оружия своей великой цели? "Честь Германии" была восстановлена! "Позор Версаля" — смыт! Чего проще было предложить разбитому врагу великодушный мир? К сожалению, ответить на этот вопрос с полной уверенностью мы сегодня еще не можем; хотя документы германской внешней политики и дают на этот счет некоторые важные разъяснения, они все же оставляют многие вопросы открытыми. Что же касается цитируемой сотрудником имперского министерства иностранных дел Хессе в его "Воспоминаниях" состоящей из многих пунктов программы, на основе которой Гитлер якобы был готов заключить выгодный мир с Англией, то она до сих пор не имеет документального подтверждения. Поэтому некоторые выводы, позволяющие ответить на поставленный выше вопрос, мы можем сделать лишь из поведения самого Гитлера в то время.

Возможно, непосредственно после победы на Западе он некоторое время предавался иллюзии, что сможет установить мир, но окончание войны политическим путем уже зависело не только от его волевого решения, а во многих отношениях определялось его роковой внешней политикой по отношению к своим союзникам. 23 августа 1939 г. он предоставил восточную часть Польши Советскому Союзу; без сомнительных по своему результату переговоров статус-кво здесь было не восстановить. Кроме того, зловещая немецкая оккупационная политика в Польше с ее первыми "мерами по уничтожению чуждых расовых элементов" затрудняла любой разговор о восстановлении этого государства. А Италия выдвинула в качестве цены за свое участие в войне высокие территориальные требования (Ницца, Корсика, Тунис, часть Алжира, владение Средиземным морем, базы в Сирии, Трансиордании, Палестине, Ливии и Египте).

Решающим было, однако, то, что Гитлер вовсе и не думал закончить войну, отказавшись от своих последних политических и военных завоеваний. Он уже носился с мыслью предположительно превратить Бельгию в "гау Фландрия", а Голландию — в еще одну гау! Поскольку в результате своей довоенной политики он потерял за границей всякий кредит доверия (так что Черчилль провозгласил ожесточенную, с "кровью и слезами" борьбу до победного конца), Гитлер видел перед собой только одну возможность: принудить противника принять его условия. Но обладала ли национал-социалистская Германия на длительный срок такими средствами?

Его "Призыв к разуму" от 19 июля 1940 г. был в целом не чем иным, как попыткой нового алиби перед мировой историей. Ведь на самом деле он не содержал никаких реальных предложений, ибо его принятие означало бы капитуляцию Англии! Но Гитлер, хороший психолог (по крайней мере в обращении со своим народом), знал, сколь эффективной была его попытка переложить моральную ответственность за продолжение борьбы на противника. В беседе с итальянским послом Алфиери 1 июля 1940 г. он дал понять, что в данный момент активно готовится к осуществлению новых крупных задач; поэтому важно сделать Англию — в глазах всей мировой и германской общественности — ответственной за дальнейший ход событий. Тем самым он усиливает собственную позицию и ослабляет позицию врага; уже в "Мирном призыве" от 6 октября 1939 г. он руководствовался такими мыслями.

Все говорит за то, что Гитлер после Западной кампании не предпринимал серьезных усилий к тому, чтобы закончить войну политическим путем, то есть посредством переговоров в духе подлинного компромисса, или же использовать искусство достижения возможного с допущением уступок. Напротив, доминировали его империалистическое стремление к применению силы, та все более

безудержная политика насилия, которую он считал возможным проводить сейчас, когда германский вермахт явно не имел на континенте сколько-нибудь значительного, равноценного себе противника. Одновременно Муссолини 26 июня, в чрезмерно восторженных выражениях поздравляя Гитлера с "колоссальным успехом", потребовал своего участия в захвате Англии. Им тоже владело не столько искреннее желание установить мир, сколько тревога, как бы не оказаться обойденным при предстоящей вскоре "дележке добычи".

В выборе средств для окончания войны летом 1940 г. Гитлер полностью просчитался. Его принятые в то судьбоносное время решения, которые можно охарактеризовать как первую крупную цезуру во второй мировой войне, показывают: после триумфа на Западе он был преисполнен веры в то, что теперь сможет реализовать все свои далеко идущие властно-политические цели при помощи остро отточенного испытанного меча своего вермахта. Отныне планы его больше не знали никаких пределов: в начале 1941 г. он даже приказал штабу оперативного руководства вермахта разработать проект германского продвижения в Афганистан против Индии (Англии). Поистине трагическим обстоятельством было то, что его меры и наметки уже не наталкивались на ту сильную волей военную оппозицию, как это было еще зимой 1939/40 г. Но ведь его прогнозы в конечном счете всегда оправдывались! Отказавшись от высадки в Англии (не в последнюю очередь из-за провала воздушной войны) и решившись напасть на Советский Союз, Гитлер тем самым вызвал катастрофу Восточной Европы.

* * *

Цепь германских ошибок в командовании войсками и стратегических ошибочных решений началась еще в 1940 г. с Дюнкерка.

По оперативному плану наступления на Западе предусматривалось уничтожить войска западных союзников в широкомасштабном сражении на прорыв и окружение. Для этого группа армий "Б" ("Север"), которой предназначалась роль наковальни, должна была принять на себя удары противника в центральной части Бельгии, между тем как группе армий "А" ("Юг") следовало сильными моторизованными и танковыми соединениями пробиваться на Сомме, а затем, повернув на север и действуя подобно молоту, заставить врага вести бой с "перевернутым фронтом" и разбить его. Но в кульминационный момент операции, 24 мая 1940 г., Гитлер и командующий группой армий "А" Рундштедт остановили неудержимо пробивающиеся вперед танковые дивизии на линии канала Ла-Манш (от Ланса до Гравелина), чтобы сохранить эти

войска для второй фазы наступления, а ликвидацию котла предоставить в первую очередь авиации. Тщетно протестовали главнокомандующий сухопутными войсками и его начальник генерального штаба против этого приказа, имевшего весьма серьезные последствия. Гитлер предоставил командованию группы армий "А", то есть нижестоящей инстанции, самому принять решение, когда именно ввести в бой подвижные соединения. Командование же этой группы войск только 25 мая пришло к иной оценке обстановки, дав разрешение на наступление моторизованных и танковых соединений.

Тем временем противник лихорадочно использовал драгоценные часы "боевой передышки" на своем западном фланге и создал здесь свою оборону. Знаменитый "стоп-приказ" германским танковым войскам у Дюнкерка дал союзникам возможность спасти из этого котла и эвакуировать в Англию свыше 350 000 человек. К тому же люфтваффе не смогла выполнить свою задачу в полном объеме, и операции обеих групп армий не были завершены достаточно энергично и последовательно, поскольку ликвидация котла рассматривалась как задача более или менее второстепенная. Командование германского вермахта, находившееся во власти своего континентального мышления, слишком поздно разглядело имевшуюся у противника возможность эвакуировать свои войска, вместо того чтобы заставить их сражаться до последнего патрона. Таким образом, главные силы союзных соединений оказались на Британских островах, и несколькими месяцами позднее значительная их часть с новым оружием (в частности, из Америки) опять была введена в бой — теперь уже в Северной Африке.

Вместо уничтожающей победы Гитлер добился лишь "ординарной". Правда, сделать отсюда выводы в том духе, что при тотальном поражении Великобритании заключила бы мир и что поэтому Германия упустила свой великий исторический час, просто-таки позволив вырвать из своих рук уже ощутимо близкую пальмовую ветвь победы, значило бы зайти слишком далеко. Черчилль наверняка и тогда продолжил бы бороться с несгибаемой стойкостью. Поэтому значение эпизода с Дюнкерком для дальнейшего хода всей второй мировой войны не следует драматизировать и переоценивать, как это делается в различных послевоенных публикациях.

Через десять месяцев после заключения перемирия на Западе начались операции против Греции и Югославии (6 апреля 1941 г.), которые еще раз продемонстрировали высокое германское военное искусство и за несколько недель были победоносно закончены. Со времени итальянского нападения на Грецию в октябре 1940 г. положение на Балканах все более обострялось и достигло своей

кульминационной точки в форме антигерманского военного путча в Белграде. Точно так же, как поддержка Италии в Северной Африке весной 1941 г., эти бои во всех отношениях отвечали боевым возможностям германского вермахта.

Однако при нападении на Советский Союз (22 июня 1941 г.) это казалось проблематичным по меньшей мере до тех пор, пока не устранена как противник Англия. Но Гитлер был твердо уверен, что сможет разгромить Советский Союз в ходе молниеносной войны. Впрочем, надо признать, что такое мнение было не только у него одного. Такую точку зрения разделяли в то время ведущие военные чины не только в Германии (ОКВ и ОКХ), но и в Соединенных Штатах и Англии. Так, американский военный министр и его начальник штаба ожидали, что эта кампания продлится "минимум месяц, а как максимум — три месяца"! Это объяснялось, с одной стороны, поразительными успехами вермахта до лета 1941 г., за которыми весь мир следил отчасти с удивлением, а отчасти и с растущим страхом, а с другой — полной недооценкой советской силы сопротивления и способности к восстановлению офицерского корпуса после его крупных "чисток" в 1936 — 1938 гг. Объяснялось это и слабой боеспособностью Красной Армии в зимней войне с Финляндией.

Гитлер намеревался при помощи сильных танковых клиньев окружить и уничтожить сосредоточенные и развернутые в Западной России вооруженные силы, чтобы затем достигнуть такой оборонительной линии, с которой советская авиация более не могла бы угрожать территории рейха. Перед ним маячила конечная цель: отсечь азиатскую часть России от европейской по общей линии Волга — Архангельск. Несмотря на отсрочку нападения на 5 — 6 недель из-за Балканской кампании, он надеялся еще до наступления зимы захватить Москву и Донбасс.

По оценкам отдела Иностранные армии Востока (ОКХ), Красная Армия насчитывала тогда 158 боеспособных дивизий, которым противостояли 153 германские (и дополнительно около 40 дивизий союзников). Учитывая такой паритет сил, имевшийся и на Западе в 1940 г., командование вермахта тем более полагало, что ему удастся победно закончить кампанию в короткий срок.

Еще до начала военных действий ОКВ дало служившую в качестве рабочей основы стратегическую директиву, в которой были обрисованы задачи вермахта после разгрома Советского Союза. ОКВ явно хотело избежать ошибок, допущенных во время похода против Франции, и на этот раз принять подготовительные меры также и на период после завершения боевых действий на этом театре войны, чтобы таким образом быстрее и без помех осуществить затем намеченные планы. Именно эта директива №32 обнажила не только континентальную односторонность, но и претенциозные

масштабы германской стратегии, которые грозили взорвать все прежние представления оперативного ведения войны и которые, несомненно, являлись результатом непрерывной серии успешных "молниеносных войн" германского вермахта! Гитлер хотел, не более и не менее, как вслед за победой на Востоке в 1942 г. сокрушить позицию Англии как мировой державы на Средиземном море посредством широко задуманных операций на суше в форме тройных клещей. 60 дивизий должны были держать "Восточный вал" (Архангельск — Волга); один удар предусматривалось нанести из Ливии через Египет с целью пробиться до Сирии; второй — через Болгарию при возможном вовлечении в войну Турции и третий — через Кавказ и далее через Иран, чтобы концентрированным наступлением уничтожить британские позиции.

Псразительные первоначальные германские успехи в приграничных сражениях в России (три группы армий к середине июля, как и предусматривалось, вышли на линию Двина — Днепр), казалось, оправдывали все надежды на быстрое окончание кампании. 23 июля Гитлер заявил, что еще в этом году дойдет до Волги и вступит на Кавказ. За несколько дней до того руководящие чины ОКХ высказали точку зрения, что Восточная кампания вполне может быть выиграна в течение 14 дней. Количество ежедневно захватываемых пленных, а также число разбитых, по донесениям, русских дивизий давали основание предполагать, что главные силы установленных к тому времени советских дивизий, а именно 200 из них, уничтожены и потому как максимум лишь под Москвой можно еще раз ожидать более сильного сопротивления. Когда же подошло время отдавать приказы о том, как следует продолжать операцию после достижения первых целей наступления, Браухич и Гальдер предложили сосредоточить все силы только против Москвы, благо боеспособность подвижных соединений еще позволяла применить их для решающей операции и следовало использовать остававшиеся до зимы два месяца — сентябрь и октябрь. ОКХ надеялось, что ему удастся дать последнюю битву на уничтожение у ворот советской столицы, ибо здесь оно справедливо ожидало столкновения с главной частью еще остававшихся у противника боеспособных сил. Как мы сегодня знаем, Советы действительно сосредоточили для обороны Москвы свыше 40% соединений, имевшихся в их распоряжении на всех фронтах.

Но Гитлер придерживался иного взгляда: для него в первую очередь были важны политико-идеологические и военно-экономические цели. На Севере он желал захвата Ленинграда, чтобы преградить России выход в Балтийское море и одновременно установить связь с Финляндией по суше, а также для того, чтобы уничтожить этот оплот большевизма; на Юге его манили к себе

богатые пшеничные поля Украины. К тому же он рассчитывал использовать продвижение на Кавказ в качестве средства давления на нейтральную Турцию, которую он хотел бы видеть участвующей в войне на своей стороне.

Почти 6 недель, как признавал сам Гитлер, длилось принятие этого "самого тяжелого решения" во всей Восточной кампании. 21 августа 1941 г. оно было принято вопреки предложению ОКХ. Основной тон и характер этой директивы давали понять, что верховный главнокомандующий вермахта едва ли собирается прислушиваться к советам своего ближайшего военного окружения, если взгляды этого окружения не совпадают с его собственными. "Предложение сухопутных сил о продолжении операций на Востоке от 18.8 не согласуется с моими намерениями. Я приказываю следующее..." — так начинались его высказывания, в которых он называл Москву последней после Ленинграда, Крыма и Донбасса целью наступления. Это далеко идущее решение еще сильнее ударило по ОКХ, которое уже с августа с несомненной обескураженностью вынуждено было констатировать, насколько сильно недооценило оно способность Советского Союза к сопротивлению и имеющиеся у того возможности в кадровом, техническом, а также и в политическом отношении. Но понимание этого пришло слишком поздно. Тем не менее Гитлер неоднократно отмахивался от вполне оправданных предостережений генерального штаба, называя их "пораженчеством", и более не придавал им необходимого значения, ибо полностью полагался на свою собственную способность выносить суждения! Столь категорично он в оперативное ведение войны еще не вмешивался никогда. Например, под Дюнкерком он, как мы уже отмечали, предоставил Рундштедту, командующему группой армий "А", взгляды которого совпадали с его собственными, самому принять последнее решение.

Теперь Гитлер более, чем когда-либо ранее, был полон решимости целиком и полностью взять на себя обязанности "полководца" и вмешиваться в ход операций не только спорадически.

Но как объяснить эту его постоянно возрастающую и все более зловещую военную заносчивость? Вероятно, ее следует отнести на счет его отнюдь не малозначительного участия в возникновении знаменитого плана "серпообразного удара", который создал предпосылки для победы на Западе в 1940 г. Вопреки многим утверждениям сегодня можно констатировать, что Гитлер еще в конце октября 1939 г. в самом узком военном кругу поставил на обсуждение вопрос, не является ли германский план наступления с целью прорыва и окружения южнее линии Мааса, Льежа и Намюра перспективнее, чем ранее выработанный оперативный план, для того чтобы отрезать и уничтожить все, что противник бросит в Бельгию. Итак, здесь впервые прозвучала эта крупная идея, причем

за несколько дней до того, как (тогда еще генерал) Манштейн предложил ОКХ свою знаменитую разработку для наступления на Западе, которая с различными модификациями и обеспечила в мае 1940 г. военный успех. В это время Гитлер еще сильно зависел от окончательного суждения своих военных советников. Так как его предложение по различным причинам было отклонено, он уступил. Но когда он в феврале 1940 г. (минуя официальный путь) узнал о так называемом плане Манштейна, то неожиданно для самого себя обнаружил, в какой большой мере его первоначальная мысль оказалась близка к идее Манштейна — этого признанного гения генерального штаба!

Гитлер не обладал ни военным опытом, ни соответствующим образованием; среди ведущих умов вермахта он был дилетант. Поначалу он высказывал свои планы большей частью в виде спонтанных экспромтов или как бы случайно в разговоре. Это были молниеносные озарения и в гораздо меньшей степени — конкретные предложения, причем не вполне продуманные и не обоснованные до конца. Не владея аргументацией офицера генерального штаба, он давал полную волю всем своим интуитивным и внезапным мыслям. Импровизационно сказанное им его военные советники должны были облекать в надлежащую форму.

Неоднократно справедливо подчеркивалось, что Гитлер был в военной области кем угодно, но только не глупцом. Способность быстро схватывать суть дела, удивительная память на военные факты и цифры (которые, правда, не всегда выдерживали критическую проверку) и его особенная любовь вникать во все тактические подробности и до последней детали разрабатывать трудные частные или специальные операции — таковы были наиболее бросающиеся в глаза качества этого военного самоучки, который, кстати, неустанно старался освоить самые разные проблемы ведения войны. Едва ли он сознавал четкие границы между чисто тактическими, оперативными и стратегическими соображениями. Ему было не по нраву трезво делать логические выводы, отчего он и к началу войны все еще не мог принимать самостоятельные решения оперативного уровня. В этом он во многом зависел от своих военных сотрудников, из числа которых наиболее сильное, однако до сих пор еще подробно не изученное влияние на его военное мышление и действия оказывал Йодль.

Когда же поход на Запад доказал превосходство германского военного инструмента, в психологии Гитлера произошло глубокое изменение: его все больше стала обуревать безумная идея быть "полководцем", который благодаря своей безошибочной "интуиции" может совершать то же самое, что и высококвалифицированные генералы и генштабисты! Теперь они давно уже не являлись для него неоспоримыми профессиональными авторитетами; наоборот,

он испытывал к этим военным специалистам растущее недоверие, почти что презрение. И это должно было вести ко все более роковым последствиям, по мере того как он шаг за шагом продолжал снижать значение ОКХ, этого специально предназначенного для руководства сухопутными войсками органа, и в конце концов фактически отстранил его от командования.

Но обратимся вновь к ведению войны в России. Наступление Гитлера на Юге, завершившееся успешной битвой за Киев, снова задержало на несколько недель решающий удар по Москве. После перегруппировки сил 2 октября 1941 г. началась операция "Тайфун", на которую ОКХ возлагало столь большие надежды. Шестью армиями наступала группа армий "Центр" под командованием фельдмаршала фон Бока, чтобы захватить столицу Советского Союза, а вместе с тем крупнейший транспортный и железнодорожный узел и нанести Красной Армии последний, уничтожающий удар. Однако ведшиеся до тех пор суровые бои на Востоке оставили уже свои зримые следы: в подвижных частях этой группы армий сохранилось лишь 30 — 40% их состава. Впервые стало доставлять немалые трудности снабжение войск, так как пропускная способность железных дорог оставалась намного ниже расчетной. К тому же далеко не все рельсовые пути были перешиты на германскую колею, да и налеты партизанских отрядов мешали функционированию транспорта.

Несмотря на это, сначала казалось, что все идет по желанному пути. Имперский шеф печати Дитрих даже заявил 9 октября 1941 г. по радио, что русский колосс повержен и больше никогда не поднимется. Не успел он это сказать, как факты уличили его во лжи! Начавшийся период распутицы замедлил быстрое продвижение группы армий "Центр", особенно моторизованных соединений, по безнадежно плохим дорогам России и предъявил высочайшие требования к снабжению и обеспечению войск (транспортные колонны были преимущественно колесные, помочь же здесь могли только гусеничные транспортные средства). Хотя советские историки и по сей день недооценивают это обстоятельство, оно явилось важным фактором последующей неудачи. Ведь наступление на Москву на несколько недель увязло в грязи и замедлилось. Между тем Советы получили ценную передышку для обороны Москвы; только в период морозов в середине ноября германским войскам удалось снова значительно продвинуться вперед. К северу от Москвы они приблизились к каналу Москва — Волга (в 30 км севернее столицы). Но теперь немецкие войска, находившиеся в непрерывных боях с июня 1941 г., оказались на пределе своих сил!

В то же самое время на южном участке германо-советского фронта был захвачен Ростов-на-Дону, но его пришлось вскоре снова сдать. На Севере наступление тоже успеха не имело: Ленинград отразил все атаки группы армий Лееба. Несмотря на данную 1 декабря 1941 г. командующим группой армий "Центр" оценку обстановки как весьма серьезной (на 1000 км линии фронта у него имелась в резерве всего одна дивизия!), верховное главнокомандование вермахта, включая и ОКХ, приказало предпринять все для того, чтобы ценой последнего, крайнего напряжения сил достигнуть огромной поставленной цели, даже если войска совершенно выдохнутся.

Но все произошло не так, как надеялись. Наступила суровая русская зима, которая создала величайшие трудности для не подготовленных к таким погодным условиям немецких войск, а также парализовала движение рельсового и колесного транспорта по растянутым на 1500 км коммуникациям. К тому же 5 декабря 1941 г. началось первое, неожиданное контрнаступление Советов под Москвой. Незаметно для германской воздушной разведки вражеское Верховное главнокомандование подтянуло из своих стратегических резервов (особенно из Сибири) сильные, превосходно оснащенные для ведения войны зимой соединения и бросило их в бой, усилив их еще и нерегулярными частями импровизационного характера. Оно было вынуждено сделать это независимо от поведения на русской восточной границе японцев, с которыми в апреле 1941 г. был заключен договор о нейтралитете, ибо падение Москвы имело бы не только военные, но и тяжкие психологические последствия для боевой воли собственного народа!

В то время как командование вермахта в процессе этого первого крупного кризиса в ходе войны смогло перебросить на угрожаемый участок фронта до февраля 1942 г. всего 9 дивизий из своего резерва (и к тому же как раз в этот момент ввиду положения на Средиземном море оказалось вынуждено отправить на Сицилию крупные части 2-го воздушного флота), Советы, по немецким данным, усилили свой Западный фронт 50 пехотными и 17 танковыми дивизиями. Обладая весьма различной боеспособностью, эти дивизии делали под Москвой все, что было в их силах. Первоначально Советы намеревались остановить далеко продвинувшиеся немецкие передовые соединения и в меньшей степени пытались разгромить группу армий "Центр"; это намерение появилось у них только тогда, когда их операции стали успешно развиваться.

В этой критической ситуации категорический приказ Гитлера от 16 декабря 1941 г. оказывать фанатическое сопротивление и не отступать ни на одну пядь был, как единственный выход из положения, возможно, и оправдан; чисто психологически он, несом-

ненно, возымел свое действие и способствовал тому, чтобы оборонительные бои не превратились в катастрофу. 15 января 1942 г. Гитлер по настоянию ОКХ утвердил общее отступление на зимние позиции, которые следовало удерживать, несмотря на все вражеские атаки.

* * *

он сам погиб!

Так провалился крупный план разгромить Советский Союз за несколько месяцев, чтобы снова со всей силой возобновить борьбу против Англии; конец германских молниеносных кампаний уже обозначился! Еще в 1939 г. Гитлер мог с гордостью указывать на свое "деяние, достойное государственного мужа", выразившееся в том, что благодаря ему Германия сражается только на одном фронте; теперь же война на два фронта стала фактом, о котором Геббельс позже заметил в своем дневнике: такая война "рейхом еще никогда не выигрывалась". Сила сопротивления западных союзников и Советов в результате этого первого очевидного поражения германского вермахта значительно возросла, а нимб его "непобедимости" был разрушен. Англия же настоятельно нуждалась в передышке, чтобы ускорить свое вооружение и улучшить боевую подготовку своих соединений.

Недооценка русских пространств, а особенно людских и материальных сил и резервов Советского Союза была одной из главных причин неудачи Гитлера. К тому же большевистский режим оказался более способным к сопротивлению, чем предполагалось. Разумеется, этой германской неудаче содействовали и необычные климатические условия, а также упорное сопротивление вражеских войск. Советы провозгласили свою борьбу "Великой Отечественной войной" и тем самым пробудили в русском народе все национальные чувства и страстное желание защищать свою Родину; за многие века истории России такой призыв всегда открывал огромные источники силы для борьбы против иностранных интервентов.

Однако здесь следует внести корректив в широко распространенное заблуждение: военная победа в 1941 г. (захват Москвы) вряд ли привела бы к желанному повороту в ходе войны в пользу Германии! Было бы роковым заблуждением говорить здесь об "упущенной возможности". Советы, как это достаточно показали и последующие операции, еще далеко не исчерпали свои человеческие и материальные силы, хотя произошло это в немалой степени и благодаря американской помощи техникой и военными материалами. Но определяющим оставалось то, что Гитлер хотел не только уничтожить военные силы своего противника (законное стремление всех ведущих войну), но и осуществить планы, идущие гораздо дальше. Еще до начала военных действий против СССР он охарактеризовал предстоящую борьбу на Востоке как борьбу ради

уничтожения большевизма; он был полон решимости расчленить Россию, беззастенчиво эксплуатировать ее как колониальную территорию и деспотически подавлять "восточных унтерменшен". С этой целью он требовал от немецкого солдата безжалостной твердости, ибо не задача Германии "консервировать" врага. Более того, он требовал отказаться от старого понимания солдатской и боевой чести лишь для того, чтобы еще радикальнее осуществлять в захваченных областях свои собственные замыслы. Учитывая такие безумные военные цели на Востоке, являвшиеся выражением тоталитарной национал-социалистской идеологии, ожидание от противника уступок или предупредительности было совершенно исключено. Идеалы многих добровольцев — испанцев, французов, фламандцев, валлонцев, норвежцев, датчан, хорватов, словенцев, нидерландцев и швейцарцев, считавших, что они борются на стороне стран "оси" за лучший порядок в Европе, подверглись такому же ужасному извращению, как и взгляды старых немецких солдат.

Но Москва означала большую цезуру в германском ведении войны и с другой точки зрения. Как отмечалось выше, Гитлер уже до осени 1941 г. неоднократно вмешивался в ее оперативное ведение, придавая последнему особые акценты. В так называемых директивах фюрера он определял стратегию большей частью в общих рамках, оставляя все же составным частям вермахта относительную свободу действий в их реализации. Теперь же он взял в свои руки все командование, особенно сухопутными войсками, отдавая приказы со всеми подробностями, вплоть до указания многих дивизий и некоторых полков, и ставил перемещения на поле боя в зависимость от своего личного решения; к тому же только он один являлся хозяином сложного и многослойного механизма военного аппарата. Еще до Дюнкерка он лишил власти ОКХ, а отставкой Браухича 19 декабря 1941 г. этот процесс был завершен. За несколько дней до того начальник генерального штаба записал в своем дневнике: "Теперь главнокомандующий сухопутными войсками больше даже не почтальон!" Это был потрясающий итог! Гитлер лично принял на себя командование сухопутными войсками, заявив при этом: осуществлять кое-как оперативное командование может каждый, а дело заключается в том, чтобы воспитывать армию в духе национал-социализма. Отныне он деспотически, спонтанно и, по большей части не слушая никаких советов, единолично определял закон ведения войны, не считаясь ни с какими максимами оперативного искусства. Но закат германского генерального штаба сухопутных войск как командного органа влек за собой катастрофу всей армии.

Правда, критические дни под Москвой сильно потрясли и Гитлера. Но после того как он возложил ответственность за поражение, с одной стороны, на "стихийные силы природы", а с другой — на "генералов во главе с Браухичем", сделав их козлами отпущения, Гитлер очень быстро восстановил свою прежнюю самоуверенность. Теперь он своим руководством должен добиться избавления от того, что, как говорил он Геббельсу, было опошлено постоянным "встреванием генералов в разговор"! И все же: были ли Гитлер готов извлечь уроки и сделать выводы из опыта сражения за Москву и заново продумать и взвесить военные возможности на всех фронтах? Это был вопрос очень важный, от ответа на который зависело многое.

Можно с уверенностью сказать: с кризисом под Москвой он еще раз справился. Хотя его стратегия и потерпела провал, но, в свете тех месяцев (и об этом забывают многие критики) речь все же шла меньше о поражении, которое *post festum** становится ясным каждому наблюдателю, чем о неудаче, которая не проникла глубоко в сознание немецкого народа, в частности, и потому, что с декабря 1941 г. начались крупные успехи японцев, ловко выдвигаемые на первый план министерством пропаганды. Личная репутация Гитлера как "полководца" осталась неумаленной, а некоторое время спустя и войска на Восточном фронте снова прониклись чувством своего безусловного превосходства.

Но решение исхода войны на Востоке стало в 1942 г. еще настоятельнее необходимым, поскольку Гитлер, в своей легкомысленной переоценке японской силы, вместе с Италией в декабре 1941 г. объявил войну Соединенным Штатам Америки. Это означало тяжкую психологическую ошибку, хотя в тот момент вступление Америки в войну на стороне Англии было ввиду взаимной симпатии и тесного союза между обоими народами неизбежным, а открытый конфликт с США в результате подводной войны теперь давал Германии полную свободу действий. Отныне странам "оси" и их союзникам противостояли 75% населения, промышленности и сырья всего мира!

Германский оперативный план летнего наступления 1942 г. позволял сначала предположить, что Гитлер извлек выводы из опыта зимы 1941/42 г. Вместо прежних трех наступательных авангардов (групп армий "Север", "Центр" и "Юг") он хотел создать центр тяжести на южном участке германо-советского фронта: его оперативной целью являлась русская южная граница. На Севере следовало взять Ленинград, чтобы наконец установить связь с финнами по суше. С захватом остальной части Украины, Донецкого бассейна и Кавказа Гитлер надеялся заполучить "источники военно-экономической силы" Советского Союза (уголь, железная руда,

* позднее (лат.).

нефть); на пути туда должна была быть "окончательно уничтожена еще оставшаяся военная сила" противника! Как сказал Гитлер Геббельсу в одной беседе, он хочет на этот раз своевременно закончить операции и занять "зимние квартиры". При этом он предполагал создать на Востоке гигантскую оборонительную линию ("Восточный вал"), чтобы затем приостановить поход на Восток и через Сирию — Египет нанести удар по Англии. Геббельс писал в своих дневниках, что на Востоке дело спокойно может дойти до 100-летней войны, которая не будет доставлять Германии никаких забот: она будет противостоять России, как Англия — Индии.

В директиве №41 от апреля 1942 г. Гитлер приказал провести наступление в четыре фазы: взятие Воронежа; уничтожение вражеских сил между Донцом и Доном; захват Сталинграда с взятием в ходе операции противника в клещи с северо-запада (вниз по течению Дона) и с юго-запада (вверх по течению Дона) и, наконец, поворот на Кавказ. Уже для одной такой операции сосредоточенных на южном крыле войск хватало не полностью. Кроме того, германские соединения в первые месяцы похода на Россию сильно пострадали; это было видно и из доклада об их состоянии и боеспособности от 30 марта 1942 г. Согласно этому докладу, из 162 действовавших на Восточном фронте дивизий полностью пригодны для предстоящего наступления были только 8; 3 — после кратковременного доукомплектования, а 47 — ограниченно пригодны для наступления, причем основная масса могла использоваться в лучшем случае для оборонительных целей. На 16 танковых дивизий приходилось всего лишь 140 боеспособных танков, то есть меньше, чем их необходимо для оснащения одной-единственной танковой дивизии!

Но Гитлер был твердо убежден, что на этот раз одолеет судьбу! В то время как был успешно завершен захват Крыма, начавшаяся в конце июня операция ("Голубой план") первоначально оправдывала возлагавшиеся на нее ожидания. Она снова побудила Гитлера считать, что русские — на пределе своих сил и свои последние резервы они уже ввели в бой под Москвой. Это противоречило оценкам отдела Иностранные армии Востока, который отмечал возрастающую силу Красной Армии. Советы научились на опыте первого года войны: ловким маневрированием они сумели вывести свои главные силы на своем южном фланге из создававшегося немецкого котла и отвести их на восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий.

Разногласия между Гитлером и его пока еще остававшимся в своей должности начальником генерального штаба генерал-полковником Гальдером стали совершенно невыносимы, когда он стал отбрасывать прочь любые советы и неоднократно по своему произволу менять группировку войск их переброской. Гальдер писал

23 июля 1942 г. в своем дневнике: "<...>все еще имеющаяся недооценка вражеских возможностей постепенно принимает гротескные формы и становится опасной<...> О серьезной работе не может быть и речи. Болезненное реагирование на мгновенные впечатления и подчеркивание одних только недостатков в оценке руководящего аппарата и его возможностей — вот то, что определяет характер этого так называемого руководства". Сверх того, в своей подписанной в тот же день директиве №45 Гитлер дал понять, насколько далеко его стратегия отошла от классических принципов ведения войны: вместо первоначально предусмотренных эшелонированных операций он теперь призывает провести расходящееся по направлениям одновременное наступление к Волге и на Кавказ. Тем самым силам, которые к началу летнего наступления занимали фронт протяженностью 800 км, теперь приказывается захватить полосу протяженностью 4100 км (линия границы) и удерживать ее от вражеских атак! Не говоря о трудностях подвоза и снабжения, которые должны были возникнуть вследствие этого, стратегическая цель уже никоим образом не соответствовала наличным средствам. К тому же боевые действия в июле 1942 г. доказали, что ни на пути к Волге, ни на Кавказе главные силы советских войск разбить было нельзя.

В этом лежала главная причина позднейшей трагедии 6-й армии.

Путь к Сталинграду, сам замысел операции по директиве от 23 июля 1942 г. стали роковыми.

Хотя оба наступательных крыла в августе — сентябре действовали еще успешно (группа армий "А" 21 августа подняла на Эльбрусе имперский военный флаг и преодолела своими горноегерьскими дивизиями Главный Кавказский хребет и продвинулась на расстояние 30 км до Сухуми, между тем как 6-я армия и 4-я танковая армия пробились в западную и северную части Сталинграда), они уже находились на крайнем пределе своих возможностей, к тому же не хватало горючего для подвижных соединений. Вместо того чтобы принять решение пожертвовать либо Кавказом, либо Сталинградом, дабы выстоять зимой, заняв укороченную линию фронта, Гитлер и дальше настаивал на овладении и удержании обеих позиций, хотя сам же считал далеко выдвинувшуюся дугу германского фронта на Дону и Волге опасной. Но, как это часто случалось у него, от осознания до вывода, то есть действия, путь был долог. К тому же своей собственной пропагандой, возвестившей 8 ноября 1942 г.: "Сталинград уже у нас в руках", он сам лишил себя какой бы то ни было оперативной свободы и свободы принятия решений.

Советы обнаружили слабые места германского фронта на Дону (здесь стояли части союзников — Румынии, Италии и Венгрии) и тщательно провели подготовку операции на окружение. Они так замаскировали свои приготовления, что германское командование (ОКХ) ожидало наступления против группы армий "Центр".

19 ноября 1942 г. враг превосходящими силами перешел в контрнаступление севернее и южнее Сталинграда, прорвал линию фронта на участке румынских войск, за пять дней окружил 6-ю армию. Командующий ею генерал Паулюс тотчас же попросил у Гитлера свободы действий, чтобы пробиться со своей армией из котла, но тот отклонил эту просьбу, твердо заверив, что своевременно деблокирует ее, а до тех пор будет снабжать при помощи люфтваффе; последнее же было делом Геринга, который легкомысленно поручился, что обеспечит снабжение окруженных соединений по воздуху. Главным для Гитлера, как он заявил при обсуждении обстановки новому начальнику генерального штаба сухопутных войск [Цейтцлеру], был прежде всего "фанатический принцип" — удержать Сталинград во что бы то ни стало, ибо сдать его означало потерять всю технику и город навсегда. А этого он не хотел и не мог сделать хотя бы уже из соображений собственного престижа!

В послевоенное время публицисты неоднократно и крайне резко критиковали Паулюса за то, что тот в первые дни ноября не предпринял прорыва на собственную ответственность, чтобы спасти 6-ю армию. Сколь мало учитывают они тогдашнее положение: ведь вера войск в свои силы еще не была утеряна и до тех пор высшее командование всегда справлялось со всеми кризисами! Кроме того, командование армии в окопах Сталинграда едва ли могло правильно судить, достаточно или нет имеет ОКХ сил для деблокады, а только что назначенный командующим группой армий "Дон" фельдмаршал фон Манштейн пользовался почти легендарным доверием; действия вопреки его решению совершенно выходили за рамки военных соображений командования 6-й армии.

Так и сражалась 6-я армия, заняв круговую оборону и надеясь на деблокаду извне и на снабжение по воздуху! Однако транспортные соединения 8-го авиационного корпуса вместо предусмотренных 300 т могли доставлять в котел ежедневно в среднем не более 90 т! Кроме того, соединения армейской группы Гота продвинулись в направлении Сталинграда всего на 48 км, затем они были вынуждены уступить сильному советскому натиску, особенно потому, что критическое положение группы армий "Дон" потребовало перегруппировки сил. 16 декабря Советы прорвали линию фронта и в полосе 8-й итальянской армии, в излучине Дона южнее Воронежа,

наносся главный удар на Ростов, чтобы одновременно отрезать группу армий "А" (Кавказ) и группу армий "Дон". Таким образом, Сталинград означал для Манштейна отнюдь не единственную и не последнюю проблему!

Между 19 и 22 декабря 1942 г. теоретически еще имелась последняя возможность для командующего 6-й армией вопреки полученным указаниям решиться на прорыв. Но Паулюс, воспитанный в духе германского военного мышления и повиновения, не захотел действовать без приказа вышестоящего командования. Поскольку же то не могло добиться от Гитлера разрешения на прорыв, Паулюс продолжал держаться в котле. Сегодня едва ли можно в точности судить, имела бы в тот момент перспективу на успех попытка прорыва кольца окружения, тем более что армия обладала незначительными запасами горючего, и что произошло бы тогда с огромным числом раненых. Подавляющее превосходство Советов в силах заставило 6-ю армию в конце января 1943 г. капитулировать. Сегодня мы знаем, что Сталинград временами сковывал 7 вражеских армий (66, 62, 64, 57, 2, 65 и 24-ю), насчитывавших более 60 дивизий, которых противнику частично не хватало во время его опасного удара в направлении устья Дона. Таким образом, Манштейн смог остановить вражеский удар и вновь стабилизировать весь Южный фронт, в то время как группа армий "А" (Кавказ) осуществляла основательно подготовленное отступление до Таманского полуострова (западнее Краснодара).

* * *

Сталинград был одной из крупнейших катастроф германской стратегии войны. Но она не являлась единственным и только лишь одним имевшим решающий характер поражением стратегического масштаба. В ноябре союзники высадились крупными силами в Алжире и Марокко; в то же самое время Роммелю пришлось под Эль-Аламейном со всей своей армией неудержимо отступать на запад, и отступление это закончилось в мае 1943 г. капитуляцией группы армий "Тунис". Именно эти три события и происшедший весной 1943 г. крах германской подводной войны означали в военном отношении поворотный пункт второй мировой войны. Генерал Йодль, ближайший советник Гитлера, признавал позже, что с этого момента "бог войны" отвернулся от Германии и переместился в другой лагерь. Военными средствами войну было больше не выиграть! Нейтралы и союзники Германии начали теперь все больше терять доверие к гитлеровской стратегии; психологическое воздействие этих поражений на немецкий народ было значительным. Стало вновь возрастать сопротивление групп дальновидных и сознающих свою ответственность политиков и военных системе,

которая и не думала делать необходимые выводы из изменившейся обстановки. Наоборот, она делала все для того, чтобы не закончить войну, даже если для этого придется принести в жертву немецкий народ, превратить Германию, наконец всю Европу в сплошные руины.

Между тем в тени описанных выше боевых действий находились с лета 1940 г. сначала итальянская, а затем совместная стратегия стран "оси" в Средиземном море. В послевоенные годы об этом написано много верного и отвечающего сути дела, но вместе с тем также много неправильного и неточного. Какие ошибочные решения на этом театре военных действий способствовали военной катастрофе 1945 г.?

Еще до начала второй мировой войны Италия ясно осознала, что в случае столкновения с Францией и Англией решающие события произойдут в Северной Африке и потому важно захватить британскую мощную военную крепость Мальту, а если возможно, то и Тунис (чтобы таким образом сохранить жизненно необходимую связь с собственными колониальными территориями). Однако никаких предназначенных для этого приготовлений ею предпринято не было. Поначалу, еще будучи "не ведущей войну", Италия очень скоро почувствовала на себе воздействие британской блокады Германии, когда весной 1940 г. столь важная для нее транспортировка немецкого угля морем была объявлена контрабандой. После крайне поспешного вступления в войну Муссолини прежде всего стремился расширить свои позиции на Средиземном море, разрушив "итальянскую тюрьму", стенами которой служили Гибралтар, Суэц и Дарданеллы, а выходами — Корсика, Тунис и Мальта.

В духе "политики разделения оперативных сфер" (Германия ведет войну севернее Альп, а Италия — южнее их) Гитлер полностью доверил борьбу на Средиземном море своему партнеру по "оси", несомненно роковым образом переоценив при этом итальянские возможности ведения боевых действий. Сюда добавилось еще то, что, несмотря на заключенный в мае 1939 г. военный пакт между Германией и Италией, никакие совместные военные цели установлены не были и соответствующие планы обсуждению не подвергались. Это упущение явилось первой фундаментальной ошибкой: вместо того чтобы тщательно координировать свои оперативные мероприятия на суше, на море и в воздухе, политическое руководство обеих сторон старалось сообщать другой стороне ровно столько, сколько требовала дипломатическая вежливость! Так, к примеру, весной 1940 г. не удалось скоординировать намеченные наступательные действия против Франции на Рейнском фронте. С одной стороны, преобладало взаимное недоверие, которое для ведения любой коалиционной войны служит зародышем поражения, а с другой — именно генеральный штаб итальянских вооруженных

сил всячески противился вступлению своей страны в войну, ибо считал оснащение и боевую подготовку собственных войск совершенно недостаточными. Однако честолюбивый и стремящийся к самоутверждению Муссолини навязал свою волю генералам, предаваясь тщеславной надежде выиграть войну в кратчайший срок. Вот почему не было проведено никаких оперативных приготовлений для такой кампании, а сами итальянские вооруженные силы ввиду своей ограниченной боеспособности оказались не на уровне предъявленных им требований.

Какие представления были свойственны итальянцам в первые месяцы войны, видно из одного высказывания их военного министра в апреле 1940 г.: они хотели в "подходящий момент" повести "параллельную войну", однако "не вместе с Германией и не за нее, а за Италию". Это намерение было еще одним тяжким нарушением принципов ведения коалиционной войны. Характерным для этого братства по оружию на высшем уровне было как раз то, что оба главы государства взаимно преподносили друг другу обескураживающие *fait accompli**. Гитлер начал с того, что поставил Италию перед такими совершившимися фактами, как вступление в Прагу, заключение германо-советского пакта в 1939 г., высадка в Норвегии, посылка германской военной миссии в Румынию (итальянский министр иностранных дел хотя и был проинформирован, но, очевидно, не передал эту информацию Муссолини!). То же самое произошло при захвате Крита, а затем позже — при начале похода на Россию. Вполне понятно, что Муссолини реагировал на это подобным же образом: 18 октября 1940 г. он напал на Грецию, не известив об этом предварительно Гитлера. Муссолини верилось, что он сможет применить здесь рецепт "блицкрига" столь же успешно, сколь и его партнер, и это имело необозримые последствия!

В июне 1940 г. Италия хотя и проявила инициативу в действиях против Мальты (уже 11 июня она впервые подвергла воздушной бомбардировке эту британскую военно-морскую базу), но несколько дней спустя итальянское адмиралтейство оценило положение таким образом, что захват острова пока необходимым не является; небольшой радиус действия вражеских торпедоносцев серьезной угрозы для снабжения Ливии морским путем не представляет, да к тому же оно может осуществляться за пределами радиуса действия английской авиации. А потому достаточно парализовать военный потенциал противника блокадой и налетами авиации.

Здесь не место подробно останавливаться на вопросе, возымела бы успех исподволь подготовленная высадка итальянцев на Мальту; ее гарнизон состоял в то время из 5 боеспособных батальонов и одного территориального полка с 3 самолетами. Однако приходилось считаться с решительными действиями франко-британского флота

* совершившиеся факты (фр.).

в Средиземном море. Но после Французской кампании соотношение сил изменилось в пользу Италии. Как бы то ни было, в рамках ведения войны на Средиземном море Мальте суждено было оставаться для Италии "стрелой в ее теле", особенно в том случае, если бы англичанам удалось сохранить и укрепить ее как морскую и авиационную крепость, превратив таким образом в центр военных действий против итальянских коммуникаций. Но именно командование итальянских вооруженных сил с самого начала упускало возможности необходимых энергичных действий.

Однако решающую роль здесь сыграло то, что Муссолини, подозревая германскую сторону в претензии на руководство всеми, в том числе и итальянскими, военными действиями, с октября 1940 г. отказывался от предложений Гитлера поддержать его борьбу против Великобритании в Африке посылкой туда танковой дивизии и авиационного корпуса. Таким образом, по политическим причинам первоначально нечего было и думать после окончания наступления на Западе перенести центр тяжести германского ведения войны (скажем, с августа 1940 г.) на Средиземное море, как того неоднократно требовали в особенности главнокомандующий военно-морским флотом гросс-адмирал Редер, германский адмирал при итальянском адмиральском штабе и начальник германского штаба связи при главнокомандовании итальянских вооруженных сил. В своих отчетах и докладах они подчеркивали, что Италия одна не в состоянии устранить Англию из Средиземного моря; к тому же необходимо крепко удерживать в своих руках Французскую Северную Африку, чтобы создать в ней укрепления на случай вражеских высадок и одновременно усилить морскую войну против британских коммуникаций в Атлантике.

Положение изменилось только тогда, когда Италия после незначительных первоначальных успехов оказалась вынужденной остановить предпринятое по приказу Муссолини, вопреки сопротивлению генералов, наступление на Египет, а затем перейти к обороне и в конечном счете потерпела сокрушительное поражение. К неудаче привела и авантюра в Греции. Кроме того, сильный, но страдавший комплексом неполноценности в отношении английских военно-морских сил итальянский флот получил тяжелый удар при Таренте (ноябрь 1940 г.), а затем в марте 1941 г. пережил у мыса Матапан такое поражение, которое, с одной стороны, заметно изменило соотношение сил на море в пользу Великобритании, а с другой — вынудило итальянский военно-морской флот, не имевший достаточной морской авиации для ведения разведки, в дальнейшем вести более чем осторожные, не нацеленные на решающий исход операции. Ввиду этого угрожающего хода развития теперь усилились обращенные к союзнику призывы итальянского верховного командования поддержать его оборонительные бои наземными и

воздушными силами. Гитлер, пораженный таким оборотом дела, приказал прежде всего перебросить на Сицилию авиационный корпус, который должен был бороться против английского судоходства в восточном и западном Средиземноморье. Тем самым было положено начало растущему бедствию раздробления германских сил.

* * *

В начале 1941 г. Гитлер решил в качестве дальнейшего шага направить в Ливию с оборонительной целью достаточно крупное танковое заградительное соединение, чтобы при всех условиях не допустить грозящей потери Северной Африки, так как ожидал, что эта потеря окажет отрицательное психологическое воздействие на боевой дух итальянских войск. Когда же в феврале 1941 г. генеральный штаб ВВС на основании приобретенного 10-м авиационным корпусом опыта тоже указал на значение Мальты, охарактеризовав ее как опасный "бастион" Англии, Гитлер потребовал от Муссолини полного разрушения этой британской военно-морской и военно-воздушной базы. К этому моменту и штаб оперативного руководства вермахта в своей памятной записке, составленной совершенно в духе ведения морской войны, подчеркнул необходимость срочно захватить Мальту.

Твердого решения задач успешной морской войны стран "оси" (руководимой со стороны Германии ОКВ) можно было ожидать лишь в том случае, если боевые действия в Северной Африке будут обеспечены достаточным снабжением.

Но Гитлер, который считал германские операции на Балканах и в Ливии прежде всего мерами по поддержке Италии и в меньшей степени предназначенными нанести там Англии смертельный удар, отнесся к захвату Мальты весьма скептически. Да и результаты разведки показывали, что высадка с воздуха на остров связана с большими трудностями. Поскольку же Гитлер полностью был во власти своих планов насчет России, он гораздо сильнее интересовался восточной частью Средиземного моря, где ему более важным казался захват Крита. В конце апреля 1941 г. он (поддержанный генералом Штудентом, командиром авиационно-десантного корпуса) приказал захватить Крит, что с большими потерями и удалось сделать в мае 1941 г.

За несколько недель до того генерал Роммель, вновь назначенный командир германского Африканского корпуса, принял смелое решение атаковать британский заградительный рубеж у Мерса-эль-Брега. Неудержимо продвигаясь вперед в боях с ослабленными Греческой кампанией англичанами, он в апреле пробился к египетской границе, однако взять Тобрук ему все же не удалось! Тем не менее в результате вмешательства германского вермахта

общее положение на Средиземном море стало менее напряженным и снова изменилось в пользу держав "оси", хотя проблема единого командования на этом театре военных действий так и осталась до конца не решенной. Новое предложение взять Мальту и более крупными силами предпринять наступление к Суэцкому каналу снова оказалось нереализованным: тем самым опять был упущен благоприятный момент для того, чтобы добиться здесь решающего поворота.

Как явствует из одобренной Гитлером памятной записки ОКВ о стратегическом положении к концу лета 1941 г., сначала следовало устранить Советский Союз как фактор силы, чтобы затем в 1942 г., "если можно, используя французские и испанские позиции" и при участии Турции "развернуть в полной мере битву в Средиземном море против Англии". Теперь Гитлер торопил Муссолини овладеть Мальтой, но Италия не имела для этого подготовленных специальных войск (парашютистов). Тем не менее генеральный штаб итальянских вооруженных сил приступил к разработке первых операций по захвату этого вражеского опорного пункта, однако, как обычно, без участия германских командных органов.

В то время как германские наступательные авангарды на Востоке пробивались к Москве, усиленные британские войска в Северной Африке предприняли наступление на Роммеля и, обладая превосходством в живой силе и вооружении, вынудили его отступить с позиций у Мерса-эль-Брега. Кроме того, они надеялись повести с Мальты более активную борьбу против транспортных судов вооруженных сил стран "оси", в результате чего потери последних возросли до 45%. (Часто называвшиеся в литературе цифры 63 и 77% опровергнуты в официальном труде итальянского адмиралтейства так же обоснованно, как и неоднократные упреки, будто итальянский флот недостаточно активно действовал для обеспечения германского подвоза в Северную Африку.)

Это вновь становящееся критическим положение в районе Средиземного моря побудило Гитлера отправить в Италию части 2-го воздушного флота, действовавшего на Востоке (главнокомандование "Юг", фельдмаршал Кессельринг). Повторявшиеся крупные авиационные налеты в декабре 1941, в январе и особенно в апреле 1942 г., а также использование 24 подводных лодок в конечном счете принесли германским войскам в Африке существенное облегчение; потери транспортных судов сократились до 2%, так что Роммель вскоре нашел в себе силы приступить к возвращению Киренаики. В середине февраля 1942 г. он уже находился у Эль-Газалы. Теперь во второй раз имелись все предпосылки для того, чтобы обезвредить угрожающий остров. Как кажется, совместными усилиями ОКВ, ОКМ и главнокомандования "Юг" все же удалось добиться от Гитлера приказа поддержать итальянские операции

против Мальты. Более того, два офицера германского генерального штаба даже были посланы в особый штаб *Comando supremo** — пожалуй, единственный случай, когда странами "оси" был создан общий штаб по планированию операции.

29 и 30 апреля 1942 г. Гитлер и Муссолини совместно приняли решение в начале мая, самое позднее — в начале июня начать крупное наступление Роммеля против британских оборонительных позиций в Северной Африке (операция "Тезей"). К ней затем в середине июля или в середине августа должна была примкнуть операция "Геркулес", для которой, согласно директиве ОКВ от 4 мая 1942 г., с германской стороны предназначалась 7-я авиационная дивизия, усиленная саперным батальоном и примерно 30 танками.

Но лишь только германская люфтваффе в мае 1942 г. прекратила свои систематические налеты на Мальту (в апреле их было совершено 5700), чтобы полностью переключиться на поддержку наземных операций, как Гитлер вдруг выразил большие сомнения насчет плана "Геркулес" и даже приказал 21 мая штабу оперативного руководства вермахта продолжать подготовку к захвату Мальты только для видимости! Это представляло собой на деле столь же редкостное, сколь и безответственное поведение в отношении своего союзника. Вероятно, тут сыграла свою роль и мысль насчет возможной неудачи, побудившая Гитлера на такой шаг. Но куда важнее здесь было то соображение, что крупное летнее наступление 1942 г. в России гораздо проще и скорее могло приблизить его к желанной цели: после окончательного разгрома Советского Союза сокрушить британские позиции на суше одновременно с севера и юга.

Очевидно, таким и было решение Гитлера, когда Роммель 26 мая 1942 г. перешел в свое предпринятое с такими большими надеждами наступление и захватил в пустыне крепость Тобрук. Выйдя на египетско-ливийскую границу, ему следовало принять решение, надо ли здесь остановиться, чтобы захватить Мальту (за это особенно выступали итальянцы), или же, используя успех, продолжать марш на Каир. Гитлер, точка зрения которого подкреплялась Роммелем, писал 22 июня 1942 г. Муссолини, что в этот "исторический момент", который может явиться "решающим для всего исхода войны", надо непрерывно преследовать британцев до полного их уничтожения уже по одной той причине, чтобы не допустить изменения соотношения сил в ущерб странам "оси" в результате концентрации всех английских и американских войск в районе Средиземного моря. Роммель, увлеченный своими пер-

* Высшее командование (итал.).

воначальными успехами, тоже надеялся на быструю победу и рассеял все сомнения утверждением, что в конце июня будет в Каире, а противник создать оборонительные позиции в дельте Нила не в состоянии.

Не касаясь все еще спорного вопроса, действительно ли в июне 1942 г. существовала альтернатива: Каир или Мальта, которая недавно снова была поставлена под вопрос, надлежит констатировать следующее: в конце июня германо-итальянская танковая армия хотя и достигла линии Эль-Аламейна (100 км западнее Александрии), дальнейшие наступательные операции, затянувшиеся до конца августа, к желанному прорыву не привели. Наоборот, выяснилось, что наличные силы для решающего успеха недостаточны. Войска исчерпали свои силы; основная масса танков была уничтожена или уже небоеспособна. О подброске свежих сил на этот второстепенный и отвлекающий фронт, учитывая сражения на внешней периферии на Востоке, думать не приходилось. Линии фронта застыли!

23 октября 1942 г. британский генерал Монтгомери со значительно превосходящими силами, особенно в танках и самолетах, перешел в контрнаступление, которому дивизии Роммеля не смогли противопоставить на длительный срок чего-либо равноценного; к тому же именно в этот решающий момент стали ощутимы растущие потери в транспортных судах, осуществлявших снабжение. В результате британских атак с воздуха и на море с Мальты их потери в ноябре и декабре 1942 г. превысили 50%. Когда в это же самое время, 7 — 8 ноября 1942 г., крупные союзнические соединения высадились в тылу Африканской армии в Алжире и Марокко, державы "оси" оказались здесь в состоянии войны на два фронта. Учитывая неравное соотношение сил (особенно в воздухе), окончание борьбы тут являлось делом лишь нескольких недель: в середине мая 1943 г. капитулировали последние части германо-итальянской группы армий "Тунис". Таким образом Северная Африка оказалась в руках союзников; они использовали ее как исходный пункт для смертельного удара в "мягкое подбрюшье" держав "оси".

* * *

За годами побед и "молниеносных походов" последовали времена краха и агонии германского рейха, которые следует объяснить и тем, что он уступал противнику по своим силам на суше, на воде, в воздухе и в военной экономике. С весны 1943 г. страны "оси" безнадежно находились в обороне. Даже если бы Германия еще и желала, и была в состоянии оборонять со всех сторон возникшую тогда "Крепость Европа" протяженностью около 15 000 км (Нордкап — Атлантический вал — Италия — Эгей — Россия — Мурманск).

Весь вопрос был в том, сколь долго имеющиеся в ее распоряжении силы и материальные резервы будут достаточны для отражения ожидаемого натиска с Юга, Востока и Запада, а также воздушных бомбежек. Воля Италии к сопротивлению была почти сломлена.

Вражеская атака на объявленный германской пропагандой неприступный бастион началась в его самом уязвимом месте. 10 июля 1943 г. союзники под прикрытием своего господствующего флота высадились на Сицилии; вместе с тем они крупными воздушными налетами (19 июля — 500 самолетами на Рим) стремились подорвать боевой дух итальянцев. Под воздействием быстро обозначившихся вражеских успехов через несколько дней рухнула фашистская система. 25 июля Муссолини был смещен и арестован. Руководство Италией принял на себя назначенный королем Виктором Эммануилом III маршал Бадольо; он сразу же начал секретные переговоры с главнокомандующим союзными экспедиционными войсками генералом Эйзенхауэром, закончившиеся капитуляцией итальянских вооруженных сил. В начале сентября английские и американские войска высадились на южной оконечности Италии; через четыре недели они уже достигли линии Фоджа — Неаполь. До конца года им удалось осуществить прорыв у Сангро и к монастырю Монте Кассино. Там главнокомандующий группой армий "Юг" фельдмаршал Кессельринг на время остановил их.

Тем временем Гитлер 8 сентября начал операцию "Ось", имевшую целью своевременно разоружить итальянские войска и не допустить, чтобы они перебежали к противнику. В то время как значительная часть итальянской армии попала в германские руки, итальянскому флоту в последний момент удалось уйти из Специи на Мальту. В целом же положение в Италии могло стабилизироваться немецкой стороной. Муссолини, освобожденный из Гран Кассо германской особой командой (во главе с эсэсовцем Отто Скорцени. — *Пер.*), 18 сентября провозгласил в северной части страны новую социалистическую республику Италию, которая до самого конца войны носила призрачный характер. Однако новое королевское правительство Италии объявило германскому рейху войну; бывший союзник превратился в нового противника.

В то же самое время на Востоке Советы после провала последнего германского наступления под Курском (операция "Цитадель") окончательно захватили инициативу в свои руки; их продвижение сопровождалось широко задуманной пропагандистской акцией основанного ими и немецкими эмигрантами Национального комитета "Свободная Германия". После того как Красная Армия еще в январе 1943 г. восстановила связь по суше с находившимся в тяжелых условиях Ленинградом, она в августе перешла в крупное наступление против южного крыла германского фронта, через Сталино (ныне — Донецк. — *Пер.*) пробила к нижнему течению

Днепра, освободила весь Донбасс и отрезала германские войска на полуострове Крым. Тем временем на центральном участке она вышла на линию Киев — Гомель — Витебск, оттеснив тем самым группу армий "Центр" на север.

В общем и целом Красной Армии удалось осуществить на фронте протяженностью свыше 1000 км прорыв на глубину почти 300 км. Правда, этими и дальнейшими достигнутыми ею в 1944—1945 гг. успехами она не в последнюю очередь была обязана постоянно изменявшемуся в ее пользу соотношению сил между обороняющимися (немцы) и наступающими (Советы), компенсировать которое на длительный период величайшей храбростью и упорством немецкого солдата-фронтовика было просто невозможно. Число задействованных на Восточном фронте германских дивизий сократилось к началу 1943 г. с 214 до 190 — результат рокового распыления сил и растущего напряжения на всех участках фронта. Советы же, напротив, увеличили число своих соединений следующим образом: стрелковых дивизий (или бригад) — с 442 до 513, танковых дивизий (бригад) — со 186 до 290 и кавалерийских дивизий — с 35 до 45. Всего же наступающим 5,1 млн русских в 1943 г. противостояло 3 млн немцев. Но гораздо больший вес имело возраставшее — от двукратного до троекратного — превосходство противника в технике и вооружении. В феврале 1943 г. Красная Армия имела свыше 7100 танков, в апреле — более 19 000 орудий всех калибров; к тому же она смогла значительно повысить оперативную подвижность своих соединений, так как союзники из своего поистине неисчерпаемого резервуара в огромном количестве поставляли ей грузовики. Два года спустя, в январе 1945 г., советское превосходство частично уже составляло: 7,7:1 — по пехоте, 6,9:1 — по артиллерии, 10,2:1 — по минометам и 4,7:1 — по танкам; кроме того, в военных действиях участвовало более 16 000 боевых самолетов всех видов, 1,8 млн немецких солдат отражали натиск более чем 5,3 млн красноармейцев!

Как же оценивало общее военное положение высшее германское военное руководство к концу четвертого года войны (1943 г.)? Мы обладаем потрясающим документом того времени, а именно конспектом доклада начальника штаба оперативного руководства вермахта генерала Йодля, который он сделал для гауляйтеров 7 ноября 1943 г. Доклад дает нам об этом полное представление! Ближайший военный советник Гитлера не утаил в нем огромные трудности, стоявшие перед германским военным руководством: распыление и нехватка сил, несмотря на борьбу на "внутренней линии"; транспортные помехи при переброске войск и вооружения; диспропорции между потребностью в солдатах и в фабрично-заводских рабочих; поражение подводного флота и кризис в воздушной войне. В общем и целом изложенное им было совершенно трезвой, солдатской

оценкой тогдашнего положения. Какие же позитивные выводы, оправдывавшие в конце 1943 г. "веру в конечную победу", делал в итоге Йодль? Даже приняв во внимание целенаправленное намерение оказать пропагандистское воздействие на высших функционеров нацистской партии, нельзя не признать, сколь ужасающим образом многовековые старые максимы германского военного искусства и ведения войны заменяются здесь фанатической верой в победу тоталитарной идеологии. Создается впечатление, что для Йодля исход этого мирового конфликта в меньшей степени решается батальонами, оружием, танками и самолетами или даже экономическим потенциалом обеих воюющих сторон, чем сознанием "этической и моральной" справедливости германской борьбы, силой революционной национал-социалистской идеи и верой в фюрера, в лице которого впервые со времен Фридриха Великого политическое и военное руководство вновь объединилось ко всеобщему благу. Именно он, безусловно, держит в своих руках тот инструмент, который представляет собой вермахт. Пусть генерал и упоминает о "новом оружии" (однако не говоря о нем конкретно), которое положит конец успехам противника, но в принципе это не что иное, как один-единственный безоговорочный, фанатический принцип борьбы, словно железный закон пронизывающий всю мировую историю, и это наполняет генерала уверенностью. "Как закончится однажды эта война, никто заранее сказать не может", — признает он сам, но Германия победит, "потому что мы должны победить, ибо иначе мировая история потеряла бы свой смысл". Это было больше чем признание банкротства ближайшим военным сотрудником главы германского государства! Здесь уже чувствуется демоническое влияние Гитлера, который вопреки более глубокому пониманию действительности его советниками бессмысленно продолжал войну, чтобы до последней минуты сохранить свою систему господства, которой почти гипнотически подчинялось его ближайшее окружение.

* * *

Вторая мировая война была в такой же мере войной на суше, как и на море. Поэтому тот факт, что Германия уступала своим противникам на море, с самого начала играл значительную роль в исходе конфликта. Для союзнической стороны победа в битве за Атлантику служила предпосылкой для любой более или менее крупной операции против "Крепости Европа". Но этот фактор недостаточно учитывался германским высшим командованием вооруженными силами. В "войне тоннажей", которую в 1939 г. пришлось начать с недостаточными средствами, речь шла о том, чтобы топить вражеский или нейтральный, но используемый противником

тоннаж в большем объеме, чем союзники способны построить вновь. Тем самым руководство морской войной надеялось нанести решающий удар по зависящим от импорта из заморских стран Британским островам, а прежде всего — по осуществляющемуся морским путем текущему снабжению Британского театра войны. При неблагоприятных исходных позициях операции надводных кораблей в Атлантике до лета 1940 г. были почти невозможны или же возможны лишь с большими трудностями. Использование немногих подводных лодок было при больших расстояниях подхода к цели малорациональным и не могло принести решающих результатов.

Коренным образом положение изменилось только с захватом Норвегии и Франции, поскольку теперь в распоряжении Германии имелись более благоприятные исходные базы. Однако число боевых надводных сил, линейных кораблей, крейсеров и вспомогательных крейсеров было недостаточно для того, чтобы даже при хороших результатах боевых операций каждого из них добиться устойчивого воздействия на вражеский тоннаж (до 1941 г. они потопили приблизительно 1 млн брутто-тонн). Исключительно высокий коэффициент полезного действия, которого достигла с осени 1940 до лета 1941 г. каждая отдельная подводная лодка, не мог проявить свою эффективность, ибо само число подводных лодок было слишком мало. Летом 1941 г. Германия начала чувствовать английское превосходство в надводных военно-морских силах, а также последствия введения радаров: германские надводные корабли были изгнаны из Северной и Центральной Атлантики. Только в Южной Атлантике, в Индийском и Тихом океанах еще смогли до весны 1943 г. продержаться вспомогательные крейсера.

Подводной войне, для ведения которой во второй половине 1942 г. все еще не хватало подводных лодок, сильно препятствовала британская система обороны и конвоев, и потому эффективность ее сильно упала. Большие возможности авиации в тоннажной войне использовались в этот период лишь от случая к случаю и с недостаточными силами. Правда, первая половина 1942 г. принесла немецким подводным лодкам в слабо обороняемом районе у северо-и центральноамериканского побережья такие крупные успехи, что они оказали влияние на все планирование союзнических операций 1942 г. Но уже во второй половине 1942 г. подводные лодки были вытеснены из американского прибрежного предполья; поэтому борьба с конвоями была снова возобновлена в Северной Атлантике.

Хотя число подводных лодок значительно увеличилось, число потоплений в расчете на каждую из них за день пребывания в открытом море сильно сократилось. Поэтому операции в условиях улучшившихся оборонительных возможностей противника и далее страдали от нехватки подводных лодок, а особенно из-за отсутствия эффективной воздушной разведки. К тому же подводные лодки

отвлекались на выполнение второстепенных — с точки зрения тоннажной войны — задач, например в Средиземном море или Ледовитом океане, где эффективность их действий была гораздо меньшей. Попытки успешно действовать против конвоев, отправлявшихся в Мурманск, при помощи надводных кораблей и авиации удавались лишь иногда и в значительной степени терпели неудачу опять же из-за недостаточной координации действий различных видов оружия, а особенно с 1943 г. — и из-за совершенно недостаточных сил авиации.

В марте 1943 г. численность подводных лодок наконец достигла того уровня, который Дёниц требовал еще в 1939 г. Действительно, в этом месяце впервые были достигнуты такие большие успехи, что союзники стали всерьез взвешивать возможность отказа от системы конвоев, что было бы равнозначно признанию своего поражения. Но в это же самое время они смогли ввести новые боевые средства, которые привели к провалу германской подводной войны в апреле — мае 1943 г. Это были, во-первых, самолеты дальнего действия с новым радаром "Роттердам" на сантиметровой волне, а во-вторых, самолеты сопровождения и, наконец, создание "Supports groups"* для поддержки конвоев. Все это, вместе взятое, позволило им закрыть "дыру" в системе воздушного наблюдения и оповещения в Северной Атлантике, где подводные лодки действовали с большим успехом, и наступательными действиями прорывать боевые порядки подлодок. После ряда неудач и крупных потерь главнокомандующему военно-морским флотом 25 мая 1943 г. пришлось вывести подводные лодки из Северной Атлантики.

Решение, несмотря на это, продолжать подводную войну базировалось на двух соображениях. Во-первых, подводные лодки скрывали исключительно большой потенциал противника. Не будь опасности со стороны подводных лодок, для налетов на германскую территорию использовалось бы примерно 800 — 1000 тяжелых бомбардировщиков, а для действий против каботажных судов у европейского побережья — примерно 800 кораблей сопровождения, начиная от эсминцев и кончая малыми сторожевыми кораблями. Во-вторых, надеялись с помощью подводных лодок нового типа и новых видов вооружения восстановить превосходство подводного флота над вражеской обороной. Новые подводные лодки были быстроходными, с дизель-электрической силовой установкой и в отличие от прежних, имевших в надводном положении максимальную скорость 7 узлов, способны были более длительное время давать 16 — 17. Таким образом, эти лодки, оснащенные к тому же устройством для работы двигателя под водой — шноркелем, были в состоянии полностью оперировать в подводном положении и обходить вражеские охранения. При тогдашних охранных судах

* Группы поддержки (англ.).

они несомненно могли бы обладать большими тактическими возможностями и революционизировать подводную войну. Но технические недостатки и "детские болезни" привели к тому, что они поступили в боевые соединения только в начале 1945 г., так что эффективного воздействия на ее ход оказать уже не смогли.

К числу новых видов оружия и устройств относились в первую очередь сильное зенитное вооружение, шноркель и особенно новые типы торпед (в частности, самонаводящаяся акустическая торпеда), при помощи которых рассчитывали уничтожать союзнические суда сопровождения, а также атаковать сам конвой с еще более дальней дистанции. Первое неожиданное применение нового оружия было успешным, однако союзническая оборона быстро приспособилась к нему и сделала невозможным, за исключением отдельных случаев, достижение целей старыми подлодками, оснащенными этим оружием. Хотя и можно было помышлять о том, чтобы при помощи новых типов подводных лодок придать подводной войне более широкий размах, выиграть "тоннажную" войну было немыслимо, так как за это время объем кораблестроения союзников увеличился настолько, что его рост был намного больше, чем число потопленных немецкими подводными лодками судов. Пожалуй, эта тоннажная война сложилась бы иначе, если бы еще перед войной в области вооружения были приняты предварительные меры или же по крайней мере до 1942 г. все имеющиеся силы последовательно направлялись на эти цели. А так вторая мировая война оказалась для Германии проигранной и на воде, и под водой!

С 1942 г. стало все более отчетливо заметно, что Германия уступает своим противникам и в воздухе. Это послужило другим решающим фактором для ее поражения в войне, тем более что с 1943 г. центр тяжести в ее ведении переместился с суши в область воздушной стратегии.

Правда, в первые месяцы войны германская люфтваффе благодаря численному превосходству, современному оснащению и мастерству летного состава частично даже могла завоевывать господство в воздухе над различными оперативными районами, что имело важное значение для успеха "блицкампаний". Но уже в конце мая 1940 г. у Дюнкерка, а особенно во время воздушной битвы за Англию, даже массированное применение всех боевых соединений обнаруживало слабые стороны этой составной части вермахта. Однако руководство германской воздушной войной не сделало отсюда в последующие годы необходимых выводов! Хотя воздушные флоты успешно поддерживали операции сухопутных войск на полях сражений, у их самолетов отсутствовали важнейшие предпосылки для перехода к массированным налетам из большой глубины, скажем, к стратегическому ведению воздушной войны. Это было не в последнюю очередь следствием неправильной ориентации при созда-

нии германской авиации. Генерал Вефер, первый начальник штаба люфтваффе, приверженец оперативной воздушной войны в духе теорий итальянца Дуэ, хотел добиться осуществления программы строительства дальних бомбардировщиков (с наибольшим бомбовым грузом), надеясь в случае войны разбить вражеские источники силы в глубоком тылу и тем ускорить капитуляцию противника. Но после его смерти (1935 г.) верх одержали представители другого направления (Удет, Ешоннек); было приказано строить средние бомбардировщики, от которых требовались в первую очередь пикирование и бомбометание по точечным целям.

С этими типами самолетов, радиус действия которых не превышал 500 км, Германия и вступила в 1939 г. в войну. Только в 1943 — 1944 гг. стали применяться к тому времени разрешенные и построенные четырехмоторные бомбардировщики Хе-177 — слишком поздно, чтобы эффективно вступить в борьбу. К тому же союзники своими наступательными бомбардировками с апреля — мая 1944 г. начали систематически уничтожать германо-румынские запасы горючего (спад производства со 100 до 20%). Кроме того, самолетами Хе-177 были вооружены только четыре авиационные группы, которые использовались исключительно в воздушной и морской войне над Атлантикой.

Наряду с увеличивающимся перенапряжением сил германских истребительных и бомбардировочных соединений на всех участках фронта, когда они постепенно истощали себя, поддерживая своими действиями операции сухопутных сил или борясь с постоянным вражеским превосходством в воздухе, возникли и относительно большие потери среди многочисленных незаменимых инструкторско-испытательных экипажей, когда последние неоднократно приходилось привлекать к снабжению по воздуху отдельных "котлов" на Востоке (Демянск, Сталинград). Между тем их так не хватало в самой Германии для обучения летного состава!

Продолжать длительное время осуществлявшуюся по приказу Гитлера и Геринга наступательную воздушную войну (отсюда — постоянное требование: бомбардировщики вместо истребителей) можно было только при условии нормального функционирования материальной базы подобных операций. Германия же в силу своего географического положения, концентрации промышленности, тесного переплетения своей энергетической системы и своей централизованной транспортной системы являлась особенно уязвимой с воздуха. Все зависело от того, окажется ли сильная, тактически умно руководимая германская противовоздушная оборона способной успешно отражать налеты вражеской авиации на территорию рейха с Запада (с Востока такой угрозы не было). С 1943 г. союзнические бомбардировочные и истребительные соединения использовали в

качестве своей базы не только Британские острова, но и Южную Италию. Таким образом они могли охватить Германию с двух сторон (первый воздушный налет на Винер-Нойштадт — в августе 1943 г.) и достичь любого пункта на ее территории!

Но, несмотря на опасно возрастающее превосходство союзников в воздухе, которое следует объяснить их огромными усилиями в самолетостроении, Гитлер долго и слышать не хотел об оборонительной стратегии крупного масштаба, пока вообще не стало слишком поздно. С 1943 г. американцы проводили свои наступательные воздушные операции с сильным сопровождением истребителей и почти беспрепятственно бомбили германские города (в 1944 г. они в результате дневных и ночных налетов сбросили 1,2 млн т зажигательных и фугасных бомб!), а также предприятия важных ветвей авиационной промышленности, причем с 1944 г. — особенно центры по производству горючего. Как подытожил один специалист по воздушной войне, храбро сражающиеся истребители имперской противовоздушной обороны не могли компенсировать те "ошибки ее высшего руководства", которые были допущены в области общестратегического планирования.

Крах германской воздушной войны объяснялся прежде всего следующими факторами: совершенно недостаточное увеличение оборонительных сил (только в конце 1943 г. Гитлер принял решение о производстве 3000 истребителей в месяц), невозполнимое промедление с выпуском реактивных истребителей и не в последнюю очередь то, что руководство придерживалось принципа вести оборону германского воздушного пространства главным образом на внешних бастионах. Это облегчало и без того уже значительно превосходящим, оснащенным последними техническими достижениями вражеским военно-воздушным силам выполнение их задач: наносить тяжелые удары по германским энергетическим источникам, парализовать снабжение нефтью, дезорганизовать транспортную систему и довести немецкую противотанковую оборону до полного износа, "лишить подвижности" ведение войны в целом. Однако им все же не удалось своими террористическими воздушными налетами сломить волю населения к сопротивлению!

В марте 1944 г. был создан так называемый истребительный штаб во главе с Мильхом и Шпеером, которому было дано задание увеличить выпуск истребителей до 4000 в месяц, переведя их производство на подземные и мелкие предприятия. Поскольку выпуска в таком количестве можно было добиться только на базе уже серийно производившихся Бф-109 и ФВ-190, а производство Ме-262 блокировалось решением Гитлера о "блицбомбардировщике" и неготовностью реактивных двигателей, усиленное оснащение люфтваффе истребителями не возымело желаемого действия. Вновь завоевать господство в воздухе, вероятно, смогли бы только такие

истребители, которые превосходили бы вражеские по летно-боевым качествам. Бф-109 и ФВ-190 были на это неспособны даже при количественном паритете. Смог бы выполнить эту задачу Ме-262, но в решающий момент он не был готов к передаче в серийное производство и в обозримый период не мог быть создан в достаточном количестве.

Подавляющее превосходство союзников в воздухе особенно ярко проявилось в начале их высадки во Франции в июне 1944 г. Вечером дня "D" противник ввел в бой в общей сложности 14 674 самолета, которым могли противостоять только 319 немецких. Хотя действовавший на Западе 3-й воздушный флот в последующие дни был усилен, соотношение сил в сравнении с врагом составляло в июне 1:25.

Германская люфтваффе оказалась сломленной поставленной перед ней огромной, неразрешимой двойной задачей: вести борьбу в воздухе на всех фронтах — на Востоке, Юге и Западе — и одновременно обеспечить защиту рейха. "Крепость Европа" не имела крыши!

Как же обстояло дело в области военной экономики и вооружения? Баланс продовольственного и сырьевого положения Германии в начале второй мировой войны не оставлял никакого сомнения в том, что запасов, поскольку они не полностью производились в самой стране, хватит максимум на 9 — 12 месяцев ведения войны. (Зависимость от заграницы: цинк — 25%, свинец — 50, медь — 70, олово — 90, никель — 95, бокситы — 99, минеральные масла — 65 и каучук — 80%.) Необходимо было с самого начала радикально перестроить хозяйство на войну и перейти к планированию на длительный срок. Но формулирование и приоритетность различных производственных программ показывали, сколь мало высшее руководство исходило из целеустремленного, единого, охватывающего всю войну в целом плана, в котором как военно-политическая, так и экономическая сторона ведения войны в равной степени согласовывались бы друг с другом. В надежде быстро закончить войну оно только до лета 1941 г. более 10 раз перерабатывало программы военного производства и заново определяло приоритетность тех или иных его отраслей. Начальнику управления военной экономики и вооружения ОКВ [генералу Томасу] даже пришлось в конце концов просить однозначно разъяснить ему, "что же действительно является самым важным". То на первом плане стояло производство боеприпасов, то программы выпуска подводных лодок и самолетов, а затем центр тяжести снова переносился на танки и химические вещества и т.д.

Эта вызывавшая большую нервотрепку борьба за приоритет в программах интересов между тремя составными частями вермахта (сухопутными войсками, ВВС и ВМФ.— *Пер.*) являлась не в последнюю очередь результатом недостаточной координации между ОКВ и главными командованиями сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота. К тому же руководящие лица рейха только весной 1941 г. пришли к пониманию того, что на случай более длительной войны гораздо важнее расширить сырьевую базу, чем просто увеличивать выпуск оружия и боеприпасов*. Слишком медленное расширение германской военной экономики, несомненно, было решающей ошибкой. Однако это вовсе не значит, что она была для рейха равносильна потере "любого шанса на победу". Не идет здесь речь и об "упущенной возможности".

Ведь ни крупные достижения в эру Шпеера (1942 — 1945 гг.) в военной промышленности и экономике благодаря более совершенной организации производства, а также новым мерам по рационализации и тотальной мобилизации германской и иностранной рабочей силы, ни исчерпание хозяйственного потенциала захваченных областей не способны были в конечном счете изменить тот факт, что даже и без усиленной воздушной войны германское производство готовой военной продукции могло быть повышено по сравнению с его максимальным уровнем (ср. июль 1941 г.) еще всего лишь на 20 — 30%. Но тогда бы военное производство натолкнулось на слишком низкий уровень покрытия сырьевых потребностей, на то узкое место, которое неизбежно должно было ограничить его. Ведь поддававшийся предвидению прогресс вражеских держав в области военного производства был столь огромен (уже в 1943 г. соотношение ударной боевой силы между Германией и Японией, с одной стороны, и Соединенными Штатами, Великобританией и Советским Союзом — с другой, равнялось 1:3,4; к тому же противник (прежде всего США) мог почти совершенно беспрепятственно производить эту продукцию!), что отставание Германии становилось бы все большим и при дальнейшем росте производства.

Полное расстройство германской экономики началось в 1944 г. В конце июня имперский министр боеприпасов и вооружения Шпеер составил памятную записку, которую он направил Гитлеру. В ней, в частности, говорилось: "<...>противнику удалось в результате [воздушных налетов] 22.6 увеличить потери авиационного бензина на 90%". Если такие налеты продолжатся в сентябре, "удовлетворение самых срочных потребностей вермахта в необходимых ко-

* Ср. индексы выпуска готовой военной продукции: 1939 г.— 63; 1940 г.— 97; 1941 г.— 98, т.е. никакого увеличения в сравнении с 1940 г.! 1942 г.— 142; 1943 г.— 222 и 1944 г. (июль) — 322.— *Примеч. авт.*

личествах обеспечить уже не представится возможным, ибо с этого момента возникнет непредвиденная брешь", которая будет иметь "трагические последствия"! Через восемь недель Шпеер писал: "<...>если налеты на предприятия химической промышленности продолжатся и в сентябре с такой же силой и с той же точностью, как в августе, производство химической продукции упадет и все ее последние складские запасы будут исчерпаны. Таким образом, будут отсутствовать именно те материалы, которые необходимы для дальнейшего ведения современной войны". После войны Шпеер дополнил эти данные, указав, что все экономические усилия, принимавшиеся примерно с 1943 г., оказались бесцельными, поскольку соединения союзнической бомбардировочной авиации с мая 1944 г. перенесли центр тяжести на уничтожение германских запасов горючего, а с сентября — на разрушение германской транспортной системы. "Это привело к катастрофе. С этого момента мы лишились 90% горючего. Успех этих налетов был равнозначен проигрышу войны в производственно-техническом отношении, ибо без горючего не помогут никакие новые танки и реактивные самолеты".

В материалах Института экономических исследований справедливо констатируется: "<...>никаких шансов выиграть эту войну в экономическом отношении, где решающую роль играли промышленные предприятия, не имелось. Германия была решающим образом экономически ослаблена в результате воздушной войны и территориальных потерь (например, Верхняя Силезия и т.п.). (К этому следовало бы добавить потери рабочей силы из-за мобилизации в вермахт. Осенью 1944 г. на военную службу ежемесячно мобилизовывалось свыше 200 000 человек, в первую очередь из металлургической промышленности.) Если бы эти факторы даже и не оказывали столь интенсивного воздействия, решение исхода войны в перспективе должно было принести превосходство противной стороны в людских резервах, ресурсах сырья и в производственных мощностях".

* * *

В 1944 г. кризис германского ведения войны достиг своей наивысшей точки.

На Востоке Красная Армия продолжала свое продвижение на запад по всему фронту от Лапландии до Черного моря. На Севере она атаковала Петсамо (Печенга.— *Пер.*) и финнов на Карельском перешейке. На центральном участке фронта она разгромила германскую группу армий "Центр" и вступила в Восточную Пруссию. Ее наступление приостановилось только на Висле. Одновременно она уничтожила южное крыло германских войск, вернув себе Ук-

раину и Крым. Ее дивизии уже пробились в Польшу, в восточную часть Чехословакии и Румынию, когда 6 июня 1944 г. последовала давно ожидавшаяся крупная высадка войск союзников в Нормандии. Превосходство в численности и вооружении англо-американских экспедиционных сил было настолько велико, что противник уже через несколько недель прорвал германские отсечные позиции и в августе смог освободить Париж, между тем как в Южной Франции высаживались новые войска!

На совещаниях по обсуждению обстановки Гитлер еще до этой высадки неоднократно подчеркивал, что, если союзникам удастся твердо закрепиться на континенте, война для Германии проиграна. Теперь такой момент наступил, и, учитывая всю серьезность положения, [командующий оккупационными войсками во Франции] генерал-фельдмаршал Роммель без промедления предложил верховному главнокомандующему вермахта самый разумный выход: заключить перемирие! Но Гитлер и не думал об этом; напротив, он возложил все свои надежды на "разногласия" между союзниками, которые однажды станут так велики, что между ними произойдет разрыв. Коалиции, мол, как показывает мировая история, всегда распадались. А потому все дело в том, чтобы, как бы ни было трудно, дождаться этого момента. Гитлер говорил дословно следующее: "Моя задача, особенно с 1941 г., — не терять самообладания, а если что-то грозит крахом, вновь и вновь находить выходы и вспомогательные средства, чтобы как-то подправлять историю. Я вполне могу сказать: большего кризиса, чем мы имели в этом году на Востоке (разгром группы армий "Центр". — Авт.), представить себе нельзя". Но с помощью "железного волевого характера" эту войну выиграть можно; если станет необходимо, он будет продолжать биться и на Рейне до тех пор, пока, как сказал Фридрих Великий, один из наших "проклятых противников" не выдохнется.

Сколь же нереальны были эти представления и надежды! Как мало было средств и возможностей для того, чтобы "выстоять" в век тотальной войны по сравнению с веком ограниченных войн. Но Гитлер оставался упорным, нестигаемым и одержимым. Он был готов поставить на карту самую большую ставку: существование немецкого народа!

В это время произошло покушение полковника графа фон Штауффенберга! Но акция 20 июля 1944 г. проистекала не только из понимания того, что война в 1944 г. для Германии была уже проиграна и теперь дело лишь в том, чтобы при всех условиях ее закончить, дабы не допустить еще большего хаоса. Тот, кто углубится в нравственные и этические мотивы германского движения Сопротивления, формировавшегося из представителей всех общественных кругов и вероисповеданий, обнаружит его многослойность и многообразие. Пожалуй, всего сильнее в нем проявилось растущее

с 1933 г. моральное возмущение, подлинное стремление к борьбе против практики тоталитарного национал-социалистского режима с его мерами подавления, уничтожения и истребления, с его бесчеловечностью и произволом как системы. В конечном счете участники оппозиции стремились "освободить человека, превращенного в безликую машину, в орудие техники, в творение абстрактных политических идей, в функцию науки, в слуг экономических законов, которые он сам же абсолютизировал". Они хотели освободить его "от всех предрассудков, придать ему подлинную гуманность, истинный облик человека во всем его достоинстве и гордом самосознании" (графиня Дёнхоф).

Отсюда видна и вторая решающая побудительная причина действий людей 20 июля: вытекающее из знания всех взаимосвязей сознание своей ответственности перед народом и отечеством в сочетании с мужеством сделать надлежащие выводы, как это доказал еще до войны генерал-полковник Людвиг Бек (тогдашний начальник генерального штаба.— *Пер.*) своей борьбой против агрессивной политики Гитлера. Кроме того, многие офицеры в ходе охватившей весь мир борьбы все яснее осознавали, насколько определенные распоряжения и приказы высшего руководства были нацелены на извращение солдатской этики, на разрыв с их собственной традицией. Теперь в качестве высшего нравственного масштаба в случае такого внутреннего конфликта нацисты требовали руководствоваться уже не закреплённым рыцарско-религиозными обычаями понятием чести, а максимами идеологии, презирающей как индивидуумов, так и другие расы. Кульминационная точка этого пролагавшего себе путь развития была достигнута тогда, когда дьявольское совращение народа и вермахта заменило собой принципы добросовестного руководства. И наконец, в качестве взрывного момента сыграла свою роль при последней попытке покушения осуществлявшаяся нацистами во второй мировой войне политика, ведущая к катастрофе.

Это "восстание совести" как Соппротивление потерпело поражение, но как символ оно победило в духе генерала Трескова, который в 1944 г. требовал: "Покушение на Гитлера должно быть совершено любой ценой. Если же оно не удастся, то, несмотря на это, надо попытаться совершить государственный переворот. Ведь дело здесь уже не столько в практической цели, сколько в том, чтобы показать, что германское движение Соппротивления перед лицом всего мира и истории отважилось, не щадя своей жизни, на этот решающий бросок. Все остальное в сравнении с этим безразлично".

Вот почему 20 июля 1944 г. (по словам [тогдашнего] генерального инспектора бундесвера генерала Хойзингера, сказанным по случаю 15-летия этого события) остается "светящейся точкой в тех самых темных для Германии временах... Христианско-гуманистическое сознание ответственности, определявшее это решение (выступить 20 июля.— *Авт.*), освятило мученичество участников заговора. Мы, солдаты бундесвера, почтительно склоняем головы перед жертвой этих людей, совесть которых была пробуждена их знанием. Они — самые выдающиеся свидетели, опровергающие коллективную вину немецкого народа. Их дух и поведение — пример для нас".

Осенью 1944 г. началась агония рейха. Румынии, Финляндии и Венгрии пришлось прекратить борьбу. Между тем Гитлер все еще верил в невозможное: теперь решающий поворот в войне должно было совершить последнее ополчение, состоящее из детей и стариков (фольксштурм). В то время как германские войска в тяжелейших условиях отступали с Крайнего Севера, с Юго-Востока и других фронтов и каждый, начиная от простого солдата до высшего военачальника, отдавал борьбе свои последние силы, германские культурные ценности превращались в прах и щебень. В начале января 1945 г. потянулись первые колонны беженцев из Восточной Германии. В стране воцарилось немыслимое горе!

Вместо того чтобы бросить все последние имеющиеся силы на Восток, Гитлер в декабре 1944 г. предпринял наступление в Арденнах, которое остановилось уже через несколько дней и в конце концов с большими потерями провалилось.

А Гитлер на совещании в бункере фюрера заявлял своим сотрудникам 29 декабря 1944 г.: "<...>всемирную историю можно делать, только если действительно за мудрым разумом, живой совестью и вечной бдительностью стоят еще фанатическое упорство и такая сила веры, которые превращают человека во внутренне убежденного борца. <...>Во имя чего принесли мы все жертвы? Ведь так долго, как она уже продолжается, война не продлится. Это совершенно ясно. Это ни один человек не выдержит, ни мы, ни они. Вопрос только в том, кто выдержит дольше. Для нас на карте стоит все. <...>Если бы мы сегодня сказали: "С нас хватит!" — то мы перестали бы существовать, перестала бы существовать Германия". Такова была конечная "мудрость" человека, который не желал прислушаться к голосу разума даже теперь, когда враги уже готовились к штурму самого рейха!

12 января 1945 г. Советы с Сандомирского плацдарма перешли в наступление на Берлин. Одновременно союзнические войска на широком фронте форсировали Рейн. В конце апреля передовые наступающие с Востока и Запада войска встретились на Эльбе.

Берлин был взят в уличных боях за каждый дом. Но Гитлер избежал земной ответственности. Несколько дней спустя его преемнику гросс-адмиралу Дёницу пришлось 7 мая 1945 г. подписать безоговорочную капитуляцию*.

* * *

Чем неудержимее третий рейх шел навстречу своему краху, тем сильнее Гитлер и НСДАП, с одной стороны, старались выискивать новых виновников поражения и козлов отпущения, которых они могли бы сделать ответственными за явно неправильный ход развития, а с другой — надеялись, что распространением слухов о так называемом секретном оружии вновь смогут изменить судьбу в пользу Германии, до крайности подстегнув волю к сопротивлению и подняв моральное состояние борющихся в тылу и на фронте.

Особенно действенным им казалось обвинение в "измене и саботаже" в своих собственных рядах. Гитлер выдвигал это обвинение против любого военачальника, проводшего операции, возможно, не так, как приказал фюрер, или как он себе их представлял, а также против любого командного органа, который, скажем, отклонял как негодное предложенное ему промышленностью оружие, на применении которого настаивал сам Гитлер. Эту ужасную путаницу в понятиях, и по сей день царящую в некоторых умах, сознательно поощряли Гиммлер и Геббельс, для того чтобы вводить в заблуждение немецкое население и освободить национал-социалистский режим от всякой ответственности за будущее.

После разгрома группы армий "Центр", в середине сентября 1944 г., Гиммлер, например, в своей речи перед рейхсляйтерами и гауляйтерами утверждал: непросто нормальными понятиями объяснить, почему 28 дивизий рассыпались во все стороны словно песок или солома. А затем он недвусмысленно бросил командованию германских сухопутных войск обвинение в пораженчестве и, более того, в "измене доброму делу". Рейхсфюрер СС не пожелал почитаться с фактами, а именно с тем, что группа армий "Центр" противостояла врагу, чье превосходство в воздухе равнялось 5:1, а на суше — 4:1 (особенно в танках и артиллерии). К тому же верховное главнокомандование вермахта неправильно оценило оперативную обстановку и вследствие этого предоставило недостаточные резервы. (Однако и при верной оценке обстановки оно тоже

* Официально акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии был подписан в Берлине (в Карлсхорсте) в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. генерал-фельмаршалом Кейтелем, генерал-адмиралом Фридебургом и генерал-полковником авиации Штумпфом. Безоговорочная капитуляция была принята представителями Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции.

смогло бы лишь залатать одну дыру за счет другой!) Кроме того, Гитлер строго приказал удерживать расположенные близко к линии фронта "прочные опорные пункты", и таким образом скованные ими дивизии не смогли быть использованы для ведения маневренных оборонительных боев. Стратегия Гитлера снова привела к тяжелым последствиям: командующие войсками не обладали никакой свободой действий. Если бы они, сдав "прочные опорные пункты", своевременно начали отвод войск на Березину и высвободили резервы для обороны угрожаемых флангов, поражение хотя и не удалось бы предотвратить, но оно не превратилось бы в катастрофу такого масштаба. Но даже тщательное изучение причин и обстоятельств краха группы армий "Центр" не смогло бы дать и тени доказательства того, что здесь сыграли хоть какую-нибудь роль "измена и саботаж". Напротив, было бы неопровержимо установлено, что имело место однозначное военное поражение.

Кстати, сохранившиеся материалы офицера, ведшего военный дневник в штабе оперативного руководства вермахта (дополненные его устными высказываниями), доказывают, что в последние годы войны ни один метр линии фронта не был сдан в результате какой-то измены!

Немало бывших солдат и сегодня могут еще порассказать о так называемых случаях саботажа времен своей военной службы. Поскольку инциденты такого рода вряд ли могли быть расследованы прямо на месте, они давали повод для различных, порой противоречивых слухов: то якобы поезда с боеприпасами отправлялись по ложному маршруту, то разрушались линии связи, то преждевременно взрывались или же не взрывались совсем снаряды, рвались стволы орудий, порой поставлялось негодное оборудование, то запасные части "не давались" фронту или их засылали на те участки, где в них не так нуждались. Тем самым факт "саботажа" считался доказанным. В действительности же в большинстве случаев речь шла о повседневных недостатках и недоработках, которые при тогдашней перенапряженности всех органов снабжения были в сущности неизбежны. Ведь в конце концов Гитлер вел войну против всего мира! Тут имели место небрежность, чрезмерная усталость, плохое питание; происходили воздушные налеты и технические аварии. Солдата-фронтовика не всегда можно было убедить в том, что так называемые акты саботажа можно преимущественно отнести за счет производственных недостатков или неосторожности. Органы по приемке оружия просто-напросто не всегда могли установить все эти недостатки.

Кроме того, войска не имели в общем и целом никакого представления о военно-технических взаимосвязях и о положении с материальными запасами, о перенапряжении транспортной сети Германии, о многочисленных блокировках и завалах транспортных

путей в результате массированных налетов вражеской авиации. А какие трудности приходилось преодолевать, когда перемещалось огромное число боевых соединений! Уже само по себе восстановление коммуникаций для снабжения боеприпасами и продовольствием, причем при огромном разнообразии типов оружия (их насчитывалось временами до 300!), предъявляло огромные, порой до конца непреодолимые трудности.

Типичный пример "саботажного" психоза имел место в 1943 г. Генерал-квартирмейстер сухопутных войск позвонил одному сотруднику начальника вооружений и сообщил ему, что ящики с ручными гранатами частично доставляются на фронт без взрывателей. Не саботаж ли это? Основательное расследование показало, что взрыватели вынимали из ящиков для своих целей саперы. Чем напряженнее становилось положение с подвозом и обеспечением на фронте, тем чаще отдельные войсковые части старались удовлетворить прежде всего собственные потребности. Поэтому неоднократно случалось, что какая-либо часть самовольно "организовывала" необходимое за счет другой, и до тех пор, пока не становились ясны все обстоятельства, это тоже считалось "саботажем".

Бывший начальник планового управления имперского министерства вооружений и военного производства констатировал, что, несмотря на занятость 30 млн немецких и 7 млн иностранных рабочих (по состоянию на 1944 г.), выпуск текущей продукции ни в один из периодов не испытывал каких-либо серьезных нарушений из-за саботажа или пассивного сопротивления. Это, вне всякого сомнения, удивительно, однако находит свое объяснение в первую очередь в невероятно жесткой системе контроля, в строгом надзоре и грозящих суровых наказаниях. Аналогичное подтверждает и бывший начальник одного технического ведомства: он подчеркивает, что в 2000 письменно зафиксированных пунктов донесений на 138 совещаниях у Гитлера по вопросам военного производства ни разу не обсуждались какие-либо доказанные случаи саботажа в военной промышленности. Один сотрудник бывшего отдела Абвер-заграница справедливо указывает, что имевшие место и в Германии акты военного саботажа были весьма "неэффективными", да и вообще предпринимавшиеся во время войны обеими сторонами подобные акты давали весьма скромный результат.

Целая легенда выросла вокруг оставления в резерве двух танковых дивизий в июле 1944 г., после высадки союзников во Франции. Генерал-фельдмаршал Роммель, с его дурной славой человека, осуществлявшего "саботаж в рядах командования", якобы из внутриполитических соображений (связанных с заговором 20 июля 1944 г.) в критические недели июня — июля специально держал их в резерве, для того чтобы двинуть на Берлин. Не будем говорить о

том, что даже эти силы не смогли бы ничего изменить в безнадежном военном положении Германии, но и на основании записей в военном дневнике штаба оперативного руководства вермахта бесспорно доказано, что Гитлер, полностью в духе своей "системы командования", оставил лично за собой право распоряжаться указанными двумя дивизиями, чтобы парировать предполагавшуюся вторую крупную высадку войск союзников в районе Кале; он сам и отдал позже приказ об их использовании.

Ныне, когда мы располагаем широкой, в значительной мере надежной базой источников по истории второй мировой войны, которые позволяют нам вынести свое суждение, такие реликты легенд должны быть со всей решительностью разрушены. Конечно, никто не станет оспаривать, что в 1939 — 1945 гг. измена (в том числе государственная) и сознательный саботаж — как и в каждой войне — имели место. Но в рамках общего хода событий они по своему воздействию на катастрофу 1945 г. значения не имели. Гораздо вернее звучит то, что писал хорошо осведомленный Отто Дитрих: именно недостаток у Гитлера самокритики и его тенденция постоянно приписывать вину другим вели к почти регулярным утверждениям об "измене и саботаже", особенно тогда, когда ему что-нибудь не удавалось. "К концу драмы, по мере того как его поражения и ошибочные решения громоздились одно на другое, это доходило до буйства против всех и вся. Причину всех поражений и неправильных решений Гитлер видел в том, что во многом являлось следствием его собственной несостоятельности, его преувеличений и необузданности, наносимых им другим обид и несправедливости".

Если же "измена" вообще повлияла на масштаб германского краха 1945 г., то это была измена самого же Гитлера! 1 сентября 1939 г. он провозгласил в рейхстаге: "<...> совершенно неважно, будем ли живы мы, но необходимо, чтобы жил народ, жила Германия". Почти шесть лет спустя, после того как он увидел, что эту войну Германии не выиграть, тот же самый человек приказал разрушить в рейхе все транспортные пути, сооружения связи, промышленности и снабжения, уничтожить все реальные ценности, ибо нечего обращать внимание на те жизненные основы, которые нужны народу для продолжения его примитивного существования!

Что же касается ходивших в конце войны слухов о многочисленных видах "секретного оружия", при помощи которого национал-социалисты надеялись в самую последнюю минуту добиться поворота в ходе войны и которое должно было послужить самым крайним средством борьбы, то сегодня мы знаем, что это такое. Вне всякого сомнения, можно поражаться тому, какие новые виды оружия и различных устройств сконструировали германские тех-

ники и инженеры за годы войны, будь то для ведения войны на море (шноркель, подводные лодки типа "Вальтер", "Цаункёниг" и т.п.), в воздухе (реактивные самолеты, снаряды и ракеты "Фау"* или на суше (например, "угловая винтовка", крылатые "панцер-фаусты"). Но столь же не соответствует истине, сколь и опасно утверждение, которым один публицист заканчивает свое исследование о германском оружии вообще и секретном оружии в частности во второй мировой войне: будто промедление "всего на несколько недель, на считанные дни" в его изготовлении спасло союзников и приблизило их к осуществлению своих военных целей. Но ведь всего этого оружия, вместе взятого, было далеко не достаточно для достижения решающего поворота в ходе войны, то есть по своей боеспособности и ударной силе оно не могло заменить сотню и даже больше полностью вооруженных и оснащенных подвижных дивизий.

Работы по созданию овеянного сагами германского атомного оружия тоже еще отнюдь не "близились" к своему завершению. Правда, германские ученые, в том числе Ган, фон Вайцзеккер и Гейзенберг, как сегодня установлено, работали над созданием атомного реактора (а не бомбы!). Но в 1942 г. на совещании с участием Геринга они были вынуждены признать, что никаких видов на создание такого оружия в течение ближайших двух лет ("а к тому времени война так и так закончится") в нынешних условиях уже нет. Основные попытки были поэтому прекращены, чтобы не расходовать ради по сути своей ненадежного эксперимента силы многочисленных инженеров и техников, а также сырье и производственные мощности. Когда же оказалась разбомбленной норвежская гидроэлектростанция, производившая необходимую для расщепления атома тяжелую воду, пришлось отказаться и от проводившихся в ограниченном объеме экспериментов! А сопровождавшееся с лета 1944 г. большой пропагандистской шумихой применение оружия "Фау" далеко не оправдало ожиданий, так как (не говоря о технических недостатках), несмотря на отдельные успехи, оно не смогло серьезно парализовать боевой дух британской столицы.

* * *

Если окинуть мысленным взором многочисленные факторы, являвшиеся определяющими для германской катастрофы 1945 г., становится отчетливо видно, что решающее значение имел не какой-либо один из них, а все они, вместе взятые.

* Обозначение от первой буквы слова die Vergeltungswaffe — оружие возмездия.

И все-таки следует выделить еще не упомянутое звено в этой цепи. Для этого надо рассмотреть ведение войны Германией в свете теории Клаузевица*. Утверждая, что война есть продолжение политики другими средствами, он имел в виду, что любой военный конфликт надлежит рассматривать "прежде всего с точки зрения его вероятного характера" и его "главных очертаний", которые вытекают "из политических величин и условий". Задача состоит в том, чтобы постоянно сохранять общее представление об этих условиях; все органы должны действовать, "хорошо обдумав", чтобы "в конце не проиграть тот процесс", который был выигран вначале, и затем не оказаться "приговоренными платить издержки". Война, по Клаузевицу, — инструмент политики, и ее не начинают или "ее, действуя разумно, не следует начинать", не сказав себе, "чего же хочешь достигнуть с ее помощью и в ее ходе". Это принуждает к выработке всестороннего плана войны, в котором, с одной стороны, определяется ее предназначение, то есть политическое намерение (чего следует и чего можно добиться с ее помощью), а с другой — тщательно анализируются средства (вооруженные силы, экономика и т.д.), чтобы в результате указанный план давал ответ на вопрос о военной цели.

"Значит, — говорится далее у Клаузевица, — чтобы определить меру средств, которые мы пускаем в ход для войны, мы должны обдумать политическое предназначение ее как с нашей стороны, так и со стороны врага; мы должны рассмотреть силы и условия вражеского государства и нашего собственного, должны учесть характер его правительства, его народа и способности того и другого — причем все это применительно к нашей стороне, а также принять во внимание политические связи других государств и те последствия, которые вызовет война во всем этом".

Несомненно, одной из величайших ошибок Гитлера, если подойти к его образу действий с моральной стороны, было то, что он, проводя "политику риска", несшую в себе в качестве ее последствия войну, не продумывал планомерно и рационально политические, экономические, психологические и военные формы проявления и возможности этой политики, а также не учитывал их в достаточной мере. Когда в 1939 г. была начата война, Германия не имела никакого плана войны, никакой стратегической обобщающей концепции, в которой бы были сведены воедино в правильном соотношении предназначение, средства и цель данной войны. Вместо этого постоянно *ad hoc*** вырабатывались частичные планы с тем результатом, что Гитлер все более дерзко преследовал неограниченные цели с явно ограниченными средствами.

* Карл фон Клаузевиц (1780 — 1831) — прусский генерал, авторитетный военный теоретик, автор основополагающего труда "О войне", активный участник национально-освободительной борьбы немецкого народа против наполеоновского господства и сторонник союза в этой борьбе с Россией.

**специально с этой целью (*лат.*).

В другом месте своего труда Клаузевиц говорил о том, что война "никогда не должна быть отделена от политического общения", ибо иначе до некоторой степени оказываются "разорванными все нити существующих условий" и возникает "бессмысленная и бесцельная вещь". И в самом деле: сколь ни блестящи были германские военные успехи в первой половине войны, в конечном счете они оказались обесцененными, поскольку не были использованы политически. С 1941 г. Гитлер уединился в своей ставке, чтобы целиком и полностью посвятить себя ведению войны; участие Японии в войне так и осталось его единственным политическим актом за все это время.

Клаузевиц подчеркивал, что политика (государственный деятель) не может предъявлять к войне (армии) никаких требований, которые та не может выполнить, ибо чрезмерные требования к войску могут оказать на ведение войны вредные влияния; в таком случае скорее следует упрекать саму политику!

Ход второй мировой войны показал, что преследуемая Гитлером политическая цель далеко превышала эффективность находившихся в его распоряжении военных и экономических средств! С другой стороны, Клаузевиц предостерегал от того, чтобы выдвигать и решать чисто военные вопросы с политической точки зрения. Гитлер нарушил и этот принцип. Это нашло свое выражение во второй фазе Западной кампании, а позже — в оставлении Крыма и Курляндии (Латвия.— *Пер.*) и в некоторых других случаях.

Сказанное нами можно продемонстрировать на особенно потрясающем примере. Полагая, что Советский Союз тоже можно сокрушить в ходе одной "блицкампании", политическое руководство Германии не разработало никаких планов (за исключением "уничтожения нежелательных элементов") для того, чтобы победить Россию с помощью самих же русских и освободить страну от большевистской системы. Напротив, национал-социалистская оккупационная политика с ее расовой теорией и теорией жизненного пространства положила начало тому ходу событий на Востоке, который в конечном счете решающим образом способствовал германскому поражению.

В общем и целом существовало три группы, которые желали осуществить в России определенные концепции. К числу представителей самой крайней из них принадлежали (если назвать самых влиятельных) Гиммлер, Борман и Э. Кох. Им удавалось осуществить свои взгляды и меры, поскольку Гитлер целиком и полностью одобрял их. Они действовали по принципу: мы — "господа", они — "унтерменши"*. Немцы, заявляли они, должны эксплуатировать, господствовать и управлять. Любую попытку считаться с чувствами

* Der Untermensch — в фашистской фразеологии недочеловек, неполноценный человек, человек низшей расы.

и образом жизни русских они отвергали как сентиментальничание. Рейхсфюрер СС сформулировал это одной фразой: "Что касается русских, чехов<...> мне совершенно безразлично, живут ли они в достатке или подышают с голода; меня они интересуют лишь постольку, поскольку мы нуждаемся в них как в рабах для нашей культуры, а до остального мне дела нет". Поэтому эсэсовские и другие исполнительные органы, в частности и "золотые фазаны" (начальники административных и экономических органов в оккупированных областях.— *Пер.*), по отношению к населению не останавливались решительно ни перед чем.

Большой материал для выводов дает проведенное после войны американскими исследователями тестирование 1000 русских перемещенных лиц, которые пережили германскую оккупацию на Востоке. На вопрос, изменилось ли отношение населения к немцам за время оккупации, 728 человек ответили "да" и 85 — "нет". Изменение отношения, по мнению большинства, произошло в 1942 г., после того как практика оккупационной политики уже не оставляла сомнения в немецких целях: вместо свободы — новая несвобода, при этом зачатки германо-русского сотрудничества с намерением свергнуть ненавистную большевистскую систему подавлялись в самом зародыше. Рост огромного партизанского движения в России (позднее даже оказывавшего оперативное воздействие!) следует не в последнюю очередь отнести за счет этого факта! Интересны также ответы на вопрос: кто из немцев, по вашему мнению, вел себя наилучшим образом? 162 человека высказались за гражданских лиц, 545 — за солдат-фронтовиков, 69 — за гарнизонные войска и только 10 — за СС и СД!

Несколько "мягче" были предложения Альфреда Розенберга и его сотрудников по решению проблемы Востока. Однако они остались нереализованными, поскольку не нашли одобрения у Гитлера. Имперский министр по делам оккупированных восточных областей, закоренелый враг Кремля и русской великодержавности, хотел сыграть на национальных противоречиях в России и предоставить различным "народам" (прибалтам, белорусам, украинцам и кавказцам) некоторую свободу и автономию в рамках тесной политической и экономической зависимости от Германии.

В тогдашних условиях наиболее разумные аргументы выдвигали представители министерства иностранных дел и ОКВ: они с самого начала требовали конструктивной оккупационной политики. Задача Германии, утверждали они, — вбить клин между населением и системой; надо обращаться с русскими, уважая их человеческое достоинство, и поставить перед ними в качестве конкретной цели освобождение от большевизма. Провести в жизнь подобные планы (скажем, позволить русскому генералу Власову с его тысячами добровольцев активно участвовать в борьбе на стороне немцев)

было невозможно, ибо они противоречили национал-социалистской идеологии и намерениям Гитлера. Когда в 1944 г. уже вырисовалось поражение Германии, лозунги получившей теперь приказ действовать Русской освободительной армии (РОА), естественно, больше не имели никакой притягательной силы. Поэтому в одном новейшем американском исследовании указывается на то, что носившее характер катастрофы германское господство в России имело решающее значение для исхода Восточной кампании!

Германская оккупационная политика на Западе и Севере Европы хотя и была иной, но тоже являлась малопригодной для того, чтобы преодолеть противоречия и умиротворить захваченные страны. Например, Гитлер так и не исчерпал до конца возможности полностью привлечь Францию на свою сторону, поскольку никогда не стремился всерьез к подлинному компромиссу с западным соседом, наоборот, он постоянно намеревался в конце войны заключить мир за счет Франции. Что же касалось малых стран, таких, как, скажем, Голландия или Бельгия, то для него они были в конечном счете "дерьмовыми государствами" (совещание у фюрера по обсуждению обстановки в январе 1945 г.), которые смогли сохраниться лишь потому, что "несколько европейских государств не сумели договориться между собой о том, как их сожрать", и которые, по его мнению, "не имеют никакой чести"!

Правда, если столь же критически подойти к рассмотрению ведения второй мировой войны англо-американцами, становится видно, насколько сильно и противная сторона до самого конца впадала в ошибку, ставя на первый план исключительно военные соображения. "Дайте нам сначала выиграть войну, а уж потом будем говорить о политике!" — так в значительной мере звучал ее лозунг. Клаузевиц же указывал, насколько важно подчинить военные соображения политическим, особенно по мере приближения конца войны. Замысел и цель военных мер должны в принципе учитывать "конкретные условия будущего мирного состояния", ибо то "политическое состояние", которое следует за войной, оказывает на него воздействие "уже в виде расчетов".

Это началось с рузвельтовского требования "безоговорочной капитуляции", которое привело к ужесточению германского сопротивления. Несомненно, что и без этого требования вторая мировая война не имела бы другого исхода до тех пор, пока Гитлер находился у власти. Но на германскую оппозицию, которая честно стремилась к взаимопониманию с западными державами путем переговоров, оно должно было оказать убийственное действие. Ведь противник явно не делал никакого различия между национал-социалистской системой и "другой Германией"; он стал жертвой собственной военной пропаганды. Так, союзные армии предприняли "крестовый поход в Европу", чтобы военным путем покарать агрессора; все же остальное — мир,

свобода и благосостояние — должно было затем урегулироваться само собою! Редко, когда в истории огромная надежда быстрее и полнее приводила к разочарованию в ней, чем та, которую питал президент США в 1945 г. Настоящим же победителем из этой схватки народов вышел Советский Союз, который вступил в последнюю фазу войны с четкой, твердо очерченной политической программой. Его политическое ведение войны помогло мировому коммунизму добиться решающего успеха: он смог продвинуть границы своей сферы власти до самого сердца Германии, до Эльбы.

* * *

Наш итог, который наверняка мог бы быть дополнен в некоторых отношениях (скажем, в области техники; в том, что касается ошибочной структуры германских высших органов или мер по истреблению других народов, вызвавших рост ненависти к Германии, и т. п.), однозначен: никаких шансов выиграть войну у Германии не было, причем и "без Гитлера" — тоже. (Хотя здесь уместно сказать, что "без Гитлера" тогда и при той расстановке сил мировая война вообще едва ли разразилась бы!) Столь же тотально, как Германия вела под конец эту войну, она ее и проиграла. Более того, можно без преувеличения сказать, что эта война была проиграна политически еще прежде, чем она началась военными средствами. Насчет беспредельно извращенного ведения войны как следствия технического прогресса и идеологических противоречий нет никаких сомнений: на террор каждая сторона отвечала террором. Разумеется, многочисленные злодеяния, совершенные немцами во время войны именем Германии, никоим образом не должны замалчиваться, а тем более забываться.

Но было бы столь же неправильным и односторонним, если бы мы говорили только о теневой стороне происшедшего. И во времена глубочайшего унижения немецкие мужчины и женщины, помня о своей нравственной ответственности, показали себя достойными людьми как в сопротивлении на фронте, так и в оккупированных областях, а также в тылу на своих рабочих местах. Именно это — один из важнейших уроков, преподанных нам второй мировой войной.

Итак, Германия (по словам западногерманского историка Манфреда Гёринга) "ярчайшим, потрясающим образом показала всему человечеству, в результате каких обстоятельств культурный народ смог с гордой высоты погрузиться в самую мрачную бездну. На его примере подтвердился опыт истории, на его примере была доказана незыблемость твердых, имманентных природе вещей за-

конов, причем тем убедительнее потому, что Германия действительно является ведущим культурным народом. В том, что именно в результате его катастрофы облик мира столь решительно изменился, и состоит истинная трагедия европейской истории.

Вскоре после поражения Германии Фридрих Майнеке (немецкий историк) в достойном восхищения обзоре обрисовал ошеломленным немцам происшедшее, истолковав его как "германскую катастрофу". Он видел перед собой разгромленное Германское государство, потерявшее значительную территорию, и иноземное господство как судьбу на долгие годы. Несмотря на это, он нашел в себе мужество бросить отчаявшимся призыв: "Мы призываем надеяться!" Но он связывал с этим вопрос, удастся ли спасти немецкий дух.

С тех пор прошло 15 лет. Об иноземном господстве говорить уже не приходится: Федеративная Республика стала полностью суверенной, и весь мир видит невероятный подъем этой части Германии, несущий ей нормальную жизнь, приемлемое будущее в условиях свободы. Но все это произошло благодаря приверженности немецкому духу, а также обязывающим ценностям Запада и содружеству христианских народов".

1959 г.

II. ДОКУМЕНТЫ

а) Путь к войне: 1933 — 1939

1. Выступление Гитлера на первой встрече с высшим генералитетом рейхсвера у генерала Гаммерштейн-Экворда 3 февраля 1933 г.

Цель всей политики одна: восстановление политической силы. На это должно быть нацелено все государственное руководство (все его ветви).

1. Внутри страны. Полный поворот в современных внутривнутриполитических условиях жизни в Германии. Покончить с терпимым отношением к любому мировоззрению, противоречащему этой цели (пацифизм!). Кто не дает себя переубедить, того надо согнуть. Истребить марксизм, вырвав его с корнем. Нацелить молодежь и весь народ на то, что спасти нас может только борьба; перед этой мыслью должно отойти на задний план все остальное. (Осуществлено в насчитывающем 6 миллионов человек нацистском движении. Оно будет расти.) Закалить молодежь и всеми средствами укрепить ее волю к борьбе. Смертная казнь за измену государству и народу. Строжайшее авторитарное руководство государством. Ликвидировать демократию, эту раковую опухоль!

2. Вне страны. Борьба против Версаля. Равноправие в Женеве; но оно бесцельно, если в народе не воспитывается воля к борьбе. Забота о союзниках.

3. Хозяйство. Надо спасти крестьянина! Переселенческая политика! Увеличение экспорта в будущем бесполезно. Способность мира потреблять экспортируемую нами продукцию ограничена, повсюду перепроизводство. Переселение — единственная возможность частично снова сократить армию безработных. Но это требует времени, а радикального изменения ожидать не приходится, так как жизненное пространство для немецкого народа слишком мало.

4. Создание вооруженных сил — важнейшая предпосылка для достижения поставленной цели: восстановления политической силы. Должна быть снова введена всеобщая воинская повинность. Но прежде государственное руководство должно позаботиться о том, чтобы военнообязанные до вступления в вооруженные силы уже не были отравлены пацифизмом, марксизмом, большевизмом или же не подпадали под действие этого яда после прохождения военной службы.

Как должна быть использована политическая сила, если она будет приобретена? Пока еще сказать нельзя. Возможно — для обретения силой новых возможностей экспорта; возможно — и это, пожалуй, лучше — для завоевания нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации. Верно только одно: нынешние экономические условия могут быть изменены лишь при наличии политической силы и путем борьбы. Все, что может делаться сейчас (переселение), — паллиативные меры.

Вооруженные силы — наиважнейший и самый социалистический институт государства. Они должны оставаться вне политики и быть надпартийными. Борьба внутри страны — не их дело, а дело национал-социалистских организаций. В отличие от Италии никакого слияния армии с СА* не предусматривается. Самое опасное время — период построения вермахта. Тут-то и станет видно, есть ли во Франции государственные деятели; если да, то они не дадут нам времени, а нападут на нас, предположительно вместе со своими восточными сателлитами.

K.D. Bracher. Das Anfangsstadium der Hitlerschen Aussenpolitik.— In: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1957.

2. Запись совещания в Имперской канцелярии 5 ноября 1937 г.

Присутствуют:

фюрер и рейхсканцлер,
имперский военный министр
генерал-фельдмаршал
фон Бломберг,
[главнокомандующий
сухопутными войсками]
генерал-полковник
барон фон Фрич,
главнокомандующий
военно-морским флотом
генерал-адмирал д-р П.С. Редер,
главнокомандующий люфтваффе
генерал-полковник Геринг,
министр иностранных дел
барон фон Нейрат,
полковник Хоссбах.

Во вступительном слове фюрер констатировал: предмет сегодняшнего совещания имеет такое значение, что для его обсуждения в других государствах потребовался бы созыв всего кабинета в полном составе. Но именно в связи с этим он воздержался от обсуждения данного предмета в более широком кругу правитель-

* Аббревиатура от нем.: Sturmabteilungen (SA) — штурмовые отряды.

ственного кабинета. Его последующие высказывания — результат глубоких размышлений и опыта четырех с половиной лет пребывания на посту главы правительства. Он хочет изложить присутствующим господам свои основополагающие мысли относительно возможного хода развития и необходимых шагов, вытекающих из нашего внешнеполитического положения. При этом в интересах нацеленной на долгосрочную перспективу германской политики эти высказывания надо считать своего рода завещанием фюрера на случай его кончины.

Затем фюрер сказал следующее.

Цель германской политики — обеспечение и сохранение народной массы и ее увеличение. Таким образом, речь идет о проблеме жизненного пространства.

Германская народная масса составляет более 85 миллионов человек; по своей численности и компактности района проживания в Европе она представляет собой настолько сплоченное расовое ядро, какого нет ни в одной другой стране, и это дает ей право претендовать на гораздо большее, чем у других народов, жизненное пространство. И если в области жизненного пространства не происходит никакого соответствующего германскому расовому ядру политического изменения, то это — результат многовекового исторического развития; если таковое политическое состояние будет продолжаться и впредь, это означает величайшую опасность для германства, достигшего нынешней высоты. Сдерживать сокращение численности немцев в Австрии и Чехословакии возможно в столь же малой мере, как и сохранять нынешний уровень ее в самой Германии. Вместо увеличения численности населения наступает стерилизация, которая через ряд лет должна привести к напряженности социального характера, ибо политические и мировоззренческие идеи состоятся прочными только тогда, когда они в состоянии служить основой для осуществления реальных жизненных притязаний народа. Поэтому германское будущее обуславливается исключительно решением вопроса о недостаточности нынешнего жизненного пространства, а такое решение по своему характеру могло бы быть найдено только в обозримый, охватывающий примерно одно — три поколения период.

Прежде чем перейти к вопросу о преодолении нехватки пространства, надо обдумать, на каком пути сулящее счастливое будущее решение этого вопроса является достижимым — автаркии или же растущего участия в мировом хозяйстве.

Автаркия:

Ее осуществление возможно лишь при сильном национал-социалистском государственном руководстве, которое служит для нее предпосылкой.

А. В сырьевой области — лишь ограниченная, а не тотальная автаркия. <...>

Б. В области продовольствия на вопрос об автаркии следует ответить категорическим "нет".

Наряду с общим повышением жизненного уровня в сравнении с тем, что было 30 — 40 лет назад, наблюдается одновременное повышение спроса, а также собственного потребления самими производителями, крестьянами. Доходы от роста сельскохозяйственного производства уходят на покрытие роста потребления, а потому они не означают абсолютного роста производства. Дальнейшее повышение производства путем более интенсивного использования земель, которое в результате применения искусственных удобрений уже вызвало признаки их истощения, едва ли еще возможно, а потому ясно, что даже при наивысшем росте производства без участия в мировом рынке нам не обойтись. Немалые расходы валюты на обеспечение продовольственного снабжения даже при хороших урожаях при неурожае принимают катастрофические размеры. Возможность катастрофы возрастает в той мере, с какой растет население, причем превышение рождаемости над смертностью на 560 000 человек в год ведет к увеличению потребления хлеба, так как ребенок съедает больше, чем взрослый.

Постоянное противодействие продовольственным трудностям посредством снижения жизненного уровня и рационализации в целой части света с примерно одинаковым жизненным стандартом невозможно. После того как ликвидация безработицы привела в действие полную покупательную способность населения, стали возможны лишь небольшие коррективы нашего сельскохозяйственного производства, но отнюдь не фактические изменения основ продовольственного обеспечения. Таким образом, как от автаркии в области продовольствия, так и от тотальности приходится отказываться.

Участие в мировом хозяйстве:

Здесь имеются такие границы, снять которые мы не в состоянии. Фундаментальному укреплению германского положения противодействовали конъюнктурные колебания. Торговые договоры не содержат никакой гарантии их практического осуществления. В особенности следует принципиально осмыслить то обстоятельство, что со времени [первой] мировой войны индустриализация шла особенно быстро в странах, являвшихся прежде экспортерами продовольствия. Мы жили в век экономических империй, в котором жажда колоний снова приблизилась к своему первоначальному состоянию. У Японии и Италии в основе их конфликтов лежали

экономические мотивы, точно так же как и для Германии побудительным мотивом стала хозяйственная нужда. Для стран, находящихся вне крупной экономической сферы, возможность экономической экспансии особенно затруднена.

Вызванный конъюнктурой в области вооружения подъем мирового хозяйства никогда не мог служить основой экономического урегулирования на длительный срок, как бы этот подъем ни противодействовал исходящему от большевизма разрушению этого хозяйства. Те государства, которые строят свое существование на внешней торговле, тем самым демонстрируют свою явную слабость в военном отношении. Поскольку наша внешняя торговля идет по тем морским путям, на которых господствует Англия, она в большей мере является вопросом безопасности для наших транспортов, чем вопросом валюты, откуда вытекает значительная слабость нашего продовольственного положения в случае войны.

Единственной, кажущейся нам даже фантастической помощью здесь явилось бы приобретение большего жизненного пространства — стремление, которое во все времена было причиной образования государств и переселения народов. То, что это стремление не вызывает никакого интереса в Женеве и у насытившихся государств, вполне объяснимо.

Если на первом плане стоит обеспечение нашего продовольственного положения, то необходимое для этого жизненное пространство следует искать только в Европе, а не исходя из либерально-капиталистических взглядов в эксплуатации колоний. Речь идет о приобретении не людских ресурсов, а полезного в сельскохозяйственном отношении пространства. Владение источниками сырья тоже гораздо целесообразнее, если они непосредственно примыкают к рейху в Европе и их не приходится искать где-то за океанами, причем воздействие этого скажется через одно или два поколения. Что же потребуется сверх того в более поздние времена, пусть решают последующие поколения. Развитие огромного мирового организма идет медленно.

Что же касается немецкого народа, то он, имея свое сильное расовое ядро, находит наиболее благоприятные предпосылки для этого на Европейском континенте. То, что любое расширение пространства может быть достигнуто только сломом сопротивления и с риском, доказано историей всех времен; достаточно назвать всемирную Римскую империю, Британскую империю. Неизбежны и неудачи. Ни сегодня, ни завтра бесхозного пространства нет и не будет, нападающий всегда столкнется с его владельцем.

Для Германии вопрос стоит так: где наибольший выигрыш при минимальной затрате сил?

Германской политике в своих расчетах приходится иметь дело с двумя ненавистными противниками: Англией и Францией, ибо могучий германский колосс в центре Европы для них — бельмо на глазу. При этом оба государства отвергают дальнейшее усиление Германии как в Европе, так и в заморских областях, и, поступая так, они могут опереться на согласие всех партий. В создании германских заморских военных баз оба государства видят угрозу своим морским коммуникациям, опасность обеспечения германской торговли и как следствие — усиление позиций Германии в Европе.

Англия не смогла бы уступить нам из своих колониальных владений никаких территорий ввиду сопротивления доминионов. После потери Англией престижа в результате захвата Италией Абиссинии на возвращение нам Восточной Африки рассчитывать не приходится. Благожелательное отношение Англии к нашим интересам могло бы в лучшем случае выразиться в удовлетворении наших колониальных желаний за счет не находящихся в настоящее время в английском владении территорий, например Анголы. В таком же духе смогла бы пойти навстречу нам и Франция. Серьезная дискуссия по вопросу о возвращении нам колоний могла бы возникнуть только в тот момент, когда Англия окажется в затруднительном положении, а германский рейх будет сильным и вооруженным.

Точку зрения, будто [Британская] империя несокрушима, фюрер не разделяет. Сопротивление, оказываемое империи, гораздо меньше в захваченных странах, чем среди конкурентов. Британскую империю нельзя сравнивать по своей прочности с Римской империей, которой со времен Пунических войн не противостоял ни один противник большей военно-политической мощи. Древний Рим пал под натиском германцев только при расслабляющем влиянии христианства и ввиду возникающих у любого государства явлений старения.

Наряду с [Британской] империей уже сейчас существует ряд превосходящих ее по силе государств. Английская метрополия может защитить свои колониальные владения только в союзе с другими государствами, но никак не одними собственными силами. Как могла бы Англия одна защитить, к примеру, Канаду от нападения Америки или отстоять свои интересы в Восточной Азии в случае нападения Японии? Изображение английской короны носителем сплоченности империи — уже само по себе признак того, что эту мировую империю средствами политической силы на долгий срок сохранить больше нельзя. Важное значение в данном отношении имеют такие доводы:

а) Стремление Ирландии к независимости.

б) Кампания за конституцию в Индии, где Англия своими полумерами открыла возможность использовать против нее в качестве средства борьбы невыполнение данных ею конституционно-правовых обещаний.

в) Ослабление Японией английской позиции в Восточной Азии.

г) Противоречия в Средиземном море с Италией, которая, ссылаясь на свою историю, действуя по необходимости и руководимая гением, вынуждена расширять свою позицию силы и благодаря этому во всевозрастающей мере выступать против английских интересов. Исход абиссинской войны — потеря Англией своего престижа, и эту потерю Италия, подогревая мусульманские страны, стремится усилить.

Подводя итог, следует констатировать: несмотря на всю свою идейную силу, империя с точки зрения политической власти в перспективе не в состоянии удерживаться 45 миллионами англичан. Соотношение численности населения империи и ее метрополии равно 9:1. Это служит нам предостережением — при расширении нашего жизненного пространства не слишком занижать служащую его платформой численность собственного населения.

Положение Франции более благоприятно, чем Англии. Французская империя территориально расположена лучше английской, жители ее колониальных владений обеспечивают ей рост военного потенциала. Но Францию ждут внутривнутриполитические трудности. В жизни народов парламентская форма правления по времени своего существования занимает примерно 10%, авторитарная — примерно 90%. Тем не менее сегодня в наших политических расчетах мы должны считать факторами силы следующие государства: Англию, Францию, Россию и граничащие с ними более мелкие государства.

Для решения германского вопроса может быть только один путь — это путь насилия, а он никогда не бывает без риска. Борьба Фридриха Великого за Силезию и войны Бисмарка против Австрии и Франции были сопряжены с неслыханным риском, но быстрота прусских действий в 1870 г. удержала Австрию от вступления в [франко-прусскую] войну. Если во главу угла поставить решение применить силу, идя при этом на риск, остается еще дать ответ на вопрос: когда и как?

Здесь можно различать три варианта.

В а р и а н т 1: время — 1943 — 1945 гг.

По истечении этого времени можно ожидать изменений только к нашей невыгоде.

Вооружение армии, военно-морского флота и люфтваффе, а также формирование офицерского корпуса к этому времени будут почти завершены, материальное оснащение и вооружение — современными, при дальнейшем же выжидании возникает опасность его устарения. Особенно трудно сохранить в тайне "оружие особого

назначения", это удастся не всегда. Создание резервов ограничивается текущими контингентами рекрутов, а пополнения из числа необученных старших возрастов в нашем распоряжении в этом случае уже не имеется.

В сравнении с проведенным до того вооружением окружающего мира мы начинаем относительно уступать в силе. Если мы не начнем действовать до 1943 — 1945 гг., то ввиду нехватки резервов каждый год может принести продовольственный кризис, для преодоления которого мы достаточным количеством валюты не располагаем. В этом будет усматриваться "слабость" режима. К тому же весь мир ожидает нашего удара и с каждым годом усиливает свои контрмеры. Если окружающий мир обложит нас со всех сторон, мы окажемся вынужденными перейти в наступление. Как на самом деле сложится положение в 1943 — 1945 гг., сейчас не знает никто. Уверенно можно сказать лишь одно: дольше мы ждать не можем!

С одной стороны, огромный вермахт при необходимости его содержать, старение [нацистского] движения и его фюреров, с другой — перспектива снижения жизненного уровня и падения рождаемости не оставляет ничего иного, кроме необходимости действовать. Если фюреру суждено дожить до того времени, то его не подлежащее никакому изменению решение таково: не позднее 1943 — 1945 гг. решить вопрос о германском жизненном пространстве. Необходимость действовать ранее 1943 — 1945 гг. может рассматриваться в случаях вариантов 2 и 3.

В а р и а н т 2.

Если социальная напряженность во Франции превратится в такой внутривластный кризис, что в его результате французская армия окажется втянутой в него и будет отстранена от военного применения против Германии, может наступить момент для действий против Чехии.

В а р и а н т 3.

Если Франция окажется настолько связанной войной с каким-либо другим государством, что не сможет выступить против Германии.

Для улучшения нашего военно-политического положения в любом случае военных действий целью №1 для нас является одновременный разгром Чехии и Австрии, чтобы исключить угрозу с флангов при вероятном наступлении на запад. При конфликте с Францией не следует рассчитывать, что Чехия объявит нам войну в тот же самый день, что и та. Если же мы проявим слабость, желание Чехии участвовать в войне возрастет, причем ее вступление ознаменуется нападением на Силезию, на север или на запад.

Если Чехия будет разгромлена и мы получим общую границу с Венгрией, можно скорее рассчитывать на нейтральную позицию Польши в германо-французском конфликте. Наши соглашения с Польшей действуют только до тех пор, пока сила Германии непоколебима. При наших неудачах следует считаться с возможностью наступления Польши на Восточную Пруссию, а, вероятно, также на Померанию и Силезию.

Предполагая такое развитие ситуации, которое привело бы с нашей стороны к планомерному продвижению в 1943 — 1945 гг., надлежит следующим образом предположительно оценить поведение Франции, Англии, Италии, Польши и России.

Фюрер полагает, что с большой вероятностью можно утверждать: Англия, а предположительно также и Франция уже потихоньку списали Чехию со счетов и удовольствуются тем, что этот вопрос однажды будет решен Германией. Трудности [Британской] империи и перспектива снова впутаться в затяжную европейскую войну являются определяющими для неучастия Англии в войне против Германии. Английская позиция, конечно, не может не оказать влияния на Францию. Выступление Франции без английской поддержки в предвидении того, что ее наступление остановится перед нашими укреплениями на Западе, маловероятно. Без поддержки Англии нечего бояться и прохода французских войск через Бельгию и Голландию, который и при конфликте с Францией не должен рассматриваться нами, так как он в любом случае вызвал бы враждебность со стороны Англии. Естественно, что отсечение войск противника на Западе во время нашего наступления на Чехию и Австрию в любом случае необходимо. Здесь следует учесть, что оборонительные меры Чехии с каждым годом усиливаются и что в австрийской армии происходит консолидация внутренних ценностей.

Поскольку плотность населения в Чехии сейчас нельзя считать небольшой, включение ее и Австрии в состав Германии означало бы приобретение продовольствия для 5 — 6 миллионов человек, если принять за основу, что придется насильственно эвакуировать из Чехии 2, а из Австрии — 1 миллион человек. Присоединение обоих государств к Германии означает значительное военно-политическое облегчение ввиду установления более короткой, улучшенной линии границ, высвобождение войск для других целей и возможность формирования новых, в количестве примерно 12, дивизий, при котором на миллион жителей будет приходиться одна новая дивизия.

Ожидать от Италии возражений против ликвидации Чехии не приходится, но, как она поведет себя в австрийском вопросе, сегодня сказать нельзя; это в значительной мере зависит от того, будет ли к тому времени еще жив дуче.

Решающим для позиции Польши явится внезапность и быстрота наших действий. Имея у себя за спиной Россию, Польша будет мало склонна вступить в войну против победоносной Германии.

Военному вмешательству России следует противопоставить быстроту нашей операции. Вообще, будет ли иметь место такое вмешательство, весьма сомнительно ввиду позиции Японии [по отношению к России].

Если вступит в силу вариант 2 — паралич Франции в результате гражданской войны, сложившееся в результате выпадения опаснейшего противника положение надо в любой момент использовать для удара по Чехии.

Фюрер считает, что в известной мере приблизился вариант 3, который тоже может возникнуть в результате напряженного положения в Средиземном море и который он в этом случае готов в любое время использовать еще в 1938 г.

По уже имеющемуся опыту военных событий в Испании, фюрер считает, что в скором времени они не закончатся. Если учесть расход времени в прежних наступлениях Франко, то в пределах возможного, что война продлится еще около трех лет. С другой стороны, с германской точки зрения стопроцентная победа Франко тоже нежелательна; мы были бы заинтересованы в длительной войне и сохранении напряженной ситуации в Средиземном море. Нераздельное владение Франко всем испанским полуостровом исключает возможность дальнейшего итальянского вмешательства и присутствия Италии на Балеарских островах. Поскольку наши интересы направлены на продолжение войны в Испании, задачей германской политики на ближайшее время должно быть усиление тыла Италии для ее дальнейшего пребывания на Балеарских островах. Но закрепление Италии на этих островах неприемлемо ни для Франции, ни для Англии и могло бы привести к их войне против Италии, при которой Испания, будь она безупречна, могла бы выступить на стороне противников Италии. В такой войне поражение Италии было бы маловероятно. Для пополнения своей сырьевой базы ей был бы открыт путь через Германию. Ведение войны со стороны Италии фюрер представляет себе таким образом, что она на своей западной границе сохранит против Франции оборонительную позицию, но поведет войну из Ливии против французских колониальных владений в Северной Африке.

Поскольку высадка франко-английских войск на берегах Италии исключается, а французское наступление через Альпы в Верхнюю Италию — дело очень трудное и, предположительно, сорвется, натолкнувшись на сильные итальянские укрепления, центр тяжести военных действий будет находиться в Северной Африке. Угроза французским морским коммуникациям со стороны итальянского

флота в большом объеме парализовала бы транспортировку ее войск из Северной Африки во Францию; таким образом, последняя имела бы в своем распоряжении на границах против Италии и Германии только сухопутные войска метрополии.

Если Германия использует эту войну для решения чешского и австрийского вопросов, можно со всей вероятностью предполагать, что Англия, находясь в войне с Италией, не присоединится к действиям против Германии. А без английской поддержки воинственной позиции Франции в отношении Германии ожидать не приходится.

Время нашего нападения на Чехию или Австрию должно зависеть от хода итало-англо-французской войны и не должно совпадать, скажем, с началом военных действий этих трех государств. Фюрер не думает о заключении военных соглашений с Италией, но хочет, используя эту уникально благоприятную возможность, самостоятельно начать и провести данную кампанию против Чехии. При этом нападение на Чехию должно быть "молниеносно быстрым".

Фельдмаршал фон Бломберг и генерал-полковник фон Фрич при обсуждении обстановки неоднократно указывали на необходимость не допустить, чтобы Англия и Франция выступили в качестве наших противников. Они констатировали, что войной против Италии французские сухопутные войска не будут связаны в такой степени, чтобы они не смогли, реализуя свое превосходство в силах, начать активно действовать на нашей западной границе. Генерал-полковник фон Фрич предположил, что на альпийской границе Франция выставит против Италии примерно 20 дивизий и таким образом на нашей западной границе все еще сохранится сильное французское превосходство, которое, по немецким понятиям, будет использовано для вступления в Рейнскую область. При этом надо принимать в расчет опережающее проведение Францией мобилизации и учесть, что (не говоря уже о совершенно незначительной боеспособности нынешнего личного состава наших укрепрайонов, на что особенно указывал фельдмаршал фон Бломберг) предназначенные для ведения боевых действий на Западе 4 моторизованные дивизии обладают лишь относительной маневренностью. По вопросу о нашем наступлении на юго-восток фельдмаршал фон Бломберг неоднократно обращал внимание присутствующих на силу чешских укреплений, за образец оснащения которых принята линия Мажино и которые до крайней степени затруднят наше наступление.

Генерал-полковник фон Фрич упомянул, что задачей проведенного по его инициативе зимой изучения было проанализировать возможности ведения операций против Чехии, особенно с точки зрения преодоления системы чешских крепостей. Далее генерал-полковник заявил, что при упомянутых выше условиях он отка-

жется от своего начинающегося 10 ноября отпуска, который он собирался провести за границей. Фюрер отклонил это его намерение, сказав, что возможность конфликта еще не следует считать непосредственно угрожающей.

Касаясь возражения министра иностранных дел, что итало-англо-французский конфликт еще не приблизился столь ощутимо, как это кажется фюреру, фюрер назвал возможную дату возникновения этого конфликта — лето 1938 г. В отношении высказанных фельдмаршалом фон Бломбергом и генерал-полковником фон Фричем соображений насчет поведения Англии и Франции фюрер повторил: он убежден в неучастии Англии, а потому в военные акции Франции против Германии не верит.

Если же обсуждаемый как возможный конфликт в Средиземном море приведет ко всеобщей мобилизации в Европе, то мы со своей стороны немедленно выступим против Чехии, а если не участвующие в войне страны заявят о своей незаинтересованности, Германия присоединится к этой позиции.

Генерал-полковник Геринг, учитывая мнение фюрера, высказался за то, чтобы подумать о прекращении наших операций по оказанию военной помощи Испании. Фюрер согласился с ним, оговорив, что для такого решения он найдет подходящий момент.

Вторая часть совещания была посвящена оснащению вермахта военной техникой.

Верно.

Полковник генерального штаба
[подпись] Хоссбах

Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D. Bl I. Baden-Baden. 1950.

3. Запись заседания в Имперской канцелярии 23 мая 1939 г.

Секретный документ командования
Передавать только через офицера

Место: кабинет фюрера в Новой имперской канцелярии.

Дежурный адъютант: подполковник генштаба Шмундт.

Участники: фюрер, фельдмаршал Геринг, гросс-адмирал Редер, генерал-полковник фон Браухич, генерал-полковник Кейтель, генерал-полковник Мильх, генерал артиллерии Гальдер, генерал Боденшатц, контр-адмирал Шнивинд, полковник генштаба Ешоннек, полковник генштаба Варлимонт, подполковник генштаба Шмундт, капитан Энгель, капитан 3 ранга Альбрехт, капитан фон Белов.

Предмет обсуждения: сложившееся положение и цели политики.<...>

Далее воспроизводятся по смыслу высказывания фюрера.<...>

В период 1935 — 1939 гг. — прогресс во всех областях. Наше военное положение в огромной степени улучшилось.

Наше положение в окружающем мире осталось прежним. Равновесие сил было установлено без участия Германии. Учет жизненных интересов Германии и ее возвращение в круг обладающих силой государств нарушает это равновесие. Все притязания Германии отвергаются как "вторжение".

Англичане боятся экономической угрозы больше, чем обычной угрозы силой.

80-миллионная масса свои идейные проблемы решила. Экономические же проблемы еще подлежат решению. Создания экономических предпосылок к этому не избежать ни одному немцу. Для решения проблем требуется мужество. Ни в коем случае нельзя придерживаться принципа, будто приспособлением к обстоятельствам можно уклониться от решения этих проблем. Наоборот, надо обстоятельства приспособить к нашим требованиям. Без вторжения в иностранные государства или нападения на чужую собственность это невозможно.<...>

Жизненное пространство, соответствующее величине государства, есть основа любой силы. Какое-то время этим можно пренебрегать, но затем решение проблемы — так или иначе — приходит. Остается выбор между подъемом или скатыванием вниз. Через 15 или 20 лет решение это станет для нас поневоле необходимым. Дольше уклониться от него не сможет ни одно германское государство. В настоящее время мы находимся в состоянии национального воодушевления в такой же мере, как и два других государства: Италия и Япония.

Прошедшее время использовано хорошо. Все шаги были последовательно направлены на эту цель.

Спустя шесть лет положение сегодня таково: национальное объединение немцев за немногими исключениями осуществлено. Дальнейшие успехи без кровопролития достигнуты быть не могут.

Определение границ важно в военном отношении.

Поляк — не дополнительный враг. Польша всегда будет стоять на стороне наших врагов. Несмотря на соглашение о дружбе, в Польше всегда существовало намерение использовать против нас любую возможность.

Данциг — не тот объект, из-за которого все затеяно. Речь для нас идет о расширении жизненного пространства на Востоке и о продовольственном обеспечении, а также о решении проблемы Балтики. Обеспечение продовольствием возможно только оттуда, где плотность населения мала. Наряду с повышением плодородия почв это обеспечение значительно усилится и за счет немецкого основательного хозяйствования.

В Европе других возможностей не видно.

Колонии: предостерегает от принятия в дар колониальных владений. Это — не решение продовольственной проблемы. Блокада!

Если судьба толкает нас на столкновение с Западом, хорошо обладать большим жизненным пространством на Востоке. Во время войны мы можем рассчитывать на рекордные урожаи еще меньше, чем в условиях мира.

Население негерманских областей не несет военной службы и может быть привлечено к трудовому использованию.

Проблема "Польша" неотделима от столкновения с Западом. Внутренняя прочность Польши в борьбе с большевизмом сомнительна. Поэтому и Польша тоже — сомнительный барьер от России. Военное счастье на Западе с быстрым решением исхода войны стоит под вопросом, так же как и поведение Польши. Перед нажимом России польский режим не устоит. В победе Германии над Западом Польша видит опасность для себя и попытается нас этой победы лишить.

Поэтому вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает и остается решение при первом же подходящем случае на нее напасть. О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до борьбы. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции Польши имеет решающее значение.

Поэтому фюрер должен оставить отдачу окончательного приказа о нанесении удара по Польше за собой. Нельзя допустить одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией).

Если же уверенности в том, что в процессе германо-польского конфликта война с Западом будет исключена, нет, борьба должна вестись в первую очередь против Англии и Франции.

Принципиальная установка: столкновение с Польшей, начинаемое нападением на нее, может привести к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры. Если это невозможно, тогда лучше напасть на Запад и при этом одновременно ликвидировать Польшу.

Изоляция Польши — дело ловкой политики.

Трудный вопрос — Япония. Если поначалу она по различным причинам относилась к сотрудничеству с нами холодно, то в ее собственных же интересах своевременно выступить против России.

Экономические отношения с Россией возможны, только если улучшатся отношения политические. В комментариях прессы видна осторожная позиция. Не исключено, что Россия покажет себя не заинтересованной в разгроме Польши. Если Россия и впредь будет действовать против нас, отношения с Японией могут стать более тесными.

Союз Франция — Англия — Россия против Германии — Италии — Японии побудил бы меня нанести по Англии и Франции несколько уничтожающих ударов.

В возможности мирного конфликта с Англией фюрер сомневается. Необходимо подготовиться к столкновению. Англия видит в нашем развитии создание фундамента той гегемонии, которая обессилит ее. Поэтому Англия — наш враг и столкновение с нею — борьба не на жизнь, а на смерть.

Как будет выглядеть это столкновение?

Англия неспособна расправиться с Германией несколькими мощными ударами и сокрушить нас. Главное для Англии — скорее перенести войну поближе к Рурской области. Французскую кровь она щадить не будет (Западный вал!). Овладение Рурской областью решает вопрос о длительности нашего сопротивления.

Голландские и бельгийские авиационные базы должны быть захвачены военной силой. На заявления о нейтралитете полагаться не следует. Если Франция и Англия при войне Германии против Польши доведут дело до своего столкновения с нами, они будут поддерживать нейтралитет Голландии и Бельгии, чтобы заставить их идти вместе с собой.

Бельгия и Голландия, хотя и протестуя, уступят этому давлению. Поэтому мы должны, если при польской войне Англия захочет вмешаться, молниеносно напасть на Голландию. Следует стремиться занять новую оборонительную линию на голландской территории до Зюйдерзее. Война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть.

Намерение дешево откупиться опасно; такой возможности нет. Надо сжечь за собой все мосты, ведь дело пойдет не о праве или произволе, а о том, быть или не быть 80 миллионам человек.

Вопрос: короткая или долгая война?

Каждые вооруженные силы или государственное руководство должны стремиться к войне короткой. Но государственное руководство должно настроить себя и на войну продолжительностью 10 — 15 лет.

В истории всегда бывало так, что верили в войну короткую. В 1914 г. еще придерживались взгляда, что длительные войны финансировать невозможно. Сегодня мысль эта тоже бродит во многих головах. Каждое государство будет держаться сколько можно, если сразу же не наступит его резкого ослабления (например, потеря Рурской области). У Англии тоже есть подобные слабые места.

Англия знает, что неудачный исход войны означает конец ее мирового могущества.

Англия — это мотор, работающий против Германии. Ее сила в следующем:

1. Британец сам по себе горд, смел, упорен, способен к сопротивлению и обладает организаторскими способностями. Умеет оценить каждое новое явление. У него есть авантюризм и мужество нордической расы. Но чем больше количество, тем ниже качество. Средний уровень немцев выше.

2. Это мировая империя сама по себе. Устойчива вот уже 300 лет. Увеличилась за счет союзников. Ее силу следует считать не только реальной, но и психологически охватывающей весь земной шар. К этому добавляется несметное богатство и связанная с ним кредитоспособность.

3. Геополитическое обеспечение и прикрытие крупной военно-морской силой и храброй авиацией.

Слабые стороны Англии:

Если бы мы [в первой мировой] войне имели двумя броненосцами и двумя крейсерами больше и начали битву в Скагерраке утром, британский флот был бы разбит, а сама Англия — поставлена на колени. Это означало бы конец мировой войны. Раньше, чтобы победить Англию, было недостаточно разбить ее флот, надо было высадиться на ее территории. Англия могла сама прокормить себя. А сегодня это уже невозможно.

В тот момент, когда Англия окажется отрезанной от подвоза, она будет вынуждена капитулировать. Подвоз продовольствия и горючего зависит от защиты его флотом.

Нападение люфтваффе на территорию английской метрополии не заставит Англию капитулировать в один день. Однако, будь уничтожен ее флот, следствием явилась бы немедленная капитуляция.

Нет никакого сомнения в том, что ошеломляющее нападение может привести к быстрому решению. Однако было бы преступным, если бы государственное руководство полагалось на внезапность.

Внезапность, как свидетельствует опыт, может не сработать в следующих случаях:

1. Выдача тайны лицам, не принадлежащим к компетентным военным кругам.

2. Обычная случайность, которая срывает всю акцию.

3. Личная несостоятельность.

4. Погодные условия.

Дата нанесения удара должна быть определена заранее. К тому же долго жить в состоянии напряжения нельзя. Надо считаться и с тем, что погодные условия могут сделать невозможным ошеломляющее участие флота и люфтваффе.<...>

1. Необходимо стремиться к тому, чтобы в самом начале нанести противнику уничтожающий удар. При этом вопрос о праве или произволе, а также ссылки на договора никакой роли не играют.

Это возможно только в том случае, если в войну с Англией не "соскальзывать" через Польшу.

2. Наряду с внезапным нападением следует готовить длительную войну с уничтожением английских возможностей на континенте.

Сухопутные войска должны овладеть такими позициями, которые важны для флота и люфтваффе. Если удастся занять Голландию и Бельгию, а также разбить Францию, таким образом будет создана база для успешной войны против Англии.

Тогда люфтваффе сможет взять на себя более плотную блокаду с территории Западной Франции, а флот и подводные лодки сделают все остальное.

Последствия:

Англия не сможет воевать на континенте, ежедневные налеты люфтваффе и действия военно-морского флота перережут все ее жизненно важные кровеносные сосуды.

Время работает против Англии.

Германия не истечет кровью на суше.

Необходимость такого ведения войны доказывается [первой] мировой войной и военными событиями, имевшими место с тех пор.<...>

Internationales Militärtribunal, Nürnberg (далее — IMT), Dok. L-079.

4. Выступление Гитлера на секретном совещании командующих войсками вермахта в Оберзальцберге 22 августа 1939 г.

Я созвал вас для того, чтобы дать вам картину политического положения, дабы вы получили представление об отдельных элементах, на которых основано мое решение действовать, а также для того, чтобы укрепить ваше доверие.<...>

Мне было ясно, что раньше или позже дело должно дойти до столкновения с Польшей. Я принял решение еще весной, но думал, что сначала через несколько лет выступлю против Запада, а уже потом против Востока. Однако последовательность во времени не поддается определению заранее. К тому же нельзя закрывать глаза на угрожающее положение. Первоначально я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы потом начать борьбу против Запада. Однако этот импонирующий мне план оказался неосуществим, поскольку изменились существенные обстоятельства. Мне стало ясно: при столкновении с Западом Польша нападет на нас. Польша стремится получить выход к морю. После занятия

Мемельской (Клайпедской.— *Пер.*) области дальнейший ход событий показал это, и мне сделалось ясно, что при известных условиях Польша сможет напасть на нас в неблагоприятный для нас момент. В качестве причин таких соображений приведу следующие.

1. Прежде всего два обстоятельства персонального значения: моя личность и личность Муссолини.

Ввиду моих политических способностей все в значительной мере зависит от меня, от моего существования. Ведь это факт, что никто не пользуется таким доверием немецкого народа, как я. В будущем, верно, никогда не будет другого такого человека, который имел бы больший авторитет, чем имею я. Следовательно, мое существование есть фактор огромного значения. Но я могу быть в любой момент уничтожен каким-нибудь преступником, каким-нибудь идиотом.

Второй персональный фактор — это дуче. Его существование тоже имеет решающее значение. Если с ним что-нибудь случится, союзническая верность Италии больше не сможет быть надежной. Основная позиция итальянского двора — против дуче. Это именно двор видит в расширении [итальянской] империи бремя для себя. Дуче — самый крепкий нервами человек в Италии.

Третий персональный фактор, благоприятный для нас, — это Франко. Мы можем потребовать от Испании благожелательного нейтралитета. Но это зависит от личности Франко. Он гарантирует определенную унификацию и устойчивость нынешней системы в Испании. Мы должны считаться с тем, что в Испании пока еще нет фашистской партии, такой же внутренне сплоченной, как наша.

На противной стороне в том, что касается влиятельных личностей, картина негативная. В Англии и Франции личностей крупного масштаба нет.

Нам принимать решения легко. Нам терять нечего, мы можем только приобрести. Наше экономическое положение в результате наших ограничений таково, что мы сможем продержаться лишь несколько лет. Геринг может это подтвердить. Нам не остается ничего иного, как действовать. Наши противники рискуют многим, а выиграть могут немного. Вклад Англии в войну чрезвычайно велик. Наши противники имеют лидеров ниже среднего уровня. Ни одной выдающейся личности. Ни одного властелина, ни одного человека действия.

Наряду с персональными факторами благоприятно для нас и политическое положение. В бассейне Средиземного моря — соперничество между Италией, Францией и Англией, в Восточной Азии — напряженность в отношениях между Японией и Англией. На Ближнем Востоке — напряженность, вызывающая тревогу мусульманского мира.

Английская империя уже из последней войны вышла не усиленной. Господства на морях она не добилась. Конфликт Англия — Ирландия. Независимость Южно-Африканского Союза возросла. Приходится делать уступки и Индии. Англия находится в крайне угрожаемом положении. Нездоровая индустриализация. Любой британский государственный деятель может глядеть в будущее только с тревогой.

Положение Франции тоже стало хуже, особенно в Средиземном море.

В качестве благоприятных для нас факторов следует назвать такие.

На Балканах со времени захвата Албании установилось равновесие сил. Югославия ввиду своих внутренних условий несет в себе смертельный зародыш разложения. Румыния сильнее не стала. Она подвержена агрессии и уязвима. Ей угрожают Венгрия и Болгария. После смерти Кемаль[-паши] Турцией правят мелкие душонки, бесхребетные, слабые люди.

Всех этих счастливых обстоятельств через 2—3 года уже не будет. Никто не знает, как долго я еще проживу. Поэтому пусть лучше столкновение произойдет сегодня.

Образование Великой Германии было политически великим свершением, но в военном отношении оно внушало опасения, ибо было достигнуто блефом политического руководства. Необходимо испытать военную силу. И если возможно, не в виде генерального сведения счетов, а путем решения отдельных задач.

Отношения с Польшей стали невыносимыми. Моя политика в отношении Польши, проводившаяся до сих пор, противоречила воззрениям нашего народа. Принятию моих предложений Польшей (Данциг, коридор) препятствовало вмешательство Англии. Польша сменила свой тон по отношению к нам. Состояние напряженности на длительный срок нетерпимо. Инициатива не должна перейти в другие руки. Сейчас момент благоприятнее, чем через 2 — 3 года. Покушение на меня или Муссолини смогло бы изменить положение не в нашу пользу. Нельзя же вечно стоять друг против друга с винтовкой на боевом взводе. Предложенное нами компромиссное решение потребовало бы от нас изменения нашего мировоззрения, жестов доброй воли. С нами снова заговорили бы на языке Версаля. Возникла опасность потери престижа. Вероятность того, что Запад не выступит против нас, еще велика. Мы должны с безоглядной решимостью пойти на риск. Политик точно так же, как полководец, должен брать на себя риск. Мы стоим перед лицом суровой альтернативы: либо нанести удар, либо быть раньше или позже уничтоженными.<...>

Не окажись я в прошлом прав, меня бы побили камнями. Опаснейшим шагом явилось вступление в нейтральную [Рейнскую] зону. За восемь дней до того я получил от Франции предупреждение. Но я всегда шел на огромный риск, будучи убежден в том, что он себя оправдает.

И теперь тоже риск велик. Нужны железные нервы. Железная решимость.

Меня укрепляют в моей решимости следующие особые причины. Англия и Франция приняли на себя обязательство, но ни та, ни другая выполнить его не в состоянии. В Англии никакого фактического вооружения нет, одна пропаганда. Очень большой вред причинило то, что многие немцы отнеслись отрицательно (к Мюнхенскому соглашению.— *Пер.*) и после решения чехословацкого вопроса говорили и писали англичанам: фюрер оказался прав потому, что у вас не выдержали нервы, потому, что вы слишком рано капитулировали. Вот чем объясняется теперешняя пропагандистская война. Англичане говорят о войне нервов. Одним из элементов этой войны является изображение роста вооружений. Но каково британское вооружение на самом деле? Программа строительства военно-морского флота на 1938 г. еще не выполнена. Только мобилизация резервного флота. Закупка рыболовных судов. Существенного усиления английского флота раньше 1941 или 1942 г. ожидать не приходится.

С сухопутными войсками там тоже мало что изменилось. Англия будет в состоянии послать на континент максимум три дивизии. Кое-что, правда, произошло в области авиации, но это еще только начало. ПВО находится в начальной стадии. В настоящее время Англия имеет всего немногим больше 150 зениток. Новые зенитные орудия еще только заказаны. Пройдет немало времени, пока они будут изготовлены. Отсутствуют приборы управления артиллерийским огнем. Англия еще уязвима. Авиация Англии насчитывает в настоящее время всего 130 000 человек, Франции — 72 000, Польши — 15 000. В Англии желают, чтобы конфликт произошел не раньше чем через 2 — 3 года.

Характерным для Англии является следующее. Польша хочет получить от Англии заем для своего вооружения. Но Англия дает только кредиты, чтобы Польша покупала у нее, хотя сама ей ничего поставить не может. Это говорит за то, что в действительности Англия поддерживать Польшу не намерена. Она не желает рисковать в Польше 8 миллионами фунтов, хотя в Китай она вложила полмиллиарда. Положение Англии в мире весьма затруднительно. Она на риск не пойдет.

Во Франции — нехватка людей (падение рождаемости). В области вооружения сделано мало. Артиллерия устарела. Франция не хочет влезать в эту авантюру.

У Запада есть только две возможности бороться против нас:

1. Блокада, но она будет неэффективной ввиду нашей автаркии, а также потому, что мы имеем вспомогательные источники на Востоке.

2. Нападение на Западе с линии Мажино считаю невозможным.

Имелась бы еще возможность нарушения нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. У меня нет никаких сомнений в том, что все эти страны, а также и Скандинавия защищали бы свой нейтралитет всеми средствами. Англия и Франция нейтралитета этих стран не нарушат. Значит, фактически Англия Польше помочь не сможет. Остается еще нападение на Италию. Военное вмешательство исключено. На длительную войну никто не рассчитывает. Если бы господин Браухич сказал мне, что мне потребуется четыре года, чтобы захватить Польшу, я бы ему ответил: так дело не пойдет! Когда кто-то говорит, что Англия хочет продолжительной войны, это бред!

Мы будем сдерживать Запад до тех пор, пока не захватим Польшу. Мы должны сознавать наши огромные производственные возможности. Они гораздо больше, чем в 1914 — 1918 гг.

Противник еще надеялся, что Россия после завоевания нами Польши выступит как [наш] враг. Но противники не учли моей огромной способности принимать решения. Наши противники — мелкие черви. Я видел их в Мюнхене.

Я был убежден, что Сталин никогда не пойдет на английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши, а потом Сталин знает, что режиму его конец, все равно, выйдут ли его солдаты из войны победителями или же потерпевшими поражение. Решающее значение имела замена Литвинова. Поворот в отношении России я провел постепенно. В связи с торговым договором мы вступили в политический разговор. Предложение пакта о ненападении. Затем от России поступило универсальное предложение. Четыре дня назад я предпринял особый шаг, который привел к тому, что вчера Россия ответила, что готова на заключение пакта. Установлена личная связь со Сталиным. Фон Риббентроп послезавтра заключит договор. Итак, Польша находится в том состоянии, в каком я хотел ее видеть.

Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк. Это огромная цель, которая требует огромных сил. Боюсь только одного: как бы в последний момент какая-нибудь паршивая свинья не подсунула мне свой план посредничества.

В своей политической цели я иду дальше. Начало разрушению господствующего положения Англии положено. После того, как я осуществил политические приготовления, путь солдатам открыт.

Нынешнее опубликование пакта о ненападении с Россией подобно разорвавшемуся снаряду. Последствия необозримы. Сталин тоже сказал, что этот курс пойдет на пользу обеим странам. Воздействие на Польшу будет чудовищным.

(Геринг благодарит фюрера и заверяет его, что вермахт выполнит свой долг.)

IMT. Dok. PS—798.

ай да геринг! Насрал долбо... Гурзача! Сталина!

5. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г.

Правительство СССР и Правительство Германии, руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

С т а т ь я I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

С т а т ь я II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

С т а т ь я III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

С т а т ь я IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

С т а т ь я V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

С т а т ь я VI

Настоящий Договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

С т а т ь я VII

Настоящий Договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Правда. 1939. 24 августа

Русский текст цит. по: Год кризиса. 1938 — 1939. М., 1990. Т. 2. С. 319 — 320.

5а. Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентрон

Das nationalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion 1939 — 1941. Herausgegeben von Carroll und Epstein. Washington, 1948. S. 84 ff.

Русский текст цит. по: Год кризиса. 1938 — 1939. Т. 2. С. 321.

6. Директива Гитлера №1 о ведении войны

Верховный главнокомандующий
вооруженными силами
ОКВ/Штаб оперативного
руководства вермахта

Берлин, 31.8.1939 г.
Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

1. После того как политические возможности мирным путем устранить нетерпимое для Германии положение на ее восточной границе исчерпаны, я решил пойти на решение этого вопроса силой.

2. Нападение на Польшу провести согласно принятым по плану "Вейс" ("Белый".— *Пер.*) приготовлениям с теми изменениями, которые вытекают из почти законченного сосредоточения и развертывания сухопутных войск.

Распределение задач и цель операции остаются без изменений.

Дата нападения: 1.9.39 г.

Время нападения: 4.45.

Это время действует также для операции по захвату Данцига (Гданьска) и Данцигской бухты, а также моста Диршау.

3. На Западе задача заключается в том, чтобы однозначно переложить ответственность за начало боевых действий на Англию и Францию. Незначительные нарушения границы первоначально допускать только в локальном масштабе. Данные нами Голландии, Бельгии, Люксембургу и Швейцарии гарантии их нейтралитета тщательно соблюдать.

Германскую сухопутную границу не переходить ни в одном пункте без моего категорического разрешения.

То же самое относится ко всем военным или считающимся таковыми действиям на море.

Оборонительные меры авиации первоначально ограничить безусловным отражением вражеских воздушных налетов на имперскую границу, причем до тех пор, пока это представляется возможным, соблюдать при отражении отдельных самолетов и их мелких групп границы нейтральных государств. Только если при использовании более крупных французских и английских авиационных наступательных соединений против немецких областей через территорию нейтральных государств ПВО на Западе более обеспечена быть не может, разрешается вести оборонительные действия в воздушном пространстве этих нейтральных государств.

Особенно важно как можно быстрее сообщать ОКВ о любом нарушении западными противниками нейтралитета третьих государств.

4. В случае, если Англия и Франция откроют военные действия против Германии, задача действующих на Западе частей вермахта — максимально щадя свои силы, создать предпосылки для успешного завершения операций против Польши. В рамках этой задачи следует по мере сил наносить ущерб вражеским вооруженным силам и их военно-хозяйственным источникам боеобеспечения. Отдачу приказа о переходе к наступательным действиям в любом случае оставляю за собой. Сухопутные войска удерживают Западный вал и принимают подготовительные меры, чтобы не допустить их охвата войсками западных держав с севера при одновременном нарушении нейтралитета бельгийской или голландской территории. Если же французские войска вступят в Люксембург, разрешается взрывать приграничные мосты.

Военно-морской флот ведет войну против торгового судоходства с центром тяжести против Англии. Для усиления воздействия можно рассчитывать на заявление о зонах опасности.<...>

Обезопасить Балтийское море от вражеского вторжения. Решение, следует ли с этой целью минировать входы в Балтийское море, принимает главнокомандующий военно-морским флотом. Задача люфтваффе — в первую очередь не допустить применения французской и английской авиации против вермахта и германского жизненного пространства.

При ведении военных действий против Англии следует подготовить использование люфтваффе для создания помех снабжению Англии морским путем, работе военной промышленности, транспортировке войск во Францию. Следует использовать благоприятные возможности для налетов на сконцентрированные английские военно-морские соединения, особенно на линейные корабли и авианосцы.

Налеты на Лондон производить только по моему решению. Нападения на английскую метрополию готовить, руководствуясь тем, чтобы при всех условиях избежать неполного успеха, достигнутого частью сил.

Адольф Гитлер

H.-A. Jacobsen. Dokumente zur Vorgeschichte des Westfeldzuges 1939/1940. Göttingen. 1957.

б). Политика и ведение войны: 1939 — 1942

7. Из речи Гитлера в рейхстаге 1 сентября 1939 г.

<...> Обращаясь к вермахту с призывом и требуя от немецкого народа жертв — причем жертв любых, — я имею на то право, ибо я и сам сегодня, точно так же как и прежде, готов принести любую личную жертву. Я не требую ни от одного немца чего-либо иного, нежели то, что более четырех лет был готов в любой момент добровольно сделать сам. Нет в Германии такого бремени, которое я сам не принял бы тотчас же на свои плечи. Вся жизнь моя отныне целиком принадлежит моему народу. Не хочу ничего иного, кроме как быть первым солдатом германского рейха. Вот почему я снова надел тот мундир, который издавна был для меня самым святым и дорогим. Я сниму его только после победы, ибо поражения я не переживу.

Если же в этой борьбе со мной что-либо случится, моим первым преемником станет партайгеноссе Геринг. Если что-нибудь случится с Герингом, следующий мой преемник по очередности — это партайгеноссе Гесс. Вы будете обязаны подчиняться им как фюрерам с такой же слепой верностью и повиновением, как мне самому. Если что-нибудь случится и с партайгеноссе Гессом, я, согласно закону, созову сенат, который должен будет избрать из своей среды достойнейшего, а это значит храбрейшего.

Как национал-социалист и как германский солдат я вступаю в эту борьбу с твердым сердцем. Вся моя жизнь была не чем иным, как исключительно борьбой за мой народ, за его мировоззрение, за Германию. Превыше этой борьбы — лишь вера в мой народ. Только одно слово не было мне знакомо никогда; и слово это — капитуляция! Если кто-нибудь считает, что нас, возможно, ожидают трудные времена, прошу его задуматься над тем, что однажды прусский король (Фридрих II. — *Пер.*) вместе со своим до смешного малым государством противостоял крупнейшей коалиции

и в ходе всего трех сражений в конечном счете пришел к победе, ибо у него было верящее и сильное сердце, которое нужно и нам сегодня. А потому я хотел бы сразу заверить весь мир: ноябрь 1918 г. в германской истории больше не повторится никогда!

Будучи сам готов в любой момент отдать свою жизнь — ее может взять кто угодно! — за мой народ и за Германию, я требую того же и от каждого другого. Ну, а тот, кто думает, будто ему прямо или косвенно удастся воспротивиться этому национальному долгу, должен пасть! Предателя ждет только одно: смерть!

Тем самым все мы выражаем приверженность нашему старому принципу: не имеет никакого значения, выживем ли мы сами, — необходимо, чтобы жил наш народ, чтобы жила Германия! <...>

Der großdeutsche Freieitskampf. Reden A. Hitlers. München. 1943.

8. Английский ультиматум Германии от 3 сентября 1939 г., врученный послом Великобритании Гендерсоном (Берлин, 1 сентября 1939 г., 9 ч. утра)

В сообщении, которое я имел честь сделать вам 1 сентября по указанию государственного секретаря по внешней политике, я поставил вас в известность, что правительство Его Величества короля Соединенного Королевства без колебаний выполнит свое обязательство по отношению к Польше, если германское правительство не проявит готовности дать правительству Его Величества короля Соединенного Королевства удовлетворительные заверения в том, что оно прекратит любые наступательные действия против Польши и готово незамедлительно отвести свои войска с польской территории.

Хотя это сообщение было сделано более 24 часов назад, никакого ответа на него не получено; напротив, германское нападение на Польшу продолжается и усиливается. Соответственно имею честь поставить вас в известность, что если сегодня, 3 сентября, до 11 часов дня по британскому летнему времени германское правительство не сделает удовлетворительного заверения в вышеупомянутом духе и оно не будет получено правительством Его Величества, с этого часа между обеими странами наступит состояние войны.

Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Nr. 472, 473, 477.

9. Телеграмма Гитлера Муссолини от 3 сентября 1939 г.

Дуче,

прежде всего благодарю вас за вашу последнюю попытку посредничества. Я готов был бы принять его, но только при том предварительном условии, что нашлась бы возможность дать мне определенные гарантии успешного хода конференции. Ведь вот уже два дня германские войска осуществляют местами чрезвычайно быстрое продвижение в Польше. Было бы недопустимо обесценить дипломатическими кознями пролитую ими собственную кровь. Несмотря на это, я полагаю, что путь к миру все-таки мог бы быть найден, если бы Англия заранее не решила при всех условиях вступить в войну. Я не уступлю английским угрозам, ибо я, дуче, больше не верю, что мир мог бы быть сохранен дольше чем на полгода или, скажем, год.

При этих обстоятельствах я счел настоящий момент, несмотря ни на что, пригодным для сопротивления. В настоящее время превосходство германского вермахта в Польше во всех технических областях настолько огромно, что польская армия развалится в самое короткое время. Удалось бы достигнуть столь быстрого успеха через год или два, я думаю, вызывает сомнение. Во всяком случае Англия и Франция за это время так вооружили бы своих союзников, что решающее техническое превосходство германского вермахта больше проявиться бы не смогло.

Сознаю, дуче, что борьба, в которую я вступаю, идет не на жизнь, а на смерть. Моя собственная судьба при этом вообще никакой роли не играет. Но я по-прежнему сознаю, что долго избежать такой борьбы нельзя и что надо холодным умом выбрать такой момент, чтобы успех был гарантирован, и в такой успех я, дуче, верю непоколебимо.

Недавно вы дружески заверили меня, что можете помочь мне во многих областях. Заранее воспринимаю это с искренней благодарностью. Но я и далее верю, что (даже если сейчас мы шагаем разными путями) судьба еще свяжет нас друг с другом общими узами. Окажись национал-социалистская Германия разрушенной западными демократиями, фашистскую Италию тоже ожидало бы тяжелое будущее. Лично я всегда сознавал эту взаимосвязь будущего обоих наших режимов, и я знаю, что вы, дуче, думаете точно так же.

Что же касается положения в Польше, хотел бы кратко заметить, что мы, естественно, отбрасываем все неважное, не используем ни одного человека для выполнения второстепенных задач, а, напротив, во всех своих действиях руководствуемся крупными оперативными соображениями. Благодаря этим нашим действиям находящаяся в коридоре польская северная армия полностью от-

резана. Она будет стерта в пыль либо сдастся. В остальном же операции идут по плану. Каждодневные успехи войск — сверх всяких ожиданий. Господство нашей авиации, хотя в Польше действует сегодня едва лишь треть ее, невероятно.

На Западе же я буду вести себя оборонительно. Пусть сначала здесь прольет свою кровь Франция. А затем придет момент, когда мы всей силой нашей нации вступим в борьбу с врагом.

Примите еще раз мою благодарность, дуче, за всю вашу поддержку, которую вы оказывали мне в прошлом и в которой прошу вас, не отказывать мне и в будущем.

Адольф Гитлер

IMT. Dok. PS—1831.

M. Toscano. Le origini diplomatiche del patto d'acciaio. 2. Auflage. Firenze. 1956.

10. Из речи Гитлера в рейхстаге 6 октября 1939 г.

<...> Спустя 14 дней [после начала войны] главные силы польской армии раздроблены, пленены или окружены. Германская же армия за это время преодолела такие расстояния, захватила такие пространства, для преодоления и захвата которых 25 лет назад потребовалось бы более 14 месяцев.<...> То, что последние остатки польских армий смогли продержаться в Варшаве, Модлине и Геле до 1 октября, следует приписать не их отваге, а только нашей холодной рассудочности и чувству ответственности.<...>

Если в этом наступлении [на Польшу] проявилась общность интересов с Россией, то она основывается не только на однородности тех проблем, которые касаются обоих государств, но и на однородности того опыта, который оба государства приобрели в формировании отношений друг с другом.

Уже в моей данцигской речи [19 сентября 1939 г.] я заявил, что Россия организована на принципах, во многом отличающихся от наших. Однако с тех пор, как выяснилось, что Сталин не видит в этих русско-советских принципах никакой причины, мешающей поддерживать дружественные отношения с государствами другого мировоззрения, у национал-социалистской Германии тоже не было больше побуждения применять здесь иной масштаб.

Советская Россия — это Советская Россия, а национал-социалистская Германия — это национал-социалистская Германия. Но несомненно одно: с того момента, как оба государства начали взаимно уважать их отличные друг от друга режимы и принципы, отпала всякая причина для каких-либо взаимных враждебных отношений.<...>

Заклученный тем временем между Германией и Советской Россией пакт о дружбе и сферах интересов дает обоим государствам не только мир, но и возможность счастливой и прочной сотрудничества. Германия и Советская Россия общими усилиями лишат одно из опаснейших мест в Европе его угрожающего характера и, каждая в своей сфере, будут вносить свой вклад в благополучие проживающих там людей, а тем самым и в европейский мир.<...>

Однако в одном решении Германии неизменно: в создании также и на Востоке нашего рейха мирных, стабильных и тем самым приемлемых условий жизни. И именно здесь германские интересы и желания совпадают с интересами и желаниями Советской России. Оба государства полны решимости не допустить, чтобы между ними возникли такие проблемы, в которых таится ядро внутренних волнений, а тем самым и внешних помех и которые могли бы каким-либо неблагоприятным образом затронуть отношения между обеими великими державами. Поэтому Германия и Советский Союз провели четкую границу областей обоюдных интересов, решив каждая в своей части позаботиться о спокойствии и порядке и не допустить ничего, что могло бы причинить вред другому партнеру.

<...> Правительство Германской империи никогда не допустит, чтобы возникшее в дальнейшем остаточное польское государство смогло бы стать мешающим элементом для самого рейха или тем более источником помех между ним и Советской Россией.<...>

Der großdeutsche Freiheitskampf. S. 67 ff.

11. Выступление Гитлера на совещании командующих составных частей вермахта 23 ноября 1939 г.

Цель этого совещания: дать вам представление о мыслях, обуревающих меня в связи с предстоящими событиями, и сообщить вам свое решение. Создание вермахта стало возможным во взаимосвязи с воспитанием немецкого народа партией в духе нашего мировоззрения. Когда в 1919 г. я начал свою политическую деятельность, сила моей веры в конечный успех основывалась на оценке событий того времени и на изучении причин тогдашних явлений. Вот почему даже при всех тех ударах, которые выпадали на мою долю в годы борьбы, я своей веры не терял никогда. Свое последнее слово сказало Провидение и принесло мне успех. Но и сам я всегда ясно осознавал предположительный ход исторических событий и никогда не терял твердой воли, необходимой для жестких решений.

Первое такое решение было принято мною в 1919 г. Когда я после тяжелой внутренней борьбы решил стать политиком и начать борьбу против моих врагов, это было самое трудное решение из всех. Но у меня имелось твердое убеждение, что своей цели я достигну. Я стремился добиться этого методом отбора. Я хотел привлечь к моему делу то избранное меньшинство, которое было призвано встать у руля руководства. Спустя 15 лет я, после тяжелых боев и многих поражений, этой цели достиг. Когда в 1933 г. я пришел к власти, позади у меня лежал период тяжелейшей борьбы. Все, что было до меня, обанкротилось. Мне пришлось реорганизовать все заново, начиная с народного организма и кончая вооруженными силами. Сначала надо было провести внутреннюю перестройку, устранить явления распада, искоренить пораженчество, воспитать народ в духе героизма.

В ходе внутренней перестройки я принялся за решение и второй задачи: высвобождения Германии из международных союзов. Здесь следует подчеркнуть две особенности: выход из Лиги Наций и отказ от участия в конференции по разоружению. Это были трудные решения. Число пророков, предрекавших, что это приведет к захвату [западными державами] Рейнской области, было очень велико, а число веривших в успех — очень мало. Но я осуществил свое намерение, ибо за моей спиной сплоченно стояла вся нация. Затем я дал приказ приступить к вооружению. И здесь тоже — многочисленные пророки, предсказывавшие неудачу, и лишь немногие — верящие в успех. В 1935 г. последовало введение всеобщей воинской повинности. Затем была произведена ремилитаризация Рейнской области; эту акцию тоже поначалу считали неосуществимой. Затем мы стали укреплять эту область, особенно свою западную границу. Число тех, кто верил в меня, было весьма незначительно.

Год спустя — Австрия. К этому шагу тоже отнеслись с большими опасениями, а он привел к укреплению рейха. Затем должны были последовать Богемия, Моравия и Польша. Но этой цели достигнуть одним махом было невозможно. Сначала надо было воздвигнуть на Западе Западный вал. Добиться цели сразу было нереально. Мне с первого же мгновения было ясно: одной Судетской областью я удовлетвориться не смогу, ибо это — частичное решение вопроса. Было принято решение о вступлении в Богемию [Чехию]. За ним последовало создание протектората [Богемия и Моравия], и тем самым была создана основа для захвата Польши.

Правда, в тот момент мне все еще не было ясно, следует ли мне сначала выступить против Востока, а уже потом против Запада, или наоборот? У Мольтке* в свое время возникали такие же сомнения. В силу обстоятельств пришлось сначала заняться Польшей.

* Граф Гельмут фон Мольтке (племянник Мольтке-старшего, прусского генерал-фельдмаршала) (1848 — 1916), прусский генерал-полковник, в 1906 — 1914 гг. — начальник генерального штаба кайзеровской армии. После поражения в битве на Марне (6 — 9 сентября 1914 г.) был смещен.

Меня упрекают: борьба и снова борьба! Но в ней я вижу судьбу всего сущего. Уклониться от борьбы не может никто, если только он не хочет быть побежденным. Рост народонаселения требует большего жизненного пространства. Моей целью было добиться разумного соотношения между численностью населения и величиной этого пространства. Тут без борьбы не обойтись! От решения этой задачи не может уйти ни один народ; если же он этим пренебрежет, то обречен на постепенную гибель. Так учит история.<...> Отказ от применения с этой целью насилия означает величайшую трусость, уменьшение численности народонаселения и деградацию. Этим путем я пойти не мог. Я решился привести в соответствие [наше] жизненное пространство с численностью народа. Важно осознать одно: существование государства имеет смысл только тогда, когда оно служит сохранению своей народной субстанции. У нас речь идет о 82 миллионах человек. А это означает величайшую обязанность. Тот, кто не берет ее на себя, недостойн принадлежать к народному организму. Вот что дало мне силы для борьбы.<...>

Решение этой проблемы достигается только с помощью меча. Народ, который не находит в себе сил для борьбы, обречен на вымирание.<...>

Сегодня мы бьемся за нефтяные промыслы, за каучук, за полезные ископаемые. После Вестфальского мира* Германия распалась. Распад, бессилие германского рейха были закреплены договорами. Это германское бессилие было вновь устранено образованием Германской империи [в 1871 г.], когда Пруссия осознала свою задачу. Потом возникло противоречие с Францией и Англией. С 1870 г. Англия — против нас. Бисмарку и Мольтке** было ясно, что однажды еще придется снова воевать. Тогда существовала опасность войны на два фронта. Мольтке нередко выступал за превентивную войну. Использовать более медленную мобилизационную способность русских. Германская военная сила не была использована до конца из-за недостаточной твердости тогдашних руководящих личностей. Основной идеей всех планов Мольтке было наступление. Об обороне он никогда и не помышлял. В результате смерти Мольтке многочисленные возможности были упущены. Ре-

* Вестфальским миром закончилась Тридцатилетняя война (1618 — 1648), вызванная противоречиями между католическим габсбургским императором, опиравшимся на помощь Испании, на католическую контрреформацию и папу римского, с одной стороны, и протестантскими германскими князьями — с другой. Она привела к распаду так называемой Священной Римской империи германской нации (первого рейха) и полному территориальному суверенитету князей.

** Имеется в виду граф Гельмут фон Мольтке-старший (1800 — 1891), прусский генерал-фельдмаршал. С 1857 до 1888 г. возглавлял генеральный штаб. Одержал в 1866 г. победу над Австрией и в 1870 — 1871 гг. — над Францией. Идеолог германского милитаризма. Считал невозможной для Германии одновременную войну на два фронта.

шения можно было добиться путем нападения только на одно государство при благоприятных условиях. Политическое и военное руководство виновно в том, что подходящие случаи были упущены. Военное руководство вечно заявляло, что оно, мол, еще не готово. В 1914 г. началась война на несколько фронтов. Она решения проблемы не принесла.

Сегодня пишется второй акт этой драмы. Впервые за 67 лет следует констатировать: нам вести войну на два фронта не приходится! Произошло то, чего мы желали с 1870 г.— и фактически считали невозможным. Впервые в истории нам приходится воевать только на одном фронте, никакой другой нас сейчас не сковывает. Но никому не дано знать, сколь долго это останется так. Я долго колебался, ударить ли мне сначала на Востоке, а уже потом на Западе. Ведь в сущности я создал вермахт вовсе не для того, чтобы воздерживаться от удара. Решение нанести удар всегда было во мне. Раньше или позже я хотел решить эту проблему. Сложилось так, что нам пришлось нанести первый удар на Востоке. Если польская кампания прошла так быстро, то это — свидетельство превосходства наших вооруженных сил. Самое славное событие во всей нашей истории! Неожиданно малые потери в людях и технике. Сейчас фронт на Востоке удерживается всего несколькими дивизиями. Положение именно такое, какое мы раньше считали недостижимым.

Итак, в настоящее время положение таково. Противник на Западе засел за своими укреплениями. Атаковать его никакой возможности нет. Главный вопрос: как долго мы сможем удерживать такое положение? Россия в данный момент не опасна. Она ослаблена многими внутренними обстоятельствами. К тому же с Россией у нас есть договор. Договора соблюдаются столь долго, сколь долго это является целесообразным. Россия будет соблюдать его до тех пор, пока будет считать его за благо для себя. Так думал и Бисмарк. Вспомним Договор перестраховки*. Сейчас у России далеко идущие цели, прежде всего — укрепление своей позиции на Балтийском море. Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас освободятся руки на Западе. Далее, Россия желает усиления своего влияния на Балканах и направляет свои устремления к Персидскому заливу, а это отвечает интересам и нашей политики. Россия делает то, что считает для себя полезным. В данный момент интернационализм отошел для нее на задний план. Если Россия от него откажется, она перейдет к панславизму.

* Проводя свою политику союзов на Западе, приведшую в 1882 г. к созданию Тройственного союза, рейхсканцлер Германской империи граф Отто фон Бисмарк в 1887 г. на всякий случай заключил с Россией так называемый Договор перестраховки.

Заглядывать в будущее трудно. Но фактом является то, что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил незначительна. На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится.

Многое зависит от Италии, прежде всего — от Муссолини, смерть которого может все изменить. У Италии есть крупные цели для укрепления своей империи. Носителями этой идеи являются исключительно фашизм и лично дуче. [Королевский] двор относится к ней отрицательно. Пока дуче жив, я могу рассчитывать на то, что Италия использует любую возможность достигнуть своих империалистских целей. Но от Италии потребуется слишком много, если она пожелает выступить прежде, чем Германия перейдет в наступление на Западе. Точно так же и Россия выступила только после того, как мы вошли в Польшу. Впрочем, Италия полагает, что все мысли Франции заняты только ею, так как Германия отсиживается за своим Западным валом. Италия вмешается, только, если сама Германия начнет наступательные действия против Франции. Как и смерть Сталина, смерть дуче может принести с собой ряд опасностей. Насколько легко может постигнуть государственного деятеля смерть, я недавно испытал сам*.

Надо использовать момент, пока не поздно, иначе вдруг можно оказаться перед лицом совсем другой ситуации. Пока Италия занимает такую позицию, угрозы со стороны Югославии опасаться не приходится. Точно так же нейтралитет Румынии гарантируется позицией России. Скандинавия благодаря марксистскому влиянию нам вообще-то враждебна, но сейчас она нейтральна. Америка ввиду своего закона о нейтралитете для нас пока неопасна. Усиление противника за счет Америки пока еще незначительно. Позиция Японии пока неопределенна, уверенности в том, что она будет враждебна Англии, пока тоже еще нет.

Итак, все говорит за то, что данный момент благоприятен, но, пожалуй, через 6 месяцев он уже таким не будет.

И последний фактор: я, при всей скромности моей собственной персоны, — незаменим. Ни один военный и ни один гражданский деятель меня заменить не смог бы. Пусть покушения на меня повторяются. Я убежден в силе моего ума и в моей решительности. Войны всегда заканчиваются только уничтожением противника. Кто думает иначе — безответствен. Время работает на нашего противника. Сейчас сложилось такое соотношение сил, которое для нас улучшиться не может, а может только ухудшиться. При не-

* Гитлер имеет в виду неудавшееся покушение на него 9 ноября 1939 г. в мюнхенском пивном зале "Бюргербройкеллер".

благоприятном для нас соотношении сил противник мира с нами не заключит. Никаких компромиссов! Быть суровыми к самим себе. Я буду нападать, а не капитулировать! Судьба рейха зависит от меня.

Сообразно этому я и буду действовать. Сегодня у нас еще есть такое преимущество, какого не было никогда. После 1914 г. наши противники сами разоружились. Англия пренебрегала строительством своего флота. Ее флот недостаточно велик, чтобы обеспечить безопасность ее морских путей. Всего два вновь построенных военных корабля: "Родней" и "Нельсон". Ведется постройка только крейсеров типа "Вашингтон", но этот тип неудачен. Новые меры смогут дать эффект только в 1941 г. В войне из-за Абиссинии у Англии не хватило войск, чтобы захватить озеро Тана. Противовоздушная оборона Мальты, Гибралтара и Лондона имеет мало зенитных орудий. С 1937 г.— начало нового вооружения. Но к настоящему времени число дивизий, которые должны были послужить кадровой основой для развертывания новых, недостаточно. Военная техника собрана со всего мира. Положительного результата раньше следующего лета ждать не приходится. Британская армия имеет всего лишь символическое значение. Военная авиация находится еще в процессе своего развития, весной 1940 г. закончится первая фаза. Зенитные орудия — сохранившиеся с прошлой войны. Немецкий летчик на высоте 6000 м для английских зениток недосыгаем. Военно-морской флот будет оснащен только через год-два. У меня в вопросах вооружения большой опыт, и я знаю, какие трудности при этом приходится преодолевать.

Франция после 1914 г. сократила срок военной службы. После 1914 г.— уменьшение ее военной силы. Она превосходит нас только по некоторым специальным видам орудий. Модернизации подвергся лишь французский военно-морской флот. В послевоенное время французская армия находилась в запущенном состоянии. Но стоило Германии начать вооружаться и выдвинуть свои требования, дело изменилось.

Подвожу итоги:

1. Число активных соединений в Германии — наибольшее.
2. Превосходство люфтваффе.
3. Зенитные орудия — вне конкуренции.
4. Танковые войска.
5. Большое число противотанковых орудий; пулеметов — в 5 раз больше, чем в 1914 г.
6. Крупное превосходство немецкой артиллерии благодаря наличию 105-миллиметровых орудий.

7. Итак, не только французского численного превосходства в гаубицах и мортирах не существует, но и сама боеспособность наших войск выше, чем у других. Я был оскорблен до глубины души, услышав, будто германская армия оказалась не на высоте в качественном отношении, будто бы пехота сделала в Польше меньше того, что от нее ожидали, проявила недисциплинированность. Я считаю, что боеспособность любого войска следует определять соотношением с боеспособностью войск противника. Нет сомнения: наши вооруженные силы — самые лучшие в мире! Любой немецкий пехотинец лучше французского. Никакого шапкозакидательства, зато несгибаемая воля.<...>

Говорят, в 1914 г. мы были лучше обучены. На самом же деле мы были тогда лучше обучены только на плацу, а не для войны. Должен сделать комплимент нынешнему командованию: оно сегодня лучше, чем в 1914 г. <...> Призваны под ружье 5 миллионов немцев. Ну и что, если кто-то из них спасовал! Отвага проявлялась и в сухопутных войсках, и на флоте, и в люфтваффе.<...> С германским солдатом я могу добиться всего, чего захочу, надо только им хорошо командовать. При нашем небольшом военно-морском флоте нам удалось вышвырнуть англичан из Северного моря. Признательность небольшому флоту, а особенно главному командованию военно-морских сил. Мы имеем такую военную авиацию, которая смогла обезопасить все наше жизненное пространство. Выдающиеся свершения в Польше — на счету у сухопутной армии. Запад тоже не показал, что германский солдат в чем-нибудь уступает французскому.<...>

Меня угнетает появление на континенте больших сил англичан. Англичанин — противник упорный. Особенно — в обороне. Не приходится сомневаться: самое позднее через 6 — 8 месяцев численность английских войск во Франции увеличится в несколько раз.

Есть у нас и одна ахиллесова пята: это — Рурская область. От обладания Рурской областью зависит ведение войны. Если Англия и Франция через Бельгию и Голландию пробьются в нее, мы окажемся в величайшей опасности. Это могло бы привести к параличу всего германского сопротивления. Любая надежда на компромисс — ребячество; есть только победа или поражение! При этом речь идет не о национал-социалистской Германии, а о том, будет ли в будущем в мире доминировать Европа. Этот вопрос требует приложения наибольших сил. Англия и Франция наверняка перейдут в наступление на Германию, как только достаточно вооружатся. У Англии и Франции есть средства давления, чтобы заставить Бельгию и Голландию попросить их о помощи. В Бельгии и Голландии симпатии на стороне Англии и Франции.<...>

В нужный момент я использую все для того, чтобы мотивировать свои действия. Когда французская армия вступит в Бельгию, чтобы атаковать нас, это станет для нас уже слишком поздно. Мы должны упредить ее. Еще одна причина: подводный флот, минирование прибрежных вод и авиация будут эффективнее, когда у нас будет более благоприятное исходное положение. Сегодня полет над Англией стоит такого расхода горючего, что самолетам не удастся взять достаточный бомбовый груз. Для военно-морского флота имеет важное значение изобретение новой мины. Самолеты теперь станут главными носителями мин. Мы засыпем английское побережье такими минами, обезвредить которые невозможно. Эта минная война при помощи авиации требует иной исходной позиции. Без подвоза Англия жить не может. Мы-то сами себя прокормим! Постоянное минирование английского побережья заставит Англию встать на колени. Но этого можно достигнуть только в том случае, если мы захватим Бельгию и Голландию. Для меня это — трудное решение.

Никто не создал того, что создал я! Моя жизнь при этом роли не играет. Я привел немецкий народ к славе, пусть даже из-за этого нас теперь ненавидят во всем мире. Я ставлю все это мое дело на карту. У меня есть только один выбор: между победой или нашим уничтожением. Я выбираю победу! Это — величайшее историческое решение, его можно сравнить с решением Фридриха Великого накануне первой Силезской войны. Пруссия обязана своим возвышением героизму одного человека. И тогда тоже его ближайшие советники склонялись к капитуляции. Все зависело от Фридриха Великого. Не менее крупным было и решение Бисмарка в 1866 и 1870 гг.*

Решение мое изменено быть не может! Я нападу на Францию и Англию в самый благоприятный и в самый ближайший момент. Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии никакого значения не имеет. Ни один человек нас после победы об этом не спросит. Мы не станем обосновывать нарушение нейтралитета так идиотски, как это было сделано в 1914 г. Если же мы их нейтралитет не нарушим, это сделают Англия и Франция. Без наступления война победоносной быть не может. Я считаю единственно возможным закончить войну только в результате наступления. На вопрос, принесет ли наступление победу, сейчас ответить не может никто. Все зависит от воли Провидения. Военные условия — благоприятны. Однако только при том, что высшее командование даст пример фанатической решимости. Если бы командование всегда черпало в

* Речь идет о войне Пруссии против Австрии и о франко-прусской войне, приведшей к провозглашению 1 января 1871 г. в Версале Германской империи (второго рейха) во главе со ставшим кайзером прусским королем Вильгельмом I.

народной жизни мужество, которое должен иметь каждый мушкетер, никаких неудач не бывало бы вообще. Если, как в 1914 г., у верховного главнокомандующего [Вильгельма II] сдают нервы, чего же тогда требовать от простого мушкетера!

Мы должны осознать: противник должен быть разбит только наступлением. Шансы ныне иные, чем при наступлении в 1918 г. Мы имеем в своем распоряжении 100 дивизий. Что касается живой силы, у нас есть резервы. Положение с военной техникой у нас хорошее. А впрочем, что не свершилось сегодня, свершится завтра! Все это в целом означает завершение мировой войны, а не единичную акцию. Речь идет о том, быть или не быть нации!

Прошу вас передать этот дух решимости вверенным вам войскам.

1. Решение мое изменению не подлежит.

2. Перспективы на успех — только если весь вермахт действует сплоченно.

Пусть всех нас вдохновляет дух великих мужей нашей истории! Судьба требует от нас не большего, чем от них. И пока я жив, я буду думать о победе моего народа. Я не останавлиюсь ни перед чем, я уничтожу каждого, кто против меня! Я полон решимости.<...> Я хочу уничтожить врага. За мной — весь немецкий народ, моральное состояние которого может только ухудшиться. Только тот, кто борется с судьбой, может рассчитывать на помощь Провидения. За последние годы я не раз переживал это. И в нынешнем ходе развития я тоже вижу его волю.

Если мы победоносно выстоим в борьбе — а мы выдержим ее! — наше время войдет в историю нашего народа. Я выстою или паду в этой борьбе. Поражения моего народа я не переживу. Никакой капитуляции вне страны, никакой революции — внутри ее.

IMT. Dok. PS-789.

12. Совещание у Гитлера в Бергхофе 13 июля 1940 г.

(Из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера)

7.30 — отъезд из Фонтенбло. 8.00 — вылет с аэродрома. При попутном ветре в 10.15 — прибытие в Зальцбург.

11.00 — дальнейшая поездка в Бергхоф.

12.00 — доклад фюреру об английском наступлении.<...>

Затем рассмотрение политического положения с военной точки зрения.<...>

б) Политические соображения:

1. Фюрер хочет ввести в игру Испанию, чтобы создать фронт против Англии от Нордкапа до Марокко. Риббентроп отправится в Испанию.

2. Признается заинтересованность России в том, чтобы не дать нам стать слишком сильными. Стремление России к Босфору неприятно Италии.

3. Румынии придется расплачиваться.

Часть должна будет получить Венгрия*.

Болгария заберет себе Добруджу и, кроме того, хочет получить выход в Средиземное море за счет Греции. Здесь никаких трудностей не предвидится. Румынский король написал фюреру письмо и определенным образом поставил себя под нашу защиту. Ответ: он может спокойно отдать кое-что Венгрии и Болгарии.

4. Италия, как видно, хочет иметь несколько греческих островов в Ионическом море. Попытки фюрера заинтересовать ее Критом и Кипром успеха не имели. В остальном ее желания выражаются в создании воздушного моста между ее североафриканскими владениями и Абиссинией.

5. В Африке мы претендуем на побережье (по-видимому, вместе с Испанией). Италия хочет получить тыловые районы. На Французское и Бельгийское Конго претендуем мы сами.

Больше всего фюрера волнует вопрос, почему Англия не хочет пойти по пути к миру. Как и мы, причиной этого он считает то, что Англия еще имеет надежду на Россию. Исходя из этого, он рассчитывает на то, чтобы силой заставить Англию пойти на мир. Но на это он идет неохотно. Обоснование: если Англия будет разбита военными средствами, Британская империя распадется. Пользы от этого Германии — никакой. Пролив немецкую кровь, мы добьемся чего-то такого, что пойдет на пользу лишь Японии, Америке и другим.<...>

Tagebuch des Chefs des Generalstabes des Heeres Generaloberst F. Halder. Bundesarchiv Koblenz. Nachlaß Greiner (далее — Halder-Tagebuch).

13. Из директивы Гитлера №16 от 16 июля 1940 г. о подготовке операции по высадке в Англии

Фюрер и верховный
главнокомандующий вермахта
Верховное главнокомандование
Управление оперативного
руководства
Отдел обороны страны
№331160/40

16.7.1940 г.
Ставка фюрера
Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности

* Имеется в виду Трансильвания.

к достижению взаимопонимания, я принял решение: подготовить и, если это станет необходимым, провести операцию по высадке войск на ее территории.

Цель операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если потребуется, полностью захватить ее.

Посему приказываю:

1. Высадка войск должна произойти в форме неожиданной переправы на широком фронте примерно от Рамсгейта до района западнее о. Уайт, причем на долю авиации выпадает роль артиллерии, а соединений военно-морского флота — роль минеров.

Вопрос о целесообразности перед началом общей переправы предпринять частные операции (скажем, для овладения о. Уайт или графством Корнуэлл) следует изучить с той точки зрения, какой именно составной части вермахта это следует сделать, и результат доложить мне. Принятие решения оставляю за собой.

Подготовительные операции закончить до середины августа.

2. К этим подготовительным мерам принадлежит также создание тех предпосылок, которые сделают возможной высадку в Англии:

а) Английская авиация должна быть настолько морально и фактически подавлена, чтобы она больше не противодействовала переправе германских войск в качестве заслуживающей упоминания наступательной силы.

б) Должны быть проделаны свободные фарватеры в минных полях.

в) Плотными минными заграждениями следует преградить Дуврский канал (Па-де-Кале) на обоих его флангах, а также западный вход в канал Ла-Манш примерно по линии Олдерней — Портленд.

г) Под прикрытием сильного огня береговой артиллерии овладеть прибрежной полосой водного пространства и средствами артиллерии отрезать его.

д) Желательно незадолго до переправы сковать английские военно-морские силы как в Северном, так и действиями итальянцев в Средиземном море, причем уже сейчас следует попытаться по возможности нанести налетами авиации и торпедными атаками урон английским военно-морским силам, находящимся в метрополии.<...>

Парафировано: Й[одль]
К[ейтель]
Адольф Гитлер

14. Обсуждение обстановки с Гитлером 21 июля 1940 г.

(Из дневника Гальдера)

22.7.1940 г.

10.00 Главнокомандующий сухопутными войсками информирует о совещании у Гитлера 21 июля 1940 г. в Берлине.

<...> б) Фюрер: неясно, что происходит в Англии. Подготовка к решению вопроса силой оружия должна проводиться как можно быстрее. Фюрер не желает, чтобы политическая инициатива была вырвана из его рук. Как только появится ясность, политическая и дипломатическая инициативы будут возобновлены.

в) Причины продолжения войны Англией:

1. Надежда на перелом в Америке. (Рузвельт проявляет неуверенность, промышленность не хочет вкладывать свои капиталы. Англии грозит опасность уступить свое положение первой морской державы Америке.)

2. Надежда на Россию.

Положение Англии безнадежно. Война выиграна нами. Изменение перспектив на успех невозможно.

г) Вопросы к военно-морскому флоту: как скоро может быть подготовлен необходимый тоннаж?

Как обеспечить артиллерийскую защиту флангов?

Что можно предпринять для обеспечения с моря? <...>

д) Переправа представляется фюреру большим риском. Поэтому ее следует провести только в том случае, если другого пути покончить с Англией нет.

е) У Англии, пожалуй, есть следующие возможности:

С помощью России сеять на Балканах беспокойство, чтобы лишить нас горючего и парализовать нашу авиацию.

Добиться той же цели, восстановив против нас Россию.

Воздушный налет на наши гидрационные установки.

ж) Румыния: король Кароль отклонил мирное решение конфликта. Письмо фюреру.

з) Если Англия хочет вести войну дальше, будут предприняты попытки принять против нее все политические меры. Испания, Италия, Россия.

и) Если мы хотим перейти в наступление, с Англией следует покончить до сентября. Вести борьбу при помощи авиации и подводных лодок.

Люфтваффе предлагает следующее: перейти в крупное наступление против вражеской авиации; уничтожить истребители противника, выманив их и заставив подняться в воздух.

Сухопутные войска подчеркивают ту же необходимость и хотят сочетания этого нападения с усиленной подводной войной.

к) Оценка зондажа насчет заключения мира:

Позиция прессы сначала резко отрицательная, потом смягчилась.

Ллойд Джордж, письмо королю и парламенту.

Герцог Виндзорский: письмо королю.

Томсен: известия из Англии. Положение оценивается как безнадежное.

Английский посол в Вашингтоне: Англия войну проиграла. Должна за это заплатить. Но не делает ничего, порочащего ее честь. Возможности кабинета с участием Ллойд Джорджа, Чемберлена и Галифакса.

3. Въезд Лаваля в оккупированную зону [Франции] отклоняется главнокомандующим сухопутными войсками. Только ограниченный по времени визит. <...>

6. В середине этой недели фюрер — по докладу Редера — примет решение, можно ли провести операцию по высадке [в Англии] нынешней осенью.

Если нет, то в мае будущего года.

Итак, ясность, вероятно, будет внесена в конце этой недели. Окончательное решение, следует ли в самой острой форме предпринять подводную войну в сочетании с войной в воздухе, вероятно, будет принято только в начале августа.<...>

7. Сталин кокетничает с Англией, чтобы удержать ее в состоянии войны с нами и связать нас по рукам с целью получить время, чтобы взять себе все то, что он хочет взять и чего больше взять не удастся, если наступит мир. Он будет заинтересован в том, чтобы не позволить Германии стать слишком сильной. Но никаких признаков русской активности в отношении нас нет.

8. Заняться русской проблемой. Обдумывать подготовительные меры.

Фюреру доложено:

а) Сосредоточение и развертывание войск продлится 4 — 6 недель.

б) Разбить русские сухопутные войска или по меньшей мере захватить в свои руки такое русское пространство, какое необходимо, чтобы не допустить вражеских воздушных налетов на Берлин и Силезский промышленный район.

Желательно продвинуться так далеко, чтобы наша люфтваффе смогла разбомбить важнейшие области России.

в) Политическая цель:

Украинская империя.

Союз Балтийских государств.

Белоруссия — Финляндия.

Прибалтика — стрела в теле.

г) Необходимо 80 — 100 дивизий; Россия имеет 50 — 75 хороших дивизий. Если мы нападём на Россию этой осенью, Англия получит большое облегчение в воздушной войне. Америка может поставлять военную технику и материалы Англии и России.<...>

<...>Италия: совместные действия с итальянскими войсками при высадке в Англии отклонены. Чиано, по всей видимости, хочет получить залог для действий на Балканах. Фюрер требует отложить якобы предстоящую вскоре операцию против Суэцкого канала.

Россия — Англия: обе стремятся друг к другу. Русские боятся скомпрометировать себя в наших глазах. Переговоры Сталина с Криппсом дают возможность официально осознать вызывающее радость отклонение Сталиным английских шагов. Россия отвергает английскую политику "равновесия", отклоняет выдвигаемые Англией условия торговых отношений обеих стран. Она не хочет претендовать на лидерство и объединение на Балканах, ибо такая претензия не дала бы ей никакой силы. Однако действительные настроения, имеющие место в России, находят свое выражение при других обстоятельствах (беседа Калинина с югославским посланником. — Г.-А.Я.). Здесь звучит призыв к борьбе против Германии. "Объединиться в один блок".

Англия: официальная реакция на речь фюрера — отклонение. Америка ожидает отклонения. <...>

Halder-Tagebuch.

15. Совещание у Гитлера 21 июля 1940 г.

(Запись главнокомандующего военно-морским флотом гросс-адмирала Редера)

Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Фюрер делает доклад: на что еще может надеяться Англия при продолжении войны?

Она может надеяться:

1. На перелом в Америке. (Америка потеряла в [первой] мировой войне 10 миллиардов долларов, а получила назад только 1,4 миллиарда.) У нее есть надежда в любом случае стать самой сильной морской державой.

2. На Россию, вступление которой в войну было бы особенно неприятно из-за угрозы для Германии с воздуха.

Если Москва тоже следит за германскими успехами со смешанным чувством, то само по себе это еще не означает ее стремления вступить в войну против Германии. Естественно, наш долг — основательно продумать американский и русский вопросы. Быстрое окончание войны — в интересах немецкого народа. Но никакой крайней необходимости для этого нет, ибо положение — значительно более благоприятное для нас, чем в [первой] мировой войне. В 1918 г. Западный фронт пожирал огромные силы. Такого сегодня нет. Техники и военных материалов вполне достаточно. Тяжелей-

ший вопрос — вопрос с горючим. Но положение с горючим не станет критическим до тех пор, пока нам его поставляют Румыния и Россия, а нефтеочистительные заводы достаточно защищены от воздушных налетов [англичан]. Продовольственное положение достаточно обеспечено, к тому же если военнопленные будут в большем объеме привлекаться для работы в сельском хозяйстве.

Надежды на неблагоприятный для Германии ход развития в отношении горючего играют в Англии большую роль. Необходимо внести ясность в вопрос, следует ли и когда именно предпринять операцию непосредственно против Англии. Наряду с этим надо предпринять дипломатические шаги в отношении Испании, России и Японии. Однако такие шаги трудны, пока мир ожидает от нас нового чуда, а оно все никак не наступает.

Проведение высадки в Англии — дело чрезвычайно смелое; хотя путь и короток, но речь идет не о каком-то форсировании реки, а о переправе через море, где противник обладает господствующими позициями. Потребуются 40 дивизий. Самым трудным явится постоянное снабжение [военными] материалами и продовольствием. На какие-либо запасы [его] в самой Англии рассчитывать не приходится. Предпосылкой служит наше полное господство в воздухе и применение артиллерии крупных калибров на линии Дувр — Кале, а также постановка минных заграждений. Большую роль играет время года, так как во второй половине сентября погода в Северном море и Ла-Манше очень плоха. В середине октября начинаются туманы. Решающее значение имеет поддержка авиацией, а потому при выборе дня высадки требуется максимально учитывать это.<...>

K. Klee. Das Unternehmen "Seelöwe".

16. Совещание у Гитлера в Бергхофе 31 июля 1940 г.

(Из военного дневника Гальдера)

Фюрер:

<...> Надежда Англии — Россия и Америка. Если надежда на Россию отпадет, отпадет и Америка, ибо отпадение России в невероятной мере усилит значение Японии в Восточной Азии. Россия — восточноазиатская шпага Англии и Америки против Японии. Здесь дует неприятный для Англии ветер. Японцы, как и русские, имеют свою программу, которая должна быть осуществлена до конца войны.

Смотрели русский победный фильм о русской войне!

Россия — это тот фактор, на который более всего ставит Англия. Что-то такое в Лондоне все-таки произошло! Англичане были уже совершенно down*, а теперь опять поднялись. Из прослушивания разговоров видно, что Россия неприятно поражена быстрым ходом развития событий в Западной Европе.

России достаточно только сказать Англии, что она не желает усиления Германии, и тогда англичане станут, словно утопающие, надеяться на то, что через 6 — 8 месяцев дело повернется совсем по-другому.

Но если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан тогда станет Германия.

Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 41-го.

Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьем это государство одним ударом. Одного лишь захвата определенного пространства недостаточно. Остановка зимой чревата опасностью. Поэтому лучше выждать, но принять твердое решение разделаться с Россией. Это необходимо также и ввиду положения в Балтийском море. Два крупных государства на Балтике не нужны. Итак, май 1941-го, на проведение операции — 5 месяцев. Лучше всего еще в этом году. Но не выходит, так как надо подготовить единую операцию.

Цель: уничтожение жизненной силы России. Подразделяется на:

1. Удар на Киев с примыканием фланга к Днепру. Люфтваффе разрушает переправы у Одессы.

2. Удар по окраинным государствам в направлении Москвы. В заключение — массированные удары с севера и юга. Позднее — частная операция по захвату нефтяного района Баку.

Насколько велика заинтересованность в Финляндии и Турции, будет видно впоследствии.

Позднее: Украина, Белоруссия, Прибалтийские страны — нам. Финляндия до Белого моря.

7 дивизий — Норвегия (сделать автаркическими!)

50 дивизий — Франция

3 дивизии — Голландия, Бельгия

60 дивизий

120 дивизий для Востока

Всего: 180 дивизий.

Чем больше соединений мы введем в бой, тем лучше. Мы имеем 120 дивизий плюс 20 находящихся в отпуске.

Формирование новых дивизий путем изъятия одного батальона из каждой старой. Через несколько месяцев — снова по одному батальону: тремя этапами взять из дивизий $\frac{1}{3}$ личного состава.

* внизу (англ.).

Маскировать: Испания, Северная Африка, Англия; новые формирования в зонах, защищенных ПВО.

Новые формирования: в Восточном пространстве — 40 дивизий из имеющих боевой опыт солдат. Высказывания фюрера о задуманном урегулировании на Балканах: намеченное урегулирование отношений между Венгрией и Румынией. Затем предоставление Румынии гарантии.<...>

Halder-Tagebuch.

**17. Из проекта плана операции "Ост" от 5 августа 1940 г.,
разработанного начальником штаба 18-й армии
генерал-майором Марксом**

Цель кампании — разгромить русские вооруженные силы и сделать Россию неспособной в обозримое время выступить противником Германии. В целях защиты Германии от русских бомбардировщиков следует захватить Россию до линии: нижнее течение Дона — Средняя Волга — Северная Двина. Главные военно-хозяйственные области России расположены в богатой продовольствием и сырьем Украине и в Донецком бассейне, а также в центрах военной промышленности вокруг Москвы и Ленинграда. Восточные промышленные районы достаточной производственной мощностью еще не обладают.

Среди всех этих областей экономическим, политическим и духовным центром СССР является Москва. Ее захват разрывает взаимосвязанность русской империи.

Район военных действий:

С севера и запада Москва защищена огромными лесными и болотистыми областями, которые простираются от Белого моря, южнее Ленинграда через Витебск до линии Кобрин — Луцк — Киев. Их южная часть, Припятские болота, разделяет приграничную область на два самостоятельных оперативных пространства. Лесная область наиболее густа между Ленинградом и Москвой и в Припятских болотах. Через ее самую узкую и неоднократно прерываемую среднюю часть проходят крупные шоссейные дороги из Варшавы и Восточной Пруссии на Москву через Слуцк, Минск и Витебск.

Южнее Припятских болот лежит бедная лесами область Восточной Галиции и Украины. Местность здесь благоприятна для ведения боевых действий, однако маневр войсками затруднен ограниченной и слабо развитой сетью дорог (только одно крупное шоссе, идущее через Киев в западном и восточном направлениях), а также таким крупным препятствием, каким является Днепр.

Для продвижения войск на Украине более благоприятен район севернее Припятских болот ввиду большего числа хороших дорог. В северной области борьба будет многократно вестись за овладение дорогами.

Противник.

Русские не окажут нам услуги своим нападением на нас. Мы должны рассчитывать на то, что русские сухопутные войска прибегнут к обороне, наступательно же будут действовать только авиация и военно-морские силы, а именно подводный флот.

Поэтому ведение войны со стороны Советской России будет заключаться в том, что она присоединится к блокаде [Германии]. С этой целью вероятно русское вторжение в Румынию, чтобы отнять у нас нефть. Поэтому следует рассчитывать как минимум на сильные налеты русской авиации на румынские нефтяные районы.

С другой стороны, русский не сможет, как в 1812 г., уклониться от любого решения на поле боя. Современные вооруженные силы, насчитывающие 100 дивизий, не могут отказаться от источников своей силы. Следует предположить, что русские сухопутные войска займут для борьбы оборонительную позицию в целях защиты Восточной Украины.

Такой хорошей оборонительной позицией может служить линия р. Двина [Даугава] до Полоцка — р. Березина — глубина Припятских болот — р. Збруч — р. Прут или р. Днестр. Эта линия имеет укрепления с былых времен. Возможно и отступление до Днепра. Перед этой линией русский будет, предположительно, вести только сдерживающие бои.

Россия имеет в настоящее время 151 пехотную, 32 кавалерийские дивизии и 38 мотомеханизированных бригад. Это число до весны, по нашим предположениям, значительно увеличиться не может.

Из этих войск связаны:

34 пехотные дивизии, 8 кавалерийских дивизий, 8 мотомеханизированных бригад — против Японии

6 пехотных дивизий, 1 кавалерийская — против Турции

15 пехотных дивизий, 2 мотомеханизированные бригады — против Финляндии

55 пех. див., 9 кав. див., 10 мотомех. бр.

Против Германии остаются:

96 пех. див., 23 кав. див., 28 мотомех. бр.

Распределение сил: в настоящее время главные группировки находятся на внешних флангах на Украине и в Прибалтийских государствах. В целом же силы почти равномерно распределены южнее и севернее Припятских болот с резервом вокруг Москвы.

Это распределение сил и средств может быть принято и для войны против Германии. Будет ли центр тяжести создан севернее или южнее, зависит от хода политического развития. Вероятно, численность войск на севере останется большей, чем на юге.

Из танковых бригад, моторизованных дивизий, артиллерии сухопутных войск и кавалерийских дивизий русское военное руководство может создать подвижной резерв, который при умелом командовании им смог бы оказать серьезное воздействие на ход боевых действий. Пока этого не наблюдалось. Поскольку русский на сей раз не обладает, как в [первой] мировой войне, численным превосходством, можно предполагать, что в результате последовавшего нашего прорыва он уже не сможет объединить действующие на столь растянутой линии свои войска для единых общих мер, а в ходе частных сражений вскоре уступит превосходству германских войск и их командования.

Свои войска.

Весной кроме оккупационных войск в Норвегии, Дании и на Западе должны иметь в наличии в качестве могущих быть использованными против России: 24 танковые, 110 пехотных и горнострелковых, а также 12 моторизованных и 1 кавалерийскую дивизии; всего 147 дивизий.

Проведение кампании.

При огромной протяженности района военных действий и его разделении Припятскими болотами решения в борьбе против русских сухопутных войск нельзя добиться в одном-единственном сражении. Первоначально придется действовать раздельно против обеих главных группировок русских сухопутных войск с целью получить затем возможность провести единую операцию по другую сторону крупных лесов.

Замысел операции.

Германские сухопутные войска наносят своими главными силами удар по расположенной в Северной России части русских сухопутных войск и берут Москву. Основной удар наносится с линии Брест — Инстербург по линии Рогачев — Витебск.

Южнее Припятских болот более слабые силы своим наступлением с линии Яссы — Пшемьсль — Хрубешув на Киев и среднее течение Днепра препятствуют продвижению вражеской южной группы на Румынию и подготавливают дальнейшее взаимодействие с главными силами восточнее Днепра.

Наступление против сил русских на Украине необходимо хотя бы для защиты румынского нефтяного района. В результате участия главных сил германских сухопутных войск из Румынии, других сил из Северной Венгрии, Галиции и Юго-Восточной Польши это наступление может перейти в решающее исход войны с направлением удара через Днепр на Москву. Однако как политические

условия на Балканах, так и состояние железных и шоссейных дорог в Венгрии и Румынии не позволяют сосредоточить и развернуть здесь крупные германские силы до начала войны. Наверняка осуществимым является только наступление из Галиции и Южной Польши в направлении Киев — среднее течение Днепра. Это наступление не должно служить главной операцией, ибо для нас данный район слишком узок, а расстояние до Москвы слишком велико. Однако его следует вести такими силами, чтобы в ходе его наши войска смогли разбить украинскую группировку противника и форсировать Днепр, а затем, в более тесном взаимодействии с подлежащей проведению севернее Припятских болот главной операцией, двинуться дальше на Харьков или на северо-восток. Центр тяжести этого наступления должен лежать на севере, а его главной целью служить Киев. На подступах к Киеву придется преодолеть 3 подготовленных рубежа.

От наступления из Румынии при этом отказываться не следует, даже если политические причины не позволяют провести там сосредоточение и развертывание войск до начала войны. Одну армию необходимо держать на территории рейха в боевой готовности, чтобы она с колесной частью своих танковых и моторизованных дивизий и необходимой артиллерией смогла в самом начале войны войти в Венгрию и Румынию и взять на себя защиту страны и прикрытие дальнейшего развертывания.<...>

Главное наступление сухопутных войск направляется от Северной Польши и Восточной Пруссии на Москву. Так как сосредоточение и развертывание войск в Румынии невозможно, никакой другой решающей операции не имеется. Заход одним крылом войск на север только удлинил бы путь, чтобы затем привести в лесной район северо-западнее Москвы. Руководящая идея этого наступления — непосредственным ударом на Москву разбить и уничтожить главные силы русской Северной группы перед, внутри и восточнее лесного массива, а затем, взяв Москву и Северную Россию, повернуть на юг, во взаимодействии с германской южной группой захватить Украину с конечной целью выхода на желаемую линию Ростов — Горький — Архангельск.

В целях прикрытия северного фланга этой операции необходима особая группировка сил для продвижения через нижнее течение Двины на Псков — Ленинград. <...>

Использование сил и средств.

Как и в Польше и на Западе, успеха следует искать во внезапности и быстроте. Ведение боевых действий мыслится таким образом, что подвижные войска всех армий первой волны прорвут фронт русских армий перед оборонительными линиями на реках и в лесах и будут продвигаться вперед по проделанным проходам через лесные зоны и переправы, чтобы взять эти оборонительные

линии при поддержке люфтваффе. Следуя вплотную за ними, пехотные дивизии стремятся отрезать и уничтожить пробивающегося врага и, используя средства передвижения, устремляются за подвижными войсками, чтобы обеспечить и расширить их успех. Через Припятские болота части тоже продвигаются вперед, используя нередко имеющиеся там дороги и железнодорожные линии (бронепоезда с русской колеей!), чтобы зайти противнику в тыл. К тому же увеличивающийся по мере продолжения наступления район военных действий требует подброски крупных резервов сухопутных войск, которые потом передаются командованиям армий.<...>

Распределение сил:

Группа армий "Юг":	5 танк. див., 6 мот. див., 24 пех. див.
Группа армий "Север":	15 танк. див., 2 мот. див., 50 пех. див., 1 кав. див.
Резерв сухопутных войск:	4 танк. див., 4 мот. див., 36 пех. див.

В с е г о: 24 танк. див., 12 мот. див., 110 пех.
див., 1 кав. див.

A. Philippi. Das Pripjetproblem. Beiheft 2 der Wehrwissenschaftlichen Rundschau. 1956.

18. Переговоры Гитлера и Молотова в Берлине 13 ноября 1940 г.

(Запись личного переводчика Риббентропа посланника Пауля Шмидта)

<...> В ответ на высказывание Молотова относительно безопасности в вопросе о Финляндии фюрер подчеркнул, что он кое-что в военных вопросах понимает и считает вполне возможным, что в случае участия Швеции в эвентуальной войне Америка утвердится в этом районе. Он [фюрер] хочет закончить европейскую войну и может лишь повторить: новая война на Балтийском море лишь обременит германо-русские отношения теми последствиями, предвидеть которые нельзя, учитывая невыясненную позицию Швеции. Объявила бы Россия войну Америке, если бы та вмешалась в связи с финским конфликтом?

На возражение Молотова, что этот вопрос неактуален, фюрер сказал: когда он станет актуален, отвечать на него будет поздно. Затем Молотов заявил, что никакого признака возникновения войны на Балтийском море он не видит. В ответ фюрер отметил, что в таком случае все в порядке, а само обсуждение носит, собственно говоря, чисто теоретический характер.

Обобщая, имперский министр иностранных дел указал на то, что:

1. Фюрер заявил, что Финляндия остается в сфере интересов России и Германия не будет держать там своих войск;

2. Германия не имеет ничего общего с демонстративными шагами Финляндии против России, а использует свое влияние в противоположном направлении и

3. Решающая проблема многовекового значения — это сотрудничество обоих государств, которое в прошлом уже принесло России большие выгоды, а в будущем еще даст такие, рядом с которыми те вопросы, которые обсуждаются сегодня, покажутся совершенно незначительными. Следовательно, нет никакого повода вообще делать из финского вопроса какую-то проблему. Вероятно, речь идет только о недоразумении. Впрочем, ведь Россия своим заключением мира с Финляндией осуществила все свои стратегические желания. Демонстрации со стороны побежденной страны — дело не такое уж неестественное, и если, скажем, проход германских войск должен был вызвать у финского населения определенную реакцию, то с прекращением таких проходов она точно так же и исчезнет. Поэтому, если смотреть на вещи реально, между Германией и Россией никаких разногласий нет.

Фюрер на это указал, что обе стороны в принципе едины в том, что Финляндия принадлежит к русской сфере интересов. Поэтому, чем продолжать чисто теоретическую дискуссию, лучше обратиться к более важным проблемам.

При сокрушении Англии мировая Британская империя окажется гигантской мировой банкротной массой площадью 40 миллионов квадратных километров, которая будет подлежать разделу. Раздел ее открывает России путь к незамерзающему и действительно открытому Мировому океану. Меньшинство англичан, насчитывающее 45 миллионов, до сих пор управляло 600 миллионами жителей мировой Британской империи. Он намерен это меньшинство расколошматить. И Америка тоже, собственно говоря, постаралась уже теперь выхватить некоторые особенно пригодные для нее куски. Германия, естественно, хотела бы избежать любого конфликта, который отвлек бы ее от борьбы против сердца этой мировой империи — Британских островов. Поэтому ему [фюреру] несимпатична и война Италии против Греции, ибо она оттягивает силы на периферию, вместо того чтобы сконцентрировать их на одном пункте — борьбе против Англии. То же самое произошло бы при войне в Балтийском море. Столкновение с Англией будет доведено до своего решающего конца, и у него нет никаких сомнений, что поражение Британских островов приведет к распаду империи. Утопия верить, будто мировая империя может управляться и удерживаться от распада, скажем, из Канады. При таких обстоятельствах открываются перспективы мирового масштаба. В ближайшие недели они должны быть выяснены в ходе совместных с

Россией дипломатических переговоров; следует определить участие России в решении этих проблем. Все государства, могущие быть заинтересованными в этой банкротной массе, должны приостановить все конфликты между собой и заняться только разделом Британской мировой империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии.

Молотов ответил, что он с интересом следил за ходом мыслей фюрера и со всем, что он понял, согласен. Однако он может сказать по этому поводу меньше, чем фюрер, поскольку тот наверняка больше задумывался над этими проблемами и получил для себя конкретное представление о них. Главное — сначала внести ясность в вопрос о германо-русском сотрудничестве, к которому потом могли бы присоединиться также Италия и Япония. При этом в начатом деле ничего менять не надо, а следует иметь в виду только продолжение начатого.

Фюрер высказал мысль, что дальнейшая работа по раскрытию крупных перспектив будет непроста, и в этой связи подчеркнул: Германия не хочет аннексировать Францию, как это предполагают русские. Он хочет создать мировую коалицию заинтересованных стран, которая должна состоять из Испании, Франции, Италии, Германии, Советского Союза и Японии и определенным образом представлять собой простирающееся от Северной Африки до Восточной Азии сообщество интересов всех тех, кто хочет быть удовлетворен за счет британской конкурсной массы. С этой целью все внутренние противоречия между членами данного международного сообщества интересов должны быть устранены или по меньшей мере нейтрализованы. А для этого необходимо выяснение ряда вопросов. Он считает, что на Западе, то есть между Испанией, Францией, Италией и Германией, уже найдена та формула, которая равным образом удовлетворяет всех. Было нелегко, например, согласовать интересы Испании и Франции в отношении Северной Африки, но, сознавая большие возможности в будущем, обе стороны пошли на это. После того как таким образом Запад пришел к единому решению, следует достигнуть такого же согласия и на Востоке. Здесь речь идет не только об отношениях между Советским Союзом и Турцией, но и о Великоазиатском пространстве. Однако оно состоит не только из Великоазиатского пространства, но и из чисто Азиатского, которое ориентировано на Юг, и Германия готова уже теперь признать его областью интересов России. Дело идет о том, чтобы в общих чертах установить границы будущей активности народов и указать нациям крупные пространства, в которых они в течение 50 — 100 лет будут в достаточной мере находить поле своей деятельности.

Молотов ответил, что фюрер выдвинул ряд вопросов, касающихся не только Европы, но и других регионов. Он же хочет сначала поговорить о более близкой для Европы проблеме — о Турции. Советский Союз как черноморская держава связан с рядом других государств. В этом отношении есть еще не выясненные вопросы, которые сейчас как раз обсуждает Дунайская комиссия (она заседала в Бухаресте с 29 октября до 20 декабря 1940 г. — Г.-А.Я.). Впрочем, Советский Союз уже высказал Румынии свое неудовольствие по поводу того, что эта страна без консультации с Россией приняла гарантию Германии и Италии. Советское правительство уже излагало свою точку зрения и придерживается того взгляда, что эта гарантия, "если можно так грубо выразиться", направлена против интересов Советской России. Поэтому он ставит вопрос об отмене этой гарантии, на что фюрер ответил: на определенное время она необходима, а потому отмена ее невозможна. Это, отметил Молотов, затрагивает интересы Советского Союза как черноморской державы.

Затем Молотов завел речь о морских проливах, которые он, ссылаясь на Крымскую войну и события 1918 — 1919 гг., охарактеризовал как исторические ворота агрессии Англии против Советского Союза. Положение является для России еще более угрожающим потому, что теперь англичане закрепились в Греции. Из соображений безопасности отношения Советской России с другими черноморскими странами имеют большое значение. В данной связи Молотов задал фюреру вопрос: что сказала бы Германия, если бы Россия дала Болгарии, то есть ближе нее расположенной к проливам независимой стране, гарантию на точно таких же условиях, на каких ее дала Германия Румынии? Однако Россия намерена предварительно достигнуть в этом вопросе единства с Германией, а, возможно, также и с Италией.<...> На вопрос Молотова о германской позиции в отношении проливов фюрер ответил: имперский министр иностранных дел уже предусмотрел этот пункт и имеет в виду пересмотр заключенного в Монтре соглашения о них в пользу Советского Союза.

Имперский министр иностранных дел подтвердил это и сообщил, что в вопросе об этом пересмотре итальянцы тоже заняли благожелательную позицию.

Молотов снова заговорил о гарантии Болгарии и заверил, что Советский Союз никоим образом не желает вмешиваться во внутренние порядки этой страны. Они не будут изменены ни "на йоту".

По вопросу о данной Германией и Италией гарантии Румынии фюрер заявил: эта гарантия явилась единственной возможностью побудить Румынию без борьбы передать Бессарабию России. Кроме того, Румыния ввиду своих нефтяных источников представляет абсолютный интерес для Германии и Италии. Наконец, это само

румынское правительство попросило, чтобы Германия взяла на себя защиту нефтяного района с воздуха и на суше, так как оно не чувствует себя вполне в безопасности от воздушного нападения англичан. Ссылаясь на грозящую высадку англичан в Салониках, фюрер в этой связи повторил, что Германия такой высадки не потерпит, однако заверил при этом, что по окончании войны все германские солдаты будут из Румынии выведены.

Отвечая на вопрос Молотова относительно германской точки зрения на русскую гарантию Болгарии, фюрер сказал, что если эта гарантия будет дана на тех же условиях, что германо-итальянская Румынии, то сразу встанет вопрос: а просила ли сама Болгария о такой гарантии? Ему [фюреру] такая просьба Болгарии неизвестна. Кроме того, прежде чем высказаться самому по этому вопросу, ему надо выяснить позицию Италии.

Решающий же вопрос состоит в том, считает ли Россия, что пересмотр заключенного в Монтре соглашения даст достаточную гарантию соблюдения ее интересов на Черном море. Он не ожидает на этот вопрос немедленного ответа, ибо знает, что Молотов должен сначала обсудить этот вопрос со Сталиным.

Молотов ответил: в этом вопросе Россия имеет только одну цель. Она хочет обезопасить себя от нападения на нее через проливы и хотела бы урегулировать этот вопрос с Турцией, причем данная Болгарии русская гарантия облегчила бы положение. Как черноморская держава Россия имеет право на безопасность такого рода, и он думает достигнуть в этом деле взаимопонимания с Турцией.

В ответ фюрер сказал: это примерно отвечало бы ходу мыслей Германии, согласно которому через Дарданеллы могли бы свободно проходить только русские военные корабли, а для всех других военных кораблей пролив был бы закрыт.

Молотов добавил: Россия хотела бы создать гарантию от нападения на Черное море через проливы не только на бумаге, но и "на деле", и он считает, что Россия могла бы договориться об этом с Турцией. В данной связи он снова вернулся к вопросу о русской гарантии Болгарии и повторил, что внутренний режим страны затронут не будет, причем со своей стороны Россия была бы готова обеспечить Болгарии выход в Эгейское море. Он еще раз задал фюреру в числе тех вопросов, которые тот должен решать в отношении германской политики в целом, вопрос: какую позицию заняла бы Германия насчет этой русской гарантии?

Фюрер ответил встречным вопросом: просила ли Болгария о гарантии? И вновь заявил, что должен выяснить точку зрения дуче.

Молотов подчеркнул, что не требует от фюрера никакого окончательного решения, а просит только о предварительном обмене мнениями.

Фюрер ответил: он никоим образом не может занять никакой позиции, пока не переговорит с дуче, так как Германия заинтересована здесь только во вторую очередь. Как великая дунайская держава, она заинтересована только в самом Дунае, а не в выходе из Дуная в Черное море. Ведь если бы он нуждался в каких-либо трениях с Россией, ему не нужен был бы для этого вопрос о проливах.

Затем разговор снова перешел на крупные планы сотрудничества стран, заинтересованных в разделе конкурсной массы мировой Британской империи. Фюрер указал на то, что он, естественно, не абсолютно уверен в том, что этот план осуществим. Если же осуществить его окажется невозможно, будет упущен важный исторический случай. Все эти вопросы должны быть эвентуально снова изучены министрами иностранных дел Германии, Италии и Японии вместе с господином Молотовым в Москве, после того как они соответствующим образом будут подготовлены дипломатическим путем.

В этот момент беседы фюрер обратил внимание на то, что прошло уже много времени, и заявил, что ввиду возможного налета английской авиации переговоры сейчас лучше прервать, так как главные пункты вполне достаточно обсуждены.

Подводя итог, фюрер сказал, что возможности обеспечить интересы России как черноморской державы будут изучены и вообще дальнейшие желания России относительно ее будущего положения в мире должны быть приняты во внимание.

В заключительном слове Молотов заявил: для Советской России возник целый ряд больших и новых вопросов. Советский Союз как могучее государство не может стоять в стороне от крупных вопросов в Европе и Азии.

Затем Молотов заговорил о русско-японских отношениях, которые с недавних пор улучшились. Он предвидит, что их улучшение пойдет дальше еще более быстрыми темпами, и поблагодарил имперское правительство за его усилия в этом направлении. Что касается японо-китайских отношений, задачей России и Германии наверняка является забота об их урегулировании. Но надо обеспечить Китаю почетный выход, тем более что Япония теперь имеет виды на "Индонезию".

19. Письмо Гитлера Муссолини от 20 ноября 1940 г.

Дуче! Позвольте мне в начале моего письма заверить вас в том, что последние 14 дней сердце мое и мысли мои более чем когда-либо были с вами. Знайте, дуче, о моей решимости сделать все, чтобы в нынешней ситуации облегчить ваше положение. Когда я попросил вас принять меня во Флоренции [28.10], я отправился в путь в надежде высказать вам еще до начала грозившего столкновения с Грецией (о котором я имел лишь общее представление) мои соображения по этому поводу. Я хотел прежде всего попросить вас еще раз отложить эту акцию, если возможно, до более благоприятного времени года, но во всяком случае — до периода после американских президентских выборов. Но в любом случае я хотел просить вас, дуче, не предпринимать эту акцию без предварительного молниеносного захвата Крита, и с этой целью я хотел привезти с собой и практические предложения по использованию одной германской парашютной дивизии, а также и еще одной воздушно-десантной дивизии. Создавшееся фактическое положение имеет весьма тяжелые психологические и военные последствия, в отношении которых важно иметь полную ясность. Я приведу отдельные моменты, которые вытекают из моего представления о срочно необходимых контрмерах.

А. Психологические последствия.

Психологическое воздействие ситуации неприятно потому, что оно неблагоприятным образом отягощает уже начавшие развиваться дипломатические приготовления. В общем же и целом мы чувствуем эти последствия в форме усиления тенденций не вмешиваться преждевременно в конфликт в нашу пользу, а выждать, как будут развиваться события.

Болгария, которая сама по себе не проявляла большого желания вступить в пакт трех держав, теперь отказалась даже рассматривать такой шаг.

Трудно также достигнуть согласованности интересов с Россией и отвлечь на Восток русские претензии. Господин Молотов, напротив, просил понять сильный интерес, проявляемый Россией к Балканам. Впечатление, произведенное в Югославии, отсюда пока определить не удастся. Но даже во Франции считают несомненным усиление позиции тех, кто призывает к сдержанности и заверяет, что в этой войне последнее слово, возможно, еще не сказано.

Но каковы бы ни были психологические последствия, решающим является то, чтобы отсюда не возникли трудности для наших дальнейших операций, а особенно — недружественная позиция со стороны тех государств, которые, как Югославия, могли бы привести если не к катастрофе, то все-таки к неприятному расширению конфликта. Особенно важна позиция Турции, ибо ее отношение в решающей мере будет определять и поведение Болгарии.

Б. Военные последствия.

Военные последствия этой ситуации, дуче, весьма тяжелые. Англия обладает рядом военных баз, которые позволяют ей быть в самой непосредственной близости от нефтяного района Плоешти, а также ощутимо близко от всей Южной Италии и особенно — от портов погрузки и выгрузки как в итальянской метрополии, так и в Албании.

Если до сих пор румынский нефтяной район был вообще недосыгаем для английских бомбардировщиков, то теперь они приблизились до расстояния менее 500 км. Я просто не решаюсь даже подумать о последствиях, ибо, дуче, должно быть ясно одно: эффективной защиты этого района производства керосина нет. Даже собственные зенитные орудия могут из-за случайно упавшего снаряда оказаться для этого района столь же опасными, как и снаряды нападающего противника. Совершенно непоправимый ущерб был бы нанесен, если бы жертвами разрушения стали крупные нефтеочистительные заводы.

Южная Италия, ее порты, а также вся Албания теперь находятся в самом удобном радиусе действия английских бомбардировщиков. Само собою разумеется, Англии совершенно безразлично, разрушит ли Италия в виде возмездия за это греческие города. Решающим становится нападение на итальянские города. Поэтому я считаю успешное наземное наступление с территории Албании на новые британские базы ранее начала марта полностью исключенным.

Разрушение британских авиационных баз воздушными налетами, по опыту предшествующей воздушной войны, тоже исключено. Все остальное разрушить легче, чем аэродромы. Фактом является то, что Англия, как я и опасался, тем временем заняла Крит и намеревается укрепиться на ряде других островов, а также создать в ряде греческих мест авиационные базы, в том числе две — в районе Салоник и еще две, предположительно, во Фракии. Родос теперь тоже находится в досягаемости для британских истребителей-штурмовиков, и, если, как кажется, англичане создадут авиационные базы в Западной Греции, в ближайшее время окажутся под сильнейшей угрозой и все южно-итальянские прибрежные населенные пункты.

Это положение с военной точки зрения является угрожающим, а с экономической, поскольку речь идет о румынской нефтяной области, — просто зловещим. Поэтому я предлагаю следующее.

І. П о л и т и ч е с к и е м е р ы.

а) Надо немедленно побудить вступить в войну Испанию. Предположительно, это может произойти самое раннее — примерно через шесть недель. Целью испанского вступления в войну для нас должны служить захват Гибралтара и морских проливов, посылка в Испанское Марокко минимум двух германских дивизий, чтобы исключить опасность возможного отпадения Французского Марокко

или Северной Африки от Франции. Потому что, дуче, такое отпадение обеспечило бы англо-французской авиации территории для взлета, что имело бы для Италии роковое значение. Надо избежать этого, и потому нельзя ни при каких обстоятельствах предаваться надежде или предоставлять все случаю. Но падение Гибралтара отрезало бы Средиземное море от Запада. Тогда Англия оказалась бы вынужденной пустить все свои транспорты в обход вокруг Южной Африки. Если в восточной части Средиземного моря наступит облегчение, Северная Африка будет наиболее надежно сохранена в руках правительства Петена.

б) Теперь надо всеми силами пытаться удалить Россию из Балканской сферы и ориентировать ее на Восток.

в) Надо попытаться прийти к какой-то договоренности с Турцией, чтобы избавить Болгарию от турецкого нажима.

г) Надо сделать Югославию незаинтересованной в греческом вопросе, а если возможно, то и заинтересованной даже позитивно сотрудничать в его решении в нашем духе. Без обеспечения нашей безопасности со стороны Югославии нельзя пойти на риск какой-либо успешной операции на Балканах.

д) Венгрия должна согласиться на немедленное осуществление транспортировки через ее территорию крупных германских соединений в Румынию.

е) Румыния должна согласиться с этим увеличением численности германских вооруженных сил для ее защиты.

Я решил, дуче, если англичане попытаются создать во Фракии опасные позиции, направить туда крупные силы. Причем с любым риском.

Но к сожалению, должен констатировать, что ведение войны на Балканах ранее марта невозможно. Поэтому любое угрожающее воздействие на Югославию тоже будет бесцельным, ибо сербскому генеральному штабу также известна невозможность практического осуществления этой угрозы ранее марта, и поэтому, если возможно, надо найти другие средства и пути.

II. В о е н н ы е м е р ы.

Важнейшей военной мерой мне кажется прежде всего закрытие Средиземного моря. С этой целью я хочу, как уже указывалось, попытаться побудить Испанию как можно скорее вступить в войну и прежде всего закрыть западный выход из него.<...>

Таковы, дуче, те мысли, которые я передаю вам от всего горячего сердца друга, готового со всем фанатизмом помочь в кратчайший срок преодолеть кризис и из кажущейся неудачи сделать поистине окончательную неудачу противника.

Адольф Гитлер

20. Директива №21 от 18 декабря 1940 г.
План "Барбаросса"*

Фюрер и верховный
главнокомандующий вермахта
Верховное главнокомандование
вермахта
Штаб оперативного руководства
Отдел обороны страны
№33408/40

Ставка фюрера
18.12.1940.
9 экз.
Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Д и р е к т и в а № 21
План "Барбаросса"

<...>Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе скоротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант "Барбаросса".)<...>

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил — высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении Восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушение восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий ВВС на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры военных действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии, особенно против ее морских коммуникаций, отнюдь не ослабевали.

Основные усилия военно-морского флота должны и во время Восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

* Кодовое наименование плана нападения на СССР дано по прозвищу (итал.: огненно-рыжая борода) кайзера так называемой Священной Римской империи германской нации Фридриха I (1125—1190) из династии Штауфенов, завоевавшего Северную Италию и возглавившего третий крестовый поход.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений.

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых крыльев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у России на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, неспособным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. Предполагаемые союзники и их задачи

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии.

Верховное главнокомандование вооруженных сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах.

3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками. Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой группе войск, предназначенной для действий на Севере.

III. Проведение операций

А) *Сухопутные силы.* (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне.)

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие и в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й армии и в течение Восточной кампании остается оборона Норвегии.

Имеющиеся сверх того силы (горный корпус) следует использовать на Севере прежде всего для обороны областей Петсамо (Печенга) и ее рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям.

Будет ли такая операция осуществлена силами немецких войск (две-три дивизии) из района Рованиemi и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с продвижением немецкого северного фланга наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно больше русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадает задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

Б) Военно-воздушные силы. Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях.

Это будет прежде всего необходимо на фронте центральной группы армий и на главном направлении южной группы армий.

Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя посредством захвата наиболее близко расположенных к району боевых действий важных объектов (речные переправы) смелыми действиями воздушно-десантных войск.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против вражеской авиации и для непосредственной поддержки сухопутных войск не следует во время операции совершать налеты на объекты военной промышленности. Подобные налеты, и прежде всего против Урала, встанут в порядок дня только по окончании маневренных операций.

В) Военно-морской флот. В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море. После нейтрализации русского флота задача будет состоять в том, чтобы обеспечить полную свободу морских сообщений в Балтийском море, в частности снабжение по морю северного фланга сухопутных войск (траление мин).

IV

Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно

исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей каждым из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены.

У

Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве.

О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через верховное главнокомандование вооруженных сил.

Адольф Гитлер

Верно: капитан (подпись)

ИМТ. Док. PS-446; Русский текст цит. по: В.И. Дашинев. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 86—89.

21. Из военного дневника штаба оперативного руководства вермахта

9 января 1941 г.

12.15 — беседа фюрера в Бергхофе с главнокомандующим сухопутными войсками [фон Браухичем], начальником штаба ОКВ [Кейтелем], начальником штаба оперативного руководства вермахта [Йодлем] [и другими представителями высшего командования сухопутных войск, ВМФ и ВВС].

<...> Фюрер дает следующую оценку общего положения.

<...> Высадка в Англии возможна только тогда, когда будет завоевано полное господство в воздухе и в самой Англии наступит определенный паралич. Иначе это — преступление. Цель Англии в войне в конечном счете состоит в том, чтобы разбить Германию на [Европейском] континенте. Но для этого собственных средств ей не хватает. Британский военно-морской флот вследствие своего использования на двух далеко отстоящих друг от друга театрах войны стал слабее, чем прежде, и какое-либо его усиление в решающем масштабе невозможно. <...>

Англию держит надежда на США и Россию, ибо уничтожение английской метрополии со временем неотвратимо. Но Англия надеется выстоять до тех пор, пока ей не удастся сколотить большой континентальный блок против Германии. Дипломатические приготовления к этому легко распознать.

Сталин, властитель России, — умная голова, он не станет открыто выступать против Германии, но надо рассчитывать на то, что в тяжелых для Германии ситуациях он во всевозрастающей мере будет создавать нам трудности. Он хочет вступить во владение наследством обедневшей Европы, ему тоже нужны успехи, его воодушевляет Дранг нах Вестен*. Ему тоже совершенно ясно, что после полной победы Германии положение России станет очень трудным.

Англичан поддерживает возможность русского вступления в войну. Будь эта последняя континентальная надежда разрушена, они бы прекратили борьбу. Он, [Гитлер], не верит в то, что англичане "совершенно сошли с ума"; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они проиграют, им уже никогда не иметь моральной силы удержать свою империю от распада. Но если они продержатся, если они сумеют сформировать 40 — 50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелое положение. Этого произойти не должно. До сих пор он, [фюрер], действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо разбить важнейшие вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда либо англичане сдадутся, либо Германия продолжит войну против Великобритании при наиболее благоприятнейших условиях. Разгром России позволил бы и японцам всеми своими силами повернуть на США, а это удержало бы США от вступления в войну.

Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое облегчение. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40 — 50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд люфтваффе и военно-морского флота. Пришлось бы создать вполне достаточную ПВО и перебазировать важнейшие отрасли промышленности в безопасные районы. Тогда Германия стала бы неуязвимой.<...>

Aus dem Kriegstagebuch des Wehrmachtsführungstabes.

* Натиск на Запад (нем.).

22. Беседа Гитлера с Муссолини и Чиано 20 января 1941 г.

Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Присутствуют:

с немецкой стороны:

имперский министр

иностранных дел

[Риббентроп]

начальник штаба ОКВ

[Кейтель]

начальник штаба оперативного

руководства вермахта

[Йодль]

генерал фон Ринтелен

посланник Шмидт

переводчик мининдел

полковник Шмундт

капитан 3 ранга Путткаммер

с итальянской стороны:

дуче

граф Чиано

(далее следует перечисление

итальянских генералов.-Пер.)

Высказывания фюрера в краткой формулировке:

Большое значение для нас Финляндии ввиду ее единственного в Европе месторождения никеля. Хотя русские тоже согласны поставлять нам никель, они будут делать это только до тех пор, пока захотят. Поэтому Финляндию больше не трогать.

Демарш русских по поводу ввода наших войск в Румынию должным образом отклонен. Русские становятся все наглее, особенно в то время года, когда против них ничего не предпринять (зимой).

Сосредоточение германских войск в Румынии преследует тройную цель:

а) Операция против Греции.

б) Защита Болгарии от России и Турции.

в) Обеспечение гарантий Румынии.

Для осуществления каждой из этих задач нужна собственная группа войск, задействование которой вдали от наших баз требует много времени.

Желательно, чтобы это сосредоточение закончилось без воздействия противника. Поэтому демаскировать эти войска следует как можно позже. Основная тенденция: как можно позже форсировать Дунай и затем как можно раньше перейти в наступление.<...>

Турция, по всей вероятности, останется нейтральной. Весьма неприятным это может стать для нас, если она заявит о своей солидарности с Англией и предоставит в ее распоряжение свои аэродромы.

Общее положение на Востоке можно правильно оценить только с точки зрения положения на Западе.

Нападение на Британские острова — наша последняя цель. Здесь мы находимся в положении человека, у которого в винтовке остался всего один патрон: если он промахнется, ситуация станет еще хуже, чем прежде. Высадку не повторить, так как в случае неудачи будет потеряно слишком много техники. Тогда Англии больше уже не придется ничего опасаться, и она сможет направить свои главные силы на периферию, куда ей вздумается. А пока высадка все еще не состоялась, англичанам приходится считаться с ее возможностью. Высадка возможна только при определенных условиях, которых осенью не было: три дня подряд хорошей погоды.<...>

От Америки, даже если она вступит в войну, я большой угрозы не жду. Самая большая угроза — огромный колосс Россия. Хотя мы и имеем с Россией весьма выгодные политические и экономические договоры, предпочитаю полагаться на мои силовые средства. Однако весьма значительная часть немецких войск связана на русской границе, и это мешает мне направить достаточное число людей в военную промышленность, чтобы до предела усилить производство вооружения для авиации и военно-морского флота.

Правда, пока жив Сталин, никакой опасности нет: он достаточно умен и осторожен. Но когда его не станет, евреи, которые сейчас обретаются во втором или третьем гарнизонах, могут продвинуться в первый.

Следовательно, надо проявлять осторожность. Русские выдвигают все новые и новые требования, которые они вычитывают из договоров. Потому-то они и не желают в этих договорах твердых и точных формулировок.

Итак, надо не упускать из виду такой фактор, как Россия, и подстраховать себя [военной] силой и дипломатической ловкостью.

Раньше Россия никакой угрозы для нас не представляла, потому что на суше она для нас совершенно неопасна. Теперь, в век военной авиации, из России или со Средиземного моря румынский нефтяной район можно в один миг превратить в дымящиеся развалины, а он для оси жизненно важен.<...>

Общие соображения о факторах, являющихся решающими для успеха в современной войне.<...> Большие успехи наших танковых войск достигнуты не благодаря тяжелым танкам. Мы предпочитаем танки средние. Французы имели тяжелых танков гораздо больше, чем мы. Самое лучшее, что у нас было, так это наши генералы танковых войск, которые разработали совершенно новую тактику и весьма энергично и умело командовали своими соединениями.<...>

23. Из записи обсуждения плана "Барбаросса" с участием Гитлера 3 февраля 1941 г.

Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Присутствуют:

фюрер
начальник штаба ОКВ
начальник штаба
оперативного руководства
вермахта

главнокомандующий
сухопутными войсками
начальник генерального штаба
сухопутных сил
начальник оперативного
отдела ОКХ

Начальник генерального штаба сухопутных войск докладывает о положении противника: примерно 100 пехотных дивизий, 25 кавалерийских дивизий; примерно 30 механизированных дивизий.

Собственные силы примерно равные, но, по данным генерала Кёстринга*, прежде всего качественно значительно превосходят противника.

Подробности о силе, структуре русских дивизий: важно только то, что и в пехотных дивизиях относительно много танков, но плохих, наскоро собранная техника.

В отношении механизированных дивизий у нас превосходство в танках, стрелках, артиллерии. Количественное превосходство у русских, качественное — у нас.

Артиллерией русские вооружены нормально, но техника неполноценная. Командование артиллерией неудовлетворительное. Намерения русского командования нераспознаваемы. На границе — крупные силы, возможности отступления ограничены, поскольку Прибалтика и Украина жизненно важны для русских с точки зрения продовольственного снабжения. Работы по созданию укреплений ведутся полным ходом, особенно на северном и южном флангах.

Относительно транспортных путей новых данных нет.

Директивы группам армий даны таким образом, чтобы разорвать русский фронт на две части; отходу русских на линию Днепр — Двина будет воспрепятствовано.

Группа армий "Север" и группа армий "Центр" имеют своей задачей совместно с массированными танковыми силами пробиваться тремя танковыми группами (сильнейшая из них — самая южная) через Двину в северо-восточном направлении.

* Военный атташе посольства Германии в СССР.

Самая северная группа должна пробиваться в район Чудского озера, а затем продвигаться далее на Восток во взаимодействии с обеими другими танковыми группами, наступающими на Смоленск.

Группа армий "Юг" наступает в юго-восточном направлении через Днепр.

Операции групп армий "Север" и "Центр" севернее Припятских болот, а группы армий "Юг" — южнее их проводятся отдельно и самостоятельно. Центр тяжести — на севере, там же — главные силы резерва сухопутных войск. Потребуется взять из числа участвующих в операции "Марита" (против Греции. — *Пер.*) 6 танковых дивизий, в том числе из 1-й линии — 2 учебные дивизии, и еще 2 — из Румынии.<...> Остальное в конечном счете зависит от положения на Балканах (позиция Турции).

Ф ю р е р: когда жребий будет брошен, турки уже ничего не выкинут. Поэтому особой защиты на Балканах не требуется. Первый опасный момент настанет, если Северная Африка будет занята англичанами; тогда они смогут свободными силами вести активные военные действия в Сирии.<...>

Ф ю р е р: с общей диспозицией в принципе согласен.<...>

Ф ю р е р: указывает на то, что оперативное пространство огромно. Окружение войск противника может быть успешным, только если оно является сплошным.<...> Немедленной сдачи Прибалтики, а также Ленинграда и Украины заранее ожидать не следует. Но возможно, что русский, осознав наши оперативные цели, после первого поражения отойдет на широком фронте и где-то дальше на Востоке перейдет к обороне за каким-либо естественным препятствием.

В этом случае группа армий "Север", невзирая на остановившихся на востоке русских, прежде всего выполняет свою задачу. Она наносит (благоприятная исходная база) удар в тыл русским без фронтального наступления. Задача: уничтожить крупные части противника, а не заставить его бежать. Это будет достигнуто, если мы самыми крупными силами овладеем флангами, при этом приостановив атаку в центре, а затем, действуя с флангов, заставим противника отдать нам и центр.<...>

Если "Барбаросса" удастся, весь мир затаит дыхание.<...>

Итоги:

1. "Барбаросса"

а) Фюрер в общем и целом с представленной разработкой плана операции согласен. При дальнейшей разработке не упускать из виду главную цель: овладеть Прибалтикой и Ленинградом.<...>

д) Сосредоточение и развертывание войск по плану "Барбаросса" маскировать посредством дезинформации относительно осуществления операции "Морской лев" (высадка в Англии. — *Пер.*) и второстепенной операции "Марита".<...>

24*. Из военного дневника генерал-полковника Франца Гальдера

30.3.1941 г.

<...>11.00 — совещание генералитета у фюрера. Его почти 2 1/2-часовое выступление: положение после 30.6.[1940 г.]. Ошибка Англии — отказ от возможности заключения мира. Изложение последующих событий. Резкая критика ведения войны итальянцами и их политики. Выгоды для положения Англии, вытекающие из неудач Италии.

Англия возлагает свои надежды на Америку и Россию. Наивысшие достижения только через 4 года. Транспортные проблемы России. Роль и возможности. Обоснование необходимости урегулировать русский вопрос. Только так мы окажемся в состоянии через 2 года справиться в материальном и кадровом отношении с нашими задачами в воздухе и на морях, окончательно и основательно решив проблемы на суше.

Наши задачи в отношении России: разгромить ее вооруженные силы, разрушить ее государство. Высказался (уважительно) о русском танковом оружии: 4,7-сантиметровая броня, хороший тип тяжелого танка. Основная масса — устаревшие. По численности танков русский — самый сильный в мире. Но у него лишь небольшое число новых типов — огромных танков с длинной, 10-сантиметровой пушкой (гигантские колоссы по 42 — 45 т). Авиация очень велика по численности, но весьма много самолетов старых типов, а современных — лишь небольшое количество.

Проблема русского пространства: необозримые просторы делают необходимым сосредоточение войск в решающих пунктах. Требуется массированное введение в бой авиации и танков в решающем месте. При такой огромности пространства люфтваффе не в состоянии одновременно обработать его целиком; в начале войны она может господствовать только над частями гигантского фронта. Поэтому она должна применяться только в тесном взаимодействии с наземными операциями. Русский перед массированным применением танков и авиации не устоит.

Никаких иллюзий насчет наших союзников. Финны будут биться храбро, но количественно они слабы и не отдохнули (после советско-финской войны.— *Пер.*). С румынами ничего путного предпринять нельзя. Вероятно, их можно будет использовать под прикрытием какой-нибудь сильной преграды (например, реки) для боевого охранения там, где их не атакуют. Антонеску увеличил свою армию, вместо того чтобы уменьшить и улучшить. Судьбу крупных германских соединений нельзя ставить в зависимость от стойкости румынских войск.

* Звездочкой обозначены документы, опубликованные автором впервые.

Вопрос о Припятских болотах: боевое обеспечение, оборона, минирование.

Вопрос о русском отходе: маловероятен, так как русские связаны Прибалтикой и Украиной. Если русский задумает отступать, он должен сделать это весьма заблаговременно, иначе не сможет отойти, сохраняя боевые порядки. После решения задач на Востоке нам будет достаточно держать там 50 — 60 дивизий (танковых). Часть личного состава сухопутных войск будет демобилизована для работы на военных предприятиях, производящих вооружение для авиации и флота, а часть использована для других задач (например, в Испании). (Пометка Гальдера на полях: "Колониальные задачи".)

Борьба двух мировоззрений. Фюрер дает уничтожающую оценку большевизма: равнозначен социальному преступлению. Коммунизм — чудовищная угроза будущему. Мы должны отказаться от точки зрения солдатского товарищества с ним. Коммунист не был нашим камерадом раньше, не будет он им и впредь. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем считать ее таковой, то, хотя и победим коммунистического врага, через 30 лет он снова будет стоять перед нами. Мы ведем войну не для того, чтобы консервировать врага.

Будущая картина государств: Северная Россия принадлежит Финляндии. Протектораты: Прибалтийские страны, Украина, Белоруссия.

Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства должны быть государствами социалистическими, но без собственной интеллигенции. Надо не допустить образования новой интеллигенции. Борьба должна вестись против яда разложения. Это — не вопрос военных судов. Командиры частей должны знать, за что идет борьба. Они должны быть в этой борьбе ведущими. Войска должны защищаться теми же средствами, какими на них нападают. Комиссары и гепеушники — преступники, и с ними надо поступать, как с таковыми. Поэтому командиры должны держать свой личный состав в руках. Командир должен отдавать приказы и распоряжения, считаясь с мироощущением своих солдат.

Борьба эта будет очень отличаться от той, которая ведется на Западе. На Востоке суровость — это милосердие ради будущего. Командиры обязаны требовать жертв от самих себя, преодолевать все сомнения.

(Пометка Гальдера: "Приказ главнокомандующего сухопутными войсками".) Не грек А. Д. Гальдеру за мобилизацию

Halder-Tagebuch. Лейка-преступница, да? еще

Орден Лейка, по смерти, да все
тоже мерзав

и хойсбятый чинисовизм.

25. Беседа Гитлера с германским послом в Москве графом фон дер Шуленбургом 28 апреля 1941 г.

(Запись Шуленбурга)

ирословы комм-и во всем мире!

Фюрер начал с вопроса, буду ли я 1 мая снова в Москве, на что я ответил утвердительно, так как хотел бы присутствовать на военном параде.

Затем фюрер упомянул, что я находился в Москве во время визита [японского министра иностранных дел] Мацуоки, и спросил, как относятся русские к русско-японскому договору [о нейтралитете]. Я ответил: русские очень довольны его заключением, несмотря даже на то, что им пришлось пойти на уступки.

Затем фюрер спросил меня, какой черт дернул русских заключить пакт о дружбе с Югославией. Я высказал мнение, что это было сделано исключительно как заявка русских интересов на Балканах. Россия всегда делала что-то, когда мы предпринимали что-то на Балканах. Ведь мы сами взяли на себя обязательство путем консультаций информировать русских. Хотя Россия и не имела особых интересов в Югославии, но в принципе имела их на Балканах. Фюрер сказал: при подписании русско-югославского пакта о дружбе у него было такое ощущение, что Россия хочет нас напугать. Я отрицал это и повторил, что русские имели намерение лишь заявить о своих интересах, но все же действовали корректно, поскольку информировали нас об этом намерении.

Фюрер сказал, что еще не выяснено, кто именно является закулисным инспириатором переворота в Югославии — Англия или Россия! По его мнению, это были англичане, между тем как у балканских народов сложилось впечатление, что за этим стояла Россия! Я ответил, что, глядя из Москвы, я не имею никаких отправных точек, дабы утверждать, что Россия замешана в этом деле. В качестве примера я привел неудачу югославского посланника в Москве Гавриловича, усилия которого заинтересовать Советский Союз югославскими делами до сих пор оставались тщетными. Югославско-русский договор возник только тогда, когда после путча Югославия взяла инициативу в свои руки и послала в Москву своих офицеров, которые и предложили этот договор. Тогда Россия и заключила его под девизом, что он является инструментом мира. Россия очень обеспокоена слухами о предстоящем нападении Германии на нее.

Фюрер подчеркнул, что русские начали сосредоточение и развертывание войск, без всякой необходимости сконцентрировав в Прибалтике большое число дивизий. Я ответил, что речь идет здесь о знакомом русском стремлении к 300-процентной безопасности. Если мы с какой-либо целью послали бы одну немецкую дивизию, они с той же целью перебросили бы туда 10 дивизий, чтобы быть вполне уверенными в своей безопасности. Не могу

Брага

поверить, что Россия когда-либо нападет на Германию. Фюрер сказал, что события в Сербии служат ему предостережением. То, что происходит там, является для него примером политической ненадежности этого государства.

Затем фюрер перешел к продолжительным высказываниям насчет совращенных Англией народов, особенно о развитии ее политических отношений с Югославией. Англия надеялась на югославно-греческо-турецко-русский фронт на Юго-Востоке [Европы], она стремилась создать эту широкую группу государств, вспоминая о Салоникском фронте в [первую] мировую войну. Он очень сожалеет, что эти усилия Англии вынудили его тоже выступить против этой жалкой Греции; ему противно, что приходится, вопреки своим чувствам, подавлять этот небольшой храбрый народ. Югославский государственный переворот был затеян без всякой причины. Когда утром 27 [марта] ему было сообщено об этом, он посчитал это шуткой. Имея такой политический опыт, надо относиться к подобным вещам с осторожностью. Народы дают сегодня определять свою политику не столько разумом и логикой, сколько ненавистью, а также, пожалуй, и денежными интересами. Вот так и происходит, что в результате английских обещаний и лжи один за другим оказались ввергнутыми в бедствие сначала поляки, которым он поставил благоприятные условия, потом Франция, которая войны не хотела, за ней Голландия и Бельгия, Норвегия, а вот теперь к тому же Греция и Югославия. Можно сказать, что массы здесь не при чем, но ему приходится иметь дело не с народами, а с правительствами. И Греция определенно не была нейтральной. Ее пресса вела себя бесстыдно. Греция всегда симпатизировала Англии и прежде всего предоставила ей свой тоннаж и свои базы для подводных лодок. Турция тоже была очень близка к тому, чтобы пойти этим же путем. Правда, он не верит, что Россию можно было бы купить для нападения на Германию, но сильные инстинкты ненависти к нам у нее остались. Это, а также прежде всего русские намерения продвинуться дальше в вопросе о Финляндии и Дарданеллах остаются неизменными, что дал ясно понять Молотов во время своего визита. Обдумав все это, он [Гитлер] считает себя обязанным быть осторожным.

Я указал на то, что только через 6 дней после заключения русско-югославского договора Криппсу (английскому послу в СССР.— *Пер.*) удалось переговорить всего лишь с заместителем Молотова Вышинским. Я напомнил далее о том, что Сталин сказал Мацуоке: он присягнул на верность странам "оси" и потому не может сотрудничать с Англией и Францией. Я напомнил также о сцене на вокзале (при проходах Мацуоки из Москвы.— *Пер.*), которую Сталин намеренно разыграл, чтобы публично продемонстрировать свое сотрудничество со странами "оси". Англия и Франция в 1939 г. прилагали все мыслимые усилия для того, чтобы

привлечь Россию на свою сторону, и если Сталин в то время, когда Англия и Франция еще были сильны, не смог решиться остановить свой выбор на них, то, я полагаю, он тем более не смог бы пойти на это сегодня, когда Франция уничтожена, а Англия сильно измотана. Наоборот, я убежден, что Сталин готов пойти на еще более далеко идущие уступки нам. Он уже намекнул нашим хозяйственным деятелям, что (если мы своевременно сделаем заявку) в будущем году Россия сможет поставить нам 5 миллионов т зерна. *01/05/41*

Приведя соответствующие цифры, фюрер высказал мнение, что русские поставки будут ограничены транспортными возможностями. Я указал на то, что транспортные трудности могут быть устранены более сильным использованием русских портов.

Das nationalsozialistische Deutschland. S.370ff.

26. Предостережение имперского министра иностранных дел фон Риббентропа относительно войны против Советского Союза (Передано через статс-секретаря фон Вайцеккера 28 апреля 1941 г.)

Мои взгляды на германо-советский конфликт могу сформулировать одним предложением: если бы каждый сожженный русский город имел для нас такое же значение, как каждый потопленный английский военный корабль, я высказался бы за германо-советскую войну этим летом, но полагаю, что в этом случае мы выиграли бы борьбу против России только в военном отношении, однако проиграли бы ее в экономическом.

Можно было бы, пожалуй, считать заманчивым нанести коммунистической системе смертельный удар и даже, вероятно, сказать вместе с тем, что логика вещей требует бросить сейчас весь Европейско-Азиатский континент против англосаксонства со всеми его присными. Решающим, однако, остается одно: поможет ли это ускорить падение Англии?

Здесь надо различать два случая:

а) Англия близка к краху. Если мы считаем так, то было бы ошибкой придать англичанам бодрости тем, что мы затеваемся с еще одним противником. Россия потенциальным союзником англичан не является. Ничего хорошего Англии от России ожидать не приходится. Надежда на Россию Англию от краха не спасет. Войной с Россией мы никакой надежды Англии не уничтожим.

б) Если же мы в скорый крах Англии не верим, могла бы возникнуть мысль о том, что путем применения силы мы должны поживиться за счет огромной массы советских земель. То, что наши войска смогли бы победоносно дойти до Москвы, а затем двинуться и дальше, я считаю само собою разумеющимся. Но я весьма сомневаюсь в том, что мы смогли бы использовать благо-

ха, миллионы расстрелы, ГУЛАГ, Кресты
 приобретенное вопреки общеизвестному пассивному сопротивлению славян. Я не вижу в русском народе никакой приемлемой оппозиции, которая смогла бы сменить коммунистическую систему и примкнуть к нам, а также взять на себя обязательство служить нам. Нам пришлось бы, вероятно, считаться с дальнейшим существованием сталинской системы в Восточной России и Сибири, а также с возобновлением военных действий весной 1942 г. Окно в Тихий океан осталось бы захлопнутым.

Германское нападение на Россию дало бы англичанам новый моральный стимул. Они бы расценили это нападение как сомнение Германии в своей победе в борьбе против Англии. Тем самым мы бы не только признали, что война продлится еще долго, но и затянули бы ее, вместо того чтобы укоротить.

Вайцзеккер

Das nationalsozialistische Deutschland. S. 373ff.

27. Запись совещания у начальника отдела обороны страны штаба оперативного руководства вермахта от 30 апреля 1941 г.

Отдел обороны страны

Ставка фюрера 1.5.41 г.

Совершенно секретно

Только для командования

Передавать только через офицера

1. График "Барбаросса".

Фюрер решил:

Начало "Барбаросса" — 22 июня.

С 23 мая — введение в действие плана максимальных перевозок войск.

К началу операций резервы главного командования сухопутных войск в предназначенные районы сосредоточения еще не прибыли.

2. Соотношение сил по плану "Барбаросса":

Полоса "Север": германские и русские силы примерно равны.

Полоса "Центр": сильное германское превосходство.

Полоса "Юг": русское превосходство.

3. Русское сосредоточение и развертывание: дальнейшие крупные передвижения войск к германо-русской границе.

4. Оценка реализации плана "Барбаросса" главнокомандующим сухопутными войсками [фон Браухичем]:

Предположительно, ожесточенные приграничные сражения, продолжительность — до 4 недель. В дальнейшем же ходе операций можно рассчитывать только на более слабое сопротивление.

Оценка русского солдата:

Русский будет обороняться там, где он поставлен, до последнего.

5. Совещания с Финляндией:

Результаты утверждены фюрером согласно документу от 28.4.1941 г.

6. Совещания с Венгрией возможны лишь в последней декаде мая. Фюрер считает, что Венгрия готова к оборонительным мерам на русской границе, но использование германских войск с венгерской территории не допускается.

7. Совещания с Румынией станут возможны только впоследствии.

8. Маскировка на совещаниях с дружественными странами: якобы речь идет о намеченном германском наступлении на Западе, а потому на Восточном фронте должны быть приняты меры предосторожности. Участие дружественных стран в чисто оборонительных мерах.

9. Иберийский полуостров:

Фюрер рассчитывает на высадку англичан в Португалии, расширение предполья в Гибралтаре и, эвентуально, создание авиационных баз в Марокко.

10. Распределение сил:

Предусмотрено:

для Греции — 3 дивизии, из них 1 для захвата Крита.

для Югославии — 4 охранные дивизии 15-го эшелона.

для Запада — 30 дивизий и 5 охранных дивизий 15-го эшелона.

<...> **13. Затребовать** через отдел обороны страны (L IV) предложения главного командования сухопутных войск по оккупации Греции; при этом Афины будут временно находиться в немецких руках.<...>

IMT. Dok. PS-1746.

28. Инцидент с полетом Рудольфа Гесса в Англию в мае 1941 г.

(По записям Гальдера)

15.5.1941 г.

<...> Совещание с руководящим составом главного командования сухопутных войск: дело Гесса.

I. Освещение инцидента, данное фюрером главнокомандующему сухопутными войсками, соответствует второй, расширенной информации об этом деле в прессе.

1. Произошедшее явилось для фюрера полной неожиданностью.

2. Было известно:

а) Внутренняя удрученность Гесса, вызванная его психологическим отношением к Англии, и его огорчение по поводу того, что два народа германской расы взаимно терзают друг друга.

б) Внутренняя удрученность, вызванная запретом находиться на фронте; повторная просьба об использовании на фронте отклонена.

в) Склонность к мистике ("история", предания старины и т.п.).

г) Летная бесшабашность, а потому уже давно наложенный фюрером запрет на самостоятельные полеты Гесса.

3. Стало известно постфактум:

а) Начиная с августа прошлого года — регулярное требование метеосводок о погоде в Англии.

б) Попытка (также и с помощью Тербовена в Норвегии) получения пеленгатора.

в) После отказа [генерала] Удета [начальника штаба люфтваффе] — систематическое обучение пилотажу у Мессершмитта.

г) Планомерная техническая подготовка полета (установка на самолете запасных баков для горючего).

4. Хронологический ход событий:

а) В субботу [10.5.41 г.]: пакет с бумагами для фюрера, который тот сначала откладывает в сторону как содержащий памятную записку, а затем вскрывает и находит в нем письмо с изложением причин полета. В качестве пункта посадки указан Глазго. Намечался посетить лорда Гамильтона (руководителя английского Союза фронтовиков. — Г.-А.Я.).

б) Изучение с рейхсмаршалом [Герингом] и Удетом вопроса о том, удалось ли Гессу достигнуть намеченного пункта. Когда это подтверждается, с учетом ожидаемого использования данного инцидента Англией, дается первое сообщение для печати (краткий вариант). Риббентроп направлен в Рим с целью информировать дуче.<...>

в) Совещание рейхсляйтеров и гауляйтеров: чтение документов.

II. Просьба к присутствующим обнародовать это сообщение и противодействовать всем слухам иного содержания.<...>

Halder-Tagebuch.

29. Мирный план Карла Гёрделера* от 30 мая 1941 г., предназначенный для передачи британскому правительству

Группа германских деятелей, являющихся руководящими лицами во всех сферах жизни, готова взять на себя ответственность за формирование такого правительства [Германии], которое бы в подходящий момент осуществило свою легитимацию посредством свободного волеизъявления немецкого народа. Все соответствующие действия носили бы исключительно внутригерманский характер. Поэтому вышеупомянутые авторитетные лица уже теперь хотят выяснить вопрос, смогут ли (вскоре после успешного начала деятельности этого отвергающего национал-социализм правительства) быть начаты, согласно прежним заверениям британского правительства, мирные переговоры.

* Бывший обер-бургомистр Лейпцига, в дальнейшем — один из руководителей антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г.; после его провала — казнен.

В качестве основы для переговоров предлагаются следующие цели, к которым стремится эта германская группа:

1. Восстановление полного суверенитета всех нейтральных стран, захваченных во время войны участвующими в ней государствами.
2. Подтверждение произведенного до войны присоединения [к Германии] Австрии, Судетской области и Мемельской области.
3. Восстановление границ Германии 1914 г. с Бельгией, Францией и Польшей.
4. Установление европейских границ на основе права наций на самоопределение посредством мирной конференции всех стран.
5. Возвращение германских колоний или предоставление [Германии] равноценных им колониальных областей при одновременном учреждении международной системы мандатов для всех колоний.
6. Никаких репараций, совместное восстановление.
7. Ликвидация таможенных границ.
8. Учреждение полномочного Всемирного совета экономики.
9. Международный контроль за валютами.
10. Возобновление работы Международной биржи труда.
11. Восстановление права, наказание виновных.
12. Расширение международной третейской юрисдикции.
13. Учреждение регулярно созываемой конференции европейских государств и соответствующих объединений на постоянной основе.
14. Всеобщее ограничение и сокращение вооружений.
15. Международный контроль над вооружениями и военной промышленностью.

16. Бойкот Леничского - стал. издательства!

G.Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. 2. Auflage. Stuttgart. 1956.

"Уничтожить пролетариат, синевари!"

по Ресни

30. Директива №32

Подготовка к периоду после осуществления плана "Барбаросса"

Фюрер и верховный
главнокомандующий вермахта
Верховное главнокомандование
Штаб оперативного руководства
Отдел обороны страны
(1-й оперативный отдел)
Nr. 44886/41

Ставка фюрера, 11.6.1941 г.
Совершенно секретно
Только для командования

А) После разгрома вооруженных сил Советской России Германия и Италия будут господствовать в военном отношении на всем Европейском континенте, исключая временно Пиренейский полуостров. Какой-либо серьезной угрозы с суши для европейской территории уже не будет существовать. Для ее защиты и проведения будущих наступательных операций понадобится значительно меньше сухопутных войск, чем требовалось до настоящего времени.

Основные усилия в военном производстве могут быть сосредоточены на обеспечении военно-морских и военно-воздушных сил.

Укрепление немецко-французского сотрудничества должно сковать и скует еще бóльшие силы англичан, устранит угрозу тылу Северо-Африканского театра военных действий, еще в большей степени сократит возможности для операций британского флота в западной части Средиземного моря и обеспечит защиту глубокого юго-западного фланга европейской зоны боевых действий, включая Атлантическое побережье Северной и Западной Африки, от нападения англосаксов.

Перед Испанией в ближайшее время будет поставлен вопрос, готова ли она содействовать изгнанию англичан из Гибралтара или нет.

Возможность оказать сильное давление на Турцию и Иран улучшает перспективы прямого или косвенного использования этих стран для борьбы против Англии.

Б) Исходя из обстановки, которая должна сложиться в результате победоносного завершения похода на Восток, перед вооруженными силами могут быть поставлены на конец осени 1941 г. и зиму 1941/42 г. следующие стратегические задачи.

1. Освоение, охрана и экономическое использование при полном содействии вооруженных сил завоеванного пространства на Востоке.

Какие силы потребуются для несения охраны на русской территории, точно определить можно лишь позднее. По всей вероятности, для выполнения дальнейших задач на Востоке будет достаточно 60 дивизий и одной воздушной армии наряду с войсками союзных и дружественных стран.

2. Продолжение борьбы против английских позиций на Средиземном море и на Ближнем Востоке путем концентрического наступления, которое планируется провести из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию, а также, в зависимости от обстановки, из Закавказья через Иран.

а) В Северной Африке задача состоит в том, чтобы захватить Тобрук и тем самым обеспечить возможность продолжения наступления германо-итальянских войск на Суэцкий канал. Это наступление надлежит подготовить примерно к ноябрю, руководствуясь тем, что укомплектованность немецкого корпуса в Африке личным составом и боевой техникой будет доведена к этому времени до наивысшего уровня и в его распоряжение поступят достаточные резервы (при переформировании 5-й легкой пехотной дивизии в полнокровную танковую дивизию). Однако дополнительные крупные немецкие соединения в Северную Африку перебрасываться не будут.

Подготовка к наступлению требует любыми средствами ускорить темпы перевозок, используя французские порты в Северной Африке, а также по возможности новый морской путь из Южной Греции.

Задача военно-морских сил — обеспечить во взаимодействии с итальянским флотом необходимый тоннаж для перевозок, зафрахтовав для этой цели французские суда и суда нейтральных государств.

Необходимо изыскать возможности последующей переброски немецких торпедных катеров в Средиземное море.

Для повышения пропускной способности североафриканских портов надо оказывать всяческую поддержку итальянских конвоев морских транспортов с воздуха немецкой авиацией. <...>

В целях централизованного руководства подготовкой транспортных перевозок создан немецкий штаб морских перевозок, который работает по указаниям верховного главнокомандования вооруженных сил и во взаимодействии с немецким генералом — представителем при ставке итальянских вооруженных сил и с главнокомандующим войсками на Юго-Востоке.

б) Ввиду ожидаемых попыток англичан усилить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке, а также для защиты Суэцкого канала необходимо наметить проведение германскими вооруженными силами операции из Болгарии через Турцию с целью нанести удар по позициям англичан в районе Суэцкого канала, а также с Востока.

Для этой цели следует предусмотреть, чтобы в Болгарии как можно раньше (!) были сосредоточены войска, достаточные для того, чтобы сделать Турцию послушной в политическом отношении или сломить ее сопротивление силой оружия.

в) После того как крах Советского Союза создаст соответствующие условия, необходимо будет, далее, бросить моторизованный экспедиционный корпус из Закавказья в Ирак в дополнение к операциям, предусмотренным в пункте б.

г) Использование арабского национально-освободительного движения. Положение англичан на Среднем Востоке при крупных немецких операциях станет тем затруднительнее, чем больше они будут в нужное время связаны очагами волнений и восстаниями. Все служащие этой цели военные, политические и пропагандистские мероприятия потребуют в период их подготовки теснейшего согласования. В качестве центрального органа, который должен принимать участие в составлении всех планов и в проведении всех мероприятий на арабской территории, назначаю особый штаб "Ф". Его резиденция будет находиться в зоне, подведомственной главнокомандующему войсками на Юго-Востоке. Этому органу необходимо придать лучших экспертов и агентов.

Задачи особого штаба "Ф" определяет начальник штаба верховного главнокомандования, а в случае, если будут затрагиваться политические вопросы, по согласованию с имперским министром иностранных дел.

3. Блокирование западного входа в Средиземное море путем захвата Гибралтара.

Подготовка операции "Феликс", которая уже была в свое время запланирована, должна быть возобновлена в полном масштабе, когда боевые действия на Востоке будут близки к завершению. При этом можно рассчитывать, что неоккупированная французская территория будет находиться в нашем распоряжении если не для переброски немецких войск, то во всяком случае для тыловых перевозок. Возможно также содействие со стороны французских военно-морских и военно-воздушных сил.

Следует предусмотреть для переброски в Испанское Марокко после захвата Гибралтара только такое количество войск, какое необходимо для охраны пролива.

Оборона атлантического побережья Северной и Западной Африки, захват английских владений в Западной Африке и территории, контролируемой де Голлем, предоставляется французам, которые в ходе развития боевых действий будут получать необходимые подкрепления.

Использование западноафриканских баз военно-морскими и военно-воздушными силами, а при возможности и захват атлантических островов будут облегчены после овладения проливом.

4. Наряду с этими возможными операциями против британских позиций на Средиземном море после завершения похода на Восток в полном масштабе должна быть возобновлена военно-морскими и военно-воздушными силами "осада Англии".

Всем планам в области военного производства, служащим этой цели, должен быть предоставлен приоритет в рамках общей программы вооружения. В то же время необходимо максимально усилить противовоздушную оборону Германии. Подготовка высадки в Англии должна служить двоякой цели: сковать силы англичан в метрополии, а также вызвать и завершить наметившийся развал Великобритании.<...>

В) Время начала запланированных операций в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке определить пока нельзя. Наибольший оперативный эффект обеспечило бы по возможности одновременное начало наступления на Гибралтар, Египет и Палестину. Возможность осуществить это зависит в первую очередь от того, будет ли авиация в состоянии выделить одновременно силы, необходимые для поддержки этих трех операций, а также от других факторов, предвидеть которые сейчас трудно.

Г) Прошу господ главнокомандующих в соответствии с этими предварительными замыслами составить планы, продумать и провести соответствующую организационную подготовку и своевременно доложить мне результаты, чтобы я мог разработать окончательные директивы уже во время похода на Восток.

Entwurf zur Weisung №32 v. 11.6.1941. In: Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1956. S. 127ff.

31. Из дневников министра иностранных дел Италии графа Галеаццо Чиано

18 июня 1941 г.

Долгий телефонный разговор с Риббентропом. Две новости — одна хорошая, а другая менее хорошая. Первая — заключение договора с Турцией: нейтралитет, взаимное уважение, мирное решение всех противоречий. Никакого секретного протокола. Вторая: выдворение всех консулов Соединенных Штатов из стран "оси", и наоборот. Это значит, что постепенно идем к открытому состоянию войны [с США]. <...> *разделитесь сами! (СССР)*

В Ливии дела идут хорошо. Английское наступление сломлено. Мы одержали заслуживающий внимания успех. Бисмарк не замедлил прокомментировать: "Из-за этого война еще долго не прекратится".

21 июня 1941 г. *Насколько он преувеличивает?*

Многочисленные признаки указывают на то, что начало операции [Германии] против России уже очень близко. Бисмарк доверительно сказал Филиппо, что он ночью ожидает сообщения от Гитлера. Идея войны против России сама по себе весьма популярна, поскольку разгром большевизма должен принадлежать к числу самых важных дат в истории человеческой цивилизации. Но как симптом эта война мне не нравится, ибо у нее нет разумной и убедительной причины. Обычная трактовка этой войны — это то, что она ведется "faute de Mieux"*, попытка найти выход из неблагоприятного положения, которое возникло вопреки ожиданиям. Каков будет ход этой войны? Немцы думают, что все будет кончено за восемь недель, и это возможно, потому что военные расчеты всегда были правильнее политических. Ну, а если так не получится? Если Советская Армия окажет более сильное сопротивление, чем буржуазные страны, какую реакцию это вызовет у пролетариев всего мира?

22 июня 1941 г.

В 3 часа утра Бисмарк приносит мне длинное послание Гитлера дуче. Объясняет причины своих действий. Хотя письмо и начинается с обычного заверения, что Великобритания войну проиграла, тон его отнюдь не восторженный. Я по телефону сообщаю о письме

* за неимением лучшего (фр.).

*и Ситни, Алаев, В. С., армия, кол-е
не знали?! о целах Гитлера!?! Поисковые
преследования Ричарди-не имеем ценн. оценки!*

Г.-А. Якобсен. 1939—1945. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

дуче, который все еще находится в Ричоне. Потом рано утром пытаюсь посетить советского посла, чтобы сообщить ему об объявлении [Италией] войны. Сделать это не удастся: до 12 часов 30 минут он недосыгаем, ибо он и весь персонал посольства спокойно отправились купаться на побережье. Мое сообщение он воспринимает с довольно большим равнодушием, но это в его характере. Сообщение весьма короткое, без лишних слов. Беседа продлилась две минуты и протекала отнюдь не драматически. Завтра Муссолини пошлет свой ответ фюреру. Дуче очень по сердцу участие итальянского экспедиционного корпуса, но из письма Гитлера отчетливо видно, что тот этого столь же охотно не желает.

Ричарди испытывает приступ огромного бешенства из-за хода экономических дел и заключает свои тирады следующими словами: "Единственное, что еще смогло бы удивить меня в нашем режиме, — это беременный мужчина. Все остальное мы уже имели!" <...>

Ciano. Tagebücher 1939 — 1943. Bern. 1946.

32*. Из военного дневника генерал-полковника Франца Гальдера

22.6.1941 г.

<...> Общая картина первого дня наступления такова: противник был захвачен немецким нападением врасплох. Тактически он не был развернут для обороны. Его войска в приграничной зоне находились в своих обычных местах расположения. Охрана границы в целом была плохой.

Тактическая внезапность привела к тому, что вражеское сопротивление непосредственно на границе оказалось слабым и неупорядоченным, а потому нам удалось повсюду захватить мосты через приграничные реки, прорвать находившиеся вблизи границы позиции пограничной охраны (полевые укрепления).

После первого шока противник вступил в бой.

Наступлением наших дивизий на всех участках противник был отброшен с боями в среднем на 10 — 12 км. Тем самым был открыт путь моторизованным соединениям. <...>

30.6

Во второй половине дня, в 16.30, посещение фюрером походного лагеря. <...>

Фюрер подчеркивает:

а) Срочно овладеть Финским заливом, ибо только после того, как русский флот будет ликвидирован, станет возможным свободное судоходство по Балтийскому морю (подвоз железной руды). На овладение русскими портами с суши следует рассчитывать в течение 3 — 4 недель, пока не будут окончательно потоплены вражеские подводные лодки. 4 недели означают 2 млн т руды.

б) Значение Украины для продовольственного снабжения и промышленности. Ему представляется важным как можно быстрее наступать соединениями группы армий "Север" на Ленинград, не дожидаясь подхода моторизованных частей... Он рассчитывает, что, если удастся достигнуть Смоленска к середине июля, Москва может быть взята пехотными соединениями только в августе. Одних танковых сил для этого недостаточно.<...>

За чаем — преимущественно чисто политические беседы. Европейское единство в результате совместной войны против России. Внутреннее положение в Англии. Возможности дальнейшего развития наших отношений с Турцией расцениваются как бесперспективные. Афганистан и другие малые народы, будучи освобождены от страха перед Россией, смогут активно сотрудничать с нами. Будущие задачи Германии — подчеркнуто континентальные. Они не должны вредить нашим притязаниям на колониальную империю, которая должна охватывать Того и Камерун, включая Бельгийское Конго. Восточная Африка — желательна, но не необходима. *потому что идея России, разгромившая*

3.7 (12-й день Восточной кампании)

Лозга-прест-к Ленин

<...> Поскольку в Новгородском котле враг больше активности не проявлял, можно уверенно предполагать, что на Белостокской дуге противник, силу которого один пленный русский командир корпуса оценивает в 15 — 20 дивизий, за совершенно незначительным исключением, разбит наголову. Перед фронтом группы армий "Север" надо считать полностью уничтоженными 12 — 15 дивизий. Наблюдающиеся перед фронтом группы армий "Юг" признаки отступления и развала наверняка объясняются не желанием командования отвести войска, а тем, что противник вследствие жестоких ударов по нему расчленен и большей частью разбит. В общем и целом можно уже сейчас сказать: задача разгромить главные силы противника перед Двиной и Днепром выполнена. Считаю правильным показание одного пленного русского командира корпуса, что восточнее Двины и Днепра мы можем столкнуться лишь с частью сил, которые по своей численности и вооружению сами по себе решающим образом помешать немецким операциям не в состоянии.

Таким образом, с моей стороны не будет слишком смелым утверждать: кампания против России выиграна в пределах 14 дней. Разумеется, тем самым она еще не закончена. Обширность территории и упорство всеми средствами оказываемого сопротивления потребуют от нас еще нескольких недель. <...>

Дальнейшие планы:

Он же Розен Гейтлер!!

а) Как только ведение войны на Востоке из сферы разгрома вражеских вооруженных сил перейдет в сферу экономической парализации противника, должны вновь выйти на первый план и решаться задачи дальнейшего ведения войны против Англии. <...>

8.7

<...> В 12.30 — доклад фюреру (на его командном пункте).

Результат:

<...> 2. Твердое решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, дабы не допустить, чтобы там остались люди, которых нам потом придется кормить зимой. Танки для этого использоваться не должны. "Это — национальная катастрофа, которая лишит центров не только большевизм, но и московитство вообще..."

23.7 Волкис Адольф Гитлер то, что сейчас...!!!

<...> 18.00 — доклад фюреру. *присутствующие слышат...*

Докладываю о положении противника и задаю вопрос о конечных целях операции. Он, [Гитлер], поставил свои цели так, как это приказано вчера в директиве ОКВ, и остается при своем решении, невзирая на врага и другие соображения. Следовательно, фон Бок, [группа армий "Центр"], должен отдать свои танковые группы и действовать против Москвы с одной только пехотой. Впрочем, в данный момент его, [фюрера], Москва не интересует, только Ленинград.<...> Цели операции он видит в основном в разгроме врага до широты Москвы, что он считает уже достигнутым. В заключение он, несмотря на становящуюся дождливой осень, предполагает, что достигнуть Волги и вступить на Кавказ можно одними только моторизованными соединениями.

Остается лишь пожелать, чтобы он оказался прав. В остальном же жаль времени, потраченного на такой доклад. <...>

26.7

[Доклад представителя министерства иностранных дел при ОКХ фон Этцдорфа о политическом положении].

Я п о н и я: новый кабинет, как кажется, будет по-прежнему придерживаться линии держав оси. Сроки могут переноситься. Индокитай — Владивосток.

Ф р а н ц и я: здесь дело замораживается. Ответ на ноты — не ранее чем через 2 — 3 недели. Придется заняться вопросом о Бизерте.

Т у р ц и я: Папен (германский посол.— *Пер.*): дела будут развиваться органично, если мы будем иметь успехи в отношении России. Германские предложения адресовать лишь позже. Турция думает о создании буферных государств Кавказ, Туркестан.

И р а н: государственное руководство в значительной мере в английских руках (золото!).

С Ш А: вступление в войну пока не является вероятным. Но все же "лихорадочная политика" делает возможными всякие неожиданности. Усилия по снабжению [СССР] во все большей мере идут в направлении Басры.

Ф и н л я н д и я лишь с неохотой идет на разрыв отношений с Англией. Конфискация финских судов Англией, вероятно, ускорит дело.

Б а л к а н ы: болгаро-румынские переговоры об урегулировании границ и переселении.

И т а л и я: война непопулярна. Сильные голоса, не желающие ничего знать о колониях и империи. Письмо фюрера дуче, в котором он снова призывает к бдительности в отношении Франции. (Повод: вероятно, рассеять подозрения итальянцев.) <...>

Доклад фюреру о намерениях групп армий.

18.00 — 20.15 — утомительный, временами возбужденный спор об упущенной возможности охвата.

Он, [Гитлер], требует: <...>

3. Фронтально действующая против Москвы группа [армий] фон Бока должна, если она готова, медленно нажимать вперед. Никакой спешки.

...Частично продиктованные несправедливой критикой местного командования высказывания сознательно разрушают любое оперативное командование. Мол, русского оперативными успехами не разбить, потому что он их просто-напросто не признает. Поэтому он шаг за шагом должен быть разбит в процессе небольшого охвата тактического характера. Эти высказывания в отношении русских до известной степени оправданны. Но как определенный ход мысли они идут на поводу у врага и приводят к такому темпу дальнейших боевых действий, который не позволит достигнуть цели — выхода к Волге. Ведь у русского людей — предостаточно. В то, что таким методом можно прийти к тому моменту, когда он окажется сломленным и путь для операций окажется вновь открытым, я поверить не могу.

Но не мог, очевидно, руководить! Отказывался!

Я вижу в таком плоде фантазий начало затухания ведущихся до сих пор с размахом операций и отказ от использования той стремительности, которая присуща нашим войскам и нашим моторизованным соединениям. Остается только выждать, приведет ли к успеху этот полный поворот в командовании, который наверняка будет неожиданным и для противника. Возражения насчет значения Москвы были просто-напросто отвергнуты без убедительного контрдоказательства.

30.7

<...> 16.00 — звонок генерала Йодля: фюрер выработал свой новый взгляд на ведение дальнейших операций.

Группа армий "Север" должна разбить противника под Ленинградом независимо от того, где она будет наносить главный удар. Отказ от удара с целью перерезать железную дорогу Москва — Ленинград.

[Группа армий] "Центр": переход к обороне. На линии оз. Ильмень — Холм — Торопец — только боевое охранение. Вывод из боя и ремонт танков.

[Группа армий] "Юг": первоначально отказ от взятия Гомеля. Вопрос о наступлении на Рославль остается открытым.

Авиация: создать центр тяжести в полосе группы армий "Север"; должна помогать в очищении от противника Эстонии. Вывести из боя только по обеспечении выполнения задачи группой армий "Север".

7.8.41 г. (47-й день)

<...> 17.00 — разговор с генералом Йодлем:

а) Крупные цели: хотим ли мы разбить противника или же преследуем экономические цели (Украина, Кавказ)? Йодль: фюрер, по-видимому, считает возможным и то и другое одновременно.

б) Относительно отдельных целей я заявляю, что цель Ленинград с выделенными для этого силами достижима. Но нам не нужно и мы не должны отдавать для достижения этой цели ничего, что требуется нам для захвата Москвы. Флангу Лееба, [командующий группой армий "Север"], со стороны Валдайской возвышенности никакая опасность не грозит.

Ответ на вопрос: Москва или Украина или Украина и Москва — должен быть дан с точки зрения именно этого "или". Мы должны сделать это, ибо иначе не исчерпаем до осени источники силы противника. Мы можем это сделать после убедительной победы Рундштедта, [командующий группой армий "Юг"], и снижения боевой ценности противника. <...>

в) Мы не должны в нашем оперативном мышлении идти на поводу у тактики противника. Реагируя всерьез на его булавочные уколы на флангах, мы оказываем ему большую услугу. Мы должны искать успех в сосредоточении сил для широкомасштабных, затрагивающих главные силы операций, а не растрачивать их на второстепенные цели.

Общее впечатление: эти мысли произвели на Йодля впечатление, и он от себя тоже будет действовать в этом направлении. Нам необходима договоренность по двум вопросам: бросить все силы Бока, [группа армий "Центр"], на Москву (вопрос к фюреру: может ли он отказаться от ликвидации Москвы до осени?) и придавать меньшее значение группе "Коростень".

11.8.41 г. (51-й день)

<...> Результаты первых дней наступления [группы армий] "Север" совершенно незначительны. На не затронутых наступательными действиями фронтах — истощение сил. То, что мы сейчас делаем, это последние, отчаянные попытки избежать закоснения в позиционной войне. Верховное главнокомандование в своих средствах весьма ограничено. Группы армий отделены друг от друга

естественными границами (болотистые низменности). Израсходованы наши последние силы. Каждая новая группировка — передвижка по основной линии внутри групп армий. Это требует времени и расходует силы людей и машины. Отсюда — нетерпение и нервозность высшего командования и усиливающаяся склонность его влезать во все детали.

С этим словесным вмешательством в детали, которое, однако, затем передается нами в группы армий не как приказ, а как пожелание или побуждение к каким-то действиям, естественно, связана большая опасность. Мы не знаем конкретных условий, в которых должно происходить их осуществление. Происходит оно медленнее, чем нам хотелось бы, и мы вынуждены сразу же мириться с недостатком доброй воли или даже со злым самоуправством, особенно в танковых соединениях, которые больше, чем другие, подвержены техническим затруднениям. Мои усилия спустить на тормозах эти уговоры, к сожалению, не всегда имеют успех.

Во всей обстановке [на фронтах] в целом становится все очевиднее, что колосс Р о с с и я, который сознательно готовился к войне, при всей безудержности, присущей тоталитарным государствам, был нами недооценен. Эта констатация относится как к организационным, так и к экономическим силам, а в особенности к чисто военному потенциалу. Начиная войну, мы рассчитывали иметь против себя примерно 200 вражеских дивизий. Но теперь мы насчитываем их уже 360. Эти дивизии, конечно, не вооружены и не оснащены в нашем понимании этого слова, и командование ими в тактическом отношении во многом неудовлетворительно. Но они есть. И если дюжина их разбита, русский выставляет новую дюжину. Он выигрывает время благодаря тому, что находится поблизости от своих источников силы, а мы все больше от них удаляемся.

Таким образом, наши раздерганные по всему огромнейшему фронту и не имеющие никакой оперативной глубины войска снова и снова подвергаются атакам противника, которые имеют определенный успех, ибо на невероятных просторах поневоле остается слишком много разрывов между войсками.

14.8.41 г. (54-й день)

<...>

Работа в этот день проходит под знаком:

1. "Дополнения к директиве №34", которое хотя в соответствии с нашими взглядами и разрешает направить группу армий "Центр" на Москву, а также содержит отказ от переброски сил этой группы на Юг, тем не менее делает действия группы армий "Юг" полностью зависимыми от выполнения оперативных намерений группы армий "Север".

2. Тяжелого беспокойства верховного главнокомандования по поводу вклинения противника южнее Старой Руссы. По собственной оценке группы армий, это дело не опасное. Несмотря на это, по телефону (Йодль) фюрер потребовал введения там в бой танкового корпуса (потом — одной танковой дивизии). Таким реагированием на булавоочный укол сводится на нет любой план командования и создания направления главного удара. <...>

22.8.1941 г. (62-й день)

Поступает директива фюрера от 21.8 (Штаб оперативного руководства вермахта L Nr 441412/41). Она является решающей для результата этой кампании.

""Предложение сухопутных войск о продолжении операций на Востоке" от 18.8 не совпадает с моими намерениями.

Поэтому приказываю следующее:

1. Важнейшей целью, которой следует достигнуть еще до наступления зимы, является не взятие Москвы, а овладение Крымом, промышленным и угольным районом на Донце и прекращение русского снабжения нефтью из района Кавказа, а на Севере — блокирование Ленинграда и соединение с финнами.

2. На редкость благоприятная оперативная обстановка, возникшая в результате выхода на линию Гомель — Почеп, должна быть немедленно использована для концентрической операции внутренних флангов групп "Юг" и "Центр".

Их целью должно быть не только общим наступлением 6-й армии оттеснить за Днепр советскую 5-ю армию, но и уничтожить врага, прежде чем он сможет прорваться за линию Десна — Котоп — р. Сула. Тем самым для группы армий "Юг" будет обеспечена возможность закрепиться восточнее среднего течения Днепра и вместе с группой армий "Центр" вести дальше операцию в направлении Ростов — Харьков своим левым крылом.

3. Группа армий "Центр", невзирая на последующие операции, должна использовать для этого такое количество своих сил, чтобы была достигнута цель — уничтожение русской 5-й армии, а сама группа, заняв сберегающую силы позицию, осталась в состоянии отразить атаки противника на центральном участке своего фронта.

Намерение продвинуть левое крыло группы армий "Центр" до возвышенности в районе Торопца, с тем чтобы оно примкнуло к правому крылу группы армий "Север", остается без изменений.

4. Овладение Крымским полуостровом имеет наиважнейшее значение для обеспечения нашего снабжения нефтью из Румынии. Поэтому всеми средствами, включая также применение подвижных соединений, следует стремиться быстро форсировать Днепр в направлении Крыма, прежде чем враг подбросит сюда новые силы.

5. Только блокирование Ленинграда, соединение с финнами и уничтожение русской 5-й армии создает предпосылки и высвобождает силы для того, чтобы в соответствии с дополнением к директиве №34 от 12.8 с перспективой на успех атаковать и разбить вражескую группу армий Тимошенко.

Адольф Гитлер".

13.9.1941 г.

[В дневнике приводятся выдержки из одобренной Гитлером памятной записки ОКВ о стратегическом положении конца лета 1941 г.].

1. В данный момент еще нельзя сказать, как можно будет высвободить крупные силы с наступлением зимы на Востоке и сколько их потребуется в следующем году для ведения операций при тяжелых погодных условиях.

2. Если поход на Восток в 1941 г. еще не приведет к полному уничтожению советской силы к сопротивлению (как на то якобы уже рассчитывало высшее командование), военное и политическое воздействие этого на общее положение может быть таковым:

а) Выступление Японии против России может задержаться. С другой стороны, Америка может дать Японии непосредственный повод для вторжения (вероятности нет!).

б) Объединению сил России и Англии через Иран воспрепятствовать не удастся.

в) Турция отнесется к этому ходу развития с большим недовольством. Несмотря на это, она будет выжидать до тех пор, пока не убедится в сокрушении России.

г) Военная акция против Турции для нас исключена. Надо попытаться привлечь ее на свою сторону политическими средствами.

3. В Средиземном море — никаких признаков значительного изменения положения. <...>

4. Испания на вступление в войну не решится, если положение германо-итальянских сил на Средиземном море не будет полностью обеспечено или же если она сама не подвергнется нападению.

5. Франция выжидает и стремится в зависимости от положения держав оси улучшить свое собственное.

6. Англия и Америка видят, что на континенте им Германию не разбить. Поэтому их цель — увеличить наши трудности снабжения и в сочетании с воздушными налетами постепенно ослабить внешне- и внутривнутриполитические позиции держав оси. "Опасность вторжения" [на континент] пока можно считать ликвидированной. Превосходство германской авиации в воздухе наверстано. Однако положение в Средиземном море, а благодаря этому также и общее стратегическое положение может быть коренным образом изменено,

только если удастся воспрепятствованием германо-французскому сотрудничеству помешать созданию германо-итальянского плацдарма в Северной Африке, установить морское и воздушное господство на Средиземном море, во Французском Марокко (Касабланка) и Французской Западной Африке (Дакар), а также обеспечить американцам доступ на театр войны, тем самым значительно ограничив стратегические возможности держав оси, теснее стянуть вокруг Центральной Европы кольцо блокады, оказать на Италию такое давление, что она рухнет.

Наряду с этим посредством установления связей с Россией через иранскую территорию должна поддерживаться воля России к сопротивлению, а Германии должен быть прегражден доступ к кавказским нефтяным областям (возможный ход мыслей наших англосаксонских противников).

7. Наши собственные решения: целью остается сокрушить Англию и заставить ее пойти на мир. Одной авиации для этого недостаточно. Средство: вторжение [на Британские острова] и осада Англии.

Вторжение — наиболее надежное средство быстрого окончания войны.

Предпосылки:

- а) Господство в воздухе.
- б) Массовое применение наиболее успешных до сих пор средств борьбы против английского [военно-морского] флота, чтобы не дать ему добиться успехов в борьбе против нашего транспортного флота.
- в) Массовый выпуск высококлассных судов на собственном ходу.
- г) Создание парашютных и десантных войск. (Возможно только за счет других оборонных мер.)

Требуется время до конца лета 1942 г.

Дальнейшее вооружение надо сделать зависимым от того, хотим ли мы атаковать Англию на периферии или же на [Британских] островах. Средства нападения совершенно различны. Решение было бы необходимо принять сейчас, но это сделано еще быть не может. Вооружение должно идти по такому пути, который предусматривает обе возможности.

Осада: необходимо ежемесячное потопление объемом 1 млн т вражеского тоннажа. Военно-морской флот должен использовать сильные морские разведывательные соединения и действующие в Атлантике воздушные эскадры для борьбы против подвоза на острова, а также морским путем. Крупное применение новых воздушных мин и торпед, продолжение систематического нападения на порты и верфи.

Эти намерения в полном объеме в 1942 г. еще неосуществимы.

Осада Англии может начаться с достаточными силами авиации только после того, как поход на Восток будет в основном завершен и люфтваффе будет пополнена свежими силами и увеличена. <...>

Столь же важной, как битва в Атлантике, является битва в Средиземном море. Предпосылкой для успеха обеих служит сокрушение Советской России. <...>

8. Итог: Англия политическими и военными средствами преследует две крупные цели: посредством установленной через Иран коммуникации с Советской Россией сохранить ее волю к сопротивлению и не дать Германии захватить нефтяной район, а также раньше или позже сделать Западную и Северную Африку своим оперативным пространством.

Испания и Турция должны по меньшей мере оставаться не ведущими войны.

Отсюда для нашего дальнейшего ведения войны вытекают следующие выводы:

1. Разгром России — ближайшая и решающая цель войны, которая должна быть достигнута применением всех сил, без которых можно обойтись на других фронтах. Поскольку в 1941 г. она была осуществлена не полностью, на первом месте стоит продолжение Восточной кампании в 1942 г. Захват территории на южном крыле будет иметь большие политические и экономические последствия. Нашим стремлением должно быть изменение политической позиции Турции в нашу пользу. Тем самым наше военное положение на Юго-Востоке значительно улучшилось бы.

2. Только после устранения России как фактора силы может быть в полной мере развернута битва в Атлантике и на Средиземном море против Англии, если возможно, с помощью французских и испанских позиций. Даже если Россия будет повержена в общем и целом еще в этом году, сухопутные войска и авиация, таким образом, окажутся в нашем распоряжении для решающих операций на Средиземном море, в Атлантике и на испанском континенте не ранее весны 1942 г.

3. Важно вплоть до следующей весны не порывать политических и военных связей с Францией и Испанией, а, наоборот, углублять их. Францию следует приструнить, а также и дальше влиять на нее так, чтобы она усилила свои военные позиции в Западной Африке и была готова отразить любое англо-американское нападение. Трудность в отношении Франции состоит в том, что мы вынуждены учитывать справедливые интересы союзной с нами Италии. Но с военной точки зрения она для победы над Англией в обозримый период времени абсолютно необходима, и нельзя предпринять любой попытки.<...>

4. На этой расширенной основе только будущей весной можно будет в более широком объеме осуществлять усиленное применение подводных лодок, а также поддерживать их действия авиацией, дабы с большим успехом продолжать осаду Англии.

5. Операции в Восточном Средиземноморье станут возможными только после захвата Закавказья.

6. О вторжении в Англию можно будет всерьез говорить только тогда, когда, несмотря на поражение России, все другие средства окажутся неэффективными, когда Испания и Франция примут участие в войне на стороне держав оси, а также если битва в Атлантике или на Средиземном море не даст успехов, при которых можно будет рассчитывать на сокрушение Англии таким путем.

18.11.41 г. (150-й день)

<...> Совещание с главнокомандующим сухопутными войсками. Он, [Гитлер], выражает нетерпение в связи со все более исчезающими перспективами подойти к Москве. Это вопрос воли! Затем, он раздражен действиями 6-й армии, которую никак не удастся продвинуть вперед. <...>

В 13.30 — беседа с [командующим группой армий "Центр"] фельдмаршалом фон Боком. На мой вопрос, какие еще перспективы имеет идея наступления [на Москву], получаю ответ: в качестве возможной первоначальной цели для северной части 4-й армии рассматриваются Клин — Истра. В остальном же фельдмаршал Бок, как и все мы, проникся мыслью, что оба противника сражаются уже на пределе своих сил и предпринимают последние усилия, а потому верх одержит тот, у кого сильнее воля. У противника тоже нет больше оперативной глубины, и дела у него наверняка идут еще хуже, чем у нас. <...>

19.11.41 г. (151-й день)

В 13.00 — доклад фюреру:

а) Анализ обстановки. <...>

4. Операции под Москвой должны вестись так, чтобы частные наступления каждый раз окончательно уничтожали дивизии противника, не давая им отходить! <...> Дальними целями должны оставаться, если это позволят снабжение и погода, Ярославль — Рыбинск, по возможности также Вологда. <...>

б) Задачи будущего года. Сначала — Кавказ. Цель — южная граница России. Время: с марта по апрель. На Севере: в каждом случае — в зависимости от результата боевых действий этого года — Вологда или Горький, но только в конце мая.

Вопрос о том, какие еще цели могут быть поставлены в следующем году, остается открытым; они будут определены пропускной способностью наших железных дорог. Открытым оставить и вопрос о постройке позже "Восточного вала".

в) Политические беседы: фюрер оценивает успех в России весьма высоко, считая его в политическом отношении неслыханным. Он полагает, что потеря важных источников сырья, особенно угля, нанесла тяжкий ущерб военному потенциалу русских, и теперь они быстро встать на ноги в военной экономике не смогут<...>.

22.11.41 г. (154-й день)

Обстановка: важными являются только три следующих пункта.

1. Ростов-на-Дону — в наших руках. Все мосты (за исключением одного, южнее восточной части города) якобы разрушены. Русский отступал по льду. На южном берегу [Дона] — новые русские силы (2 кавалерийские дивизии). Севернее в Ростове в результате русского наступления превосходящими силами 1-я танковая армия вынуждена перейти к обороне, и осуществить ей эту оборону будет тяжело.<...>

2. У [командующего 2-й танковой армией] Гудериана напряженность как будто спадает. Сам он считает дальнейшие атаки возможными. Русская военная сводка сообщает об опасной обстановке под Тулой.

3. Фельдмаршал фон Бок лично руководит битвой за Москву со своего передового командного пункта. Со своей невероятной энергией он всеми средствами гонит войска вперед. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии ничего путного уже не получится. Войска здесь выдохлись. (К примеру, в моей старой 7-й дивизии одним полком командует обер-лейтенант, а батальонами — лейтенанты.) Но на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы возможности для успеха еще имеются, и они используются до предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне*, когда все решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой все, что только можно, в том числе и 255-ю дивизию из тылового района.

<...>

29.11.41 г. (161-й день)

<...> Разговор с фон Боком. Будто бы есть какая-то неясность в постановке целей (болтовня Геринга). Его группа армий точно знает, чего хочет. Но она боится, что если ведущееся сейчас наступление на Москву с севера не будет иметь успеха, из этого получится новый Верден**. Безудержное фронтальное отвоевывание территории. Бросить же в бой 4-ю армию (20-й армейский корпус) еще слишком рано. Речь об этом может зайти, только когда удастся продвинуться с севера до Звенигорода.

* 6 — 9 сентября 1914 г.

**Город в Восточной Франции на р. Маас. Превращенный в сильно укрепленную крепость, он был узловым пунктом французских оборонительных позиций в первой мировой войне. С февраля по декабрь 1917 г. здесь шли кровопролитные бои с широким применением военной техники; они вошли в историю под названием "Ад Вердена".

<...>

На фронте группы армий "Центр" положение еще не вполне ясное. Однако уже сейчас можно сказать, что продвинуть к Москве можно максимум северное крыло, а Гудериан сумеет захватить излучину Оки северо-западнее Тулы, чтобы с боем получить этот район для расположения своих войск на зиму.<...>

Поскольку высшее командование придает значение продолжению наступления [на Москву] даже при опасности, что войска исчерпают свои силы до конца, я подтверждаю, что эта точка зрения совпадает с точкой зрения ОКХ.<...>

1.12.41 г. (163-й день)

В 04.00 поступают 3 телеграммы командования:

1-я — Рундштедту. Отстранение от командования группой армий ["Юг"].

2-я — фон Райхенау. Передача ему командования этой группой с задачей остановить отступление 1-й танковой армии, принять меры для ее поддержки и силами 49-го горно-егерского корпуса и 4-го корпуса вскоре атаковать Ворошиловград.

3-я — командующему армией резерва: доставить как можно скорее 13, 14 и 16-й танковым дивизиям по 40 танков типа "Т-III" и 12 танков "Т-IV" каждой.<...>

15.30 — командующий сухопутными войсками на докладе у Гитлера. В это время звонит фон Райхенау. На участке соединения СС, занимающего промежуточную позицию, прорвались вражеские моторизованные части. Просит разрешения сегодня ночью отойти на позиции у р. Миус. Разрешение дается.<...> Пожертвовали силы и время и потеряли фон Рундштедта.<...>

Невероятным для численно ослабленных частей является то, что они должны прорвать оборудованные вражеские позиции в ходе фронтального наступления. Действовать и продвигаться вперед придется только небольшими тактическими бросками.

<...>

12-й и 13-й армейские корпуса могут атаковать тогда, когда с противником справа и слева будет покончено.

Я подчеркиваю, что нам доставляет беспокойство также расход сил. Но следовало бы попытаться напряжением всех оставшихся сил сломить сопротивление противника. Если же станет окончательно ясно, что сделать это невозможно, надо принимать новые решения.<...>

Halder-Tagebuch.

33*. Записки из дневника командующего группой армий "Центр" генерал-фельдмаршала Федора фон Бока о битве за Москву

1.12.1941 г.

Поскольку у меня сложилось впечатление, что вчера Браухич не понял меня и что, несмотря на все, в высших инстанциях все еще царит переоценка моих сил, я направил главному командованию сухопутных войск нижеследующую телеграмму.

"На неоднократно посылавшиеся главному командованию сухопутных войск запросы и донесения группы армий с указанием на угрожающее состояние войск был получен ответ: наступление следует продолжать даже при наличии опасности, что войска полностью сгорят. Однако ведущееся сейчас наступление с использованием всех тактических возможностей осуществляется в общем и целом фронтально. Для более крупных маневров с целью охвата противника, как уже докладывалось, сил нет, а теперь нет и возможности в большом объеме перебрасывать войска. Наступление приведет к дальнейшей кровавой борьбе за ограниченный выигрыш территории, а также к разгрому частей противника, но оперативное воздействие оно вряд ли окажет.

Представление, будто противник перед фронтом группы армии был "разгромлен", как показывают бои за последние 14 дней,—галлюцинация. Остановка у ворот Москвы, где сходится система железнодорожных и шоссейных путей почти всей Восточной России, равнозначна тяжелым оборонительным боям с численно намного превосходящим врагом. Силы группы армий уже не могут противостоять ему даже ограниченное время. И если бы даже невероятное стало возможным, а именно поначалу захват еще какой-то территории, то для того, чтобы окружить Москву и отрезать ее от юго-востока, востока и северо-востока, сил даже приблизительно не хватило бы. Таким образом, наступление представляется не имеющим ни цели, ни смысла, поскольку очень близко придвинулся тот момент, когда силы группы будут исчерпаны полностью. Что должно произойти тогда, надо решать сейчас. В настоящее время группа армий действует на фронте протяженностью свыше 1000 км, имея в резерве всего несколько слабых дивизий. В этой группировке она, при большой убыли старшего офицерского состава и при сократившейся численности активных штыков, уже не в состоянии противостоять планомерно ведущемуся наступлению противника. Учитывая неспособность железных дорог обеспечить потребности группы армий, нет также никакой возможности подготовить растянутый фронт для оборонительной борьбы или даже просто обеспечить эту борьбу.

Намерения командования мне неизвестны. Но если группа армий должна выдержать зиму, будучи готовой к обороне, то это в общем и целом, при ее сегодняшней группировке, возможно только при подброске таких мощных резервов, чтобы можно было ликвидировать вклинения противника, а также временно вывести с линии фронта в тыл на отдых и пополнение исчерпавшие свои силы дивизии. Для этого требуется 12 дивизий. Не знаю, имеются ли они в наличии и могут ли они быть подброшены в обозримый период времени. Другое неотъемлемое условие — упорядоченность и надежность прибытия железнодорожных составов, а тем самым — возможность регулярного снабжения войск и создания запасов. Если оба этих требования не могут быть безусловно выполнены, следует без всякого промедления определить небольшую, пригодную для обороны позицию для Восточной армии и предназначенными для того частями оборудовать ее для расположения, снабжения и обороны таким образом, чтобы ее можно было занять по приказу в кратчайший срок <...>»

7.12.1941 г.

Ужасный день. Правое крыло 3-й танковой группы начало ночью отступать. Вклинения противника на севере этой танковой группы неприятны. На правом фланге 9-й армии противник тоже значительно расширил свой прорыв. На помощь 3-й танковой группе двинуто все, что находилось в пределах досягаемости: один полк 255-й дивизии был побатальонно переброшен на грузовиках к Клину, куда первые части прибыли утром; 4-я танковая группа смогла до сих пор выделить в качестве подкрепления только одну усиленную роту; моторизованный учебный саперный батальон, подлежащий отправке в Германию, был задержан и тоже брошен в направлении 3-й танковой группы. Что же касается 9-й армии, то она должна помочь и поможет себе сама.

В полосе 4-й армии противник тоже стал вести себя беспокойнее, а именно против 4-й танковой группы. Поэтому остаток 255-й дивизии собран в районе Рузы.

Танковая армия терпит неудачу у Михайлова, который выдвинутому вперед батальону 10-й мотопехотной дивизии, неся немалые потери в технике, приходится сдать. В остальном же отход танковой армии происходит планомерно.

2-я армия, несмотря на все предостережения, пробивается дальше на восток, ввязывается в кровопролитные бои с сильным врагом. Начинаются потери от мороза. Докладывают, что в одном полку насчитывается 318 обмороженных.

К нынешнему тяжелому кризису привели три фактора:

1. Наступление осенней распутицы.

Передвижение войск и подвоз из-за раскисших дорог почти полностью парализованы. Использование победы под Вязьмой более уже невозможно.

2. Паралич железных дорог.

Нехватка автомашин, вагонов, локомотивов и обученного персонала; недостаточная приспособляемость локомотивов и автомашин к условиям русской зимы.

3. Недооценка силы сопротивления врага и его людских и материальных резервов.

Русский сумел настолько усилить наши транспортные трудности разрушением почти всех строений на главных железнодорожных линиях и шоссе, что фронт оказался лишенным самого необходимого для жизни и борьбы. Подвозить боеприпасы, горючее для автотранспорта, продовольствие и зимнее обмундирование стало невозможно. Эффективность перенапряженного из-за паралича железных дорог и длительного наступления на 1500 км использования автомашин снижается на глазах. Это ведет к тому, что сегодня мы лишены всякой возможности перебрасывать сколько-нибудь значительные по численности войска и со своим парализованным снабжением противостоять противнику, который всей своей неисчерпаемой людской массой, не щадя ее, переходит в контрнаступление.

В ошеломляюще короткий срок русский снова поставил на ноги разгромленные дивизии, бросил на угрожаемые участки фронта новые — из Сибири, Ирана и с Кавказа и стремится заменить свою потерянную артиллерию множеством ракетных орудий. Сегодня перед фронтом группы армий стоят на 24 (в основном доукомплектованных) больше дивизий, чем 15 ноября. В противоположность этому сила немецких дивизий в результате непрерывных боев и наступившей суровой зимы уменьшилась более чем наполовину; боеспособность танковых войск стала и того меньше. Потери офицерского и унтер-офицерского состава пугающе велики и в настоящее время могут быть пополнены меньше, чем потери в рядовых.

Приказы на не считающееся ни с чем продвижение вперед и преследование противника были оправданы до тех пор, пока у высшего командования имелись для того отправные точки и когда враг из самых последних сил сражался за свою жизнь. Стремление окончательно разгромить его тогда коротким штурмом, как того требовало главное командование сухопутных войск, "стоило максимального использования всех сил". Но это было заблуждением, и теперь группа армий вынуждена в самых тяжелых условиях переходить к обороне.<...>

Tagebuch Bock im Privatbesitz.

34. Из речи Гитлера в рейхстаге 11 декабря 1941 г.

<...>Я не искал войны, а, напротив, делал все, чтобы ее избежать. Но я бы забыл свой долг и действовал бы вопреки своей совести, если бы, несмотря на понимание неизбежности столкновения, не сделал отсюда одного единственно возможного вывода: считая Советскую Россию смертельной опасностью не только для германского рейха, но и для всей Европы, я решил всего за несколько дней до этого столкновения дать сигнал к наступлению.

Сегодня имеются поистине неоспоримые и аутентичные материалы, подтверждающие факт намерения русских осуществить нападение на нас. Точно так же нам известен и тот момент, когда должно было произойти это нападение. Учитывая осознанную нами во всем ее объеме только ныне огромную опасность, могу лишь поблагодарить Господа нашего, вразумившего меня в нужный час и давшего мне силу сделать то, что должно было сделать.<...>

Уже 2 октября [1941 г.] началась операция с целью прорыва на центральном участке Восточного фронта, а к 11 октября успешно закончилось сражение на Азовском море. Снова было взято в плен 107 000 человек, захвачено 212 танков, 672 орудия. 16 октября после упорного сражения германские и румынские войска вступили в Одессу. 18 октября начатое 2 октября с целью прорыва наступление на центральном участке Восточного фронта закончилось новым, всемирно-историческим успехом. Результатом явились 663 000 пленных; частично уничтожены, частично захвачены 1242 танка, 5452 орудия. 21 октября закончился захват острова Даго; 24 октября взят промышленный центр Харьков. 28 октября в ходе тяжелейших боев окончательно перекрыт вход в Крым, и уже 2 ноября штурмом взята его столица — Симферополь. 16-го в Крыму совершен прорыв до самой Керчи. На 1 декабря общее число взятых в плен советско-русских составило 3 806 865 человек, уничтоженных или захваченных танков — 21 391, орудий — 32 541 и самолетов — 17 332. За этот же период сбит 2191 британский самолет, военно-морским флотом потоплено 4 170 611, а авиацией — 2 346 180 регистровых брутто-тонн, итого — 6 516 791.<...>

Однако наступление зимы несколько затормозило это движение, но с приходом лета ему уже не сможет помешать ничто.<...>

Der GroBdeutsche Freiheitskampf. Bd III. S. 118ff.

35. Из дневников имперского министра народного образования и пропаганды Йозефа Геббельса

20 марта 1942 г., пятница

<...>Состояние здоровья фюрера, слава Богу, вполне хорошее. Он пережил чрезвычайно тяжелые дни, и это заметно по всему его облику. Действительно, фюреру можно посочувствовать. Он должен нести на своих плечах всю тяжесть войны, и облегчить бремя ответственности за все принимаемые решения ему не может никто.

В последнее время фюрер был немного нездоров. И это можно понять: ведь нести на себе такой гигантский для человека труд уже с одной только психической точки зрения долгое время невозможно. К тому же фюрер практически живет словно в концлагере. <...>Одиночество в ставке фюрера и весь характер работы, естественно, со временем действуют на фюрера чрезвычайно угнетающе. У него нет ни малейшей возможности для разрядки, и он, даже когда бодрствует, постоянно находится под грузом ответственности и загружен работой. Уединенность, в которой он вынужден творить, рано или поздно должна глубочайшим образом воздействовать на человека и подорвать его силы.

Если фюрер относительно так хорошо пережил прошлую зиму, которая все никак не хочет кончаться, то это служит доказательством его поистине медвежьей натуры. Генералы по большей части тоже не были ему никакой опорой. Теперь представление о командовании германского вермахта у него совсем иное, чем, скажем, после наступления на Францию. Высшие офицеры, выходцы из генштаба, никоим образом не выдержали суровых нагрузок и тяжелых душевных кризисов. Да они этому и не учились. Они слишком мало были воспитаны на образах своих прусских предшественников; к тому же первые успехи в этой войне породили у них мысль, что все делается по мановению волшебного жезла и какие-то трудности едва ли появятся.

Именно фюрер спас фронт прошлой зимой [1941/42 г.]. То, что он не сломался и не проявил никакого признака слабости, собственно, и служит причиной того, что работа, которую я до сих пор вел в Берлине, во всех отношениях отвечает тому, что фюрер именует гражданским ведением войны.<...>

Внешне здоровый вид фюрера несколько обманчив. При беглом взгляде кажется, что он в наилучшем физическом состоянии. Но на самом деле это не так. В доверительном разговоре он говорил мне, что последнее время чувствует себя немного больным. Время от времени ему приходится бороться с сильным головокружением. Долгая зима так подействовала на его душевное состояние, что все это не могло пройти для него бесследно. Фюрер вообще никогда зиму особенно не любил. Мы и раньше иногда посмеивались над

тем, какое чисто физическое отвращение он испытывал к морозу и снегу. К примеру, он никогда не мог понять, как это есть на свете такие люди, которые весной ищут заснеженные места, чтобы покататься на лыжах. Теперь его нелюбовь к зиме получила жестокое и ужасное подтверждение. Но того, что зима еще раз подвергнет его лично и немецкие войска такому жестокому испытанию, при всем инстинктивном неприятии ее он и предполагать не мог. Однако это произошло в таком объеме, какой раньше и представить себе было нельзя. Будь проклята эта долгая, суровая и жестокая зима! Она поставила нас перед проблемами, которые мы прежде вообще не считали возможными! Этой зимой жестокое испытание пришлось выдержать не только германскому вермахту, но и прежде всего его верховному главнокомандующему. То, что мы с этим справились, можно считать просто чудом! А то, что за эти месяцы перестрадал фюрер, сейчас даже и высказать невозможно. Он сам говорит, что позже воспользуется случаем рассказать об этом, а может быть, и написать.

Война в эти месяцы, начиная с конца ноября [1941 г.] до сегодняшнего дня, достигла своей самой острой концентрации. Иногда, говорит фюрер, он даже считал: больше уже выдержать все это невозможно. Но тогда он снова последним усилием воли противостоял натиску вражеских держав, и, слава Богу, ему удалось справиться со всем этим, а немецкий народ узнал об этом только малую толику. На этом примере видно, как важно оградить народ от самого тяжкого груза войны, а особенно такого душевного свойства. Позже это станет для истории героическим воспоминанием.<...>

Еще никогда фюрер с таким страстным пылом не ожидал прихода весны. <...>

<...>Мнение фюрера о различных командных органах вермахта за прошедшую зиму коренным образом изменилось. Он больше уже не такого высокого мнения о генералах, как раньше. Для многих из них у него есть только презрение.<...>

Затем фюрер говорит о себе. Поистине, волнительно слушать, как жалуется он на зиму, которая принесла ему чудовищно много забот и трудностей. При этом я замечаю, как сильно он поседел и как рассказ о наших зимних тревогах старит его. Прояви он хоть на миг слабость, фронт покатылся бы назад и произошла бы такая катастрофа, которая далеко оставила бы позади наполеоновскую! Тогда миллионы храбрых солдат были бы принесены в жертву голоду и холоду, а следствием, вероятно, явилось бы то, что наши рабочие, не говоря уж об интеллигенции, попали бы в крепостное состояние.

Большая вина за такую возможность лежит на Браухиче. У фюрера для него находится одно лишь презрение. Тщеславный, трусливый тип, который оказался вообще не в состоянии осознать ситуацию, не говоря уж о том, чтобы справиться с ней. Своими постоянными возражениями и вечным неповиновением он опошлил и испоганил весь план похода на Восток, кристально ясно разработанный фюрером. У фюрера имелся план, который должен был привести к победе. Сделай Браухич все, что от него требовалось, мы стояли бы на Востоке не там, где стоим сейчас. У фюрера вовсе не было намерения идти на Москву. Он хотел отрезать Кавказ и тем поразить советскую систему в ее самом чувствительном месте.<...>

Но Браухич все время гнал войска на Москву: хотел престижных успехов вместо фактического успеха. Фюрер характеризует его как труса и бездарь. Он пытался опошлить и поход на Запад, но тут фюрер смог своевременно вмешаться.<...>

На предстоящие весну и лето у фюрера опять есть совершенно ясный план. Он не хочет завести войну в безбрежные дали. Его цели: Кавказ, Ленинград и Москва. Если эти цели будут достигнуты, он хочет при всех условиях закончить все к началу октября и своевременно занять зимние квартиры. Эвентуально у него есть намерение построить гигантскую оборонительную линию и на время оставить Восточную кампанию в покое. Новая зима, подобная минувшей, повториться не должна. Вероятно, дело на Востоке перейдет в 100-летнюю войну, которая не будет больше доставлять нам никаких особенных хлопот. Мы будем тогда противостоять всей остальной России так же, как Англия противостоит Индии.

<...>Наступление, вероятно, начнется в конце мая — начале июня и должно осуществиться с ужасающей силой. У фюрера нет намерения переходить в наступление по всему фронту, он хочет наступательными операциями прорвать его и затем нанести удары действительно решающего значения. Первый натиск на большевиков будет предпринят уже через несколько дней в Крыму. Фюрер намерен полностью очистить Крым от противника. Впрочем, фюрер питает к советскому военному руководству определенное уважение. Жестокое вмешательство Сталина спасло русский фронт. Мы должны в своем ведении войны найти аналогичные методы, чтобы таким образом утвердиться. Этой жестокости нам порой не хватало, и мы должны ее восполнить.<...>

Goebbels Tagebuch. Hrsg. von Lochner. Zürich. 1948.

36. Из директивы Гитлера №41 от 5 апреля 1942 г.

Фюрер и верховный
главнокомандующий
вооруженными силами
Штаб верховного
главнокомандования
Штаб оперативного руководства
вермахта №55616/42

Ставка фюрера, 5.4.1942
Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Д и р е к т и в а № 41

Зимняя битва в России близится к концу.

Благодаря выдающейся храбрости и самопожертвованию солдат Восточного фронта германское оружие добилось в оборонительных боях величайшего успеха огромнейшего масштаба.

Враг понес тяжелые потери в людях и технике. В своем стремлении использовать мнимые первоначальные успехи этой зимой он в значительной мере израсходовал главные силы своих предназначенных для дальнейших боев резервов.

Как только позволят погодные условия и характер местности, германское командование и войска восстановят свое превосходство и опять возьмут инициативу в свои руки, чтобы навязать противнику собственную волю.

Цель — окончательно уничтожить еще оставшуюся у Советов военную мощь и лишить их как можно большего числа важнейших военно-экономических источников силы.

Для этого будут привлечены все имеющиеся в распоряжении германского вермахта и союзников силы. При этом следует при любых условиях гарантировать удержание захваченных на Западе и Севере Европы территорий, особенно морских побережий.

I. Общий замысел.

Придерживаясь первоначальных основных задач Восточной кампании, следует, сохраняя прежнее положение на фронте группы армий "Центр", добиться на Севере падения Ленинграда и установить связь с финнами по суше, а на южном крыле [германо-советского] фронта осуществить прорыв на Кавказ.

Учитывая заключительное положение после зимней битвы, достигнуть этой цели находящимися в нашем распоряжении силами и средствами и при имеющихся транспортных условиях следует поэтапно.

Поэтому необходимо прежде всего сосредоточить для главной операции на Юге все наличные войска с целью уничтожить противника на подступах к Дону и затем овладеть кавказскими нефтяными районами и перевалом через Кавказский хребет.

Окончательное блокирование Ленинграда и овладение Ингерманландией [Восточной Карелией] остаются целью в той мере, в какой это позволит положение в районе окружения и высвобождение прочих достаточных сил.

II. Проведение операции<...>

Б) Последующие задачи в указанных рамках: очистить Крым и Керченский полуостров и взять Севастополь.<...>

На южном участке следует отрезать и уничтожить противника, прорвавшегося по обе стороны Изюма.<...>

В) Главная операция на Восточном фронте.

Цель ее, как уже подчеркивалось, — для захвата Кавказа решающим образом разгромить и уничтожить русские силы, находящиеся в районе к югу от Воронежа, западнее и севернее Дона. По причинам постепенной переброски имеющихся для того соединений эта операция может осуществляться только в виде последовательных взаимосвязанных или дополняющих друг друга наступательных операций.

При достаточно доказанной нечувствительности русских к оперативным окружениям следует (подобно тому, как это имело место в сражениях с двойным кольцом окружения в районе Вязьма — Брянск) придавать значение прорывам собственных войск в форме плотных окружений.

Следует не допустить того, чтобы в результате запоздалого захода совершающих окружение соединений у противника оставалась возможность избежать уничтожения.<...>

Операция в целом должна начаться охватывающим наступлением или прорывом из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Из двух предназначенных для осуществления окружения танковых и моторизованных соединений северное должно быть сильнее южного. Цель этого прорыва — захват Воронежа. В то время, как задача части пехотных дивизий немедленно создать сильный оборонительный фронт между исходным пунктом наступления из Орла в направлении Воронежа, задача танковых и моторизованных соединений — наступая из Воронежа своим левым флангом и опираясь на Дон, продолжать наступление на юг для поддержки второго прорыва, который должен быть произведен примерно из общего района Харькова на восток. Здесь также первоначальная цель — не вдавливать русский фронт внутрь, а во взаимодействии с наступающими вниз по течению Дона соединениями уничтожить русские войска.

Третью наступательную часть этой операции вести так, чтобы наносящие удар вниз по течению р. Дон части соединились в районе Сталинграда с теми войсками, которые пробиваются из района Таганрог — Артемовск между нижним течением Дона и Ворошиловградом через р. Донец на восток. Эти войска должны в заключительной фазе установить связь с наступающей на Сталинград танковой армией. <...>

Дабы не допустить ухода значительной части находящихся севернее Дона русских войск через реку на юг, важно, чтобы наступающая из района Таганрога на восток группа войск получила подкрепление своего правого крыла переброской туда танковых и подвижных войск, которые, если необходимо, должны создаваться в виде импровизированных соединений.<...>

Войска союзников широко использовать на отведенных им участках фронта таким образом, чтобы на самом северном располагались венгры, затем итальянцы, а на самом южном — румыны.<...>

H.Doerr. Der Feldzug nach Stalingrad. Darmstadt. 1955.

37. Из дневников Чиано

9 апреля 1942 г.

Алфиери приехал в отпуск в Рим. Ничего особенного не сообщает, но менее оптимистичен, чем обычно, и исходит из предпосылки, что летнее наступление сможет иметь только ограниченный успех. Более интересны заявления, которые Бисмарк с глубочайшим доверием сделал Бласко д'Айета. Обобщу кратко: как бы ни сложились дела, в октябре Германия должна заключить мир [с Англией]. Армия в этом отношении никакой инициативы не проявит: во-первых, потому, что это не в ее традициях, а во-вторых, потому, что ее хребет сломлен увольнением лучших военных командиров.

В партии — большой шум: Гиммлер, который прежде был экстремистом, а теперь держит в своих руках всю страну, хочет компромиссного мира. В октябре Англия уже созреет для переговоров, а особенно если бы германская сторона имела в виду возможность сотрудничества против Японии, чтобы снова отдать Азию белым. Италия должна проявить в рамках "оси" инициативу по переводу войны в дипломатическую плоскость. Является ли это фантазией нашего Бисмарка или выражением действительных тенденций германского общественного мнения? Для вывода у меня

оснований нет, но характерно, что говорил все это Отто [Бисмарк] после визита [начальника абвера] адмирала Канариса в Рим и после многочисленных бесед с ним. Лично я считаю способность немцев к сопротивлению гораздо большей.<...>

27 апреля 1942 г.

Длинная речь Гитлера. Высказаться насчет нее трудно, ибо теперь все его речи более или менее похожи друг на друга. Больше, чем о чем-либо ином, он говорит о прошлом: как и почему зима в России была такой суровой и как он с ней справился, но в его речи отсутствует даже намек на то, чего все ожидали: когда же война прекратится? Напротив, он заявил, что принимает все подготовительные меры, чтобы встретить новую зиму на русском фронте с лучшим оснащением. Затем он потребовал абсолютные полномочия в отношении немецкого народа. В сущности он их уже имеет, но это торжественное заклинание вызвало у всех мысль, что положение внутри Германии нуждается в строгом контроле. В целом речь эта имела в Италии угнетающее воздействие, между тем как Муссолини назвал ее "хорошей и сильной".<...>

28 апреля 1942 г.

Отъезд в Зальцбург. Эта поездка предпринята по желанию немцев, которые, как обычно, не сочли нужным даже намекнуть, какова будет повестка дня. Во время поездки Каваллеро [начальник генерального штаба итальянских вооруженных сил] рассказывает мне об операции против Мальты. Ему ясно, что это крепкий орешек. Подготовка ведется сейчас с максимальной тщательностью и с убеждением, что наступление состоится. Это должно дать тем, кто этим занимается, хороший стимул. Но вопрос, состоится ли вообще и когда именно эта операция, пока еще нечто другое. Каваллеро не хочет брать на себя в этом отношении никаких обязательств и окопался, как ему свойственно, за массой всяких "если" и "но". Он говорит о дальнейшем ходе войны. Мы должны победить еще в этом году или по меньшей мере оказаться в состоянии победить. Если же это не удастся, опасности будут возрастать.

29 апреля 1942 г.

Прибытие в Зальцбург. Обычный состав участников встречи: Гитлер, Риббентроп, те же люди, что и всегда, привычный церемониал. Мы располагаемся в замке Клессхейм. Огромное здание это, когда-то принадлежавшее архиепископу Зальцбургскому, теперь стало гостевым домом Гитлера. Очень хорошо и роскошно обставленное. Мебель, гобелены, ковры — все из Франции. Да, не слишком-то много они [немцы] за все это заплатили!

К нам относятся очень сердечно, и это меня настораживает. Немецкое дружелюбие всегда обратно пропорционально их [военному] счастью. Гитлер выглядит усталым. Он силен, решителен, разговорчив, но утомлен. Месяцы русской зимы легли на него тяжелым бременем. Я впервые вижу у него множество седых волос.

Гитлер беседует с дуче, а я — с Риббентропом. Но в обеих комнатах крутится одна и та же пластинка. Риббентроп во всяком случае запускает свою пропагандистскую пьеску. Потом я за протоколировал эту беседу. Наполеон, Березина, драма 1812 года — все это снова оживает в его словах. Но русские холода побеждены гением Гитлера. Это, поистине, самый крепкий табак, какой мне приходилось когда-нибудь понюхать! Что принесет будущее? Об этом Риббентроп говорит довольно невнятно. Наступление против русских на Юге с его нефтяными источниками как военно-политическая цель.

30 апреля 1942 г.

Если удастся захватить ее нефтяные источники, Россия окажется на коленях. Тогда британские консерваторы да и сам Черчилль (а он в конце концов — человек разумный) сделают все, чтобы спасти что можно, оставшееся от дряхлой империи. Таковы слова Риббентропа. А если все пойдет не так? Если англичане со своей твердолобой головой будут продолжать воевать и дальше, что делать тогда, чтобы выбраться из всей этой истории? Самолеты и подводные лодки, говорит Риббентроп. Он возвращается к своей формуле 1940 г. Но тогда она хорошего результата не дала, от нее отказались, а теперь ее снова вытаскивают на свет божий, хотят снова предложить нам как панацею, после того как от нее премило отделались. Меня это убеждает мало, и я говорю это Риббентропу, к большому ужасу Алфиери, который мало понимает в том, о чем говорится, но всегда произносит только "да".

Америка просто здорово блефует. Эта песенка повторяется всеми, большими персонами и малыми, в комнате совещания и в кулуарах. О том, что могут сделать американцы (а они это уже делают), думать бесполезно, вот немцы и закрывают глаза, чтобы ничего не видеть. Это не исключает, однако, того, что наиболее интеллигентные и опытные из них думают о том, что может сделать Америка, и от этого у них мурашки по коже бегают.<...>

Chiano Tagebücher.

38. Директива Гитлера № 45 от 23 июля 1942 г.

Фюрер
Штаб верховного
главнокомандования
Штаб оперативного руководства
Оперативный отдел № 551288/42

Ставка фюрера
23.7.1942 г.

Д и р е к т и в а № 45 О продолжении операции "Брауншвейг"

I. В ходе кампании продолжительностью немногим более трех недель поставленные мною перед южным крылом Восточного фронта дальние цели в основном достигнуты. Лишь незначительным силам вражеских армий под командованием Тимошенко удалось избежать окружения и переправиться на южный берег р. Дон. Следует считаться с возможностью их укрепления войсками из района Кавказа.

Сосредоточение еще одной вражеской группировки происходит в районе Сталинграда, который противник, предположительно, будет упорно оборонять.

II. Цели дальнейших операций.

A. Сухопутные войска.

1. Ближайшая задача группы армий "А"—окружить и уничтожить в районе южнее и юго-восточнее Ростова вражеские силы, ушедшие за р. Дон.

Для выполнения этой задачи с плацдармов, которые следует создать в районе Константиновская — Цымлянская, ввести в бой сильные моторизованные соединения в общем направлении на юго-запад — примерно на Тихорецк; пехотным, егерским и горнострелковым дивизиям форсировать р. Дон в районе Ростова.

Наряду с тем остается в силе задача авангардными частями перерезать железнодорожную линию Тихорецк — Сталинград.

Два танковых соединения группы армий "А" (в том числе 24-ю танковую дивизию) для продолжения операций в юго-восточном направлении подчинить группе армий "Б".

Пехотную дивизию "Великая Германия" следует оставить в качестве резерва ОКХ и не продвигать ее далее участка р. Маныч. Подготовить ее отправку на запад.

2. После уничтожения группировки противника южнее р. Дон важнейшая задача группы армий "А" — овладеть всем восточным побережьем Черного моря, тем самым выведя из строя черноморские порты и Черноморский флот противника.

С этой целью, как только станет эффективным продвижение главных сил группы армий "А", переправить через Керченский пролив предназначенные для того части 11-й армии (румынский горнострелковый корпус), чтобы затем пробиваться на юго-восток вдоль шоссе, идущего по Черноморскому побережью.

Силами другой группировки, в которой следует сосредоточить все остальные егерские и горнострелковые дивизии, овладеть переправой через р. Кубань и гористым районом Майкоп — Армавир.

Эта боевая группа, подлежащая усилению своевременно подобранными высокогорными частями, в ходе своего дальнейшего продвижения к западной части Кавказа и через последнюю должна использовать все доступные горные проходы и таким образом во взаимодействии с силами 11-й армии захватить Черноморское побережье.

3. Одновременно боевой группе, которую следует сформировать в основном из моторизованных соединений, выделив фланговые прикрытия с востока, овладеть районом Грозного и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги, прилагая максимум усилий для захвата перевалов. Вслед за тем наступлением вдоль побережья Каспийского моря захватить Баку.

Группа армий может рассчитывать в дальнейшем на усиление ее итальянским альпийским корпусом. Эти операции группы армий "А" получают кодовое наименование "Эдельвейс". Степень секретности: сов. секретно.

4. Группа армий "Б" имеет своей задачей, согласно имеющемуся приказу, наряду с созданием линии обороны по р. Дон ударом на Сталинград разгромить формируемую там группировку противника, захватить сам город и блокировать сухопутный перешеек между р. Дон и р. Волга.

Вслед за тем направить моторизованные соединения вдоль р. Волга с задачей продвинуться до Астрахани и также перерезать там главное русло р. Волга.

Эти операции группы армий "Б" получают кодовое наименование "Серая цапля". Степень секретности: сов. секретно.

Б. Авиация.

Задача авиации — первоначально крупными соединениями поддерживать форсирование сухопутными войсками р. Дон, а затем — продвижение восточной группы войск направления главного удара вдоль железной дороги на Тихорецк и концентрация главных сил для уничтожения группы армий Тимошенко. Наряду с этим поддерживать операции группы армий "Б" против Сталинграда и западной части Астрахани. Особое значение имеет при этом заблаговременное разрушение города Сталинграда. Кроме того, эпизодически осуществлять воздушные налеты на Астрахань; минированием нарушать судоходство в нижнем течении р. Волга.

В ходе дальнейшего проведения операции центр тяжести боевых действий в воздухе перенести на взаимодействие с силами, наступающими на черноморские порты, причем наряду с непосредственной поддержкой сухопутных войск следует во взаимодействии с военно-морским флотом препятствовать действию военно-морских сил противника.

Во вторую очередь предусмотреть выделение достаточных сил для взаимодействия в наступлении через Грозный на Баку.

Ввиду решающе важного значения добычи нефти на Кавказе для дальнейшего ведения войны налеты авиации на расположенные там нефтепромыслы и крупные нефтехранилища, а также на перевалочные пункты на Черном море производить только в тех случаях, когда этого безусловно требуют операции сухопутных войск. Однако с целью возможно быстрее лишить противника подвоза нефти с Кавказа особенно важно своевременно парализовать движение на еще используемых участках железных дорог и перерезать нефтепроводы, а также и водные коммуникации на Каспийском море.

В. Военно-морской флот.

Военно-морскому флоту ставится задача наряду с непосредственной поддержкой сухопутных войск при форсировании Керченского пролива всеми своими силами на Черном море препятствовать действиям противника с моря, направленным против операций на Черноморском побережье.

Для облегчения снабжения сухопутных войск следует по возможности скорейшим образом доставить в Керченский пролив и на р. Дон несколько паромов.

Кроме того, ОКМ начать подготовку к боевому использованию легких военных судов в Каспийском море с целью нарушения морских коммуникаций противника (перевозок нефти и связи с англосаксами в Иране).

III. Находящиеся в стадии подготовки операции на участках фронта групп армий "Центр" и "Север" провести максимально быстро, одну за другой. Этим в значительной мере будут обеспечены разгром сил противника и падение морального состояния его командного состава и войск. Группе армий "Север" подготовить захват Ленинграда до начала сентября. Кодовое наименование — "Фейерверк". Для выполнения этой задачи передать ей 5 дивизий 11-й армии наряду с тяжелой и самой крупнокалиберной артиллерией, а также прочие необходимые войска.<...>

IV. Особо указываю на необходимость при использовании и дальнейшей передаче настоящей директивы, а также связанных с нею приказов и распоряжений руководствоваться моим приказом от 12.7 о сохранении военной тайны.

Адольф Гитлер

39. Из речи Гитлера в Мюнхене 8 ноября 1942 г.

<...> Меня всегда высмеивали как пророка. Из тех, кто тогда смеялся, бесчисленное множество сегодня уже не смеется, а те, кто все еще смеется, скоро, пожалуй, тоже перестанут. Сознание этого распространяется через Европу по всему миру. Интернациональное еврейство будет распознано во всей своей демонической опасности, уж об этом мы, национал-социалисты, позаботимся! В Европе эта опасность уже осознана, и одно государство за другим присоединяется к нашим законам. Таким образом, в этой могучей схватке остается одна-единственная возможность — полного успеха. Да и есть ли вообще причины сомневаться в этом успехе?

Если проследить за пропагандой наших противников, ее можно охарактеризовать выражением: "Радостно взвизгивающая и до смерти огорченная". Малейший успех где-нибудь — и они уже просто кувыркаются от восторга. Вот они нас уже уничтожили! А потом листок календаря переворачивается — и они опять совершенно огорченные и подавленные. Приведу хотя бы один пример: если проштудировать советские военные сводки начиная с 22 июня 1941 г., в них каждый божий день можно прочитать: "бои незначительного характера" или же "бои значительного характера". И немецких самолетов они сбивают в 3 раза больше. Тоннаж якобы потопленных ими судов в Балтийском море превышает весь тоннаж, который Германия вообще имела перед войной. Они уничтожили столько наших дивизий, сколько мы и восстановить не смогли бы. Но прежде всего: они постоянно бьются на одном и том же месте. А потом они время от времени, так, недели через две, скромно сообщают: "Мы оставили еще один город". В общем и целом, если верить им, они с 22 июня успешно сражаются на одном и том же месте, а мы вечно оказываемся отброшенными. При таком непрерывном отбрасывании мы теперь потихоньку дошли до Кавказа. Я говорю "потихоньку" для моих противников, а не для наших солдат. Ведь темпы продвижения наших солдат на Востоке — гигантские. И то расстояние, которое они снова прошли и в этом году, тоже огромно, не имеет примера в истории.

То, что я поступаю не так, как хотелось бы другим, объясняется вот чем: я сначала обдумываю, чего, по всей вероятности, хотят другие, а потом делаю принципиально иначе. Если герр Сталин, как видно, ожидал, что мы ударим на центральном участке [Восточного фронта], то я вовсе не пожелал наступать там. И не столько потому, что герр Сталин, вероятно, думал так, а потому, что мне это было не столь уж и важно. Я хотел выйти к Волге, причем именно в определенном месте, у определенного города. Случайно он носит имя самого Сталина. Так что не думайте, что

я двигался туда по этим причинам (они могли быть и совершенно другими). Я делал это потому, что там находится весьма важный пункт. Ведь там мы отрезаем транспортные пути, по которым перевозятся 30 миллионов тонн грузов, в том числе 9 миллионов тонн нефти. Туда стекалась вся пшеница из гигантских областей Украины, Кубани, чтобы затем быть транспортированной на север. Там добывалась марганцевая руда, там находился гигантский перевалочный пункт. Вот это все я и хотел захватить, и — вы знаете, мы люди скромные, нам много не надо! — мы это и получили. Там осталось невзятыми всего каких-то несколько совсем мелких местечек.

Так вот, некоторые спрашивают: а почему же вы не продвигаетесь быстрее? Да потому, что я не хочу иметь там второй Верден, а предпочитаю добиться этого при помощи совсем небольших ударных групп. При этом время не играет для меня никакой роли. По Волге теперь не ходит ни одно судно. Вот что самое главное! Нас упрекают, почему мы так долго выжидали под Севастополем. Да потому, что я и там не хотел устроить [своим войскам] гигантскую массовую бойню. Но Севастополь попал в наши руки, и Крым тоже оказался в наших руках, и мы настойчиво и упорно достигали цель за целью. И если противник, со своей стороны, собирается наступать, не подумайте только, что я хочу его упредить! Пусть себе наступает, если ему охота, ибо оборона — дело все-таки более дешевое. Пусть себе наступает, он при этом тяжело истечет кровью, а мы сможем заткнуть бреши. Во всяком случае, русские не стоят на Пиренеях или у Севильи, а ведь это такое же расстояние, как для нас сегодня расстояние до Сталинграда или, скажем, до Терека. А мы все-таки там стоим, и это в конце концов — факт, который никто оспаривать не может!

<...> Иногда кое-кто заявляет: то, что немцы пошли на Киркенес или на Нарвик, а теперь, к примеру, на Сталинград, было вообще ошибкой. Но надо все-таки сначала подождать, а уже потом рассуждать, было ли это стратегической ошибкой. Мы уже можем судить по многим признакам, было ли ошибкой то, что мы захватили Украину, что мы заняли железорудный район Кривой Рог, что мы заполучили марганцевую руду. Было ли действительно большой ошибкой то, что мы заняли Кубань, эту, пожалуй, самую крупную житницу в мире. И было ли ошибкой то, что мы разрушили или забрали себе около четырех пятых или пяти шестых всех нефтеочистительных заводов, что мы сначала взяли в свои руки или парализовали добычу от девяти до десяти миллионов тонн нефти или что мы блокировали транспортировку, вероятно, семи-восемью или девяти миллионов тонн по Волге. Право, не знаю, было ли все это ошибками. Это мы еще посмотрим!<...>

Главное в этой войне — кто кому нанесет окончательный хук. А в том, что это будем мы, можете быть уверены!

<...>Ну, а если противник полагает, что каким-то образом сделает нас неспособными к сопротивлению, он ошибается. Ему не побудить меня отказаться от моей цели. Придет час, и я нанесу ответный удар, и тогда он получит за все с процентами на проценты.

Я еще и раньше не раз говорил: если я какое-то время не выступаю с речами, это вовсе не значит, что я потерял голос, — просто считал нецелесообразным. Это имеет место и сегодня. К чему мне сейчас много ораторствовать? Сегодня в конечном счете говорит фронт, а я хотел бы брать слово только в самых редких случаях. Ведь язык фронта столь проникновенен, это такой особенный язык, что он и без того понятен каждому немцу. Тому, кто читает ежедневные сводки нашего вермахта и при этом не является фанатически преданным своему народу, не воспринимает все это множество героических дел, не помогут никакие речи. А для вражеского зарубежья я и тем более не выступаю. И если герр Рузвельт говорит, что он моих речей не слушает, то ведь я и выступаю вовсе не для него. С ним я говорю только при помощи того инструмента, которым лишь и можно разговаривать теперь, а этот инструмент говорит громко и достаточно четко. Я выступаю только в редчайших случаях, обращаясь к [нацистскому] движению и моему собственному немецкому народу. И все, что я могу сказать в такой речи, это только одно: думайте все без исключения, мужчины и женщины, только о том, что в этой войне решается вопрос, быть или не быть нашему народу! И если вы это поймете, тогда каждая ваша мысль и каждая ваша надежда будет молитвой за нашу Германию!

Keesing's Archiv der Gegenwart, November 1942.

40. Радиограмма командующего 6-й армией генерал-полковника Паулюса Гитлеру от 23 ноября 1942 г.

Мой фюрер!

С момента поступления вашей радиограммы, переданной мне вечером 22.11, события развивались стремительно.

Замкнуть котел на юго-западе и западе [противнику] не удалось. Здесь вырисовываются предстоящие вклинения противника.

Боеприпасы и горючее на исходе. Многие батареи и противотанковые орудия израсходовали весь боезапас. Своевременное достаточное снабжение исключено.

Армии в самое ближайшее время грозит уничтожение, если путем концентрации всех сил противнику, наступающему с юга и запада, не будет нанесен уничтожающий удар.

Для этого необходим немедленный отвод всех дивизий из Сталинграда и крупных сил с северного участка фронта. Неотвратимым следствием должен явиться затем прорыв на юго-запад, ибо при таких слабых силах восточный и северный участки фронта удерживать больше невозможно.

При этом мы потеряем много материально-технических средств, однако сохраним большинство ценных бойцов и хотя бы часть техники.

В полной мере неся ответственность за это весьма серьезное донесение, докладываю вместе с тем, что командиры корпусов генералы Хайтц, Штреккер, Хубе и Йеннеке оценивают обстановку таким же образом.

Исходя из сложившейся обстановки, еще раз прошу свободы действий.

Хайль мой фюрер!

Паулюс
Передано в ОКХ
23.11 в 23.45

Aus dem Kriegstagebuch der 6.Armee.

41. Приказ Гитлера Паулюсу

Приказ фюрера
командующему 6-й армией

6-я армия временно окружена русскими войсками. Я намерен сосредоточить армию в районе Сталинград-Норд—Котлубань—высота 137—высота 135—Мариновка—Цыбенко—Сталинград-Зюд. Армия может быть убеждена в том, что я сделаю все для того, чтобы соответствующим образом обеспечить ее и своевременно деблокировать. Я знаю храбрую 6-ю армию и ее командующего и уверен, что она выполнит свой долг.

Адольф Гитлер

H. Doerr. Der Feldzug nach Stalingrad.

42*. Докладная записка командира 51-го армейского корпуса генерала фон Зейдлица* командующему 6-й армией Паулюсу

Командир 51-го армейского
корпуса
№603/43 сов. секретно

КП, 25.11.1942 г., утро
Только для командования

Господину командующему 6-й армией.

Получив приказ командования армии от 24.11.42 г. о продолжении борьбы, я, сознавая всю серьезность момента, чувствую себя обязанным еще раз письменно изложить свою оценку обстановки, лишь еще более подтверждаемую донесениями за последние сутки.

Армия стоит перед недвусмысленным "или — или":

или прорыв на юго-запад в общем направлении на Котельниково или гибель через несколько дней.

Понимание этого основывается на трезвом осознании фактических условий.

I. Поскольку еще к началу сражения не имелось почти никаких запасов, решающим для принятия окончательного решения является состояние снабжения.<...>

Цифры говорят сами за себя.

Даже меньшие по масштабу оборонительные бои последних дней ощутимо сократили наличие боеприпасов. Если же против корпуса будет предпринято наступление по всему фронту, а этого следует ожидать ежедневно, он за один, два или три дня полностью израсходует все свои боеприпасы. Едва ли можно предположить, что в тех корпусах, которые уже в течение ряда дней участвуют в крупном сражении, положение с боеприпасами было бы лучшим.

Из произведенного подсчета видно, что достаточное снабжение по воздуху весьма сомнительно даже для одного 51-го армейского корпуса, а следовательно, и для всей армии и таким образом полностью исключено. Доставленное (23.11) 31 самолетом "Ю" или то, что может быть доставлено, пока еще только обещанной дополнительной сотней "Ю", — всего лишь капля в море. Возлагать на это надежды — значит хвататься за соломинку. Откуда может взяться необходимое для снабжения армии большое количество "Ю", не ясно. Если же оно вообще имеется, то сначала самолеты придется перебазировать со всей Европы и с Севера. Их собственная потребность в горючем при преодолении таких расстояний оказалась бы столь огромной, что ввиду уже переживаемой нехватки горючего покрытие этой потребности кажется крайне сомнительным, не говоря уже об оперативных последствиях такого расхода горючего

* Оказавшись в советском плену, генерал артиллерии фон Зейдлиц возглавил Союз немецких офицеров, который летом 1943 г. примкнул к движению Национального комитета "Свободная Германия".

для ведения всей войны в целом. Даже при том условии, что ежедневно будут приземляться 500 машин вместо обещанных 130, можно доставить не более 1000 т груза, чего для армии, насчитывающей 200 000 человек, ведущей крупное сражение и не имеющей никаких запасов, недостаточно.

Не приходится ожидать ничего большего, нежели удовлетворения самой необходимейшей потребности в горючем, небольшой части потребности в некоторых видах боеприпасов и, возможно, части потребности в продовольствии для личного состава. Через несколько дней подохнут все лошади, что еще больше ограничит тактическую подвижность, значительно затруднит доставку боеприпасов и продовольствия в войска, а с другой стороны, повысит расход горючего.

Не приходится сомневаться в том, что главные силы всепогодной русской истребительной авиации будут использованы для атак на приближающиеся к цели транспортные самолеты и на единственные пригодные для приема большого количества машин аэродромы Питомник и Песковатка. Значительные потери неизбежны; что же касается непрерывного прикрытия нашими истребителями трасс подхода к обоим аэродромам, то оно едва ли может быть обеспечено. Объем доставленных грузов будет зависеть от метеорологических условий. При доказанной таким образом невозможности достаточного снабжения по воздуху израсходование за несколько дней (боеприпасов — примерно за 3 — 5 дней) наличных запасов армии может быть лишь немного замедлено, но никак не прекращено. Растянуть имеющееся продовольствие на большой срок возможно лишь до известной степени (в 451-м армейском корпусе уже несколько дней назад отдан приказ сократить его расход вдвое). Однако экономия горючего и наличных боеприпасов зависит почти исключительно от действий противника.

II. Предположительные действия противника, которому классического масштаба битва на уничтожение сулит победу, легко оценить. Зная его активный метод ведения боевых действий, не приходится сомневаться в том, что он с неослабевающим натиском будет продолжать свои атаки против окруженной 6-й армии. Надо исходить из того, что противник понимает необходимость уничтожить армию раньше, чем могут стать эффективными принимаемые с немецкой стороны меры по деблокированию. Как свидетельствует опыт, он не останавливается перед потерями в живой силе. Оборонительные успехи, особенно 24.11, и отмечающиеся на многих участках фронта большие потери противника не должны вызывать у нас самообмана.

Противнику наверняка известны наши трудности с обеспечением. Чем упорнее и энергичнее он атакует, тем быстрее мы расходует свои боеприпасы. Даже в том случае, если ни одно из предпринятых им наступлений само по себе не будет успешным, противник все равно будет иметь конечный успех, когда армия расстреляет все свои боеприпасы и останется безоружной. Отрицать наличие таких соображений у противника значило бы ожидать от него самых неверных действий, что в военной истории всегда вело к поражениям. Все это было бы игрой ва-банк, которая, приведя к катастрофе 6-й армии, имела бы тяжелейшие последствия для продолжительности, а вероятно, и для конечного итога войны.

III. Отсюда в оперативном отношении неопровержимо вытекает следующее: продолжая сражаться в условиях круговой обороны, 6-я армия может избежать своего уничтожения только в том случае, если в течение ближайших, т.е. примерно 5, дней деблокирование ее станет настолько действенным, что противник окажется вынужденным прекратить свои атаки.

Ни единого подобного признака не имеется.

Если же деблокирование окажется менее эффективным, неизбежно наступит состояние беззащитности, т.е. уничтожения 6-й армии. Какие меры приняты ОКХ для деблокирования 6-й армии, судить трудно. Войска, предназначенные для прорыва окружения с запада, в данный момент могут находиться лишь на большом удалении от нас, ибо их части охранения расположены только западнее верхнего течения р. Чир и примерно у Обливицкая в нижнем течении р. Чир, а потому сосредоточение деблокирующих сил должно происходить вдали от 6-й армии. Сосредоточение при помощи действующей железнодорожной линии через Миллерово армии, достаточной для быстрого прорыва через р. Дон и одновременного прикрытия своего северного фланга, потребует нескольких недель.

К этому добавляется срок, необходимый для проведения самой операции; в данное время при непогоде и коротком дне он значительно больше, чем летом.

На предпринятое с целью деблокирования с юга сосредоточение в районе Котельниково двух танковых дивизий и их переход в наступление следует положить минимум 10 дней. Перспективы быстрого прорыва в результате наступления сильно сокращаются ввиду необходимости прикрытия с каждым шагом удаляющихся флангов, особенно восточного, не говоря при этом о неизвестном нам состоянии этих дивизий и оставляя в стороне вопрос, достаточно ли вообще для такой операции двух танковых дивизий. На возможность ускорения сосредоточения блокирующих войск и использования более значительного числа моторизованных колонн рассчитывать

не приходится. Ни таких колонн, ни горючего в наличии быть не может, ибо иначе они были бы использованы еще раньше, когда требовался значительно меньший тоннаж перевозок в целях создания запасов для столь угрожаемого Сталинградского фронта.

IV. Перспектива относительно возможности в течение приемлемого с точки зрения снабжения периода, согласно приказу ОКХ, удерживать территорию путем круговой обороны до подхода помощи извне явно базируется на нереальных основах. Посему приказ этот невыполним, и его неизбежное следствие — катастрофа для армии. Для своего спасения армия должна немедленно добиться иного приказа или же немедленно сама принять иное решение. Мысль о сознательном принесении армии в жертву даже не подлежит обсуждению, принимая во внимание оперативные, политические и моральные последствия такого шага.

V. Сопоставление расчета времени, требующегося как с точки зрения снабжения, так и с оперативной точки зрения, а также учет предположительных действий противника приводят к столь ясному выводу, что дальнейшие размышления в сущности излишни. Тем не менее следует указать на следующие пункты в том же направлении:

а) Отнюдь не стабилизированное положение на западном участке круговой обороны.

б) Необходимость длительное время противостоять на северном участке массированному наступлению превосходящих сил противника после вывода сначала 16-й танковой дивизии, а затем 3-й мотопехотной дивизии и отхода хотя и на более короткую, но почти необорудованную линию обороны.

в) Напряженное положение на южном участке фронта.

г) Уменьшившаяся боеспособность сильно поредевшего волжского участка фронта, которая еще больше упадет, когда река, чего следует ожидать вскоре, полностью покроется льдом и более не будет представлять собою препятствия для наступающих.

д) Невозможность ввиду нехватки боеприпасов воспрепятствовать постоянной подброске подкреплений противника на его волжский плацдарм, где уже имевшие место атаки русских войск потребовали боевого использования всех местных резервов.

е) Состояние дивизий, обескровленных наступлением в самом Сталинграде.

ж) Армия тесно сжата на пустынной степной территории, где нет почти никаких возможностей для расквартирования войск и для их укрытия, а потому войска и техника повсеместно подвержены воздействию непогоды и налетам авиации противника.

з) Грозящее наступление холодов при почти полном отсутствии топлива на большей части ныне занимаемых линий обороны.

и) Недостаточная поддержка авиацией ввиду нехватки удобных аэродромов. И напротив, отсутствие противовоздушной защиты, так как все зенитные части пришлось использовать для противотанковой обороны. Сравнение с прошлогодним Демянским котлом может привести к опасным ложным заключениям. Трудные для наступающего условия местности благоприятствовали обороне, удаление от германской линии фронта было во много раз короче. Потребности в снабжении окруженного корпуса были значительно меньшими, так же как и количество подлежащих доставке боевых средств, совершенно необходимых здесь, в голой степи (танков, тяжелой артиллерии, минометов и т.д.). Несмотря на незначительное удаление от германской линии фронта, создание даже весьма узкого прохода в кольце окружения потребовало тогда многонедельных тяжелых зимних боев.

VI. Вывод ясен. Или 6-я армия, занимая круговую оборону, защищается до тех пор, пока не израсходует все боеприпасы, т.е. станет безоружной,— такое пассивное поведение при несомненном продолжении и вероятном расширении наступательных действий противника на пока еще спокойные участки фронта означает конец армии. Или же армия активными действиями разорвет кольцо окружения.

Последнее еще возможно лишь в том случае, если армия оголением северного и волжского участков, т.е. сокращением линии своего фронта, высвободит ударные силы, чтобы предпринять ими наступление на южном участке, и, сдав Сталинград, будет пробиваться в направлении наименьшего сопротивления, т.е. в направлении Котельниково. Такое решение потребует бросить значительное количество техники, однако оно открывает перспективу разбить южный фланг вражеских тисков, спасти от катастрофы значительную часть армии и вооружения и сохранить ее для продолжения операций. Тем самым остается прочно скованной часть сил противника, между тем как при уничтожении армии на занимаемой позиции круговой обороны какое-либо сковывание вражеских войск прекратится. Чтобы избежать тяжелого морального ущерба, для внешнего мира происходящие события можно изобразить так: полностью уничтожив Сталинград — центр советской военной промышленности и разгромив вражескую группировку, армия отошла от Волги.

Шансы на успех прорыва тем более велики потому, что имевшие до сих пор место бои показали незначительную сопротивляемость вражеской пехоты на открытой местности, а также потому, что на небольших речных участках восточнее р. Дон и на участке Аксай еще стоят наши войска. Учитывая расчет времени, прорыв должен быть начат и осуществлен незамедлительно. Любое промедление снижает его шансы на успех, уменьшает число бойцов

и сокращает количество боеприпасов. Любое промедление усиливает противника в районе предстоящего прорыва; он сможет бросить против котельнической группировки больше войск заслона. Любое промедление снижает боеспособность наших войск ввиду падежа лошадей и вызванной этим невозможности использования орудий на конной тяге.

Если ОКХ немедленно не отменит приказа упорно удерживать район круговой обороны, собственная совесть и сознание долга перед армией и немецким народом властно велят обрести скованную ныне действующим приказом свободу действий и воспользоваться еще имеющейся сегодня возможностью путем собственного наступления избежать катастрофы. На карту поставлено полное уничтожение 200 000 бойцов вместе со всем их вооружением и оснащением. Иного выхода нет...

фон Зейдлиц
генерал артиллерии

Anlage zum Kriegstagebuch der 6.Armee.

43. Письмо Паулюса командующему группой армий "Дон" генерал-фельдмаршалу фон Манштейну от 26 ноября 1942 г.

Командующий 6-й армией
Вручить командующему
и начштаба!
Ж.-д.ст.Гумрак, 26 ноября 1942 г.

Генерал-фельдмаршалу
фон Манштейну,
командующему
группой армий "Дон"

Глубокоуважаемый господин фельдмаршал!

I. Покорнейше благодарю за радиogramму от 24 ноября и за обещанную помощь.

II. Для оценки моего положения позволю себе доложить следующее:

1. Когда 19 ноября по правому и левому соседу армии русскими были нанесены массированные удары, за два дня оба фланга армии оказались открытыми и подвижные части противника быстро устремились в прорыв. Продвигающиеся на запад через р. Дон наши моторизованные соединения (14-й танковый корпус) западнее р. Дон натолкнулись своими авангардами на превосходящие силы противника и попали в тяжелое положение; к тому же их маневренность была весьма затруднена нехваткой горючего. Одновременно противник заходил в тыл 11-му армейскому корпусу, который, согласно приказу, в полном составе удерживал свои позиции фронтом на север. Поскольку для отражения этой угрозы снять какие-либо силы с линии обороны больше не представлялось возможным, не оставалось ничего иного, как повернуть левое крыло

11-го армейского корпуса фронтом на юг и в ходе дальнейших боев первоначально отвести корпус на предмостное укрепление западнее р. Дон с целью не допустить, чтобы части, находящиеся западнее р. Дон, были отрезаны от главных сил.

В процессе осуществления указанных мер был получен приказ фюрера, требовавший силами 11-го танкового корпуса наступать левым крылом на Добринская. Ход событий опередил этот приказ. Следовательно, выполнить его я не мог.

2. Утром 22-го мне был подчинен 4-й армейский корпус, до тех пор подчиненный командованию 4-й танковой армии. Правое крыло 4-го армейского корпуса в то время отходило с юга на север через Бузиновка. Тем самым весь южный и юго-западный фланги оказались открытыми. Чтобы не дать русским, продвигаясь в направлении Сталинград, беспрепятственно зайти в тыл армии, мне не оставалось иного выхода, как отвести силы из Сталинграда и с северного участка фронта. Может быть, их еще удалось бы своевременно перебросить, между тем как с войсками из района западнее р. Дон этого сделать было нельзя.

4-му армейскому корпусу совместно с подброшенными ему со сталинградского участка силами удалось создать слабый южный фронт с западным крылом у Мариновка, однако 23-го здесь имело место несколько вклинений противника. Исход пока неопределен. Во второй половине дня 23-го были обнаружены неоднократно подтвержденные танковые соединения противника, в том числе 100 танков только в районе западнее Мариновка. На всем участке между Мариновка и р. Дон у нас имелись только растянутые боевые охранения. Для русских танковых и моторизованных соединений путь был свободен, точно так же как и в направлении Песковатка, для захвата моста через р. Дон.

От вышестоящего командования я в течение 36 часов не получал никаких приказов или информации. Через несколько часов я могу оказаться перед лицом такой обстановки:

а) или удерживать фронт на западе и севере и наблюдать, как в кратчайший срок армия будет атакована с тыла, формально повинаясь, однако, при этом данному мне приказу держаться;

б) или принять единственно возможное в таком положении решение: всеми имеющимися силами повернуться лицом к противнику, имеющему намерение нанести армии удар кинжалом в спину. Само собою разумеется, при таком решении удерживать далее фронт на востоке и севере невозможно, и в дальнейшем стоит вопрос лишь о прорыве на юго-запад.

Во втором случае я хотя и действовал бы в соответствии с обстановкой, однако — уже вторично — оказался бы виновен в неподчинении приказу.

3. Находясь в этом тяжелом положении, я направил фюреру радиogramму с просьбой предоставить мне свободу действий для принятия такого крайнего решения, если оно станет необходимым.

В предоставлении мне такого полномочия я искал гарантии того, что единственно возможный в подобной обстановке такой приказ не будет отдан мною слишком поздно.

Возможности доказать, что такой приказ я дал бы только в случае крайней необходимости и никоим образом не преждевременно, у меня нет, а потому могу лишь убедительно просить о доверии.

На свою радиogramму я ответа не получил.

III. Обстановка на сегодняшний день показана на прилагаемой карте.

Если бы на юго-западный участок фронта даже удалось перебросить еще некоторые силы, положение там все равно останется напряженным... Сталинградский участок фронта ежедневно отражает сильный натиск противника.<...>

В результате начатого три дня назад снабжения по воздуху доставлена лишь малая часть минимальной расчетной потребности (600 т = 300 "Ю" ежедневно).

Состояние снабжения уже в ближайшие дни может привести к крайне серьезному кризису.

Тем не менее я полагаю, что некоторое время армия еще сумеет продержаться. Однако еще не вполне ясно, сможет ли она ввиду своей с каждым днем возрастающей слабости, нехватки убежищ для расквартирования войск, а также строительных материалов и топлива длительное время удерживать район Сталинграда, даже если, скажем, ко мне будет пробит коридор.

Поскольку меня ежедневно осаждают множеством вполне понятных запросов насчет будущего, я был бы благодарен за предоставление мне более обширного, чем до сих пор, материала, который я смог бы использовать для поднятия уверенности у своих людей.

Позвольте сказать Вам, господин фельдмаршал, что в Вашем командовании я вижу гарантию того, что будет предпринято все возможное, дабы помочь 6-й армии.

Ваш, господин фельдмаршал,
покорный слуга
Паулюс

Прошу извинить обстоятельствами, что документ написан не по форме и от руки.

H. Doerr. Der Feldzug nach Stalingrad.

44*. Из записи обсуждения обстановки в ставке Гитлера
12 декабря 1942 г.

<...>

Ф ю р е р:

Если смотреть на положение в целом, то я пришел к такому выводу, Цейтцлер (начальник штаба сухопутных войск, сменивший Гудериана.— *Пер.*)! Мы ни при каких условиях не можем сдать это [Сталинград]. Вновь захватить его нам уже больше не удастся. Что это означает, мы знаем. Не могу я предпринять и никакой внезапной операции. К сожалению, на этот раз уже и слишком поздно. Дело пошло бы быстрее, если бы мы не задержались так долго у Воронежа. Там, пожалуй, можно было проскочить с первого броска. Но воображать, что удастся сделать это второй раз, если отступить и бросить там технику, смешно.

Ц е й т ц л е р:

У нас там огромная масса артиллерии резерва главного командования.<...>

Ф ю р е р:

Нам даже не восполнить того, что мы там имеем.

Если мы поступимся этим, мы поступимся, собственно, всем смыслом этого похода. Воображать, что я еще раз дойду досюда, безумие. Сейчас, зимой, мы с нашими силами можем создать отсечную позицию. У противника есть возможность подбрасывать по своей железной дороге. Как только вскрыется лед, Волга — к его услугам, и он сможет транспортировать и по ней. Он знает, что от этого зависит. Значит, сюда мы уже больше не придем. Потому-то мы и не имеем права уйти отсюда. Но решающее — удержать все это. Только вот надо, конечно, при любых обстоятельствах покончить с этой историей. А потому я считал бы правильным первоначально нанести удар с юга на север (деблокирующий удар), чтобы пробить все это и расчленить на части, а уж только тогда продолжать удар на восток. Но все это, разумеется, дело будущего. Прежде всего речь идет о том, чтобы попытаться высвободить для этого силы.<...>

Ц е й т ц л е р:

Наступят весьма серьезные дни с серьезными событиями.

Ф ю р е р:

<...>Что бывают, конечно, ситуации куда более идеальные, чем эта, нам ясно. Но то, что мы отсюда не уйдем, должно стать фанатическим принципом.

Mikrofilm: Institut für Zeitgeschichte. München.

в). Политика и ведение войны: 1943 — 1945

45. Из речи Йозефа Геббельса о "тотальной войне", произнесенной в "Спортпаласте" 18 февраля 1943 г.

<...>Итак, вы, сидящие здесь передо мной, представляете в этот момент весь немецкий народ. И я хотел бы задать вам десять вопросов, на которые вы вместе со всем немецким народом должны дать мне ответ перед лицом всего мира, а особенно наших врагов, слушающих нас сейчас по радио.

Первый: англичане утверждают, что немецкий народ потерял веру в победу. Я спрашиваю вас: верите ли вы вместе с фюрером и нами в конечную тотальную победу немецкого народа? Я спрашиваю вас: решили ли вы ради завоевания победы идти за фюрером в огонь и в воду даже при самом большом личном бремени?

Второй: англичане утверждают, что немецкий народ устал от войны. Я спрашиваю вас, готовы ли вы, будучи фалангой фюрера в тылу сражающегося вермахта, продолжать эту борьбу с ожесточенной решимостью и вести ее, несмотря на все превратности судьбы, до тех пор, пока победа не будет в наших руках?

Третий: англичане утверждают, что у немецкого народа нет больше охоты брать на себя всевозрастающий труд войны, которого от него требует правительство. Я спрашиваю вас: полны ли вы и немецкий народ решимости, если фюрер приказывает это, ежедневно работать по десять, двенадцать, а если нужно, то и по четырнадцать часов и отдать для победы свои последние силы?

Четвертый: англичане утверждают, что немецкий народ сопротивляется тотальным военным мерам правительства. Будто он хочет не тотальной войны, а капитуляции. Я спрашиваю вас: хотите ли вы тотальной войны? Хотите ли вы вести ее, даже если надо вести ее еще тотальнее и радикальнее, чем мы сегодня вообще можем себе представить?

Пятый: англичане утверждают, что немецкий народ потерял доверие к фюреру. Я спрашиваю вас: разве ваше доверие к фюреру сегодня не еще больше, не еще убежденнее, не еще непоколебимее, чем прежде? Разве ваша готовность следовать за ним, идти по его пути и делать все, чтобы довести войну до победного конца, не стала абсолютной и беспредельной?

Я спрашиваю вас, в-шестых: готовы ли вы отныне отдать все свои силы и дать Восточному фронту людей и оружие, которые нужны ему, чтобы нанести большевизму смертельный удар?

Я спрашиваю вас, в-седьмых: даете ли вы фронту священную клятву, что тыл с высоким моральным духом стоит за ним и даст ему все, в чем он нуждается, чтобы завоевать победу?

позже он сбавил
записался
сам. без боя
1944-1945
голланд
пароход Ледна
и его пришло-стало
1944-1945

Я спрашиваю вас, в-восьмых: хотите ли вы, особенно женщины, чтобы правительство позаботилось о том, чтобы женщина смогла отдать для ведения войны все свои силы и всюду, где только можно, заменила мужчин, которые нужны фронту, тем самым высвободив мужчин для него?

Я спрашиваю вас, в-девятых: одобрите ли вы, если это понадобится, самые радикальные меры против небольшого круга дезертиров и спекулянтов, которые в разгар войны играют в мир и хотят использовать народную нужду в своекорыстных целях? Согласны ли вы с тем, что тот, кто провинится перед войной, должен за это лишиться головы?

Я спрашиваю вас, в-десятых и в завершение: хотите ли вы, чтобы, как того требует программа национал-социалистской партии, именно во время войны среди нас царили равные права и равные обязанности, чтобы тыл тоже солидарно принял на свои плечи тяжкое бремя войны и чтобы все — и те, кто стоит высоко или низко, и те, кто беден или богат, — поровну разделяли это бремя?

(После первых же вопросов д-ра Геббельса из уст нескольких тысяч присутствующих раздавалось единодушное "да", и каждый следующий вопрос вновь сотрясал стены "Спортпаласта". — *Примеч. источника.*)

Итак, я задал вам вопросы. Вы — дали мне свой ответ. Вы — часть народа, а значит, своими устами провозгласили позицию всех немцев. Своими возгласами вы высказали нашим врагам то, что они должны знать, дабы не предаваться иллюзиям и не создавать себе ложных представлений. Тем самым мы, как и с первого часа нашей власти все эти десять лет, пребываем в тесном и братском единстве с немецким народом. Самый могучий союзник, какой только есть на свете, сам народ, стоит за нами и полон решимости вместе с фюрером, не страшась самых тяжелых жертв, чего бы то ни стоило, добиться победы в борьбе.<...>

Все мы, дети своего народа, сплотившиеся в этот величайший, судьбоносный час нашей национальной истории, клянемся всему народу, клянемся фюреру и фронту, что здесь, в тылу, мы хотим создать такой блок нашей воли, на который могут безусловно положиться и фюрер, и его сражающиеся солдаты. Мы обязуемся делать в нашей жизни и труде все, что нужно для победы. Мы хотим наполнить наши сердца той политической страстностью, которая всегда, во все времена борьбы партии и государства, пылала в нас, как негаснущий огонь. Мы никогда не хотели в этой войне впадать в объективистскую мечтательность, которая принесла германской нации в ее истории так много горя. Когда началась эта война, мы направили наши взоры только и исключительно на нацию. То, что служит ее борьбе за свои жизненные интересы, — хорошо, и должно сохраняться и поощряться. Мы хотим подходить

к решению крупных проблем этого отрезка времени с горячим сердцем и холодной головой. Тем самым мы маршируем по пути, ведущему к конечной победе. А в основе всего лежит вера в фюрера. Вот почему я хочу в этот вечер еще раз раскрыть глаза всей нации на ее великий долг. Фюрер ждет от нас таких свершений, которые затмят все, что было до сих пор. Мы хотим быть на высоте его требований. Мы гордимся им, а он должен иметь возможность гордиться нами. Только в период больших кризисов и потрясений национальной жизни показывают себя на деле истинные мужчины, а также и истинные женщины. Тут уж никто не имеет права говорить о слабом поле, ибо оба пола доказывают свою одинаковую боевую решимость и душевную силу. Нация готова ко всему. Фюрер приказал, мы следуем за ним. В этот час национального осмысления и внутреннего подъема мы еще вернее и нерушимее будем верить в победу. Мы видим победу в осязаемой близости, нам надо только протянуть руку и схватить ее. Мы должны найти в себе решимость поставить на службу ей абсолютно все. Таково веление времени. А потому наш лозунг: "Вставай, народ, да грядет буря!"

A.I. Berndt von Wedel. Deutschland im Kampf. Berlin. Nr 83/84. Februar 1943.

46. Из дневников Йозефа Геббельса

2 марта 1943 г.

<...> То, что события на восточном фронте прошлой зимой привели к тяжкому кризису доверия, Герингу ясно. Генералитет всячески старается свалить этот кризис доверия на фюрера. Генералитет мстит теперь за прошлогоднюю зиму, когда он в результате мер, принятых фюрером, оказался не прав.

Единственным открытым и достойным доверия в ставке фюрера человеком Геринг считает генерала Шмундта (представитель штаба верховного главнокомандования вермахта — ОКВ — при ставке Гитлера.— *Пер.*). Остальной генералитет, частично и на фронте тоже, использует ситуацию, чтобы создавать фюреру одну трудность за другой. Так, например, Манштейн [тогда — генерал-полковник], как сказал мне Геринг, зашел столь далеко, что даже намеревался сместить фюрера с поста верховного главнокомандующего. Правда, дело до этого не дошло, но фюрер все-таки узнал об этом и сделал насчет Манштейна соответствующие выводы. Собственно говоря, фюрер имел намерение при своей поездке на южный участок Восточного фронта снять Манштейна с должности, но пока наме-

рение это не осуществил. Во всяком случае мы должны с осторожностью относиться к старым генералам вермахта и рейхсвера. Хороших друзей у нас среди них мало. Они стараются натравить нас друг на друга.<...>

Мы подробно обсуждаем историю с Паулюсом, которого Геринг критикует самым резким образом. Он сообщает мне, что и фюрер тоже пришел сегодня к убеждению: Паулюс трусливо сдался в советский плен. Геринг ожидает, что этот пленный генерал-фельдмаршал очень скоро появится на Московском радио. Это был бы самый безумный трюк, который только вообще можно себе представить.

Геринг испытывает большое сочувствие к фюреру. Ему тоже кажется, что за три с половиной военных года тот постарел на 15 лет. Трагично, что фюрер так изолирует себя от жизни и ведет такой довольно нездоровый образ жизни. Он больше не выходит на свежий воздух, не имеет никакой разрядки, сидит в своем бункере, работает и размышляет. Если бы можно было перевести его в другую обстановку! Но он однажды убедил себя, что во время войны должен вести спартанский образ жизни, и тут, верно, ничего не поделать.

Но столь же важен вопрос, удастся ли нам как-либо возместить отсутствие руководства во внутренней и внешней политике. Нельзя, чтобы все это ложилось на одного только фюрера. Фюрер должен быть освобожден от всего этого для военного руководства. То, что жизнь порой становится для фюрера тоскливой и он время от времени говорит, что больше не боится смерти, объясняется его нынешним настроением. Именно поэтому мы должны быть его сильнейшей опорой. Как и всегда во время кризисов внутри партии, задача ближайших друзей фюрера: в такие трудные времена сплотиться вокруг него и образовать его железную фалангу.

Герингу совершенно ясно, что грозило бы нам, окажись мы в этой войне слабыми. На сей счет у него никаких иллюзий нет. Мы, особенно в еврейском вопросе, заняли такую позицию, что для нас больше иного выхода нет. И это хорошо. Одно [нацистское] движение, один народ, мосты позади разрушены: как известно по опыту, гораздо безудержнее бьется тот, у кого нет никакой возможности для отступления. Я разъясняю Герингу, что безусловно необходимо вести войну не только военными, но и политическими средствами.<...>

9 марта 1943 г.

<...>В настоящее время у фюрера очень много неприятностей, особенно с воздушной войной. Он крайне недоволен предпринятыми Герингом в этой связи мерами. Эти меры бессистемны и проводятся не масштабно. К сожалению, несостоятельность люфтваффе колоссально понизила престиж Геринга не только в этом отношении,

но и в некоторых других.<...> Тем не менее я придерживаюсь мнения, что Геринг — сильная в политическом и военном отношении личность, выросшая за последние годы, и наверняка не может внезапно исчезнуть.

Очень сильно настроен фюрер против Фромма (начальник управления формирования резервных частей.— *Пер.*). Он замечает также, что Фромм не в состоянии выполнить программу мобилизации 800 тыс. человек. У фюрера возникли первые трудности с [начальником генерального штаба] Гудерианом, который его очень злит.

Весьма доволен фюрер [новым начальником генерального штаба] Цейтцлером, который в данный момент оказывает ему действительно большую помощь в руководстве Восточной кампанией. Кейтель же играет весьма второстепенную роль. Но фюрер держит его потому, что в настоящий момент нет никого, кто мог бы его заменить. Нехватка руководящих умов в вермахте поистине пугающая. Это связано главным образом с тем, что здесь практиковался совершенно неправильный подбор на командные посты, ориентированный больше на сословное и имущественное положение и образование, нежели на естественные склонности и качества характера. Может быть, эта система и была пригодна для мирного времени, но в войне она рано или поздно мстит за себя.<...>

Генералитету фюрер дает однозначную негативную оценку. Они надувают его, где только могут. Кроме того, так необразованны и настолько не знают даже своего военного ремесла, что от них мало чего приходится ждать. Правда, в том, что генералы не обладают более высокой культурой, их упрекать нельзя, ибо для этого они не воспитаны. Но то, что они так слабо разбираются в деловых вопросах войны, говорит абсолютно против них. Их воспитание было неправильным в течение многих поколений. Продукт этого воспитания мы видим ныне в нашем высшем офицерском корпусе. Я могу привести ряд примеров из моего собственного опыта, и они служат фюреру подтверждением его взглядов.

Фюрер почти не дает мне говорить и сразу заявляет, что это вообще та забота, которая не покидает его и ночью. В связи с этим он высказывает острую критику в адрес Геринга: тот дал своему генералитету убаюкать себя иллюзиями, для которых нет никаких оснований. Его оптимизм, столь ценный в кризисных ситуациях, легко склоняется к тому, чтобы предаваться несбыточным желаниям. Но это крайне опасно для войны. Особенно вредным он считает влияние генерала Боденшатца, которого называет холодным циником. Генерал-фельдмаршал Шперрле во Франции тоже оказался не на высоте своей задачи. Как и все генералы люфтваффе, он поселился в одном замке и ведет там сибаритский образ жизни. Воздушная война против Англии, верно, интересуется его не больше,

чем изысканные обеды и ужины. Поэтому фюрер хочет отозвать его. Из люфтваффе он в настоящее время ценит только начальника ее генерального штаба Ешоннека. Тот является абсолютным фанатиком правды, видит положение совершенно ясно и не строит себе ложных представлений. Фюрер, разумеется, ни при каких условиях не желает вести воздушную войну так, как она ведется сейчас. Надо думать на шесть месяцев вперед, иначе мы окажемся перед грудой развалин во многих городах, будем иметь тысячи убитых и неустойчивое настроение народа. Этого мы себе никак позволить не можем. Поэтому фюрер хочет в любом случае позаботиться о том, чтобы на английские террористические воздушные налеты мы ответили террором с нашей стороны. Для этого авиации надо наскрести все, что только можно. Вместо Шперрле он хочет послать во Францию молодого, способного офицера, который точно так же, как Дёниц в подводной войне, должен иметь особые полномочия. У него не должно быть никакой иной задачи, кроме как вести воздушную войну против Англии с такой систематичностью и последовательностью, чтобы на долгое время отбить у англичан охоту каждую ночь докучать нам.<...>

Оценка фюрером моральных качеств генералитета (причем всех составных частей вермахта) — уничтожающая. Он априори не верит ни одному генералу. Все они его обманывают, приукрашивают факты, приходят к нему с цифрами, которые может опровергнуть любой ребенок, устраивают ему сцены да еще высказываются за его спиной насчет его интеллигентности: эти высказывания прямо-таки оскорбительны. Во всяком случае в вопросе воздушной войны фюрер себе очки втирать не позволит.<...>

Обратиться с воззванием к народам Востока фюрер в данный момент еще не хочет, для этого положение на Востоке, по его мнению, пока недостаточно стабилизировалось. Впрочем, он считает, что народы Востока настолько ненавидят большевизм и боятся его, что вполне достаточно и антибольшевистской тенденции нашей пропаганды. Я пытаюсь возразить фюреру, но думаю, что настоящая причина в том, что в данный переходный период нашей слабости он не желает показывать даже признаков того, что могло бы расцениваться как уступчивость. Как только положение на Востоке прояснится, я снова напомню ему об этом. <...>

Фюреру тоже совершенно не ясно, какие резервы большевики еще имеют в своем распоряжении. Они уже призывают контингент 1926 года, а это признак того, что их людские резервы сильно исчерпаны. Фюрер считает отнюдь не исключенным, что они рано или поздно придут к краху. Но он никоим образом не хочет строить на этом свою военную политику.<...>

Что касается обстановки на фронтах, то дуче тоже обманывают его генералы. С этими итальянцами никакой каши не сваришь. Они ненадежны как в военном, так и в политическом отношении.<...>

Фюрер снова пространно высказывается насчет генералов, которые заслуживают от него только презрения. Достаточно представить себе этих господ в штатской одежде, чтобы потерять всякое к ним уважение. Кейтель вызывает у фюрера один лишь смех. Имеющийся у фюрера опыт в отношении генералов невероятно озлобил его.<...> После войны он с большой радостью снова наденет свою коричневую форму и по возможности будет иметь с генералами как можно меньше дела.

Крайне возмущен фюрер поведением генерал-фельдмаршала Паулюса. Он точно так же, как и я, считает, что Паулюс вел себя именно так, как это описывают вражеские корреспонденты. Он хочет после войны предать его военному суду, состоящему из генералов, так как тот нарушил категорический приказ сопротивляться до последнего патрона. Этот сорт генералов ненавидит фюрера потому, что они необразованны, потому, что они видят в нем выскочку, а также и потому, что у них нет интуиции признать его гением. Фюрер сделает все возможное, чтобы влить в офицерский корпус новую, свежую кровь. Медленно, но верно подбор командных кадров в вермахте изменится. Шмундт наведет здесь такой же порядок, как Дёниц — в военном флоте.

Особенно несдержан фюрер насчет недостаточной технической одаренности генералов вермахта. Они строят из себя всезнаек, знающих все лучше других, а на деле не знают ровным счетом ничего. Их духовные герои тоже не особенно-то высокого качества, достаточно только вспомнить о Секте (генерал-полковник, командующий рейхсвером Веймарской республики.— *Пер.*). Но фюрер не даст ввести себя этим в заблуждение. Он вмешивается там, где такие беспорядки бросаются в глаза, и при этом времени зря не теряет. Однако мне кажется, что в данный момент фюрер дает выход своему недовольству больше на словах, чем на деле. Но, как известно, это всегда только пролог к действию.

23 сентября 1943 г.

<...>Я спрашиваю фюрера, готов ли он эвентуально вести переговоры с Черчиллем, или же он их принципиально отвергает. На это фюрер дает мне такой ответ: принципов в политике в персональных вопросах вообще нет. Однако он считает, что переговоры с Черчиллем не привели бы ни к какому результату, так как оба они слишком прочно связаны с противоположными взглядами, да и к тому же его, [Черчилля], советчиком является ненависть, а не разум. Фюрер скорее пошел бы уж на переговоры со Сталиным, но он не думает, что это приведет к результату,

ибо то, что он, [Гитлер], требует на Востоке, Сталин ему отдать не может. Но, как бы ни складывались дела, говорю я фюреру, мы должны выяснить этот вопрос с той или с другой стороной. Война на два фронта рейхом еще никогда не выигрывалась. Поэтому мы должны видеть, как нам выйти из войны на два фронта.

Фюрер еще раз разъясняет мне, что случилось бы, если бы англичане после прибытия к ним Гесса проявили решимость использовать этот случай с целью посеять к нам недоверие у наших противников. В тогдашних условиях война могла бы принять для нас катастрофический оборот. Вероятно, откололись бы итальянцы и не пришли на помощь японцы. В этом случае англичане упустили свой величайший военный шанс в политической области. На вопрос, когда же англичане окажутся склонны пойти на мир, в данный момент ответить очень трудно.<...>

Goebbels Tagebuch.

47. Из записи беседы Риббентропа с итальянским статс-секретарем Бастианини о политическом и военном положении весной 1943 г.

8 апреля 1943 г.

Со времени последней встречи [Гитлера и Муссолини] миновал год, за который произошло многое. Если попытаться дать общую картину, можно констатировать, что, несмотря на некоторые неудачи, без которых война никогда не обходится, сделан хороший шаг вперед.<...> Не предрешая суждений фюрера, он, [Риббентроп], может сообщить Бастианини следующие свои взгляды. Как уже сказано, Германия и Италия, несмотря на некоторые неудачи, которые, к сожалению, имели место зимой [1942/43 г.], сделали в уничтожении большевизма большой шаг вперед. В этом [1943] году Германия вскоре снова возьмется за большевиков и снова побьет их. Она не намерена глубоко вторгаться в необъятные русские просторы, а хочет уничтожить большевистские армии. Если русские все время будут подвергаться атакам, они постепенно окажутся во все более ухудшающемся положении.<...>

Германия с самого начала вела войну именно так и никогда не ожидала, что русские сразу же будут сломлены. Она никогда не желала захватить всю Россию, а лишь намеревалась настолько уничтожить ее боевую силу и силу ее народа, чтобы для Германии больше никогда не могла возникнуть никакая опасность с Востока. Такой была цель войны против России, и она действительно такова. И цель эта определенно будет достигнута.

Имперский министр иностранных дел сослался на показания взятого в плен командующего [русской] резервной армией, который, по данным на август, назвал следующие цифры тотальных потерь: 11,3 миллиона пленных, убитых и искалеченных. Сегодня можно считать, что русские потеряли минимум 14 миллионов. Из 190 миллионов человек, проживавших в большевистской империи, 70 миллионов живут в занятых Германией областях. Остаются еще 120 миллионов. 14 миллионов уничтожены. Так как за военный потенциал любого населения принимается 10% общей его численности, из этих 120 миллионов в распоряжении России еще имеется 12 миллионов солдат. В общем и целом сила русского народа после проведенных нами боев уже значительно ослаблена. Это показывает даже крупный русский удар через Дон, при котором русским, к сожалению, удалось совершить прорыв на участке союзников Германии, в результате чего 6-я армия была окружена в Сталинграде. Внезапное уменьшение русской пробивной силы за последние недели доказывает, что сила русского народа истощилась до предела.

Кстати, интересно: если раньше предполагали, что русские будут испытывать трудности с техникой и боеприпасами и при этом иметь избыток людских резервов, то сейчас положение совершенно обратное: трудности с военными материалами незначительны, а вот боеспособных мужчин у них не хватает. На протяженном фронте борьбы от Финляндии до Черного моря русские ввели в бой 630 различных соединений. Дивизии и бригады насчитывают в среднем 4000 — 5000 человек без тыловых служб. Все указывает на большие трудности с рядовым составом. Если Германия будет наносить русским новые удары, они все дальше будут идти по пути к исчерпанию своих сил. Как далеко зайдет дело в этом году, он, [Риббентроп], естественно, сказать не может, поскольку это вопрос чисто военный. Однако к концу года будет снова разгромлена большая часть ныне существующих [русских] соединений. Если принять во внимание, что уже сейчас у русских призывают 15 — 16-летних, а на фронте встречаются и солдаты пожилых контингентов, вполне можно сказать: этот систематический разгром русской армии приведет к тому, что в один прекрасный день русские испустят дух.

В любом случае русская проблема может иметь только военное, а не неожиданное политическое решение. Вероятно, следствием решения военной проблемы явится политическое урегулирование. Но все это не может произойти до тех пор, пока не будет абсолютно точно установлено, что с русской стороны в военном отношении ничего случиться не может. Иначе любое решение будет не удов-

летворяющим нас. Германия не может подпустить русских близко к своим границам, не подвергая себя опасности однажды подвергнуться авиационной бомбардировке. Кроме того, она нуждается в Украине. Да и Сталин не будет готов заключить мир.

Позитивное урегулирование русской проблемы должно заключить в себя защиту от любого внезапного нападения русских, обеспечение продовольственной базы и гарантию того, что через 6 — 8 месяцев не последует новое русское наступление. Главное в этой войне состоит в том, чтобы повторяющимися ударами уничтожить всю Красную Армию, однако при этом не вклиниваться глубоко в русское пространство. Уже сейчас, как говорилось выше, уничтожено 14 миллионов русских. Однажды плотность населения в России станет столь мала, что она больше не сможет представлять собой никакой угрозы. Тогда настанет тот момент, когда можно будет перебросить на Запад и использовать там не 20, а 80 — 100 дивизий. Война будет выиграна в тот момент, когда Германия сможет обрушиться на оставшихся противников, которые уже больше не будут представлять собой никакой проблемы.<...>

IMT. Bd XXXV.

48*. Приказ о проведении операции "Цитадель"

Фюрер
Штаб верховного
главнокомандования вермахта
Генеральный штаб
сухопутных войск,
оперативный отдел.
№430246/43

Ставка фюрера, 15 апреля 1943 г.
Совершенно секретно
Только для командования
Передавать только через офицера

Оперативный приказ №6

Я решил: как только позволят погодные условия, провести в качестве наступательного удара этого года операцию "Цитадель".

Посему данному наступлению придается особое значение. Необходимо осуществить его быстро и с большой пробивной силой. Оно должно передать инициативу на эту весну и лето в наши руки.

В связи с этим все приготовления осуществлять с величайшей осмотрительностью и энергичностью. На всех главных направлениях использовать лучшие соединения, лучшее оружие, лучших командиров, большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой обязан проникнуться пониманием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна послужить факелом для всего мира.

Для этого приказываю:

1. Цель наступления — посредством массированного, беспощадно и быстро проведенного каждой из атакующих армий наступательного удара из района Белгорода и южнее Орла окружить находящиеся в районе Курска силы противника и концентрированным наступлением уничтожить их. В ходе этого наступления следует выйти на укороченную и сберегающую наши силы линию фронта.<...>

2. Необходимо:

а) Как можно надежнее обеспечить внезапность и прежде всего оставить противника в неведении относительно дня наступления.

б) Как можно лучше сосредоточить наступательные силы на узком участке фронта, чтобы использовать превосходство в отдельных пунктах всех наступательных средств (танков, штурмовых орудий, артиллерии, дымовых минометов и т.д.), и одним ударом, до соединения обеих наступающих армий, прорвать фронт противника и окружить его.

в) Как можно быстрее выдвинуть из глубины наступательные штурмовые клинья с целью обеспечения флангов, чтобы самим этим клиньям оставалось только пробиваться вперед.

г) Своевременным вклинением со всех сторон в котел не давать противнику покоя и ускорить его уничтожение.

е) Провести наступление столь быстро, чтобы противник не смог ни уйти от окружения, ни подтянуть свои резервы с других фронтов.

ж) Быстрым созданием новой линии фронта своевременно высвободить силы, особенно подвижные войска, для выполнения новых задач.<...>

7. В целях сохранения тайны ознакомить с намерениями только абсолютно необходимых лиц, расширяя их круг лишь постепенно и как можно позже. На этот раз в любом случае надо добиться, чтобы в результате неосторожности или небрежности противнику не стало что-либо известно о наших намерениях.<...>

11. Для успеха наступления решающее значение имеет то, чтобы врагу не удалось своим наступлением в других местах на фронте групп армий "Юг" и "Центр" заставить нас отложить операцию "Цитадель" или преждевременно отвести в тыл предназначенные для наступления соединения.

Поэтому обе группы армий наряду с наступательным сражением "Цитадель" должны до конца месяца планомерно и всеми средствами на остальных угрожаемых участках фронта подготовить и оборонительное сражение. При этом особенно важно всячески ускорить

оборудование позиций и в достаточной мере обеспечить танкоопасные участки противотанковыми орудиями, держать наготове локальные резервы, активной разведкой распознавать особенно важные сосредоточения сил противника и т.п.<...>

Адольф Гитлер

E. von Mannstein. Verlorene Siege. Bonn. 1955.

49. "Цитадель"— последнее германское наступление на Востоке.

Из дневниковых записей генерал-фельдмаршала фон Манштейна

4.5.1943 г.

<...>Генерал-полковник Модель, [командующий 9-й армией], который должен был командовать наступлением северного крыла наших войск в операции "Цитадель", докладывал сегодня фюреру о положении на своем участке фронта и своих намерениях.<...> Он в категорической форме указал на те трудности, с которыми столкнулся ввиду наличия у противника хорошо оборудованной системы обороны. Далее он доложил о чрезвычайном усилении вражеской противотанковой обороны, а особенно — о появлении у противника новой противотанковой пушки, которая пробивает броню нашего танка "Т-IV". Между тем на проведение этого наступления ему отведено всего 6 дней.

Эти высказывания произвели на Гитлера большое впечатление. Он боялся, что наше наступление не будет иметь (или же не приобретет ее достаточно быстро) необходимой пробивной силы, чтобы привести к окружению крупных сил противника. После доклада Моделя он увидел необходимость усилить наши танковые соединения. Это можно сделать до 10 июня путем переброски танков типа "Тигр" и "Пантера", а также штурмовых орудий и одного батальона сверхтяжелых танков "Фердинанд" (конструкция концерна "Порше", вскоре показавшая себя непригодной.— Г.-А.Я.). Кроме того, получены танки "Т-IV" и штурмовые орудия "Панцершютце" (с дополнительной навесной броней.— Г.-А.Я.), чтобы должным образом противостоять новым советским противотанковым ружьям. В целом же Гитлер намерен примерно вдвое увеличить число имеющихся у нас танков.

Однако по вопросу о переносе "Цитадели" на более поздний срок фюрер захотел сначала выслушать мнение обоих командующих [группами армий]. Оба высказались против, их точку зрения разделяет и начальник [генерального] штаба [сухопутных войск] генерал Цейтцлер.

Фельдмаршал фон Клюге, [командующий группой армий "Центр"], явно чувствовавший себя обойденным из-за заслушанного непосредственно перед ним доклада Моделя, в своей темпераментной манере заявил: данные последнего о якобы имеющей глубину 20 км вражеской системе обороны преувеличены. Аэрофотоснимки фиксируют также все заброшенные окопы, оставшиеся от прежних боев. Фельдмаршал указал на то, что при дальнейшем выжидании мы можем оказаться в тылу войск противника. Дело может дойти до того, что мы будем вынуждены снимать свои войска с фронта "Цитадели". При этом он прежде всего не упускает из виду угрозу Орловской дуги.

Я тоже высказался против инициированного Гитлером переноса сроков, а именно по следующим причинам.

Увеличение числа переданных нам танков, предположительно, может быть сведено на нет ростом числа танков у советской стороны. Выпуск танков у противника составляет наверняка минимум 1500 единиц в месяц. При дальнейшем нашем выжидании пока еще ослабленные потерями в зимней кампании и недавно пережитыми поражениями, понесшие большой урон в своем боевом духе и боеспособности соединения противника смогли бы восстановить свою наступательную силу. К тому же противник получил бы время для дополнительного оборудования своих позиций. Далее, против переноса начала операции "Цитадель" говорил и тот факт, что в результате значительно возросла бы опасность для оборонительного фронта группы армий ["Юг"]. Пока же противник вести наступательные действия на Донце и Миусе еще не может. В июне же положение изменится.

Я особенно подчеркивал, что решение вопроса в значительной мере зависит от общего положения. При передвижке "Цитадели" и вероятной потере в ближайшее время Туниса возникает опасность совпадения этой операции с началом высадки [англо-американских войск] на Европейском континенте, и тогда нам придется вести решающие бои на двух фронтах. Сколь ни заманчиво дальнейшее усиление наших танковых соединений, по моему разумению, надо придерживаться прежнего ближайшего срока наступления. В случае отсрочки группе армий ["Юг"] наряду с увеличением числа танков потребовалось бы и дальнейшее увеличение числа пехотных дивизий для преодоления вражеской системы укреплений.

Свое выступление я закончил словами, что "Цитадель" явно не будет легкой операцией, но надо держаться за идею нанесения удара уже в скором времени, подобно тому как всадник "преодолевает препятствие всем сердцем". Однако сравнение это, как мне сегодня стало ясно, ничего не сказало Гитлеру: он не любил ни лошадей, ни всадников.

Начальник генерального штаба люфтваффе присоединился к мнению обоих командующих группами армий, заявив, что с точки зрения авиации, перенос "Цитадели" не дает никакой выгоды. Он подтвердил, что крупного увеличения числа боевых самолетов ожидать не приходится, а также отметил, что, судя по положению в воздухе, противник, как кажется, планирует решающее наступление на фронте группы армий "Юг".

Генерал-полковник Гудериан предложил сосредоточить все танковые силы на одном участке наступления, будь то группы армий "Центр" или "Юг".

Затем Гитлер повторил еще раз свои аргументы в пользу отсрочки наступления до 10 июня. Насчет увеличения числа танков у обеих сторон он сказал, что возможное количественное превосходство в танках у советской стороны может быть ликвидировано техническим превосходством дополнительно выделенных "Тигров", "Пантер" и "Фердинандов". Новых же пехотных дивизий он дать не может, ибо их у него нет.

Относительно опасности, что при своем переносе "Цитадель" при определенных условиях могла бы совпасть с вражеской высадкой на континенте, он заметил: в результате прибытия транспортов с зенитными орудиями и переправочными средствами подвоз техники в Тунис сохраняется и мы можем там закрепиться. Даже при потере Туниса противнику потребовалось бы от шести до восьми недель, прежде чем он смог бы осуществить высадку. Следовательно, ожидать ее раньше середины июня нечего.

В заключение Гитлер заявил, что хочет еще раз обдумать вопрос о скорейшем проведении или переносе "Цитадели", и разрешил нам вернуться в свои ставки.<...>

1.7.1943 г.

<...>На совещании, на котором, как всегда в такой аудитории, был заслушан доклад Гитлера, он объявил свое окончательное решение: операция "Цитадель" будет проведена, наступление начнется 5 июля.

Сначала Гитлер подробно обосновал имевшую место отсрочку. Она была необходима для освежения личного состава и техники предназначенных для наступления соединений. Теперь они полностью укомплектованы. В отношении техники мы первый раз превосходим Советы по танкам.

По-новому и после его прежних высказываний не очень-то убедительно прозвучало утверждение Гитлера, что при переносе удара на более ранний срок возгласы Советов о помощи привели бы к ускорению высадки западных держав в районе Средиземного моря. Мы же со своей стороны ничего этому противопоставить не смогли бы, а на сопротивление итальянцев рассчитывать было бы нельзя.

На Балканах противник нашел поддержку у местных народов. Теперь же критическая фаза в значительной мере преодолена. Мы имеем в Сардинии, на Сицилии и на Пелопоннесе, а также на Крите более или менее достаточные силы.<...>

Свое решение все же провести операцию "Цитадель" Гитлер удачно обосновал тем, что мы не можем ждать, пока противник — может быть, зимой, а может, и после создания второго фронта — перейдет в наступление. К тому же одержанный вскоре успех наступления, ведущий к прорыву обороны противника, желателен с точки зрения его воздействия на наших союзников и на наш тыл.<...>

Он утверждал: дабы правильно оценить нынешнее положение, надо вспомнить, что положение в 1936 г. (занятие Рейнской области.— Г.-А.Я.), в 1938 г. (Австрия.— Г.-А.Я.), а также в 1939 г. и 1940 г. было куда более угрожающим. Теперь задача в том, чтобы защитить Европу на ее границах, имея в виду итальянские острова и Балканы. Сдача их, как и Донецкого бассейна, недопустима. А в остальном он смотрит на все вполне уверенно. Американские газеты вычислили потери гражданского населения Советского Союза: включая потери от голода, они составляют 30 миллионов человек. Он считает, что Советы потеряли от 12 до 14 миллионов годных к военной службе. При таких потерях и продовольственных трудностях противник должен однажды сломаться или, как в Китае, впасть в агонию.

<...>Гитлер заявил, что ни о каких обещаниях отдельным советским народам во время войны не может быть и речи, так как это плохо сказалось бы на наших собственных солдатах, которые должны знать, что они воюют за жизненное пространство для своих детей и внуков. Ошибкой в первой мировой войне было то, что тогда мы не имели цели.<...>

E. von Mannstein. Verlorene Siege.

50. Манифест Национального комитета "Свободная Германия" "К вермахту и немецкому народу!"

13 июля 1943 г.

События требуют от нас, немцев, немедленного решения. В этот час величайшей опасности для существования Германии и ее будущего создан Национальный комитет "Свободная Германия".

В состав Национального комитета входят рабочие и писатели, солдаты и офицеры, профсоюзные деятели и политики, люди всех политических и мировоззренческих направлений, которые еще год назад считали такое объединение невозможным.

Национальный комитет выражает мысли и волю миллионов немцев на фронте и в тылу, которым дорога судьба их отечества.

Национальный комитет считает себя имеющим право и обязанность в этот судьбоносный час говорить от имени всего немецкого народа, ясно и беспощадно, как того требует положение.

Гитлер ведет Германию к гибели.

На фронтах:

Вот уже семь месяцев — поражения, не знающие примера в германской истории. Сталинград, Дон, Кавказ, Ливия, Тунис. Гитлер — вот кто несет ответственность за все эти поражения. Он все еще стоит во главе вооруженных сил рейха. На растянутой на тысячи километров линии фронта ведут сейчас бои германские армии, вдали от своей родины, опираясь на союзников, боевая ценность и надежность которых были сомнительны с самого начала, и подвергаясь ударам с каждой неделей усиливающейся коалиции армий Англии и Америки — у ворот Европы. Скоро Германии придется сражаться, одновременно отбивая удары со всех сторон света. Ослабленный германский вермахт, все теснее окружаемый превосходящим по силе противником, не будет и не сможет долго держаться. День краха приближается!

В тылу:

Сама Германия стала ныне театром военных действий. Города, промышленные центры и верфи разрушаются все больше и больше. Наши матери, жены и дети лишаются своего очага и добра. Свободное крестьянство не имеет никаких прав. Тотальная мобилизация разоряет ремесленников и лиц, занимающихся промыслами, отнимает у трудового народа его последние здоровые силы.

Многие годы Гитлер, не спросив народ, готовил эту захватническую войну. Гитлер политически изолировал Германию. Он бессовестно спровоцировал против нее три самые мощные державы в мире и сплотил их для беспощадной войны против гитлеровского режима. Он превратил всю Европу во врага немецкого народа и запятнал его честь. Это он несет ответственность за ту ненависть, которая окружает сегодня Германию.

Ни один внешний враг никогда не ввергал нас в такое глубокое горе, как Гитлер.

Факты доказывают: война проиграна. Германия может только затягивать ее ценой неизмеримых жертв и лишений. Дальнейшее продолжение бесперспективной войны означало бы конец нации.

Но Германия не должна погибнуть! Дело идет сейчас о том, быть или не быть нашему отечеству.

Если немецкий народ и дальше будет безвольно и без сопротивления позволять вести себя в пучину гибели, то с каждым днем войны он будет становиться не только все слабее и бессильнее, но и все виновнее. Тогда Гитлер будет свергнут только оружием коалиции. Это означало бы конец нашей национальной свободы и нашего государства. И нам некого было бы тогда обвинять в этом, кроме самих себя.

Но если немецкий народ одумается вовремя и своими делами докажет, что хочет быть свободным народом и полон решимости освободить Германию от Гитлера, он завоюет себе право самому определять свою будущую судьбу и быть выслушанным всем остальным миром. Это — единственный путь к спасению существования, свободы и чести немецкой нации!

Немецкий народ нуждается в мире и хочет его незамедлительно.

Но с Гитлером никто мира не заключит. Да никто и не пойдет на переговоры с ним. Поэтому образование истинно германского правительства — неотложнейшая задача нашего народа. Только оно будет пользоваться доверием народа и его бывших противников. Только оно сможет принести мир.

Такое правительство должно быть сильным и иметь в своем распоряжении необходимые средства власти, чтобы обезвредить врагов народа, Гитлера с его покровителями и фаворитами, беспощадно покончить с террором и коррупцией, создать твердый порядок и достойно представлять Германию на международной арене. Оно может родиться только из борьбы за свободу всех слоев народа, опираясь на боевые группы, которые возникнут для борьбы против Гитлера. При этом решающую роль в армии должны играть силы, преданные народу и отечеству.

Такое правительство должно тотчас же прекратить войну, отвести германские войска на границу рейха и начать мирные переговоры, отказавшись от всех захваченных областей. Так будет достигнут мир, а Германия вернется в сообщество равноправных народов. Только оно даст немецкому народу возможность в условиях мира свободно провозгласить свою волю и суверенно установить свой государственный строй.

Цель такова: свободная Германия.

Это означает:

Сильная демократическая государственная власть, не имеющая ничего общего с бессилием веймарского режима, демократия, которая беспощадно, еще в зародыше, подавит любое возрождение заговоров против права народа на свободу или против мира в Европе.

Полная ликвидация всех законов, основанных на ненависти к другим народам и расам, всех бесчестящих народ учреждений гитлеровского режима, отмена всех направленных против человеческого достоинства принудительных законов гитлеровского времени.

Восстановление и расширение политических прав и социальных завоеваний трудящихся. Свобода слова, печати, организаций, совести и вероисповедания.

Свобода хозяйства, торговли и ремесла. Гарантирование права на труд и на законно приобретенную собственность, возврат награбленного национал-социалистскими правителями имущества его собственникам, конфискация состояний виновников войны и лиц, нажившихся на ней, товарообмен с другими странами как здоровая основа обеспеченного национального благосостояния.

Немедленное освобождение всех жертв гитлеровского режима и выплата им материальной компенсации. Справедливый, беспощадный суд над военными преступниками, над заправилками, над их закулисными лицами и пособниками, ввергнувшими Германию в пучину гибели, сделавшими ее виновной и обрекшими ее на позор. Вместе с тем амнистия всем тем сторонникам Гитлера, которые вовремя своими делами отрекутся от него и примкнут к движению за свободную Германию.

Вперед, немцы, на борьбу за свободную Германию!

Мы знаем, жертвы неизбежны. Но они будут тем меньше, чем решительнее будет вестись борьба против Гитлера. Жертвы в борьбе за освобождение Германии будут в тысячу раз меньше, чем те бессмысленные жертвы, которых потребует продолжение войны.

Немецкие солдаты и офицеры на всех фронтах!

У вас в руках оружие! Не выпускайте его из рук! Под руководством сознающих свою ответственность командиров, которые едины с нами в борьбе против Гитлера, проложите себе путь на родину, путь к миру!

Трудящиеся мужчины и женщины в тылу!

Вас — большинство! Превратите его своей организацией в ударную силу! Создавайте боевые группы и на предприятиях, в деревне, в трудовом лагере, в высшей школе — повсюду, где вы собираетесь вместе. Не следуйте больше за Гитлером! Не давайте больше злоупотреблять вами для затягивания войны. Боритесь всеми средствами, каждый — по-своему, на своем месте в общественной, государственной и хозяйственной жизни.

Наша история дает нам великие образцы. 130 лет назад, когда германские войска еще стояли как враги на русской земле (на стороне Наполеона.— *Пер.*), лучшие немцы фон Штейн, Арндт, Клаузевиц, Йорк и другие (деятели германского национально-освободительного движения против наполеоновского господства.— *Пер.*) обратились из России через головы ведущих предательскую

политику властителей, воззвали к совести немецкого народа и призывали его к освободительной борьбе. Подобно им мы отдадим все свои силы и даже жизнь, предпримем все для того, чтобы освободительная борьба нашего народа развернулась и ускорила свержение Гитлера.

Борьба за свободную Германию требует мужества, энергии и решительности. Прежде всего — мужества. Время не ждет! Необходимо действовать быстро. Тот, кто из страха, малодушия или слепого повиновения идет и дальше с Гитлером, — тот действует как трус и помогает ввергать Германию в национальную катастрофу. Но тот, кто ставит веление нации превыше приказа "фюрера" и отдает свою жизнь и свою совесть служению народу, действует отважно и помогает своему отечеству выбраться из глубочайшего позора.

За народ и отечество! Против Гитлера и его войны!

За немедленный мир!

За спасение немецкого народа!

За свободную, независимую Германию!

Национальный комитет "Свободная Германия"

E. Weinert. Das Nationalkomitee "Freies Deutschland". 1943 — 1945. Berlin. 1957.

51*. Письмо президента "Союза немецких офицеров"
генерала артиллерии фон Зейдлица командующему 9-й армией
генерал-полковнику Моделю

(Октябрь 1943 г.)

(Листовка)

Глубокоуважаемый господин Модель!

Как командующий 9-й армией вы в своем приказе от 16.9.1943 г. предпринимаете попытку объяснить отступление Восточной армии и поставить задачи на будущее. Однако противоречия в вашем изложении столь очевидны, что я не могу избавиться от впечатления, что здесь, несмотря на ваше более глубокое понимание ситуации, представлена иная точка зрения, ибо даваемое вами обоснование противоречит в ней столь часто доказанной вами способности видеть вещи ясно и без самообмана. Прошедшие со времени составления этого приказа несколько недель доказали несостоятельность вашего обоснования.

Как это часто бывает в военной истории, а также и в ходе данной войны, базирующееся на неправильной оценке решение высшего командования оплачено кровью многих немцев. О том свидетельствуют Сталинград, Дон, Кавказ, Африка, провал летнего

наступления нынешнего года, а прежде всего — широко задуманное русское наступление. Как видно, германское высшее командование дошло до того, что ставит на карту само существование немецкого народа.

Это и побудило меня высказать свое мнение о вашем приказе.

Вы утверждаете, что любой выигрыш времени — на пользу Германии. Этот взгляд легко опровергнуть. У противников времени больше, чем у нас. Ведь это факт, что наши противники за последний год стали несравнимо сильнее, а мы — несравнимо слабее. Если в истории со Сталинградом еще можно было придерживаться мнения, что речь идет о невезении, какое бывает в любой войне, то последний год показал, что Германия постоянно катится по наклонной плоскости на всех фронтах. Непрерывная цепь поражений — не случайное явление. Оно проистекает из прогрессирующего и все более угрожающего истощения германских сил, между тем как резервы наших противников еще не исчерпаны. Как обстоит дело с резервами, которые гитлеровское правительство в ходе тотальной мобилизации выжимает из нашего народа, вы знаете сами. С другой стороны, благодаря "гибкой обороне" Красная Армия ослаблена столь мало, что теперь может вести свое наступление усиленным образом.

Столь же легко опровергнуть и вашу ссылку на преимущество большого пространства для германской стороны. Никто не может оспаривать утверждение, что в первые годы вермахт захватил русский простор ценой неслыханных жертв и крови, потери огромных ценностей. Кроме того, важнейшее преимущество большого пространства отпадает, если не иметь достаточных резервов.

Своим утверждением, что отступление Восточной армии стало необходимым в результате угрозы высадки американо-английских войск [на Европейском континенте], т.е. еще до того, как возник второй фронт, вы сами признаете, сколь бесперспективно стало положение для Германии. А что же будет, когда война на многих фронтах станет реальностью?

Верно говорят, что путь в рейх дорого обойдется русским войскам. Но германское войско, сражающееся на Востоке, понесет еще более тяжкие жертвы.

Русским возместить свои потери будет легче, а вот нам — все труднее. Есть опасность, что война проложит себе путь к рейху. Германский вермахт может эту опасность устранить, но не продолжением ставшей бесперспективной и противоречащей здравому смыслу войны, а отказом от повиновения Адольфу Гитлеру.

Доверие к нынешнему германскому политическому и военному руководству уже поколеблено сильнейшим образом и, как мы убеждены, также и у вас лично, господин генерал-полковник. Все надежды на непогрешимость Адольфа Гитлера привели к страшному разочарованию. Если вермахт будет держаться за него и дальше, будущее Германии — неутешительно и внушает отчаяние.

После опыта последних двух месяцев весьма сомнительно, способен ли вермахт, как вы утверждаете, в любое время стабилизировать линию фронта. Днепр уже форсирован русскими в нескольких местах. За германским восточным войском никаких резервов, которые могли бы существенно изменить положение, нет. Оно стоит перед лицом угрожающей зимы и опасности уничтожения материальной и живой силы.

Катастрофическим развитием военной и политической обстановки Германия обязана исключительно безраздельному и диктаторскому руководству Адольфа Гитлера. Требовать от немецких солдат доверия к такому "мудрому" руководству — просто наглость. Вы часто доказывали свою способность к ясному осознанию действительности. Вы, как я убежден, также осознали, что Адольф Гитлер войну выиграть уже не может, а способен лишь без всякого смысла затягивать ее, ибо испытывает ужас перед ее концом. А то, что Германия от недели к неделе испытывает все больший ужас перед необходимостью жертвовать своими людьми, на него никакого впечатления не производит.

Поэтому, господин генерал-полковник, действуйте в соответствии с вашим пониманием вещей. Как и все мы, командующие соединениями и частями германского вермахта, вы несете всю тяжесть ответственности за судьбу Германии. Заставьте Адольфа Гитлера уйти в отставку! Покиньте русскую землю и отведите Восточную армию назад на германские границы! Таким решением вы создали бы политические предпосылки для почетного мира, который даст немецкому народу права свободной нации. Такое деяние при условии окончания войны возымеет решающее значение для дальнейшей судьбы Германии. Это — больше, чем то, на что мы можем надеяться в нашем сегодняшнем положении.

Но все будет потеряно и всякая надежда исчезнет, если Адольф Гитлер с вашей помощью сможет продолжать войну и, как и прежде, увлекать немецкий народ за собой в неминуемую пропасть.

*фон Зейдлиц,
генерал артиллерии,
председатель "Союза немецких
офицеров".*

52. Стратегическое положение на пятом году войны

Из доклада начальника штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковника Альфреда Йодля на совещании рейхсляйтеров и гауляйтеров в Мюнхене 7 ноября 1943 г.

<...>Рейхсляйтер Борман попросил меня сделать сегодня вам обзор стратегического положения к началу пятого года войны. Должен сознаться, я не без колебаний согласился выполнить эту нелегкую задачу. Тут общими словами не отделаешься. Не надо говорить о том, что еще должно быть, но надо откровенно сказать о том, что есть. Никто, так приказал фюрер, не должен знать и узнавать больше, чем это необходимо ему для выполнения своих задач. Но мне ясно, что вам, господа, надо знать очень многое, чтобы быть на уровне ваших задач. В ваших гау и среди вашего населения концентрируется все то, что пытается широко распространять среди нашего народа вражеская пропаганда: малодушие, злонамеренные слухи и т.п. То тут, то там дает о себе знать дьявол разложения. Все трусы ищут выхода или, как они говорят, политического решения. Они говорят: надо повести переговоры, пока еще не разрушена наша субстанция, и при помощи всех этих громких слов ведется бурное наступление на естественное ощущение нашим народом того факта, что в этой войне есть только борьба до последнего. Капитуляция — это конец нации, это конец Германии. Против этой волны вражеской пропаганды и трусости вам нужна не только сила, но и нечто большее. Вам нужно знание действительного положения, а потому я полагаю, что могу взять на себя ответственность дать совершенно откровенную и неприукрашенную картину нынешней обстановки. Это отнюдь не запрещенное разглашение тайны, а орудие, которое, вероятно, может помочь вам укрепить позицию народа. Ведь исход этой войны решается не только оружием, но и волей всего народа к пониманию ее задач.

Ке Как и СССР: 94 баз водам - русским
Германия была разбита в 1918 г. не на фронте, а в тылу, Италия разгромлена сейчас не военным образом, а моральным. Она рухнула изнутри. Результат — нежелаемый мир; нет, в результате преступления этих предателей на долю итальянского народа выпала судьба в тысячу раз тяжелее, чем продолжение войны на нашей стороне.<...>

Идеи СССР - Гитлер - Свобода
Необходимость и целеустановка этой войны были понятны каждому еще тогда, когда мы вступили в великогерманскую освободительную борьбу и своим агрессивным ведением войны воспрепятствовали той опасности, которая столь зримо грозила нам со стороны Польши и западных держав. Вторжение в скандинавское пространство, рывок к Средиземному морю и нападение на Россию не вызывали никакого сомнения в правильности ведения войны до

тех пор, пока мы побеждали. И только в связи с усиливающимся обострением нашего положения в целом в немецком народе стали звучать вопросы, уж не перехватили ли мы и не слишком ли большие цели поставили перед собой.

I. Ретроспективный взгляд. *к-е. Крак СССР*

1. О том, что национал-социалистское движение и его борьба за власть внутри страны являлись предварительной ступенью внешне-неполитического освобождения от оков версальского диктата, в этом кругу мне говорить нет надобности. Но я ощущаю внутреннюю потребность сказать, что все дальновидные кадровые военные ясно видят, какую значительную роль сыграло национал-социалистское движение в пробуждении вновь воли к воссозданию военной мощи, в культивировании военной силы и новом вооружении немецкого народа. Однако небольшой рейхсвер при всех его достоинствах не был способен разрешить эту огромную задачу из-за отсутствия возможностей широкого развития. Теперь же произошел тот синтез обеих сил, к которому стремился и который столь счастливым образом осуществил фюрер.

2. С приходом [нацистов] к власти обозначаются прежде всего возвращение военной суверенности (всеобщая воинская повинность, занятие Рейнской области) и начало нового вооружения; особое значение приобретает создание современных танковых сил и люфтваффе.

3. Аншлюс Австрии принес не только осуществление старой национальной цели, но и наряду с возрастанием нашей военной силы значительное улучшение нашего стратегического положения. Если до тех пор чехословацкий район угрожавшим образом вклинивался в территорию Германии (служа осиным гнездом для Франции и авиационной базой для союзников, особенно для России), то теперь Чехия оказалась зажатой в клещи. Ее собственное стратегическое положение стало настолько неблагоприятным, что она должна была пасть жертвой энергичного нападения раньше, чем получит действительную помощь от Запада.

Эта возможность для Запада оказать помощь Чехословакии затруднялась, кроме того, строительством Западного вала, который в противоположность линии Мажино был задуман не как маложизнеспособная и примирившаяся с судьбой оборонительная мера, а как прикрытие с тыла нашей активной политики на Востоке.

4. Бескровное урегулирование чешского конфликта осенью 1938 г. и весной 1939 г., а также присоединение Словакии настолько округлило великогерманское пространство, что возникла возможность иметь в виду также (при более или менее благоприятных стратегических условиях) решение польской проблемы.

5. Таким образом, я подошел к собственно началу нынешней войны. Прежде всего возникает вопрос, был ли удачно выбран момент для непосредственного столкновения с Польшей. Ответ на этот вопрос тем более несомненен потому, что все еще заставлявший считаться с собой противник был сломлен неожиданно быстро, а дружественные ему западные державы, хотя и объявили нам войну и создали второй фронт, не использовали имевшуюся у них возможность выбить инициативу из наших рук. О ходе Польской кампании достаточно сказать лишь то, что она (а это отнюдь не было ясно с самого начала!) показала мощь молодого великогерманского вермахта в такой мере, что весь мир затаил дыхание.

6. Главный результат этого успеха заключался, однако, в том, что восточного противника больше не существовало и проблема второго фронта на основании соглашений с Россией поначалу могла рассматриваться как решенная раз и навсегда.

7. Тем самым центр тяжести ведения войны естественным образом переместился на Запад, где в качестве самой первоочередной задачи вырисовалась защита Рурской области от вторжения англичан и французов в Голландию. Еще до завершения польского похода фюрер принял решение о нападении на этого врага; целью нападения могло быть только его полное сокрушение. То, что это решение не было (как первоначально предусматривалось) осуществлено еще поздней осенью 1939 г., объясняется преимущественно погодными условиями, а частично и состоянием нашего вооружения.

8. Однако тем временем выдвинулась еще одна подлежавшая решению проблема: захват Норвегии и Дании.<...> Ход и результат этой кампании известны. Она была в основном закончена столь своевременно, что можно было осуществить Западную кампанию с наступлением благоприятного времени года — в мае 1940 г.

9. Ошеломляющий успех этой кампании улучшил наши позиции самым благоприятным образом. Мы получили в свои руки не только французский военный потенциал, который призван сослужить нам большую службу в дальнейшем ходе войны, но и прежде всего Атлантическое побережье с его военными портами и военно-воздушными базами. А это дало возможность непосредственно угрожать английской метрополии. Тут возникает вопрос: должны ли были мы высадкой крупного масштаба перенести войну на территорию самой Англии? Точно так же (учитывая возможное вступление в войну Соединенных Штатов Америки) следовало взвесить возможность захвата ряда передовых опорных пунктов в Атлантике (например, Исландии и Азорских островов, на которые тем временем наложил свою руку противник). С этих островов мы могли бы как с особым натиском вести борьбу против английского снабжения морем, так и оборонять европейское пространство подобно тому, как охраняет Великую Восточную Азию Япония на

далеко выдвинутых вперед островах в Тихом океане. В разумном самоограничении фюрер этими целями пренебрег.<...> Они бы потребовали столь большого напряжения сил, выдержать которое длительное время наше морское и воздушное вооружение еще не было способно.

10. Вместо того зимой 1940/41 г. возникла другая возможность для борьбы с Англией. Если чисто внешне это происходило только в форме помощи нашему итальянскому союзнику в Северной Африке, то в конечном счете речь шла о борьбе против английского господства на Средиземном море, означавшего сильную угрозу южному флангу Европейского континента.

По мере того как все отчетливее проявлялись слабости и несостоятельность Италии, Северная Африка становилась германским театром войны.<...>

11. Менее желательной была необходимость нашей союзнической помощи на Балканах, где итальянцы выкинули свой экстратур против Греции, хотя наступление, которое они начали в октябре 1940 г. из Албании совершенно недостаточными силами, противоречило всем договоренностям. В конце концов оно привело с нашей стороны к такому решению, которое с точки зрения перспективы было раньше или позже необходимым. Запланированное наступление на Грецию с севера играло роль не только союзнической помощи. Оно призвано было не допустить, чтобы Англия укрепилась в Греции и оттуда угрожала нашим румынским нефтяным районам.

12. Одновременно росло осознание все более приближающейся опасности с большевистского Востока, которую в Германии видели слишком мало и из дипломатических соображений до последнего момента сознательно замалчивали. Однако сам фюрер эту опасность постоянно из виду не упускал. Уже во время Западной кампании он изложил свое основополагающее решение: энергично приняться за устранение этой опасности лишь только это как-то позволит наше военное положение.<...>

13. После интермедии с переворотом в Югославии и примыкающего к нему похода на Балканы, а также захвата Крита это решение было проведено в жизнь. Осуществление его неизбежно должно было привести к глубокому проникновению в русское пространство, что несло с собой опасности, которые не имели столь ясно выраженного характера в предшествующих кампаниях.

14. Хотя нам ни в 1941, ни в 1942 г. не удалось полностью уничтожить вооруженную силу этого противника и тем самым поставить Россию на колени, все же следует считать нашим позитивным результатом то, что большевистская опасность отброшена далеко от наших границ.

2009509

Если сегодня, учитывая неоднократные и продолжающиеся в 1943 г. отступления, вновь и вновь возникает вопрос, не недооценили ли мы в принципе силу противника, то в отношении отдельных этапов операций на этот вопрос следует ответить утвердительно. Но на решение о нападении на [СССР] и на его постоянное соблюдение в целом это сомнение не распространяется. Точно так же как и политика, ведение войны состоит не только из арифметических задачек, и важнейший опыт всех войн говорит о том, что правильная оценка противника принадлежит к тяжелейшим из тяжелых решений; здесь многое еще зависит от вещей, не поддающихся предварительному расчету, а выясняется это только в ходе самой борьбы.

Решающую ясность вносит то, что наступательным продвижением в глубь русского пространства мы определили не только людские резервы противника, но и техническое состояние его вооружения. Это вынудило нас к проведению тотальной войны и к таким техническим контрдействиям, на которые мы по собственной инициативе едва ли были бы способны. Можно лишь с некоторым содроганием думать о том, что произошло бы, если бы мы выжидательно стояли перед лицом этой опасности и рано или поздно были бы сметены ею.<...>

15. Еще раз кратко подытожу ход крупных военных событий до осени 1943 г.

Оба первых военных года [1939 — 1941 гг.] — это почти беспрецедентный триумф Германии и ее будущих союзников. Походы в Польшу, Норвегию, Францию, Северную Африку, на Балканы и нападение на Россию с продвижением до Донца, до самых ворот Москвы и на Волхове создали для обороны Европы широкое предполье, а благодаря захвату и обеспечению богатых источников сырья и продовольствия — предпосылки для ведения войны длительное время. Превосходящее командование, лучшее применение современных боевых средств, превосходство авиации и на редкость высокие боеспособность и боевой дух наших войск по сравнению со всеми этими более слабыми противниками — вот что привело к этим победам. В этот временной отрезок войны, когда наше неоспоримое превосходство на суше и в воздухе смогло даже компенсировать наше безнадежное отставание на море (хотя бы в прибрежных водах), пальма первенства в последнем рывке к ней не досталась нам.

На высадку в Англии, продуманную до последних деталей, при помощи импровизированных переправочных средств мы не могли рискнуть до тех пор, пока не было полностью ликвидировано британское господство в воздухе. Это удалось нам столь же мало,

как и полное уничтожение советской военной силы. Будущие поколения не смогут упрекнуть нас в том, будто бы для достижения этой цели, решающей исход войны, мы не шли на самые крайние меры и не приложили всех своих сил.

Но на риск того, чтобы германская люфтваффе полностью истекла кровью в борьбе в небе Англии, учитывая предстоящую борьбу против Советской России, никто пойти не смог.

Однако на Востоке стихийное бедствие зимы 1941 г. властно воспрепятствовало даже самой сильной воле, заставив нас остановиться.

Тем самым стало ясно, что на быстрое окончание войны рассчитывать более не приходится, что нам предстоит суровые и тяжелые времена и всему народу придется приложить немалые усилия. Ведь любое наступление, не приведшее к перемирию или миру, говорит Клаузевиц, неизбежно должно закончиться обороной.

После первых неудач на Восточном фронте и на Северо-Африканском театре войны зимой 1941 г. рейх и его союзники еще раз собрали в кулак все свои силы, чтобы окончательно разбить новый натиск восточного противника, а также отнять у англичан их египетскую операционную базу. Крупные операции против Кавказа и против дельты Нила провалились из-за нехватки сил и недостаточного снабжения. Впервые на Средиземном море проявилось техническое и численное превосходство наших западных противников в воздухе. Советскому командованию удалось остановить фронт под Сталинградом и в предгорьях Кавказа, а затем зимой с вновь созданными сильными резервами прорвать застывший и слишком растянутый, большей частью занимаемый нашими союзниками фронт на Волге и на Дону. Состоящая из лучших немецких соединений 6-я армия уступила вражескому превосходству в силах, оставшись при леденящих душу морозах без достаточного снабжения.

<...> Военная сила Германии и ее союзников на исходе зимних боев 1942/1943 г. и после потери Африканской армии [Роммеля] оказалась в состоянии чрезвычайного напряжения. Правда, 5-ю танковую и 6-ю армии удалось сформировать снова, но четырех союзных армий мы лишились. Хотя оперативные резервы на Востоке удалось превосходно вооружить, численность их уже не смогла быть увеличена для проведения операций широкого размаха. Были потеряны большая подвижность сухопутных войск и, не говоря о русском фронте, также превосходство в воздухе. Стали заметны превосходящая промышленная сила наших противников и их гораздо больший человеческий резервуар в Европе.<...> Вполне естественно, инициатива перешла в руки противника, а рейх и сражающиеся на его стороне европейские нации оказались в обороне.

После того как выдвинутые на юг, за пределы европейского фронта, позиции были взяты противником, в июле 1943 г. началось вражеское наступление на Востоке с целью возвращения потерянных областей, а на юге континента — против собственно "Крепости Европа", причем в ее самом слабом месте. В это же время англо-американская авиация совершила крупный налет на производственные объекты в Германии, стремясь также подорвать моральное состояние немецкого народа.<...>

В заключение, характеризуя наше положение в целом, хочу со всей откровенностью назвать его трудным и никоим образом не могу умолчать о том, что считаю возможными дальнейшие тяжелые кризисы.<...>

Мы победим потому, что должны победить, ибо иначе вся мировая история потеряла бы свой смысл.

IMT. Dok. L-172.

53. Телеграмма командующего оккупационными войсками во Франции генерал-фельдмаршала Роммеля Гитлеру о положении на фронте вторжения англо-американских войск от 15 июля 1944 г.

Положение на фронте в Нормандии становится с каждым днем все труднее, оно приближается к тяжелому кризису.

Собственные потери при такой ожесточенности боев, чрезвычайно сильном использовании противником техники, особенно артиллерии и танков, а также при таком массированном воздействии господствующей над всем этим районом вражеской авиации настолько велики, что боеспособность дивизий быстро падает. Пополнение из тыла приходит очень скупо и при трудном положении с транспортом доходит до фронта только через несколько недель. Потеряно около 97 000 человек, из них — 2160 офицеров, в том числе 28 генералов и 354 командира частей, т.е. в среднем в день от 2500 до 3000 человек, при полученном на сегодняшний день пополнении численностью всего 6000 человек. Чрезвычайно велики и потери техники, замена же ее происходит в малом объеме — например, из 225 танков пока всего 17.

Вновь подброшенные дивизии к боевым действиям непривычны и при незначительном оснащении артиллерией, противотанковым оружием и средствами борьбы против танков не в состоянии долгое время успешно отражать крупные вражеские атаки, осуществляемые после ураганного артогня и сильных налетов бомбардировщиков. Как показали бои, при таком применении противником техники "поштучно" разбивается даже самое храброе войско.

Со снабжением войск, ввиду разрушения железнодорожных путей, большой угрозы шоссейным и грунтовым дорогам на глубину до 150 км от линии фронта со стороны вражеской авиации, дело обстоит настолько плохо, что подвозить удастся только самое необходимое, в результате чего приходится крайне экономить артиллерийские и минометные боеприпасы.

Новые более или менее крупные силы фронту в Нормандии подброшены быть не могут. У вражеской стороны на фронт каждый день прибывают новые войска и масса военных материалов. Снабжению противника наша авиация помешать не в состоянии. Вражеский нажим становится день ото дня все сильнее.

При этих условиях следует считаться с возможностью того, что врагу в обозримый период времени — от 14 дней до 3 недель — удастся прорвать нашу тонкую линию фронта, прежде всего в полосе 7-й армии, и вырваться на оперативный простор Франции. Последствия — непредсказуемы.

Войска повсюду сражаются героически, однако неравная борьба идет к концу. Должен просить вас сделать выводы из этого положения незамедлительно. Как командующий группой армий чувствую себя обязанным высказать это ясно.

Роммель, генерал-фельдмаршал.

H. Speidel. Invasion 1944. Tübingen — Stuttgart. 1949.

54. Из выступления рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в Познани 3 августа 1944 г. после разгрома на Востоке группы армий "Центр"

<...> Кое-что нам было ясно и раньше. Через эти штабы в 1941, 1942 и 1943 гг. постоянно сверху донизу в войска проникал растущий дух пораженчества. Фронт на Востоке был здоровым. Но когда какой-нибудь бравый командир прибывал в этот штаб с передовой, к нему подходил начальник штаба (во многих случаях — член не распущенной нами в 1933/34 г. масонской ложи "Шлиффеновское объединение") и с озабоченным лицом, наморщив лоб, для подкрепления боевого духа этого солдата-фронтовика подводил его к карте с нанесенной обстановкой и разъяснял ему, насколько тяжелым, критическим стало нынешнее положение и каково было исходное. И все это, знаете ли, в таких деликатных выражениях, что им просто место в толковом словаре. Так вот, он разъясняет ему, как, собственно, если придерживаться тактических соображений, должна была бы проходить линия фронта, но, к сожалению — ах, к сожалению! (об этом, разумеется, нельзя говорить вслух,

ведь это приказ ставки), — сделано это вопреки всем разумным военным правилам, которыми мы так хорошо владеем; но совершенно ясно, что делать это было никак нельзя, но мы же солдаты, мы подчиняемся.<...>

Понимание долга именно в штабах во многих случаях было катастрофическим. Я говорю для офицерского корпуса совершенно открыто, что отныне буду привлекать за это к ответственности, буду воспитывать.<...>

Если посмотреть на аэрофотоснимки, мы сразу сможем сказать: вот это — русские позиции, а это — немецкие! Немецкие — это те, где только одни стрелковые ячейки. Потому что господа офицеры в это время пребывают в деревне. в русских домах, живут с русскими женщинами, а вовсе не находятся на передовой со своими людьми. Ну, а если офицер не на переднем крае, то и рядовой — тоже. Солдаты его зарылись в несколько одиночных ячеек, потом русские начинают артподготовку, и всё — и люди, и автомашины, и танки — накрыто этим артогнем, а потом русские наносят свой удар. А у солдата даже нет заранее отрытой противотанковой щели! Само собой разумеется, его сминают или же он, в лучшем случае, драпает оттуда. Ему приказано удирать, ведь в ячейке он ничего сделать не может. Ну, а затем следует прорыв. С большим трудом то там, то тут нам удастся заутюжить дыру. Это еще удавалось нам в 1941/42 г., иногда даже в 1943-м, пока пехота имела силы. Но это стоило нам массы бесполезно потерянных людей. А потом люди опять залезали в окопы.

С русским населением, если вместе с ним жили и развлекались, обращаться сурово уже не могли. Когда мы говорим: давайте сюда русских баб, пусть они копают для нас позиции, в ответ слышали: не можем же мы так обращаться с женщинами этого народа! Когда я однажды в Мариуполе спросил: а почему вы не приведете в порядок дорогу в Таганрог, она же просто в свинском состоянии, здесь любой автомашине — капут, мне отвечали: да, конечно, надо бы, только у нас рабочей силы нет. Да у вас же целый город Мариуполь, полный людей, берите их! Мне опять отвечают: а кто же должен организовать снабжение продовольствием? Я говорю: вы что думаете, его вам организуют русские? Тут уж я не выдерживаю: вызывайте сейчас же старосту или [немецкого] комиссара этого города и прикажите, чтобы завтра рано утром, в 6.00, здесь было 10 000 женщин и мужчин с лопатами и кирками. А если они не явятся, я вас самих загоню в Сибирь, в лагерь на Ледовитом океане и еще куда подальше! Они сразу будут тут как тут. Этим бабам надо только сказать: вот здесь ройте пулеметное гнездо, сделать надо то-то и то-то.<...>

55. Указ Гитлера о создании германского фольксштурма от 25 сентября 1944 г.

После пятилетней тяжелейшей борьбы, в результате несостоятельности всех наших европейских союзников, противник на некоторых фронтах стоит вблизи германских границ или на них самих. Он напрягает все свои силы, чтобы разгромить наш рейх, уничтожить немецкий народ и его социальный строй. Его конечная цель — уничтожение германского человека.

Как и осенью 1939 г., мы снова совершенно одни противостоим фронту наших врагов. За небольшой срок нам удалось первым крупным использованием нашей немецкой народной силы решить важнейшие военные проблемы рейха, а тем самым и всей Европы на многие годы.

В то время как противник считает, что он уже может нанести нам последний удар, мы полны решимости осуществить второе крупное использование всех сил нашего народа. Нам должно удался, и нам удастся, как в 1939 — 1941 гг., полагаясь исключительно на нашу собственную силу, не только сломить стремление врага к нашему уничтожению, но и снова отбросить его и сохранить рейх настолько, чтобы он смог гарантировать будущее Германии, ее союзников, а тем самым обеспечить Европе прочный мир.

Известному нам стремлению наших еврейско-интернациональных врагов к нашему тотальному уничтожению мы противопоставляем тотальное использование всех германцев.

Для усиления активных сил нашего вермахта, а особенно для ведения неумолимой борьбы повсюду, где враг хочет вступить на германскую землю, я призываю всех способных носить оружие немецких мужчин к участию в борьбе.

Приказываю:

1. Во всех гау Великогерманского рейха сформировать из числа способных нести военную службу мужчин в возрасте от 16 до 60 лет германский фольксштурм. Он будет всем оружием и всеми пригодными к тому средствами защищать родную землю.

2. Формирование германского фольксштурма и руководство им берут на себя в своих гау гауляйтеры. При этом они используют прежде всего самых способных организаторов и руководителей зарекомендовавших себя учреждений партии, СА, СС, НСКК и ГЮ*.

* Аббревиатуры от немецких названий различных нацистских организаций: СА (Sturmabteilungen) — штурмовые отряды; СС (Schutzstaffeln) — охранные отряды; НСКК (Das Nationalsozialistische Kraftfahrercorps) — национал-социалистский автомобильный корпус; ГЮ (Hitlerjugend) — гитлеровская молодежь. НСДАП (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei) — Национал-социалистская немецкая рабочая партия.

3. Назначаю начальника штаба СА Шепмана инспектором фольксштурма по обучению стрелковому делу, а начальника штаба НСКК Крауза — инспектором по обучению мотоавтоделу.

4. Военнослужащие германского фольксштурма во время своего использования числятся солдатами в соответствии с законом о военной службе.

5. Принадлежность военнослужащих германского фольксштурма к внепрофессиональным организациям не затрагивается. Однако служба в фольксштурме имеет приоритет по сравнению со службой в других организациях.

6. Рейхсфюрер СС как командующий армией резерва несет ответственность за военную организацию, боевую подготовку, вооружение и оснащение германского фольксштурма.

7. Боевое использование германского фольксштурма осуществляется по моему указанию рейхсфюрером СС как командующим армией резерва.

8. Военные инструкции дает как командующий армией резерва рейхсфюрер СС Гиммлер, политические и организационные — по моему указанию рейхсляйтер Борман.

9. Национал-социалистская партия выполняет свой высший почетный долг перед немецким народом тем, что использует свои организации в первую очередь как главных носителей этой борьбы.

Фюрер

Начальник партийной канцелярии

Начальник штаба верховного
главнокомандования

Имперский министр и начальник

Имперской канцелярии

Адольф Гитлер

Мартин Борман

Кейтель

д-р Ламмерс

Reichsgesetzblatt 1944, I.

56. Письмо имперского министра вооружения и боеприпасов Альберта Шпеера Гитлеру от 29 марта 1945 г.

Мой фюрер!

Если я еще раз обращаюсь к вам письменно, то это потому, что из-за внутреннего волнения не смогу выразить мои мысли устно.

Заранее должен подчеркнуть: я был бы горд и счастлив, если бы и дальше смог отдавать свои силы Германии в качестве вашего сотрудника. Даже оставление мною своего поста по вашему приказанию я в это решающее время считал бы дезертирством по отношению к немецкому народу, а также и к верным мне сотрудникам.

Несмотря на это, я чувствую себя обязанным, невзирая на последствия для самого себя, сурово и без прикрас изложить мое собственное мнение о происходящих событиях. Я — один из тех ваших сотрудников, кто всегда открыто и честно высказывал свое мнение, таким я хочу оставаться и впредь.

Вчера во время нашей беседы вы провели различие между реальным осознанием положения, в результате которого можно прийти к убеждению, что войну уже нельзя выиграть, и все еще имеющейся верой в то, что все еще может кончиться хорошо. Вы задали мне вопрос, надеюсь ли я еще на дальнейшее успешное ведение войны, или же моя вера в это поколеблена трезвыми констатациями в той специальной области, которой я занимаюсь.

Моя вера в благоприятный поворот нашей судьбы оставалась несломленной до 18 марта. Это могут подкрепить все мои сотрудники и все благожелательно настроенные по отношению ко мне политики и солдаты. Эту мысль необходимо здесь несколько развить.

Я — художник (Шпеер был архитектором, по проекту которого было построено здание Новой имперской канцелярии в Берлине.— *Пер.*), и потому поставленная передо мной задача оказалась мне совершенно чужда и тяжела. Я сделал для Германии много. Без моей работы война, вероятно, была бы проиграна еще в 1942/43 г. Я справился с этой задачей не в силу моих специальных знаний, а благодаря тем качествам, которые присущи художнику. С верой в мою задачу и в мой успех, с инстинктом находить правильный выход и с той внутренней порядочностью, без которой художник не может прийти к правильным выводам. Я верю в будущее немецкого народа. Я верю в Провидение, справедливое и неумолимое, а значит, верю в Бога.

Мне было тяжело на сердце, когда в победные дни 1940 г. я видел, как мы в широчайших кругах нашего руководства потеряли свою внутреннюю выдержку. Это было то время, когда мы должны были порядочностью и внутренней скромностью выдержать испытание перед лицом Провидения. Тогда победа была бы за нами.

Таким образом, в эти месяцы судьба взвесила нас на своих весах и нашла слишком легковесными. В результате своей страсти к комфорту и лени мы упустили целый год драгоценного времени для вооружения и конструирования новой техники и таким образом заложили основу для того, чтобы в решающие 1944 — 1945 гг. многое стало для нас уже слишком поздно. Любое новшество годом раньше — и наша судьба была бы другой! Словно Провидение само хотело предостеречь нас, но с того времени все военные события вели нас к неслыханной беде. Еще никогда ни в одной войне внешние условия (скажем, погода) не играли такой решающей и несущей несчастье роли, как именно в этой самой технизированной из всех войн: мороз под Москвой, туман под Сталинградом и голубое небо над зимним наступлением 1944 г. на Западе.

И тем не менее я убежден, что судьба все же избавила нас от самого последнего следствия всего этого и что однажды все же появится возможность обеспечить нашему народу его существование. Ибо этот народ, проявивший исторически беспрецедентное мужество и героизм на фронте и в тылу, не может прийти к своему горькому концу. Эта внутренняя вера, которая позволила мне, несмотря на все влияния и осознания, продолжать быть сильным самому и вселять веру в других, оставалась непоколебимой до нескольких последних дней.

Когда я 18 марта передал вам мое письмо, я был твердо уверен в том, что выводы, сделанные мною из нашего положения насчет сохранения нашей народной силы, безусловно получают ваше одобрение. Ведь вы однажды сами констатировали, что задача государственного руководства при проигранной войне — уберечь народ от героического конца. Однако вечером вы обратились ко мне со словами, из которых, если я вас правильно понял, ясно и однозначно следовало: если война проиграна, пусть погибнет и народ! Эта судьба, сказали вы, неотвратима. Нечего считаться с теми основами, которые нужны народу для его самой примитивной дальнейшей жизни. Наоборот, мол, лучше самим разрушить их. Ведь народ показал себя более слабым, и поэтому будущее принадлежит исключительно более сильному народу Востока. Те, кто уцелеет после этой борьбы, все равно малоценны, ибо все ценные — погибли!

Услышав такие слова, я был сначала потрясен. Когда же через день я получил ваш приказ о разрушении [предприятий]*, а вскоре и бескомпромиссный приказ об эвакуации, я увидел в них первые шаги к осуществлению высказанных вами намерений.

До тех пор я всем сердцем верил, что конец этой войны будет хорошим для нас. Я надеялся, что не только наши новые виды оружия и авиация, но и прежде всего наша фанатическая вера в свое будущее сделают народ и руководство способными на крайние жертвы. Сам я тогда твердо решил совершить на планере налет на русские электростанции и своим личным примером помочь повернуть судьбу.

Но я больше не могу верить в успех нашего доброго дела, если одновременно мы в этот решающий момент планомерно разрушаем основу нашей народной жизни. Это такая несправедливость по отношению к нашему народу, что судьба больше уже не сможет благоприятствовать нам. Мы не имеем права разрушать то, что построено целыми поколениями. Если же это делает враг, тем самым истребляя немецкий народ, то он должен взять на себя историческую ответственность за это. Я убежден в том, что Провидение покарает тех, кто посягает на наш храбрый и порядочный народ.

* Имеется в виду приказ Гитлера "Нерон" от 19 марта 1945 г. См. с. 258—259 данной книги.

Я могу работать с чувством внутренней порядочности, с убежденностью и верой в будущее только в том случае, если вы, мой фюрер, как и прежде, останетесь приверженным сохранению нашей народной силы. Поэтому я не вдаюсь в подробности того, что ваш приказ о разрушении от 19 марта 1945 г. в результате поспешных мер должен лишить нас последних возможностей промышленного производства и что его опубликование вызовет у населения величайшее смятение. Все это такие вещи, которые хотя и являются решающими, но обходят принципиальные вопросы.

Поэтому прошу вас не делать самому этот шаг к разрушению в отношении народа. Если же вы в какой-либо форме решились бы отказаться от этого, я вновь обрел бы веру и мужество, чтобы с величайшей энергией работать и дальше. Поймите то, что происходит в моей душе! Я не могу трудиться в полную силу и демонстрировать необходимое доверие, если одновременно с моим призывом к рабочим давать высокую производительность труда готовится разрушение нашей жизненной базы.

Наш долг — приложить все усилия, чтобы до предела повысить сопротивление врагу. И я не хочу стоять в стороне.

Военные удары, которые Германия получила в последние недели, сокрушительны. Не от нас теперь зависит, куда повернет судьба. Только более ясное предвидение может изменить наше будущее. Мы еще сможем твердым поведением и непоколебимой верой внести свой вклад в вечное будущее нашего народа.

Боже, огради Германию!

W. Baumbach. Zu spät? 2. Auflage. München. 1949.

57. Политическое завещание Адольфа Гитлера 29 апреля 1945 г.

С тех пор как я начиная с 1914 г. отдавал все свои скромные силы в первой, навязанной рейху мировой войне, прошло более тридцати лет.

В эти три десятилетия все мои помыслы, все мои действия и вся моя жизнь определялись только любовью к моему народу и верностью ему. Они давали мне силу принимать такие тяжелейшие решения, какие не доводилось принимать до тех пор ни одному смертному. За минувшие три десятилетия я израсходовал сполна все мое время, всю мою работоспособность и все мое здоровье.

Это неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 г. войны. Ее желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по сокращению и ограничению вооружения, которые грядущие поколения не смогут вечно отрицать, чтобы возложить

ответственность за возникновение этой войны на меня. Далее, я никогда не хотел, чтобы после первой злосчастной мировой войны возникла вторая мировая война против Англии или тем более против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, который в конечном счете несет ответственность за все это, к тому народу, которому мы обязаны всем этим: к интернациональному еврейству и его пособникам.

Еще за несколько дней до того, как разразилась германо-польская война, я предложил британскому послу в Берлине решение германо-польской проблемы — как и в случае с Саарской областью — под международным контролем. Это предложение тоже не может отрицаться. Но оно было отвергнуто, потому что влиятельные круги английской политики желали войны, а отчасти подгонялись к ней организованной интернациональным еврейством пропагандой.

Но я не оставлял также сомнения и на тот счет, что, если народы Европы рассматриваются как пакеты акций для интернациональных финансовых и промышленных заговорщиков, будет привлечен к ответственности и тот народ, который является единственным виновником этой смертоубийственной войны: еврейство! Я также не оставлял никакой неясности насчет того, что на сей раз настоящий виновник пусть и гуманными средствами, но будет наказан и поплатится за то, что миллионы детей европейцев арийской расы умрут от голода, что свою смерть найдут миллионы взрослых мужчин, а сотни тысяч женщин и детей сгорят в наших городах или погибнут от бомбежек.

После шестилетней борьбы, которая, несмотря на все неудачи, войдет в историю как самое славное и отважное выражение жизненной силы немецкого народа, я не могу оторвать себя от того города, который является столицей рейха. Поскольку силы наши слишком слабы, чтобы и дальше выдерживать натиск врага именно здесь, а собственное сопротивление постепенно обесценивается столь же ослепленными, сколь и бесхарактерными субъектами, я хотел бы, оставшись в этом городе, разделить судьбу с теми миллионами других людей, которых уже постигла смерть. Кроме того, я не хочу попасть в руки врагов, которым, на потеху ими науськанным массам, нужен новый, поставленный евреями спектакль.

А потому я решил остаться в Берлине и здесь по собственной воле избрать смерть в тот момент, когда увижу, что резиденция фюрера и рейхсканцлера удержана больше быть не может. Я умираю с радостным сердцем, зная о неизмеримых деяниях и свершениях наших солдат на фронте, наших женщин в тылу, наших крестьян и рабочих, а также о беспримерном участии во всем этом молодежи, носящей мое имя.

То, что всем им я выражаю идущую от всего сердца благодарность, столь же само собою разумеется, как и мое желание, чтобы они ни в коем случае не прекращали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов фатерланда, оставаясь верны заветам великого Клаузевица. Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистского движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества.

Многие храбрейшие мужчины и женщины полны решимости до последнего мига связать свою жизнь с моею. Я просил их и под конец даже приказал им не делать этого, а принять участие в дальнейшей борьбе нашей нации. Командующих армиями, военно-морским флотом и люфтваффе я прошу самыми крайними мерами укрепить у наших солдат дух сопротивления в национал-социалистском смысле этого слова, указав на то, что я, как основатель и создатель этого движения, предпочел смерть трусливому бегству, а тем более — капитуляции.

Пусть это станет однажды частью понятия чести германского офицера, как то уже имеет место в нашем военно-морском флоте: сдача какой-либо территории или города — невозможна, а командиры должны быть впереди и служить ярким примером верного исполнения своего долга вплоть до собственной гибели.

Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсмаршала Германа Геринга из партии и лишаю его всех прав, которые могли бы вытекать из указа от 29 июня 1941 г., а также из моего заявления в рейхстаге от 1 сентября 1939 г. Я назначаю вместо него гросс-адмирала Дёница рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вермахта.

Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсфюрера СС и имперского министра внутренних дел Генриха Гиммлера из партии, а также лишаю его всех государственных постов. Я назначаю вместо него гауляйтера Карла Ханке рейхсфюрером СС и шефом германской полиции, а гауляйтера Пауля Гизлера — имперским министром внутренних дел.

Геринг и Гиммлер без моего ведома вели тайные переговоры с врагом и вопреки моей воле предприняли попытку в нарушение закона захватить власть в государстве в свои руки, чем причинили стране и всему народу необозримый вред, совершенно не говоря уже о попрании верности мне лично.

Желая дать немецкому народу состоящее из достойных людей правительство, которое выполнит свое обязательство продолжить борьбу всеми средствами, я назначаю руководителями нации следующих членов нового кабинета: рейхспрезидент — Дёниц, рейхс-канцлер — д-р Геббельс, министр по делам партии — Борман, ми-

нистр иностранных дел — Зейсс-Инкварт, министр внутренних дел — гауляйтер Гизлер, военный министр — Дёниц, главнокомандующий сухопутными войсками — Шёрнер, главнокомандующий авиацией — Грайм, министр юстиции — Тирак, культов — Шеель, министр пропаганды — д-р Науман, министр финансов — Шверин-Крозиг, рейхсфюрер СС и шеф германской полиции — Ханке, министр хозяйства — Функ, министр сельского хозяйства — Бакке, министр труда д-р Хупфауэр, министр вооружения — Зауэр, руководитель Германского трудового фронта и член имперского кабинета — имперский министр д-р Лей.

Хотя некоторое число таких людей, как Мартин Борман, д-р Геббельс и другие, решили по своей воле считать себя, вместе с их женами, неразрывно связанными со мною и не желают ни при каких обстоятельствах покидать рейх, а готовы погибнуть вместе со мною, я все же вынужден просить их подчиниться моему требованию и в этом случае поставить интересы нации выше своих чувств. Благодаря своей деятельности и своей верности соратников они и после моей смерти останутся мне столь же близки, ибо, как я надеюсь, дух мой пребудет с ними и всегда будет сопровождать их. Да будут они твердыми, но никогда — несправедливыми! Пусть никогда страх не станет советчиком в их действиях, пусть превыше всего на Земле для них стоит честь нации. И пусть, наконец, они сознают, что наша задача — построение национал-социалистского государства — является делом грядущих поколений, которое обязывает каждого в отдельности служить общим интересам, не противопоставлять им свои собственные выгоды. От всех немцев, от всех национал-социалистов, от всех мужчин и женщин, от всех солдат вермахта я требую, чтобы они были верны новому правительству и новому президенту и повиновались ему до самой смерти.

Но прежде всего я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление всемирным отравителям мира для всех народов — интернациональному еврейству.

Совершено в Берлине 29 апреля 1945 г. в 4.00.

Адольф Гитлер

Свидетели:

д-р Йозеф Геббельс

Мартин Борман

Вильгельм Бургдорф

Ганс Кребс

Dokumente der deutschen Politik. Tagebuch des Chefs des Generalstabes des Heeres Generaloberst von Halder. Bundesarchiv Koblenz, Nachlaß Greiner.

**58. Выступление по радио имперского министра
графа Шверин фон Крозига 7 мая 1945 г.
в связи с капитуляцией германских вооруженных сил**

Немцы и немки!

Верховное главнокомандование вермахта по приказанию гросс-адмирала Дёница заявило о безоговорочной капитуляции германских войск. Как руководящий министр имперского правительства, образованного гросс-адмиралом для завершения всех военных задач, я обращаюсь в этот трагический момент нашей истории к немецкому народу. После почти шестилетней героической войны, ведшейся с ни с чем не сравнимой твердостью, сила Германии оказалась сломленной превосходящей силой наших противников. Продолжение войны означало бы бессмысленное кровопролитие и бесполезное разрушение наших городов. Правительство, обладающее чувством ответственности за будущее нашего народа, должно было сделать вывод из краха всех физических и материальных сил и обратиться к противнику с просьбой о прекращении военных действий.

Благороднейшей целью гросс-адмирала и поддерживающего его правительства было после тех страшных жертв, которых потребовала война, сохранить в последней ее фазе жизнь как можно большего числа немцев. То обстоятельство, что война не может быть немедленно закончена и на Западе, и на Востоке, объясняется только этой целью.

В этот тяжелейший для немецкого народа и его рейха час мы склоняем головы перед погибшими в этой войне, чьи жертвы обязывают нас превыше всего. Наше участие и наша забота прежде всего — инвалидам, семьям, лишившимся кормильца, и всем тем, кому эта борьба нанесла раны. Никто не должен заблуждаться насчет тяжести тех условий, которые наложат на нас наши противники. Необходимо без всяких громких фраз, ясно и трезво смотреть им в лицо. Никто не может сомневаться в том, что грядущие времена будут для каждого из нас суровы и во всех областях жизни потребуют от нас жертв. Мы обязаны принести их и лояльно отнестись ко всем обязательствам, которые на себя берем. Но мы не смеем отчаиваться и предаваться тупой покорности судьбе. Мы должны найти путь, чтобы из этого мрака выйти на дорогу нашего будущего. Пусть тремя путеводными звездами, которые всегда были залогом подлинно германской сущности, нам послужат единение, право и свобода.

Из краха нашего прошлого мы хотим спасти и утвердить единение, ту идею народного сообщества, которая в годы войны находила свое прекраснейшее воплощение во фронтовом товариществе, во взаимной готовности прийти на помощь в любых бедственных ситуациях. Это товарищество и эта готовность оказать

помощь потребуются нам в голоде и нищете точно так же, как они нужны были нам во времена битв и бомбежек. И только если мы сохраним это единение, мы сможем выстоять в надвигающиеся суровые времена.

Мы должны положить в основу нашей народной жизни право. Высшим законом и главной направляющей нитью для нашего народа должна стать справедливость. Мы должны признать право и по внутреннему убеждению, и как основу наших отношений с другими народами. Уважение заключенных договоров должно быть для нас таким же святым, как и чувство принадлежности к европейской семье народов, являясь членом которой мы хотим привести к расцвету все наши человеческие, моральные и материальные силы, чтобы залечить ужасные раны, нанесенные войной.

Тогда мы сможем надеяться, что атмосфера ненависти, которая ныне окружает Германию во всем мире, уступит место тому примирению народов, без которого немыслимо оздоровление мира, и что нам снова подаст свой сигнал свобода, без которой ни один народ не может жить прилично и достойно.

Мы хотим видеть будущее нашего народа в осознании глубочайших и лучших сил каждого живущего, кому мир дал непреходящие творения и ценности. С гордостью за героическую борьбу нашего народа мы будем сочетать стремление в качестве звена западнохристианской культуры вносить свой вклад в честный мирный труд в духе лучших традиций нашего народа.

Да не покинет нас Бог в нашей беде, да освятит он наше трудное дело!

W. Lüdde-Neurath. Regierung Dönitz. Göttingen. 1952.

59. Безоговорочная капитуляция германских вооруженных сил Акт о военной капитуляции

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23 — 01 часа по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 года, остаться на своих местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться,

передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений пароходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае, если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 года в гор. Берлине.

От имени Германского
Верховного Командования:
Кейтель, Фридебург, Штумпф
в присутствии:

По уполномочию Верховного
Главнокомандования Красной Армии
Маршала Советского Союза
Г. Ж у к о в а

По уполномочию Верховного
Командующего экспедиционными
силами союзников

главного Маршала авиации

Т е д д е р а

При подписании также присутствовали
в качестве свидетелей:

Командующий стратегическими
воздушными силами США
генерал С п а а т с
Главнокомандующий
французской армией
генерал Д е л а т р д е Т а с с и н ь и

Цит. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. М., 1947. С. 261—262.

60. Последнее сообщение верховного главнокомандования вермахта

Из ставки гросс-адмирала [Дёница],
9 мая 1945 г.

Верховное главнокомандование вооруженных сил сообщает:

В Восточной Пруссии германские войска во вторник до последней возможности удерживали устье Вислы и западную часть косы Фрише Нерунг. Особенно отличилась 7-я пехотная дивизия. За ее образцовые действия командир дивизии генерал фон Заукен награжден дубовыми листьями с мечами и бриллиантами к Рыцарскому кресту Железного креста.

Главные силы нашей группы армий в Курляндии, в течение многих месяцев под командованием генерала пехоты Хильперта оказывавшие сильное сопротивление превосходящим советским танковым и пехотным соединениям и мужественно выдержавшие шесть крупных сражений, покрыли себя бессмертной славой. Эта группа армий отклонила любую преждевременную капитуляцию. Уцелевшие самолеты в образцовом порядке доставили на Запад раненых и отцов семейств. Офицеры и штабы остались со своими войсками. В полночь в соответствии с принятыми нами условиями [капитуляции] любые военные действия и любые передвижения войск были прекращены.

Защитники Бреслау*, которые в течение двух месяцев отбивали все советские атаки, после героического сопротивления в последний момент уступили вражескому превосходству.

На Юго-Восточном и Восточном фронтах все штабы главных соединений вплоть до Дрездена получили приказ прекратить огонь. Восстанию чехов почти во всей Богемии и Моравии удалось помешать выполнению условий капитуляции и нашим связям в этом районе. Сведений о группах армий Лёра, Рендулича и Шёрнера штаб верховного главнокомандования до сих пор еще не получил.

* Ныне — Вроцлав.

Сражающиеся далеко от фатерланда защитники опорных пунктов на побережье Атлантического океана, войска в Норвегии и гарнизоны на островах Эгейского моря, соблюдая повиновение и дисциплину, поддерживали честь германского солдата.

Итак, начиная с полуночи оружие на всех фронтах смолкло. По приказу гросс-адмирала вермахт прекратил ставшую бессмысленной борьбу. Тем самым закончилось почти шестилетнее героическое единоборство. Оно принесло нам великие победы, но и тяжелые поражения. Германский вермахт под конец с почетом уступил огромному превосходству противника в силах. Германский солдат, верный своей присяге, отдавая себя до конца своему народу, свершил то, что не забудется в веках. Тыл до последнего момента поддерживал его изо всех своих сил, неся при этом тяжелейшие жертвы. Неповторимые свершения фронта и тыла найдут свою окончательную оценку в последующем справедливом приговоре истории.

Даже противник не сможет отказать в своем уважении славным деяниям и жертвам германских солдат на земле, на воде и в воздухе. Поэтому каждый солдат может честно и гордо выпустить из рук свое оружие и в эти тяжелейшие часы нашей истории храбро и уверенно обратиться к труду ради вечной жизни нашего народа.

В этот час вермахт чтит память своих погибших солдат. Погибшие обязывают нас к безоговорочной верности, повиновению и дисциплине по отношению к истекающему кровью многочисленных ран фатерланду.

W. Lüdde-Neurath. Regierung Dönitz.

61. Потери Германии в войне

<...> Во второй мировой войне вызванные ее непосредственным воздействием потери германской народной субстанции уже приближаются к границе 6,5 млн. По заслуживающим доверия данным, германские вооруженные силы (в границах имперской территории 1937 г.) потеряли убитыми 3 050 000 человек; из них до октября 1946 г. официально считались погибшими 1 650 000. Остальные, предположительно 1 400 000 человек, вычислены оценочно на основании числа пропавших без вести и оказавшихся в плену. К концу 1946 г. еще ожидалось возвращение 1 900 000 военнопленных, между тем как число пропавших без вести военнослужащих составило 1 600 000 человек. По оценкам экспертов Службы поиска, из этого последнего числа примерно 400 000 следует считать погибшими, а 800 000 — умершими в плену. Это дает 2 850 000 погибших военнослужащих вермахта. На возвращение живыми другой

части взятых в плен или пропавших без вести в советской сфере солдат, предполагаемая численность которых — около 200 000, ввиду [тогдашней] позиции Советского Союза рассчитывать не приходится.

Сюда следует добавить военнослужащих вермахта из числа судетских немцев и других фольксдойче, которые в результате изгнания из прежних мест проживания начиная с 1944 г. стали непосредственно членами германского народного организма (Австрия в эти данные не включена). Число погибших солдат, принадлежавших к фольксдойче, следует оценивать числом не меньшим чем 200 000. Таким образом, сумма составляет 3 250 000 немецких военнослужащих второй мировой войны.

Потери немецкого гражданского населения следует подразделить на погибших в результате вражеского воздействия (прежде всего вследствие воздушной войны) и погибших в процессе изгнания и переселения рейхсдойче [имперских немцев] и фольксдойче. В отношении жертв воздушных налетов имели хождение частично завышенные данные. Тем не менее, по оценке, число погибших в результате воздушных налетов составляет 500 000 человек; можно считать, что таково общее число гражданских лиц, погибших во всем мире за время первой мировой войны. Однако это число относится только к возникшим позже четырем оккупационным зонам Германии.

Не учтены при этом жители Восточной Германии, погибшие от бомбежек авиации во время бегства населения. Жертвами только одного налета (англо-американской.— *Пер.*) авиации на Дрезден 13 февраля 1945 г. стали, по данным госдепартамента США, 250 000 человек. Это огромное число погибших лиц гражданского населения отражает коренное изменение в современном ведении войны. Несравненно больше (и благодаря обстоятельствам — еще трагичнее) потери, которые понесло население восточных провинций рейха при его изгнании в 1944 — 1946 гг. Следует считать также погибшими 1 550 000 без вести пропавших, включая сюда и депортированных в советский тыл. Минимум 1 000 000 составляет число тех немцев из Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии и Польши, которые погибли при изгнании или же были насильно увезены в Советский Союз.

Таким образом, число погибших и без вести пропавших немецких гражданских лиц превысило 3 000 000 человек, что почти равно числу погибших военнослужащих вермахта. Оно могло бы быть еще большим, если сюда причислить примерно 300 000 тех немцев, которые в годы войны лишились жизни по расовым, религиозным или политическим причинам (среди них 170 000 немецких евреев) в результате мер "третьего рейха", а также жертвы

"тотальной войны". В это число потерь немецкого гражданского населения не включены немцы Поволжья и других проживавших еще до войны в Советском Союзе переселенческих этнических групп немцев: число их не поддается даже приблизительной оценке.

Из примерно 16,5 млн немцев и лиц, принадлежавших к другим немецким группам, проживавшим до 1944 г. в германских провинциях восточнее Одера и Нейссе, в Данциге [Гданьске], Мемельской [Клайпедской] области, Польше, Румынии, Венгрии, Югославии и Чехословакии, предположительно, могли остаться на своей родине или быть насильно удержаны примерно 2 млн человек. По новейшим оценкам, число немцев, которые в находящихся под управлением польской администрации восточных областях избежали изгнания и уничтожения, равно 1 120 000 человек.<...>

В находящейся под административным управлением Советов северной части Восточной Пруссии (имеется в виду Калининградская область.— *Пер.*), как кажется, немцев больше нет.

Таким образом, германская народная субстанция потеряла в результате второй мировой войны более 6 500 000 человек, причем в весьма значительной части — незаменимых людей лучших возрастных контингентов. Из 2 010 000 солдат и гражданских лиц, которые были ранены или длительное время являлись инвалидами войны, значительная часть — не вполне трудоспособна. Только на территории [тогдашней] Федеративной Республики Германии проживает 2 млн инвалидов войны и получивших увечья, из них лишь 470 000 таких, степень инвалидности которых ниже 25%.

Число 6 500 000 погибших, как уже указывалось, является оценочным. Поэтому следует подчеркнуть, что отдельные данные должны быть проверены с различных точек зрения. Фактическое число может быть скорее большим, нежели меньшим.<...>

Bilanz des 2. Weltkrieges. Oldenburg. 1953.

62. Из Потсдамского соглашения 2 августа 1945 г.

О Германии

Союзные армии осуществляют оккупацию всей Германии, и германский народ начал искупать ужасные преступления, совершенные под руководством тех, которым во время их успехов он открыто выражал свое одобрение и слепо повиновался.

На Конференции было достигнуто Соглашение о политических и экономических принципах координированной политики Союзников в отношении побежденной Германии в период союзного контроля.

Целью этого Соглашения является выполнение Крымской Декларации о Германии. Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире.

Союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира.

Текст этого соглашения гласит:

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ,
КОТОРЫМИ НЕОБХОДИМО РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ПРИ ОБРАЩЕНИИ
С ГЕРМАНИЕЙ В НАЧАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬНЫЙ ПЕРИОД**

А. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

1. В соответствии с Соглашением о контрольном механизме в Германии, верховная власть в Германии будет осуществляться Главнокомандующими вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих Правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного Совета.

2. Поскольку это практически осуществимо, должно быть одинаковое обращение с немецким населением по всей Германии.

3. Целями оккупации Германии, которыми должен руководствоваться Контрольный Совет, являются:

1) Полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней. С этими целями:

а) все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и Гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая Генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полумилитарные организации,

вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии, будут полностью и окончательно упразднены, дабы навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма;

б) все вооружение, амуниция и орудия войны и все специализированные средства для их производства должны находиться в распоряжении Союзников или должны быть уничтожены. Поддержание и производство всех самолетов и всякого вооружения, амуниции и орудий войны будет предотвращено.

II) Убедить немецкий народ, что он понес тотальное военное поражение и что он не может избежать ответственности за то, что он навлек на себя, поскольку его собственное безжалостное ведение войны и фанатическое сопротивление нацистов разрушили германскую экономику и сделали хаос и страдания неизбежными.

III) Уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду.

IV) Подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни.

4. Все нацистские законы, которые создали базис для гитлеровского режима или которые установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений, должны быть отменены. Никакая такая дискриминация, правовая, административная или иная, не будет терпима.

5. Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы.

6. Все члены нацистской партии, которые были больше чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полупубличных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии.

7. Образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей.

8. Судебная система будет реорганизована в соответствии с принципами демократии, правосудия на основе законности и равноправия всех граждан, без различия расы, национальности и религии.

9. Управление в Германии должно проводиться в направлении децентрализации политической структуры и развития на местах чувства ответственности. С этой целью:

I) Местное самоуправление будет восстанавливаться по всей Германии на демократических началах и, в частности, через выборные советы, настолько быстро, насколько это совместимо с сохранением военной безопасности и целями военной оккупации.

II) Во всей Германии должны разрешаться и поощряться все демократические политические партии с предоставлением им права созыва собраний и публичного обсуждения.

III) Принципы представительства и выборности должны вводиться в районные, провинциальные управления и управления земель настолько быстро, насколько это может быть оправдано успешным применением этих принципов в местном самоуправлении.

IV) Пока что не будет учреждено никакого центрального германского правительства. Однако, несмотря на это, будут учреждены некоторые существенно важные центральные германские административные департаменты, возглавляемые государственными секретарями, в частности в областях финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности. Эти департаменты будут действовать под руководством Контрольного Совета.

10. С учетом необходимости поддержания военной безопасности будет разрешаться свобода слова, печати и религии, и религиозные учреждения будут уважаться. Будет разрешено создание свободных профсоюзов, также с учетом необходимости поддержания военной безопасности.

с 8/2 СССР ушит. Ленинград

В. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

11. В целях уничтожения германского военного потенциала производство вооружения, военного снаряжения и орудий войны, а также производство всех типов самолетов и морских судов должно быть запрещено и предотвращено. Производство металлов, химических продуктов, машиностроение и производство других предметов, необходимых непосредственно для военной экономики, должно быть строго контролируемо и ограничено в соответствии с одобренным уровнем послевоенных мирных потребностей Германии,

достаточным для осуществления целей, изложенных в пункте 15. Производственные мощности, ненужные для промышленности, которая будет разрешена, должны быть либо изъяты в соответствии с репарационным планом, рекомендованным Межсоюзной Репарационной Комиссией и утвержденным заинтересованными Правительствами, либо уничтожены, если не будут изъяты.

12. В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений.

13. При организации экономики Германии главное внимание должно быть обращено на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления.

14. В период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое. С этой целью должна быть установлена общая политика относительно:

- а) производства и распределения продукции горной и обрабатывающей промышленности;
- б) сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства;
- в) зарплаты, цен и рациионирования;
- г) программы импорта и экспорта для Германии в целом;
- д) денежной и банковской системы централизованных налогов и пошлин;
- е) репараций и устранения военно-промышленного потенциала;
- ж) транспорта и коммуникаций.

При проведении этой политики по мере надобности должны приниматься во внимание различные местные условия.

15. Должен быть установлен союзный контроль над германской экономикой, но только в пределах, необходимых:

- а) для выполнения программы индустриального разоружения и демилитаризации, репараций и разрешенного экспорта и импорта;
- б) для обеспечения производства товаров и обеспечения услуг, необходимых для удовлетворения нужд оккупационных сил и перемещенных лиц в Германии и важных для поддержания в Германии среднего жизненного уровня, не превышающего средний жизненный уровень европейских стран (европейские страны означают все европейские страны, за исключением Соединенного Королевства и Советского Союза);
- в) для обеспечения в порядке, который установит Контрольный Совет, равномерного распределения основных предметов между различными зонами, с тем чтобы создать сбалансированную экономику во всей Германии и сократить необходимость в импорте;

d) для контроля над германской промышленностью и всеми экономическими и финансовыми международными сделками, включая экспорт и импорт, с целью предотвращения развития военного потенциала Германии и достижения других названных здесь задач;

e) для контроля над всеми германскими общественными или частными научными, исследовательскими и экспериментальными учреждениями, лабораториями и т.д., связанными с экономической деятельностью.

16. Для введения и поддержания экономического контроля, установленного Контрольным Советом, должен быть создан германский административный аппарат и германским властям должно быть предложено в полном, практически возможном объеме заявить и принять на себя управление этим аппаратом. Таким образом германскому народу должно быть внушено, что ответственность за это управление и любой срыв его будут лежать на нем. Любое германское управление, которое будет противоречить целям оккупации, будет запрещено.

17. Должны быть приняты немедленные меры в отношении:

a) проведения необходимого ремонта транспорта;

b) увеличения добычи угля;

c) максимального увеличения сельскохозяйственной продукции

и

d) проведения срочного ремонта жилищ и основных коммунальных предприятий.

18. Контрольный Совет должен предпринять надлежащие шаги для осуществления контроля и распоряжения теми германскими активами за границей, которые еще не поступили под контроль Объединенных Наций, принимавших участие в войне против Германии.

19. После оплаты репараций германскому народу должно быть оставлено достаточно ресурсов для того, чтобы он мог существовать без помощи извне. При составлении хозяйственного плана Германии должны быть выделены необходимые средства для импорта, одобренного Контрольным Советом в Германии. Выручка от экспорта продуктов текущего производства и товарных запасов идет в первую очередь для оплаты такого импорта.

Указанное здесь условие не будет применяться к оборудованию и продуктам, упомянутым в пунктах 4"а" и 4"b" Соглашения о германских репарациях.

Цит. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 339—345.

г). Вопреки традициям

63. Директива Гиммлера о "зачатии"

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции Берлин, 28.10.1939 г.
Министерство внутренних дел

Приказ всем органам и формированиям СС и полиции

Любая война — это кровопускание наилучшей крови. Бывало, что победа, достигнутая силой оружия, оборачивалась для народа уничтожающим поражением его жизненной силы и его крови. При этом, как ни прискорбно, необходимая гибель лучших мужчин — еще не самое худшее. Гораздо хуже — нехватка во время войны живущих, а после войны — не зачатых детей.

Старая мудрость, гласящая, что спокойно умереть может только тот, кто имеет детей, в этой войне должна снова стать истиной именно для всех СС. Спокойно умереть может лишь тот, кто знает, что его род, все то, чего желали и к чему стремились его предки и он сам, находит свое продолжение в его детях. Наивысший подарок для вдовы погибшего — это всегда дитя того человека, которого она любила. Выходя за границы, вероятно, в остальном необходимых гражданских законов и обычаев, высшей задачей немецких женщин и девушек хорошей крови (также и не состоящих в браке) может быть желание — не из легкомыслия, а по глубочайшей нравственной причине! — стать матерью детей отправляющегося на фронт солдата, о котором только одной судьбе известно, вернется ли он на родину или погибнет за Германию.

Именно в настоящее время также и для тех мужчин и женщин, которые по приказу государства находятся в тылу, святым долгом является стать отцом или матерью.

Мы не хотим никогда забывать, что победа, добытая мечом, и кровь, пролитая нашими солдатами, были бы лишены всякого смысла, если бы за этим не следовали победа дитяти и заселение новой земли.

В прошлой [мировой] войне немало солдат из чувства ответственности, чтобы не оставлять свою жену после собственной гибели в нужде и заботе, если она будет иметь больше детей, решали в военные годы не зачинать ребенка. Эти опасения и тревоги эсэсовцам ни к чему, ибо они устраняются следующим урегулированием данного вопроса.

1. Над рожденными в браке или внебрачными детьми хорошей крови, отцы которых погибли на войне, от имени рейхсфюрера СС будут осуществлять опеку специально уполномоченные на то лица. Мы придем на помощь этим матерям и с человеческой точки зрения возьмем на себя воспитание, а с материальной — заботу о подрастании этих детей вплоть до совершеннолетия таким образом, чтобы эти матери и вдовы не испытывали нужды.

2. СС позаботятся обо всех зачатых во время войны законным или внебрачным образом детях, а также о беременных женщинах и детях, если те будут испытывать нужду или находиться в стесненных материальных условиях. После войны, если отцы возвратятся, по их личному обоснованному ходатайству будет оказываться щедрая дополнительная материальная помощь.

Эсэсовцы и матери этих детей, на рождение которых Германия возлагает свои надежды, покажите, что верой в фюрера и стремлением сохранить навеки нашу кровь и дальнейшую жизнь нашего народа, столь же храбро, как вы готовы сражаться и умереть за Германию, вы готовы сделать все для того, чтобы она продолжала жить!

Th.Groppe. Dokumenten und Geschehen. Ein Kampf um Recht und Sitte. Trier. 1947.

64. Приказ о комиссарах

Верховное главнокомандование
вермахта
Штаб оперативного руководства,
отдел обороны страны L IV/Qu
№44822/41, только
для командования
В приложение к указу фюрера
от 14.5 о применении военной
подсудности в районе
“Барбаросса” направляются
“Указания об обращении
с политическими комиссарами”

Ставка фюрера, 6.6.1941 г.
Передавать только через офицера!

Просьба разослать только
командующим армиями
и воздушными флотами,
остальных командующих
соединениями и командиров
частей ознакомить устно
За начальника штаба верховного
главнокомандования вермахта
Варлимонт

Приложение к: ОКВ, штаб оперативного руководства вермахта,
отдел L IV, Qu №44822/41, сов. секретно

Директивы по обращению с политическими комиссарами

В борьбе с большевизмом на соблюдение врагом принципов
гуманности или международного права рассчитывать нельзя! Осо-
бенно жестокого и диктуемого ненавистью бесчеловечного обра-
щения с нашими военнопленными следует ожидать от всякого рода
комиссаров, этих подлинных носителей сопротивления.

Войска должны осознавать следующее:

1. В нынешней войне пощада этим элементам и соблюдение в отношении их международных правил неуместны. Они представляют собой угрозу нашей безопасности и быстрому освобождению нами населения захваченных областей.

2. Политические комиссары — инициаторы варварских азиатских методов ведения войны. Поэтому против них следует немедленно и без всяких задержек действовать со всей беспощадностью. Если же они оказывают вооруженное сопротивление, следует немедленно устранять их силой оружия.

В остальном действуют следующие положения.

I. Во фронтовых областях.

1. Обращаться с действующими против наших войск политическими комиссарами согласно "Указу о политической подсудности в районе "Барбаросса"". То же самое относится к комиссарам всех видов и должностей, даже только подозреваемых в сопротивлении, саботаже или подстрекательстве к ним.<...>

2. Опознать политических комиссаров в качестве органов можно по особому знаку различия — красной звезде с вытканными на ней серпом и молотом на рукаве.<...>

Их надлежит немедленно, то есть прямо на поле боя, отделять от всех остальных военнопленных. Это необходимо, чтобы лишить их всякой возможности оказывать влияние на взятых в плен солдат. Комиссары в качестве солдат не признаются; никакая международно-правовая защита к ним не применяется. После произведенной сортировки их надлежит уничтожить.

3. Политических комиссаров, которые не виновны ни в каких вражеских действиях или только подозреваются в них, первоначально не уничтожать. Только в ходе дальнейшего продвижения в глубь страны может быть решен вопрос о том, следует ли их оставить на месте или же передать в руки зондеркоманд*. Следует стремиться, чтобы те производили следствие сами.

При решении вопроса "о виновности или невиновности" в принципе личное впечатление имеет значение большее, чем, по всей вероятности, недоказуемый состав преступления.<...>

5. Все вышеназванные меры [по обращению с комиссарами] не должны задерживать проведение операций. Поэтому планомерные поиски и "чистку" полевым войскам запретить.

II. Во фронтовом тылу.

Комиссаров, схваченных во фронтовом тылу при вызывающем сомнении поведении, следует передавать айнзацгруппам или айнзацкомандам Службы безопасности [СД].<...>

Der verbrecherische Befehl.— In: Beilage zur Wochenzeitung "Das Parlament". 1957.

* Команды особого назначения Службы безопасности.

**65. "12 заповедей" для немецких административных чиновников
в оккупированных восточных областях
(1.6.1941 г.)**

1

Для вас, направленных на Восток, действует только один принцип: все решают ваши дела. Поэтому я требую от вас максимального и предельного приложения всех ваших сил.

2

Не бойтесь принимать решения, которые могли бы оказаться неправильными. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Дело не в том, что вы можете допустить отдельные ошибки, а в том, чтобы вы действовали. Любой из вас, кто не делает ничего из страха ответственности, к своей должности непригоден.

3

Вам предоставлена уникальная возможность отдать все свои силы и показать, на что вы способны, доказать ваше умение, вашу способность к действию. Так, Англия в течение нескольких столетий ставила на ответственные посты в своей империи молодых людей, давая им шанс вырасти в руководящих деятелей. Территориальная ограниченность Германии до сих пор этого не позволяла. Однако выполнение задач на Востоке требует от вас не подходить к ним с узким западноевропейским масштабом. Вы, люди, находящиеся вне страны, облечены высшим доверием вашего начальства. От вас требуется оправдать его.<...>

4

Я требую от вас качеств настоящего руководителя. Они состоят не в управленческой войне и не в профессорских рассуждениях. А потому:

Длительная деятельность на фронте.

Высшая радость от принятия решения.

Быстрые решения (лучше неверное решение, чем никакого).

Немногочисленные, но хорошие сотрудники.

Способность действовать на основе указаний и материалов из центра, но при этом сохранять собственную инициативу.

Лаконичные, четкие указания подчиненным в приказной форме.

Никаких объяснений и обоснований, ибо русские хотят видеть в наших людях руководителей.

Товарищеские отношения в кругу немцев, ответственность перед вышестоящими, авторитет у подчиненных. Если у вас есть причины быть недовольным поведением какого-либо немца, не выражайте этого недовольства на глазах у русских.

Сознание своей ответственности и никакого сковывания инициативы подчиненных — наоборот, давайте им наибольшую свободу для развития их личности.

Русские по отношению к немцам всегда выступают сплоченно. Перед русскими надо брать на себя даже ошибки какого-нибудь немца.

Не копировать бездумно германские учреждения и организации.

5

Важно, чтобы вы всегда имели перед своими глазами конечную цель. Для достижения цели от вас требуется большое упорство. Тем гибче должны быть методы достижения этой цели. Методы следует оставить на усмотрение отдельных лиц, если не имеется общего пригодного опыта в форме указаний, которые могли бы быть даны извне. Настойчивость в достижении цели, но гибкость методов. Поэтому, если ваши подчиненные сделали ошибку, не давайте им взбучку, а всегда увлекайте их поставленной целью.

6

Поскольку вновь осваиваемые пространства приобретены для Германии и Европы на длительный срок, решающее значение приобретает ваше поведение. Вы должны сознавать, что являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы на многие века. Поэтому вы должны с достоинством осуществлять даже самые жесткие и безоговорочные меры, вытекающие из потребностей государства. Слабость характера, проявленная каким-либо лицом, в принципе может привести к его отзыву. Тот, кто будет отозван по этим причинам, не сможет в дальнейшем занимать важную должность и в рейхе.

7

Ставьте перед собой трудные, даже кажущиеся недостижимыми цели, чтобы фактически достигнутое всегда было уникальным. Не становитесь "сытыми по горло", а всегда оставайтесь революционерами. При этом не подходите к делу односторонне, скажем, с сельскохозяйственной точки зрения, и не удивляйтесь тому, что другой думает односторонне, с промысловой или городской точки зрения. Ориентируйтесь всегда на целое. Не спрашивайте себя, насколько это полезно крестьянству, а задавайте себе только один вопрос: что полезно Германии? Только то, что на пользу Германии, идет на пользу и крестьянству. Будьте принципиальными, но не догматиками, будьте идеалистами, но и реалистически мыслящими. Будьте твердыми и, если надо, суровыми по отношению к побежденным, но будьте справедливы и лично порядочны, служите всегда примером.

8

Не говорите, а делайте. Русского вы никогда не "переговорите" и речами его не убедите. Говорить он умеет лучше вас, поскольку он — прирожденный диалектик и унаследовал "склонность к философствованию". В разговорах и дискуссиях он всегда одерживает верх. А вы должны действовать. Русскому импонирует только действие, так как сам он обладает бабьей натурой и сентиментален. "Велика наша страна и обильна, да нет в ней порядка. Приходите володеть нами" — таково изречение русских, относящееся еще к началу их государства и приглашению норманнов. Эта установка проходит красной нитью через всю их историю — от монгольского ига, через польское и литовское владычество, автократию царей и господство немцев вплоть до Ленина и Сталина. Русские всегда хотят быть массой, которой правят. Так же подействует на них и вступление немцев. Тогда будет исполнено их желание: "Приходите и правьте нами".

Поэтому у русских не должно возникать впечатление, что вы в чем-то колеблетесь. Вы должны быть людьми действия, которые без всяких дискуссий или долгих бесплодных речей, без всякого философствования дают четкие и ясные распоряжения. Тогда русский охотно будет вашим подданным. Не прилагайте ко всему немецкую мерку и немецкие привычки, забудьте о Германии всё, кроме самой Германии!

Но прежде всего не будьте мягкотелы и сентиментальны! Если будете плакать вместе с русским, он будет счастлив, ибо потому сможет вас презирать. Будучи предрасположены ко всему женственному, русские хотят видеть в мужском начале позорное пятно, чтобы презирать его. Поэтому будьте настоящими мужчинами, храните нордическую основу своего поведения.

Только ваша воля должна быть решающей, но эта воля должна быть направлена на выполнение крупных задач. Она моральна в своей жестокости лишь тогда. Сохраняйте дистанцию между собой и русскими, ведь они — не немцы, а славяне. Не устраивайте с ними никаких попоек. Ни в коем случае не вступайте ни в какие интимные отношения с женщинами и девушками на вверенных вам предприятиях. Вы потеряете тогда свой авторитет в глазах русских, если опуститесь до их уровня. Исходя из многовекового опыта, русский видит в немце существо более высокого порядка. Заботьтесь о том, чтобы этот престиж немцев сохранялся. Повышайте его спокойными, деловыми приказами, твердым приступом к делу, высмеивая любителей порассуждать и неумех.

Остерегайтесь русской интеллигенции — как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция дурачит вас. Сама она ничего не может, но у нее есть особый шарм и искусство воздействовать на умонастроение немцев. Это относится к русскому мужчине, но еще более — к русской женщине.

9

Воздерживайтесь от высмеивания коммунистов. Русская молодежь вот уже два десятилетия воспитывается в коммунистическом духе. Никакого другого воспитания она не знает. Поэтому ворошить прошлое бессмысленно. Мы не стремимся обратить русских в национал-социалистскую веру, а хотим всего лишь сделать их нашим орудием. Вы должны привлечь молодежь на нашу сторону, ставя ей задачи, строго берясь за нее и без сострадания наказывая ее, если она саботирует выполнение этих задач или бездельничает.<...>

Россия всегда была страной коррупции, доноительства и византизма с его роскошью. Эта опасность всегда будет особенно воздействовать на вас через эмигрантов, переводчиков и т.д. Русские, находящиеся на сравнительно высоких должностях, также и руководители предприятий, прорабы и мастера всегда были склонны к вымогательству от подчиненных, но сами дают себя подкупать. Вмешивайтесь со всей строгостью, когда замечаете взяточничество. Будьте сами всегда неподкупны и корректны.

и по сей
день коррупция, 10

Мы не хотим нести русским никакой новой религии. Но русский по сути своей — человек религиозный и верящий в предрассудки, и вы должны это уважать. Занятие религиозными вопросами в ваши задачи не входит.

11

Нищета, голод и непритязательность — удел русского человека вот уже многие века. Его желудок переварит все, а потому — никакого ложного сострадания. Не пытайтесь подходить к нему с германским жизненным стандартом в качестве мерил и изменять русский образ жизни.

12

Полагайтесь исключительно на себя самого, не направляйте вашему начальству никаких жалоб и призывов о помощи. Помогайте себе сами, тогда вам поможет и Бог!

Берлин, 1 июня 1941 г.
Г. Бакке

66*. О национал-социалистской оккупационной политике в России
(Меморандум Бормана)

Ставка фюрера, 16 июля 1941 г.
Секретный документ имперской
важности!

Протокольная запись [Бормана].

По указанию фюрера сегодня в его кабинете состоялось совещание, в котором приняли участие рейхсляйтер Розенберг, имперский министр, [начальник Имперской канцелярии] Ламмерс, фельдмаршал Кейтель, рейхсмаршал Геринг и я, [Борман].

Совещание началось в 15 часов и продолжалось (с перерывом на кофе) почти до 20 часов.

Во вступительном слове фюрер подчеркнул, что хочет высказать несколько принципиальных соображений. Сейчас необходимы различные важные меры. Это подтверждается, в частности, бесстыдным заявлением одной вишистской газеты, что война против Советского Союза — это будто бы европейская война: ее должна вести вся Европа. Очевидно, тем самым эта газета хотела сказать, что выгоду от нее должны получить не только немцы, но и все европейские государства.

Важнее всего, чтобы мы не выдавали нашу цель всему миру. В этом нет никакой необходимости. Главное — чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае не осложнять себе собственный путь излишней болтовней. Подобные заявления излишни потому, что все, что в наших силах, мы сможем сделать сами, а то, что лежит за их пределами, мы все равно сделать не сможем.

Таким образом, наши шаги должны мотивироваться перед всем миром тактическими соображениями. В данном вопросе мы должны действовать точно так же, как действовали в отношении Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии. Тогда мы тоже ничего не говорили о наших намерениях. Мы поступим разумно, если не будем делать этого и впредь.

Итак, мы будем снова подчеркивать, что были вынуждены захватить ту или иную область, чтобы навести там порядок и обеспечить нашу безопасность. Мол, в интересах населения этой страны мы должны позаботиться о спокойствии, продовольственном снабжении, транспорте и т.п., а отсюда — и предпринятое нами урегулирование. Ни в коем случае не надо показывать, что это сделано навсегда. Тем не менее все необходимые меры — расстрел, переселение и т.п. — мы все равно сможем и будем осуществлять и дальше.

Однако мы не хотим без необходимости и раньше времени наживать себе врагов. Поэтому надо делать вид, будто мы осуществляем какой-то мандат. Но нам самим должно быть ясно, что из этих областей мы уже не уйдем никогда.

Соответственно речь идет о следующем:

1. Не делать ничего, что могло бы затруднить окончательное урегулирование, а готовить его исподтишка.

2. Подчеркивать, что мы приносим свободу.

В частности:

Крым должен быть очищен от всех чужих и заселен немцами. Точно так же станет территорией рейха и староавстрийская Галиция.

В настоящее время отношения с Румынией у нас хорошие, но никто не знает, как они сложатся в будущем. Нам надо настроиться на это и соответственно установить наши границы. Надо не ставить себя в зависимость от благожелания других; в этом направлении и должны строиться отношения с Румынией.

В принципе дело идет о том, как сподручнее разделить гигантский пирог, чтобы мы

во-первых, господствовали,

во-вторых, управляли,

в-третьих, могли эксплуатировать.

Русские издали сейчас приказ о партизанской войне в тылу нашего фронта. Эта партизанская война тоже выгодна нам: она дает нам возможность истреблять всех, кто выступает против нас.

Основные принципы:

Ни о каком возникновении вооруженной силы западнее Урала больше никогда не может быть и речи, даже если за это нам придется воевать целых сто лет. Все преемники фюрера должны знать: безопасность рейха может быть обеспечена только тогда, когда западнее Урала не будет существовать никакой военной силы; защиту этого района от всех эвентуальных опасностей берут на себя немцы.

Железным принципом должно быть и оставаться во веки веков: никому, кроме немца, носить оружие не дозволено!

Это особенно важно, даже если на первый взгляд кажется более легким привлечь к военной помощи какой-либо чужой, побежденный народ. Это ошибка! Однажды он безусловно и неизбежно нанесет нам удар в спину. Только немец может владеть оружием, но отнюдь не славянин, не чех, не казак, не украинец!

Ни в коем случае нам не следует проводить "политику качелей", как это делалось до 1918 г. в Эльзасе. Что характерно для англичанина, так это его постоянное равномерное следование одной линии, одной цели! Этому мы безусловно должны учиться у англичан. Следовательно, мы никогда не должны ставить политику в

зависимость от какой-нибудь конкретной личности: здесь примером нам тоже должно служить поведение Англии в Индии в отношении индийских князей и т.д. Солдат всегда должен обеспечивать безопасность режима!

Из вновь приобретенных восточных областей мы должны сделать для себя райский сад. Они для нас жизненно важны, колонии же, напротив, играют совершенно второстепенную роль.

Даже сейчас, когда мы отделяем для себя те или иные области или их части, мы всегда должны выступать в роли защитников права местного населения. Соответственно надо уже сейчас подобрать подходящие формулировки. В этом случае мы говорим не о новой имперской территории, а о решении необходимой для ведения войны задачи.

В частности:

в Прибалтике (по согласованию с Кейтелем) должна быть взята под наше управление территория до Двины.

Рейхсляйтер Розенберг [он же — министр по делам оккупированных восточных областей] подчеркивает, что, на его взгляд, в каждом [территориальном] комиссариате необходимо свое, специфическое обращение с населением. На Украине мы должны начать со сферы культуры, пробудить у украинцев их историческое сознание, основать в Киеве университет и т.п.

Возражая против этого, рейхсмаршал [Геринг] констатирует: первым делом мы должны думать об обеспечении нашего продовольственного положения, а уж потом обо всем прочем.

(Попутно возникает вопрос: а есть ли на Украине еще культурный слой и имеются ли вообще украинцы-эмигранты за пределами России?)

Рейхсмаршал просит фюрера сообщить, какие области [СССР] обещаны другим государствам.

Фюрер отвечает: Антонеску хочет Бессарабию и Одессу, а также полосу, идущую от Одессы к западу и северо-западу.

В ответ на возражения рейхсмаршала и Розенберга фюрер констатирует, что новая, желаемая Антонеску граница весьма мало выходит за пределы старой румынской границы.

Фюрер подчеркивает далее, что Венгрии, Турции и Словакии ничего определенного не обещано.

Затем фюрер ставит на обсуждение вопрос: стоит ли бывшую австро-венгерскую Галицию включить в генерал-губернаторство? В ответ на возражения фюрер решает, что эта область (Львов.— Г.-А.Я.) в генерал-губернаторство не войдет, а будет лишь в настоящее время подчинена имперскому министру Франку.

Рейхсмаршал считает правильным присоединить к Восточной Пруссии некоторые районы Прибалтики (например, Белостокские леса).

Фюрер подчеркивает, что территорией Германии должна стать вся Прибалтика. То же самое относится и к Крыму.

(Попутно: не раз проявляется, что Розенберг весьма благоволит к украинцам; он хочет также значительно увеличить старую Украину.)

Фюрер подчеркивает далее, что Волжская колония* тоже должна стать частью рейха. Точно так же, как и район Баку, она должна быть превращена в немецкую военную колонию.

Финны хотят заполучить Восточную Карелию, но ввиду имеющегося там большого никелевого месторождения Кольский полуостров должен отойти к Германии.

Со всей осторожностью надо подойти к присоединению Финляндии в качестве федерального государства. На район Ленинграда предъявляют свои притязания финны. Фюрер хочет сначала сровнять Ленинград с землей, а уже потом передать его финнам.<...>

Фюрер говорит рейхсмаршалу [Герингу] и фельдмаршалу [Кейтелю]: он всегда добивался, чтобы полицейские полки получили крайне необходимые им для действий в восточных областях танки.<...> Поскольку рейхсмаршал намерен перенести свои учебные аэродромы в эти новые области, если окажется необходимым, бомбардировщики Ю-52 в случае какого-либо бунта смогут забросать их бомбами. Огромное пространство надо усмирить как можно быстрее; этого лучше всего можно добиться расстрелом каждого, кто посмеет поглядеть на немца косо.

Фельдмаршал Кейтель подчеркивает, что за свои поступки жители должны отвечать сами, ведь невозможно же выставить часовых у каждого склада и каждого вокзала. Жители должны знать: каждый, кто не работает на немцев, будет расстрелян и за любой проступок виновный будет наказан.

На вопрос рейхсляйтера Розенберга о печати фюрер ответил: газеты (например, на Украине) надо начать издавать снова, чтобы получить средство воздействия на местное население.

После перерыва фюрер заметил: мы должны ясно понимать, что нынешняя Европа — это только географическое понятие, в действительности же Азия доходит до наших прежних границ.

(Попутно: фюрер подчеркивает, что ни о какой деятельности церковью [в России] речи быть не может.)<...>

В заключение принимается решение именовать Прибалтику — Остланд.

* Имеется в виду существовавшая до войны автономная республика немцев Поволжья.

67. О поведении войск в Восточном пространстве

Командование 6-й армии
Оперативный отдел

Штаб армии, 10.10.1941 г.
Секретно!

По вопросу о поведении войск в отношении большевистской системы до настоящего времени представления еще не ясны.

Важнейшей целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром ее средств власти и уничтожение азиатского влияния на культурный круг европейских народов.

Отсюда для войск вытекают такие задачи, которые выходят за рамки традиционного солдатского поведения. Солдат в Восточном пространстве — не только воин по всем правилам военного искусства, но и носитель неумолимой германской идеи и мститель за все те злодеяния, которые причинялись германскому народу и родственным с ним по крови народам.

Поэтому солдат должен проявлять полное понимание необходимости сурового, но справедливого возмездия еврейским ублюдкам. Оно имеет также своей целью в зародыше задуть мятежи в тылу наших войск, которые, как свидетельствует опыт, постоянно затевают евреи.

Борьба против врага позади линии фронта еще не воспринимается с достаточной серьезностью. Пока все еще продолжают брать в плен жестоких партизан и потерявших человеческий облик женщин. С одетыми в полувоенную форму или в штатскую одежду партизанами и бродягами все еще обращаются, как с порядочными солдатами, и отправляют их в лагеря для военнопленных. Более того, взятые в плен русские офицеры с издевкой рассказывают, что агенты Советов беспрепятственно передвигаются по дорогам и даже порой питаются из немецких полевых кухонь. Такое поведение войск объясняется только полной беззаботностью. Самое время для начальников оживить у подчиненных смысл нынешней борьбы. Обеспечение питанием сельских жителей и военнопленных, не находящихся в услужении вермахту, есть такая же ложно понятая человечность, как и раздача сигарет и хлеба. Немецкий солдат не имеет права раздаривать то, что тыл дает фронту с большими лишениями и что командование с огромнейшими трудностями доставляет на фронт, даже если это — трофейные продукты, являющиеся необходимой частью нашего продовольственного снабжения.

При своем отступлении Советы зачастую поджигают здания. Войска заинтересованы в тушении таких пожаров только в случае необходимости для собственного расквартирования. В остальном же исчезновение символов бывшей большевистской диктатуры — также

и в виде зданий — вполне в рамках борьбы на уничтожение. При этом в Восточном пространстве не играют никакой роли ни исторические, ни художественные соображения. По вопросу охраны важных в военно-хозяйственном отношении сырья и производственных зданий командование даст необходимые указания.

Полное разоружение населения в тылу сражающихся войск следует производить с учетом растянутых и чувствительных к диверсиям коммуникаций. Там, где это представляется возможным, трофейное оружие и боеприпасы складывать и сохранять. Если же боевая обстановка этого не позволяет, оружие и боеприпасы делать непригодными для дальнейшего использования.

Если в тылу армии будут обнаружены вооруженные партизаны, к ним надо применять драконовские меры. Эти меры распространить на все мужское население, которое, предположительно, могло бы помешать актам против германских войск или сообщить о них. Пассивность многочисленных якобы антисоветских элементов, вызванная их выжидательной позицией, должна уступить место их четкому решению активно сотрудничать с нами против большевиков. Тот, кто не пожелает, пусть не жалуется на то, что его рассматривают и обращаются с ним, как с приверженцем советской системы. Страх перед немецкими контрмерами должен быть сильнее, чем угроза со стороны все еще бродящих вокруг остатков большевистских войск. Далекий от всех политических соображений расчет будущего солдат должен выполнять две следующие задачи:

1. Полное уничтожение лживого большевистского учения, Советского Союза и его вооруженных сил.

2. Безжалостное уничтожение расово чуждых нам коварства и жестокости, а тем самым обеспечение жизни германского вермахта в России.

Только так мы окажемся на высоте поставленной перед нами задачи: раз и навсегда освободить немецкий народ от азиатско-еврейской опасности.

Командующий армией

[подпись] *А. В. В. В. В. В.*
генерал-фельдмаршал

IMT. Bd XXXV.

**68*. Распоряжение командующего группой армий "Г"
обергруппенфюрера СС* и генерала войск СС Хауссера
об ответственности родственников**

Главнокомандующему "Запад"
1.2.1945 г., 03.15

Совместное расположение с разбитыми соединениями действующих частей, пополнение их недостаточно обученным личным составом оказали неблагоприятное воздействие на внутреннее состояние войск. Далее, ввиду большой протяженности линии обороны воздействие командиров частей и соединений, а также офицеров по национал-социалистскому руководству на личный состав зачастую в требуемом объеме стало невозможным. Поэтому возросла опасность увеличения числа перебежчиков на сторону противника, потребовались и приняты профилактические меры. До сведения личного состава доведены меры в виде ареста родственников. При этом следует принять во внимание, что угроза ареста родных потеряла свою действенность в отношении тех солдат, семьи которых находятся в занятых врагом областях Германии.

Просьба изучить этот вопрос и решить его.

Командующий группой армий "Г"
Хауссер,
обергруппенфюрер СС

Инструкция для применения прилагается.

4. <...> По перебежчикам немедленно открывать огонь. Тот, кто не будет стрелять, подлежит наказанию. Каждое отделение, каждый взвод, каждая рота несет коллективную моральную ответственность за поведение каждого своего солдата в отдельности.

69. Приказ Гитлера "Нерон" от 19 марта 1945 г.

Борьба нашего народа за свое существование вынуждает нас к использованию и на территории самого рейха всех средств, ослабляющих боевую силу нашего врага и препятствующих его дальнейшему продвижению. Подлежат использованию все возможности прямо или косвенно нанести долгосрочный ущерб его боеспособности. Ошибочно считать, что разрушенные или временно выведенные из строя сооружения транспорта, связи, промышленности и снабжения могут быть вновь пущены в ход для наших собственных целей при возвращении потерянных областей. При своем отступлении враг оставит нам только выжженную землю и ни с какими интересами населения не посчитается.

* Соответствует общевойсковому чину генерала рода войск.

Поэтому приказываю:

1. Все военные сооружения, сооружения транспорта, связи, промышленности и снабжения, а также вещественные ценности на территории рейха, которые могут как-либо послужить врагу для продолжения его борьбы и которые он сможет немедленно или в обозримое время использовать для себя, надлежит разрушить.<...>

3. Приказ в кратчайший срок довести до сведения всех войсковых командиров; противоречащие этому приказу указания силы не имеют.

Адольф Гитлер
Верховное главнокомандование
вермахта
Штаб оперативного руководства,
оперативный отдел
Q2, №002711/45,
только для командования

IMT. Dok-Speer 25.

д). Германские нравы во время войны

70. Памятная записка, направленная Гитлеру командованием 39-го армейского корпуса

Командование 39-го армейского
корпуса
17 сентября 1941 г.

Памятная записка о возможности подрыва большевистского
сопротивления изнутри

Предшествующий ход Восточной кампании показал, что большевистское сопротивление и ожесточение далеко превзошло все ожидания. Красная Армия имеет такой, особенно унтер-офицерский, корпус, который постоянно крепко держит в своих руках рядовых как в наступлении, так и в обороне.<...>

Старое руководство эмигрировало, молодая интеллигенция из рабочего класса мыслит по-коммунистически. Любая попытка переворота была бы в конечном итоге ликвидирована самой жесткой силой в самом зародыше. Никто не должен предполагать, что война приведет к революции в Советском Союзе. Большевистское государство проявляет в борьбе такую же силу сопротивления, что и КПП* в борьбе за власть в рейхе. В ходе Восточной кампании становится особенно неприятным образом заметно, что <...> политические комиссары продолжают сражаться потому, что знают: у

* Коммунистическая партия Германии.

нас они несомненно будут расстреляны. Понимание ими этого обстоятельства может в дальнейшем только обострить ведение войны. У всего русского населения для принятия четкого решения нет картины будущего хода развития.<...>

В качестве немедленной меры надо отменить приказ о расстреле политических комиссаров. До тех пор, пока комиссары вынуждены совместными силами защищаться от верной смерти, они будут выступать сплоченно. Более того, наша угроза, несмотря на наличие в их среде внутренних раздоров, еще больше спаяет их друг с другом. Если же каждый отдельный комиссар будет знать, что, став перебежчиком, он сможет спасти свою жизнь, политическая сплоченность политического командного корпуса перестанет существовать.

Однако с точки зрения долгосрочной перспективы гораздо важнее показать русскому народу позитивное будущее.<...>

Командир корпуса
Шмидт

Командовакию 16-й армии.

Просьба препроводить настоящую памятную записку по инстанции фюреру и верховному главнокомандующему вермахта.

Командир корпуса

Der Verbrecherische Befehl.

71. набросок письма руководителя заговора 20 июля 1944 г.
Карла Гёрделера генерал-фельдмаршалу фон Клюге
от 25 июля 1943 г.

Глубокоуважаемый господин генерал-фельдмаршал!

Высказываемая многими военными органами точка зрения, будто разрушения на Западе не столь тяжелы и рабочие в течение нескольких дней после того, как они повытаскивали из развалин свой скарб, снова приступили к работе, побудила меня лично поглядеть на область, подвергшуюся разрушению [в результате налетов авиации]. Вы были бы точно так же потрясены, как и я. Разрушены и превращены в щебень плоды многовекового труда. Мне нет необходимости описывать те чувства, которые овладели мной, когда я увидел руины Бармена и наполовину разрушенный Эльберфельд*. В Эссене не найти ни одной улицы, потому что нет ни одного привычного ориентира. Заводы Круппа разрушены на 60%, а работают из них примерно 30%: противоположное утверждение неверно.<...>

* Далее называются города промышленной Рейнской области.

Из Вупперталя и Эссена исчезло по меньшей мере две трети, из Кёльна — четыре пятых населения. Вот так обстоит дело с людьми, которые в течение трех дней вытаскивали из-под обломков домов свой скарб. Добыча угля в Рурской области упала с 420 000 т до 300 000 т в день и неуклонно продолжает падать. В июне впервые сильно сократилось и производство южногерманской военной промышленности, поскольку заметно уменьшился подвоз угля и металла из Рурской области. Из этих развалин не извлечь ничего. Это сплошные груды щебня, бетона и железа. Восстановление будет длиться многие поколения.<...> Уборка разрушений только из одного Эссена потребует ежедневно 100 вагонов и продлится года три. Оценить понесенные до сего дня убытки в 100 миллиардов марок было бы слишком мало. Наш прежний государственный долг вырос до 250 миллиардов.<...>

Вы, господин генерал-фельдмаршал, знаете, что все теории, стремящиеся доказать, будто ничего особенного не происходит и что это отягощенное долгами хозяйствование может безнаказанно продолжаться и дальше, — сущий бред. Нет, немецкий народ стоит перед выбором: или объявить о своем банкротстве (и тогда все наше имущество мы потеряли бы, а все отрасли промышленности остались бы без всякого капитала). Поскольку нынешнее положение означает революцию самого радикального масштаба, оно нетерпимо.<...> Или же от немецкого народа надо снова скрыть правду, а сам он должен начать марш навстречу инфляции, опять влезая в долги и допуская и дальше такой ход развития, какой мы наблюдаем ныне. Он опять приведет к тому же, что и когда-то. Но только во второй раз у нас возможностей 1923 года не будет.

Уже сейчас трудности поддержания жизни немецкого народа в условиях войны и мира огромны. Ведь вся Европа в результате безумия Гитлера разорена. В 1918 г. по крайней мере еще оставались "на плаву" Норвегия, Дания и Голландия. Сегодня все европейские страны в значительной мере опустошены, грабительски лишены своих запасов, а также золота, валюта их пришла в упадок. Приходишь просто в ярость, когда слышишь, с каким легкомыслием даже образованные люди говорят о восстановлении после войны. Можно испытывать лишь возмущение от того, что образованные люди живут просто-напросто за счет рушащегося общества и довольствуются тем, что пока мы еще не пришли к полному краху, предаваясь иллюзии, будто дело так может идти и дальше!

Переход в мирное состояние, когда миллионы солдат, отвыкших от труда, будут искать жилище и работу, а вместо этого находить лишь развалины, может вообще произойти только в том случае, если мы в основу наших действий положим моральное, идеальное, берущее людей за душу и побуждающее их преодолевать все материальные трудности.

В настоящее время путы прежней морали разорваны; то, что от нее осталось,— это просто условность.<...> Даже в вермахте основы морали сильнейшим образом потрясены, поскольку и там отреклись от ее религиозной основы, и потому один солдат может тайно доносить на другого, не боясь, что его сочтут подонком. А чего стоит введение особого трибунала при Имперском военном суде, насаждение в армии шпииков! Неделю назад я читал письмо одного солдата-эсэсовца, которому всего 18 с половиной лет и который прежде был вполне приличным юношей. Он весьма спокойно сообщает, что "не такое уж это приятное дело косить из пулемета тысячи евреев, швырять их трупы в могилы, а потом засыпать землей еще дергающиеся тела". Что же сделали из гордой армии времен Освободительной войны (против наполеоновского господства.— *Пер.*) и кайзера Вильгельма I. Но народ чувствует это с достойной удивления, слава Богу, еще уцелевшей инстинктивной уверенностью.

Ради Бога, глубокоуважаемый господин генерал-фельдмаршал, не давайте вводить себя в заблуждение, когда кто-то говорит вам, будто народ верит всему тому, к чему его хотят принудить! Народ презирает эту ложь и ненавидит тех, кто ее распространяет. Такова правда. Она будет пробиваться с тем большей стихийной силой, чем дольше будут стараться ее подавить. Но потом она обернется против тех, кто взвалил на себя груз соучастия.

На Юге Гитлер совершает пятую военную ошибку: он использует немецких солдат и ценное оружие в Сицилии, в то время как любое размышление должно сказать ему: в Италии больше ничего не спасти, ибо она сама себя спасти не может. Растрата немецких сил, бесцельное принесение немецких солдат в жертву — это преступление: ведь даже достигнутый обороной Сицилии выигрыш времени ровно ничего не значит! Тайнственные намеки насчет нового мощного оружия, как мне удалось установить, являются безответственной болтовней. Даже если эти новые виды оружия однажды действительно станут применимы для боевого использования, они все равно ничего не изменят во внутреннем, уже свершившемся решении этого вопроса; причем совершенно независимо от того, имеется ли такое же действенное оружие у противника. Следовательно, в военном отношении совершается та же ошибка, как и в 1918 г., только еще более безумная. Совершается та же самая ошибка, что и в 1918 г., ибо мужества сделать требующиеся выводы в верхах не находят! Но год 1943-й — куда более роковой, чем год 1918-й, ибо тогда руководство было духовно и морально здоровым, а сейчас оно — душевнобольное и морально разложившееся.

Едва ли требуется еще какое-либо доказательство этой душевной болезни, когда слышишь, что Гитлер поставил своему окружению цель — раздел Италии! Мол, Муссолини наконец попросит его о помощи, и тогда он, [Гитлер], пожалуй, назначит его своим наместником в Северной Италии и сделает Апеннины границей Германии! Гитлер также готов признать за Россией, если она только пойдет на мир, такие границы, на которые порядочное германское правительство и сегодня еще не должно соглашаться. Гитлер сочиняет себе и другим сказки о скорой победе!

Принимая во внимание то становящееся явным национальное бедствие, в которое нас ввергло безумное, презирающее право божеское и человеческое руководство, позволю себе обратиться к вам, уважаемый господин генерал-фельдмаршал, с последней просьбой. Можете быть уверены, что она действительно последняя. Так вот, пришел тот час, когда мы должны решить и нашу собственную судьбу. Этот путь указывает совесть, а другой — удобнее. Первый опасен, но почетен, а второй ведет к горькому концу и страшному раскаянию.

Знаете ли вы, глубокоуважаемый господин генерал-фельдмаршал, стоя перед лицом страшных и все более приближающихся разрушений немецких городов, какое-либо средство добиться такой победы, которая, во-первых, дала бы окончательно возможность не пустить Россию в Европу, а во-вторых, заставить США и мировую английскую империю прекратить свои атаки и в конечном счете пойти на мир? Таков с политической и военной точки зрения стоящий перед нами вопрос. Если такая победа существует в природе, тогда надо показать ее возможность немецкому народу не при помощи лжи, а при помощи правды, которая в таком случае должна иметься. Но если победы нет, то продолжение войны — чистое преступление, ибо оно никогда не принесет народу героического исхода войны, а принесет лишь необходимость как-то жить дальше.

Я должен снова констатировать (и беру за это на себя ответственность), что возможность прийти к заключению благоприятного мира все еще есть, если мы снова сделаем немцев и самих себя способными нести ответственность. То, что с преступниками и дураками ни один государственный деятель в этом мире переговоры вести не станет, ибо не доверит легкомысленно судьбу своего народа этим дуракам, само собою разумеется. Ведь об этом говорит и собственная совесть. Конечно, эти возможности сейчас осуществить труднее, чем год назад. Они осуществимы только в том случае, если политик еще имеет определенную свободу действий во времени, т.е. если он не будет не сегодня-завтра поставлен, как в 1918 г., перед военной необходимостью сказать: "Больше выдержать не можем". Если второе, зависящее от военных предварительное условие будет выполнено, мы сможем спокойно, понятными действиями сразу же затормозить войну сначала в воздухе, а постепенно

и на суше. Тот, кто сегодня сможет возвестить народу, что война в воздухе прекращена, будет иметь народ за собой, никто не решится поднять против него даже один-единственный голос или пошевелить пальцем. Таково положение вещей, и оно ни на йоту не является иным.

Ради такого действия, при котором вещи называют своим именем, а преступника хватают за руку, я был бы готов пойти на все, невзирая ни на какую опасность.<...>

Сегодня же я смог бы обеспечить вам, глубокоуважаемый господин генерал-фельдмаршал, и любому решившемуся на необходимые действия генералу поддержку большинства немецких рабочих, чиновников и представителей хозяйства. Могу также, если вы хотите, сделать нашими союзниками господина Геббельса или господина Гиммлера, ибо даже эти два лица уже давно уяснили себе, что с Гитлером они проиграли. Таким образом, речь действительно идет только о решении, о смелом осмыслении ситуации и верном поступке. Но опаснее всего, и в конечном счете невыносимо, день за днем затыкать себе уши от голоса совести. В этом мы, глубокоуважаемый господин генерал-фельдмаршал, как я убежден, придерживаемся единого мнения. Я многие годы считаюсь милитаристом, поклонником военщины, покровителем военного дела, другом многих генералов. Из-за этого я пережил в своей жизни немало неприятных часов, как после первой мировой войны, так и в последние годы: ведь многие люди в Германии заведомо не ждут от генералов ничего хорошего. Но я всегда был на их стороне, говоря: на их характер и осознание своей ответственности можно положиться. А теперь дело дошло до того, что я сам чувствую себя опозорившимся. В Южной Германии, где у меня есть надежные друзья, мне уже говорят: во всем виноват прусский милитаризм. И ведь это говорят люди отнюдь не глупые, а те, кто горячо любит Германию и хорошо относится к немецкому солдату. Но они отчаялись из-за того, что все мы, с открытыми глазами, в здравом уме и с чутким сердцем, безвольно позволяем преступникам и дуракам вести наше отечество в пропасть и гнать немецкую молодежь и немецких мужчин на смерть и увечье.

Мы обязаны больше не позволять дуракам навязывать немецкому народу свои иллюзии и свою ложь и делать из порожденной жаждой своего господства захватнической войны войну ради необходимой обороны. У нас нет никаких причин бояться большевизма или англосаксов. Там тоже многое бурлит и клокочет, как кипятилок, и у нас есть что бросить на чашу весов. Они тоже во многом зависят от нашей силы и нашей способности что-либо сделать. Но для этого нужны порядочные немцы, которые будут энергично и разумно отстаивать наши интересы.

Не хочу быть назойливым, глубокоуважаемый господин генерал-фельдмаршал, а я жду от вас только одного ответа и знаю, какое это будет иметь значение, если вы откажете мне в нем. Об одном только прошу вас: не опасаться дать мне ответ. Я научился молчать и не разучусь молчать и теперь. Я знаю свою обязанность перед теми, кому доверяю. Но только тогда, когда три или четыре человека в Германии будут доверять друг другу, мы сможем приняться за дело.

С наилучшими пожеланиями
весьма преданный вам
Гёрделер.

G. Ritter. Karl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. 2. Aufl. Stuttgart. 1956.

72. О другой Германии

(Из дневника участника заговора 20 июля 1944 г. Уве фон Хасселя)

24 — 27.5.1940 г., Берлин

Невероятно крупные успехи немцев на Западе в результате превосходства танковых войск и авиации, а также других современных боевых средств, при прорыве войск и отличном командовании у нас, при преступном легкомыслии и плохом командовании у противника создали новую ситуацию. Скептицизм большинства генералов, прежде всего [бывшего начальника генерального штаба сухопутных войск] Бека, опровергнут, а бахвальство Фромма [командующий армией резерва] оправдалось.<...>

Так как у национал-социализма в том виде, каким он стал, души нет, а его единственный принцип — насилие, мы становимся лишенной души безбожной натурой и в результате будем иметь бездушную, бескультурную Германию, а может быть, бессовестную и грубую Европу.<...>

26.11.1942 г., Эбенхаузен

Барометр продолжает падать. Сталинград начинает играть роль Вердена. Видя на новую зимнюю кампанию с сильно побитым и борющимся с большими трудностями противником делаются все позитивнее. К тому же — возрастающая трудность воздушных налетов, которые ощутимы теперь и в Мюнхене. На якобы предстоящее народное голосование (ярость против Гитлера) рассчитывать никак не приходится. Мы представляем собой своеобразную смесь героев и рабов. Последнее относится прежде всего к генералам, которые, просто как в сказке, сумели свести свой авторитет, особенно Гитлера, к нулю. После неудач на Востоке он снова буйствовал, как дикарь, ибо, когда дело идет вкривь и вкось, командует войсками вовсе не "гениальнейший полководец всех времен", а "эти генералы". Зауэрбрух, [личный хирург Гитлера, генерал СС],

недавно посетивший его, нашел его постаревшим и подавленным; в разговоре он бормотал какие-то бессвязные странные слова (например: "Я должен отправиться в Индию" или "За каждого убитого немца должны умереть десять врагов").

22.1.1943 г., Берлин

Генералы оказались столь честолюбивы, что затянули со своим вмешательством до тех пор, пока не стало совершенно ясно, что этот ефрейтор ведет нас в пропасть. Плохо только то, что подтвердилось наше уверенное предсказание: будет слишком поздно, и любой новый режим явится лишь комиссией по ликвидации [рейха].<...>

6.3.1943 г., Эбенхаузен

Тяжелый кризис еще не принес знаменитую и горько необходимую, страстно желаемую очистительную грозу, а именно смену системы. Только одна эта гроза смогла бы дать нам возможность хотя бы приемлемого мира, нашего внутреннего оздоровления и выздоровления Европы. Все усилия нынешней системы залить людям в кровь железо, при помощи своего инструмента власти подкрепить полубезумную, полупреступную политику оказались тщетными. При этом последний толчок к ее падению должны были бы дать военные события.<...>

20.7.1943 г., Эбенхаузен

Разговор с Дитером [Шлабрендорфом] о внешней политике Гитлера до и после начала войны. Я развивал следующую мысль: "внутреннюю" основу всего этого бедствия образует сочетаемая с полным незнанием мира гибридоподобная необузданность. Пагубное воздействие ее создало такую политику, которая при помощи военного блока с Италией и Японией разделила мир на два лагеря, к тому же при неблагоприятном для Германии соотношении сил.<...> Решающий поворотный пункт, означавший приглашение к войне, — это захват Праги.

Так эти люди начали войну против Польши, с преступным легкомыслием пойдя на риск вмешательства западных держав в конфликт, совершенно не принимая во внимание соотношение сил и особенно не имея никакого представления о значении фактора "море". Они считали, что требующуюся уверенность в успехе они получили, заключив пакт с Россией, хотя и этот шаг они тоже сделали с задними мыслями, которые стали явными в 1941 г. Утверждение, будто Россия хотела напасть или напала бы позже, не имело под собой никакой почвы. Здесь дело идет о зловещем примере отвергнутой Бисмарком превентивной войны. Если в 1914 г. Германия "сползла" в войну на два фронта, то в 1941 г. Гитлер резво втолкнул ее в эту войну.

**73. Воззвание к немецкому народу, подготовленное
руководителями антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г.
на случай успеха государственного переворота**

Немцы!

На наших глазах в последние годы разыгрывалось нечто чудовищное. В угоду своей жажде славы, своему чванливому властолюбию, своей богохульной идее Гитлер вопреки совету специалистов пожертвовал целыми армиями, считая себя призванным и одаренным орудием Провидения.

Став во главе правительства не по воле народа, а в результате интриг наихудшего пошиба, он своими демоническими выкрутасами и ложью, невероятным расточительством (которое всем казалось несущим выгоды, а на самом деле принесло немецкому народу огромные долги) породил в нем смятение. Дабы удержать свою власть, он установил безудержный террор, попрап право, объявил порядочность вне закона, подверг осмеянию божественные заповеди чистого душой человечества и разрушил счастье миллионов людей.

Со смертельной гарантией его безумное презрение ко всем людям ввергло наш народ в состояние бедствия, а самозванная претензия Гитлера быть полководцем обрекла на гибель наших сынов, отцов, и братьев. Его кровавый террор против беззащитных людей покрыл имя немца позором. Бесправие, насилие над совестью, преступность и коррупция — все это он посадил на трон в нашем отечестве, которое дотоле гордилось своей правопослушностью и честностью. Правда и справедливость, воспитать которые в своих детях считает своей высшей обязанностью даже самый малый народ, стали наказуемыми и подверглись преследованию. Теперь общественной деятельности и жизни каждого в отдельности грозит смертельное отравление.

Но так быть не должно, так больше жить нельзя! Нельзя, чтобы жизнь и смерть наших мужчин, женщин и детей и впредь использовались в злонамеренных целях. Мы были бы недостойны наших отцов, нас стали бы презирать наши дети, если бы мы не нашли в себе мужества сделать все, решительно все, для того, чтобы отвратить от нас эту страшную опасность и снова обрести уважение к самим себе.

С этой целью мы, с чистой совестью перед Господом Богом, взяли на себя государственную власть. Наш храбрый вермахт — порука безопасности и порядка. Полиция будет выполнять свой долг.

Каждый государственный служащий должен повиноваться только закону и своей совести, выполняя должностные обязанности со знанием дела. Пусть каждый поможет этому своей дисциплинированностью и доверием. Делайте свои повседневные дела с новой надеждой. Помогайте друг другу. Ваши измученные души должны обрести покой и утешение.

Далекие от всякой ненависти внутри страны, мы стремимся к примирению и за ее пределами. Нашей первой задачей будет очистить войну от всех ее извращенностей и прекратить опустошительное уничтожение человеческих жизней, хозяйственных ценностей и культурного достояния в тылу фронтов. Все мы знаем, что мы не властны над войной и миром. Твердо доверяя нашему несравненному вермахту и в нерушимой вере в поставленные Богом человечеству задачи, мы готовы пожертвовать всем для защиты нашего отечества и восстановления справедливого строя. Мы хотим снова жить в уважении божественных заповедей, в нравственной чистоте и по правде, во имя чести и свободы!

Немцы!

Гитлеровская диктатура сломлена.

Гитлер считал честь и достоинство, свободу и жизнь других людей пустым звуком. Множество немцев, а также представителей других народов годами томились в концентрационных лагерях, подвергаясь величайшим мукам, а зачастую и ужасным пыткам. Многие из них были замучены до смерти. Жестокие массовые убийства запятнали наше доброе имя. С окровавленными руками шагал Гитлер по своему ложному пути, оставляя после себя слезы, страдания, нищету.

В этой войне нашли свое крайнее выражение опьянение властью, высокомерное самодовольство и бред завоеваний. Храбрость и самоотверженность наших солдат подверглись позорному злоупотреблению, а народ принес бессмысленные и чудовищные жертвы.

Мы открыто представим всем доказательства чудовищной измены Гитлера немецкому народу и предательства его души, тотального попрания прав, издевки над требованием приоритета общественной пользы перед личной, бесстыдной коррупции. Того, кто все еще сомневается в этой страшной правде (ибо как порядочный человек считает невозможным, чтобы за высокопарными словами скрывалась такая гнусность), убедят факты.

Так дальше дело идти не может! Наши отцы оказались бы недостойны уважения, наши дети должны были бы презирать нас, если мы не найдем в себе мужества сделать все, решительно все, для того, чтобы отвратить от нас чудовищную опасность.

Своим попранием божеского и человеческого права Гитлер бесчисленное множество раз нарушил данную им десять лет назад клятву. Поэтому ни один солдат, ни один государственный чиновник, ни один гражданин вообще больше не обязан соблюдать данную ему присягу.

В час величайшего бедствия я действовал вместе с людьми из всех сословий народа, из всех частей нашего отечества. Я принял на себя временно руководство Германской империей и распорядился о создании правительства во главе с рейхсканцлером. Оно уже

приступило к работе. Главнокомандующим вооруженными силами назначен генерал-фельдмаршал фон Вицлебен, которому подчинены командующие всеми фронтами. Эти люди объединились со мной, чтобы не допустить полного краха.

В тяжелый час обращаемся мы к вам. Ответственность перед Богом, перед нашим народом и перед его историей, неисчислимые жертвы двух мировых войн, постоянно растущая нужда в тылу, обнищание также и других народов, забота о будущем молодежи — вот что обязывает нас действовать именно так.

Принципы и цели правительства будут объявлены. Они будут обязательны для нас до тех пор, пока не появится возможность, чтобы немецкий народ принял решение сам. Наша цель — подлинная, основанная на уважении личности, на готовности к помощи в справедливости общность всего народа. Мы хотим заменить самообожествление — богобоязненностью, насилие и террор — правом и свободой, ложь и своекорыстие — правдой и чистотой.

Мы хотим восстановить нашу честь, а тем самым и наш престиж в сообществе народов. Мы хотим положить все свои силы на то, чтобы залечить раны, нанесенные всем народам этой войной, и возродить доверие между ними.

Виновные, которые нанесли вред репутации нашего народа и принесли нам и другим народам столько горя, будут наказаны.

Мы хотим положить конец безысходности, порожденной мыслью, что эта война будет продолжаться до бесконечности. Мы стремимся к справедливому миру, который заменит саморасчленение и уничтожение народов их мирным сотрудничеством. Такой мир может основываться только на уважении свободы и равноправия всех народов.

Я взываю ко всем порядочным немцам, мужчинам и женщинам всех рас и слоев, я взываю к молодежи! Я рассчитываю на охотное сотрудничество всех церквей.

Обретите мужество и доверие! Задача невероятно тяжела. Не могу и не хочу давать вам никаких пустых обещаний. Нам придется без усталости трудиться, чтобы постепенно снова пойти вперед и вверх. Но мы пойдем этим путем с достоинством свободных людей и снова обретем покой и совесть.

Пусть каждый исполнит свой долг!

Пусть каждый поможет спасти отечество!

[Генерал-полковник]

[Людвиг] Бек

III. ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

1. Путь к войне: 1933 — 1939

1.8.1914 — 9.11.1918 6/7.11.1917	Первая мировая война. Начало большевистской диктатуры в Рос- сии. <i>это главное препятствие</i>
28.6.1919	Подписание Версальского мирного догово- ра. <i>6 мире!</i>
1919 — 1933 28.10.1922	Веймарская республика. "Марш на Рим" Муссолини. Победа фашиз- ма в Италии (развитие в направлении дик- татуры). <i>2 на 100 лет!</i>
1929 — 1932	Мировой экономический кризис. (Авторитарно управляемые государства: Турция — с 1923 г., Испания — с 1923 — 1930 гг., с 1936 г.— Югославия, с 1929 г.— Португалия, с 1930 г.— Эстония, Латвия, Литва, с 1926 г.— Польша, с 1938 г.— Ру- мыния, с 1927 г.— Китай, Япония, Южная Америка.)
1933 30.1	Гитлер — рейхсканцлер так называемого национального правительства, состоящего из национал-социалистов и представителей партии немецких националистов ("Дойчна- ционале").
3.2	Первое выступление Гитлера перед генера- литетом рейхсвера (внешнеполитическая цель: "Жизненное пространство на Востоке и его безжалостная германизация").
27.2	В Берлине горит рейхстаг.
28.2	Чрезвычайное распоряжение "О защите на- рода и государства" (отмена основных гражданских прав, создание "законодатель- ной" основы концентрационных лагерей).
21.3	"День Потсдама" (пропагандистское слия- ние так называемой национальной револю- ции с прусской традицией).

- 24.3 Закон о предоставлении чрезвычайных полномочий.
- 14.7 Закон о запрете образования новых партий (однопартийное государство).
- 14.10 Германия выходит из Лиги Наций.
- 1934
- 26.1 Германо-польский договор о дружбе и не-нападении.
- 7.2 Имперский совет обороны принимает реше-ние об "экономических приготовлениях к войне".
- 30.6 — 2.7 Устранение руководства СА (штурмовые отряды) как фактора силы (так называемый бунт Рёма), известное под названием "Ночь длинных ножей".
- 2.8 Смерть рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга. Посты рейхсканцлера и рейхспрезидента объединяет в своем лице "фюрер и рейхсканцлер" Гитлер. Присяга рейхсве-ра "верховному главнокомандующему" Гитлеру (по инициативе Бломберга и Райхенау).
- 25.7 Неудавшийся национал-социалистский путч в Вене. Убийство канцлера Дольфуса.
- 1935
- Плебисцит в Саарской области (91% — за ее возвращение в состав германского рей-ха).
- 27.1 — 31.1 Миссия Геринга в Варшаву. (Переговоры о возможной германо-польской коалиции для военных действий против Советского Сою-за.)
- 16.3 Введение всеобщей воинской повинности. Начало открытого вооружения Германии.
- 11.4 Конференция в Стрезе. (Англия, Франция и Италия выступают против любой одно-сторонней денонсации договоров.)
- 2.5 Франко-советский договор о взаимопомощи (сроком на 5 лет).
- 18.6 Германо-английское военно-морское согла-шение. (Соотношение тоннажа флотов 35:100; равенство тоннажа подводных ло-док.)

- 3.10 Начало итальянского вторжения в Абиссинию (Эфиопию).
- 1936
7.3 Германия денонсирует Локарнский договор. Занятие ремилитаризованной Рейнской зоны.
- 18.7 Начало гражданской войны в Испании.
- 18.10 Герингу поручается руководство осуществлением четырехлетнего плана.
- 25.10 Образование "оси" Берлин — Рим после захвата Абиссинии Италией.
- 25.11 Заключение Антикоминтерновского пакта между Германией и Японией. (Совместные меры против пропагандистской деятельности Коммунистического Интернационала.)
- 1937
28.5 Невилл Чемберлен становится британским премьер-министром (проводник политики умиротворения агрессора и компромисса с Германией — Appeasement Policy).
- 7.7 Японское нападение на Лугоуцяо. (Начало японо-китайской войны.)
- 5.10 Речь американского президента Рузвельта в Чикаго. (Так называемая карантинная речь об изоляции агрессоров и диктаторов.)
- 5.11 Совещание Гитлера в Имперской канцелярии ("Протокол Хоссбаха").
- 1938
4.2 Отставка имперского военного министра генерал-фельдмаршала фон Бломберга (27.1) и главнокомандующего сухопутными войсками генерал-полковника барона фон Фрича. Гитлер — "верховный главнокомандующий вооруженными силами". Создание штаба верховного главнокомандования вермахта (ОКВ). Риббентроп назначается имперским министром иностранных дел (5.2). Организационная унификация вермахта.
- 12.3 Вступление 8-й армии (командующий — генерал пехоты фон Бок) в Австрию.
- 13.3 Аншлюс Австрии. (Образование "Великой Германии".)

- 22.4 Директива Гитлера "Операция Грюн" ("Зеленый план") по захвату Чехословакии.
- 5.5 Первый меморандум начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Людвиг Бека против гитлеровской политики агрессии.
- 20.5 Первая мобилизация в Чехословакии.
- 30.5 Изменение директивы фюрера. "Не подлежащее изменению" решение Гитлера разгромить Чехословакию.
- 16.7 Последний меморандум Бека.
- 27.8 Отставка Бека.
- 15.9 Беседа Гитлера с Чемберленом в Берхтесгадене.
- 22 — 24.9 Встреча Гитлера с Чемберленом в Бад-Годесберге.
- 26.10 Речь Гитлера в "Спортпаласте". (Передача Германии Судетской области выдвигается в качестве последнего требования изменения границы с Чехословакией.)
- 29.9 Подписание Мюнхенского соглашения: передача Судетской области Германии, германо-английское заявление. Чемберлен: "Мир на вечные времена!" ("Peace for our time!").
- 1.10 Начало германского вступления в Судетскую область.
- 21.10 Директива фюрера о разгроме оставшейся части Чехословакии.
- 9.11 "Кристалльная ночь" — организованный погром еврейских магазинов и синагог по всей Германии.
- 10.11 Секретная речь Гитлера для германской прессы (психологическая переориентировка немецкого народа на войну).
- 6.12 Германо-французское заявление о ненападении.
- 1939
- 14.3 Заявление Словакии о ее независимости, сделанное под давлением Гитлера, приводит к распаду оставшейся части Чехословакии.

- 15 — 16.3 Создание имперского протектората Богемия (Чехия) и Моравия; вступление в него германских войск. Венгрия присоединяет к себе Закарпатскую Украину (нарушение Мюнхенского соглашения, а тем самым — решающий шаг к войне).
- 23.3 Присоединение Мемельской (Клайпедской) области к германскому рейху.
- 21.3 Германское предложение Польше об урегулировании вопроса о границе
- 26.3 окончательно отклонено.
- 27.3 Великобритания вводит всеобщую воинскую повинность (закон от 26.5).
- 28.3 Конец гражданской войны в Испании. Генерал Франко вступает в Мадрид.
- 31.3 Опубликовано англо-французское заявление о гарантиях Польше.
- 3.4 Директива ОКВ "Операция Вейс" ("Белый план") — нападение на Польшу.
- 7.4 Италия оккупирует Албанию.
- 13.4 Англо-французское заявление о предоставлении гарантий Греции и Румынии на случай угрозы им.
- 14.4 Обращение Рузвельта к Гитлеру и Муссолини с предложением не осуществлять больше насильственных актов. Предложение о созыве конференции.
- 28.4 Денонсация Гитлером германо-английского соглашения о военно-морских флотах 1935 г. и германо-польского пакта о ненападении 1934 г.
- 22.5 "Стальной пакт": германо-итальянский военный союз.
- 12.6 Начало дипломатических переговоров западных держав с Советским Союзом в Москве.
- 23.8 Заключение (после длившихся несколько месяцев секретных переговоров) германо-советского пакта о ненападении с секретным дополнительным протоколом.
- 25.8 Англо-польский пакт о взаимопомощи. Назначенное на 26.8 германское нападение на Польшу откладывается.

- 26 — 30.8 Германо-английские переговоры на различных уровнях. Цель Гитлера: добиться неучастия Англии в германо-польском конфликте.
- 26.8 Германия гарантирует нейтралитет Бельгии, Голландии, Люксембурга, Дании и Швейцарии.
- 31.8 В 12 час. 40 мин. Гитлер отдает окончательный приказ о нападении на Польшу.

2. Польская кампания 1939 г.

(“План Вейс”)

- I. К предыстории
1938 24.10 и
1939 5.1
5/6.1, 25 — 27.1,
21.3 Требования Гитлера к Польше о пересмотре восточной границы Германии. Германо-польские переговоры Гитлера и Риббентропа с польским министром иностранных дел Беком и послом в Берлине Липским заканчиваются (26.3) отклонением германских предложений.
- 23.3 Первая польская частичная мобилизация.
- 31.3 Англия гарантирует существование Польского государства.
- 3.4 Директива ОКВ “Операция Вейс”.
- 11.4 Директива фюрера о единых военных приготовлениях на 1939/40 г.
- 23.5 Гитлер заявляет на совещании командующих составными частями вермахта: “Данциг — это не тот объект, из-за которого затеяно все это дело”.
- 15.6 Директива главного командования сухопутных войск (ОКХ) о сосредоточении войск для кампании против Польши.
- 22.8 Секретное совещание Гитлера с высшим генералитетом вермахта в Оберзальцберге.
- 25.8 в 15.02 Гитлер приказывает начать “Операцию Вейс”.

26.8 в 18.15 приказ о наступлении снова отзывается. (Италия не готова к войне; подписан англо-польский договор.)

31.8 в 12.40 Гитлером дается окончательный приказ на наступление.

II. 1 сентября 1939 г., 4.45 утра — начало нападения (без объявления войны). (Главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник фон Браухич); (Польша — маршал Рыдз-Смиглы).

С и л ы:

Г е р м а н и я		П о л ь ш а	
Пех. див.	39 + 7*	Кав. бриг.	38
Мот. див.	4 ² / ₃	Мот. бриг. +	11
Легк. див.	4	+ Погран. охрана +	2
Танк. див.	6 + 1	+ Отд. бат.	45
Танков (всего)	3200	(ок. 600)	
Бомбардировщиков	1176 (1020)**	146	Из них современных 50%
Истребителей	771 (676)	315	
Разведчиков	356 (309)	325	
Других	981 (888)	56	
Линейных кораблей (используемых против Польши)	2	—	
Крейсеров	—	—	
Эскадренных минонос- цев	—	4	
Подводных лодок	7	5	
Мелких судов (мины, пушки)	—	8	
Торпедных катеров	—	2	

* Подброшены к середине сентября.

** В скобках — боеспособные.

Группа армий "Север"	(генерал-полковник фон Бок): 3-я и 4-я армии при поддержке 1-го воздушного флота (генерал авиации Кессельринг) против польских армий и групп "Нарев", "Модлин", "Поммереллен" и "Познань".
1.9 — 5.9	Сражение в Западной Пруссии.
5.9 — 12.9	Преследование польских войск по обоим берегам Вислы в направлении Варшавы.
1.9 — 4.9	Бои с целью прорыва в районе Млава — Хорзеле.
5.9 — 13.9	Бои за переправы через Нарев.
8.9 — 10.9	Бои за переправы через Буг.
11.9 — 21.9	Преследование польских войск в Восточной Польше.
10.9 — 28.9	Бои у Модлина и Праги (на восточном берегу Вислы).
1.9 — 1.10	Бои за польские береговые укрепления.
Группа армий "Юг"	(генерал-полковник фон Рундштедт): 8, 10 и 14-я армии при поддержке 4-го воздушного флота (генерал авиации Лёр) против польских армейских групп "Лодзь", "Краков", "Карпаты" (резерв: "Пруссия" и "Пискор").
1.9 — 3.9	Бои с целью прорыва в Западной Галиции. Приграничные бои в Западной Польше.
2.9 — 4.9	Бои за овладение линией Варты.
4.9 — 8.9	Бои на преследование через Дунайек и Ниду. Удар на Варшаву.
8.9	Сражение у Радома.
7.9 — 19.9	Сражение на р. Бзура.
9.9 — 15.9	
10.9 — 20.9	Бои на преследование через Сан и Вислу.
16.9 — 26.9	Сражения под Львовом и Томашувом.
20.9 — 28.9	Бои под Варшавой и Модлином.
28.9 — 7.10	Завершающие бои восточнее Вислы.

3. Военный год 1939-й

2.9	Италия пытается выступить в роли посредника. (Затем объявляет себя "не ведущей войны".)
-----	---

3.9	Франция и Великобритания объявляют Германии войну.
5.9	Соединенные Штаты Америки заявляют о своем нейтралитете.
17.9	Вступление советских войск в Восточную Польшу.
19.9	Данцигская речь Гитлера.
27.9	После наступления сухопутных войск и налетов авиации Варшава капитулирует.
28.9	Капитуляция польской крепости Модлин. Договор о границе и дружбе между Германией и Советским Союзом.
1.10	Польские войска на полуострове Гела прекращают сопротивление. (Сопротивление польских войск в целом продолжается до 6.10.)
2.10	Визит итальянского министра иностранных дел графа Галеаццо Чиано в Берлин. Панамериканская конференция (в пределах пояса безопасности вдоль американского побережья — 300 морских миль — любые военные действия запрещены).
6.10	Так называемое "мирное предложение" Гитлера в рейхстаге (10.10 отклонено Францией и 12.10 — Англией).
18/19.10	Стокгольм: встреча трех королей.
19.10	Англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи.
31.10	"Смена караула" в Италии (кабинет Чиано).
7.11	Бельгийско-голландское предложение о посредничестве между воюющими государствами.
8.11	Покушение на Гитлера в Мюнхене в пивном зале "Бюргербройкеллер".
12.11	Англия и Франция отклоняют предложение нейтральных государств о посредничестве.
13.11	Предложение румынского короля Кароля о посредничестве (16.11 отклонено Гитлером).
30.11	Начало советско-финской зимней войны

Воздушный налет советской авиации на Хельсинки; наступление советских войск на восточной границе Финляндии и на Карельском перешейке; с 11.2.1940 г. финны оттесняются на Выборгском участке фронта на линию Маннергейма.

14.12

Лига Наций объявляет Советский Союз агрессором и принимает решение об его исключении.

4. Военный год 1940-й

11.2

Германо-советское экономическое соглашение.

1.3

Визит помощника государственного секретаря США Самнера Уэллеса в Берлин.

10/11.3

Визит Риббентропа в Рим.

12.3

В Москве подписан советско-финский мирный договор.

17.3

Гитлер назначает д-ра Тодта имперским министром вооружения и боеприпасов.

18.3

Встреча Гитлера и Муссолини в Бреннере. (Муссолини заявляет о своей готовности вступить в войну.)

20.3

Париж: падение кабинета Даладье; 21.3 премьер-министром становится Поль Рейно.

9.4

Начало немецких операций по захвату Дании и Норвегии — операция "Везерюбунг" ("Везерское учение").

10.5

Начало германского наступления на Западе — операция "Гельб" ("Желтый план"). Высадка английских войск в Исландии (с июля 1941 г. их сменили американцы) и на Фарерских островах; американские войска в сентябре 1941 г. заняли Гренландию.

Черчилль становится вместо Чемберлена премьер-министром Великобритании и создает трехпартийный коалиционный военный кабинет.

Начало уничтожения в Германии неизлечимых душевнобольных. ("Закон об эвтаназии" датирован задним числом, как при-

- нятый 1.9.1939 г.; к концу августа 1941 г., согласно этому закону, уничтожено более 70 000 жертв, затем акция была приостановлена.)
- 28.5 Гитлер обсуждает с главнокомандующим сухопутными войсками вермахта будущую структуру армии мирного времени.
- 10.6 Италия объявляет войну западным державам.
- 12.6 Испания остается "не ведущей войны".
- 5 — 19.8 Италия захватывает Британское Сомали.
- 30.8 Второй Венский арбитраж.
- 2.9 Британо-американский договор об обмене баз в Западной Индии и островов восточнее Северо-Американского континента на 50 американских миноносцев (18.11).
- 4.9 Генерал Антонеску назначается главой румынского государства.
- 6.9 Отказ румынского короля Кароля от трона в пользу своего сына Михая.
- 7.9 Румыния отбирает у Болгарии Южную Добруджу.
- 13.9 Начало итальянского наступления на Египет, оно остановлено 18.9.
- 23 — 25.9 Обстрел Дакара британской военно-морской эскадрой.
- 27.9 Заключение пакта трех держав: Германии, Италии и Японии.
- 22 — 24.10 Встреча Гитлера с Лавалем, Франко и маршалом Петеном. (Никаких твердых соглашений не принято.)
- 28.10 Вступление итальянцев в Грецию.
- 29.10 Высадка англичан на Крите.
- 5.11 Рузвельт в третий раз избран президентом США.
- 21.11 Греки в результате контрнаступления захватывают Корчу (Албания).
- ноябрь 1940 г. Вступление в пакт трех держав: Венгрии — 20.11, Румынии — 23.11, Словакии — 24.11.
- 6.12 Смещение маршала Бадольо. Новый начальник генерального штаба итальянских вооруженных сил — маршал Каваллеро.

8.12	Сообщение Черчилля Рузвельту о военном положении к концу военного 1940 года.
9.12	Британское контрнаступление в Египте (генерал Уэйвелл).
12.12	Договор о дружбе между Венгрией и Югославией.
20.12	Создание в США "Совета национальной обороны" с целью ускорения вооружения.
29.12	Речь Рузвельта, в которой он называет США "арсеналом демократии".

5. Германская оккупация Дании и Норвегии в 1940 г.

(Операция "Везерское учение")

I. К предыстории: 1939

2.9	Германия объявляет о соблюдении ею суверенитета Норвегии до тех пор, пока он не будет нарушен третьей державой.
9.9	План британского морского министерства ("Катарина") проникнуть в Балтийское море.
19.9	Памятная записка британского морского министерства о воспрепятствовании германскому подвозу железной руды через Норвегию.
29.9	Британский план минирования норвежских вод.
10.10	Доклад главнокомандующего военно-морским флотом Гитлеру о стратегическом значении Норвегии для Англии и Германии.
30.11	Начало советско-финского конфликта.
11.12	Норвежский фашист Квислинг предупреждает Берлин о возможной высадке англичан в Норвегии.
14.12	Гитлер приказывает приступить к разработке предварительного плана "Север" (при сохранении норвежского нейтралитета).
16.12	Новая памятная записка британского морского министерства о пресечении подвоза железной руды через Норвегию.

- 1940
- 16.1 Начало союзнических приготовлений к военной акции в Скандинавии.
- 27.1 Начало разработки ОКВ плана сосредоточения войск для операции "Везерское учение" (захват датских и норвежских баз).
- 5.2 Решение союзнического Высшего военного совета послать в Нарвик 3 — 4 дивизии, оказать Финляндии военную поддержку и захватить шведское железорудное месторождение Елливар.
- 16.2 Английское нападение на германский военный корабль "Альтмарк".
- 21.2 Гитлер назначает генерала фон Фалькенхорста начальником рабочего штаба операции "Везерское учение" и 1.3 одобряет его оперативный план.
- 1.3 Директива фюрера "Операция Везерское учение".
- 11/12.3 Союзническое требование к Норвегии и Швеции разрешить проход войск, предназначенных для поддержки Финляндии.
- 12.3 Конец финско-советской зимней войны.
- 28.3 Решение союзнического Высшего военного совета 5.4 минировать норвежские воды и захватить в Норвегии базы.
- 2.4 Гитлер приказывает приступить 9.4 к осуществлению операции "В".
- 5.4 Союзники откладывают свою акцию против Скандинавии до 8.4.
- 7.4 Выход в море соединений германского военного флота курсом на Данию и Норвегию.
- Погрузка на корабли британского экспедиционного корпуса. Выход в море английских минных заградителей.
- 8.4 Английские военные корабли минируют норвежские территориальные воды.

П. 9 апреля 1940 г., 5.00 утра — начало оккупации Дании и Норвегии

С и л ы:

Г е р м а н и я		Союзники — Н о р в е г и я	
Пех. и мот. див.	8 ² / ₃ + 1*	2	6
Самолетов:			200
бомбардировщиков (пикирующих)	240		
истребителей	95		
транспортных самолето- тов и разведчиков	543		
Военных кораблей:		и британский флот	
линейных кораблей	2	3 (+ 1 авианосец)	
броненосцев	1	2	
тяжелых крейсеров	2	}	4
легких крейсеров	4		25
миноносцев	14		
торпедных катеров	8		
подводных лодок	30		

* Переброшены 5.5.

9.4

Дания сдается без борьбы. Высадка германских войск у Кристиансанна, Ставангера, Тронхейма и Нарвика (генерал Дитль).

14.4

Высадка английских войск в Харстаде (севернее Нарвика).

Начало кризиса из-за Нарвика в германском военном руководстве (ОКВ).

15 — 19.4

Союзнические войска высаживаются у Намсуса и Ондалсна (с 1 — 2.5 вновь эвакуируются).

17.4

Радиограмма Гитлера генералу Дитлю (не передана дальше подполковником фон Лосберггом из ОКВ) об интернировании в Швеции немецких войск по собственному усмотрению; однако вечером (по настоянию начальника штаба оперативного руководства вермахта) Дитлю дана директива "держаться сколько можно".

28.4

Англичане овладевают Нарвиком (удерживают его до 8.6).

30.4	Соединение германских войск (с направлений Осло и Тронхейм) у Домбоса.
13.5	Установлена связь по суше с группой Дитля (Нарвик).
24.5	Решение британского кабинета прекратить норвежскую операцию (3 — 7.6 — погрузка соединений союзнических войск на суда).
10.6	Капитуляция норвежских вооруженных сил.

6. Поход на Запад 1940 г.

(“Желтый план“)

I. К предыстории:

1939	
26.8	Германия вновь гарантирует неприкосновенность территории Бельгии.
3.9	Группа армий “Ц” (генерал-полковник фон Лееб) обороняет германский Западный фронт от превосходящих сил противника.
12.9	Гитлер впервые высказывает намерение перейти на Западе к наступательным действиям.
6.10	“Мирное предложение” Гитлера.
9.10	Директива №6 по ведению войны.
19.10	Первый вариант разработанного ОКВ плана стратегического и оперативного развертывания войск для Западной кампании.
31.10	Первое оперативное предложение (подготовлено генерал-лейтенантом фон Манштейном) по наступлению на Западе.
12.11	Предположительно назначенная дата начала наступления на Западе; с 7.11 — неоднократные отсрочки (29 раз!).
23.11	Выступление Гитлера перед генералами.
1940	
10.1	Вынужденная посадка самолета с двумя офицерами люфтваффе в Мехелене (Бельгия) с оперативными документами германского командования.
17.2	Гитлер обсуждает с Манштейном ведение наступления на Западе. (Новый проект приводит 24.2 к новому плану сосредоточения и развертывания “Гельб” (“план серповидного удара на отсечение”).)
9.4	Начало операции против Дании и Норвегии.

Союзники:

11.9.1939

Во Франции высаживаются первые соединения английских войск.

29.9

Директива главнокомандующего французскими вооруженными силами генерала Гамелена на случай войны.

24.10

Разработан план развертывания войск "Шельда".

8.11

Директива об оказании поддержки Голландии.

15.11

План сосредоточения и развертывания войск "Дилл" на случай германского нападения.

20.3.1940 г.

Последний союзнический оборонительный план "Дилла — Бреда".

II. 10 мая 1940 г., 5.35 утра — начало (без объявления войны) германского наступления на Западе

С и л ы:

Г е р м а н и я			С о ю з н и к и		
Пех. див. (включая авиадесантные и кав.)	119		119	} 137	
Мот. див.	7	136	7		
Танк. див	10		11		
Авиацион. див.	1		(танк. и частично бронетанк. див.)		
Танков (в сост. боеготовн.)	2580		3000		
			Франция	Англия	Голл./ Бельгия
Бомбардировщиков	1462		143	{ ок. 1150 }	ок. 160
Истребителей	1016		764		
Разведчиков	501		396		
Прочих	300 + 555		(Из них 500 дислоцир. во Фран- ции)		
Военно-морской флот в боевой готовности для участия в реализации "Желтого плана"					
-----			-----		
Подводных лодок	2		-----		

1-я фаза

"Желтый план": 10.5 — 4.6.1940 г. (главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник фон Браухич; союзными войсками — генерал Гамелен, с 19.5 — генерал Вейган).

Группа армий "Б"

(генерал-полковник фон Бок): 18-я и 6-я армии при поддержке 2-го воздушного флота (генерал авиации Кессельринг) против голландских, бельгийских, французских и английских войск.

10.5

Высадка авиадесантных войск в "Крепости Голландия", в Роттердаме и на мосту Мурдейк. Приземление грузовых планеров в бельгийском форте Эбен-Эмаэль.

13.5

Захвачен Льеж.

14.5

15.00 — воздушный налет на Роттердам.

15.5

Подписание капитуляции Голландии.

16.5

Прорыв оборонительной линии Дилла. Без боя взят Брюссель (17.5).

20.5

Выход на р. Шельда.

28.5

10.00 — подписание капитуляции Бельгии.

Группа армий "А"

(генерал-полковник фон Рундштедт): 4-я, 12-я, 16-я армии и танковая группа Клейста при поддержке 3-го воздушного флота (генерал авиации Шперрле) против бельгийско-французских и английских войск.

13.5

Начало форсирования Мааса у Седана и Динана.

17.5

Выход на р. Уаза восточнее Сен-Кантена.

20.5

Подвижные соединения (Гудериана и Рейнхардта) прорываются к побережью Ла-Манша.

21.5

Танковая группа Клейста поворачивает на север-северо-восток.

24.5

Гитлер и Рундштедт отдают "стоп-приказ" танковым соединениям на подступах к Дюнкерку (на линии Ла-Манша).

26.5

Танковым соединениям вновь разрешено продолжать наступление через канал Ла-Бассе.

Начало сражения за Дюнкерк и британской операции "Динамо". (19.00. Погрузка на суда окруженных войск союзников.)

4.6	Взятие Дюнкерка. К этому моменту Англия эвакуировала 338 000 человек (включая французов).
2-я фаза	план "Рот" ("Красный"): 5.6—24.6 (Битва за Францию).
Группа армий "Б":	4, 6 и 9-я армии, танковая группа Клейста и 18-я армия.
5.6	Начало наступления на линию Вейгана.
9.6	Достигнуты р. Сена и нижнее течение р. Марна.
14.6	Вступление без боя в Париж.
18.6	Взятие Шербура и Ле-Мана.
19.6	Взятие Бреста.
30.6	Захват английских островов в Ла-Манше.
Группа армий "А":	2, 12 и 16-я армии, танковая группа Гудериана.
9.6	Наступление в верхнем течении р. Эна.
11.6	Взят Реймс и
15.6	Верден.
17.6	Группа Гудериана выходит к швейцарской границе. Сформировано новое французское правительство во главе с маршалом Петеном.
Группа армий "Ц"	(генерал-полковник фон Лееб): 1-я и 7-я армии при поддержке 3-го воздушного флота.
14.6	Вклинение в линию Мажино.
16.6	Переход через Рейн у Кольмара.
19.6	Начало итальянского наступления на Альпийском фронте.
22.6	Заключение германо-французского перемирия.
24.6	Подписание итало-французского перемирия.
25.6	В 1.35 — прекращение военных действий.

7. Политика и ведение войны летом и осенью 1940 г.

18.6	Генерал де Голль создает "Национальный комитет свободных французов".
28.6	Этот комитет признан Англией.
3.7	Уничтожение британскими военно-морскими силами французской эскадры у Орана.
5.7	Французское правительство Петена разрывает дипломатические отношения с Англией.
6.7	Возвращение Гитлера в Берлин.

Германские планы и военные меры (в хронологической последовательности):

а) Операция "Морской лев" (запланированная высадка на Британских островах).

Первые наброски
15.11.1939 г.

Предварительная разработка главным командованием военно-морского флота (ОКМ).

13.12

Предварительная разработка ОКХ плана "Норд-Вест".

16.7.1940 г.

Директива фюрера №16 о подготовке высадки.

19.7

"Призыв к разуму" (речь Гитлера в рейхстаге).

30.7

Создание военно-экономического штаба особого назначения "Англия" (работоспособен к 15.9, 28.10 — расформирован).

27.8

Гитлер принимает решение по базисному вопросу (ОКХ — ОКМ): при высадке осуществить "малое решение" (на участке примерно 140 км по фронту).

3.9

Высадку намечается провести 21.9.

17.9

Перенос операции на неопределенное время и затем

12.10

на весну 1941 г.

б) Воздушная битва над Англией.

с 10.7.1940 г.

2-й (Кессельринг) и 3-й (Шперрле) воздушный флот впервые осуществляют крупными силами авиационный налет на Англию.

- 1.8 Директива фюрера №17 о воздушной и морской войне против Англии.
- 13.8 Н а ч а л о 1-й ф а з ы: операция "Адлер-ангриф" ("Нападение орла") с целью добиться превосходства над Англией в воздухе (потери за период 23.8 — 6.9 385 самолетов).
- С и л ы:
- Германская авиация: около 3000 самолетов (из них 900 истребителей и 1280 бомбардировщиков в боевой готовности).
- Английская авиация: около 700 истребителей и 500 бомбардировщиков.
- 17.8 Гитлер приказывает осуществить тотальную блокаду Британских островов.
- 5/7.9 Н а ч а л о 2-й ф а з ы. Цель: уничтожение английского экономического потенциала и деморализация населения Британских островов.
- 15.9 День "Битвы за Британию" (германские потери — 60 самолетов).
- До конца октября: германские потери — 1733 самолетов, английские потери — 915 самолетов.
- 14 — 19.11 Воздушные налеты на Ковентри и Бирмингем.
- до июня 1941 г. Воздушная битва постепенно приостанавливается. (Лишь несколько крупных налетов в мае.)
- в) Операция "Феликс" (Захват Гибралтара).
- 3.6.1940 г. Генерал Франко поздравляет Гитлера с успехами.
- со 2.7 Активизация германских дипломатических усилий с целью привлечь Испанию к активному участию в войне на стороне "оси". Зондаж начальника абвера адмирала Канариса.
- 20.8 Разработан первый проект операции по захвату Гибралтара.
- 16.9 Визит испанского министра иностранных дел Серрано Суньера в Берлин.

- 23.10 Встреча Гитлера с Франко в Андайе. (Переговоры безрезультатны.)
- 20.11 Директива фюрера №18.
Проект директивы фюрера №19 (операция "Феликс").
- 7.12 Миссия адмирала Канариса в Мадрид (требование 10.1.1941 г. разрешить германским войскам перейти испанскую границу. Франко отклоняет это требование).
- 11.12 Директива ОКВ: операцию "Феликс" не проводить, ибо "политических предпосылок для нее больше нет". 9.1.1941 г. Гитлер окончательно отказывается от "Феликса".
- г) Операция "Барбаросса" (нападение на Советский Союз)
(подготовка с июня 1940 до июня 1941 г.).

8. Военный год 1941-й

- 6.1 Послание Рузвельта конгрессу. Провозглашены "Четыре свободы" (1. Территориальные изменения только на основе права народов на самоопределение; 2. Свободный выбор каждым народом формы правления; 3. Свободный и равный доступ ко всем видам сырья на Земле; 4. Прочный мир, гарантирующий жизнь без страха и нужды).
- 9.1 Дискриминация еврейского населения в Германии. Введение для него обязательного ношения шестиконечной "еврейской звезды".
- 10.1 В конгресс США внесен проект закона о ленд-лизе.
- 11.1 Директива фюрера №22 о германских мерах в Средиземном море.
- 19.1 Начало британского наступления на итальянскую колонию Эритрея.
- 24.1 Начало секретных англо-американских переговоров начальников генеральных штабов в Вашингтоне (план "АБЦ" от 27.3, предусматривавший в случае вступления США в войну концентрацию сил в первую очередь против Европы).
Англичане вступают в Абиссинию.

- 6.2 Директива фюрера №23 о ведении войны против английского экономического потенциала.
- 5.3 Директива фюрера №24 о сотрудничестве с Японией.
- 11.3 Закон о ленд-лизе (Lend-Lease-Act) вступает в силу
(дает президенту полномочия поддерживать продовольствием и военными материалами все государства, защиту которых он одновременно рассматривает как жизненно важную для обороны США).
- 27.3 Военный путч в Белграде во главе с генерал-полковником Симовичем.
- 27 — 29.3 Японский министр иностранных дел Мацуока посещает Берлин.
- 3.4 Государственный переворот в Ираке (к власти приходит правительство, дружественное державам "оси").
- 5.4 Подписание в Москве советско-югославского пакта о ненападении.
- 6.4 Англичане вступают в Аддис-Абебу.
Начало германской кампании на Балканах.
- 13.4 Заключение в Москве советско-японского договора о нейтралитете.
- 2.5 Начало боев между Ираком и Англией (продолжаются до 30.5).
- 6.5 Сталин занимает пост Председателя Совета Народных Комиссаров.
- 10.5 Рудольф Гесс, заместитель фюрера по партии, приземляется в Англии.
- 12.5 Мартин Борман становится преемником Гесса и получает титул начальника партийной канцелярии.
- 16.5 Капитуляция итальянцев (во главе с герцогом Аостой) в Абиссинии.
- 18.5 Итальянский договор с Хорватией (во главе с ее "поглавником").
Италия получает часть Югославии и почти все Далматинские острова.
- 20.5 Начало высадки германского воздушного десанта на Крите.
- 23.5 Директива фюрера №30: Средний Восток.

- 8.6 Английские и французские войска вступают в Сирию (бои до 12.7).
- 11.6 Проект директивы фюрера №32 (стратегия после окончания операции "Барбаросса").
- 18.6 Заключение германо-турецкого договора о дружбе (сроком на 10 лет).
- 20.6 Директива ОКВ "Изабелла" (план захвата Испании и Португалии).
- 22.6 Начало германского нападения на Советский Союз.
- 7.7 Высадка американских войск в Исландии.
- 12.7 Англо-советское соглашение о совместных действиях против Германии.
- 16.7 Гитлер определяет свою цель на Востоке: расчленение Советского Союза.
- 17.7 Указ об управлении захваченными областями на Востоке.
- 2.8 Начало американских поставок военных материалов Советскому Союзу.
- 14.8 Рузвельт и Черчилль провозглашают "Атлантическую хартию".
- 25.8 Вступление советских и английских войск в Иран (бои до 28.8).
- 11.9 Рузвельтовский приказ об "открытии огня": американский военно-морской флот должен первым открывать огонь по германским и итальянским военным кораблям.
- 15.9 Проект "Пенемюнде" (ракетное оружие "Фау") включен в число самых неотложных мероприятий (степень срочности "сс").
- 3.10 Распоряжение о принудительном труде еврейского населения Германии.
- 9.10 В Ираке Нури-эс-Саид формирует дружественное англичанам новое правительство.
- 25.11 Болгария, Хорватия, Дания, Финляндия, Китай (Нанкин), Румыния и Словакия присоединяются к Антикоминтерновскому пакту.
- 4.12 Премьер-министр польского эмигрантского правительства Сикорский заключает с Советским Союзом договор о дружбе и взаимопомощи. Тем самым восстановлены дипломатические отношения между Польшей и СССР.

7.12	Внезапное нападение японцев на американский военный флот в Пёрл-Харборе.
8.12	США объявляют войну Японии. Первая японская высадка на Филиппинах (о. Лусон).
11.12	Германия и Италия объявляют войну Соединенным Штатам Америки. Германо-итальяно-японское соглашение о совместном ведении войны.
19.12	Гитлер принимает на себя командование германскими сухопутными войсками.
22.12	Первая Вашингтонская конференция Рузвельта и Черчилля. Заседание Объединенного военного совета.
25.12	Капитуляция Гонконга.

9. Германская кампания 1941 г. на Балканах

(Операция "Марита")

I. К предыстории:

1939	
7.4	Италия захватывает Албанию.
1940	
12.10	В Бухарест направлена германская военная миссия.
28.10	Начало итальянского вступления в Грецию.
29.10	Начало высадки английских военных на о. Крит.
4.11	Гитлер приказывает подготовить операцию для облегчения положения итальянцев; в ходе контрнаступления греки (21.11) захватывают Корчу (Албания).
5.12	Генерал-полковник Гальдер (начальник генерального штаба сухопутных войск) докладывает в ставке фюрера о ходе подготовки к запланированной операции против Греции.
13.12	Директива фюрера №20 ("Марита").
1941	
13.1	Греция отклоняет предложение об участии английских войск в военных действиях на ее стороне.

- 19/20.1 Встреча Гитлера с Муссолини (решение: Германия нападет на Грецию).
- 20.1 Британский комитет обороны принимает решение занять Бенгази и Додеканес, а также привести в боевую готовность стратегические резервы на Балканах.
- 8.2 Греческое правительство возобновляет переговоры с Англией.
- 17.2 Заключение соглашения о ненападении между Болгарией и Турцией.
- 18.2 Гитлер принимает решение о переходе через Дунай. Оно должно быть осуществлено 2.3 (12-я армия, фельдмаршал Лист).
- 24.2 Британский кабинет одобряет "Греческую экспедицию".
- 1.3 Присоединение Болгарии к пакту трех держав.
- 4.3 Первые английские войска покидают Египет (7.3 — первые высадки в Пирее и Волосе).
- 9.3 Новое итальянское наступление на Грецию (остановлено 16.3).
- 25.3 Присоединение Югославии (премьер-министр Цветкович) к пакту трех держав.
- 27.3 Военный путч в Белграде.
Директива фюрера №25 о нападении на Югославию.
- 29.3 Совещание командующих германскими войсками по вопросу запланированной операции на Балканах.
- 3.4 Директива фюрера №26 о сотрудничестве с войсками союзников Германии (Венгрия, Болгария, Румыния) на Балканах.
- 5.4 Заключение соглашения о дружбе и ненападении между Советским Союзом и Югославией.

II. 6 апреля 1941 г., 5.15 — начало германской кампании на Балканах

С и л ы:

Германия (командование 12-й и 2-й армий) против Югославии и Греции			Югосл.	Греция	Брит. эксп. корпус
Пех. див.	7	6	17	5	2 пех. див.
Мот. див.	4	2/3	3 кав. див.	1	1 танк. бриг.
Танк. див.	4	2		15 див. против итальянцев в Албании	
Танков	ок. 1200			Гарнизоны крепостей;	
Самолетов (4-й воздушный флот):				2 бриг.	
истребителей / разведчиков		210/170	700 истр.	80 истр.	
бомбардиров.	400		(большей частью устаревшие)		
Венгрия:	10	бригад			
Италия:	28	див.			
Самолетов	320				

- 6.4 Налет германской авиации на Белград (смятение в югославском руководстве).
- 6 — 17.4 Операции против Югославии. После завершения боев Болгария занимает Македонию и Фракию.
- 10.4 Германскими войсками занят Аграм.
- 12 — 13.4 Взят Белград; окружение последних частей югославской армии в Боснии.
- 17.4 Капитуляция югославской армии (344 000 пленных). (С 11.4 — участие венгерских войск в боевых действиях; одновременно итальянцы продвигаются от Гориции на Люблян и на Далматинском побережье.)
- 6 — 27.4 Захват Греции.
- 9.4 После прорыва линии Метаксаса заняты Салоники.
- до 19.4 Наступательный удар через горы Пинда.
- 21.4 Подписание капитуляции Греции (12-я армия).
- 23.4 Вторичное подписание в Салониках греческой капитуляции (по настоянию Муссолини) при участии итальянцев.

- 24.4 Прорыв через заградительные позиции в Фермопильском ущелье. (Погрузка на суда британских соединений численностью около 50 000 человек; закончена 30.4.)
- 27.4 Германские войска входят в Афины.
до 11.5 Занятие Пелопоннеса и греческих островов.
- 20.5 — 1.6 Операция "Меркурий".
Высадка воздушного десанта на о. Крит (большие потери в живой силе и технике).

10. Германо-итальянская кампания в Северной Африке 1941 — 1943 гг.

I. К предыстории:

- 1940
11.6 Вступление Италии в войну (объявление войны 10.6).
- 13.9 Начало первого итальянского наступления против Египта (маршал Грациани).
- 12.11 Директива фюрера №18.
14 — 15.11 Переговоры Кейтеля с Бадольо (никакой посылки германских войск; использование немецкой авиации только после взятия Мерса-Матрух).
- 9.12 Англичане переходят в наступление в Египте (генерал Уэйвелл).
- 10.12 Гитлер приказывает произвести переброску 10-го воздушного корпуса (генерал Гайсслер) в Сицилию (примерно 160 бомбардировщиков и 20 истребителей). (Первый воздушный налет на британский военно-морской флот у Мальты 10.1.1941 г.).
- 16.12 Англичане захватывают Саллум.
19.12 Италия просит направить в район боевых действий одну германскую танковую дивизию и военную технику.

- 28.12 Итальянский военный атташе генерал Мар-
рас сообщает: "Без германской помощи Ли-
вия потеряна".
- 1941
- 5.1 Капитулирует Бардия.
- 8.1 Генерал Гуццони (начальник итальянского
генерального штаба сухопутных войск) шлет
в ОКВ донесение об обстановке (просьба ока-
зать поддержку посылкой танкового корпу-
са).
- 9.1 На совещании в Бергхофе Гитлер принима-
ет решение направить в Ливию противо-
танковое соединение.
- 11.1 Директива Гитлера №22 о формировании
этого соединения.
- 19 — 20.1 Германо-итальянское совещание (Гит-
лер — Муссолини), на котором определена
дата (15.2.1941 г.) прибытия германских
соединений в Северную Африку.
- 22.1 Англичане захватывают Тобрук.
- 1.2 Пессимистическое сообщение германского
генерала фон Функа (командир 5-й легкой
дивизии) в ставке фюрера о своих впечат-
лениях от ливийского фронта.
- 3.2 Совещание Гитлера с главнокомандующи-
ми составных частей вермахта и начальни-
ками их генеральных штабов о положении
в Средиземном море. (Генерал Роммель на-
мечается на должность командующего гер-
манской группой армий в Ливии (приказ
вступает в силу 6 — 15.2).)
- 6.2 Англичане берут Бенгази.
- 6.2 Директива ОКВ об использовании герман-
ских войск в Северной Африке — операция
"Зонненблуме" ("Подсолнечник").
- 8.2 Из Неаполя отплыл первый морской транс-
портный отряд (прибытие в Триполи 11.2).
- 12.2 Генерал Роммель прибывает в Триполи
(20.3 присылает в ставку свое первое доне-
сение об обстановке).
- 18.2 Гитлер утверждает наименование герман-
ских войск, действующих в Северной Аф-
рике: "Германский Африканский корпус".

- 4.3 Отвод части английских войск из Египта (в связи с военными действиями на Балканах).
- 25.3 Новый итальянский главнокомандующий в Ливии — генерал Гарибольди.
- 28.3 Морское сражение у мыса Матапан.

II. 31 марта 1941 г., 9.44 — начало германо-итальянского контрнаступления в Северной Африке.

С и л ы:

Германо-итал.		Англичане (в Египте)	
Пех. див.	2	1	(2 ² /3)
Мот. див.	—		² /3
Танк. див	1 легк.	1	² /3
Самолетов	50 бомбард.	— — —	
	20 истреб.	— — —	

- 31.3 — 3.4 Удар с разведывательной целью по Киренаике.
- 4.4 — 13.11 Возвращение Киренаики.
- 14.4 — 17.11 Бои за крепость Тобрук.
- 14.4 — 17.11 Оборонительные бои на египетской границе.
- 16.5 Капитуляция итальянских главных сил в Абиссинии.
- 18.11 Английское контрнаступление (8-й армия под командованием генерала Каннингхэма, с 23.11 — генерала Ритчи).
- до 17.12 Сражение у Мармариса. Одновременно крупное нападение на германо-итальянские транспорты на море с острова Мальта.
- 10.2 Англичане захватывают Тобрук.
- 18.12 — 24.12 Арьергардные бои в Киренаике.
- конец декабря Люфтваффе атакует Мальту (60 налетов).
- 30.12 Муссолини призывает Гитлера заставить Францию разрешить снабжение германо-итальянских войск через Тунис.
- 1942
- до 12.1 Оборона Аджедабии и отступление на линию Марата—Марса-эль-Брега.

январь	Крупные германские воздушные налеты на Мальту (263 налета).
21.1	Контрнаступление Роммеля с целью возвращения Киренаики.
7.2	Оно остановлено западнее Эль-Газали.
середина	Итальянцы заявляют о завершении к концу июля подготовки к захвату Мальты.
марта	Гитлер предлагает провести наступление в Ливии в конце мая и захват Мальты в середине июля (операция "Геркулес").
30.4	Маршал Каваллеро (начальник генерального штаба итальянских вооруженных сил) соглашается с планом Роммеля (наступление в Ливии) при условии, что это не отразится на операции "Геркулес".
5.5	Начало последнего германо-итальянского наступления в Северной Африке (операция "Тезей").
26.5	Захват крепости Тобрук.
20 — 21.6	Германо-итальянские войска выходят на ливийско-египетскую границу.
22.6	Гитлер требует от Муссолини дальнейшего наступления с целью захвата Египта.
26.6	Роммель намечает следующую цель наступления: Эль-Аламейн — Нил — Александрия — Каир (до 30.6), при этом захват Мальты следует отложить.
30.6	Германо-итальянские войска выходят на позиции у Эль-Аламейна (100 км от Каира; полное истощение сил).
13.8	Генерал-лейтенант Монтгомери, назначенный новым командующим английской 8-й армией в Северной Африке, прибывает в Египет.
31.8	Фронт в Северной Африке застывает после последнего тщетного наступательного удара Роммеля (теперь — германо-итальянская танковая армия).
10.10	Возобновление германского воздушного наступления на Мальту.

23 октября 1942 г., 21.40: начало английского наступления (операция "Лайтфут") ("Бегун")

С и л ы:

	Герм.-ит. (из них итал.)		Англичане / союзники
Пех. див.	6 ² /3	(5)	3 бриг.
Мот. див.	2	(1)	7
Танк. див.	4	(2)	4 + (7 отд. танк. полков)
танков	500	(280)	1200 (из них 470 тяж.)
Авиация:			880 самолетов
бомбард., пикир.б./штурмовики	129/65/55	(из	них 185 итал.)
Истребит.	123		

- 3.11

Гитлер приказывает генералу Роммелю: "Держитесь любой ценой".
- 5.11

Начинаются германо-итальянские арьергардные бои.

- 7 — 8 ноября 1942 г.: высадка американо-английских войск в Марокко и Алжире (операция "Торч" — "Факел"), численность — около 110 000 человек.

(Главнокомандующий — генерал Эйзенхауэр.) Это означает для германо-итальянских войск возникновение войны на два фронта.
- 12.11

Прекращение французского сопротивления (войск Виши) в Северной Африке.

К предыстории:
1942

На конференции под кодовым названием "Аркадия" (Вашингтон, декабрь 1941 г. — 14.1.1942 г.) — первоначальное планирование операции против Северной Африки (начало: первые числа марта 1942 г. в случае, если об этом попросят французы или же Гитлер вступит в Испанию). Кодовое наименование операции — "Гимнаст", затем "Супергимнаст", с июля 1942 г. — "Торч". (Предложение Черчилля, поддержанное Рузвельтом.)

- 1.4 Американский военный министр Стимсон, а также начальник генерального штаба генерал Маршалл предлагают вместо этого провести вскоре высадку в Северной Франции; подготовку к ней следует начать немедленно.
- 28.5 Телеграмма Черчилля Рузвельту: "Не упускать Северную Африку из поля зрения". Во время переговоров в Лондоне в июле 1942 г. Гопкинса (в качестве личного представителя Рузвельта) с начальниками генеральных штабов английские представители настаивают на проведении как единственно возможной в данное время операции "Гимнаст".
- 23.7 Рузвельт поддерживает английское предложение (телеграмма Черчиллю).
- 24.7 Достигнута договоренность между английским и американским начальниками генеральных штабов: немедленное наступление в Европе отменяется. Ускорить подготовку к "Торчу".
- август Сталина информируют о "Торче".
- 26.8 Черчилль рекомендует в качестве даты начала наступления 14.10, но 22.9 генерал Эйзенхауэр (назначенный командующим операцией "Торч") переносит ее на 7.11.
- с 11.11 Оборонительные бои 5-й танковой армии в районе Туниса.
- 12 — 13.11 Англичане захватывают Тобрук.
- 13.11 — 28.12 Германо-итальянские арьергардные бои в излучине р. Сирте.
- 1943
- до 30.1 Арьергардные бои в Триполитании.
- 23.2 — 15.3 Германская группа "Африка" обороняется на позиции Марет и в Западном Тунисе.
- 9.3 Генерал-полковник Арним — новый командующий ею вместо заболевшего Роммеля.
- 13.5 Капитуляция группы армий "Тунис" (в плен попадает 252 000 человек). Завершение боев в Северной Африке.

11. Нападение Германии на Советский Союз в 1941 г. (операция “Фриц” или “Отто”, с декабря 1940 г. — план “Барбаросса”)

I. К предыстории:

1939

23.8

Германо-советский пакт о ненападении с дополнительным секретным протоколом.

28.9

Договор о дружбе и границе между Германией и СССР.

Пакты о взаимопомощи СССР с Эстонией (28.9), Латвией (5.10) и Литвой (10.10); создание советских военных баз в этих странах.

1940

14.6

Ультиматум Молотова Литве.

15.6

Начало вступления советских войск в Литву.

16.6

Ультиматумы Эстонии и Латвии.

17.6

Начало советского вступления в Эстонию и Латвию.

26 — 28.6

После предъявления ультимативных требований вступление советских войск в Бессарабию и в Северную Буковину (Румыния).

1.7

Беседа Гитлера с итальянским послом Алфиери (Англия надеется на Россию).

14.7

Сообщение германского посла в Москве графа фон дер Шуленбурга о беседе британского посла Криппса со Сталиным (как не означающей поворота советской политики в отношении Германии).

21.7

Гитлер приказывает главнокомандующему сухопутными войсками [фон Браухичу] заняться русской проблемой.

Командование 18-й армии получает приказ с указанием границы германской и советской сфер интересов.

31.7

Совещание у Гитлера: наступление на Востоке запланировано на весну 1941 г.

5.8

Первая разработка ОКХ плана сосредоточения и развертывания войск на Востоке.

9.8

Директива ОКВ о плане развертывания “Ост”.

- 14.8 Гитлер требует пунктуального выполнения обязательств по поставкам русским до весны 1941 г.; в дальнейшем же никакого смысла в "полном удовлетворении" не будет.
- 20.9 Директива о переброске немецких войск в Румынию (начало: 12.10).
- 12 — 13.11 Визит Молотова в Берлин (никакой договоренности о сферах интересов и о "разделе" Британской империи не достигнуто).
- 25.11 Советский Союз выдвигает в качестве условия своего присоединения к пакту трех держав слишком высокие требования.
- 29.11, 3.12, 7.12 Командно-штабные учения в ОКХ по отработке начальной стадии нападения на Советский Союз (руководитель — генерал Паулюс).
- 13.12 Первая постановка задач начальникам штабов групп армий и армий.
- 16.12 Совещание в ОКХ, в нем участвует финский генерал Тельвела.
- 18.12 Директива фюрера №21 "Операция Барбаросса".
- 21.12 Гитлер заявляет на совещании в штабе оперативного руководства вермахта: Германия должна к 1941 г. решить все "континентальные европейские проблемы", ибо начиная с 1942 г. США будут в состоянии вмешаться в ход войны.
- 1941
- 14.1 Совещание Гитлера с главой румынского государства Антонеску.
- 23.1 Визит венгерского министра Барты в Берлин.
- 30.1 Посещение ОКХ начальником финского генерального штаба генералом Хейнрихсом (операция на Востоке).
- 31.1 ОКХ представило первое указание о развертывании войск по плану "Барбаросса".
- 6.3 Директива ОКМ об использовании военноморского флота по плану "Б".

13.3 и 1.5	Основополагающие указания ОКВ об управлении в захваченных областях и об участии иностранных государств в подготовке операции "Б".
27.3	Государственный переворот в Югославии. Отсрочка операции "Б" минимум на три недели.
30.3	Выступление Гитлера перед генералитетом.
5.4	Советско-югославский договор о дружбе и ненападении.
24.4	Беседа венгерского имперского наместника адмирала Хорти с Гитлером.
13.5	Указ Гитлера о подсудности в районе "Барбаросса" и об особых задачах войск.
11.6	Проект директивы фюрера №32.
14.6	Последнее совещание Гитлера с командующими войсками вермахта.

С о с р е д о т о ч е н и е в о й с к н а В о с т о к е

До 20.7.1940 г. на Востоке имеется	23 див.
7.10 " " 	30 див.
26.10. Новая группировка сухопутных войск (первые меры по сосредоточению и развертыванию на Востоке)	
21.12 на Востоке имеется	34 див.
Февраль — апрель 1941 г.	
(1—2-й эшелоны сосредоточения)	103 див.
к 20.5.1941 г. (3-й эшелон сосредоточения) . . .	120 див.
к 2.6.1941 г.	129 див.
(с 3—23.6.1941 г.: переброска 12 танк.	75%
и 12 мот. див.) = ...	полевой армии
В то же время на других фронтах:	
Норвегия	8 див.
Западный фронт	38 див.
Юго-Восток	7 див.
Африка	2 див.
В тылу на территории Германии	1 див.
	Всего:
	209 див.

II. 22 июня 1941 г., 3.15 (без объявления войны): начало германского наступления на Советский Союз

С и л ы*:

Союзники Германии	Германия	Советский Союз: (Западный фронт) (оценка)
Р у м ы н и я:	Пех. див.	
12 пех. див.	(включая кав. див.) 119	138
4 кав. бриг.	мот. див. 15	40 бригад
1 танк. бриг.	танк. див. 19	
2 крепостн. и		
3 горн. бриг.	Всего: 3 050 000 чел.	Всего на европей-
В е н г р и я:	(при общей численности вермахта 7,24 млн чел.)	ском театре войны 4,7 млн чел.
2 мот. бриг.		
1 кав. бриг.		
С л о в а к и я:	Мот. транс.средств: 600000	(До сих пор на-
2 пех. див.	танков: 3580	дежных сведений
1 мот. бриг.	орудий: 7184	нет.)
И т а л и я:	бомбардир.: 1160	1800 (из них со-
3 мот. див.	истребит.: 720	временных 800)
(в августе)	разведч.: 120	2000 (300 совр.).
Ф и н л я н д и я:	(из них 70% в	800
ок. 18 див.	боеспособн. сост.)	(1400 прочих, по большей части устарелых)

* "Фашистская Германия и ее сателлиты сосредоточили против Советского Союза крупные контингенты войск: 190 дивизий (в том числе 19 танковых и 14 моторизованных) и большое количество боевой техники. Эта группировка насчитывала 5,5 млн человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, 47,2 тыс. орудий и минометов, 4980 боевых самолетов и свыше 190 боевых кораблей". — Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 8.

1-я фаза кампании:

Группа армий "Юг"

(генерал-фельдмаршал фон Рундштедт):
11, 17, 6-я армии, 1-я танковая группа, 3-я и 4-я румынские армии, венгерские и словацкие войска при поддержке 4-го воздушного флота (генерал-полковник Лёр)
против войск советского Юго-Западного фронта (маршал Буденный).

22.6 — 12.7

Приграничные сражения в Бессарабии, Галиции и на Волыни.

2.7 — 25.7

Прорыв на Киев и удар в направлении Днепра.

14.7 — 21.8

Бои в районе севернее Житомира.

25.7 — 5.10

Преследование отходящих к Днепру советских войск и его форсирование с продолжением наступления.

21.8 — 27.9

Битва под Киевом (свыше 600 000 пленных).

26.9 — 11.10

Сражение на побережье Азовского моря.

1.10 — 21.11

Преследование противника в направлении Донца.

18.10.1941 —

Битва за Крым.

4.7.1942 г.

26.10.1941 —

Бои в верхнем течении Донца и на Дону.

29.6.1942 г.

22.11.1941 —

Оборонительные бои в районе Донца.

21.7.1942 г.

Группа армий "Север"

(генерал-фельдмаршал барон В. фон Лееб):
18-я и 16-я армии, 4-я танковая группа при поддержке 1-го воздушного флота (генерал-полковник Келлер)
против войск советского Прибалтийского фронта (маршал Ворошилов).

22.6 — 29.6

Приграничные бои в Литве.

27.6 — 12.7

Продвижение за Двину.

4.7 — 5.9

Захват Эстонии.

8.7 — 23.9

Операции с выходом в район южнее оз. Ильмень.

13.7 — 25.9

Операции против Ленинграда.

8.9 — 21.10

Захват островов в Балтийском море.

26.9.1941 —

Оборонительные бои на подступах к Ленинграду и у Ораниенбаума.

30.6.1942 г.

26.9 — 15.10 1941 г.	Оборона в районе между оз. Ильмень и Ладожским озером.
На Севере:	финны (главнокомандующий маршал Маннергейм) и командование армии "Норвегия" (генерал-полковник фон Фалькенхорст).
29.8	Финны захватывают Выборг. Операции по захвату Мурманской железной дороги и Мурманска. Остановлены противником западнее Кандалакши (германский горнострелковый корпус). Финны захватывают Восточную Карелию до Онежского озера и р. Свирь.
Группа армий "Центр"	(генерал-фельдмаршал фон Бок): 2-я и 3-я танковые группы, 4, 9 и 2-я армии при поддержке 2-го воздушного флота (генерал-фельдмаршал Кессельринг) против войск советского Западного фронта (генерал армии Павлов, с 2.7 — маршал Тимошенко).
22.6 — 10.7	Битва с двойным кольцом окружения у Белостока и Минска (свыше 300 000 пленных).
2.7 — 15.7	Сражение на Днестре и Двине.
8.7 — 5.8	Сражение у Смоленска.
1.8 — 9.8	Бои у Рославля.
26.7 — 1.10	Оборонительные сражения под Ельней и Смоленском.
9.8 — 20.8	Битва у Кричева и у Гомеля.
21.8 — 27.9	Битва под Киевом.
22.8 — 27.8	Сражение у Великих Лук.

Битва за Москву

I. К предыстории: 1941 г.

8.7	Решение Гитлера сравнить Москву с землей.
19.7	Директива фюрера №33 о продолжении операций на Востоке (группа армий "Центр": наступление на Москву пехотными дивизиями и поворот подвижных соединений на север и юго-восток с целью поддержки групп армий "Север" и "Юг").
23.7	Дополнение к директиве №33.

- 30.7 Директива фюрера №34 (группе армий "Центр" перейти к обороне).
- начало Гитлер называет первоочередные дальней-
августа шие цели наступления: Ленинград и Дон-
басс.
- 3.8 Генерал-квартирмейстер ОКХ дает распо-
ряжение о подготовке зимнего обмундиро-
вания для войск (предварительные перего-
воры об этом с начальником управления
сухопутных войск 29.7 и с генерал-интен-
дантом 2.8).
- 14.9 Генерал-квартирмейстер докладывает на-
чальнику генерального штаба сухопутных
войск о проводимой генштабом "единооб-
разной подготовке к зиме".
- 18.8 Памятная записка ОКХ о продолжении
операций (удар на Москву, разгром враже-
ского военного потенциала).
- 21.8 Контрмеморандум Гитлера.
- 6.9 Директива фюрера №35 о подготовке груп-
пы армий "Центр" к наступлению на Мос-
кву (конец сентября).
- 26.9 Приказ на наступление группе армий
"Центр", предваряющий начало битвы за
Москву.
- Советский Союз:**
- 29.6 ЦК большевистской партии объявляет обо-
ронительную борьбу "Отечественной вой-
ной".
- 30.6 Создание Государственного Комитета Обо-
роны.
- с 10.7 Формирование в Москве Центрального
штаба партизанского движения (с сентября
непосредственно подчинен ЦК Коммуни-
стической партии).
- 22.7 Преобразование советских фронтов в Юго-
Западный (Буденный с Хрущевым), Запад-
ный (Тимошенко с Булганиным), Северо-
Западный (Ворошилов со Ждановым).
- 7.8 Сталин становится Верховным Главноко-
мандующим Советскими Вооруженными
Силами.

II. 2 октября 1941 г.: начало битвы за Москву (операция "Тайфун")

1-я фаза

2 — 20.10

Битва на окружение с внешним и внутренним кольцом под Вязьмой и Брянском (взято свыше 600 000 пленных).

3.10

Гитлер в своей речи по случаю начала акции по сбору теплых вещей у населения "Зимняя помощь" заявляет: "Этот противник уже сломлен и больше никогда не поднимется".

4.10 — 5.12

Удары на Москву и Воронеж.

7.10

Гитлер запрещает принимать капитуляцию Москвы.

10.10

Начало периода осенней распутицы.

Генерал армии Жуков назначен командующим Западным фронтом (начальник штаба — генерал-лейтенант Соколовский).

14.10

Приказ ОКХ зажать Москву в клещи окружения.

19.10

В Москве объявлено осадное положение.

31.10

Первое заседание областного руководства подпольного партизанского движения в Чернигове.

15 — 17.11

Начало 2-й фазы битвы за Москву.

18.11 — 14.12

Оборонительные бои советских войск за Калинин.

28.11

4-я танковая группа (генерал Хёпнер) выходит к каналу Москва — Волга.

31.11

Сталин одобряет представленный начальником советского Генерального штаба маршалом Шапошниковым проект контрнаступления у ворот Москвы.

1.12

Командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал фон Бок телеграфирует ОКХ: "Силы войск [вскоре будут] полностью истощены".

начало

Мороз достигает 30°.

декабря

5.12.1941 —

18.4.1942 г.

Оборонительные бои германских войск под Москвой.

5.12.1941 г.	Начало советского контрнаступления Калининского фронта (Конев) против северного крыла группы армий "Центр",
и 6.12	Западного фронта (Жуков) против южного крыла группы армий "Центр" при поддержке правого крыла Юго-Западного фронта (Захаров).
8.12	Директива фюрера №39: "Немедленное прекращение крупных наступательных операций и переход к обороне".
16.12	Приказ фюрера группе армий "Центр" осуществлять "фанатическое сопротивление" ("Приказ — стоять").
19.12	Смещение главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Браухича. Отныне Гитлер становится и главнокомандующим этими войсками. Новый командующий группой армий "Центр" (с 16.12) — генерал-фельдмаршал фон Клюге.
25.12	Смещение генерал-полковника Гудериана, командующего 2-й танковой армией.
26.12.1941 — 18.4.1942 г.	Оборонительные бои германских войск северо-восточнее Орла, на зимних позициях 9-й армии и в районе Волхова.
14.1 — 18.4.1942 г.	Зимние бои в районах Ржева и Юхнова (оборона на линии Великие Луки — Орел — Сухиничи). Стабилизация линии фронта.

12. Военный год 1942-й

22.12.1941 — 14.1.1942 г.	Вашингтонская конференция ("Аркадия") Черчилля и Рузвельта с участием их начальников штабов. (Решение: вести против Японии оборонительные действия; запланированное еще ранее наступление начать первоначально в Европе; создать Объединенный штаб начальников штабов Великобритании и США.)
------------------------------	--

- 1.1 Заявление 26 наций, ведущих войну против стран "оси": не заключать с Германией никакого сепаратного перемирия (Вашингтонский пакт).
- 10.1 Гитлер дает принципиально новые директивы по вопросу германского вооружения.
- 16.1 Распоряжение об осуществлении указа относительно поста руководителя партийной канцелярии (Борман).
- 18.1 Заключение военного союза Германии, Италии и Японии.
- 20.1 В Германии состоялась Ванзейская конференция по "окончательному решению еврейского вопроса": он должен быть решен путем "депортации на Восток", а также "другими мерами". (До конца войны в многочисленных концлагерях планомерно уничтожено в газовых камерах, расстреляно или умерщвлено голодом свыше 5 млн евреев.)
- 8.2 Альберт Шпеер назначен новым имперским министром вооружения и боеприпасов (с 2.9.1943 г.— имперский министр военного производства).
- февраль Секретное совещание ведущих немецких ученых под председательством Геринга. Вывод: создание атомной бомбы в Германии в ближайшие годы еще полностью исключено.
- 17.3 Генерал Макартур становится главнокомандующим союзными вооруженными силами в юго-западной части Тихого океана.
- 21.3 Гауляйтер Заукель назначается генеральным уполномоченным по использованию германской рабочей силы. (В дальнейшем — включение в германскую экономику 7,5 млн иностранных рабочих и около 30 млн лиц гражданского населения.)
- 8.4 — 17.4 Переговоры в Лондоне Черчилля со специальным представителем Рузвельта Гарри Гопкинсом. (Планы США по наступлению на Германию.)

- 26.4 Гитлер требует от рейхстага полномочий в качестве верховного судьи единолично решать все вопросы, если того требует "благо" немецкого народа.
- 7.5 Указ фюрера о единообразном руководстве экономикой (разделение компетенций между ведомством военной экономики и управлением вооружений ОКВ).
- 26.5 Молотов в Лондоне: заключение советско-британского пакта сроком на 20 лет.
- 26.5 Покушение (со смертельным исходом) на заместителя имперского протектора Богемии и Моравии Гейдриха (в отместку за это — уничтожение 10.6 чешской деревни Лидице).
- 29.5 — 1.6 Молотов в Вашингтоне. (Обещание США открыть второй фронт; обязательство предоставить Советскому Союзу экономическую помощь.)
- 29.5 Фюрер принимает руководителя антибританского индийского движения Субха Боса.
- 30.5 Люксембург включается в состав германского рейха.
- 3 — 7.6 Поражение японцев в морском сражении против США на Тихом океане у о. Мидуэй.
- 12.6 Гиммлер одобряет "Генеральный план Ост" (депортация народов Европы в Сибирь: около 85% поляков, 65% украинцев, 75% белорусов и 50% чехов).
- 18 — 26.6 Вторая Вашингтонская конференция. Участники: Рузвельт и Черчилль со своими штабами (вопрос о втором фронте; атомные исследования).
- 18 — 25.7 Переговоры в Лондоне между Черчиллем, Гопкинсом и начальниками штабов. (Решение: высадиться в Северной Африке — операция "Торч" ("Факел").)
- 8.8 Американские войска высаживаются на о. Гуадалканал (Соломоновы острова).
- 12.8 — 15.8 Переговоры в Москве Сталина, Черчилля и Гопкинса (представитель Рузвельта). Определены совместные меры против Германии; Советы проинформированы об операции "Торч".

- p>19.8 Попытка высадки английского десанта в Дьеппе (на северном побережье Франции) (Отбита.)
p>24.9 Отставка начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера; его преемником становится генерал пехоты Цейтцлер.
p>9.10 В Советском Союзе упраздняется институт комиссаров: отныне вся командная власть принадлежит войсковым командирам (единоначалие).
p>7 — 8.11 Высадка союзников во Французской Северной Африке (операция "Торч").
p>11.11 Германские войска оккупируют Южную Францию (операция "Антон").
p>16.11 Распоряжение о введении имперских комиссаров обороны и об унификации управления экономикой.
p>19.11 Начало советского контрнаступления под Сталинградом.
p>27.11 Самопотопление французского военноморского флота в Тулонском порту.
p>2 декабря, 15.30 В Чикаго Ферми запускает первый атомный реактор.
p>24.12 Убит адмирал Дарлан. (С апреля — главнокомандующий французскими вооруженными силами; 11.11 Петен для видимости смещает его с этого поста, но фактически тот действовал от его имени; с 1.12 являлся главой государства в Северной Африке.)
p>27.12 Образование так называемого Смоленского комитета во главе с генералом Власовым (позднее — Комитет освобождения народов России. 8.7.1943 г. Гитлер запрещает боевое использование Русской освободительной армии (РОА); лишь в дальнейшем, в результате соглашения Гиммлера с Власовым от 16.9.1944 г., РОА была допущена к борьбе против "большевизма".

13. Восточная кампания: битва за Сталинград

I. К предыстории:

1940

31.7

Гитлер на совещании командующих войсками вермахта заявляет: "Для разгрома русской жизненной силы следует провести частную операцию в нефтяном районе Баку".

1941

11.6

24.7

Подготовительная директива №32.

Первая памятная записка оперативного управления генерального штаба сухопутных войск о наступлении в направлении Кавказа.

24.10

Первый проект такой наступательной операции (с прикрытием северного фланга: Сталинград — Астрахань — Волга).

7.11

Гитлер заявляет начальнику генерального штаба сухопутных войск: "Овладение нефтяным районом следует отложить до будущего года".

19.11

Гитлер определяет цель наступления на 1942 г.: Кавказ и южная граница России.

1942

12.2

Подготовительное указание оперативного отдела генштаба сухопутных войск о проведении операций после окончания зимнего периода.

5.3

Директива ОКВ о захвате Крыма, Керченского полуострова и Севастополя.

5.4

Директива фюрера №41 о летнем наступлении 1942 г.— операция "Блау" ("Голубая")— четырьмя этапами.

8.5 — 15.5.

Захват Керченского полуострова.

17.5 — 28.5

Битва под Харьковом (взято 240 000 пленных).

7.6 — 4.7

Захват Крыма и Севастополя (11-я армия под командованием генерал-полковника фон Манштейна).

II. 1-я фаза: путь к Сталинграду

28 июня 1942 г.

Группа армий "Юг"

(генерал-фельдмаршал фон Бок):

17, 6, 2-я армии, 1-я и 4-я танковые армии, 3-я румынская (вначале), 2-я венгерская армии (резерв — 8-я итальянская армия); 11-я армия наступает из района восточнее Харьков — Курск.

5.7

Северное крыло выходит к Дону у Воронежа.

9 июля 1942 г.

Образование группы армий "Б" (генерал-полковник фон Вейхс: 6, 2, 2-я венгерская и 8-я итальянская армии) и группы армий "А" (генерал-фельдмаршал Лист): 17, 1 и 4-я танковые армии, 3-я румынская и 11-я армии

23.7

Группа армий "А" берет Ростов (вторично). Директива фюрера № 45: одновременная операция по расходящимся направлениям на Батум—Баку и Сталинград.

Гр. армий "А"

9.8

Захватывает нефтяные промыслы Майкопа и Пятигорска.

21.8

Над Эльбрусом поднят германский военный флаг.

Гр. армий "Б"

30.7

Гитлер приказывает 4-й танковой армии (перешедшей в подчинение группы армий "Б") повернуть с Кавказа для наступления на Сталинград (с юга).

19.8

Генерал Паулюс (командующий 6-й армией) дает приказ о наступлении на Сталинград.

20.8

4-я танковая армия (командующий — генерал-полковник Гот) останавливается южнее Сталинграда, но 23.8 достигает западной окраины города.

1 — 15.9

6-я армия и 4-я танковая армия пробиваются к Сталинграду с северо-запада и юга и врываются в его пригороды.

Советский Союз:

Осень 1941 г.

Начало строительства оборонительных сооружений Сталинграда.

1942

10.7

По приказу Советского Верховного Главнокомандования (Ставки) из стратегического резерва на защиту Сталинграда перебрасываются 62-я и 64-я армии.

12.7

Обе армии образуют Сталинградский фронт (командующий — маршал Тимошенко, а с 23.7 — генерал-лейтенант Гордов).

28.7

Приказ Советского Верховного Главнокомандования Сталинградскому фронту: "Ни шага назад! За Волгой для нас земли нет!"

5.8

Разделение Сталинградского фронта на Сталинградский и Юго-Восточный.

25.8

Сталинград объявляется на осадном положении.

12.9

62-я армия (командующий — генерал-лейтенант Чуйков) принимает на себя оборону Сталинграда.

2-я фаза: борьба за удержание города

16.9 — 18.11

Бои в Сталинграде.

24.9

Смещение начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера; его место занимает генерал пехоты Цейтцлер.

3.10

Взят пригород Сталинграда Орловка.

14.10

Наступление на тракторный завод им. Дзержинского.

Директива фюрера "Противник ослаблен и уже небоеспособен".

6.11

Оценка положения противника отделом Иностранные армии Востока (ОКХ): советского наступления можно ожидать в первую очередь против группы армий "Центр".

8.11

Гитлер заявляет в своем выступлении в мюнхенском пивном зале "Бюргербройкеллер": "Сталинград уже в наших руках".

10.11

Наступление 6-й армии на химический завод и на металлургический завод "Красный Октябрь".

- 12.11 Отдел Иностранные армии Востока (ОКХ) рассчитывает на ограниченные советские наступательные операции против 3-й румынской армии (Дон).
- Советский Союз:**
- конец сентября Советское Верховное Главнокомандование разрабатывает план контрнаступления.
- 30 сентября 1942 г. Переформирование фронтов: Юго-Западный фронт (командующий — генерал-лейтенант Ватутин), Донской фронт (командующий — генерал-лейтенант Рокоссовский), Сталинградский фронт (командующий — генерал-полковник Еременко).
- 4.10 Представители Ставки Верховного Главнокомандования генерал армии Жуков и генерал-полковник артиллерии Василевский обсуждают с командующими фронтами организацию запланированной операции на окружение (так же и во второй половине октября).
- 9.10 Ликвидация института комиссаров и введение единоначалия командиров.
- 19 ноября 1942 г., 5.00 Начало советского контрнаступления, осуществляемого войсками Юго-Западного фронта (силами примерно 3 танковых и 2 кавалерийских корпусов, 21 стрелковой дивизии) и Донского фронта (примерно 20 стрелковых дивизий, 6 танковых и 2 моторизованных бригад). Прорван фронт 3-й румынской армии у Клетской и Блинова.
- 20.11 Наступление Сталинградского фронта южнее города (2 танковых корпуса, 9 стрелковых дивизий).
- 21.11 Прорыв на фронте 4-й румынской армии. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн назначается командующим вновь созданной группой армий "Дон". Задача: остановить наступление противника. (Силы: 2-я и 4-я румынские армии, 6-я армия и 4-я танковая армия).

- 22.11 Гитлер приказывает вечером этого дня: "6-й армии занять круговую оборону и ждать деблокирования извне".
- 23.11 В 16.00 наступательные авангарды советских Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединяются у Калача (по советским данным). Тем самым 6-я армия и часть 4-й армии окружены (около 300 000 человек). (По немецким данным, котел был закрыт 22.11.)
- 23.11 В 21.30 генерал Паулюс просит Гитлера предоставить ему свободу действий.
- 24.11 Гитлер обещает деблокировать 6-ю армию после того, как Геринг заверил его, что в котел будет перебрасываться авиацией ежедневно 300 *т* необходимых грузов.
- 27.11 Манштейн вступает в командование группой армий "Дон".
- конец
ноября Решение Советского Верховного Главнокомандования в ходе продолжающегося наступления уничтожить немецкие войска за р. Дон и р. Чир.
- 12.12 Начало наступления с целью деблокирования (армейская группа Гота с 2 танковыми дивизиями; с 17.12 подброшена еще 1 моторизованная дивизия 57-го армейского корпуса). Эти силы к 21.12 подходят к Сталинграду на расстояние 48 км. Бои на р. Мышкова против советских войск под командованием генерал-лейтенанта Малиновского.
- 16.12 Войска южного крыла Воронежского фронта и Юго-Западного фронта наступают через Дон с направлением главного удара р. Чир — Ростов-на-Дону.
- 19.12 6-й армии приказано провести операцию "Винтергевиттер" ("Зимняя гроза") — встречное наступление для соединения с деблокирующей частью войск армейской группы Гота.

- 22 — 23.12 Возникновение плана операции "Доннер-шлаг" ("Раскат грома") с целью общего прорыва 6-й армии. Приказ об использовании последней возможности вырваться из окружения не был отдан ввиду отказа Гитлера утвердить его.
- 23 — 25.12 Продолжающееся советское наступление на р. Чир приводит к прекращению деблокирующего удара Гота.
- 1943
- 8.1 Советы призывают 6-ю армию сдаться.
- 10.1 Начало ликвидации Сталинградского котла войсками Донского фронта (под общим руководством представителя Ставки генерал-полковника артиллерии Воронова).
- 25.1 Раскол котла на северный и южный.
- 31.1 Южный котел (с генерал-фельдмаршалом Паулюсом) капитулирует.
- 2.2 Прекращает борьбу северный котел.
(Из числа окруженных 34 000 человек (раненные) эвакуированы по воздуху, 90 000 человек — взяты в плен, по советским данным — 130 000 человек.)

14. Военный год 1943-й

- 14 — 25.1 Конференция в Касабланке (Черчилль, Рузвельт, объединенные начальники штабов. "Безоговорочная капитуляция". Рузвельт выступает посредником между французскими генералами Жиро и де Голлем).
- 27.1 Распоряжение об использовании рабочей силы для ведения "тотальной войны" (генеральный уполномоченный Заукель).
- 31.1 Отставка главнокомандующего военноморским флотом гросс-адмирала Редера; его преемником становится гросс-адмирал Дёниц (до этого командовавший подводным флотом.— *Пер.*).
Генерал-полковник Амброзио — новый начальник генерального штаба итальянских вооруженных сил вместо Каваллеро.

- 2.2 В Сталинградском котле капитулируют последние остатки 6-й армии.
- 18.2 Геббельс провозглашает "тотальную войну" — речь в "Спортпаласте" (см. док. № 45).
- 13.4 Обнаружение в Катыни массовых могил с трупами расстрелянных польских офицеров (свыше 4000). По выводам исследователей из различных стран, захоронения относятся к периоду до вступления германских войск в этот район.
- 12 — 25.5 Вашингтонская конференция ("Трайидент" — "Трезубец") Черчилля и Рузвельта. (Высадка во Франции — операция "Оверлорд" — в 1944 г.; Бирма; применение атомного оружия; судостроение.)
- 13.5 Капитуляция германской группы армий в Тунисе.
- 15.5 Роспуск основанного в 1919 г. Коммунистического Интернационала.
- 9 — 10.7 Высадка союзников на Сицилии.
- 12 — 13.7 Образование "Национального комитета "Свободная Германия"" в Красногорске (под Москвой).
- 16.7 Обращение Рузвельта и Черчилля к итальянскому народу с призывом прекратить войну.
- 19.7 Совещание Гитлера и Муссолини в Фельтре.
- 24 — 25.7 Государственный переворот в Италии. Новый глава правительства — маршал Бадольо. Муссолини арестован.
- 14 — 24.8 Конференция в Квебеке ("Квадрант") Черчилля и Рузвельта (Италия; Бирма; "Оверлорд"; командование в Юго-Восточной Азии).
- 28.8 Смерть болгарского царя Бориса.
- 2.9 Указ Гитлера о концентрации военной экономики.
- 8.9 Объявлена капитуляция Италии.
- Начало германских контрмер (операция "Аксе" — "Ось").
- 9.9 Хорватия присоединяет отошедшие от нее в 1941 г. области.
- 12.9 Освобождение Муссолини из Гран-Сассо.

18.9	Образование в Италии республиканско-фашистского государства.
12.10	Португалия разрешает союзникам создание военных баз на Азорских островах.
13.10	Италия объявляет войну Германии.
18 — 30.10	Московское совещание: Молотов, Иден, Хэлл, Дин, Исмей. (Планирование на послевоенный период; международные организации; военное сотрудничество с Советским Союзом.)
9.11	Создание ЮНРРА*.
22 — 26.11	1-я Каирская конференция ("Секстант"): Рузвельт, Черчилль, Чан-Кайши (стратегия и послевоенные планы; Дальний Восток).
28.11 — 1.12	Тегеранская конференция СССР, Великобритании и США ("Эврика"). (Средиземное море; "Оверлорд"; планирование на послевоенный период.)
2.12	Распоряжение о привлечении немецкой молодежи к выполнению военных задач.
3 — 6.12	2-я Каирская конференция: Рузвельт, Черчилль, турецкий президент Иненю (Бирма; Турция отклоняет свое участие в войне).
12.12	Договор между СССР и чехословацким эмигрантским правительством о взаимопомощи и сотрудничестве после войны.
22.12	Гитлер приказывает ввести в вермахте должность офицера по национал-социалистскому воспитанию (28.4.1944 г. назначается начальник штаба национал-социалистского воспитания ОКВ).

15. Оборона "Крепости Европа" в 1943 г.

а) На Востоке:

Еще в 1942 г.

Группа армий "Север" (фон Кюхлер):
18-я и 16-я армии (1-й воздушный флот).
Оборонительные бои в районе Ленинграда и Ораниенбаума. Позиционная война.

* United Nation Relief Rehabilitation Administration (англ.) — Администрация Объединенных Наций по вопросам помощи и восстановления.

18.1.1943 г.	Советские войска устанавливают сухопутный путь в Ленинград (войска Ленинградского фронта объединяются с войсками Волховского фронта).
1943 г.	Оборонительные бои под Демянском, на Ладожском озере, у Новгорода и Старой Руссы.
6.10 — 1.1.1944 г.	Оборона в районе Невеля. Группа армий "Центр" (фон Клюге, Буш): 2, 9, 4-я армии, 3-я танковая армия (до середины июля также 2-я танковая армия), 6-й воздушный флот.
1943 г.	Позиционные бои под Великими Луками, на Волхове и на Орловской дуге.
5.7	Оборонительные бои за Курск, затем за Орел, Вязьму, Ржев (операция "Бюффельсбевегунг" — "Движение буйвола"), Гомель, Оршу, Смоленск (операция "Пантера").
7.7 — 3.8	За линией германского фронта советские партизаны пускают под откос 65 железнодорожных составов (Ковель). Оперативное воздействие партизанской деятельности в России усиливается. (Численность организованных партизан, по оценкам, составляла до 80 000 человек.) В течение августа (особенно 2 — 3.8) они уничтожили железнодорожные пути более чем в 12 000 пунктов.
17.9	Советы берут Брянск.
24.9	Немецкие войска оставляют Смоленск.
25.11	Потеря Гомеля. Группа армий "Юг" (и группа армий "А") (фон Манштейн и фон Клейст): 6-я, 1-я танковая, 8-я армии, 3-я румынская армия и 17-я армия (4-й воздушный флот).
До марта 1943 г.	Зимние оборонительные бои в районе р. Миус и Дон.
14.2	Немецкие войска сдали Ростов-на-Дону.
5.7	Начало последнего немецкого наступления на Востоке (операция "Цитадель") на Курской дуге; прекращена 15.7.
с 13.7	Оборона Харькова и Изюма.
5.8	Советы берут Орел.

- 4.9 Приказ оставить плацдарм на Кубани (выполнение до 7.10).
- 7.9 Сдача Сталино. Это означает потерю Донбасса.
- 23.10 Прорыв Советов к нижнему течению Днепра, в результате с 1.11 отрезан Крым.
- 6.11 Советы входят в Киев.

б) на Юге и Юго-Востоке:

- Кессельринг — 10-я и 14-я армии, Лёр (группа армий "Е"), Вейхс (группа армий "Ф" и с августа 1943 г. главнокомандующий войсками "Юго-Восток").
- 14 — 26.1.1943 г. Решение союзников высадиться на Сицилии и на юге Италии.
- 10.7 Высадка союзников на Сицилии (8-я британская и 7-я американская армии под командованием генерала Александера).
- 12.7 Захват Сиракуз.
- 25.7 Крах фашистской системы в Италии.
- 17.8 Конец боев на Сицилии.
- 3.9 8-я британская армия высаживается на южной оконечности Калабрии.
- 9.9 Высадка 5-й американской армии у Салерно.
- Начало разоружения итальянских войск.
- 10.9 Германские войска занимают Рим.
- 28.11 Английские войска переходят через Сангро.

в) На Западе:

- фон Рундштедт: 15, 7 и 1-я армии, а также армейская группа Фельбера (3-й воздушный флот — Шперрле).
- 1943 г. Строительство "Атлантического вала".
- 28.10 Подробный доклад главнокомандующего войсками "Запад".

г) На Севере:

- Финны и 20-я горно-стрелковая армия Дитля 5-й воздушный флот.
- 1943 г. Позиционные бои в Восточной Карелии и в районе Кандалакши.

16. Военный год 1944-й

22.1	Высадка союзников в тылу германского Южного фронта у Анцио и Неттуно.
19.3	Германские войска занимают в Венгрии стратегически важные пункты (операция "Маргарете I").
4.6	Германские войска уходят из Рима.
6.6	Начало высадки союзнических войск в Северной Африке.
9.6	Преобразование правительства в Италии, сформирован кабинет Бадольо.
10.6	Уничтожение войсками СС французской деревни Орадур (убиты все жители).
13 — 14.6	Начало обстрела Лондона снарядами "Фау".
17.6	Провозглашение Республики Исландия (отделение от Дании 25.5).
22.6	Начало крупного советского наступления против группы армий "Центр".
1 — 22.7	Конференция в Бреттон-Вудсе (экономические вопросы).
11.7	США признают Комитет национального освобождения Франции во главе с де Голлем.
17.7	Ранение генерал-фельдмаршала Роммеля.
18.7	В Японии уходит в отставку кабинет Тодзио.
20.7	В 12.50 в ставке Гитлера "Вольфсшанце" ("Волчье логово") взрывается бомба полковника графа фон Штауффенберга. Покушение на Гитлера оканчивается неудачей. Последняя встреча Гитлера с Муссолини. Рейхсфюрер СС Гиммлер назначен командующим армией резерва.

К предыстории покушения на Гитлера 20 июля 1944 г.:

После установления тоталитарной национал-социалистской системы власти стали возникать многочисленные отдельные кружки оппозиционного характера (социал-демократы, профсоюзные деятели, духовенство, консерваторы, дипломаты, военные, "Крайзауский кружок", "Белая роза", "Кружок Зольфа", коммунисты).

- 1937
5.11 Гитлер раскрывает свою агрессивную политику на секретном совещании в Имперской канцелярии.
- 1938
30.5 "Не подлежащее изменению" решение Гитлера напасть на Чехословакию.
29.7 Доклад начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Людвига Бека главнокомандующему этими войсками генерал-полковнику фон Браухичу (с возражениями против плана нападения на Чехословакию.— *Пер.*).
19.8 Беседа Э. фон Клейста с Черчиллем.
28.9 Впервые намечается арестовать Гитлера (акция Гальдера — Вицлебена). Это намерение срывается переговорами в Мюнхене по вопросу о Чехословакии.
- 1939
27.9 Несмотря на свои заверения в соблюдении нейтралитета, Гитлер планирует наступление на Западе с беззастенчивым нарушением нейтралитета Голландии и Бельгии.
11.10 Памятные записки командующего группой армий "Ц" генерал-полковника фон Лееба с возражениями против наступления на Западе.
и 31.10 Зондаж участника заговора Тротт цу Зольца в США.
ноябрь 1939 — февраль 1940 г. Новая попытка заговорщиков убить Гитлера (Кордт) оказывается невыполнимой из-за неудачного покушения на него в "Бюргербройкеллер" (Мюнхен, 8.11).
ноябрь
- 1941
30.5 "Мирный план" Гёрделера (предназначен для английского правительства).
ноябрь Новая попытка заговорщиков установить прямой контакт групп противников Гитлера с США (через Л.П. Лохнера).
- 1942
26.5 — 31.5 Контакт заговорщиков Шёнфельда и Бонхёфера с епископом Чичестерским в Швеции (обсуждаются возможности мирных переговоров в случае свержения национал-социалистского режима).

1943

24.1

Союзническое требование "безоговорочной капитуляции" Германии (ужесточение союзнической точки зрения, в результате чего установление контактов с группами германского Сопротивления отклоняется).

18.2

Листовка [участников антигитлеровской группы "Белая роза" студентов Мюнхенского университета] Ганса и Софи Шолль с требованием восстановления чести немецкого народа и призывом к борьбе против нацистской партии.

13.3

Бомба с часовым механизмом в самолете Гитлера (подложенная заговорщиком Шлабрендорфом) не срабатывает.

26.3

Секретный меморандум Гёрделера для генералитета о необходимости государственного переворота.

начало

июня

Граф Шенк Клаус фон Штауффенберг становится участником заговора.

25.7

начало

октября

Письмо Гёрделера фельдмаршалу Клюге. Подполковник Штауффенберг назначается начальником штаба Общего управления главного командования сухопутных сил.

середина

октября

Подготовка новой попытки государственного переворота, намеченного на середину октября.

1944

11.2

План одновременного уничтожения Гитлера и Гимmlера взрывом бомбы отменен ввиду отсутствия последнего на совещании.

9.3

Намерение заговорщиков застрелить Гитлера на совещании по обсуждению обстановки не осуществлено из-за того, что предназначавшийся для совершения этого акта офицер на совещание допущен не был. Встреча фельдмаршала Роммеля с генералом Штюльпнагелем (Париж). Их план: арест Гитлера и предание его германскому суду.

15.5

1.7

Полковник граф Штауффенберг назначен начальником генерального штаба командующего армией резерва.

- 15.7 Первая попытка покушения на Гитлера в его ставке срывается, так как совещание заканчивается раньше намеченного времени. (Жертвы неудачных попыток покушений на Гитлера: непосредственных участников заговора около 200 человек, а в связи с покушением 20 июля 1944 г. до конца войны — около 5000 человек.)
- 23.7 По предложению Геринга в вермахте вместо традиционного отдания чести вводится "германское приветствие" (вытянутой вверх рукой).
- 30.7 Приказ фюрера о борьбе с террористами и саботажниками в оккупированных областях.
- 31.7 Прорыв союзников у Авранша.
- 1.8 Начало польского восстания в Варшаве под руководством генерала Бур-Комаровского. Восставшим приходится 3.10 капитулировать, так как Советы не поддержали их.
- 1.8 Распоряжение Гитлера, согласно которому семьи солдат, совершивших "измену", подлежат репрессированию.
- 2.8 Советский Союз признает польский коммунистический так называемый Люблинский комитет.
- 5 и 6.8 Последняя встреча Гитлера с Антонеску.
- 15.8 Высадка союзников на Средиземноморском побережье Франции.
- 17.8 Генерал-фельдмаршал Кейтель у Маннергейма (попытка не допустить отпадения Финляндии).
- 21.8—9.10 Конференция в Думбартон-Оксе в США (участники: США, Великобритания, СССР, Китай, обсуждение вопроса об учреждении Организации Объединенных Наций).
- 23.8 Переворот в Румынии. Арест Антонеску.
- 25.8 Французские войска под командованием де Голля входят в Париж.
- Румыния объявляет Германии войну.
- 30.8 Потеря нефтяного района Плоешти в Румынии.
- 4.9 Финляндия прекращает войну против Советского Союза.
- 5.9 Советский Союз объявляет войну Болгарии. Его войска входят в эту страну.

8.9	Болгария объявляет войну Германии. Эмигрантское правительство Бельгии возвращается в Брюссель.
11.9	1-я американская армия выходит к германской границе севернее Трира.
12.9	Румыно-советское перемирие подписано в Москве.
19.9	В Москве подписано финляндско-советское перемирие.
22.9	Рузвельт отзывает свою подпись под "планом Morgenthau" (представлен 15.9).
25.9	Гитлер дает приказ о формировании германского фольксштурма.
14.10	Вынужденное самоубийство Роммеля.
15.10	Венгрия обращается к Советскому Союзу с предложением о перемирии.
28.10	Подписание в Москве перемирия с Болгарией.
2.11	Завершение вывода германских войск из Греции.
7.11	Рузвельт в четвертый раз избирается президентом США.
10.12	Заключение во время визита де Голля в Москву франко-советского союза сроком на 10 лет.
16.12	Начало последнего германского наступления в Арденнах (остановлено противником уже 18.12).

17. Оборона "Крепости Европа" в 1944 г.

а) На Востоке:	Группа армий "Север" (генералы Модель, Линдеман, Фрисснер, Шёрнер): 16-я, 18-я армии, армейская группа "Нарва" (в сентябре 3-я танковая армия), (1-й воздушный флот). Советы: Ленинградский фронт (Говоров), Волховский фронт (Мерецков), 2-й Прибалтийский фронт (Попов).
14.1 — 23.4	Оборонительные сражения германских войск в Северной России и на подступах к Прибалтийским странам.
20.1	Советы отвоевывают Новгород.
24.4 — 21.6	Позиционные бои в районе Чудского озера.

- 22.6 Оборонительные бои во время советского летнего наступления.
- 13.7 Начало советского наступления (2-й и 3-й Прибалтийские фронты) против группы армий "Север".
- 15.9 Прорыв советских войск под Нарвой.
- 21.9 Советскими войсками занят Ревель (Таллинн).
- 5.10 Прорыв советских войск к Балтийскому морю южнее Риги. Окружение группы армий "Север" ("Курляндия").
- 11.10 Советы впервые вклиниваются в Восточную Пруссию.
Группа армий "Центр" (Буш, Модель, Рейнгарт):
2, 9, 4-я армии, 3-я танковая армия; 6-й воздушный флот.
Советы: 1-й Прибалтийский (Баграмян), 3-й Белорусский (Черняховский), 2-й Белорусский (Захаров), 1-й Белорусский (Рокоссовский) фронты. Все четыре фронта находятся под общим командованием маршалов Василевского и Жукова.
- До 19.4 Оборонительные бои в районе Припятских болот.
- 20.4 — 21.6 Позиционные бои на линии Полоцк — Орша — Рогачев.
- 20.5 Гитлер приказывает командующему группой армий "Центр" "при любых обстоятельствах" удерживать занимаемую линию фронта.
- 19 — 20.6 Советские партизаны проводят крупнейшую диверсионную операцию за всю войну. (В полосе группы армий "Центр" они примерно в 9600 пунктах разрушают железнодорожные пути снабжения германских войск. По советским данным, силы партизанского движения в Белоруссии насчитывают 240 000 человек.)
- 22 — 23.6 Начало советского летнего наступления в полосе между Припятскими болотами и Двиной, закончившееся разгромом группы армий "Центр". (Уничтожено или взято в плен 25 немецких дивизий.)

С о о т н о ш е н и е с и л

Немецкие силы	Советы
40 див. (резервов не имеется), из них 1 танковая див. 829 самолетов	126 стрелковых див. 6 кав. див. 16 мот. бригад 45 танк. бригад 4500 самолетов

- 26.6 Вырисовывается опасность двойного окружения группы армий "Центр".
- 27.6 Тщетная попытка командующего группой армий "Центр" побудить Гитлера к своевременной сдаче "прочных опорных пунктов" — Бобруйска, Могилева и Орши.
- 3.7 Советы занимают Минск, что означает крах группы армий "Центр".
- конец
сентября Советы выходят на линию р. Нарев — Сувалки — Шауляй.

Группа армий "Юг" = "Северная Украина" (Модель, Харпе) = группа армий "А".
Группа армий "А" = "Южная Украина" (Шёрнер, Фрисснер) = группа армий "Юг": 6, 8, 4-я румынская армии, 1-я и 4-я танковые армии, 17-я армия, румынская, 1-я венгерская армия (4-й воздушный флот).
Советы: 1 — 4-й Украинские фронты (Ватутин, Конев, Малиновский, Толбухин).

- 4.3 Начало советского наступления против группы армий "Юг".
- 28.3 Советы выходят на р. Прут севернее Ясс.
- 10.4 Советские войска занимают Одессу.
- апрель — Германские войска оставляют Крым (8.4 — май начало советского наступления).
- 13.7 Советское наступление против группы армий "Северная Украина".
- 20.8 Начало крупного советского контрнаступления против группы армий "Южная Украина". Окружение 6-й армии (в советский плен попадают 150 000 человек). Разложение румынских войск.
- 31.8 Взятие советскими войсками Бухареста.

- 24.12 Окружение Будапешта.
- б) На Юге и Юго-Востоке: Юг (Кессельринг, фон Витингхоф): 14-я и 10-я армии.
- 22.1 Высадка 5-й американской армии у Анцио и Неттуно (в тылу правого крыла германских войск).
- 15.2 Полное разрушение монастыря Монте-Кассино.
- 4.6 Союзные войска занимают Рим и
26.7 берут Пизу.
4.8 Германские войска оставляют Флоренцию.
Осень "Зеленая линия" (юго-восточнее Специи — Апеннины — севернее Римини) удерживается группой армий "Ц" (главнокомандование войск "Юго-Запад").
- Юго-Восток: главнокомандующие войсками "Юго-Восток" генерал-фельдмаршал барон фон Вейхс (группа армий "Ф") и генерал-полковник Лёр (группа армий "Е").
- 25 — 26.8 Приказано оставить острова в Эгейском море и Грецию.
- 2.9 Эвакуация немецких войск с большинства Эгейских островов.
- 3.10 Оставлены Афины.
- 20.10 Советскими войсками и югославскими партизанами под командованием Тито взят Белград.
- конец октября Начало ухода из Албании.
- в) Вторжение войск союзников на Европейский континент (план "Оверлорд")
- I. К предыстории:
- 1940
- 4.6 Операция "Динамо" (закончена эвакуация англо-французских войск с континента).
- 1941
- 12.7 Англо-советский пакт о взаимопомощи.
- 18.7 Сталин просит союзников открыть второй фронт против Германии во Франции или на Севере (в Арктике).

- 3.9 Сталин вновь требует от Черчилля открытия второго фронта (во Франции или на Балканах).
- 8.9 Черчилль рекомендует начальнику имперского генерального штаба разработать (с целью ослабления немецкого натиска на Советы) план "ложного нападения на полуостров Шербур" (Франция).
- 1942
1.4 Американский военный министр Стимсон и начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Маршалл представляют разработанный начальником оперативного отдела генерал-майором Эйзенхауэром план высадки в Северной Франции ("план Маршалла").
- 11.4 Телеграмма Рузвельта Сталину о своем намерении "осуществить важный военный план" для облегчения положения на русском Западном фронте.
- 14.4 Союзниками принят план "Болеро": начало подготовки к высадке в 1943 г., в случае крайней необходимости — в 1942 г.; размещение на территории Англии к 1.4.1943 г. сухопутных войск и военно-воздушных сил США общей численностью 1 млн человек; формирование 18 английских дивизий; принятие экстренных мер в случае краха русских (план "Следж-хэммер" — "Кувалда").
- 30.5 Рузвельт через Молотова извещает Сталина о том, что рассчитывает в текущем году открыть второй фронт в Европе.
- 11.6 Английский кабинет решает, что на риск такой высадки можно пойти только при условии, что для нее имеется в боевой готовности достаточно сил; в этом духе Черчилль 20.6 шлет Рузвельту меморандум с предложением произвести высадку в Северной Африке ("Торч").
- 15.8 Черчилль ставит Сталина в Москве в известность о перспективе открытия второго фронта в 1943 г.

1943

14.1 —

26.1

Конференция в Касабланке (Черчилль, Рузвельт, начальники объединенных штабов). Решения: приоритет отдается в 1943 г. высадкам на Юге: Сицилия, Сардиния, Крит и Додеканезские острова; "Оверлорд" — только в 1944 г. Учреждение совместного штаба по руководству высадкой. Определение основных положений по проведению систематического бомбового террора против Германии.

15.7

Начальник генерального штаба верховного главнокомандующего экспедиционными войсками в Европе генерал Морган представляет начальникам объединенных штабов оперативную разработку планов "Оверлорд" (Северная Франция) и "Энвил" — "Наковальня" (Южная Франция).

17.8

"Оверлорд" принимается на конференции в Квебеке в качестве первой наземной и воздушной цели на 1944 г. (начало наступления — 1 мая 1944 г.).

28.11 —

1.12

Тегеранская конференция трех держав. Сталина информируют о союзнических планах.

1944

январь

(с 6.1)

8.2

14.2

Изменение оперативных планов "Оверлорд" и "Энвил" (масштабы наступления). Окончательный вариант "Оверлорд".

Генерал Эйзенхауэр назначен верховным главнокомандующим союзными войсками вторжения.

7 — 8.4

Двухдневные командно-штабные учения в ставке генерала Монтгомери (главнокомандующий сухопутными войсками союзников) по операции "Оверлорд".

15.5

Эйзенхауэр в общих чертах знакомит в Лондоне видных представителей Английского государства и вооруженных сил с планом операции "Оверлорд".

16.5

Эйзенхауэр назначает дату начала наступления на 5.6, но 5.6 переносит "день X" на 6.6.

II. 6 июня 1944 г.

6.30

Начало вторжения союзнических войск под командованием генерала Эйзенхауэра в Северную Францию на участке Шербур — Кан.

С и л ы:

Германия		Союзники	
Пех. див.	49	6	(горно-стрелк. и легкие пех. див.)
Мот. див.	—	55	из них 40 див. первой волны
Танковых див.	10	25	
Танков	...	...	
Бомбардировщиков	165	31	
		00	
Истребителей	185	50	
		49	
Трансп. самол./планеров	...	49	
		00	
Линкоров	...	7	
Крейсеров	...	27	
Миноносцев	3	164	
Торпедных катеров	36	...	
Подводных лодок	34	...	
Десантных судов	...	6500	различных видов
Общая численность войск союзников:			
октябрь — 3,05 млн чел., из них 0,8 млн — в Англии.			

14.6

22.6

9.7

18.7

25.7

до 29.7

6.8

9.8

Прорыв американских войск на полуострове Котантен.
Взятие порта и города Шербур.
Англо-канадские войска берут Кан, а американские — Сен-Ло.
Прорыв американцев под командованием генерала Паттона на Авранш (операция "Кобра"), а тем самым — начало маневренной войны на Западе.
Союзники высадили во Франции 1,5 млн человек.
Германское контрнаступление на Мортен.
Американцы берут Ле-Ман.

- 15.8 Высадка союзных войск в Южной Франции (операция "Драгун").
Замена фельдмаршала фон Клюге на посту главнокомандующего войсками "Запад" фельдмаршалом Моделем.
- 16.8 Прорыв англичан под командованием Монгомери от Кана на Фалез; окружение танковых соединений группы армий "Б" (19.8), выйти из окружения удалось лишь части войск.
- 19.8 В Париже вспыхивает восстание, организованное движением Сопротивления.
- 25.8 Генерал де Голль входит во главе французских войск в Париж.
- 29.8 Взятие Тулона и Марселя.
- 30.8 Союзники форсируют Сену.
- Группировка войск (начиная с сентября 1944 г.)
- С о ю з н и к и: группа армий "Центр" (Брэдли): 1, 3 и 9-я американские армии; группа армий "Север" (Монтгомери): 1-я канадская и 2-я британская армии; 1-я союзная авиадесантная армия; группа армий "Юг" (Деверс); 7-я американская армия, 1-я французская армия.
Военно-воздушные силы (Ли-Меллори).
Военно-морские силы (Рамсей).
Н е м ц ы: с 5.9 вновь под командованием Рундштедта: 1-я парашютная армия; группа армий "Б" (Модель): 15, 7, 5-я танковые армии; группа армий "Г" (Бласковиц): 1-я и 19-я армии;
3-й воздушный флот (командующие — Деслох, Шмид).
Командование военно-морских сил "Запад" (Маршалл).
- 3.9 Взятие Брюсселя.
- 4.9 Взятие Антверпена.
- 6.9 Взятие Льежа.
- 11.9 Союзники выходят на границу Германской империи севернее Трира.
- 15.9 В руках союзников оказывается Нанси.
- 17.9 Высадка авиадесантных войск союзников у Арнема и Неймегена (операция "Маркет гауден"); 26.9 высадившиеся у Арнема войска капитулируют.

21.10	Американцы берут Ахен.
14.11	Начало американо-французского наступления по обе стороны Вогезов.
22.11	Потеря Меца, Бельфора, Мюльхаузена.
23.11	Потеря Страсбурга.
3.12	Американцы сломили у Саарлаутерна сопротивление немецких войск на Западном валу.

Последнее германское наступление в Арденнах — 1944 — 1945 гг.

I. К предыстории:

1944

5.9	Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт снова становится главнокомандующим войсками "Запад".
6.9	Генерал-полковник Йодль докладывает Гитлеру: фланговый удар при переходе из отступления в контрнаступление ранее 1.11 невозможен.
13.9	Гитлер приказывает сформировать для наступления 6-ю танковую армию.
17.9	Высадка союзного авиадесанта у Арнема (эти войска вынуждены 25 — 26.9 сдаться).
25.9	Решение Гитлера пойти на риск контрнаступления.
11.10	Йодль докладывает Гитлеру первую оперативную разработку плана операции "Вахта на Рейне" от 8.10; самый ранний срок ее проведения — 25.11.
21.10	1-я американская армия берет Ахен.
27.10	Германский контрудар западнее Мааса.
1.11	Оперативная разработка Йодля передается главнокомандующему войсками "Запад" (постановка задач войскам была произведена уже 24-го или 28.10).
2—3.11	Первое обсуждение запланированной операции в штаб-квартире главнокомандующего войсками "Запад" (восточнее Крефельда). Возникновение противоречий: предложенное Гитлером "Большое решение" с целью

- наступления на Антверпен и "Малое решение": первоначально обеспечить надежный успех до рубежа р. Маас, а затем динамичное расширение наступления на запад.
- 5.11 Приказ ОКВ о перегруппировке сил для наступления.
- 10.11 Приказ ОКВ на "наступление в Арденнах". Дата — 1.12.
- 16.11 Начало сражения на притоке Мааса р. Рур с использованием дополнительных немецких войск, которые таким образом не могут участвовать в контрнаступлении.
- 25.11 Гитлер окончательно решает провести операцию на основе "Большого решения".
- 28.11 Донесение главнокомандующего войсками "Запад" в ОКВ об обстановке.
- 29.11 Командование группы войск "Б" дает приказ на наступление под кодовым наименованием "Хербстнебель" ("Осенний туман").
- 2.12 Совещание Гитлера с командующими группами армий и армиями. Дата наступления назначена на 10.12. Гитлер вновь отклоняет "Малое решение".
- 7.12 День начала наступления перенесен на 14.12.
- 10.12 Армии дают заключительные приказы на наступление.
- 11.12 Гитлер выезжает на заранее подготовленный командный пункт "Адлерхорст" ("Орлиное гнездо"), расположенный около Цигенберга (севернее Франкфурта-на-Майне).
- 11 — 12.12 Там перед началом наступления проходит его совещание с главнокомандующим войсками "Запад", а также с командующими группами армий и армиями.
- 12.12 Окончательно определена дата начала наступления — 16.12.

II. 16 декабря 1944 г.: начало германского наступления в Арденнах

Главнокомандующий войсками "Запад" —
генерал-фельдмаршал фон Рундштедт

С и л ы:

Германия	Союзники
Пех. див. 23 + 4 (резерв ОКВ) Мот. див. 4 Танк. див. 8 + 2 (резерв ОКВ) Самолетов: (в боевой готовн.) бомбардировщиков 171 истребителей 1492 + 91 штурмовик Разведчиков 40	16 (вкл. воздушно-десантн. див.) 4

- 18.12 Арденнское наступление останавливается в
полосе 6-й танковой армии войск СС, а
24.12 также и в полосе 5-й танковой армии.
26.12 Американцы прорывают кольцо окружения
у Бастони.
- г) На Севере: (финны и 20-я горнострелковая армия — командую-
щие генералы Дитль, Рендулич)
- 1944
10.6 Начало советского наступления на Карель-
ском фронте.
20.6 Взятие советскими войсками Выборга.
28.6 Взятие Петрозаводска (Восточная Каре-
лия).
- 4.9 Финны прекращают борьбу.
7.10 Начало советского наступления на Коль-
ском полуострове.
15.10 Германские войска оставляют Петсамо.
25.10 Германские войска оставляют Киркенес.
27.10 Советы вышли к Киркенесу.

18. Военный год 1945-й

- 1.1 Коммунистический Люблинский комитет провозглашает себя временным правительством Польши; тщетный протест польского эмигрантского правительства.
- 4 — 11.2 Ялтинская конференция трех держав (Сталин, Рузвельт, Черчилль, начальники штабов); договоренность о вступлении Советского Союза в войну против Японии через три месяца после окончания войны в Европе; Совет безопасности [будущей ООН] и соотношение голосов в нем; польский вопрос; политика в отношении Германии.
- 15.2 Распоряжение имперского министерства юстиции о введении военно-полевых судов.
- 19.2 Гиммлер устанавливает контакт с шведским графом Бернадоттом (предложение о сепаратном мирном договоре с Западом).
- 20.2 Образованное в Дебрецене венгерское контрправительство подписывает в Москве перемирие.
- 27.2 Заместитель советского министра иностранных дел Вышинский заставляет румынского короля назначить коммунистическое правительство Грозы (утверждено 6.3).
- 5.3 Германия призывает на военную службу контингент рождения 1929 г.
- 8.3 Генерал СС Вольф начинает в Швейцарии секретные переговоры об условиях сдачи германских войск в Италии.
- 19.3 Гитлеровский приказ "Нерон".
- 27.3 На Англию падают последние снаряды "Фау-2".
- 28.3 Генерал Кребс становится новым начальником германского генерального штаба вместо назначенного 21.7.1944 г. генерал-полковника Гудериана.
- 5.4 СССР денонсирует пакт о нейтралитете с Японией.
- 12.4 Скоропостижная смерть американского президента Рузвельта.
Его преемник — Гарри Трумэн.

- 21.4 Развал германского фронта в Италии.
Заключение соглашения о дружбе и взаимопомощи между Варшавским правительством и Советским Союзом.
- 22.4 Гитлер принимает решение остаться в Берлине.
- 23.4 Геринг смещен со всех своих постов.
- 25.4 — 26.6 Учредительная конференция Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско.
- 25.4 Гиммлеровское предложение мира доходит до Лондона.
- 28.4 Убийство Муссолини партизанами.
- 30.4, 15.30 Самоубийство Адольфа Гитлера в бункере в Берлине.
Его преемник — гросс-адмирал Карл Дёниц.
Черчилль предлагает американцам брать Прагу.
- 2.5 Во Фленсбурге образовано новое германское имперское правительство во главе с гросс-адмиралом Дёницец.
Сдача Берлина Советам.
- 5.5 Чешское восстание в Праге.
Советы требуют от американцев прекратить продвижение своих войск в Чехословакии.
- 7.5, 02.41 Подписание акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил в Реймсе.
- 9.5 в 0.16 — в Карлсхорсте (Берлин) в присутствии представителей СССР, Великобритании, США и Франции подписан Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.
- 23.5 Арест правительства Дёница.
- 5.6 Четыре державы-победительницы (США, Великобритания, СССР и Франция) берут на себя всю полноту власти в Германии.
- 26.6 Образование Организации Объединенных Наций.
- 4.7 Признание союзниками Австрии (в границах 1937 г.).
- 17.7—2.8 Потсдамская конференция.

- 6.8 Над Хиросимой сброшена первая атомная бомба. (16 июля в 5.30 — первый экспериментальный взрыв атомной бомбы в Лос-Аламосе.)
- 9.8 Советский Союз объявляет войну Японии. Над Нагасаки сброшена вторая атомная бомба.
- 10.8 Япония заявляет о безоговорочной капитуляции (подписана 2.9).

К 1945 г. в состоянии войны с Германией находились
(если до объявления войны Германии дипломатические отношения с нею были порваны, дата отмечена знаком*):

1939 г.

- 1 сентября Польша.
3 сентября Великобритания, Австралия, Индия и Новая Зеландия, а также Франция.
4 сентября Южно-Африканский Союз.
7 сентября Канада.

1940 г.

- 9 апреля Норвегия.
10 апреля Дания.
10 мая Нидерланды, Бельгия, Люксембург.

1941 г.

- 6 апреля Югославия и Греция.
22 июня Союз Советских Социалистических Республик.
8 декабря Китай (правительство Чан Кайши) (*2 сентября 1941 г.)
11 декабря Соединенные Штаты Америки (в результате объявления войны Германией), а также Куба, Доминиканская Республика, Гватемала, Никарагуа.
12 декабря Гаити, Гондурас и Сальвадор.
16 декабря Чехословакия (эмигрантское правительство).

1942 г.

- 13 января Панама.
28 мая Мексика (*12 декабря 1941 г.).
28 августа Бразилия (*22 января 1942 г.).
9 октября Абиссиния (война объявлена вновь утвердившимся правительством).

1943 г.

16 января	Ирак (*19 сентября 1939 г.).
7 апреля	Боливия (*26 января 1942 г.).
9 сентября	Иран (*16 сентября 1941 г.).
13 октября	Италия (правительство Бадольо).
29 ноября	Колумбия (*19 декабря 1941 г.).

1944 г.

26 января	Либерия.
25 августа	Румыния.
8 сентября	Болгария.
21 сентября	Сан-Марино (после произведенного вывода немецких войск).
31 декабря	Венгрия (контрправительство).

1945 г.

2 февраля	Эквадор (*29 января 1942 г.).
8 февраля	Парагвай (*26 января 1942 г.).
12 февраля	Перу (*24 января 1942 г.).
15 февраля	Уругвай (*25 января 1942 г.).
16 февраля	Венесуэла (*23 декабря 1941 г.).
23 февраля	Турция (*2 августа 1944 г.).
24 февраля	Египет (*3 сентября 1939 г.).
26 февраля	Сирия.
27 февраля	Ливан.
1 марта	Саудовская Аравия (*11 сентября 1939 г.).
3 марта	Финляндия (*19 сентября 1944 г.).
27 марта	Аргентина (*26 января 1944 г.).

До поражения Германии в Европе оставались нейтральными: Швеция, Ирландия, Португалия, Испания и Швейцария; не находилась в состоянии войны Исландия. За пределами Европы нейтральным оставался Афганистан. Чили хотя и порвало 20 января 1943 г. дипломатические отношения с Германией, объявило войну только Японии (12 февраля 1945 г.).

19. Разгром на всех фронтах в 1945 г.

3.1

Начало контрнаступления войск союзников в Арденнах.

- 12.1 Советы с Сандомирского плацдарма переходят в наступление на территорию рейха.
- 13.1 На Юго-Востоке отступление группы армий "Е" временно прекращается (на линии Мостар — Вишеград — р. Дрина).
- 16.1 Американские и английские войска соединяются у Уффализа (Бельгия).
- 17.1 Оставлена Варшава.
- 23.1 Советы выходят на Одер в Нижней Силезии.
- 8.2 Начало британо-канадского наступления на Нижнем Рейне.
- 13.2 Завершение боев за Будапешт.
- 23.2 Крупное наступление американских войск (1-я и 2-я армии) к Рейну с обходом Кёльна с обоих флангов.
- 26.2 Советы осуществляют в Восточной Померании прорыв к Балтийскому морю.
- 7.3 Американцы (3-я армия) создают плацдарм у Ремагена.
- 10.3 Фельдмаршал Кессельринг вступает в командование группой армий "Запад".
- 20.3 Начинают свое наступление югославские партизаны (Тито).
- 23.3 Английские войска форсируют Рейн.
- 30.3 Советы захватывают Данциг (Гданьск) (маршал Рокоссовский).
- 6.4 Югославские партизаны овладевают Сараевым.
- 9.4 Начало наступления союзников в Италии (8-я армия).
- 9.4 Капитулирует Кёнигсберг (генерал Лаш).
- 13.4 Советские войска занимают Вену (маршал Малиновский).
- 14.4 Американцы раскалывают Рейнский котел (Модель).
- 5-я американская армия начинает наступление в Италии.
- 16.4 Начало советского наступления на Одере и Нейссе с целью окружения Берлина.
- 18.4 Соппротивление в Рурском котле прекращено.
- 19.4 Американцы прорываются к Болонье.
- Взятие Лейпцига.

24.4	Завершено окружение Берлина; авангарды наступающих советских войск соединяются у Науэна.
25.4	Встреча американских и советских войск в Торгау на Эльбе.
29.4	Германская 12-я армия (командующий — генерал Венк) приступает к деблокированию Берлина.
	Заключение сепаратного перемирия в Италии.
30.4	Югославские партизаны достигают пригородов Триеста.
1.5	Прекращение военных действий в Италии. Английские войска прорываются через Эльбу в Мекленбург и Гольштейн.
2.5	Капитуляция Берлина.
4.5	Прекращены бои в Северной Германии (капитуляция перед английской группой армий Монтгомери).
4.5	Соединение американских войск из Южной Германии и Италии на Бреннерском перевале.
7.5	Подписание (Йодлем) в Реймсе безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.
8 — 9.5	Прекращение военных действий в Европе.
10.5	Группа армий "Курляндия" сдается Советам.

20. а) Война на море: 1939 — 1945

1939 с 19.8	Выход в море броненосцев "Граф Шпее" и "Дойчланд", а также 18 подводных лодок на позиции ожидания в Атлантическом океане.
3.9	Начало торговой войны. Потопление подводной лодкой У-30 без предупреждения пассажирского парохода "Афина" как якобы вспомогательного крейсера.
сент. 1939 — март 1940 г.	1-я фаза битвы в Атлантике. Подводные лодки в ходе одиночных операций вокруг Англии и до широты Гибралтара (в среднем в море — 14 подлодок) топят суда общим водоизмещением 753 803 брут-

то-тонны: собственные потери — 18 подлодок. Броненосцы в Северной и Южной Атлантике, а также миноносцы в Северном море топят 63 098 брутто-тонны. В английских территориальных водах, кроме того, минами с подводных лодок и эсминцев, а также воздушными минами потоплено 281 154 брутто-тонн, в результате воздушных налетов — 36 189 брутто-тонн.

17.9 Подлодка У-29 топит английский торпедоносец "Коржиус" ("Отважный").

14.10 Подводная лодка У-47 топит в Скапа-Флоу английский линейный корабль "Ройял Оук".

21 — 27.11 Атака линкоров "Гнейзенау" и "Шарнхорст" на "Северный патруль". Потопление вспомогательного крейсера "Роэлпинди" южнее Исландии.

13.12 Сражение у Ла-Платы; "Граф Шпее" наносит повреждения трем английским крейсерам, но ввиду полученных им самим повреждений 17.12 вынужден совершить самопотопление на рейде Монтевидео (Уругвай).

1940

16.2 Плавучая база "Альтмарк" взята на абордаж английским эсминцем в Южной Норвегии.

18 — 20.2 Безуспешная операция "Нордмарк" с участием флота, подводных лодок и авиации с целью нарушить коммуникацию Англия — Норвегия.

9.4 — 8.6 Норвежская операция. Группы военных кораблей 1 — 11, частично при поддержке авиации, высаживают войска в Нарвике, Тронхейме, Бергене, Кристиансанне, Арендале, Осло и датских портах. Потеря крейсеров "Блюхер", "Карлсруэ" и "Кёнигсберг", а также 10 миноносцев, 6 подводных лодок и 10 мелких судов. Массированное применение подлодок ввиду отказа торпед

- оказывается совершенно неудачным (торпедный кризис), в то время как английские подлодки успешно действуют против немецких транспортных судов.
- 27.5 — 4.6 Операция "Динамо". Эвакуация англо-французских войск из Дюнкеркского котла на более чем 800 судах различных типов (всего эвакуировано более 360 000 человек).
- 4 — 10.6 Операция "Юнона" при участии флота с целью не допустить эвакуации англичан из Северной Норвегии.
- Июнь 1940 — "Гнейзенау" и "Шарнгорст" потопили английский торпедоносец "Глориоус".
март 1941 г. 2-я фаза битвы в Атлантике.
- Подводные лодки в июне — в Бискайском заливе, с июля — в ходе групповых операций против конвоев в Северном канале (в среднем 12 подлодок в море) потопили 2 319 315 брутто-тонн, потеряв 14 подлодок. 7 вспомогательных крейсеров оперируют в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах и топят 480 866 брутто-тонн. Торпедные катера топят в Ла-Манше 71 325 брутто-тонн. Успехи в минировании дают 567 088 потопленных брутто-тонн.
- 3.7.40 Нападение английских "Сил Н" на собирающийся разоружаться французский Средиземноморский флот в Ороне.
- 9.7 Сражение между английским Средиземноморским флотом и итальянским флотом при Пунта-Стило прервано без успеха какой-либо из сторон.
- 19.7 Президент Рузвельт подписывает "Two Ocean Navy Expansion Act".
- 17.8 Объявление германской "сферы операций" вокруг Англии.
- 21 — 22.9 5 подводных лодок топят в Северной Атлантике 12 судов конвоя НХ-72 общим водоизмещением 77 863 брутто-тонны.
- 17 — 20.10 8 подлодок топят из конвоя SC-7 и НХ-79 одно за другим 31 судно водоизмещением 152 849 брутто-тонны.

конец окт. 1940 — конец марта 1941 г.	Атлантические операции крейсеров "Шерер" и "Хиппер", а также линкоров "Гнейзенау" и "Шарнхорст"; потоплено 47 судов (266 486 брутто-тонн).
11 — 12.11.1940 г.	Нападение английских торпедоносцев на итальянский флот в Таренте, выведены из строя 3 линкора.
27.11	Сражение между английской Гибралтарской эскадрой и итальянским флотом у мыса Теулада (Сардиния) заканчивается ничейным результатом.
1 — 2.12	7 немецких подводных лодок топят из конвоя НХ-90 в Северной Атлантике 11 судов общим водоизмещением 70 352 брутто-тонны.
1941 10.1	Крупный налет германского 10-го авиационного корпуса на английский конвой в районе о. Мальта. Потоплены 1 крейсер и 1 эскадренный миноносец, нанесены тяжелые повреждения 1 торпедоносцу.
9.2	Обстрел Гenuи Гибралтарской эскадрой английского флота.
23.2	Подводная лодка У-47 топит из состава конвоя ОВ-290 3 судна; военные корабли наведенной ею эскадры топят еще 9 судов.
март	При атаках на конвои погибают наиболее успешно действовавшие подводные лодки У-47, У-99 и У-100.
28.3	Морское сражение у мыса Матапан (Греция) между английским Средиземноморским и итальянским флотом с большими потерями для последнего.
апрель — декабрь	3-я фаза битвы в Атлантике. Поисковые операции групп подводных лодок во всей Северной Атлантике. Одиночные операции в центральной и южной частях Атлантического океана (в среднем по 30 подлодок в море), потоплено 1 528 659 брутто-тонн, потеряна 21 подлодка. 6 вспомогательных крейсеров при трех собственных потерях потопили 125 851 брутто-тонну.

- В Ла-Манше торпедные катера потопили 35 514 брутто-тонн. Успехи в минной войне (в большинстве случаев — воздушные мины вокруг Британских островов).
- 15 — 16.4 4 английских миноносца уничтожают у тунисского побережья итальянский конвой, состоящий из 5 транспортов и 3 миноносцев.
- 21.4 Английский Средиземноморский флот обстреливает Триполи.
- 24.4 Английский Средиземноморский флот оставляет Грецию, эвакуировано 50 000 человек.
- 20.5 — 1.6 Атлантическая операция линейного корабля "Бисмарк" и крейсера "Принц Евгений".
- 24.5 — бой в Датском проливе, уничтожен английский ударный крейсер "Худ". 26 — 27.5 "Бисмарк" подвергается огню на уничтожение английскими самолетами-торпедоносцами, линкорами, крейсерами и эсминцами и затем вынужден прибегнуть к самопотоплению.
- 20 — 27.5 Битва за Крит. Высадка германских воздушных десантов. Люфтваффе оттесняет английский Средиземноморский флот, который теряет 2 крейсера и 3 эсминца; другие его корабли получают тяжелые повреждения.
- 28.5 — 1.6 Оставление Крита английским Средиземноморским флотом, эвакуировано 17 000 человек, немецкой авиацией потоплено 2 крейсера, 2 миноносца, причинены повреждения 1 линкору, 4 крейсерам, 5 миноносцам.
- июнь Расширение системы германского снабжения в Атлантике. Потоплено 9 танкеров и транспортных судов; тем самым ведение военных действий в Атлантике надводными военными кораблями противника парализовано.
- 30.7 Налет английских торпедоносцев на Петсамо (Печенга) и Киркенес.

- 28.8 Советский Балтийский флот оставляет Ревель (Таллинн), неся крупные потери на немецко-финских минных заграждениях.
- 8 — 11.9 17 подводных лодок топят у Гренландии 16 судов из состава конвоя SC-42 общим водоизмещением 65 409 брутто-тонн.
- сентябрь Американский Атлантический флот берет на себя охрану Датского пролива и обеспечение быстрого продвижения конвоев в Северной Атлантике западнее 26° западной широты. (11.9 — обнародование американским президентом "приказа об открытии огня".)
- 18.9 Английская подводная лодка топит у Триполи два крупных транспорта с войсками.
- 8 — 9.11 Английские "Силы К" уничтожают у о. Мальта итальянский конвой из 7 кораблей.
- 14.11 Подводная лодка У-81 топит у Гибралтара английский авианосец "Арк Ройял".
- 22.11 — 27.12 После потопления вспомогательного крейсера "Атлантис" и одного транспортного судна в Южной Атлантике команды обоих кораблей вместе с 4 немецкими и 4 итальянскими подводными лодками доставлены в Бордо.
- 25.11 У-331 топит у Саллума английский линейный корабль.
- 7.12 Японский торпедоносный флот внезапно атакует американскую военно-морскую базу на Гавайских островах Пёрл-Харбор и уничтожает или тяжело повреждает 8 линкоров, 3 крейсера и 3 эсминца.
- 10.12 Самолеты японской морской авиации топят у Малайи английские корабли "Принц Уэльский" и "Рипалз".
- 14 — 22.12 Крупная неудача в действиях против конвоя HG-76 западнее Гибралтара: при собственных потерях 5 кораблей потоплены всего 1 эскортный торпедоносец, 1 эсминец и 3 прочих судна.
- 19.12 Итальянские малые диверсионные корабли наносят в Александрии повреждения английским линейным кораблям "Королева Елизавета" и "Вэйлэнт".

1942	4-я фаза битвы в Атлантике.
январь — июль	Отдельные операции германских подводных лодок у северо- и центральноамериканского побережий (в среднем 54 подлодки в море), потоплено 2 967 179 брутто-тонн при потере 22 подлодок.
11.1 — 7.2	Операция "Паукеншлаг" ("Удар литавр"): первые 5 подводных лодок топят у побережья США 142 373 брутто-тонны.
1.2	Первый рейд американских торпедоносцев против Маршалловых островов и островов Гилберта.
12 — 13.2	Прорыв через Ла-Манш "Шарнхорста", "Гнейзенау" и "Принца Евгения" вместе с 5 эсминцами, 13 подлодками, а также торпедными и минными катерами при сильной авиационной поддержке.
19.2	Рейд японских торпедоносцев на порт Дарвин (Австралия).
27.2 — 1.3	Морская битва в Яванском море, уничтожение нидерландского, английского, австралийского, американского соединений.
27 — 28.3	Рейд английских командос на Сен-Назер.
31.3 — 9.4	Нападение японских торпедоносцев на Цейлон и торговая морская война в Бенгальском заливе. Уничтожены 1 английский торпедоносец, 2 крейсера, 2 эсминца, 1 малый сторожевой корабль, 1 вспомогательный крейсер и суда общим водоизмещением 153 603 брутто-тонны.
4 — 8.5	Морская и воздушная битва в Коралловом море, тактический успех японцев, но они вынуждены прекратить запланированную высадку в Порт-Морсби.
5 — 7.5	Высадка английских войск на северном побережье Мадагаскара.
30 — 31.5	Нападение малых японских подлодок на Диего-Суарес (о. Мадагаскар) и Сидней. Поврежден 1 английский линкор.
5.6 — 10.7	4 японские крейсерные подлодки потопили в Мозамбикском проливе корабли водоизмещением 103 495 брутто-тонн.

3 — 7.6

Воздушно-морское сражение у о. Мидуэй. Значительно превосходящий по силам, но вводимый по частям в бой японский флот в сражении авиации авианосного базирования потерял 4 авианосца, американцы же только 1 из 3. Поворотный пункт в войне на Тихом океане.

12 — 16.6

Английская операция с двойными конвоями для усиления Мальты. Налеты германо-итальянской авиации, атаки военно-морских сил и подводных лодок; в результате до Мальты из 17 судов дошли только 2.

1 — 10.7

Авиация и подводные лодки топят в Северном Ледовитом океане из конвоя PQ-17 24 из 32 судов общим водоизмещением 143 961 брутто-тонна.

август 1942 —
май 1943 г.

5-я фаза битвы в Атлантике.

Кульминационная точка групповых операций подводных лодок против конвоев в Северной Атлантике, операции отдельных лодок в центральной и южной частях Атлантического океана. В среднем одновременно находились в море 102 подлодки. Потеряно 123 подлодки, потоплено 3 857 705 брутто-тонн.

5 — 11.8

16 подводных лодок топят в Северной Атлантике корабли водоизмещением 53 421 брутто-тонна из состава конвоя SC-94. Собственные потери: 2 подлодки потоплены, 4 повреждены.

9.8

Соединение японских крейсеров топит ночью у берегов о. Саву 4 крейсера союзников и торпедирует еще один.

10 — 16.8

Операция "Пьедестал". Английский конвой из 14 транспортов, следующий на Мальту, потоплен германо-итальянскими подводными лодками, торпедными катерами, авиацией и минами (из 14 судов — 10), кроме того, потоплены авианосец "Игл", 1 крейсер и 1 миноносец, а 1 торпедоносец, 2 крейсера и 1 эсминец получили серьезные повреждения.

- 16 — 30.8 Операция "Вундерланд" ("Страна чудес"). Крейсер "Шпеер" действует в Карском море.
- 23 — 25.8 Воздушно-морское сражение японского и американского флотов восточнее Соломоновых островов с ничейным результатом.
- 8 — 22.9 Авиация и подводные лодки топят в Северном Ледовитом океане из состава спаренного конвоя RQ-18 и QR-14 17 судов водоизмещением 94 791 брутто-тонна, потеряв при этом 4 подлодки и 41 самолет.
- 12.9 Операция "Лакония". При спасении экипажей затонувших кораблей разбомблена американским самолетом подводная лодка У-156.
- 15.9 Нападение группы японских подводных лодок на группу американских торпедоносцев, потоплен торпедоносец "Вэсп", торпедированы 1 линкор, 1 эсминец.
- 7 — 17.10 4 подводные лодки потопили у Капштадта суда водоизмещением 114 039 брутто-тонн.
- 11 — 12.10 Успешное для американцев морское сражение у мыса Эсперансе (о. Гуадалканал) между соединениями японских и американских крейсеров.
- 26 — 27.10 Воздушно-морское сражение у островов Санта-Крус (восточнее Соломоновых островов), тактический успех японцев.
- 27 — 30.10 10 подводных лодок потопили у берегов Марокко 12 судов из состава конвоя SL-125 общим водоизмещением 80 005 брутто-тонн, 1 подлодка получила повреждения.
- 31.10 — 7.11 15 подводных лодок потопили в Северной Атлантике 15 судов из состава конвоя SC-107 общим водоизмещением 82 817 брутто-тонн, потеряно 2 подлодки.
- 12 — 15.11 Два ночных морских сражения у о-ва Гуадалканал, весьма большие потери обеих сторон.
- 27.11 Самопотопление французского флота в Тулоне.

- 30.11 Соединение японских миноносцев торпедирует у Тассафаронги (о. Гуадалканал) 4 американских крейсера, из которых один затонул.
- 27.12 Во время преследования нарушителя блокады в Бискайском заливе бой германских миноносцев и торпедных катеров с 2 английскими крейсерами; потоплены 3 германских катера.
- 27 — 30.12 17 германских подводных лодок топят в Северной Атлантике из состава конвоя ON-154 14 судов общим водоизмещением 69 893 брутто-тонны, потеряв при этом 1 подлодку.
- 31.12 Неудачная атака германской боевой группы в составе 2 крейсеров и 6 миноносцев на конвой JW-51-B в Северном Ледовитом океане.
- 1943
8 — 10.1 7 подводных лодок топят в центральной части Атлантики из состава конвоя ТМ-1 6 из 9 танкеров водоизмещением 48 360 брутто-тонн.
- 17 — 19.1 Группа английских миноносцев топит 10 судов из состава нескольких итальянских конвоев.
- 30.1 Отставка главнокомандующего военноморским флотом гросс-адмирала Редера (ввиду разногласий с Гитлером по вопросу о списании крупных кораблей). Его преемник — гросс-адмирал Карл Дёниц (до этого — командующий подводным флотом).
- 1 — 8.2 Японские миноносцы эвакуируют с о. Гуадалканал 11 000 человек.
- 4 — 9.2 19 подводных лодок топят в Северной Атлантике из состава конвоя SC-118 11 судов общим водоизмещением 59 765 брутто-тонн при потере 3 подлодок.
- 18 — 25.2 20 подводных лодок топят в Северной Атлантике из состава конвоя ON-166 15 судов общим водоизмещением 97 382 брутто-тонны при потере 2 подлодок.

- 2.3 Авиация американской армии уничтожает в Новогвинейском море (архипелаг Бисмарка) японский конвой из 8 транспортов и 4 миноносцев.
- 6 — 11.3 23 подводные лодки топят в Северной Атлантике из состава конвоя SC-121 13 судов общим водоизмещением 59 331 брутто-тонна, потеряв при этом 1 подлодку.
- 9 — 10.3 У-510 торпедирует у берегов Бразилии конвой BG-6 из 9 кораблей общим водоизмещением 54 130 брутто-тонн.
- 16 — 20.3 42 подводные лодки топят из состава конвоев SC-122 и НХ-229 21 судно общим водоизмещением 140 942 брутто-тонны, потеряв 1 подлодку. Крупнейшая операция против конвоев за всю войну.
- 26.3 Морское сражение у Командорских островов между группами крейсеров американского и японского флотов. Единственный крупный дневной артиллерийский бой в Тихом океане!
- 18.4 Погиб адмирал Ямамото, главнокомандующий японским военно-морским флотом.
- апрель — Первое применение авианосцев сопровождения, бомбардировщиков дальнего радиуса действия, групп поддержки для обеспечения конвоев в Северной Атлантике, что означает п о в о р о т в х о д е п о д в о д н о й в о й н ы.
- конец 1943 г.
- 29.4 — 5.5 43 подводные лодки топят в Северной Атлантике из состава конвоя ONS-5 13 судов общим водоизмещением 61 959 брутто-тонн. В последний день немецкие группы поддержки теряют 6 подлодок.
- 30.4 — 1.5 У-515 топит западнее Фритауна из состава конвоя TS-37 7 судов общим водоизмещением 43 256 брутто-тонн.
- 24.5 Командующий германским подводным флотом после ряда крупных неудач прекращает борьбу с конвоями в Северной Атлантике. Всего в мае в Северной Атлан-

тике в ходе операций против конвоев потеряно 19, на позициях ожидания — 5, в отдаленных оперативных районах — 2 и на подходе и отходе — 12 подводных лодок.

июнь — август

6-я фаза битвы в Атлантике.

Переходный период — уклонение от встречи с противником с уходом в периферийные районы Атлантики; в среднем 68 подводных лодок в море, потоплено 328 564 брутто-тонны, потеряно 70 подлодок.

5.6 Крупный налет авиации союзников на Специю, повреждено 3 линейных корабля.

30.6 Высадки американских войск на о. Рендова и о. Нью-Джорджия (Соломоновы острова).

6.7 Морское сражение в заливе Кула (Соломоновы острова) между американскими и японскими крейсерами и миноносцами, потери с обеих сторон.

12 — 13.7 Морское сражение в заливе Коломбангара между американскими и японскими крейсерами и эсминцами; потоплены 1 японский крейсер и 1 американский миноносец, торпедированы 3 союзнических крейсера.

3 — 17.8 Эвакуация германо-итальянских соединений с Сицилии. Перевезены морем 100 000 человек без потерь вместе с военной техникой.

6 — 7.8 Морское сражение в заливе Велла (Соломоновы острова) между японскими и американскими миноносцами, потоплены 3 японских эсминца.

25.8 Первое применение самолета Хе-177 с управляемыми бомбами против истребительных групп английских подводных лодок в западной части Бискайского залива приносит германским подлодкам временное облегчение.

29.8 Самопотопление датского военно-морского флота.

3.9 Высадка английских войск на южной оконечности Калабрии.

- 8.9 Рейд германской боевой группы на Шпиц-
берген.
- 9.9 Вступает в силу капитуляция Италии.
Итальянский флот уходит из Специи на
Мальту. Флагманский корабль "Рома"
("Рим") потоплен при этом управляемой
авиационной бомбой.
Высадка 4 англо-американских дивизий в
Салернском заливе.
- 20 — 23.9 22 подводные лодки атакуют новыми само-
наводящимися акустическими торпедами
конвой ON-202 — ONS-18 и топят 4 кораб-
ля сопровождения и 6 судов, потеряв 2
подлодки.
- сентябрь 1943 — 7-я фаза битвы в Атлантике.
май 1944 г. Неудавшаяся попытка возобновить борьбу
с конвоями в Северной Атлантике при по-
мощи нового оружия. Отдельные операции
в центральной и южной части Атлантиче-
ского океана и в Индийском океане. В сред-
нем 61 подлодка в море. Потоплено 411 216
брутто-тонн при собственных потерях 119
подлодок.
- 22.9 Нападение английских малых подводных
лодок на линкор "Тирпиц" в фьорде Альта.
- 3 — 22.10 Крупные бои за о-ва Южные Спорады (До-
деканезы).
- 5.10 Завершение эвакуации Корсики.
- 6.10 Морской бой у Велла Лавелла между япон-
скими и американскими миноносцами; по-
топлено по 1 эсминцу с каждой стороны,
торпедированы 2 американских миноносца.
- 2.11 Морское сражение в заливе Императрицы
Августы между группами американских и
японских крейсеров и миноносцев; выведе-
ны из строя по 3 крейсера и 2 эсминца с
каждой стороны, но американцам все же
удалось прикрыть район своей высадки.
- 5.11 Рейд американских торпедоносцев против
Рабаула (о. Новая Британия); тяжело по-
вреждены 6 японских крейсеров.

- 7.11 После полной неудачи расформирована последняя группа подводных лодок в Северной Атлантике, в результате — создание временных одиночных групп.
- 11.11 Новый американский торпедоносный рейд на Рабаул, повреждено 2 крейсера.
- 11 — 14.11 Высадка германских войск на о. Лерос (Южные Спорды).
- 20.11 Высадка американских войск на о. Тарава и о. Макин (острова Гилберта) под прикрытием быстроходного торпедоносного флота.
- 25 — 26.12 Безуспешная попытка нападения линкора "Шарнхорст" вместе с 5 миноносцами на конвой JW-55 в Северном Ледовитом океане. В борьбе с английскими силами прикрытия "Шарнхорст" затонул.
- 27.12 Во время преследования нарушителя блокады в Бискайском заливе бой 11 германских крейсеров и торпедных катеров с 2 английскими крейсерами.
Потоплены 3 немецких торпедных катера.
- 1944
- 1 — 4.1 Два рейда американских торпедоносцев против Кавиенга (о. Новая Ирландия) и высадка у Саидора (Новая Гвинея).
- 29.1 — 6.2 После нескольких рейдов американского флота быстроходных торпедоносцев ("Task Force-58") на Маршалловы острова 31.1 высадка двух дивизий на одном из этих островов.
- 14 — 18.2 Последняя попытка групповой операции с участием подводных лодок и с воздушной разведкой в Северной Атлантике.
- 15.2 Высадка новозеландских войск на о. Новая Ирландия.
- 17.2 Крупный рейд "Task Force-58" на о-ва Трук с большими потерями для японского флота.
- февраль Выходит в Атлантику первая немецкая подводная лодка (У-264) со шноркелем.
- 23.2 Первый рейд американских торпедоносцев на Марианские острова.

- 30.3 — 1.4 Рейд американских "Task Force-58" (11 торпедоносцев) на о-ва Палау, при этом впервые применены мины с самолетов-торпедоносцев, потоплено 104 000 брутто-тонн.
- 3 — 5.4 Рейд английских торпедоносцев на "Тирпиц" в фьорде Каа.
- 5 — 11.4 Эвакуация германских войск из Одессы морем проходит без потерь.
- 19.4 Рейд англо-американских торпедоносцев на Сабанг (о. Суматра).
- 29 — 30.4 Рейд "Task Force-58" на о-ва Трук (Каролинские о-ва).
- 5 — 12.5 Крупное советское наступление на Севастополь и сдача крепости; эвакуировано 130 000 человек морем и 21 450 — по воздуху.
- 17.5 Рейд англо-американских торпедоносцев на Сурабаю (о. Ява).
- 19 — 23.5 Рейд американских торпедоносцев на о-ва Маркус и Уэйк (Тихий океан).
- 6.6 Начало крупной высадки войск союзников в Нормандии (операция "Нептун") при сильной поддержке военно-морского флота и авиации. В первый день с моря высажено на континент 5 дивизий, с воздуха — 2 дивизии. С использованием более 4000 кораблей и десантных судов до 12.6 высажено 326 000 человек и выгружено 104 000 тонн техники и военных материалов, а также 54 000 т транспортных средств, до 2.7 — 929 000 человек, 586 000 т техники и военных материалов и 177 000 автомашин.
- 6 — 13.6 Атаки германских миноносцев, торпедных и быстроходных катеров, а также подводных лодок на район высадки у побережья Нормандии отбиты с большими потерями.
- 12 — 15.6 Подготовительные воздушные и артиллерийские налеты "Task Force-58" на Сайпан, за которыми последовала высадка американского 5-го амфибийного корпуса.

- 19 — 20.6 Воздушно-морское сражение в Филиппинском море между японским флотом (9 торпедоносцев и морская авиация наземного базирования) и "Task Force-58" (15 торпедоносцев). В результате действий подводных лодок и самолетов-торпедоносителей японцы потеряли 3 авианосца и свыше 400 самолетов.
- июнь 1944 —
май 1945 г. 8-я фаза битвы в Атлантике. Одиночные операции подводных лодок со шноркелем вблизи английского и американского побережий. В среднем 48 подлодок в море, потоплено 544 526 брутто-тонн, собственные потери — 151 подлодка.
- 4.7 Рейд американских торпедоносцев на группу островов Волкано и Иводзима (Ио).
- 25 — 28.7 "Task Force-58" атакует о-ва Палау и Западные Каролины.
- 4 — 5.8 Рейды американских торпедоносцев на Иводзима (Ио) и о-ва Бонин (Огасавара).
- 6 — 27.8 Рейды английских крейсеров и миноносцев с целью недопущения германского судоходства в Бискайском заливе и у побережья Бретани.
- 15.8 Крупная высадка одного американского и одного французского корпусов в Южной Франции (операция "Драгун") при сильной поддержке военно-морских сил союзников и английских самолетов-торпедоносцев.
- 20 — 25.8 Уход с германских военных баз на побережье Бискайского залива и на румыно-болгарском побережье. Самопотопление остававшихся там кораблей.
- 22 — 29.8 Рейды английских торпедоносцев с целью уничтожения "Тирпица" в Альтен-фиорд.
- 4 — 15.9 Эвакуация из Финляндии, частично морем.
- 12.9.1944 —
апрель 1945 г. Многочисленные рейды английских ракетоносцев, крейсеров и миноносцев против германского судоходства у берегов Норвегии.

- 31.8 — 14.9 "Task Force-38" (до того — "Task Force-58") проводит один за другим рейды на Иводзима и острова Бонин, Западные Каролины с о-вами Палау, на о. Минданао и Центральные Филиппины.
- 16 — 23.9 Эвакуация из Эстонии, частично морем (около 34 500 солдат и беженцев, около 50 000 тонн техники и военных материалов).
- 21 — 24.9 "Task Force-38" (12 торпедоносцев) проводит серию рейдов на о. Лусон (Филиппины) и архипелаг Visayas.
- 24.9 — 29.10 Операции крупных английских соединений по захвату района Эгейского моря с участием торпедоносцев, крейсеров, миноносцев и десантных судов. 14.10 — высадка у Пирея.
- 10 — 13.10 Воздушная битва над Формозой (Тайвань) между "Task Force-38" (17 самолетов-торпедоносцев) и японским 2-м флотом морской авиации. Тяжелые повреждения и большие потери самолетов у японской стороны, торпедированы 2 американских крейсера.
- 15 — 18.10 "Task Force-38" проводит 3 крупных рейда на о. Лусон, тяжелые потери японского 1-го флота морской авиации.
- 20.10 Высадка 4 дивизий американской 6-й армии при поддержке 7-го флота и "Task Force-38" на о. Лейте (Филиппины).
- 22.10 — 23.11 Борьба за полуостров Сворбе. Огневая поддержка с моря крейсерами "Принц Евгений", "Шеер", "Лютцов". Эвакуировано 18 195 солдат и беженцев.
- 23 — 26.10 Битва за залив Лейте. Крупное наступление японского флота на район высадки 7-го флота и "Task Force-38" отбито с большими потерями японской стороны. Первое использование японских летчиков-камикадзе, попадания в 7 эскортных авианосцев.
- 27 — 30.10 "Task Force-38" бомбит цели в центральной части Филиппин. 3 торпедоносца, 1 крейсер повреждены самолетами камикадзе.

- 2.11 После разрушения авиационной бомбежкой морских дамб в Walcheren английские командос при поддержке тяжелых кораблей осуществляют свою высадку.
- 5 — 6.11 "Task Force-38" проводит крупные рейды на о. Лусон. Потоплен японский крейсер.
- 11 — 19.11 "Task Force-38" проводит успешные рейды на западный берег о. Лейте и на о. Лусон.
- 12.11 Тяжелые бомбардировщики английского военно-воздушного флота потопили линейный корабль "Тирпиц" у Тромсё.
- 25 — 29.11 Японские летчики-камикадзе наносят у о. Лусон и в заливе Лейте тяжелые повреждения 4 торпедоносцам, 2 линкорам, 2 крейсерам и 2 миноносцам.
- 7.12 Высадка американской дивизии в западной части о. Лейте. Налеты камикадзе выводят из строя 7 миноносцев и десантные суда.
- декабрь 1944 — июль 1945 г. Регулярные рейды английских торпедоносцев на цели на о. Суматра и на Никобарских островах.
- 17 — 18.12 "Task Force-38" попадает в сильный тайфун, 3 миноносца затонули, 21 корабль получил повреждения.
- 22.12 Налет быстроходных катеров на конвой в устье р. Шельда.
- декабрь В строй вступила первая подводная лодка типа "Вальтер" (У-1405).
- 1945
- 2.1 Высадка английских войск в Ситуэ (Акьяб) (Бенгальский залив) под прикрытием "Британской Восточной флотилии".
- 3 — 4.1 "Task Force-58" (прежде — 38) проводит рейды на о. Формоза (Тайвань) и о-ва Рюкю.
- 4 — 8.1 Крупные налеты самолетов, пилотируемых камикадзе, на американский десантный флот, направляющийся в залив Лингаен; потоплены 1 эскортный авианосец, 2 тральщика, получили тяжелые повреждения 2 эскортных авианосца и другие корабли, в том числе 2 линкора.

- 9.1 Высадка американской 6-й армии (4 дивизии) в заливе Лингаен (о. Лусон). До 13.1 — непрекращающиеся налеты камикадзе: потоплены 2 десантных судна, повреждены 3 эскортных авианосца, 1 линкор, 1 крейсер, 4 миноносца, 6 десантных судов и транспортов.
- 12 — 22.1 "Task Force-58" проводит рейд в Южный Китай и с большим успехом атакует цели в Индокитае, Южном и Юго-Западном Китае, в северной части о. Лусон, на Формозе (Тайвань) и Рюкю.
- 23.1 — 8.5. Эвакуационные транспорты из Восточной Пруссии и Данцигской бухты. Всего эвакуировано 2 002 602 беженца, солдат и раненых, при этом погибло примерно 14 000 человек во время морской транспортировки. Потеряны пароходы "Густлов" (потоплен подводной лодкой Героя Советского Союза А. Маринеско.— *Пер.*), "Штойбен" и "Гойя", потопленные советскими подлодками.
- 24 — 29.1 Английские рейды на г. Палембанг (о. Суматра).
- 16 — 17.2 "Task Force-38" проводит рейд в район Токио.
- 19.2 После многочисленных рейдов торпедоносцев и трехдневного артиллерийского обстрела с линкоров и крейсеров 2 американские дивизии морской пехоты высаживаются на Иводзима, который после тяжелых и кровопролитных для обеих сторон боев захвачен к 16.3.
- 25 — 26.2 "Task Force-38" производит рейд на Токио.
- 18 — 21.3 "Task Force-38" проводит рейд на о. Кюсю и о. Хонсю с контратаками японских бомбардировщиков и камикадзе. Повреждены 5 торпедоносцев. Первое применение управляемой человеком бомбы оказывается неудачным.
- 21 — 22.3 Налет быстроходных катеров на английский конвой у восточного побережья Англии.

- 23 — 31.3 Подготовительные атаки "Task Force-38" и английской группы торпедоносцев на Окинаву и на о. Рюкю.
- 1.4 Отражение атак камикадзе.
Высадка американской 10-й армии (4 дивизии) на Окинаве. Бои с тяжелыми для обеих сторон потерями длятся до 21.6.1945 г. Постоянные атаки камикадзе на десантный флот и на войска прикрытия, при этом с 26.3 по 29.7 потоплено: 11 миноносцев и 11 мелких судов; боевые корабли, в том числе линкоры, крейсера и миноносцы, получили многочисленные повреждения.
- 7.4 Сопровождавшаяся самопожертвованием атака боевой группы японского флота на Окинаву отбита "Task Force-38". Потоплены линкор "Ямато", 1 крейсер и 4 миноносца.
- 7 — 8.4 Нападение быстроходных катеров на английский конвой у бельгийского побережья.
- 9.4 Сильный воздушный налет английской авиации на Киль.
Уничтожены крейсера "Шеер" и "Хиппер".
- 9.4 Высадка американских войск на о. Холо (море Сулавеси).
- 15 — 16.4 "Task Force-38" проводит рейд на южную часть о-ва Кюсю.
- 16.4 Сильный налет английской авиации уничтожает у Свинемюнде крейсер "Лютцов".
- 22 — 30.4 Группы английских и американских торпедоносцев атакуют о. Рюкю.
- 5 — 9.4 Последний поход еще годных для использования миноносцев, торпедных и быстроходных катеров в Гелу с целью эвакуации; вывезено 43 000 человек.
- 11 — 16.5 Рейд "Task Force-38" и группы английских торпедоносцев на о-ва Рюкю.
- 16.5 Японский крейсер "Хагуро" потоплен у Малаккского пролива четырьмя английскими миноносцами в результате классической торпедной атаки.
- 24 — 25.5 "Task Force-38" проводит рейд на южную часть острова Кюсю.

- 2 — 3.6 "Task Force-58" проводит рейд на южную часть острова Кюсю.
- 5.6 Части американского 5-го флота попадают в Филиппинском море в сильный тайфун, многие корабли тяжело повреждены, в том числе 4 линкора.
- 8.6 "Task Force-58" проводит рейд на о. Кюсю.
- 14 — 15.6 Рейд английских торпедоносцев на о-ва Трук.
- 10 — 30.7 "Task Force-38" вместе с группой английских торпедоносцев проводит систематические рейды против целей на о. Хоккайдо, о. Хонсю и во Внутреннем Японском море. Обстрел побережья артиллерией линкоров и крейсеров. 24.7 и 28.7 — крупные рейды торпедоносцев на базу японского флота в Куре и его остатки. Потоплены 2 торпедоносца, 3 линкора, 4 крейсера.
- 9 — 13.8 "Task Force-38" проводит рейды на район Токио и цели на о. Хонсю.
- 27.8 Американский флот входит в залив Сагами у Токио.
- 2.9 Подписание Акта о капитуляции Японии на борту американского линкора "Миссури".

20. б) Воздушная война: 1939 — 1945

- 1939
- 25.9 Крупный налет немецкой авиации на Варшаву (1150 самолетов).
- 18.12 Оборонительный успех немецких истребителей при отражении налета английской авиации благодаря своевременному сигналу воздушной тревоги для старта, поданному устройством "Марине-Фрейя"; 6 таких аппаратов были установлены на Восточнофризских и Западнофризских островах.

1940

10.5

Первая операция по высадке парашютно- и воздушно-десантных войск в Голландии и Бельгии с целью захвата форта Эбен-Эмаль при поддержке усиленного пехотного полка.

14.5

Воздушный налет 54-й боевой группы на обороняемый войсками Роттердам. (Несмотря на уже ведшиеся переговоры о сдаче города, налет авиации не смог быть предотвращен ввиду плохой связи.)

27.5 — 2.6

Использование немецкой авиации для срыва английской операции "Динамо" (эвакуация войск из Дюнкерка); однако требования к люфтваффе оказались чрезмерными.

9.7

Гитлер приказывает перенести центр тяжести военного производства на авиацию и военно-морской флот. (В 1941 г. снова перенесение его на сухопутные войска.)

1.8

Директива фюрера № 17 об усилении морской и воздушной войны против Англии.

13.8

Начало 1-й фазы воздушной битвы над Англией.

июнь 1940 —
март 1941 г.

Авиация топит в Англии и в ее территориальных водах суда общим водоизмещением 814 641 брутто-тонна.

1941

21.3

Назначен главнокомандующий авиацией "Центр" ("Оборона родины").

5.4

Самолеты Хе-280 с двумя реактивными двигателями ХеС-8 (на базе Хе-118, который явился первым реактивным самолетом в мире и 27.8.1939 г. успешно совершил свой первый полет) после нескольких испытательных полетов переданы на вооружение люфтваффе. Однако, как показали результаты, для использования на фронте они еще требуют доработки в противоположность бомбардировщику Ар-234 ("Арадо") с четырьмя реактивными двигателями. Десантирование немецких парашютистов на о. Крит. Люфтваффе оттесняет английский Средиземноморский флот.

20 — 27.5

- 17.11 Самоубийство начальника управления авиационного вооружения генерал-полковника Удета, вызванное его негативной оценкой состояния и развития люфтваффе.
- 21.12 Усиленные немецкие воздушные налеты на о. Мальта.
- апрель — декабрь Авиация стран "оси" потопила в Ла-Манше суда общим водоизмещением 736 206 брутто-тонн.
- 1942
март Начало налетов английской авиации на германские промышленные предприятия и базы подводного флота.
- 2.4 — 10.5 Усиленные авиационные налеты на о. Мальта.
- весна Снабжение по воздуху окруженных в котлах Демянска и Холма (Восточный фронт) немецких войск.
- 30 — 31.5 "Тысячелетний налет" английской авиации на Кёльн.
- 17.8 Первый налет американского 8-го воздушного флота, произведенный с английской авиационной базы ("Фортресс") 12 бомбардировщиками Б-17, на вокзал Руан-Соттвиль (под прикрытием английских истребителей). Начиная с сентября американские четырехмоторные бомбардировщики атакуют цели также и вне радиуса действия английских истребителей вплоть до Южной Франции.
- 25.11—
2.2.1943 г. Снабжение по воздуху немецких войск в Сталинградском котле (8-й авиационный корпус). В день в окружение доставлялось около 95 т грузов вместо обещанных 300 т.
- 10.11 Высадка немецких воздушно-десантных и парашютных войск в Тунисе.
- 20 — 21.12 Налет 4 английских "Москито" с радарным устройством дальнего наведения (для точного прицельного бомбометания с большой высоты) на электростанцию в Голландии.

1943

27.1

Первый дневной налет американской авиации (8-й воздушный корпус) на имперскую территорию Германии, 55 бомбардировщиков Б-17 бомбили Вильгельмсхафен (без прикрытия истребителями).

30 — 31.1

Первое применение английского 9-сантиметрового радарного устройства H2S при налете на Гамбург (первое устройство для аэронавигации на базе телевидения, захвачено как трофей 3.2 из сбитого над Роттердамом четырехмоторного английского бомбардировщика, отсюда наименование: "Роттердамский прибор").

5 — 6.3

Первый наведенный этим прибором крупный авиационный налет на предприятия Круппа в Эссене (ущерб = 100%).

июль

Налеты на Гамбург:

24 — 25.7 — 740 английских бомбардировщиков (с целью дезориентировать немецкую ПВО сбрасывались миллионы листочков металлической фольги).

25.7 — 68 бомбардировщиков американского 8-го воздушного флота.

26.7 — 54 бомбардировщика того же воздушного флота.

27 — 28.7 — 739 английских бомбардировщиков.

29 — 30.7 — 726 английских бомбардировщиков.

13.8

Дневной налет 61 бомбардировщика Б-24 ("Либереитор") американского 8-го воздушного флота на Винер-Нойштадт.

17 — 18.8

Дневной налет английской авиации на германскую экспериментальную ракетную базу Пенемюнде. В результате — замедление производства крылатых снарядов "Фау".

19.8

Самоубийство начальника генерального штаба военно-воздушных сил генерал-полковника Ешоннека из-за чрезмерных требований, предъявляемых к авиации, и неправильного командования ею, осуществляемого Герингом.

- 27.9 Первичное применение устройства "Меддо" (модификации "Роттердама") американским 8-м воздушным флотом для бомбометания при налете на Эмден.
- 14.10 Авиационный налет американского 8-го воздушного флота на Швайнфурт (из 229 четырехмоторных бомбардировщиков 60 сбиты над Германией, 17 — над морем и Англией, 121 поврежден).
- 2.11 При посещении предприятий Мессершмитта в Аугсбурге Геринг впервые ставит вопрос, может ли Me-262 нести и бомбы. Профессор Мессершмитт подтверждает.
- 18.11 Генерал Коллер, начальник штаба оперативного руководства люфтваффе, сообщает точку зрения Гитлера: реактивные бомбардировщики для ведения войны важнее реактивных истребителей.
- 5.12 Гитлер приказывает вести первоочередное производство Me-262 для применения их в операциях типа "Жабо". (29.5.1944 г. Геринг запретил всякую дискуссию о предназначении Me-262, так как Гитлер приказал использовать их в качестве "блицбомбардировщиков". 30.8.1944 г. — генерал Крайпе, тогдашний начальник генерального штаба люфтваффе, добивается, чтобы каждый 20-й Me-262 из текущей продукции направлялся на испытания с целью определить возможность его использования в качестве истребителя.
- Гитлер под страхом наказания запрещает дискуссию по вопросу: бомбардировщик или истребитель?
- декабрь Американский 8-й воздушный флот устанавливает рекорд: налет 3546 четырехмоторных бомбардировщиков на цели на территории Германии (в том числе 3 налета на Бремен). Английская авиация совершает 4 крупных налета на Берлин. 18 — 19.11 — начало "Battle of Berlin" ("Берлинское сражение").

1944	
апрель	Начало систематических воздушных налетов на румынский нефтяной район Плоешти.
12.5	Начало налетов американского 8-го воздушного флота на германские гидрационные предприятия (с середины июня поддерживаются английской авиацией).
8.4 — 9.5	Снабжение и поддержка авиацией германских войск в Крыму.
13.6	Первые снаряды "Фау-1" выпущены по Лондону.
28.7	Первое применение 7 Me-163 (ракетный истребитель) в оборонительных целях при налете американского 8-го воздушного флота на Лёйну.
6.9	Первые снаряды "Фау-2" выпущены по Лондону.
октябрь	Крупные воздушные налеты английской авиации: 14 — 15.10 — 1005 бомбардировщиков на Дуйсбург, 23 — 24.10 — 955 бомбардировщиков на Эссен, 30 — 31.10 — 1000 бомбардировщиков на Кёльн.
1945	
13 — 14.2	Крупный террористический по своему характеру налет на Дрезден.
27.3	В Лондоне разрывается последний снаряд "Фау-2" (всего выпущено 1050).

21. Война на Тихом океане: 1941 — 1945

I. К предыстории:

1937	
7.7	Возникновение японо-китайского конфликта.
28.7	Японцы овладевают Пекином.
1938	
6.6	Японцы берут Кайфын. Продвижение от Нанкина на запад вдоль долины р. Янцзы.
25.10	Захват Ханькоу.

1939	Фронты застыли.
26.7	США денонсируют торговый договор с Японией 1911 г. (денонсация вступает в силу с 26.1.1940 г.).
1940	
27.9	Заключение пакта трех держав (Германия, Италия, Япония).
1941	
13.4	Заключение советско-японского договора о нейтралитете.
26.7	Все японские активы в США заморожены.
август—	Предложения японского премьер-министра Коноэ о созыве всеобщей конференции; после неудачи — его отставка.
сентябрь	Новый кабинет во главе с генералом Тодзио.
26.11	Переговоры в Вашингтоне прерваны без результатов.
6.12	Срочное обращение Рузвельта к японскому императору с ультимативными требованиями.
II. 7 декабря 1941 г. ,7.00 (по местному времени):	японское нападение на американский флот в Пёрл-Харборе

С и л ы:

Япония			США / Англия / Голландия	
Линейных кораблей	10		16	(11)*
Авианосцев	11	(10)*	6	(3)
Крейсеров:	41	(36)	37	(36)
Миноносцев	129	(112)	93	(100)
Подводных лодок	67	(65)	70	(69)
Самолетов	ок.4300		ок. 1000	
Сухопутных соединений:	51 пех.див.		ок. 12 — 14 див.	
	1 кав.группа			

* По англ. данным: декабрь 1941 г.

декабрь
1941 г.

После крупных воздушных налетов высадка японских вооруженных сил на о. Малайя (8.12), в северной части о. Лусон (8.12), на о-вах Гилберта (9.12), на о. Гуам (10.12), в

	южной части о. Лусон (11.12), в северной части о. Борнео (17.10), на о. Минданао (20.12), в заливе Лингаен (21.12) и на о. Уэйк (22.12).
27.12 1942 январь	Капитулировал Гонконг. Высадки японских войск в северо-западной, северо-восточной и юго-восточной частях о. Борнео, на о-вах Целебес, Новая Ирландия, о. Бугенвиль, о. Новая Британия, о. Бадеонг (Яванское море) и о. Амбон.
9 — 15.2 18.2 февраль	Захват Сингапура. Токио и Иокогама впервые подверглись бомбежке самолетами-торпедоносцами. Высадки японских войск на островах Суматра, Бали, Тимор и Ява.
17.3	Генерал Макартур назначен новым главнокомандующим союзными вооруженными силами в юго-западной части Тихого океана.
март	Японские высадки на Новой Гвинее и Андаманских островах.
3 — 7.6	Воздушно-морское сражение у о-вов Мидуэй.
7.8	Высадка американской 1-й дивизии морской пехоты на о. Гуадалканал (Соломоновы острова), положившая начало повороту в войне на Тихом океане.
1943 1.7	Высадка американских войск на о-вах Нью-Джорджия.
июнь — июль 15.8	Начало крупного наступления войск союзников в южной части Тихого океана. Высадка американских войск на о. Велла-Лавелла (Соломоновы острова).
4.9	Высадка американских и австралийских войск у Лаэ (о. Новая Гвинея).
1.11	Высадка американских войск на о. Бугенвиль.
15.12	Высадка австралийских и американских войск на Агаве (о. Новая Британия).

1944 до апреля 1945 г.	Английские, американские и китайские войска ведут наступательные операции по отвоеванию Бирмы.
18 — 19.2	Высадка американской 2-й дивизии на атолле Эниветок.
29.2	Высадка американских войск на островах Адмиралтейства.
20.3	Высадка американских войск на Эмирау (архипелаг Бисмарка).
21 — 22.4	Под прикрытием "Task Force-58" высадка крупных соединений американских войск у Холландия (о. Новая Гвинея).
21.7	После ежедневных бомбардировок и обстрелов с 16.6 высадка крупных американских сил на о. Гуам (Марианские острова).
15.9	Высадка одной американской дивизии морской пехоты на о-вах Палау и одной дивизии американской армии — на о. Моротай.
19.10	Начало наступления Макартура с целью возвращения Филиппин.
23 — 26.10	Сражение в заливе Лейте (высадки войск).
15.12	Высадка американского корпуса на о. Миндоро.
1945 4.2	Занята Манила (захват о. Лусон закончен 24.2).
19.2	Высадка американских войск на Иводзима (о-ва Волкано), а тем самым — начало наступления на Японию.
28.2	Отвоеван Коррехидор.
1.4	Высадка на о. Окинава.
май	Высадка у Таракана (о. Калимантан, 1.5), южнее Рангуна (Бирма, 2.5) и у Давао (о. Минданао).
10.6	Высадка австралийских войск на о. Борнео.
6 и 9.8	Атомные бомбы сброшены на Хиросиму и Нагасаки.
8.8	СССР объявляет войну Японии.
10.8	Япония заявляет о своей готовности к капитуляции.
2.9	Подписание Акта о капитуляции Японии (к 24.10.1945 г. — разоружение последних японских войск).

Тейлор: "Я пишу не как сторонник какой-либо воевавшей страны или коалиции, хотя думаю, что моя страна воевала за правое дело, и высказываю суждения по вопросам спорным лишь после тщательного рассмотрения всей доступной мне информации".

А. Тейлор
**ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА**

Предисловие

Я писал эту книгу более тридцати лет. Во время войны я выступал раз в месяц с репортажем в Оксфорде и других городах, делал обзор событий за прошедший период, иногда размышлял о том, что может произойти в будущем. В конце войны подвел ее итоги в ряде выступлений по датскому радио, организованных службой Би-би-си. Беседы эти, наверное, безвозвратно утрачены. С тех пор я постоянно занимался изучением событий военного времени, много размышлял над ними и теперь начинаю думать, что могу высказать кое-какие полезные соображения.

Прошедшие десятилетия, думаю, достаточно время для беспристрастного взгляда на вторую мировую войну. Интерес к ней еще велик, об этом свидетельствует поток произведений о войне, и вместе с тем мы уже достаточно от нее далеки, чтобы избавиться от некоторых сопутствовавших ей увлечений и заблуждений. Я пишу не как сторонник какой-либо воевавшей страны или коалиции, хотя думаю, что моя страна воевала за правое дело, и высказываю суждения по вопросам спорным лишь после тщательного рассмотрения всей доступной мне информации.

Вторая мировая война проходила как в акватории двух океанов (Атлантического и Тихого) и нескольких морей, так и в четырех сухопутных кампаниях (в России, в Северной Африке и Средиземноморье, в Западной Европе и на Дальнем Востоке). Каждая из этих войн имела особый характер, зачастую историки описывали каждую из них в отдельности. Я пытался их связать воедино; вспомнить, что когда произошло нападение на Пёрл-Харбор, немцы уже были остановлены под Москвой; что когда был окружен Сталинград, англичане вели успешное сражение под Эль-Аламейном; и когда англо-американские войска высадились на Сицилии, русские в это время одерживали победу в битве под Курском. Победа 1945 г. была общей победой, все три великие союзные державы внесли в нее свой вклад в полной мере своих возможностей и ресурсов.

третья держава 8/9 375

СССР сдохла, как твоя от Зухов Горбачева

1) Плехович 2) Персидский 3) Календарь

Выражаю благодарность моей аудитории в Эйлсбери, Банбери, Оксфорде, Рединге, Вулвертоне и других городах, подтолкнувшей меня к анализу истории второй мировой войны. Выражаю также благодарность Лондонскому университету за возможность выступить в 1973 г. с лекцией, содержанием которой явилась первая глава этой книги.

1. Мировая война

В первой половине XX столетия человечество пережило две большие войны: первая в основном развернулась в Европе, хотя потом ее удостоили звания мировой, а вторая была действительно мировой. И в обеих войнах Германия и ее союзники сражались против той же примерно коалиции держав. Обе войны были кровавыми, длительными, и во многих отношениях между ними больше сходства, чем различий.

Относительно того, когда началась первая мировая война, сомнений нет. Еще в начале июля 1914 г. великие европейские державы жили в мире, который длился с 1871 г., а месяц спустя все, кроме Италии, уже воевали. В ходе войны менялись участники, в нее вступили Италия и Соединенные Штаты, вышла из войны Россия. Но для всех было несомненно, что война в широких масштабах началась в августе 1914 г. и почти с тем же размахом продолжалась до ноября 1918 года.

А когда началась вторая мировая война? В силу сложившихся обстоятельств Европа для многих историков — центр мира, и они считают началом войны сентябрь 1939 г., когда Германия напала на Польшу. Но такой ответ не удовлетворит эфиопов или китайцев, для которых война началась раньше. Ответ не удовлетворит и русских и американцев, для которых война началась позже. Во всяком случае война в Европе фактически закончилась в июне 1940 г., когда Германия уже господствовала на всем Европейском континенте к западу от России. Если считать началом войны формальное ее объявление, то вторая мировая началась в апреле 1932 г., когда Мао Цзэдун и Чжу Дэ объявили войну Японии от имени совета провинции Цзянси. (Любопытный исторический факт: Китайская Республика* объявила войну Японии лишь после Пёрл-Харбора.) Если же исчисление вести с того времени, когда война уже велась на всех континентах, кроме двух американских, тогда началом ее следует считать 1942 или даже 1944 год.

* То есть правительство Чан Кайши.

Мелкие войны постепенно слились в большую войну. Не полностью слились, но настолько, что уже вряд ли возможно стало писать о войне в Европе и Средиземноморье, не упоминая про Дальний Восток, или писать о Дальнем Востоке, не упоминая о Европе и Средиземноморье.

В довоенные годы Англия могла бы, с одной стороны, занять более твердую позицию в отношениях с Германией, если бы не беспокойство насчет Дальнего Востока, и, с другой — пойти на соглашение с Японией на Дальнем Востоке, если бы не нужда в американской помощи — экономической, а затем военной, чтобы сохранить статус великой европейской державы. В 1940 г. захват Франции и Голландии Гитлером заставил японцев повернуть на юг, а в 1941 г. действия японцев в Пёрл-Харборе побудили Гитлера объявить войну Соединенным Штатам. Соответственно американская кампания на Тихом океане в большей мере, чем средиземноморская, задержала высадку союзников на севере Франции.

В период войны соответствующие союзники никогда полностью не объединялись. Хотя Муссолини претенциозно именовал союз с Германией и Японией осью, вокруг которой вращаются европейские дела, он фактически осуществлял самостоятельную кампанию в Средиземноморье, пока не попал в беду; тогда Гитлер вмешался, чтобы выручить своего союзника — диктатора, а не следуя собственной стратегии. Германия и Япония не взаимодействовали вообще. Одна океанская подводная лодка из Японии добралась до Бордо с боеприпасами для Германии — в этом заключалось все их сотрудничество. Участники пакта (Германия, Италия и Япония) даже не придумали для себя общего названия. Противники звали их агрессорами, милитаристами, фашистами — характеристики не отличались меткостью.

С другой стороны, союз между США и Англией никогда не был официально оформлен, хотя между ними сложилось тесное взаимодействие — экономическое и военное. А союз между Советской Россией и Англией носил в сущности лишь формальный характер. На деле Англия осуществляла независимую кампанию против Италии при некоторой поддержке Соединенных Штатов, а США — независимую кампанию против Германии. Эти союзники также не нашли для себя общего названия — просто страны, подписавшие Декларацию Объединенных Наций. Англия и США называли себя демократическими или, проще, англосаксонскими державами. А Советская Россия предпочитала название "миролюбивые народы". Иногда союз трех великих держав (Англии, Советской России, США) называли "Великий альянс", чаще просто — "Большая тройка".

Будущие противники в первой мировой войне заранее предвидели, что решающая битва произойдет на равнинах Фландрии и севере Франции. Так и случилось, хотя для принятия такого решения потребовалось четыре года вместо предполагаемых шести недель. Другие кампании — на Восточном фронте, в Италии, на море и в азиатской части Турции — были второстепенными по сравнению с длительной битвой во Франции. Сходными были и методы ведения войны. Хотя в конце войны танки играли определенную роль, ее исход решали главным образом массы пехотинцев, брошенные в бой друг против друга, почти так же, как при Наполеоне или во времена римлян.

Вторую мировую войну также предвидели, но, по мере того как она разворачивалась, неоднократно менялись ее характер и решающий участок боевых действий. Один шведский историк назвал ее "одной из самых гигантских импровизаций в истории, далеко превысившей обычные масштабы". Лишь Британский штаб ВВС планировал заранее свою стратегию, но это обернулось неудачей: королевские воздушные силы оказались неспособными ее осуществить. В остальном все кампании планировались, когда война уже шла. Кто мог предсказать, что решающие бои второй мировой войны будут вестись под Сталинградом, у острова Мидуэй, под Эль-Аламейном и Каном? В равной мере не предвидели, какое оружие сыграет решающую роль. Авианосцы оттеснили на второй план линейные корабли. Массовые бомбежки, от которых ожидали чудес, внесли только второстепенный вклад в победу. А десантные средства и джипы, о которых никто не думал как о военном снаряжении, имели гораздо большее значение. Конечно, танки сыграли свою роль, но немногие предвидели, что с появлением противотанковых орудий пехота будет первой идти в атаку, танки — следовать за ней, а не наоборот. Война завершилась взрывом двух атомных бомб. Вряд ли кто-нибудь полагал до войны, что расщепление атомного ядра получит когда-либо практическое применение.

Природу первой мировой войны определить легко. Это был конфликт между двумя союзами, или блоками, государств — Антанты (Франция, Англия, Россия), с одной стороны, и центральных держав (Австро-Венгрия, Германия) — с другой. Война велась между странами с однотипным социальным строем. Все эти страны были капиталистическими, профсоюзы в них играли второстепенную роль. У всех имелись конституции, хотя Российская конституция была скорее фикцией. И, несмотря на попытки выявить глубокие моральные причины войны — против варварства немцев, за немецкую "культуру", за или против самоопределения наций, — воевали, чтобы взять верх, целью было изменение соотношения сил, а не мировое господство. Если бы победила Германия, последовали бы

некоторые территориальные изменения в ее пользу и она стала бы сильнее, чем прежде. Сложилось так, что были произведены территориальные изменения не в ее пользу, хотя по существу она не была ослаблена. Расчленение империи Габсбургов и Оттоманской, большевистская революция в России, создание Лиги Наций — все это следствия войны, а не предшествовавшие или сопутствовавшие ей причины.

Историки до сих пор спорят о причинах первой мировой войны и ясных ответов не находят. Кто ее планировал? Была ли она вообще запланирована? Или, как сказал Ллойд Джордж, европейские страны "впутались в войну"? Что касается второй мировой войны, то приводит в замешательство множество ее причин. В период между двумя войнами наиболее очевидными были разногласия между победителями и побежденными или, конкретно, между Францией и Германией, при этом Англия и (до последнего мирного года) Италия неохотно следовали за Францией. Почти все немцы полагали, что в 1919 г. с их страной поступили несправедливо. И ожидали, что, когда Германия примет "Четырнадцать пунктов"* и станет демократической республикой, о войне позабудут и произойдет взаимное признание прав. Ей пришлось платить репарации; ее принудительно разоружили; часть территории она потеряла, в других частях находились войска союзников. Почти вся Германия стремилась избавиться от Версальского договора, и немногие видели разницу между аннулированием этого договора и восстановлением той господствующей роли, какую Германия играла в Европе до своего поражения.

Обиду испытывала не одна Германия. Венгрия тоже была недовольна мирным урегулированием, хотя ее недовольство мало что значило. Италия, будучи вроде бы в числе победителей, вышла из войны почти с пустыми руками — так ей по крайней мере казалось; итальянский диктатор Муссолини, бывший социалист, называл ее пролетарской страной. На Дальнем Востоке Япония, тоже числившаяся среди победителей, взирала все более неодобрительно на превосходство Британской империи и США. И, по правде говоря, Советская Россия, присоединившись в конце концов к тем, кто отстаивал статус-кво, была все же недовольна территориальными потерями, понесенными ею в конце первой мировой войны. Но главной движущей силой среди недовольных была Германия, и Адольф Гитлер стал ее выразителем, с тех пор как вышел на политическую арену.

* Условия мира, изложенные президентом США В. Вильсоном в послании конгрессу от 8 января 1918 г. и положенные в основу мирных договоров, формально завершивших первую мировую войну 1914 — 1918 гг.

Все эти обиды и претензии не были опасны в 20-е годы, в короткий период восстановления довоенного экономического порядка, при более или менее неограниченной внешней торговле, устойчивой валюте, частных предприятиях, в деятельность которых государство почти не вторгалось. Но это восстановление было разрушено широкомасштабным экономическим кризисом, разразившимся в 1929 г. Начался катастрофический спад внешней торговли, массовая безработица — свыше 2 млн безработных в Англии, 6 млн — в Германии и 15 млн — в США. Резкий валютный кризис в 1931 г. — с отменой золотого стандарта — пошатнул священный фунт стерлингов. Перед лицом этой бури страны сосредоточили свою деятельность в пределах собственных национальных систем; и тем интенсивнее это происходило, чем более индустриально развитой являлась страна. В 1931 г. германская марка перестала быть свободно конвертируемой валютой, и страна перешла к бартерной внешней торговле. В 1932 г. Великобритания, традиционно придерживавшаяся принципа свободной торговли, установила защитные тарифы и вскоре распространила их на свои колонии. В 1933 г. только что избранный президент Рузвельт осуществил девальвацию доллара и независимо от других стран стал проводить политику оздоровления экономики.

Экономическая борьба началась в значительной степени неожиданно. Сначала это была борьба всех против всех, потом ее характер изменился и разделение мира усилилось. Советская Россия всегда была закрытой экономической системой, хотя это не уберегло ее от последствий мирового кризиса. Некоторые другие великие державы, прежде всего США, а также Британская и Французская империи, могли на худой конец обойтись внутренними ресурсами. Проиграли Германия, Япония и другие крупные индустриальные державы: они не могли себя самостоятельно обеспечить, им требовалось привозное сырье, но кризис лишил их возможности получать его нормальным путем через внешнюю торговлю. Те, кто руководил в этих странах экономикой, несомненно, ощущали (даже в несколько обостренной форме), что их страны задыхаются и необходимо создать собственные экономические империи. Японцы избрали простейший путь и ввели свои войска сначала в Маньчжурию, а затем в прибрежные районы Китая. Но у Германии, еще связанной в начале 30-х годов Версальским договором, не было столь простого выхода. Ей пришлось вести борьбу экономическими средствами; это усилило ее изоляцию, автаркию, навязанную волею обстоятельств.

Сначала руководители Германии неохотно вели экономическую борьбу, затем в январе 1933 г. к власти пришел Гитлер. Он воспринял автаркию как благо. Впоследствии велись споры о том, что породило Гитлера и руководимое им движение национал-социализма. Версаль? Кризис? И то и другое. Экономическое неблагополучие страны привело Гитлера к власти, но его борьба против Версальского договора уже создала ему определенную репутацию. По его мнению, кризис в Германии был вызван поражением, и те средства, которые помогут преодолеть кризис, приведут Германию и к политической победе. Автаркия укрепит Германию для политических побед, а те в свою очередь будут способствовать дальнейшему развитию автаркии.

Здесь вплоть до второй мировой войны заключено было скрытое противоречие. США и (менее искренне) Англия сожалели о необходимости вести экономическую борьбу, считали ее делом временным. Для японцев и немцев экономическая борьба являлась постоянным фактором и единственным способом стать великими державами. Это привело к парадоксальным последствиям. Обычно более сильная держава агрессивнее, беспокойнее, поскольку убеждена, что в состоянии захватить больше, чем имеет. Утверждают, что такой была ситуация перед второй мировой войной, что нарушилось равновесие сил: Германия затмевала Европу, а Япония — Дальний Восток. Это верно лишь в отношении ближайших соседей — европейских стран, прилегающих к Германии, или Китая на Дальнем Востоке. И неверно, если учитывать великие державы.

И Гитлер, и японские правители вполне это понимали. Они отнюдь не замыслили мировой войны, что им зачастую приписывалось, поскольку были убеждены, что мировая война их погубит. Но это их не заставило перейти на мирные позиции. И Гитлер, и японцы надеялись получить ряд небольших выгод без войны, без серьезной борьбы. Они правильно рассчитывали на нежелание мировых держав вести войну и еще меньше надеялись на собственную изворотливость. Они хотели незаметно или хотя бы беспрепятственно укрепиться, пока не смогут выступить в качестве мировых держав, слишком сильных, чтобы с ними бороться. Это им почти удалось. Гитлер обеспечил свое господство в Европе, когда на рассвете 14 мая 1940 г. германские танки перешли через Маас у Седана; Япония утвердила себя на Дальнем Востоке за пару часов 7 декабря 1941 г., нанеся удар по Пёрл-Харбору. Потери немцев во время французской кампании 1940 г. были ненамного больше, чем потери британской армии на Сомме в 1916 г.; японцы потеряли в Пёрл-Харборе 29 самолетов. Никогда еще решающие победы не доставались так дешево. Что могло произойти при условии закрепления этих побед? Иногда Гитлер говорил, что

Германия завоюет мир, но при этом добавлял, что это произойдет лишь через 100 лет после его смерти. А японцы могли бы удовлетвориться господством на Дальнем Востоке. Но Германию и Японию остановили еще до того, как они стали вполне мировыми державами, поэтому вопрос об их дальнейших намерениях никогда не ставился, не говоря уже об ответе на него.

Оглядываясь назад, видишь, что это противоречие — между теми государствами, которых более или менее удовлетворяло устройство мира, и теми, кто желал его изменить, — стало главной причиной второй мировой войны. Но противоречие политических идей и принципов привлекало тогда большее внимание. Отчасти это было наследием первой мировой войны. В конце войны союзники и их могущественный сторонник, США, убеждены были, что боролись за идеалы — демократию, самоопределение народов, Лигу Наций. В будущем коллективная безопасность должна была предотвратить новую войну. Доктрина эта никогда эффективно не действовала. Японцы в 1931 г., невзирая на протесты Лиги Наций, оккупировали Маньчжурию (преступление их было менее ужасным, чем это изображали впоследствии). Муссолини в 1935 г., игнорируя Лигу Наций, затеял войну с Эфиопией. Гитлер отверг всю систему международных отношений, когда в 1935 г. отказался от Версальского мира и в 1936 г. — от договора, заключенного в Локарно. Единственными великими державами, постоянно сохранявшими верность Лиге Наций, были Англия и Франция, позже в нее вступила Россия, а США, несмотря на свою политику изоляционизма, осудили нарушение международных обязательств. Здесь было моральное расхождение между теми, кто уважал международные обязательства, и теми, кто их нарушал. Не случайно оно совпало с тем расхождением, которое наблюдалось между государствами, удовлетворенными и не удовлетворенными итогами первой мировой войны.

Лига Наций была учреждением, привлекавшим внимание главным образом дипломатов и энтузиастов борьбы за коллективную безопасность. Но большевистская революция расколола европейскую цивилизацию, разделила Европу глубже, чем Реформация в XVI в. или Французская революция в XVIII в. Советская Россия, принявшая марксистскую доктрину, устремленная к мировой революции, казалось, так или иначе угрожала миру капитализма. Этот мир отвечал бойкотированием Советской России и с помощью военной интервенции стремился ее сокрушить. В 20-е годы многие, особенно сами коммунисты, ожидали, что военная интервенция возобновится и во время следующей войны капиталистические государства набросятся на "государство рабочих".

Но эти ожидания не сбылись. Зато углубились взаимные подозрения. Убеждение, что Германия — оплот борьбы с коммунизмом, заставило прежних победителей смотреть на нее с меньшим недоверием, делать ей больше уступок. Россия, в прошлом великая держава, европейская и азиатская одновременно, перестала теперь ею быть и в дипломатических расчетах всерьез не принималась! Советско-французский договор 1935 г., например, на бумаге был столь же прочен, как и прежний франко-российский альянс. Но когда в 1939 г. французы вместе с англичанами хотели заключить союз с Советской Россией, они вели переговоры так, словно договора 1935 г. никогда не было, словно его хотели забыть и предпочли бы, чтобы его вообще не существовало. Еще одним примером являются сами переговоры 1939 г. В дальнейшем стало ясно, что ни одна из трех договаривающихся сторон не рассчитывала на успех и даже не стремилась к нему.

В 30-е годы антибольшевизм отчасти уменьшился из-за нового раскола европейской цивилизации — между фашизмом и буржуазной демократией. Когда Муссолини установил фашистский режим в Италии, кроме левых социалистов не многие ощутили тревогу: считалось, что он спас Италию от большевизма. Муссолини выступал как респектабельный государственный деятель, британские и французские государственные лидеры торжественно давали ему советы, и еще в апреле 1935 г. он выступал поборником коллективной безопасности и святости договоров.

Национал-социализм, немецкий вариант фашизма, был угрозой совсем иного масштаба. Политики в других странах отлично понимали, что происходит в Германии и к чему стремится национал-социализм. Мировая пресса и дипломаты в полный голос заговорили о нацистском варварстве: были уничтожены политические партии и профсоюзы; перестала существовать свобода слова; евреи были изгнаны из политической жизни, лишь наиболее удачливые смогли эмигрировать; были отвергнуты принципы европейской цивилизации. Начиная с Гитлера, вся нацистская верхушка — сплошь "головорезы", сообщал британский посол.

Какие же уроки политики демократических стран извлекли из ситуации в Германии? Протесты лишь ужесточали поведение нацистов. Международный бойкот немецких товаров даже в случае его эффективности, что было маловероятно, увеличил бы экономические трудности Германии, а ведь все считали, что именно в результате этих трудностей Гитлер и нацисты пришли к власти. В отчаянии французские политики отказались от решения проблемы. Они выражали протесты в связи с каждым вызывающим шагом Германии и не делали ничего. Британские политики решили, что, если компенсировать недовольство Германии и восстановить ее

экономическое положение, поведение нацистов не будет столь варварским. Англичане приняли германскую систему двусторонней торговли и старались сделать автаркию терпимой. Невилл Чемберлен, который стал британским премьер-министром в 1937 г., старался умиротворить Германию, активно идя навстречу ее политическим притязаниям. Некоторые, в их числе, вероятно, и сам Чемберлен, полагали, что умиротворение приведет к успеху. Другие принимали этот метод как временный, пока будет закончено перевооружение Великобритании.

Советская Россия и Соединенные Штаты, две мировые державы, стояли пока в стороне. Советские руководители не раз предлагали оказать коллективный отпор агрессору, но их призывы услышаны не были. Западные политики полагали, что Россия стремится к созданию беспорядков в Европе, а советские политики подозревали, что западные державы хотят вовлечь Россию в войну, чтобы самим остаться в стороне. Все эти подозрения не были лишены оснований. Кроме того, западные политики, да, возможно, и советские тоже, были не в состоянии правильно оценить боеспособность Вооруженных Сил Советской России, особенно после того, как сталинская большая чистка 1937 г. фактически уничтожила все советское высшее командование. Боеспособность американских вооруженных сил подобных сомнений не вызывала: их фактически не существовало, если не считать военно-морской флот. И отсутствовало желание исправить это положение. В итоге первой мировой войны, обоснованно или нет, американцы придерживались политики изоляционизма. Возможно, президент Рузвельт хотел отойти от этого курса с целью противостоять скорее Японии, чем Германии; он даже пытался проявить инициативу в 1937 г., когда призывал подвергать бойкоту любого агрессора. Но общественное мнение было не на его стороне, и Рузвельт перешел к осторожному изоляционизму, пока не разразилась война в Европе.

При таких обстоятельствах западные державы отказались от антифашистского крестового похода, предпринять который, казалось, побуждала их начавшаяся в 1936 г. гражданская война в Испании. Британское и французское правительства смирились с тем, что два фашистских государства, Италия и Германия, оказывали испанским мятежникам помощь, и в конце концов даже приветствовали их победу как единственный способ закончить гражданскую войну. Конечно, добровольцы из Великобритании и Франции, как и из многих других стран, сражались на стороне республиканцев — для них в 1936 г. началась вторая мировая война. Однако они были в меньшинстве. Осенью 1944 г., вскоре после освобождения Франции, генерал де Голль посетил Тулузу, инспектируя партизанские силы района. Остановившись возле обор-

ванного человека, он спросил: "Когда ты вступил в Сопротивление, друг?" Партизан ответил: "Задолго до вас, мой генерал" (он сражался в Испании во время гражданской войны). И тут смутился генерал де Голль.

Генерал и партизан понимали войну по-разному: де Голль — как борьбу за национальное освобождение, партизан — как борьбу против фашизма. И они были правы: обе цели сплелись воедино, зачастую даже в сознании одного человека. По форме вторая мировая война, как и первая, была войной между суверенными государствами. Для многих обыкновенный патриотизм был единственным мотивом, для еще большего числа людей — главным мотивом. Патриотизм проявлялся даже там, где его не ожидали. До войны русские энергичнее всех призывали к объединенным действиям против фашизма. Но когда захватчики вторглись в Россию, война стала Великой Отечественной, или, иначе говоря, великой войной за Родину; из исторических деятелей главной фигурой стал не Ленин, а Суворов. С момента нападения на Россию коммунисты всюду стали решительными, искренними участниками Сопротивления. Но и они боролись теперь за национальное освобождение — и во французском Сопротивлении, и в Италии, и (более открыто) в Югославии под командованием Тито.

Тем не менее война, несомненно, была также борьбой убеждений. Немцы сознательно боролись за национал-социализм. Их победы не только приводили к изменению границ в пользу Германии, но и несли с собой утверждение принципов и практики национал-социализма: расового превосходства немцев, деградации всех остальных народов и физического истребления некоторых из них. Противники Германии боролись (в меньшей мере это осознавая) за уничтожение всего того, что отстаивал национал-социализм. Начав с цели национального освобождения, они с неизбежностью пришли к идее восстановления демократии, хотя в России и на Западе совершенно различно толковалось это понятие. Война продолжалась, и антигерманская коалиция стала выступать за гуманизм. Пока шла война, оставался неизвестным весь список преступлений фашистов. Лишь потом стало ясно, что газовые камеры Освенцима (Аушвица) — столь же подлинный символ национал-социалистской цивилизации, как готические соборы — символ средних веков. Но и то, что было известно, исключило любой другой исход войны, кроме безоговорочной капитуляции, и сделало вторую мировую войну справедливой войной, что бывает чрезвычайно редко.

Союзники Германии в эту схему не вписывались. Фашизм возник в Италии, но там его преступления больших масштабов не достигли, как и участие Италии в войне. К тому же фашизм там никогда не владел душами людей. Лишь правительство усташей в Хорватии творило почти такие же преступления, как Германия. А японцы вообще не были фашистами. У них были старые националистические взгляды, старая, но реально действующая конституция. Они совершали преступления не из принципа, а от пренебрежения к человеческой жизни. Тем не менее им была навязана та же схема, они тоже стали фашистами и врагами демократии.

Уже говорилось о том, что первая мировая война имела широкомасштабный характер: в ней участвовали миллионы людей. Но фронт был еще отдален от мест обитания: гражданское население меняло не столько образ жизни, сколько род занятий; еще сохранялась возможность обсудить, зачем ведется война и следует ли ее продолжать; часто наблюдались проявления недовольства граждан. Во вторую мировую войну вовлеченными оказались все. Беспорядочные бомбежки привели к тому, что различие между фронтом и тылом почти исчезло. В Англии, например, до 1942 г. вероятность того, что солдат в армии получит телеграмму о гибели жены от бомбы, превышала вероятность того, что жена получит телеграмму о гибели мужа в бою. Лица, отказавшиеся воевать и служившие в противовоздушной обороне, подвергались большей опасности, чем если бы находились в вооруженных силах. Перед войной британское правительство предвидело, что бомбежки нарушат общественный порядок, и зачислило на службу офицера полиции, который служил прежде в Индии: у него был опыт управления толпой, охваченной паникой. Но его услуги не потребовались. Стойкость людских масс — англичан во время сильной бомбежки, ленинградцев, переживших блокаду, немцев в последние месяцы перед окончательным их поражением, японцев даже после взрыва двух атомных бомб — сомнений никогда не вызывала.

Справедливо название "Народная война". Такая война возникает не под воздействием общественных настроений, как это было до некоторой степени с первой мировой войной. В 1914 г. возбужденное общественное мнение подтолкнуло правительства к войне, и демагогический шовинизм сильно потом влиял на военную стратегию. До и во время второй мировой войны политики — вели, народы — следовали. Британское правительство единственное вовлечено было в войну под воздействием общественного мнения, но даже это мнение прозвучало в палате общин, а не в уличных толпах. Гитлер, возможно, рассчитывал, что победы усилят его власть над немецким народом. Но он сам определял, где и когда будут одержаны победы. Перед нападением немцев на Советскую

Россию, например, не проводилась общественная кампания по разжиганию антибольшевизма. Нападение явилось для немецкого народа неожиданностью, этому предшествовало мертвое молчание. До того момента, когда Америка действительно вступила в войну, президент США Рузвельт был уверен, что опережает общественное мнение. Он мог ошибаться, но его взгляды определяли курс американской политики.

Во вторую мировую войну политики значили гораздо больше, чем в первую. Кто помнит имена премьеров до Клемансо или немецких канцлеров после Бетмана-Гольвега (а ведь Бетман оказывал лишь второстепенное влияние на события)? В декабре 1916 г. Ллойд Джордж явно стал чем-то вроде военного диктатора, но даже для него, как он сам утверждал, характернее всего было то, что действовать по своему усмотрению удавалось редко. Популярными героями были генералы Китченер, Гинденбург, Жоффри — полубоги, которые вели войну или в порыве вдохновения, или без него.

Во вторую мировую войну генералы были исполнителями и для публики значили не больше, чем обычные государственные служащие. Из Роммеля создали романтическую фигуру не столько немцы, сколько англичане. Монтгомери сам создал о себе легенду, но дважды лишь потому не был снят, что смиренно приносил извинения. В сущности лишь политические лидеры принимались в расчет. Когда немецкие генералы (или некоторые из них) сделали попытку свергнуть Гитлера, они увидели, что сторонников у них нет. Черчилль сместил таких внушительных лиц, как Уэйвелл и Окинлек. Сталин снимал своих генералов десятками, и сам Жуков перед ним трепетал. Вряд ли будет преувеличением сказать, что четыре человека — Гитлер, Черчилль, Рузвельт и Сталин — лично принимали все важные военные решения, да и Муссолини слабо пытался им подражать. Лишь японцами по-прежнему руководил более или менее анонимный комитет. *это про чужие решения*

У всех главных лидеров в прошлом имелся опыт ведения войны. Гитлер и Муссолини были на фронте солдатами, Черчилль и Рузвельт занимали посты в период первой мировой войны, а Черчилль еще и воевал на передовой; Сталин во время гражданской войны в России был в высшем командовании. Они не хуже, а может быть, даже лучше своих советников знали, что такое война. Конечно, они слушали советников. Гитлер, правда, слушал нетерпеливо. И конечно, они взвешивали реальные возможности, даже если не всегда с ними считались. Все равно, они решали, где и как осуществлять кампанию. Они определяли экономическую и внешнюю политику своих стран, за исключением мелких вопросов. Черчилля порой обуревали романтические порывы. Гитлер потерпел

поражение (в войне всегда кто-то проигрывает), и поэтому его изображали психопатом. Если смотреть непредвзято, видишь, что политики второй мировой войны действовали разумно, стремясь добиться победы. По количеству массовых убийств, по жестокости вторая мировая война превзошла остальные, но не была беспорядочной неразберихой, как первая.

По своим индивидуальным качествам четыре лидера резко отличались друг от друга.

Гитлер был самым решительным ниспровергателем по взглядам и методам. Он пренебрегал сложившимися мнениями, готов был (на благо или во зло) перевернуть мир вверх ногами. Он был также самым неразборчивым в средствах.

Черчилль — наиболее старомодный, гуманный, в нем кипели благородные чувства. Его облик навевает воспоминания об исчезнувшей Британской империи.

Сталин, безусловно, самый целеустремленный: желал одного — сохранить Советский Союз и свою диктаторскую власть над ним.

Наиболее загадочный из них — Рузвельт. Практичная изобретательность и высокие принципы, повседневные расчеты и отдаленные цели с немыслимой сложностью переплетались в нем. Из четырех лидеров он был самым удачливым, но невозможно сказать, достигалось ли даже это преднамеренными усилиями. Все четверо, несмотря на многие различия, имели нечто общее, отличавшее их от всех остальных: каждый пользовался в своей стране исключительной властью.

По-разному пришли они к власти и по-разному пользовались ею. Рузвельт — избранный президент, единственный глава исполнительной власти. Будучи главнокомандующим, он редко вмешивался в руководство войной, лишь когда принимались крупные решения. Черчилль был конституционным премьер-министром, теоретически делил власть с правительством военного времени, подчинялся парламенту. В качестве министра обороны руководил начальниками штабов и возможности действовать по-своему добивался не приказом, а путем обсуждения. Он выразил это своеобразно: "Согласие с моим мнением — вот все, чего я хотел добиться в итоге здорового обсуждения". Сталин и Гитлер — диктаторы, якобы руководившие партиями, коммунистической и национал-социалистской. Сталин, будучи главой правительства и Верховным главнокомандующим, повседневно руководил всеми военными действиями, как любой обычный главнокомандующий. Гитлер был вначале теоретическим руководителем вооруженных сил и постепенно стал главнокомандующим, особенно на Восточном фронте. Но так или иначе, эти четверо играли решающую роль в политике и стратегии второй мировой войны.

У великих людей свои заботы. Затевались неудачные заговоры против Гитлера; Черчилля часто критиковали в палате общин; Рузвельт, пока шла война, дважды пережил президентские выборы; даже Сталину, возможно, причиняло иногда беспокойство Политбюро. Но никогда никто из них не подвергался серьезной опасности. Эти четверо сами распоряжались верноподданными массами. Народная война имела своим следствием диктатуру.

Четыре могущественных человека олицетворяли, каждый по-своему, волю нации — странный итог эпохи национального самосознания и демократии, у истоков которой стоял Руссо.

2. Истоки

в 1917? - Ленин?

Если вообще возможно установить точное время, то поворот к войне наметился в 1936 г. Органы коллективной безопасности были уничтожены. Германия избавилась от всех ограничений, навязанных Версальским договором, и отказалась от тех, которые добровольно приняла на основе договора, заключенного в Локарно. Не сумев защитить от Муссолини Эфиопию, Лига Наций утратила свое значение. Единственным международным соглашением, которое еще что-то значило, был союз между Англией и Францией. Он действовал неофициально с конца первой мировой войны и оформился более определенно в то время, когда Англия предоставила Франции гарантии во время суматохи, вызванной отказом Гитлера в 1936 г. от Локарнского договора. Гарантии предполагались временные, до нового соглашения с Гитлером. Но соглашение заключено не было, и гарантии стали постоянными. Это были гарантии в принципе; Англия не имела возможности их выполнять. Хотя она теперь увеличивала расходы на вооружение, большая часть денег уходила на военно-морской флот и ВВС, а на армию — совсем малая. И пока в Англии шло перевооружение, развивался британский изоляционизм, придававший особое значение армии с "ограниченной ответственностью".

Существенное перевооружение началось в Германии, Англии, Франции в 1936 г. У противоборствующих сторон оно носило разный характер. Гитлер, который рассчитывал прибегнуть к угрозам или мелким войнам, все подготовил для фронта, но не принял во внимание обеспечение резервов, как военных, так и экономических. Англичане и французы разрабатывали планы перевооружения; даже в случае их выполнения (а французские планы не были выполнены) потребовались бы годы на их разработку. Ситуация в итоге получилась запутанная. Гитлер лучше был подготовлен к такому кон-

фликту, который продлится лишь несколько недель. Англия и даже Франция, если бы выдержали первый удар, могли бы в ходе долгой войны укрепиться. Время было на их стороне, хотя они не сумели этим воспользоваться.

Обе западные державы большее значение придавали своей тогдашней слабости, чем будущей силе. Предвоенные годы в Европе были омрачены тем, что военная мощь Германии постоянно преувеличивалась ее потенциальными противниками. Британская разведка, получая существенную часть информации от немецких генералов, якобы противостоящих Гитлеру, все время оценивала темпы германского перевооружения вдвое выше, чем было на самом деле. В 1938 г., например, британский штаб ВВС докладывал, что германская авиация на переднем крае обороны вдвое превосходит британскую, что в дальнейшем авиационное производство в Германии также вдвое превысит британское. Гражданские власти рассчитывали, что 600 тыс. человек будут убиты за первые два месяца войны. Фактически численность германских самолетов на переднем крае обороны была в 1938 г. лишь на 60% больше, чем в Англии, а резервы — меньше. В 1939 г. британское производство самолетов превзошло германское. Общее число убитых англичан во время воздушных налетов составило 60 тыс. за всю вторую мировую войну. У немцев не было самолетов и стратегии для самостоятельной бомбежки. Их воздушные силы предназначались только для взаимодействия с наземными. Англичане были напуганы призраком, который сами создали. Королевские военно-воздушные силы, единственные среди европейских ВВС, возлагали надежды на оперативное бомбометание, хотя до 1944 г. оснащение и качество самолетов были для этой цели недостаточными. Поэтому англичане, постоянно ощущая угрозу (которой на самом деле не было) со стороны Германии, уповали на возможность (которой также не было) угрожать ей.

В ноябре 1936 г. Германия и Япония подписали Антикоминтерновский пакт — первое соглашение между потенциальными агрессорами. Это был только жест, означавший признание общности целей, но не более. Это не был действенный союз, хотя бы против Советской России. Обе подписавшие пакт стороны никогда не координировали своих действий — ни тогда, ни позднее, и единственным практическим результатом явилось то, что Германия сократила военную помощь, которую до этого оказывала Китаю. Все же пакт казался жестом угрожающим, тем более когда Муссолини, торопясь присоединиться к стороне, как ему представлялось, более сильной, также в следующем году подписал этот пакт. Здесь

к тому же не было координации политики. Гитлер продолжал идти своим путем, не спрашивая советов у Муссолини, но смутно надеясь, что Италия доставит Англии и Франции неприятности в Средиземноморье.

Возможно, Антикоминтерновский пакт поощрил японцев к продвижению в Китае. Представляется более вероятным, что заранее это продвижение не планировалось. На Дальнем Востоке с 1933 г. было тревожное затишье: японцы укрепились в Маньчжурии и Северном Китае до Пекина, Чан Кайши старался создать более сильную армию, а китайские коммунисты подталкивали Чана к сопротивлению. 7 июля 1937 г. произошло столкновение между японскими и китайскими войсками на мосту Марко Поло в Пекине. Японцы нанесли ответный удар, больше, кажется, поддавшись порыву младших офицеров, чем руководствуясь указаниями сверху, и взяли Шанхай после семи недель боев. Столица Чан Кайши Нанкин была захвачена в декабре 1937 г. В 1938 г. пали Ханькоу и Кантон, таким образом, под контроль японцев перешло все китайское побережье. Чан Кайши отступил в отдаленный Чунцин, вблизи тибетской границы. Бои затихли. Они стоили жизни примерно 800 тыс. китайцев и 50 тыс. японцев. Около 50 млн китайцев были изгнаны из домов. И снова тупик. Напрасно старались японцы создать марионеточное китайское правительство. Чан ждал помощи от американцев — большая часть его армии была уничтожена.

В ноябре 1937 г. державы, чьи интересы затрагивали события на Дальнем Востоке, созвали в Брюсселе конференцию, стремясь прекратить войну. Ничего не вышло. Тем не менее настроение изменилось. Британские предприниматели, до этого сочувствовавшие японцам, теперь считали их бандитами, разрушителями китайской торговли. Британское правительство ждало того дня, когда сможет направить флот на Дальний Восток, — отсюда его стремление покончить с европейскими распрями. Американцы по-прежнему твердо сохраняли нейтралитет, но были уже настроены против японцев. Президент Рузвельт надеялся остановить их продвижение, желательно с помощью экономического нажима. Это соответствовало американской стратегии. Хотя армии у США фактически не было, но имелся большой военно-морской флот, для которого главным полем деятельности был Тихий океан.

В это время на Дальнем Востоке обстановка обострилась. Чтобы укрепиться в Маньчжурии, японцы пытались разбить советские войска по ту сторону границы. В июле 1938 и затем в мае 1939 г. они предприняли нападения, но в обоих случаях были разбиты, во второй раз — в Номон-Хане, где понесли тяжелые потери. После начала войны в Европе японцы решили оставить Россию в покое, да и русские, поглощенные европейскими делами, отвечали тем

же. В связи с этим для Японии был единственный путь экспансии — на юг, к Тихому океану; возможности для этого могли представиться всякий раз, когда у англичан и особенно у американцев возникнут затруднения где-нибудь еще. Данное направление экспансии сулило нефть, каучук и олово для экономики Японии.

В 1938 г. в Европе кроме экспертов мало кого беспокоил китайско-японский конфликт. Все взоры были обращены к Гитлеру. Говорили (в то время и часто потом), что у него была определенная программа завоевания мирового господства. Но видимо, он скорее был оппортунистом, извлекавшим пользу там, где такая возможность представлялась. Конечно, его цель была ясна: превратить Германию в мировую державу, а уж средства — по обстоятельствам. Гитлер самонадеянно, слишком самонадеянно, как оказалось, рассчитывал на бездействие западных держав. В 1938 г. он даже получил поддержку Запада — от Невилла Чемберлена, который сменил на посту премьер-министра Болдуина в мае 1937 г.

Чемберлен полагал, что Франция в безопасности за линией Мажино, а Англия — под защитой военно-морского флота, что в случае войны к ним может поступать из США снабжение в неограниченном количестве. Но и Германия была в той же мере защищена от них. С укреплением ее западных границ Англия и Франция ничем не могли помешать росту германского влияния в Восточной Европе. По их мнению, Германия, даже при Гитлере, меньшее зло, чем Советская Россия, а германское господство в Восточной Европе, как бы ни было оно нежелательно, станет прикрытием от коммунизма. Значит, пусть Германия продолжает планомерно действовать. Такое предложение передал Гитлеру близкий единомышленник Чемберлена лорд Галифакс в ноябре 1937 г. Он также сказал Гитлеру, что вопрос о Данциге (Гданьске), Австрии и Чехословакии можно решить в пользу Германии, если не будет беспорядков, чреватых серьезными последствиями.

В течение 1938 г. Гитлер осуществлял свою программу. В марте, после того как австрийское правительство попыталось взять под контроль местных нацистов, он послал свои вооруженные силы в Австрию. Боев не было. Многие австрийцы (в то время большинство) приветствовали свое превращение в германских граждан. Способ оккупации Австрии был характерен для Гитлера: он вступил в крепость, когда стены ее уже рухнули. Тем не менее его вступление явилось в определенном смысле началом второй мировой войны в Европе. Впервые с конца первой мировой войны армия великой державы перешла европейскую границу и силой произвела территориальные изменения.

Для следующего шага Гитлеру не надо было сверяться с расписанием, даже если бы оно у него имелось. Очередной целью стала Чехословакия — демократическое государство, тесно связанное с Францией и не так близко — с Советской Россией, почти окруженное теперь германской территорией и имевшее свыше 3 млн немецкоязычных граждан. Невилл Чемберлен решил действовать первым и заранее удовлетворить требования Гитлера. Это была политика умиротворения, достигшая своего апогея к лету 1938 г. Все лето Чемберлен и его сподвижники старались добиться согласия правительства Чехословакии уступить требованиям Гитлера и согласия французов покинуть союзника — Чехословакию. Чемберлену это удалось, правда с большим трудом. 29 сентября 1938 г. на конференции в Мюнхене районы Чехословакии с немецкоязычным населением были переданы Германии. Формально было заключено соглашение между четырьмя европейскими великими державами — Францией, Германией, Англией и Италией, а Советскую Россию благополучно отстранили от европейских дел. Соглашение заключили отнюдь не на добровольной основе. Чехословакия и Франция лишь уступили, опасаясь войны, а Чемберлен с трудом убедил английский народ, что не руководствовался теми же мотивами. Гитлер с своей стороны убедился, что с помощью угроз он и дальше сможет добиваться своего.

Чемберлен обещал целую эпоху мира. Но мир продолжался только шесть месяцев. Чемберлен надеялся, что умиротворение достигло цели, Гитлер ждал новой возможности, чтобы заявить о себе. 15 марта 1939 г. случай представился. Чехословакия, возникшая в октябре 1918 г., распалась. Номинально Словакия стала независимым государством, а Богемия, или Чехия, — германским протекторатом. Гитлер посетил Прагу, и опять казалось, что он действует по заранее подготовленному плану, а он, видимо, просто использовал стечение обстоятельств. Но вопрос этот представляет чисто академический интерес. А вот действительное значение имела реакция британского общественного мнения: было заявлено, что Гитлер разоблачен как агрессор и в следующий раз ему будет оказано сопротивление. Следующий раз не заставил себя долго ждать — встал вопрос о Польше, которая почти наверняка не входила в намерения Гитлера. Как написано в книге "Майн кампф", его первой целью была ликвидация французской гегемонии в Европе. Он сначала полагал, что Англия и Италия сохранят нейтралитет или даже поддержат его. Затем, в период чехословацкого кризиса (или после него), мнение Гитлера изменилось. Теперь он считал, что и Англия может оказать противодействие, но не видел в этом серьезной опасности. Так как у англичан не было сильной армии, Гитлер рассчитывал, что они пойдут на уступки, как только

Франция потерпит поражение. Будучи уверен в этом, Гитлер к войне против Англии не особенно готовился, небрежно отнесся к укреплению германского военно-морского флота и даже к строительству подводных лодок. Гросс-адмирал Редер ему докладывал, что для войны с Англией нужно 300 подводных лодок, но когда началась эта война, у Германии было всего 23 лодки, пригодные для Атлантики.

Но Польша все же имела для Гитлера важное значение. Под влиянием неприятных воспоминаний о первой мировой войне он решил избежать войны на два фронта с помощью договора о ненападении, заключенного с Польшей в 1934 г. Гитлер думал, что Польша, в страхе перед Советской Россией, охотно станет сателлитом Германии, Венгрия и Румыния — тоже. Однако имелось одно препятствие: в сознании немцев жило недовольство, гораздо более глубокое, чем то, которое было связано с независимой Австрией или немецкоязычным населением Чехословакии. По Версальскому договору населенный немцами Данциг стал вольным городом и так называемый польский коридор отделял Восточную Пруссию от рейха. Гитлер должен был снять это недовольство, чтобы поддержать свой престиж, особенно перед немецкими генералами. Он рассчитывал, что поляки добровольно пойдут на уступки в надежде получить впоследствии Украину. Он весьма заблуждался: руководители Польши, считая свою страну великой державой, желали сохранить независимость и от Советской России, и от Германии и не уступать никому. Когда Польша стала проявлять упорство, Гитлер попытался повлиять на переговоры обычным путем — с помощью неясной угрозы предпринять военные действия.

Это привело в замешательство британское правительство. Зимой 1938/39 г. оно подозревало, что Германия что-то предпримет на западе — против Голландии, Франции или, может быть, даже против Англии.

Британским руководителям пришлось нехотя признать, что Франции необходимо укрепиться. 22 февраля 1939 г. они согласились на проведение англо-французских штабных переговоров, хотя больших целей при этом не ставили. Теперь Польша приобрела большое значение и для Англии. Еще в 1938 г. союзники соглашались с тем, что Польша станет германским сателлитом. Польша нужна была Франции, перед которой стояла задача укрепить свои позиции в целях открытия второго фронта. Поражение Польши серьезно ослабило бы Францию, во всяком случае произвело бы такое впечатление. И, что еще хуже, французы сами могли бы попытаться создать альтернативный фронт против Гитлера, реализовав свой договор с Советской Россией. Британские начальники штабов сообщали, что Польше ничем нельзя помочь. Они также

считали, что Советская Россия — более ценный союзник. Чемберлен их мнением пренебрег. 30 марта он собственноручно написал гарантийные обязательства, а польский министр иностранных дел полковник Юзеф Бек моментально их принял, "не успев даже выкурить папиросу", как он потом говорил.

Британские гарантии, данные Польше, прямым образом вели к началу войны в Европе. Гитлер отнюдь не был испуган — он пришел в бешенство и в конце апреля аннулировал и договор с Польшей о ненападении, и англо-германское военно-морское соглашение 1935 г. Он приказал германским генералам подготовить к 1 сентября кампанию против Польши. Возможно, это была хитрость: сразу несколько генералов сообщили новость послам Англии и Франции. Без сомнения, Гитлер знал, что они это сделают. Он также укрепил свои международные позиции. Германский министр иностранных дел Риббентроп уже в течение некоторого времени пытался преобразовать Антикоминтерновский пакт в эффективный союз. Но японцы вели себя уклончиво. Они не получали от Германии помощи во время пограничных инцидентов с Советской Россией, а теперь широко пользовались на Дальнем Востоке любыми трудностями, которые Гитлер создавал в Европе для западных держав. Риббентроп добился заключения "Стального пакта" с Италией, который был подписан 22 мая 1939 г. Гитлер хотел таким образом напугать западные державы. У Муссолини было противоположное намерение: использовать пакт для отсрочки войны года на три-четыре. Он считал, что Италия за это время лучше подготовится к войне.

После этого со стороны Гитлера последовало зловещее молчание. Он больше не предъявлял требований насчет Польши, не произносил речей перед публикой. Он спокойно ожидал, что две западные державы поступят с Польшей так же, как в предыдущем году с Чехословакией, — заставят ее пойти на уступки.

На этот раз его ожидания оказались напрасными. Западные державы были достаточно решительны: они не только стремились умиротворить Гитлера, но и фактически признали справедливость его притязаний. Тем не менее поляки ни дюйма не желали уступить. Из чешского кризиса они извлекли урок: есть один способ не уступить слишком много — не уступать ничего. Несомненно, Польша переоценивала свои силы. Более простительной ошибкой было ее преувеличенное мнение о силах западных союзников. Польская верхушка не могла понять, что Англия и Франция не те торжествующие победители, какими они были в 1918 г. Конечно, поляки думали, что западные державы будут соблюдать свои обязательства, а это обеспечит победу.

Англия и Франция поддерживали эту иллюзию. В моменты отрезвления они признавали, что не смогут помочь Польше. Ее упорство их смущало. Но они не могли отказаться от своих обязательств, не утратив полностью свой престиж великих держав. Более того, если бы они покинули Польшу, она либо уступила требованиям Гитлера без борьбы, либо после короткого конфликта потерпела поражение. Следовательно, британские и французские политики сознательно обрекали Польшу на катастрофу или, возможно, думали, что на Гитлера произведет впечатление обман, в который они сами не верили.

Был и другой путь: союз западных держав с Советской Россией. Переговоры шли без особого энтузиазма все лето 1939 г. Опять помехой явились британские обязательства перед Польшей. В 1921 г. в результате советско-польской войны поляки получили территорию на востоке, населенную главным образом украинцами и белорусами. Поляки справедливо полагали, что, если только советские войска вступят на эту территорию, они оттуда никогда не уйдут. Поэтому от советской помощи они отказались, а давить на них англичане просто не могли. И опять был пущен в ход обман, чтобы остановить Гитлера и не тревожить поляков.

Англичане предложили, чтобы Россия приняла участие в войне "по просьбе" или поляков, или одного из небольших прибалтийских государств, или западных держав — кого угодно, кроме них. Такое предложение было унижительно, неприемлемо для великой державы. В ответ русские предложили простое трехстороннее соглашение с Англией и Францией, при котором каждое из этих государств обязуется принять меры, если одно из них по какой-либо причине окажется вовлеченным в войну. Англичане в ужасе отшатнулись от этого предложения: немыслима была война, в которой они участвовали бы на стороне Советской России против Германии. Большая часть английского общества отнеслась бы к этому отрицательно, особенно сторонники коалиционного правительства. Это оскорбило бы Франко, папу. Таким образом, переговоры зашли в тупик.

Затем попробовали вести военные переговоры, пытаясь обойти политические трудности, но это ни к чему не привело. Впоследствии Сталин говорил Черчиллю, что русским надо было против Гитлера послать 300 дивизий, англичанам же — только 4. Но это было связано не с политикой, а с географией. Сталину в этом пришлось убедиться, когда Россия в конце концов оказалась вовлеченной в войну. В 1939 г. препятствием являлась по-прежнему Польша. Русские просили разрешения вступить на польскую территорию, но поляки не позволили. И русским ничего другого не оставалось, кроме как сохранять нейтралитет.

Гитлер это оценил. В начале лета 1939 г. он говорил о нападении на Польшу даже в том случае, если ей будет помогать Россия. Срыв англо-франко-советских переговоров облегчил ему задачу. 23 августа Риббентроп вылетел в Москву и в тот же день достиг соглашения со Сталиным. Германо-советский пакт не был союзом, это был взаимный обмен обещаниями о ненападении и нейтралитете. Секретный протокол определил сферы интересов, впоследствии Сталин одобрил эту форму соглашения и с другими [государствами]. Финляндия, Эстония и Латвия входили в советскую сферу интересов, Литва — в германскую. Если, как было эвфемистически сформулировано, в Польше произойдут перемены, раздел сфер интересов должен примерно соответствовать этническому делению, которое принято у русских. На Западе поднялась шумиха по поводу преступления Советской России, заключившей соглашение с ведущей фашистской державой. Трудно было понять упреки британских и французских политиков, которые активно способствовали разделу Чехословакии и даже стремились к новому соглашению с Германией за счет Польши. — В 1917 г. 770 Начало всех проблем?

Гитлер, кажется, поверил, что теперь сопротивление двух западных держав захвату Польши прекратится, что они потеряли всякую надежду на советскую помощь. Ободренный достигнутым успехом, он установил дату нападения на Польшу — 26 августа, несмотря даже на то что Германия не могла завершить военные приготовления к этому сроку. 25 августа он отложил начало боевых действий. Возможно, его остановил объявленный Муссолини нейтралитет, может быть, официальное подписание соглашения о союзе между Англией и Польшей. Но скорее всего он просто понимал, что армия не была еще готова [к войне]. Последовали 6 дней энергичных переговоров, англичане пытались добиться от Польши уступок, поляки отказывались уступить. Ждать больше Гитлер не мог. Как только армия будет готова, ей надлежит немедленно перейти в наступление, иначе угаснет порыв. 31 августа Гитлер приказал на рассвете следующего дня начать наступление.

1 сентября 1939 г. рассвет в Восточной Европе наступил в 4 часа 45 минут утра. В этот момент германские войска перешли польскую границу, а через час их самолеты бомбили Варшаву и уничтожили на аэродромах больше половины польских самолетов. Ни ультиматума, ни объявления войны. В 10 часов утра Гитлер обратился к рейхстагу, и, как обычно, в роли пострадавшего. Он стремился к мирному урегулированию путем переговоров с поляками, но они, мол, его предложения игнорировали: немцев убивали в Польше. В прошлую ночь регулярные части польской армии обстреляли германскую территорию. Никаких данных, подтверждавших эти обвинения, ни тогда, ни после не приводилось, но

рассказывали один эпизод: эсэсовцы (террористическая полиция "чернорубашечников") организовали нападение осужденных уголовников, одетых в польскую форму, на немецкую радиостанцию. Тела преступников остались лежать на земле. Но в рейхстаге национал-социалистов и не нужно было убеждать. Они аплодировали. А на улицах Берлина и других городов царил безмолвие; все это было далеко от энтузиазма в начале первой мировой войны.

Польша немедленно обратилась к союзникам. Но они ответили сухо. Обе западные державы направили в Берлин обиженное послание — свой протест. Нет, не надо его рассматривать как ультиматум, настаивали они и с надеждой глядели на Муссолини, и, оказалось, не зря. Муссолини решил предложить созыв конференции по поводу раздела Польши; так же была в предыдущем году разделена Чехословакия. Боннэ, французский министр иностранных дел, охотно принял предложение и привел новые доводы в пользу отсрочки выступления: французские генералы хотят провести мобилизацию, нужно, чтобы воздушные налеты немцев этому не помешали (в любом случае налетов быть не могло: бо́льшая часть немецких ВВС была занята в Польше). Французская армия приступила к мобилизации; полагали, что на ее завершение потребуется 3 недели. В Англии эвакуировали почти 2 млн женщин и детей из районов, которым якобы угрожали воздушные налеты.

Открытого, широкого выражения народных чувств почти не было, не шагали по Уайтхоллу толпы с возгласами: "Защитим Польшу!" Год назад они призывали: "Защитим Чехословакию!" Но палата общин была сильно обеспокоена, ее члены, во всяком случае большинство из них, безусловно признавали обязательства Англии перед Польшей. Они не думали, что эти обязательства — пустой дипломатический жест, не понимали, что нет возможности ей помочь. Знали только, что для Англии это вопрос чести. К вечеру 2 сентября стало ясно, что, если не объявить войну, правительство падет на следующий день. Генри Шеннон, один из немногих оставшихся сторонников умиротворения, пытался вести полемику с руководителем парламентской фракции консерваторов, но ему возразили: "Надо идти в драку, ребята, другого выхода нет". Члены кабинета были солидарны с палатой общин. Позже, вечером, они организовали сидячую забастовку, отказываясь разойтись, пока не будет принято решение. Чемберлен тихо сказал: "Да, джентльмены, это война". Галифакс недовольно отметил в дневнике: "Во всем этом, по-моему, проявились худшие стороны демократии". Чтобы остаться у власти, правительство Чемберлена уступило воле парламента и, вероятно, всей страны.

3 сентября в 9 часов утра британский посол в Берлине предъявил ультиматум, требовавший ответа в течение двух часов. Ответа не последовало. Автоматически наступило состояние войны, о чем Чемберлен мрачно сообщил в своем выступлении по радио. А когда он закончил речь, звуки сирен возвестили о воздушном налете. Жители Лондона толпились в убежищах, послушно надев противогазы. Но это была ложная тревога. Французов вовлекли в войну их британские союзники. В полдень был предъявлен французский ультиматум, в 17 часов срок его истекал, но ответа также не было.

Вступление Англии и Франции в войну было связано с той частью мирного урегулирования, которую, с их точки зрения, труднее всего отстаивать. Не видно было признаков общественного подъема. Люди приняли войну как некую формальную необходимость. В Англии они говорили: "Давайте с этим покончим", а во Франции: "Надо с этим покончить".

Объявление войны было дипломатическим жестом, которых много было и прежде. Но Польше ничем не помогли. Английские военные самолеты напали было на германские в Вильгельмсхафене, но понесли тяжелые потери и фактически не причинили ущерба противнику. Новых попыток они не предпринимали. Французы неторопливо укрепляли линию Мажино. Теоретически у них было подавляющее превосходство. У немцев — всего 33 дивизии на западе, главным образом составленные из ветеранов первой мировой войны, танков не было, орудий — 300. У французов — 110 дивизий, 3286 танков и 1600 орудий, но из них 10 дивизий было на итальянской границе, 15 — в Северной Африке, 40 — на бельгийской границе. На линии Мажино оставалось лишь 45 дивизий, притом танки не были подготовлены для самостоятельных действий. Некоторые французские части продвинулись в район Саара, откуда немцы ушли. Единственным препятствием на пути французов оказались мины-ловушки. Когда после поражения Польши 17 сентября немецкие силы двинулись на запад, французы отступили. Даладье, французский премьер-министр, хвалился тем, что мало пролито французской крови.

Таким образом поляков оставили сражаться одних. На бумаге соотношение польских и немецких дивизий было следующим: 40 польских дивизий против 52 немецких*. Но затяжка мобилизации в угоду западным державам привела к тому, что свыше половины польских дивизий так и не были укомплектованы. Кроме того, у немцев было 6 бронетанковых дивизий, а у поляков — мало танков

* По данным, приведенным в "Истории второй мировой войны", 62 немецкие дивизии были выделены для войны с Польшей, причем утром 1 сентября на границе в готовности к действию находилось 54 дивизии (см.: История второй мировой войны. 1939 — 1945. Т. 3. М., 1974. С. 17).

и бо́льшая часть самолетов потеряна. Поляки расположили свои армии на передовых позициях — отчасти для защиты своих промышленных районов, расположенных в основном на западе, отчасти питая фантастическую надежду вторгнуться в Германию. Две немецкие армии, одна из Восточной Пруссии, а другая из Силезии, вклинились в тылы польских позиций и нарушили коммуникации. Немецкие бронетанковые дивизии устремились вперед, больше рассчитывая на свою скорость, чем на огневую мощь. Пехота лишь закрепила достигнутое. В польских армиях возник хаос.

Был один просвет во мраке. 8 сентября отступавшие к востоку польские войска натолкнулись возле реки Бзура на германский фланг. Шесть дней продолжалось тяжелое сражение, самое крупное в Европе за все время до нападения немцев на Советскую Россию в 1941 г. Немецкое командование было сильно встревожено: это показатель того, как может провалиться танковая атака, если потерян темп наступления. 14 сентября изможденные, но оставшиеся в живых поляки ушли в осажденную Варшаву; разбитые остатки польских армий отступили далеко на юго-восток, причем их командиры по-прежнему надеялись получить новые запасы через Румынию или даже помощь в виде наступления союзников на западе. Вместо этого с востока в Польшу вступили советские войска. И тогда прекратились все боевые действия. Польское правительство бежало в Румынию и было там интернировано. В Париже было создано правительство в изгнании. Спаслось также около 70 тыс. польских военнослужащих, 3 эсминца и 2 подводные лодки. Варшава продержалась до 28 сентября, 5 октября сдалась последняя польская крепость.

694 тыс. польских солдат попали в плен к немцам, а 217 тыс. — к русским. Немцы потеряли убитыми 8400* человек. Их запасы истощились к концу боев. Если бы французы предприняли наступление, у немцев не было бы возможности сопротивляться. Это ясно показывало, хотя об этом, конечно, не знали на Западе, что Гитлер, отнюдь не готовясь к большой войне, действовал на узком участке и рассчитывал на быструю, достигнутую недорогой ценой победу.

Победы немцев застали русских врасплох. Молотов, народный комиссар иностранных дел, жаловался 10 сентября германскому послу: "Красная Армия рассчитывала на семь недель, а они сократились до нескольких дней". К тому же Молотову нужен был предлог, чтобы оправдать действия советских властей в глазах мировой общественности. Он хотел заявить, что Красная Армия пошла в наступление, чтобы стать на защиту украинцев и бело-

* По данным, приведенным в "Истории второй мировой войны", около 420 тыс. польских солдат попали в плен к немцам и немцы потеряли убитыми 10,6 тыс. человек (см.: История второй мировой войны. 1939 — 1945. Т. 3. С. 31).

русов, которым Германия "угрожала". В конце концов, учитывая возражения немцев, он пошел на компромисс: было публично заявлено, что Советский Союз счел себя обязанным вмешаться, чтобы защитить украинских и белорусских братьев. Советское наступление 17 сентября почти не встретило сопротивления, ведь многие поляки думали, что русские идут спасать их. Только 737 советских солдат было убито.

28 сентября Риббентроп снова отправился в Москву. Первоначальные расхождения были улажены. В сферу влияния России переходила Литва, Германии досталась вся этнически однородная территория Польши; во многом это соответствовало границам, намеченным еще императрицей Екатериной полтора столетия назад. Первоначально Гитлер, видимо, намеревался превратить Польшу в своего рода сателлита Германии, но Сталин на это не согласился. Обе стороны договорились "не допускать на своей территории какой-либо агитации за Польшу". Это имело серьезные последствия. Гитлер утратил право предъявить даже незначительное требование уступок со стороны Польши, таким образом заранее было обречено его так называемое мирное наступление на западные державы. Еще ужаснее то, что, оказавшись под властью немцев, хозяйничавших в анонимном "генерал-губернаторстве", поляки и особенно евреи стали первыми жертвами нацистской политики расового уничтожения. Советский режим был жестоким, немецкий — отличался массовыми убийствами. За два года советские власти арестовали около $1/5$ всех поляков на присоединенных к СССР территориях. За пять лет немцы убили столько же поляков, живших на территории Германии.

Возмущенно и беспомощно следило британское правительство за советской интервенцией. Генеральный штаб утверждал, что Англия должна объявить войну Советской России, что "стратегическая обстановка будет опасной, но не безнадежной". Министерство иностранных дел Англии вносило свои коррективы, заявляя, что англо-польский союз действителен лишь в случае германской агрессии. Более того, министерство иностранных дел указывало, что британское правительство, намечая в 1920 г. линию Керзона, считало по праву принадлежащей русским ту территорию, которую теперь заняли советские войска. Но, не сумев защитить Польшу, англичане не могли дать санкцию на ее расчленение. В дальнейшем не было удобного случая признать законность наступления, предпринятого Советской Россией, и до конца второй мировой войны вопрос этот постоянно осложнял отношения между Советской Россией и западными державами.

Черчилль, в прошлом главный поборник военной интервенции против большевиков, теперь стал инициатором более реалистической политики. Он писал 25 сентября [1939 г.]: "В период страшной войны чувства отступают перед необходимостью разгромить врага". 1 октября он сказал, выступая по радио: "Лучше, если бы русские армии стояли на своих нынешних рубежах как друзья и союзники Польши, а не как захватчики... Но как бы то ни было, рубеж там, и возник Восточный фронт, который нацистская Германия не смеет атаковать". Здесь Черчилль впервые провозгласил политику, которую ему пришлось проводить с 22 июня 1941 г. до конца войны. Гитлер напал на Польшу, чтобы устранить угрозу Восточного фронта. Но уничтожение Польши привело к возникновению этого фронта, который в конечном итоге должен был уничтожить самого Гитлера.

3. Европейская война. 1939 — 1940 гг.

Закончилась польская война. Гитлер одержал полную победу. Англия и Франция, прежде столь могущественные, взирали на это безучастно. 6 октября 1939 г. Гитлер объявил в рейхстаге, что стремится заключить мир. Он сказал, что не имеет претензий к Франции, хочет дружбы с Англией и приветствовал бы конференцию для обсуждения будущего Польши и евреев. Немного помедлив, британское и французское правительства публично отвергли предложение Гитлера. В узком кругу англичане были не столь тверды. Их министерство иностранных дел высказалось насчет возможности признать завоевания немцев при условии, что поляки и чехи получают какую-нибудь внутреннюю автономию. Но было одно непреодолимое препятствие: никто больше не верил Гитлеру. Ему надо исчезнуть — сослать бы его на остров Святой Елены или в архитектурную контору и заменить Герингом.

Исходя из подобного абсурда, англичане тайно вели переговоры через шведского бизнесмена Далеруса, игравшего аналогичную роль до начала войны. Гитлеру, конечно, об этих предложениях сообщили, и они его очень позабавили, Геринга — в меньшей степени. Гитлер уже принял решение разгромить Францию и прогнать Англию с континента. Война, сказал он своим генералам, "ведется не за победу национал-социалистской Германии, а за господство в Европе", и велел им готовиться к нападению на Францию.

Союзники перешли к состоянию войны, которое прекратилось в 1918 г. Казалось, уроки последней войны усвоены. Чемберлен создал, подобно Ллойд Джорджу, Военный кабинет; Даладьё — правительство национального спасения, вроде того, какое было при

Клемансо. В сущности это были прежние правительства, сменившие названия. Единственным значительным событием стал приход Черчилля на пост военно-морского министра. Восстановили также различные министерства, существовавшие во время первой мировой войны, — морского транспорта, информации, продовольствия и т.д. Контроль и управление стали осуществляться не с третьего года войны, а с первого ее дня. Предстояло создать Союзный высший совет — те же Чемберлен и Даладье, только вывеска другая. Ввели маскировку, корабли ходили в сопровождении конвоя. Два министерства информации ведали официальными сообщениями и пропагандой. Интернировали нескольких иностранцев. Призывали резервистов. Постепенно повысили верхний возрастной предел обязательной военной службы. Вот в сущности и все новшества, связанные с войной, не считая, конечно, боев.

Руководителей союзных держав это бездействие не смущало: они надеялись, что время работает на них; Гитлер тоже так считал, но выводы сделал другие. Галифакс как-то заметил: "Пауза нам очень пригодится, и нам и французам, потому что весной мы станем намного сильнее". Англичане были твердо уверены, что нацистская экономическая система вот-вот развалится. Предполагалось, что все отдано на производство вооружения и у Германии фактически нет сырья, необходимого для ведения войны. Начальники штабов докладывали: "Немцы уже истощены, впали в уныние". Англии и Франции оставалось только удерживать свои оборонительные линии и продолжать блокаду. Германия рухнет тогда без дальнейшей борьбы. Чемберлен заявил: "Я не думаю, что нужно вести беспощадную борьбу".

Почти всю войну англичане придерживались таких совершенно неверных взглядов. Германия перевооружалась, нисколько не снижая уровень жизни: немцы хорошо питались и вполне одобряли победы Гитлера, достававшиеся так легко. Не им, а англичанам пришлось идти на жертвы. К 1940 г. Англия, где производство еще было малоэффективным, обогнала Германию по выпуску самолетов, танков и тяжелых орудий, в сущности почти всего. С 1939 по 1942 г. британские оценки более чем на 100% преувеличивали уровень германских расходов на вооружение и почти на 100% — рост расходов вообще. Гитлеру не нужно было слишком много вооружения, оно ему требовалось лишь для немедленного применения. Блокада Германии союзниками существовала только на бумаге. Эмбарго нарушили Италия, которую трудно было контролировать, и Советская Россия, которую вообще было невозможно

контролировать. Немцы получали из Советской России сырье, запасы которого не смогли создать перед войной. И кроме того, через Сибирь поезда доставляли [в Германию] необходимое из других стран.

Экономические трудности постигли Англию, а не Германию. Определенный ущерб причиняли немногочисленные подводные лодки, еще больший — германские магнитные мины. Еще до начала активизации действий подводных лодок Англия потеряла транспортные суда, общий тоннаж которых составил 800 тыс. т; среднегодовой импорт снизился по сравнению с довоенным с 55 до 45 млн т. С января 1940 г. в стране было установлено нормирование продовольствия. Подводные лодки топили и военные корабли: в сентябре 1939 г. — авианосец, в ноябре — линейный корабль на месте стоянки. В декабре англичане взяли реванш — британские силы настигли немецкий карманный линкор "Граф Шпее" в Южной Атлантике. Англичане, хотя вооружение на их кораблях было слабее, нанесли противнику значительный ущерб, и "Граф Шпее" укрылся в Монтевидео, а потом был потоплен по приказу Гитлера.

Надеясь на блокаду, союзники все же чувствовали необходимость предпринять что-нибудь более активное. Особенно французы стремились начать военные действия на периферии, чтобы предотвратить войну на своем фронте. До войны союзники замыслили военную кампанию против своего соперника — Италии. Французская армия Леванта*, примерно 80 тыс. человек, под командованием Вейгана была дислоцирована в Сирии, британские силы меньшей численности под командованием Уэйвелла — в Египте, мощные подразделения британского флота — в Александрии. К несчастью, Муссолини сохранял нейтралитет или по крайней мере "не находился в состоянии войны", и это лишало союзников удобной мишени. Но французы требовали что-нибудь предпринять. Надо было создать еще один фронт, в крупную коалицию против Германии включить Турцию, Грецию, Румынию и Югославию. Вейган говорил о походе на Вену сотни балканских дивизий. А какие силы предоставят союзники? Транспортировка из Сирии в Салоники французских войск численностью 50 тыс. человек займет три месяца. Предложение не прельстило балканские государства.

Французов это не испугало, они выступили с еще более грандиозным проектом — бомбить Баку на Каспийском море и утверждали, что это приведет к окончанию войны: немцы будут отрезаны от кавказской нефти, Советская Россия значительно ослабнет. У французов было всего 117 транспортных самолетов и 324 т бомб, самолетам пришлось бы лететь над нейтральной Турцией, бомбить

* Левант — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря.

Баку ночью, не имея точных карт. Казалось, что даже и в этом случае, после единственного налета, нефтяные промыслы выйдут из строя на 6 месяцев. Один французский самолет-разведчик пролетел над Баку; из смехотворного проекта больше ничего не вышло.

Англичан эти невероятные планы не интересовали, они стремились умиротворить Муссолини и защитить Суэцкий канал. Затем их внимание обратилось на север. Едва вернувшись в Адмиралтейство, Черчилль возродил один из наиболее привлекавших его замыслов периода первой мировой войны и предложил направить английский флот на Балтику. Специалисты решительно его поддержали. Затем он выдвинул более скромный план. Германия сильно зависела от поставок железной руды из Северной Швеции. Зимой, когда замерзало Балтийское море, эту руду доставляли через норвежский порт Нарвик. Если заминировать норвежские воды или захватить сам Нарвик, суда не смогут доставлять железную руду. Норвежский нейтралитет Черчилль игнорировал: "Небольшие нации не должны нам связывать руки, когда мы боремся за их права и свободу... Мы должны скорее руководствоваться гуманностью, чем буквой закона". Но кабинет отклонил его предложение.

Неожиданно представилась новая благоприятная возможность. Советская Россия, все еще опасавшаяся нападения Германии, несмотря на их кажущуюся дружбу, установила свой контроль над государствами Прибалтики. Латвия, Эстония и Литва неохотно уступили советским требованиям, Финляндия не подчинилась. 30 ноября советские войска вступили в Финляндию. Сталин, видимо, полагал, что в Финляндии можно поставить у власти без серьезной борьбы коммунистическое правительство. Советские войска были плохо подготовлены к зимней войне и даже к войне вообще. Вначале финны успешно оборонялись, и на Западе все были восхищены маленькой доблестной Финляндией. Французское правительство особенно было преисполнено энтузиазма. Коммунисты и в Англии, и во Франции с самого начала поддерживали СССР. Британских коммунистов почти не принимали в расчет, а французские вызывали страх, их партию объявили вне закона. Теперь появилась возможность дискредитировать их окончательно. Кроме того, правые силы во Франции, не одобрявшие войну против Гитлера, приветствовали бы войну с Россией. Даладье, французский премьер-министр, наконец-то станет подлинным лидером страны. И еще один плюс: любой поход потребует участия британских военно-морских сил, Англия больше не сможет уклоняться, будет нести свою долю военных тягот.

И британское правительство было захвачено ходом событий. 14 декабря Советская Россия была официально исключена из Лиги Наций. 19 декабря англо-французский Высший военный совет принял решение помочь Финляндии. Но как добраться туда? Даладье нашел простой выход: надо просить, чтобы Норвегия и Швеция вели себя как лояльные члены Лиги Наций и надеялись, что западные державы защитят их от любой ответной акции со стороны России или Германии. Норвегия и Швеция не приняли на себя таких обязательств и подтвердили свой нейтралитет. Но обе западные державы не впали в отчаяние: если нельзя добиться от Норвегии и Швеции сотрудничества, обойдемся без него. Будут сразу же направлены войска в Нарвик. Но возникли трудности. Нужны были три недели для высадки в Нарвике и еще одиннадцать, чтобы перебросить союзные войска из Нарвика к шведской границе. Там шведы могли их остановить, нарушив энергоснабжение. Кроме того, стоял вопрос об оккупации Тронхейма, Бергена и Ставангера. К январю 1940 г. для осуществления операции требовалось уже 100 тыс. человек. Черчилль был в отчаянии: даже минимальный план — перекрыть маршрут, по которому доставлялась железная руда, — осуществить не удалось. Но именно это заставило британское правительство согласиться на французский, более крупный, план, хотя, конечно, британское правительство не хотело в отличие от французского быть вовлеченным в войну с Россией.

Союзным правительствам понадобилось время. Нужно было подготовить припасы и военно-морские силы, перебросить войска. К 12 марта поход на Нарвик был подготовлен: четыре эскадры крейсеров, четыре флотилии эскадренных миноносцев и войска численностью 14 тыс. человек. Чемберлен спросил генерала, которому предстояло принять командование: "Что вы сделаете, если натолкнетесь на сопротивление?" Генерал уклонился от ответа. Галифакс сказал: "Ну, железо там или не железо, но если добраться можно лишь ценой гибели многих норвежцев, я — против". Чемберлен пожал генералу руку и сказал: "До свидания, удачи вам, если поход состоится". Но в тот же вечер пришло сообщение: финны, безнадежно разбитые, приняли советские условия и заключили мир. Генерал не смог отправиться даже в Глазго, не то что в Нарвик.

Опять союзники были дискредитированы, они объявили о своем намерении помочь Финляндии, но не смогли. Во Франции ушел в отставку Даладье, его сменил Поль Рейно, деятель более энергичный, но без политических последователей. 28 марта он отправился в Лондон на заседание Союзного высшего совета и там требовал предпринять немедленные действия. В ответ англичане снова предложили план минирования норвежских вод, чтобы пе-

рекрыть маршрут доставки железной руды. Если Германия нанесет ответный удар — тем лучше. Черчилль заявил: "Мы больше выиграем, чем проиграем, от нападения Германии на Швецию и Норвегию". 4 апреля Чемберлен сказал: "Гитлер упустил возможность". Устанавливать мины собирались 5 апреля, экспедиционные силы послать лишь в случае, если Германия вмешается. Затем наступила пауза. Черчилль хотел также пустить мины по Рейну, французы возражали, боясь ответного удара Германии; такое же противодействие в Норвегии их не страшило. С разногласиями разобрались, и 8 апреля началась установка мин. Таким образом, формально англичане первыми нарушили норвежский нейтралитет.

Но не только они. В начале войны Гитлер беспокоился о сохранении нейтралитета Норвегии, который был ему выгоден, как и шведский. В январе 1940 г. его встревожили слухи об англо-французском выступлении в защиту Финляндии. Еще больше он встревожился 16 февраля, когда британский эсминец загнал немецкое судно "Альтмарк" в норвежские территориальные воды и освободил находившихся на нем британских военнопленных. 1 марта он приказал готовить вторжение в Норвегию. Военные советники предлагали наступление на суше, требовавшее огромных усилий. Гитлер не согласился: слишком медленно. Британские морские силы успеют осуществить свои задачи. Он настаивал, что надо произвести высадку морского десанта и в дополнение к ней — выброску парашютного десанта. Таким образом, держава, чьи морские силы были слабее, фактически использовала море в борьбе против более сильной морской державы. Это было первым прямым вмешательством Гитлера в разработку стратегии, оно оказалось очень успешным и предвещало еще более крупные успехи.

5 апреля германские военные корабли и торговые суда, имея на борту войска численностью примерно 10 тыс. человек, двинулись к побережью Норвегии. Англичане, думая лишь о собственном предстоящем походе, приняли меры предосторожности против нападения германских военно-морских сил, но не приняли мер на случай германского вторжения в Норвегию. Благодаря скорее поразительному всплеску удачи, чем предусмотрительности, Гитлер опередил англичан на 24 часа: 9 апреля германские войска вступили в Данию и Норвегию, их морские десантники захватили Осло, Берген, Тронхейм и Нарвик. Дания, фактически беззащитная, сдалась без боя и стала германским протекторатом на все время войны. В Осло норвежцы, хотя и застигнутые врасплох, все же сопротивлялись и потопили крейсер "Блюхер". Норвежскому королю удалось бежать и поднять в стране знамя Сопротивления.

Вначале союзники радовались, и казалось, что Гитлер совершил огромную ошибку. Черчилль заявил: "Любой германский корабль, который войдет в проливы Скагеррак и Каттегат, будет потоплен". Последовала полная неразбериха. Следуя инструкциям Адмиралтейства, британский флот гонялся за воображаемыми немецкими крейсерами, вместо того чтобы готовиться к высадке. А когда отправили наземные силы, это в основном была недостаточно подготовленная территориальная армия, не оснащенная для высадки десанта в условиях противодействия противника. Противоречивы были мнения относительно того, где высаживаться. Черчилль хотел вернуть Нарвик. Военный кабинет ради политической демонстрации настаивал на Тронхейме.

Начальники штабов сочли это слишком опасным и решили ограничиться захватом противника в клещи из Намсуса и Ондальснеса, двух рыболовных портов, где вряд ли можно было осуществить даже мелкие высадки. Англичане, к своему удивлению, обнаружили, что большинство норвежских аэродромов уже в руках немцев и их армия и флот не могут действовать в пределах досягаемости немецкой авиации. Поход союзников окончился сокрушительным провалом. Войска высадились в Намсусе и Ондальснесе, но 2 мая им пришлось оттуда уйти. 28 мая англичане действительно взяли Нарвик. Но к тому времени это событие заслонили более крупные, которые произошли во Франции. Нарвик был эвакуирован 8 июня, при этом потоплены авианосец "Глориес" и два эсминца.

Король Норвегии со своим правительством бежал в Англию и присоединил к британскому морскому флоту суда, общий тоннаж которых составлял свыше миллиона тонн. Германский военно-морской флот сильно пострадал: погибло 3 крейсера и 10 эсминцев, было временно выведено из строя 2 тяжелых крейсера и карманный линкор. Летом 1940 г. германские военно-морские силы почти перестали существовать: остались тяжелый и 2 легких крейсера и 4 эсминца. Все это оказалось весьма кстати, когда Гитлер пытался вторгнуться в Англию. Но пока англичане заметили только свое унижение и провал. Их гнев обратился против Чемберлена, и, напротив, они с энтузиазмом воспринимали Черчилля. На деле, санкционировав норвежскую кампанию, Черчилль больше не имел к ней никакого отношения, она — плод его импульсивности и внутренней неразберихи. Но люди учитывали прошлое. Чемберлен расплачивался за политику умиротворения, Черчилль был вознагражден за годы безвестности. По иронии судьбы, неудача кампании, которой в большей мере руководил Черчилль, привела к падению Чемберлена и возвышению Черчилля.

7 и 8 мая в палате общин состоялись дебаты по поводу норвежской кампании. Лео Эмери обратился к правительству: "Ради Бога, уходите!" Ллойд Джордж просил Чемберлена показать пример самоотверженности — уйти в отставку. В конце дебатов 41 депутат из числа сторонников правительства голосовал заодно с оппозицией и немногим более 60 воздержались. Чемберлен пытался реорганизовать свое правительство, но после некоторого колебания лейбористы отказались в нем участвовать. Днем 9 мая Чемберлен, Черчилль и Галифакс обсуждали дальнейший ход событий. Галифакс осторожно заметил, что члену палаты лордов трудно быть премьер-министром "в условиях такой войны". Однако Черчилль охотно возложил на себя это бремя. Днем 10 мая 1940 г. он стал премьер-министром, и в нужный момент: в то утро началась настоящая война: германские армии вторглись в Бельгию и Голландию.

Черчилль принял вызов и заявил 13 мая в палате общин:

"Я ничего предложить не могу, кроме крови, труда, слез, пота... Вы спрашиваете, какова наша политическая программа? Я отвечу: воевать — на море, на суше, в воздухе, всей мощью, всеми силами, какие нам пошлет Господь... Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом — победа. Победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, каким бы ни был долгим и трудным путь к ней".

Его речь считают началом периода национального единства. Ничего подобного. Консерваторы не так легко забыли свое поражение. В палате общин они стоя приветствовали Чемберлена. Лейбористы приветствовали Черчилля, пока не были потоплены в Ороне французские линкоры. Галифакс и, возможно, Чемберлен все еще жаждали мирного компромисса. Национальное единство наступило лишь после эвакуации из Дюнкерка и "битвы за Англию", когда английский народ один, без союзников, победил.

В 1939 г. было очевиднее, чем в 1914-м, что если и произойдут опасные бои между Германией и союзниками, то именно в Бельгии. Линия Мажино вдоль франко-германской границы надежно обеспечивала безопасность Франции, а также, хотя это осознавалось в меньшей мере, безопасность Германии. Французы считали эту линию исключительно оборонительной и не имели возможности делать оттуда вылазки, какие, к примеру, совершали римляне из-за своей стены на севере Британии. Немцы были так в этом уверены, что со своей стороны границы предприняли меньшие меры предосторожности, направив туда втрое меньше вооруженных сил, чем Франция, — 19 дивизий против 59. Так линия Мажино помогала немцам и ослабляла французов.

Линия была волнорезом, отводившим поток немецких войск в Бельгию. По сравнению с линией Мажино бельгийские укрепления ничего не стоили. До 1936 г. Франция была союзником Бельгии и по крайней мере могла рассчитывать на франко-бельгийское военное сотрудничество. Затем Бельгия перешла на позиции нейтралитета. Граница между Францией и Бельгией была длиннее, чем линия Мажино, ее укрепление обошлось бы немыслимо дорого, и французы этим заниматься не стали. Таким образом, бельгийский нейтралитет был единственной их защитой от Гитлера. Вряд ли достаточной.

В начале войны британские экспедиционные войска — сначала 4 дивизии, потом к началу боев они выросли до 10 — были перебросены во Францию и размещены вдоль бельгийской границы. Объективно оценивая уроки первой мировой войны, британское правительство подчинило британские экспедиционные войска французскому главнокомандующему Гамелену. Это было менее удачное решение, как могло показаться. Гамелен передал свои полномочия командующему французскими армиями Западного фронта, а тот в свою очередь — французскому генералу, командовавшему на северо-востоке. Виконт Горт, командир британских экспедиционных войск, не понимал, кому он подчиняется. Англичане поспешно возвели кое-какие элементарные укрепления, а когда Хор-Белише, военный министр, стал их критиковать за несоответствие необходимым требованиям, его освободили от занимаемой должности. Всю зиму царило сонное затишье на бельгийской границе и на линии Мажино.

Гамелен пытался согласовать с бельгийцами свои планы, но те не хотели, чтобы их втянули в военные действия. Они даже часть войск передвинули к французской границе, чтобы не допустить никакого англо-французского вторжения. Черчилль возмущался бельгийским нейтралитетом, но, естественно, союзники с их высокими принципами не могли его нарушить. Вдобавок не могли сохранить свой политический престиж, оставаясь безучастными зрителями во время нападения Германии. Кроме того, утверждали, что вступление в Бельгию сократит границу союзников. Гамелен вначале планировал только продвижение к реке Шельде, затем его амбиции возросли. При таком наступлении нельзя было помочь Голландии, которая тоже, казалось, была под угрозой. Гамелен замыслил более крупное наступление на рубеж реки Диль, а затем дальше — в район Бреда. Жорж и другие французские генералы не одобряли этот план, тогда Гамелен сказал им, что с точки зрения политической такое наступление необходимо. И у Горта были сомнения, которых он, правда, британскому правительству не высказывал.

Гамелен фактически бросил в наступление все свои регулярные дивизии и все британские экспедиционные войска. Он был уверен, что таким образом будет спровоцирована решающая битва; это действительно произошло, но вовсе не так, как он рассчитывал. Гамелен также надеялся добавить к своим войскам 22-ю бельгийскую дивизию и 10-ю датскую; он рассчитывал, что координацию действий можно производить на поле боя, без предварительных обсуждений, что союзные войска смогут пройти 145 миль, в то время как немцам надо будет пройти 70 миль. Все зависело от качества бельгийских укреплений.

Гамелен считал само собой разумеющимся, что немцы поведут наступление на своем крайнем правом фланге, как в 1914 г. Вначале так и было. В октябре 1939 г., когда Гитлер объявил о своем решении атаковать на западе, немецкие генералы отнеслись к этому с большим сомнением. Один из них сказал: "Франция не Польша". Гитлер настаивал, и Генеральный штаб неохотно составил именно тот план, который Гамелен предвидел. Речи не было о решающей победе, речь шла только о занятии территории; это заставило бы союзников уйти из Голландии и Бельгии и обеспечило бы Руру большую безопасность. Гитлер был недоволен планом, он указал южнее, на Арденны, и спросил: "А здесь можно пройти?" Генералы ответили, что нельзя, если не будет уверенности, что ударные силы союзников двинутся в Бельгию (что Гамелен действительно собирался сделать). Гитлер отказался от своей идеи, а затем ее подхватил и развил Манштейн, начальник штаба группы армий "Центр". Но планы Манштейна до Гитлера не дошли.

Немецкое наступление должно было начаться 12 ноября. Из-за плохой погоды пришлось его отложить, затем после дальнейших отсрочек его назначили на 17 января 1940 г. И тут вмешалась судьба — помог случай. 10 января немецкий офицер в Кёльне опаздывал к месту службы, и друг предложил доставить его туда самолетом. Но самолет сбился с курса и совершил вынужденную посадку в Бельгии. Офицер вез с собой планы вторжения, которые не смог уничтожить; бельгийцы передали их союзникам. Планы явились тем подтверждением, которое так нужно было Гамелену, он еще больше войск отправил в Бельгию. А в Германии наступление было отменено; Манштейн, вызвавший своими настояниями недовольство Генерального штаба, был командирован в Восточную Германию. Путь его лежал через Берлин; там он обратился к Гитлеру и рассказал о своем плане. Гитлер пришел в восторг, а Генеральный штаб во главе с Гальдером уступил и обстоятельно разработал детали. Таким образом, в составлении плана участвовали все трое — Гитлер, Манштейн и Гальдер. Неформальный подход Гитлера сыграл здесь главную роль.

Согласно новому плану, немцы будут наступать в центре. Бок с 30 пехотными и 3 бронетанковыми дивизиями заманит союзников на север. Лееб с пехотными дивизиями будет производить отвлекающие маневры вдоль Рейна. Рундштедт с 50 пехотными и 7 бронетанковыми дивизиями одержит победу. В Седане, главном пункте прорыва, ему будут противостоять 3 наиболее слабые французские дивизии. Но французы не верили, что наступление через Арденны возможно. Они даже не стали воздвигать заграждения, чтобы не помешать действиям своей кавалерии. Они считали, что всегда смогут в случае необходимости двинуть в бой резервы.

Впоследствии часто говорили, что союзники были гораздо хуже оснащены. Это не совсем верно. У союзников было 3200 танков, у немцев — около 2700, притом некоторые французские танки по своей мощности превосходили немецкие. Но французские танки были размещены во всех армиях, а немецкие — сосредоточены в бронетанковых дивизиях на решающих участках. Немцы имели заметное превосходство в воздухе, их авиация была предназначена для четкого взаимодействия с наземными войсками. Пикирующие бомбардировщики имелись только у немцев. Англичане, у которых тоже было достаточно бомбардировщиков, намеревались осуществлять налеты на Рур и другие "стратегические объекты", а не участвовать в боях. Многие британские истребители находились в Англии для ее защиты.

Немцы не использовали два новых вида оружия, о которых широко распространилась молва среди противников Германии. "Пятая колонна", состоявшая из предполагаемых предателей, — плод охваченного паникой воображения, — ее на самом деле не было. И Германия не рассчитывала на бесчисленных, падающих с неба парашютистов; ее воздушно-десантные силы численностью 4 тыс. человек понесли большие потери еще при захвате голландских мостов и аэродромов. До конца мая многие сотни тысяч англичан вступили в местные добровольческие отряды обороны, чтобы защитить свои деревни от немецких парашютистов, которых ожидали в любой момент; хотя немцам не требовалось сбрасывать десанты, они быстротой мысли и действий побеждали генералов, сохранявших неторопливый темп, присущий первой мировой войне.

Кампания началась 10 мая с немецкого вторжения в Голландию и Бельгию. Голландская армия отступила сразу. 13 мая королева и правительство отправились в Англию вместе с большей частью голландского военно-морского флота. 14 мая Роттердам сдался. Немцы бомбили его по ошибке, когда шли уже переговоры о капитуляции. Убито было примерно 900 жителей; число погибших ми-

нистр иностранных дел Голландии увеличил до 30 тыс. Эту фантастическую цифру до сих пор часто повторяют. 15 мая прекратились бои в Голландии. Французские войска, двигавшиеся к ней на помощь, так и не соединились с голландцами.

Бельгийцы рассчитывали на свою мощную крепость в Эбен-Эмаэле, но германские саперы захватили ее простым способом — высадились с планеров на ее крышу и забросили через вентиляционные шахты взрывчатку. 12 мая бельгийцы отошли от рубежа реки Маас. Через два дня британские и французские войска соединились с бельгийцами, начав затем координировать совместные оборонительные действия. 15 мая союзники столкнулись с более трудной задачей; она состояла не в том, как защитить Бельгию, а в том, как из нее выбраться. Немцы прорвались южнее, на рубеже Мааса у Седана.

Это был страшный удар; его нанесли по инициативе Гитлера; такой план действий отстаивал Манштейн, детально разработал Гальдер, а исполнителем предстояло стать Гудериану, командующему немецкими бронетанковыми войсками. Гудериан больше всех остальных генералов уповал на скорость. Это сразу проявилось. По расчетам генеральных штабов, германского и французского, немцам потребовалось бы девять дней, чтобы выйти к реке Маас. Гудериан сказал — четыре, а прибыл за два дня. Можно с предельной точностью установить, в какой именно момент Франция потерпела поражение, до конца войны перестав быть великой державой. В 15 часов 13 мая первый немецкий солдат переправился через Маас. Сопротивление французов было слабым, несогласованным. На рассвете следующего дня переправились немецкие танки, а к 15 мая путь Гудериану был открыт, он ринулся вперед вопреки приказам армейского командования задержаться, вопреки даже аналогичным приказам Гитлера, который на миг засомневался. Германские танки мчались беспрепятственно по свободным дорогам, а когда кончалось горючее, танкисты останавливались у ближайшей бензоколонки, заправлялись бензином, ничего не платя за него, и продолжали путь.

А севернее танки Роммеля тоже переправились через Маас на канатном пароме и ринулись к Авену. Это был не столь решающий удар, но благодаря ему Гудериан избежал неприятностей на правом фланге. Германское верховное командование больше беспокоило его левый фланг. Здесь победа зависела от скорости немецкой пехоты. У немцев было три моторизованные пехотные дивизии, остальная пехота шла пешком, как в 1914-м, следом лошади тащили повозки с припасами. И скорость была та же, что и тогда: 40 миль в день; шли почти неделю. 17 мая, когда французы пытались предпринять контратаку, они наткнулись на крепкую оборону левого фланга

Гудериана. Одну из атак возглавил де Голль, малоизвестный тогда бригадный генерал, и впоследствии она стала примером того, что могут французы, если их генералы, как де Голль, исполнены отважной решимости. Но фактически еще до того, как удалось вплотную подойти к противнику, воздушный налет прервал атаку де Голля, Гудериан даже не стал о ней докладывать в штаб. Справедливо, хотя и весьма обидно, прозвучало приведенное Элистером Горном высказывание д-ра Джонсона: "Муха, сэр, может укусить могучую лошадь, но она все-таки лишь насекомое, а лошадь все равно остается лошадью". Ушло время, когда еще можно было отсечь головной отряд немцев.

Первым понял, что произошло, Рейно. Утром 15 мая он позвонил Черчиллю: "Мы разбиты: мы проиграли сражение". Черчилль ему не поверил, но убедился, что Гамелен и Жорж вполне спокойны. Однако вечером у Гамелена сдали нервы, и он объявил: "Это гибель французской армии". 16 мая Черчилль вылетел в Париж — ему сообщили, что через пару дней там будут немцы. Дым от горящих документов плыл над садом французского министерства иностранных дел. Жители покидали Париж, забив все дороги, ведущие на юг. Черчилль спросил Гамелена: "Где стратегический резерв?" Гамелен ответил, что резерва нет. Но Черчилль настаивал: "Когда и где вы собираетесь контратаковать?" Гамелен сказал: "У нас меньше численность, хуже оснащение, слабее методы". Он пожал плечами — и в историческом смысле ушел в небытие.

Черчилль пытался воодушевить французов, обещал, что во Францию будут направлены 10 эскадрилий истребителей. Согласие Военного кабинета было получено по телефону. Однако по возвращении в Англию Черчилль наткнулся на сопротивление этому решению. Сэр Хью Даудинг, командующий истребительной авиацией, настаивал, что для обороны Англии ему нужно 52 эскадрильи, между тем их всего 36, а если еще посылать во Францию, то скоро ничего не останется. Даудинг призвал на помощь Военный кабинет, показал график прежних потерь, говорил о потерях будущих. Военный кабинет Даудинг убедил: члены кабинета согласились, чтобы эскадрильи действовали над французской территорией, но вылетали туда с английских баз. Через день или два немцы разгромили большинство баз, с которых английские самолеты могли вылетать во Францию; спор стал беспредметным. Но все же график Даудинга явился первым шагом на пути к победе в "битве за Англию".

Немцы не вступили в Париж 18 мая. И не собирались это делать. Гудериан устремился к морю. 20 мая его танки заняли Амьен, затем Абвиль. В тот же вечер они вышли на побережье у Ноэла, пройдя за 10 дней 200 миль. Еще севернее, в Бельгии,

отступали союзники -- англичане за Шельду, французы к югу от Лилля. 19 мая Горт обсуждал ситуацию со своим французским начальником Бийотом, который сказал, что придется отступать к Сомме. Горт с нетерпением глядел на Дюнкерк и порты на берегу пролива. Горт, полководец не из выдающихся, не занимал пост начальника имперского Генерального штаба, и его назначили командующим британскими экспедиционными войсками просто как лучшего фронтового генерала. И теперь он принял смелое независимое решение: спасти свою армию. Вечером 19 мая он сообщил Военному кабинету, что, возможно, придется подумать об эвакуации. На следующий день Айронсайд, начальник имперского Генерального штаба, прибыл с официальным приказом: Горт должен пробиваться на юг. Но Горт отказался. Из его 9 дивизий 7 вели бои с германской группой армий "Б" на севере и не могли выйти из боя. Айронсайд заметил: "Ситуация отчаянная. Господи, спаси британские экспедиционные войска, доведенные до такого положения некомпетентностью французского командования".

Эта некомпетентность дошла теперь до высшей точки. 19 мая Гамелен проснулся наконец и составил чисто теоретическое заключение, из которого следовало, что немецкий передовой отряд надо отрезать. Он отправил это свое заключение Жоржу, который не обратил на него никакого внимания. Через несколько часов Гамелен узнал от Рейно о своем увольнении. Рейно пригласил двух героев первой мировой войны, Петена и Вейгана: 84-летний Петен вошел в правительство, а 73-летний Вейган стал главнокомандующим. Он похлопал по своему портфелю со словами: "В моем распоряжении секреты маршала Фоша". Портфель был пуст. Вейган отменил приказ Гамелена о совместном наступлении, а затем, утомленный, поскольку летел из Сирии самолетом, лег спать и проспал 24 часа. 21 мая он вылетел во Фландрию. С Гортом ему встретиться не удалось. Король Леопольд III сообщил ему, что бельгийская армия держаться больше не в силах. Бийот, французский командующий, встретился с Вейганом, но вскоре погиб в дорожной катастрофе.

Французы не знали, что Горт честно старался вырваться из немецкого окружения, хотя мог бросить на прорыв лишь два батальона, где было в общей сложности всего 16 танков. 21 мая в Аррасе эти небольшие силы атаковали немцев, и, хотя немцы были гораздо сильнее, их это очень встревожило. Роммель заявил, что его атакуют 5 танковых дивизий. Но к вечеру англичане выбились из сил, возникла опасность окружения. Пришлось отступить. 22 мая аналогичную попытку предприняли французские войска, но с

еще меньшим результатом, а 24 мая атаковали на юге — результатов никаких. Передовой отряд немцев стал теперь крепкой линией обороны, прорвать ее не было возможности. На севере армии союзников оказались безнадежно отрезанными.

В этот решающий момент наступление немцев на несколько дней задержалось. Рундштедт, по-прежнему считая французов той страшной силой, какой они были в первую мировую войну, волновался за свой южный фланг и решил прибегнуть к танкам для второго периода кампании. Гитлер это решение одобрил — он тоже опасался французской армии. После войны хитроумные теоретики высказывали предположение, что Гитлер намеренно щадил англичан, чтобы заключить с ними добрый мир. Ничего подобного. Немцы просто еще не поняли масштабов своей победы.

25 мая Горт решил, что французы не способны контратаковать и он должен спасти свою армию. Решимость его укрепилась 27 мая, когда сдалась бельгийская армия. Бельгийское правительство уехало сначала во Францию, затем в Лондон, Леопольд III остался в качестве военнопленного; за это решение его много и незаслуженно критиковали. Он в сущности принес большую пользу: мужественное сопротивление бельгийской армии дало возможность англичанам укрепить свои оборонительные рубежи вокруг Дюнкерка. 27 мая началась эвакуация британских экспедиционных войск. Предполагалось, что спасено будет лишь около 10 тыс. человек. Черчилль предупредил палату общин, что следует подготовиться к неприятным, тяжелым вестям.

Эвакуация оказалась успешной сверх всяких ожиданий. Похвальба Геринга на деле не оправдалась. Британские истребители нанесли немецким бомбардировщикам тяжелый урон, какое-то время мешала немцам и низкая облачность. Эсминцы забрали большинство людей, кроме того, в эвакуации участвовало 860 разнообразных судов — прогулочных, одномачтовых рыболовных, речных паромов. К 4 июня, когда закончилась эвакуация, в Англию были доставлены 340 тыс. человек (из них 200 тыс. англичан и 140 тыс. французов). Это дорого обошлось: погибли 6 эсминцев и 177 истребителей, британская экспедиционная армия потеряла все танки, орудия, автомобильный транспорт. Многие солдаты потеряли винтовки. Лишь британские гвардейцы были непоколебимо спокойны: сошли в Дувре на берег строем, вымытые, выбритые, в начищенных до блеска сапогах.

Эвакуация из Дюнкерка была воспринята в Англии как замечательный успех, почти победа, а во Франции она вызвала тяжелые переживания. Под угрозой поражения англичане всегда предпринимали эвакуацию — так было в Уолчерне в 1809 г., в Галлиполи в 1915-м, а теперь в Норвегии и Дюнкерке. Метод французов —

отойти и укрыться в крепости, так поступил в Меце Базен* в 1870 г. Поэтому они приняли участие в эвакуации неохотно и с опозданием. Черчилль обещал, что англичане и французы будут эвакуированы "в тесном содружестве". Означало ли это, что, поскольку английские войска уже отбыли, теперь, пока не эвакуируют равное число французов, англичан больше не будут отправлять? Или это означало, что эвакуировать будут в соответствии с числовым соотношением вклинившихся в расположение немцев англичан и французов (5:1), или просто равное число англичан и французов?

Генерал Александер (принявший командование, когда Горт был отозван), не имея ясных указаний из Лондона, решил придерживаться третьего толкования. В результате во Франции остались 150 тыс. французских войск. В сущности именно их упорная оборона дала возможность англичанам эвакуироваться так успешно. Эти французские войска попали в плен, что не способствовало росту дружеских чувств французов в отношении к англичанам.

Остальная часть кампании была всего лишь ее эпилогом. Вейган, верный методам первой мировой войны, намеревался удержать рубеж на Сомме с 50 дивизиями — это было все, что у него осталось. 5 июня немцы начали наступление, через два дня прорвали оборону противника. Часть немецких войск устремилась через Нормандию в Бретань, другая — через Шампань и захватила в тылу линию Мажино, третья двинулась на юг, за Лион. Французское правительство уехало в Тур, затем в Бордо. 14 июня немцы вступили в Париж, прошли маршем по Елисейским полям. В Нормандию были направлены 2 британские дивизии под командованием генерала сэра Алана Брука. Но он вскоре понял, что кампания проиграна, и 15 июня его войска были эвакуированы, вместе с ними — 10 тыс. поляков. Прошло почти четыре года, прежде чем британские войска возобновили боевые действия на земле Франции.

10 июня объявил войну Муссолини. Итальянская армия была слабо вооружена: единственные пригодные орудия, которые у нее имелись, были захвачены еще в конце первой мировой войны у австрийцев. Муссолини это не беспокоило: ведь война заканчивается, если немедленно не объявить войну, он потеряет место за столом мирной конференции. Итальянская армия втрое превосходила по численности французскую, но до прекращения боев успела пройти лишь несколько сот метров и вступила в Ментону.

* Во время франко-прусской войны командующий корпусом и Рейнской армией.

Эти дни были свидетелями смертельной агонии англо-французского союза, который в предыдущие 20 лет, казалось, играл руководящую роль в международных делах. Черчилль дважды посетил Рейно, стараясь укрепить его слабеющие моральные силы. Обсуждались фантастические планы: создание укрепленного редута в Бретани; обращение к президенту Рузвельту, которое заставит Новый Свет прийти на помощь Старому. Взгляды союзников коренным образом расходились. Французы полагали, что лишь оборона Франции имеет значение, что надо пожертвовать британскими истребителями и экспедиционными войсками; они возмущались тем, как англичане их покинули. Англичане беспокоились о том, чтобы война продолжалась, и полагали, что французское правительство должно уехать из Франции в эмиграцию, как делали другие правительства. Превыше всего они стремились сохранить французский флот — это дало бы им возможность по-прежнему господствовать на море, без него им грозила большая опасность; если он действительно попадет в руки немцев, то война вполне может оказаться проигранной. Они требовали, чтобы французский флот отправился в британские порты, хотя несколько недель спустя были глубоко возмущены подобным требованием Рузвельта — чтобы их собственный флот отправился в американские порты.

13 июня Черчилль, Галифакс и Бивербрук встретились в Туре с Рейно в последний раз. Черчилль говорил о защите французского флота. Рейно просил разрешения заключить перемирие. Британские политики вышли в сад, чтобы там обсудить свой ответ. Бивербрук сказал: "Здесь толку не будет. Поедьте домой". Без дальнейших разговоров англичане уехали.

Это был конец англо-французской коалиции. В последовавшей затем неразберихе британское требование о переводе французского флота в безопасное место больше прямо не выдвигалось перед французским правительством. 16 июня этот вопрос не стали затрагивать, предпочли выдвинуть предложение о нерушимом союзе обеих стран — это была последняя попытка оживить угасавший союз. Но французы надменно отвергли предложение. Рейно ушел в отставку, Петен стал премьер-министром и сразу предложил немцам перемирие. Тут Гитлер проявил умеренность и политическое мастерство; он притворялся умеренным и в январе 1933 г., когда стал германским канцлером. Ему нужно было заставить французское правительство функционировать; еще больше он стремился не допустить, чтобы французский флот и колонии перешли к Англии. Когда состоялись переговоры в салоне-вагоне Фоша, где 11 ноября 1918 г. было подписано [Компьенское] перемирие, условия были предложены приемлемые. Хотя германская оккупация сохранится в Северной Франции и на всем побережье до испанской

границы, территория к югу от Луары останется свободной и французское правительство (оно вскоре обосновалось в Виши) будет осуществлять гражданскую власть во всей стране. Французский флот надо было разоружить в портах приписки, но Гитлер обещал его оставить Франции. Перемирие подписали 22 июня. Победа Германии над Францией была полной. Германия потеряла убитыми 28 тыс. солдат — ненамного больше, чем Англия в первый день битвы на Сомме в 1916 г. Германские боеприпасы были истощены, Гитлера, однако, это не беспокоило. Как он и предвидел, их в точности хватило. Его стратегическая проницательность подтвердилась. Его провозгласили "величайшим полководцем всех времен", и ни один германский генерал более не смел усомниться в его указаниях.

Для подавляющего большинства французского народа война закончилась — так по крайней мере казалось; правительство Петена в Виши осуществляло политику лояльного сотрудничества с немцами, позволяя себе лишь слабые, бесплодные протесты по поводу чрезмерных налогов, которые немцы взимали на содержание своей оккупационной армии. Единственное омрачало согласие: Шарль де Голль бежал в последний момент из Бордо в Лондон. Он был очень молодым офицером. Но постарше не нашлось, чтобы стать во главе Сопротивления. Он обратился к французскому народу с призывом продолжать борьбу. Де Голль сказал: "Франция проиграла сражение, но не войну". Лишь несколько сот французов откликнулись на его призыв. Британское руководство признало его лидером свободных французов, которые отнюдь не являлись французским правительством, даже правительством в изгнании.

Французский флот по-прежнему был в опасности. 24 июня Дарлан, главнокомандующий военно-морскими силами Франции, дал указание командирам кораблей топить свои суда, если возникнет малейшая опасность, что они попадут в руки немцев. Англичане об этом не знали. Во всяком случае они не могли полагаться на слова Дарлана, а на обещание Гитлера — тем более. Немногочисленные французские корабли в британских портах были легко разоружены, хотя несколько французских моряков при этом все же погибли. В Александрии французы разоружили собственные корабли после соглашения между британскими и французскими генералами. Самые мощные силы находились в Мерс-эль-Кебуре, возле Орана. 3 июля адмирал Сомервилл выполнил решение, которое Черчилль называл "самым отвратительным, самым жестоким и мучительным из всех, в исполнении которых я когда-либо участвовал". Сомервилл предъявил ультиматум: французские корабли должны отправиться в британские порты или в Соединенные Штаты, в противном случае моряки сами должны их потопить в течение

шести часов. Французский адмирал отказался выполнить эти требования. И в шесть часов вечера Сомервилл открыл огонь. 1 французский линкор ушел в Тулон, 2 линкора и 1 линейный крейсер были уничтожены; погибли 1300 французских моряков. В Англии и США решительные действия англичан были встречены с одобрением. Впервые в палате общин консерваторы откровенно поддержали Черчилля: "Все голоса слились в священном громовом аккорде". Но французы восприняли события по-другому: опять они оказались жертвами британского эгоизма. Французское правительство, не объявляя войны, разорвало дипломатические отношения с Англией. Так печально закончилось давнее партнерство.

4. Война на большом расстоянии. 1940 — 1941 гг.

Такого триумфа еще не было в истории Европы. По масштабам успеха к Гитлеру приближался лишь Наполеон, однако ему для создания империи потребовалось десять лет и три кампании; кульминацией последней из них стал Аустерлиц, принесший тяжелые потери. К тому же создание империи не было завершено; Пруссия сохраняла небольшую независимость, Австрия — значительную. А Германия добилась меньше чем за год господства на всем континенте к западу от Советской России при минимальной потере людей и средств. Победа над Францией многократно окупилась. Немцы обнаружили в хранилищах достаточные запасы нефти для битвы за Англию и для первой крупной кампании в России. А взимание с Франции оккупационных расходов обеспечило содержание армии численностью 18 млн человек.

Устанавливалось германское господство с помощью разнообразных средств — от аннексии или прямого правления до формально равного партнерства с Италией. До войны Германия присоединила к себе Австрию и Судетскую область Чехословакии, затем Данциг и Западную Польшу вслед за первыми своими победами, позже — Эйпен и Мальмеди в Восточной Бельгии. Фактически были также аннексированы Люксембург, Эльзас и Лотарингия. Эльзасцы были призваны в германскую армию и совершили одно из самых тяжких военных преступлений — перебили все население французской деревни Орадур-сюр-Глан. Часть Польши, не аннексированная ни Германией, ни Советской Россией, попала под непосредственное управление Германии — как ни удивительно, это был единственный район Европы, оказавшийся в таком положении; затем эта часть была присоединена к оккупированной территории России. Здесь имелось анонимное генерал-губернаторство во главе с нацистским

тираном Гансом Франком, где с самого начала осуществлялись нацистская доктрина расового превосходства и геноцид. Бельгия и оккупированная зона Франции находились под властью германской военной администрации лишь номинально, до того, как будет побеждена Англия. У немцев имелось также одно заморское владение — Нормандские острова, которыми от имени короля Георга VI управляли немцы. Во время освобождения некоторые жители островов, арестованные за выступления против немцев, были отправлены в тюрьму Винчестера отбывать до конца свои сроки.

На месте Чехии был создан протекторат Богемии и Моравии, президент и министры которого были чехами. На деле они подчинялись германскому наместнику — сначала Нейрату, затем Гейдриху, эсэсовскому террористу, и, наконец, Фрике. В 1942 г. два чешских парашютиста убили Гейдриха. Это повлекло за собой варварские ответные меры, в том числе знаменитое разрушение Лидице и запомнившееся в меньшей мере разрушение Лезаки, другой деревни возле Праги.

Правительства Голландии и Норвегии были немного более независимы, находясь под контролем рейхскомиссара; в ходе войны контроль усиливался. В обеих странах появились коллаборационисты — национал-социалист Муссерт в Голландии и Квислинг в Норвегии. Нацистские власти не слишком их жаловали. В сущности, хотя была провозглашена эра фашизма, подлинно фашистской не стала ни одна страна, кроме Италии, Испании и Хорватии. Дания и неоккупированная зона Франции действительно пользовались внутренней независимостью, которая, правда, впоследствии уменьшилась и наконец совсем исчезла.

Из так называемых союзников Германии очевидным сателлитом была Словакия, хотя примечательно, что это ей не помешало всю войну оставаться формально нейтральной. Венгрия и Румыния считались союзниками Германии, обе стремились завладеть Трансильванией и участвовали в русской кампании. Болгария довольно энергично участвовала в нападении на Югославию, но отказалась объявить войну Советской России, утверждая, что сочувствие славянам слишком присуще Болгарии. Лишь Италия считалась полноправным союзником, Гитлер считал равным себе только Муссолини.

Швеция и Швейцария сохраняли свою демократическую систему и даже пытались следовать демократическим курсом. Фактически они были привязаны к германской экономике и, поскольку англичане их не бомбили, могли приносить Германии больше пользы, чем если бы оказались в положении побежденных. Германия получала железную руду из Швеции, точные приборы из Швейцарии. Без этого она не смогла бы продолжать войну. Единствен-

ными странами, действительно имевшими возможность самим определять свою политику, были те, которые имели связь с внешним миром,— Испания и Португалия в одном конце Европы, Турция — в другом; нейтралитет Испании и даже Португалии долгое время вызывал сомнения. Государство Эйре* также придерживалось нейтралитета, в основном мнимого, благодаря терпимости британского правительства.

Щупальца Германии проникали почти во все европейские страны, какова бы ни была степень их формальной независимости. Иногда орудием проникновения были тайная полиция и СС, иногда — военные, иногда — германские бизнесмены, облеченные полномочиями рейха. Германия, расширившая свою территорию в результате военных побед, господствовала в Европе, осуществляя там принципы неограниченной автаркии. Европа стала экономическим целым, которым управляли исключительно в интересах Германии. Возникла система меркантилизма, которую величали новым порядком. Отдельные германские власти пытались всю Европу за пределами Германии низвести до положения сельскохозяйственного придатка. Другие, имея в виду военные нужды, старались использовать европейскую промышленность для германской военной машины; некоторых интересовал лишь грабеж. Но какая бы цель ни преследовалась, европейские страны превратились в колонии, снабжавшие Германию продуктами питания, промышленными товарами и в конечном счете рабочей силой. Иногда эти эксплуатируемые страны получали в обмен кое-какие германские товары, но чаще им сулили кредиты, оплатить которые Германия собиралась после войны. Даже Советская Россия принимала эти бумажные обещания. Утверждают, что только Венгрия сумела накопить к концу войны положительный баланс в торговле с Берлином.

Побежденные страны платили за привилегию быть побежденными, а немцы извлекали доходы. Жизнь в Германии мало изменилась под влиянием войны, уровень жизни фактически вырос во второй половине 1940 г. Потери военного снаряжения быстро восстанавливались благодаря нормальной работе промышленности. Не было необходимости в экономической мобилизации, в управлении трудовыми ресурсами. Расформировали примерно 50 дивизий, еще 25 перевели на штаты мирного времени. Осенью 1940 и в конце лета 1941 г. сократилось производство боеприпасов. Продолжалось строительство автомобильных дорог. Начали осуществляться грандиозные планы Гитлера по созданию нового Берлина.

* Национальное название Ирландии.

Германский народ, возможно, думал, что война окончена. Гитлер так не считал, он был охвачен военными устремлениями. Дважды на протяжении жизни одного поколения германский народ был вовлечен в войну, и Гитлер сомневался, удастся ли вовлечь его в третий раз, если дать ослабнуть этому порыву. Лучше поддерживать его испытанным способом — с помощью легкого успеха. Более того, Гитлер по-прежнему утверждал, что время работает не на Германию. Он судил об остальных по себе и предсказывал, что Советская Россия и Соединенные Штаты будут драться когда-нибудь с Германией, даже если она первой на них и не нападет.

Очевидной целью Гитлера была Англия, все еще воюющая и не сдавшаяся, чего Гитлер не ожидал от нее. Он полагал, как и Людендорф до него, что, как только из рук Англии будет выбит ее континентальный меч — Франция, она сразу же заключит мир. Правда, завоевание Англии, если оно вообще возможно, принесет больше вреда, чем пользы. Британская империя будет разделена между Японией и США — так считал Гитлер. В любом случае Германии ничего не достанется. Британский флот отправится в Новый Свет, и США окажутся неуязвимыми, пока будут готовиться к широкомасштабной войне.

Гитлер хотел мира именно с Англией. Это фактически превратило бы ее в буфер на случай американского нападения. Была бы устранена опасность с запада, Гитлер получил бы возможность пойти против Советской России. Но единственной тактикой, которая могла помочь ему создать для себя более благоприятную ситуацию, была тактика ожидания, пока у противника сдадут нервы. Он использовал ее еще до того, как стал германским канцлером, затем в Чехословакии, пытался применить в Польше. Теперь он применил ее против Англии. Во время переговоров о перемирии с Францией Гитлер сказал Йодлю: "Англичане проиграли войну, но не знают этого; надо им дать время, и они поймут". Гитлер дал Англии время до 19 июля — сначала хранил молчание, потом выступил в рейхстаге и в последний раз воззвал к "разуму и здравому смыслу". Он не предлагал умеренных условий, лишь осуждал Черчилля и сулил Англии "бесконечные страдания и несчастья", если она не заключит мир.

Был момент, когда англичане, или по крайней мере некоторые члены Военного кабинета, подумывали о заключении мира. 27 мая, накануне эвакуации из Дюнкерка, Военный кабинет обсуждал возможность промежуточных переговоров с Муссолини. Галифакс, министр иностранных дел, рекомендовал уступить Муссолини в Средиземном море Мальту и Кипр — пусть они станут итальянскими, а Египет будет в совместном владении. Что касается Германии, Галифакс готов был обсудить условия, "если убедится, что

они не повлияют на обстоятельства, жизненно важные для независимости этой страны". Чемберлен поддержал Галифакса. Эттли язвительно возражал против перспективы искать покровительства Муссолини; другой член Военного кабинета, Артур Гринвуд, назвал это "шагом к окончательной капитуляции". Черчилль вначале игнорировал эту идею, потом ворчливо сказал, что, если господин Гитлер готов заключить мир при условии возвращения германских колоний и господства в Центральной Европе, это одно дело, но вряд ли он сделал бы подобное предложение.

На следующий день Черчилль с помощью двух министров из лейбористской партии снова поразмыслил и наконец, созвав всех членов кабинета, заявил: "Конечно, будем продолжать борьбу, что бы ни случилось в Дюнкерке".

"Молодец, премьер!" — закричали министры. Некоторые плакали, другие хлопали Черчилля по плечу. Это была невольная демонстрация против Чемберлена и Галифакса. И против Гитлера тоже.

После речи Гитлера 19 июля Черчилль хотел отклонить содержащиеся в ней предложения официальным голосованием в обеих палатах парламента. Чемберлен и Эттли, два партийных лидера, полагали, что "не надо столько шума по этому поводу"; Галифаксу было поручено выступить по радио и отвергнуть мирные предложения Гитлера. В частной беседе Галифакс по-прежнему убеждал шведского министра, что скоро наступит время переговоров. Но его время ушло. В начале августа Черчилль определил цели Англии до конца войны. Прежде чем англичане вообще станут вести с Германией переговоры, она должна вернуть все приобретения и "на деле, а не на словах" дать надежные гарантии, что ничего подобного больше не произойдет. Дверь перед мирными переговорами решительно захлопнулась. Целью англичан стала "безоговорочная капитуляция" Германии.

Удивительное требование: ведь Англия была одинока, ей явно угрожало нападение. На бумаге союзников у нее было много. Правительства Норвегии, Голландии, Бельгии и Польши укрылись в Лондоне. Бенеш был признан главой чехословацкого правительства в изгнании, а де Голль представлял "Свободную Францию". У Голландии и Бельгии имелись большие колониальные ресурсы, кое-какие приобрел позже де Голль. Имелась большая польская армия и воздушные силы. Но все эмигрантские правительства не имели никакой власти в Европе, их страны были под пятой немецкой оккупации, и сопротивление было вначале незначительным, оно могло лишь обеспечить Лондон секретной информацией, но не противодействовать нацистам.

Как и во время борьбы с Наполеоном, для Англии источником помощи был мир за пределами Европы. Уже воевали британские доминионы, кроме Эйре. Работала промышленность Канады, обеспечивая британские военные нужды, притом на более щедрых условиях, чем впоследствии США. Для защиты Англии прибыли канадские войска, которые приняли участие в нападении на Северную Францию. Войска Южной Африки боролись в Эфиопии и в Египте. Новозеландские войска сильно пострадали в битве за Крит. Австралийские войска удерживали Тобрук в Северной Африке.

Соединенные Штаты обещали экономическую помощь в гораздо большем масштабе в дальнейшем, хотя Англия не знала, как за эту помощь платить. Вскоре после формирования национального правительства Рэндольф Черчилль* навестил отца и стал что-то говорить о трудностях сложившегося положения. Черчилль ответил: "Я вижу только одно средство. Мы должны привлечь к своему делу американцев". Так он в конце концов и сделал, правда, этому скорее способствовали не его собственные усилия, а японцы.

Черчилль и его советники не хотели ждать вступления Америки в войну. Запутанными, противоречивыми путями они пришли к мысли: если Англия выдержит опасности предстоящего лета, она может выиграть войну, даже если будет совершенно одна. В заблуждение отчасти вводили воспоминания о первой мировой войне, отчасти сообщения эмигрантов-антифашистов, отчасти собственные стратегические ошибки, состоявшие в преувеличении результатов блокады: англичане верили (совершенно напрасно), что германская экономика на грани гибели, и ожидали решающих результатов от дальних бомбардировок.

Таковы были отдаленные прогнозы. В июне 1940 г. после успешной эвакуации из Дюнкерка англичане не чувствовали себя народом, потерпевшим поражение. Они полагали, что имеют хорошую возможность уцелеть, и дальнейшие события подтвердили их правоту. В связи с этим легко было поверить, что, уцелев, они снова каким-то образом окажутся победителями, как в конце первой мировой войны. Воспоминания их воодушевляли, а немцев иногда тяготили. Когда немцы заняли Варшаву, один из их офицеров заметил: "В последний раз меня прачка разоружала. Интересно, кто меня будет разоружать на этот раз?" У англичан появлялись подобные мысли, но в иной ситуации. Все же не многим немцам посчастливилось быть разоруженными прачкой. Большинство из тех, кто не был убит, попали в русские лагеря, где оставались много лет.

* Сын У. Черчилля, член палаты общин в 1940 — 1945 гг.

Теперь Гитлер, хотел он того или нет, должен был выполнить свои угрозы. 21 июля он встретился в Берлине с представителями трех видов вооруженных сил. В принципе решение об операции "Морской лев" — вторжении в Англию — было принято. Десять дней спустя, после дальнейшего обсуждения, был назначен день — 15 сентября. Гитлер с самого начала сомневался, является ли операция "технически осуществимой", сказал, что решит за несколько дней до начала, надо ли ее предпринимать. В этом плане переплелись импровизация и обман. Может быть, он окажется реальным, и все окончится хорошо. Если же нет, может быть, все-таки нервы у англичан сдадут от сознания страшной перспективы? В любом случае стоит попробовать.

Отношение Гитлера к предложенной операции было все время противоречивым. Это был сухопутный хищник, он уже думал о крупной кампании против России. Еще до окончания британской эвакуации из Дюнкерка он сказал Рундштедту, что теперь высвободился для "великой главной задачи — смертельной борьбы с Россией". Упорство англичан послужило для него новым аргументом, и на совещании 21 июля он с легкой душой перешел от вопроса о вторжении в Англию к вопросу о русской кампании — она сулила больше выгод; Гитлеру также казалось, что ее легче осуществить. Он заявил, что континентальный меч Англии вовсе не Франция, а Россия: "После разгрома России будут вдребезги разбиты британские надежды". Нападение на Англию было для Гитлера второстепенной операцией. Он не руководил подготовкой этой кампании лично, как делал раньше и собирался делать впредь; удалился в Бергхоф, уединенную резиденцию в горном районе, и внимательно наблюдал за подготовительными работами.

Поэтому не было координации между тремя видами вооруженных сил. Главнокомандующий сухопутными силами Браухич и начальник Генерального штаба Гальдер находились в Фонтенбло; гросс-адмирал Редер — в Берлине; Геринг, министр авиации, — сначала у себя дома в Каринхалле, в 40 милях от Берлина, затем в сентябре он разместил в Бове первый эшелон штаба. Руководители армии трудились над подготовкой операции "Морской лев" с высадкой десанта на широком участке от Дила до Уэймута. Они смотрели на пролив Ла-Манш как на противотанковый ров, который к ним никакого отношения не имеет. Кто-то другой их переправит через пролив, и тогда они предпримут победоносную кампанию.

Совершенно иначе думал Редер. Немецкий флот настолько уменьшился после своих потерь в Норвегии, что ему не справиться даже с передовыми британскими силами в Гарвиче. Редер стоял за долговременную стратегию: к концу 1941 г. установить свое господство в Атлантике с помощью сотен подводных лодок; иметь

большой надводный флот, который сможет соперничать с британским в Средиземноморье к 1942 — 1943 гг. Но Гитлеру казалось, что это слишком долго. Лишь 5% германского производства стали выделялось для флота, в течение всего 1940 г. у немцев было меньше подводных лодок, чем в начале войны. Поэтому побочным результатом битвы за Англию явилось поражение немцев в их борьбе за Атлантику, вполне, впрочем, заслуженное.

Внешне казалось, что Редер полностью поддерживает операцию "Морской лев", хотя он и добивался ее отсрочки до 15 сентября. Речные баржи и каботажные суда были сосредоточены в портах, откуда планировали совершить вторжение. Это нанесло ущерб германской промышленности: снабжение ее в основном осуществлялось водным путем.

В одном важном вопросе Редер добился своего. Познакомившись с армейскими планами, он настаивал, что невозможно вторжение широким фронтом, что флот в лучшем случае может произвести высадку армии в Дувре. Генералам пришлось согласиться. Они составили исправленный план высадки из Дила в Брайтон, однако не верили, что такая ограниченная операция может иметь успех. Фактически Редер и армейское командование согласились, что нападение будет успешным лишь в том случае, если англичане к этому времени уже капитулируют.

Все обратились к германским воздушным силам. Геринг был рад выполнить задачу. Как раньше Болдуин и Дуэ (итальянский генерал), он верил, что авиационное оружие неодолимо: бомбардировщик всегда прорвется. Он был уверен, что люфтваффе может абсолютно самостоятельно победить Англию. Не было ничего общего между операцией "Орел" — наступлением германских ВВС — и операцией "Морской лев". 1 августа Гитлер дал указание "создать благоприятные условия для завоевания Англии". Но операция "Орел" предусматривала, что караваны бомбардировщиков в сопровождении истребителей просто будут парить в воздухе над Англией и громить англичан, чтобы те сдались, — это будет Герника*, но в более крупных масштабах. Во время битвы за Англию немецкие ВВС никогда не считались с нуждами других видов вооруженных сил, почти не пытались бомбить британские корабли, но часто бомбили порты и аэродромы, которые в случае нападения понадобились бы армии. Операция "Орел" была неверно рассчитана даже в пределах ее непосредственных задач.

* Город в Испании, в Стране Басков, который был разрушен в результате бомбардировки германской авиацией 26 апреля 1937 г.

В течение двух месяцев после Дюнкерка англичане ликовали, сознавая, что находятся теперь на передовой. Забывая, как и немецкие генералы, о проливе Ла-Манш, они представляли себе, как пойдут по Англии немецкие танки, а с неба хлынут полчища парашютистов. Отряды английских защитников родины с копьями или винтовками без патронов блокировали дороги, приготовившись в буквальном смысле умереть под забором. Черчилль предложил, если придут немцы, бросить призыв: "Одного ты всегда можешь забрать с собой". Что касается дел сухопутных, армейские руководители сомневались, что небольшое количество слабо вооруженных дивизий в состоянии разбить силы вторжения, если те высадятся, а руководители флота, желая сберечь крупные боевые корабли для будущих боёв, сомневались, смогут ли они помешать высадке. Как докладывали начальники штабов, "все зависит от авиации".

На бумаге немецкие военно-воздушные силы были гораздо сильнее: соотношение числа самолетов — 2 : 1. Однако превосходство было кажущимся, оно лишь вводило в заблуждение. Бомбардировщики могли успешно действовать только в условиях защищенности от нападения истребителей, а число истребителей у противников было почти равным. Кроме того, у англичан имелись более крупные резервы, чем у немцев, и благодаря тому, что министром авиационной промышленности был Бивербрук, они фактически увеличили численность истребителей за время битвы. Англичане действовали над своей землей, а немецкие истребители — на пределе дальности своего полета. У англичан были к тому же бесценные радарные установки, позволявшие следить за движением самолетов и предупреждать нападение. (Хотя у немцев тоже имелась разновидность радара, ее использовали только для обнаружения кораблей.)

Но главное, англичане знали, что делают, немцы — не знали. Руководители германских военно-воздушных сил никак не могли решить, продолжать ли бомбежки, невзирая на атаки истребителей, или сначала уничтожить британские истребители. В результате не удалось сделать ни того, ни другого. У сэра Хью Даудинга, командующего истребительной авиацией, не было подобных сомнений. У него была одна цель — подавить немецкую бомбардировочную авиацию. Даудинг с максимальной бережливостью использовал английские истребители, не давая себя вовлечь в "рыцарские" схватки с немецкими истребителями, когда этого можно было избежать. Результаты говорили сами за себя. Британские потери превосходили немецкие, если сравнивать число истребителей. Но это перечеркивалось огромной потерей немецких бомбардировщиков.

Операция "Орел" официально была начата 13 августа. Но плохая погода задержала атаку на два дня, так называемая битва за Англию продолжалась с 15 августа по 15 сентября. Она прошла три периода. Во время первого немцы атаковали, не имея точных задач, и понесли тяжелые потери. 15 августа лишь за один день их потери составили 75 самолетов против 34 английских. В течение второго периода немцы сосредоточили силы против передовых аэродромов Кента и достигли значительных успехов. У англичан было больше потерь, чем у немцев, и возникла опасность, что английские военно-воздушные силы будут разгромлены. 24 августа сбившийся с курса немецкий самолет по ошибке сбросил бомбы на Лондон, а на следующий день английская авиация в ответ бомбила Берлин; результатов это не дало, но рассердило Гитлера. Он нанес ответный удар, или, может быть, Геринг полагал, что настало время подвергнуть испытанию боевой дух англичан. 7 сентября немцы приступили к бомбежке Лондона. Это был третий период, с которого началась (чего никто по-настоящему не осознал) беспорядочная бомбежка городов. Ей суждено было продолжаться всю войну.

Англичане думали, что надвигается кризис. 7 сентября ночью прозвучал сигнал "Кромвель" — непосредственная опасность вторжения. Отряды защитников Родины взяли за оружие. В некоторых районах звон церковных колоколов возвестил, что там немецкие парашютисты действительно приземлились. Но это была ложная тревога. 9 сентября немцы снова бомбили Лондон, хотя с меньшими результатами, чем в первом случае: прорваться смогли менее половины бомбардировщиков. 15 сентября немцы сделали последнюю крупную попытку. На этот раз для английских ВВС все обошлось хорошо: они потеряли 26 самолетов, уничтожили 60 немецких, по ошибке считая, что сбили 185 (это их еще больше воодушевило). Но достаточно было и истинной цифры. Немецкая авиация не смогла добиться превосходства в воздухе. Всего в "битве за Англию" немцы потеряли 1733 самолета, англичане — 915, и у них теперь было на вооружении 665 истребителей (а в июле — 656).

Операция "Морской лев" не состоялась, путь для нее расчистить не удалось. Тем более не удалось принудить англичан сдаться. 17 сентября Гитлер отложил операцию "Морской лев" "до дальнейшего извещения". 12 октября он перенес ее на зиму. Немцы еще продолжали кое-какую подготовку до марта 1942 г., англичане долго после этого сохраняли свою систему обороны, особенно сильно выросшие отряды защитников Родины. Но 15 сентября, в решающий день, англичане избавились от опасности вторжения. Победа в "битве за Англию" завершила начатое в период эвакуации из Дюнкерка — восстановила боевой дух англичан. Потом часто бы-

вало недовольство по отдельным поводам, иногда резкая критика в тех случаях, когда война велась плохо или хотя бы безуспешно. Одно историки могут утверждать наверняка: английский народ никогда не сомневался, что надо бороться до полной победы.

В необычной войне участвовали теперь англичане: два смертельных противника обязаны были друг друга уничтожить и ничего с этим поделать не могли. Немцам не удалось вторгнуться в Англию, Англия не в силах была вторгнуться на континент. С середины июня 1940 до последнего дня марта 1941 г. британские и германские войска не обменялись ни одним выстрелом, не считая нескольких рейдов британских десантно-диверсионных частей на французское побережье. Война свелась к бомбежкам и блокаде.

"Битва за Англию" постепенно переросла в налеты германских бомбардировщиков по ночам; они продолжались — то в ответ на британские бомбежки, то по всевозможным другим причинам. У немцев не было бомбардировщиков дальнего действия и летчиков, подготовленных к ночным операциям. У них не было ясного представления о том, что надо делать. Иногда, бомбя порты и железнодорожные узлы, они пытались нарушить британские коммуникации; иногда, разрушая центры городов мощными фугасными и зажигательными бомбами, пробовали сломить боевой дух англичан; иногда просто бросали бомбы. "Блиц" (как его неправильно называли, имея в виду молниеносный налет) причинил огромный ущерб. 3,5 млн домов были повреждены или уничтожены: разрушена палата общин, поврежден Букингемский дворец, разрушен Сити — деловой центр Лондона, лондонский Ист-Энд, многие провинциальные города. Погибших оказалось меньше, чем ожидали: примерно 30 тыс. человек было убито в период "молниеносного налета", главным образом в Лондоне. Производство пострадало меньше. Даже в Ковентри, который подвергся самой разрушительной бомбежке, уже через пять дней полностью работали все заводы. Непокоримым оставался боевой дух, лишь первые несколько дней царила паника. Английский народ сплотился перед лицом всеобщей опасности. В мае 1941 г. немцы внезапно прервали "блиц": они готовились к нападению на Россию, и меры защиты от воздушных налетов заботили их больше, чем сами налеты.

В это время атаки британских бомбардировщиков носили почти условный характер. Теоретически у британской авиации была стратегическая цель: уничтожить заводы по производству синтетического топлива и другие жизненно важные предприятия, от которых зависела военная мощь Германии. Прицельное бомбометание такого рода было возможно только днем, англичане скоро поняли, что без прикрытия истребителей невозможны дневные налеты. Ни один из руководителей английских ВВС не пытался разрешить проблему

дальности полета истребителей, как ни один из ведущих британских генералов не пытался решить проблему танков в условиях окопной войны. Вместо этого англичане ограничились ночным бомбометанием. Не имея возможности поражать точно определенные цели и вообще любые цели, англичане беспорядочно сбрасывали бомбы, ошибочно полагая, что боевой дух немцев ниже их собственного. Фактически британские бомбардировщики нападали только потому, что это был единственный способ продемонстрировать: Англия еще воюет с Германией.

На германском производстве это сказалось незначительно, на британском — сильно. За 1941 г. британская авиация на каждые 10 т сброшенных бомб теряла один бомбардировщик, при ее налетах погибло больше английских летчиков, чем немецкого гражданского населения. Добавьте к этому рабочую силу, промышленные ресурсы и сырье, затраченные на производство бомбардировщиков, — и станет ясно, что нападения дороже стоили Англии, чем причиняли вреда Германии. В ноябре 1941 г. налеты бомбардировщиков прекратились; это явилось официальным признанием того, что результаты не стоят понесенных потерь. Но англичане по-прежнему верили, что стратегические бомбежки могут сыграть решающую роль, если они достаточно интенсивны. В течение всей войны ресурсы британской индустрии, а затем в большей мере и американской были сосредоточены на производстве тяжелых бомбардировщиков. Это было важным следствием того года, когда Англия боролась одна.

Блокада оказалась более опасным оружием, по крайней мере со стороны Германии. Вся Европа была в ее распоряжении, припасы щедро текли из Советской России. Англия мало что могла сделать, лишь держать под контролем доставку товаров из таких отдаленных мест, как Южная Америка и Юго-Восточная Азия. Гросс-адмирал Редер мог, однако, более или менее беспрепятственно осуществлять долгосрочную стратегию, которой он всегда отдавал предпочтение. Он действовал в узких рамках: Гитлер считал крупные надводные корабли большой ценностью и не хотел ими рисковать в море. В мае 1941 г. Редер отправил самый тяжелый из кораблей — "Бисмарк" — в довольно бесцельный поход в Атлантику. Объединенные силы английского военно-морского флота потопили его после потери линейного крейсера "Худ". Таким образом, нежелание Гитлера выпускать в открытое море оставшиеся крупные корабли оказалось оправданным.

Гитлер также не хотел тратить германские ресурсы на строительство подводных лодок, Редеру приходилось довольствоваться теми, какие имелись. До лета 1941 г. численность германских подводных лодок не достигла довоенного уровня. Но и при этом

их атаки были устрашающе эффективными. Немцы могли теперь использовать французские порты в Атлантике и нападать далеко в океане. У англичан соответственно положение было намного хуже. Они лишились в Ирландии трех военно-морских портов, и даже угрозы Черчилля предпринять военные действия не могли поколебать упорный нейтралитет Эйре. Только в апреле 1941 г. были потоплены транспортные суда общим водоизмещением около 700 тыс. т — это гораздо больше, чем британские судостроительные заводы могли построить. Пришлось сократить пищевой рацион. Видимо, в этот момент опасность военного поражения была для Англии наиболее реальной.

Затем ход событий изменился. Вновь успех принесло конвоирование — метод, открытый еще во время первой мировой войны. Английская авиация с трудом перешла от сбрасывания бомб к патрулированию морских путей. Предстояло поступление американской помощи во всевозрастающих размерах. В августе 1940 г. Рузвельт передал свыше 50 вышедших из употребления эсминцев. Лишь 9 из них можно было использовать, и потому дар имел скорее символический смысл для будущего, чем реальное значение для настоящего. От Рузвельта ожидали большего после того, как в ноябре 1940 г. он был избран президентом на третий срок. Американские военные корабли взяли на себя охрану западной части Атлантического океана. В Исландии, основном промежуточном пункте англо-американских конвоев, американские войска помогали английским. Сначала американские корабли только сообщали англичанам о присутствии подводных лодок, но к осени 1941 г. они уже сами топили подводные лодки, а лодки топили их. Число потопленных кораблей уменьшилось, хотя количество подводных лодок возросло. После переброски примерно 50 германских подводных лодок в Средиземное море там вскоре произошли перемены, весьма неблагоприятные для англичан. Но в первый период "битвы за Англию" победу одержали англо-американские силы. Рузвельт по-прежнему утверждал: чем больше поступит в Англию ресурсов, тем менее вероятным станет участие Америки в войне. Черчилль его поддерживал, заявляя: "Дайте нам возможности, и мы дело закончим", — предложение весьма рискованное. Фактически США вели необъявленную войну, а настоящую войну предотвратила только решимость Гитлера не допустить, чтобы действия американцев его спровоцировали.

Но борьба с помощью подводных лодок была для Гитлера слишком медленной. Он хотел, чтобы темп войны не снижался, пока он ждет вестей из Атлантики. Недолгое время его занимала идея напасть на Гибралтар и прорваться в Северную Африку. Этого желал Редер, чтобы отобрать у англичан власть в Средиземноморье;

этого желали немецкие генералы, чтобы найти применение своей огромной армии. В октябре 1940 г. Гитлер встречался в Андае с испанским диктатором Франко и в Монтуаре с Петеном. Обоим он говорил о легкости военной кампании в Марокко. Франко участвовать отказался. Петен же рассчитывал на большие выгоды, если Франция из страны поверженной и большей частью оккупированной превратится в союзника Германии. Но Гитлер предвидел трудности: Франко, Петен и даже Муссолини перессорятся из-за трофеев, а он не сможет всех удовлетворить. Принадлежащие Испании Канарские, а Португалии Азорские острова попадут в руки англичан или американцев, и положение германских ВМС будет хуже, чем когда-либо. Налет на Гибралтар так никогда и не состоялся, хотя Генеральный штаб готовился к нему почти до начала войны с Россией.

Если западное Средиземноморье исключалось, то восточное могло пригодиться больше. Снова оказались в чести Редер и генералы. Завоевание Египта и Ближнего Востока положило бы конец господству Англии в Средиземноморье и открыло бы путь к иракской и иранской нефти. Гитлер несколько недель был во власти искушения. Утверждая, что Средиземноморье — сфера итальянских интересов, он приветствовал наступление итальянцев на Сиди-Беррани и даже сперва нападение Италии на Грецию. Но в ноябре он изменил мнение, возможно полагая, что Италия — малоэффективное орудие, а может быть, ему не давало покоя чувство смутной опасности со стороны России. По существу он не мог серьезно отнестись к проблеме Ближнего Востока. Хотя Гитлер позднее принимал защитные меры против английского десанта в Салониках, он утратил интерес к любым конструктивным действиям в этом районе. Сухопутный хищник, он мыслил, исходя лишь из условий континента, а не с точки зрения стратегической, и Ближний Восток представлялся ему делом ненадежным.

Таким образом, Гитлер всегда возвращался к великой идее, о которой думал с июня 1940 г. и которую смутно вынашивал с начала своей карьеры, — о решающей военной кампании против Советской России. Он считал, что английская проблема как-нибудь разрешится сама собой, тем более когда Россия будет покорена. До тех пор Англия не причинит ему вреда — так ему по крайней мере представлялось. Он предвидел, что когда-нибудь в будущем США смогут выступить против германского господства, даже определил, что к 1942 г. американцы будут к войне готовы, хотя вернее было бы предположить, что к 1944-му. Вот еще причина

скорее покончить с Советской Россией. Гитлер сделал все, что мог, для того, чтобы отсрочить вступление Америки в войну,— игнорировал историю с эсминцами, ленд-лиз, даже участие американского флота в битве за Атлантику.

Гитлер сделал еще один дипломатический ход, который должен был иметь серьезные последствия. До сих пор японцы, хотя и входили в Антикоминтерновский пакт, не вступали в союз официально, однако соблазнились, как только Гитлер покорил Европу. 27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали трехсторонний договор, условившись вступить в войну, если любая из этих трех держав подвергнется нападению нового противника. Гитлер не нуждался в помощи японцев на случай войны с Россией, но надеялся, что союз придаст им уверенности в борьбе против Соединенных Штатов. Если вспыхнет война на Дальнем Востоке, США будут слишком заняты, им будет некогда заниматься европейскими делами. Западный фронт Германии будет в безопасности.

На Дальнем Востоке Япония, конечно, активизировалась, но не только из-за нового подписанного ею соглашения. Победы Гитлера создали на Дальнем Востоке вакуум, в который Япония неизбежно была втянута. Французский Индокитай и голландская Вест-Индия беспомощны, англичане в Сингапуре тоже. Казалось, вот способ лишить Чунцин снабжения и таким образом устранить безвыходное положение, длившееся свыше года. Французы согласились закрыть пути подвоза в Чунцин, англичане согласились закрыть дорогу на Бирму, правда, всего на три месяца, и притом в дождливый сезон, когда ею все равно нельзя пользоваться. Японцы хотели также иметь гарантии относительно поставок нефти из Вест-Индии. Голландское правительство в изгнании, находившееся в Лондоне, хотело согласиться, но воздержалось, боясь обидеть Соединенные Штаты. Антагонизм между Японией и США, казалось, все возрастал, на что Гитлер сильно надеялся.

Такова была неправильно понятая ситуация. Ни Япония, ни США не хотели войны на Дальнем Востоке; они хотели согласия. Конечно, на совершенно иных условиях, и к тому же средства, которые они использовали, пытаясь его добиться, лишь приблизили войну, вместо того чтобы ее предотвратить. Японцы представляли свое будущее иначе, чем Гитлер: они полагали, что скоро США будут слишком заняты в Атлантике и для дальневосточных дел у них не останется ни ресурсов, ни времени. Поэтому, если Япония укрепит свои позиции, если она будет лучше защищена от американского экономического давления, американцы охотно пойдут

на компромисс и Япония одержит верх над Китаем. И стоило американцам проявить упорство, как Япония начинала наращивать свои успехи на Дальнем Востоке, всегда пребывая в уверенности, что в конце концов американцы уступят.

Для президента Рузвельта и его военных советников главную роль, конечно, играла война в Европе. За этим стояла давняя история, восходящая к тому периоду сразу после окончания первой мировой войны, когда американцы считали возможной, если даже и нежелательной, войну против Англии и Японии. Американские стратеги утверждали тогда, что сначала надо разбить более сильную морскую державу — Англию, а уж потом заниматься Японией. Они продолжали придавать главное значение Атлантическому, а не Тихому океану, даже когда их возможными противниками стали Германия и Япония; у Германии, правда, не было военно-морского флота, заслуживающего внимания. Германская угроза считалась возросшей из-за опасений, что немцы хотят вторгнуться в Южную Америку и двигаться оттуда на Вашингтон, — фантастические намерения, которых Гитлер никогда не имел. Что касается более реальных замыслов, то американцы полагали, что сохранение Англии как независимой державы имеет существенное значение для их собственной безопасности на Атлантическом и Тихом океанах. Англичане вынуждены были придавать главное значение войне в Европе, американцы непроизвольно следовали за ними.

Это не значит, что Рузвельт намеренно собирался вступить в войну где бы то ни было. В этой войне, как ни в одной другой, было столько неожиданных импровизаций! И самым непредсказуемым в ней был Рузвельт. Осенью 1940 г. он сказал во время своей перевыборной кампании на пост президента: "Ваших сыновей не пошлют участвовать ни в каких войнах за рубежом". Тогда он в это верил, хотя в частной беседе все же заметил: "Если на нас нападут, у нас не останется выбора". Даже осенью 1941 г. он, видимо, решил, что германское господство в конце концов будет как-то ослаблено, если только Англия с американской помощью выстоит. Его мысли были обращены к Европе, а с Японией он хотел заключить соглашение. Но соглашение, которое Рузвельт имел в виду, предусматривало уход Японии со всей территории Китая, кроме Маньчжурии, и восстановление политики "открытых дверей". Чтобы добиться соглашения, он использовал меры, противоположные тем, которые применяли японцы. При каждом наступлении японцев на Дальнем Востоке Рузвельт усиливал финансовое и экономическое давление — он был убежден, что они отступят.

Таким образом, на Дальнем Востоке возник тупик, такой же, как в сфере европейских интересов. В ноябре 1940 г. Гитлер проявил странную дипломатическую инициативу или, может быть, Риббентроп ее проявил, а Гитлер лишь не препятствовал. Немцы предложили, чтобы четвертым членом Антикоминтерновского пакта стала Советская Россия. При этом партнеры так поделят мир: немцам — Европа, Италии — Средиземноморье, Японии — Дальний Восток, а Советской России — Иран, Индия. Это была бы действительно Континентальная лига огромных масштабов. Сталин проявил заинтересованность. В Берлин прибыл Молотов — это была первая из его дипломатических поездок. Оказалось, на переговорах у него было единственное слово — нет. Он вовсе не был ослеплен восточными "дарами", задавал странные вопросы — о германских войсках в Финляндии и Румынии, требовал установления советского контроля в проливах. Когда воздушный налет англичан загнал участников переговоров в бомбоубежище, Молотов заметил: "Если Англия уже разбита, почему мы тогда здесь?" Хотя Советская Россия продолжала быть основным поставщиком сырья в Германию, было ясно, что германским сателлитом она не станет. Сталин предпочитал оставаться нейтральным в "империалистической" войне и, возможно, вмешаться, когда противники измотают друг друга. Гитлер с облегчением вернулся к своим планам раз и навсегда уничтожить Советскую Россию.

Пока шли эти переговоры и маневры, война вдруг вспыхнула мощным пламенем, и сделала это слабейшая из великих держав, о которой вообще все забыли. Муссолини играл жалкую роль в последние дни войны с Францией. Его возмущало, что он не в центре внимания, и Муссолини решил нанести удар. Правда, он уже вел две войны. В Эфиопии 200 тыс. итальянских солдат сражались против британских сил меньшей численности. В Северной Африке еще 215 тыс. итальянцев, плохо оснащенных для ведения войны в пустыне (да и для всего остального тоже), в сентябре 1940 г. осторожно перешли египетскую границу и готовились к дальнейшему наступлению. Не довольствуясь этим, Муссолини предпринял 28 октября наступление из Албании в Грецию. Он сказал Чиано: "Гитлер всегда ставит меня перед свершившимся фактом. На этот раз я отплачу ему тем же".

На деле Гитлер не удивился и не встревожился, хотя впоследствии сделал вид, что это было. В свое время он приветствовал нападение Италии на Грецию — это обеспечивало безопасность его фронта на Балканах. В последний раз Муссолини представилась

возможность действовать независимо, но он плохо ею воспользовался. Греки, лучше приспособленные к войне в горной местности, скоро прогнали итальянцев назад в Албанию. Бóльшую и худшую неприятность доставили Муссолини англичане.

Еще со времен Нельсона англичане держали свой флот в Средиземном море. Теперь они также разместили в Египте армию для защиты Суэцкого канала. Они не собирались нападать на континент, но, казалось, больше их силам идти некуда. Когда Франция вышла из войны, были недолгие сомнения, могут ли англичане самостоятельно удержаться в Средиземном море и в Египте. 16 июня 1940 г. сэр Дадли Паунд, первый лорд Адмиралтейства*, предложил адмиралу сэру Эндрю Каннингхэму, командующему военно-морскими силами на Средиземном море, блокировать Суэцкий канал и перевести бóльшую часть флота в Гибралтар, а остальную — в Аден. Каннингхэм это не одобрил, считал новым ударом по британскому престижу, Паунд не настаивал; вопрос о том, оставаться ли в восточном Средиземноморье, никогда официально не обсуждался ни членами Комитета начальников штабов, ни Военным кабинетом.

Три британских командующих сообщали из Египта, что смогут удержать его в том случае, если получат подкрепление. 16 августа, в разгар "битвы за Англию", в Египет направили треть всех имевшихся танков. С этого момента Англия стала участницей войны в Средиземноморье — во всевозрастающих масштабах, со всей нуждой в материальных ресурсах и морских перевозках.[...] Хотя Австралию и Новую Зеландию уведомили, что в случае наступления Японии Англия сократит свои потери в Средиземноморье и ради собственной сохранности "пожертвует всеми интересами, кроме обороны и обеспечения острова", на деле английское правительство пренебрегало Дальним Востоком, надеясь, что Япония останется нейтральной.

Часто выдвигались более продуманные доводы за то, чтобы остаться в Египте. Говорили, что Средиземное море и Суэцкий канал — жизненно важные для империи коммуникации; так и было в мирное время. Но когда Италия вступила в войну, Средиземное море для британского судоходства оказалось закрытым, и это продолжалось до 1943 г. Гораздо больше британских судов было использовано для того, чтобы доставлять припасы в Египет, огибая мыс Доброй Надежды, и затем для открытия вновь средиземноморского судоходства, хотя англичане чуть не проиграли битву за Атлантику из-за их одержимости Средиземным морем. Англичане также хотели быть в Египте, чтобы не допустить Гитлера к неф-

* Начальник штаба ВМС.

тяным месторождениям Ирака и Ирана. У Гитлера никогда не было таких планов, хотя, может быть, ему бы следовало их иметь. Если и было у него намерение двинуться к нефтяным месторождениям, то через Кавказ после разгрома Советской России; английским войскам в таком случае следовало бы уйти из Египта, чтобы помешать продвижению немцев.

Англичан побудили остаться в Средиземноморье более веские причины. Черчилль надеялся приобрести новых союзников: на одной стороне Средиземного моря — французов, на другой — Турцию. Первая надежда привела к бесплодному нападению на Дакар (Западная Африка) в сентябре 1940 г. Оно лишь усилило враждебность французов и дискредитировало де Голля, который главным образом и подсказал эту идею. А надежды в отношении Турции вообще ни к чему не привели, кроме непрерывных просьб о военных поставках, обеспечить которые англичане были не в состоянии. Англичане лелеяли еще более честолюбивые мечты, дожидаясь того времени, когда они ворвутся на Европейский континент с юга, нанесут удар в "мягкое подбрюшье", как характеризовал это впоследствии Черчилль. На горизонте замаячил новый Галлиполи*. Так можно рационально это объяснить. Англичане были в Средиземном море, потому что были. Воевали там, потому что им больше нигде было воевать. Этот простой факт определил направление главного удара в британской, а позднее и в американской стратегии до последнего года второй мировой войны.

Позиция англичан в Египте и в более широком смысле на Среднем Востоке — любопытное наследие империализма. Формально Египет и Ирак были независимыми королевствами, даже Палестина формально была подмандатной территорией Великобритании, которая должна была обеспечить национальный очаг евреям. Оба средневосточных королевства скоро почувствовали пределы своей независимости, когда попробовали ею воспользоваться. В 1941 г. британские вооруженные силы подавили попытку Ирака захватить базы английских ВВС. В 1942 г., когда король Египта пытался назначить своего ставленника на пост премьер-министра, его дворец был окружен английскими танками и английский посол преподнес ему документ об отречении от престола; королю приказали немедленно подписать этот документ или назначить премьер-министра, угодного англичанам. Чтобы не обижать арабов, англичане запретили еврейскую эмиграцию в Палестину. Тем не менее присутствие здесь давало англичанам моральное преимущество, по крайней мере в собственных глазах: они могли бороться с любым движением, которое пыталось изгнать их, и это было

* Во время первой мировой войны в 1915 г. на Галлипольском полуострове проходила Дарданелльская операция.

подавлением восстания, в то время как немцам, чтобы захватить стратегический район вроде Норвегии или Бельгии, надо было совершить акт агрессии. Но все же несколько странно, что Египет, главная британская база на Ближнем Востоке, всю войну до 1945 г. теоретически сохранял нейтралитет.

Летом 1940 г. казалось сомнительным, что англичане могут остаться в Египте или на Среднем Востоке, несмотря на поступавшие подкрепления. Итальянские армии в Африке превосходили по численности британские в 5 раз. Итальянский военно-морской флот и военно-воздушные силы на бумаге также заметно превосходили английские. Каннингхэм был настроен воинственно и неоднократно вводил свой флот в опасную зону. Итальянцы, придерживаясь заповеди "сохранить флот", всегда удирали, и, когда они возвращались домой, Каннингхэм их преследовал. 11 ноября самолет с авианосца "Илластриес" атаковал итальянский флот, находившийся на своей базе в Таранто. 3 линкора были потоплены, половина итальянского боевого флота вышла из строя, остальная часть отступила к Неаполю, к западному побережью Италии. Таким образом англичане восстановили свое господство в восточном Средиземноморье, но не подумали о том, что завоевали его с помощью авиации и это вскоре обернется против них.

Командующий британскими вооруженными силами в Египте Уэйвелл был по характеру более осторожным. Он являлся боевым главнокомандующим, пользовался очень большим уважением, почитатели видели в нем второго Кромвеля. И конечно, если кто-нибудь из военных мог во время второй мировой войны позволить себе возражать Черчиллю, то это был именно Уэйвелл. Но хотя у него появлялись мысли о неповиновении, он поверял их только личному дневнику. Прежнюю энергию он утратил. Его тяготила огромная ответственность, ведь он командовал вооруженными силами не только в Египте, но и на всем Среднем Востоке. Его раздражали многократные "понукания" со стороны Черчилля. В июле 1940 г. Уэйвелла отозвали в Англию. Черчилль, видя его молчаливость, решил, что ему не хватает "боевого духа". Но подходящей замены не было, и Уэйвелл, рассерженный, вернулся в Египет.

Неожиданно пришел успех. Методично, по своему обыкновению, он собирался воевать прежде всего с итальянцами в Эфиопии, предварительно планируя удар по итальянской армии на границах Египта, чтобы надежно защитить свой тыл. Этот "рейд значительными силами", как называл его Уэйвелл, оказался успешным сверх всех ожиданий. 7 декабря [1940 г.] генерал О'Коннор, у которого было в общей сложности 35 тыс. человек и 275 танков, проник через свободный участок в линии обороны итальянцев и зашел к ним в тыл. Итальянцы не были подготовлены к маневренной войне и под угрозой

танков и авиации отступили. [...] О'Коннор неуклонно продвигался вперед, 22 января 1941 г. взял штурмом Тобрук, 9 февраля достиг Эль-Агейлы. В руках англичан была вся Киренаика. Силы, ни разу не превышавшие двух дивизий, разбили 10 итальянских дивизий и взяли в плен 130 тыс. человек; погибли 438 британских солдат, из них 353 австралийца. Это была победа, хотя и в меньших масштабах, но столь же сокрушительная, как победа Германии над Францией.

Однако в этот миг победы Англия перестала быть независимой державой, способной вести большую войну за счет собственных ресурсов. К началу 1941 г. ее финансовые ресурсы были почти истощены. Если бы ее оставили одну, ей пришлось бы сосредоточить все силы на экспорте товаров и она лишь номинально оставалась бы в числе воюющих. Это не устраивало президента Рузвельта: он хотел, чтобы Англия была мечом в руках Америки, пока сама Америка не вступит в войну.

В марте 1941 г. Рузвельт ввел ленд-лиз, быть может, самый драматичный политический элемент войны. США стали "арсеналом демократии" и не требовали платежей. Но все равно платить надо было дорогую цену. Американские власти лишили Англию ее золотого запаса и заграничных капиталовложений, ограничили ее экспорт. Американские бизнесмены проникли на рынки, прежде бывшие английскими. Экономика Англии была нацелена только на войну. Кейнс верно сказал: "Мы перестали умело хозяйничать, но зато спасли себя и помогли спасти весь мир". Благодаря ленд-лизу Англия почти до конца войны создавала о себе ложное представление как о великой державе.

Победа в Северной Африке заслонила решающую перемену в положении Англии. Но победа оказалась временной: ресурсы О'Коннора истощались. Но итальянские порты в Киренаике остались невредимыми в его распоряжении, он жаждал завершить завоевание итальянской Северной Африки и стремительно продвигался к Триполи. Ничто не могло остановить его. Но внезапно ему приказали остановиться и вернуть основную часть сил в Египет: Гитлер принял решение вторгнуться в Грецию. Таким удивительным образом неудачи итальянцев в Греции спасли их от быстрого разгрома в Северной Африке.

Перед войной Англия дала гарантии Греции. Пока Италия воевала одна, греки не обращались к Англии, боясь спровоцировать Германию. Англичане послали в Грецию несколько самолетов и взяли Крит, хотя, полагаясь на свою морскую мощь, мало сделали для его укрепления. Вначале гордость не позволяла Муссолини просить у немцев помощи. Гитлер планировал предпринять вторжение в Россию, а к Средиземному морю относился равнодушно. Как всегда опасаясь еще одного фронта, он по зрелом размышлении

пришел к выводу, что англичане могут прорваться на Балканы, когда немцы будут заняты в России. Нехотя Гитлер принял решение выволить Муссолини из неприятности, в которую тот попал. На словах дуче по-прежнему считали единственным человеком, который равен Гитлеру, на деле же Италия стала беспомощным, зависимым сателлитом. Как и Франция до нее, она выпала из числа великих держав. Лишь Англия вроде бы поддерживала свою репутацию великой державы, победившей в первой мировой войне, хотя даже ей в конце концов стало невмоготу.

На Сицилию были посланы германские самолеты, они вскоре ослабили британский контроль в Средиземноморье. Роммель, один из любимых генералов Гитлера, был направлен в Триполи с бронетанковым корпусом, позднее из него вырос бронетанковый африканский корпус. Роммель, не столько танкист, сколько лихой кавалерийский командир, был полностью лишен того понимания танковой войны, какое было у Гудериана. Однако смелого натиска хватило, чтобы опрокинуть расчеты англичан. Они судили о его темпах по своим собственным и ожидали, что он будет готов к наступлению в июне. Вместо этого он атаковал 30 марта. Роммель, как до него О'Коннор, планировал рейд крупными силами и тоже неожиданно добился успеха. Передовые английские позиции были сломлены, сам О'Коннор взят в плен. К 11 апреля англичане потеряли все, чего добились в Киренаике, остался лишь Тобрук — изолированный гарнизон, ставший затем помехой.

Первоначально Гитлер намеревался просто занять Салоники, а затем передать их Болгарии. В декабре 1940 г. он даже пытался договориться с Грецией, предложив быть посредником между нею и Италией. А когда эта попытка не удалась, решил, что надо оккупировать всю Грецию. Гитлер рассчитывал на помощь Болгарии и на благосклонный нейтралитет Югославии. 25 марта [1941 г.] он это обеспечил, правда, в обмен на обещание не использовать югославские железные дороги. Через два дня в Югославии произошел патриотический государственный переворот: принц-регент был свергнут и на трон посадили юного короля Петра. Германские армии приостановили захват Греции, повернули в Югославию и за неделю разбили ее армии — самая быстрая победа даже в этой стремительной войне. Югославия была расчленена. Македония перешла к Болгарии, фашистская Хорватия была поставлена под покровительство Италии, оставшаяся Сербия — под защиту Германии. Германия также захватила Словению и железную дорогу на Триест. Более того, немцы могли теперь использовать югославские железные дороги. Внутренние события в Югославии фактически облегчили немцам победу в Греции.

С января англичане вели дебаты, помогать ли Греции, если Германия на нее нападет. С военной точки зрения все доводы были отрицательными: мало сил, особенно мало самолетов. Но политические доводы победили. Для Англии было унижительно не помочь стране, которой она гарантировала помощь. Британское вторжение положит начало балканской коалиции, в состав которой войдут Греция, Югославия, Турция. Как сказал премьер-министр Южно-Африканского Союза Смэтс, случайно оказавшийся в Каире: "Какой курс воодушевил бы свободолюбивые народы?"

С планами возникла неразбериха. Черчилль вначале полностью стоял за вторжение, потом ему не хотелось отказываться от результатов победы в Северной Африке. Иден, только что перешедший из Военного кабинета в министерство иностранных дел, и сэр Джон Дилл, начальник имперского Генерального штаба, выехали в Египет для изучения обстановки. Иден затем отправился в Анкару, Дилл — в Белград, в обеих столицах они рисовали блистательную картину в связи с намерениями англичан. И когда поступили осторожные предупреждения от Черчилля и Военного кабинета, Иден и Дилл решили проявить большую воинственность, чем их начальник. С планами тоже все было вверх дном. Англичане просто хотели удержать плацдарм на юге Греции. Грекам не хотелось уходить из Албании, где они одержали победу. В результате немцы прорвались через брешь между греческой армией и армией, размещенной в Салониках, и пошли вперед, почти не встречая сопротивления.

К тому времени, когда британские силы высадились в Греции, Югославия была разбита, а греческие армии находились на грани поражения. Британские войска так всерьез и не вошли в соприкосновение с противником, часть войск была эвакуирована, часть еще продолжала прибывать. Англичане послали в Грецию 62 тыс. человек; 50 тыс. было вывезено, в том числе 10 тыс. греков, а также король и правительство. Все тяжелое снаряжение потеряли. Это был небольшой и совершенно безуспешный Дюнкерк. Миротлюбивые народы поддержать не удалось. Хотя Черчилль фактически выражал сомнение относительно этой экспедиции, вина за неудачу пала на него. Старая история: далеко идущие планы и недостаточные средства для их выполнения.

Пришла одна приятная вест: итальянские силы окончательно разгромлены. 5 мая [1941 г.] император Эфиопии Хайле Селассие вернулся в свою столицу, ставшую первой жертвой агрессии, принятой "осью". От итальянцев он унаследовал современные школы, больницы и дороги, которые сам был не в состоянии обеспечить необходимыми средствами. 19 мая сдались последние итальянские

войска. Значительные британские силы высвободились для действий на других участках. Рузвельт заявил, что Красное море больше не является военной зоной и теперь американские торговые суда могут везти грузы до самого Суэца.

Возникла более фантастическая помеха. 10 мая [1941 г.] Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по партии, прямо с неба приземлился на шотландской ферме. Он прибыл в качестве посланца мира, уверенный в том, что "античерчиллевские силы" во главе с герцогом Гамильтоном охотно примут от него оливковую ветвь. Герцог, в то время боевой офицер английских ВВС, не реагировал. Черчилль вначале не мог поверить рассказу о прибытии Гесса. Затем он сказал: "Ну даже если он и Гесс, я иду смотреть на братьев Маркс*", — и отправился в свой личный кинотеатр. Эпизод не имел значения. В Германии с Гессом давно уже перестали считаться и не приглашали на совещания к Гитлеру. Он ничего не знал о предстоящем нападении на Советскую Россию, лишь повторял прежний аргумент, который часто приводил сам Гитлер: у Англии и Германии нет причин ссориться. Его игнорировали, с ним обращались, как с военнопленным, а потом осудили, весьма несправедливо, как военного преступника**. Его истинная вина в том, что он предложил мир между Англией и Германией, поступок его — "безумная благотворительность", как выразился Черчилль. Несмотря на слухи о мирных переговорах, обе стороны другой инициативы не проявили, а эта была слишком незначительна.

Прибытие Гесса в Шотландию было лишь кратковременной сенсацией — англичан тревожили вопросы более серьезные. Казалось, они вот-вот потеряют Средний Восток. 2 мая иракские войска атаковали британские авиабазы в Багдаде и других местах. 11 мая Дарлан, тогда фактический глава правительства Петена в Виши, согласился, что следует разрешить германским самолетам по пути в Ирак использовать авиабазы в Сирии и что Роммелю следует доставлять припасы через Бизерту в Тунисе. Спустя несколько дней прилетел первый германский самолет. Возникла угроза, что Сирия под руководством правителя Виши превратится в аванпост Германии.

Крит представлял собой еще более серьезную опасность. Имевшиеся там объединенные силы выросли до 40 тыс. человек с прибытием из Греции британских и греческих войск. Английские военно-морские силы господствовали в восточном Средиземноморье, но только военно-морские силы. Ничтожно малы были силы анг-

* Братья Маркс, американские актеры: Леонард (26.III.1886—11.X.1961), Артур (21.XI.1888—28.IX.1961), Джулиус (2.X.1890—19.VIII.1977).

** По Нюрнбергскому процессу, проходившему с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., Гесс был приговорен к пожизненному заключению.

личан в воздухе — лишь 7 истребителей на Крите, но и они были оттуда переброшены 20 мая, в первый день германского наступления. И немногочисленным британским истребителям приходилось каждый раз, вылетев с египетских баз, покрывать расстояние в 300 миль. Все равно, как если бы сэру Хью Даудингу пришлось вести "битву за Англию", находясь за шотландской границей. Мало-мальски значительные порты имелись лишь к северу от острова и, таким образом, были полностью открыты для воздушных налетов. Обороной все шесть месяцев британской оккупации пренебрегали. Сэр Бернард Фрейберг, в начале мая принявший командование, был седьмым командующим за полгода.

Фрейберг не раз проявил себя отважным воином и теперь был исполнен уверенности. 5 мая он телеграфировал Черчиллю: "Нервозность непонятна. Нисколько не опасаясь воздушных налетов". Казалось немыслимым, чтобы немцы захватили Крит, не имея преимущества на море. Но именно это и произошло: 715 германских самолетов победили в битве за Крит. Наступление началось 20 мая массовой выброской парашютно-десантных частей. Некоторым из них удалось захватить часть аэродрома в Малеме, и на следующий день, когда аэродром еще горел, немцы прилетели на транспортно-десантных летательных аппаратах и на планерах. Реакция англичан была запоздалой и неэффективной. Два морских немецких конвоя были остановлены британскими эсминцами, и один понес тяжелые потери, а другой, неповрежденный, повернул назад. Во время битвы к немцам не доходили никакие грузы. Но поскольку немцы надежно контролировали Малеме, они были непобедимы.

Черчилль мог приказать: "Победа на Крите необходима в этот решающий момент войны. Продолжайте бросать туда все, что возможно". Однако возможности выполнить приказ не было. На море господствовала немецкая авиация, не давая английским военно-морским силам действовать днем. Росли потери. Фрейберг решил, что битва проиграна. Делались попытки эвакуировать британские войска из мелких портов на южном берегу. Каннингхэм передал флоту: "Мы не можем подводить армию". А в ответ на протест своего штаба сказал: "Чтобы построить корабль, флоту нужно три года. Но чтобы возродить традиции, нужно 300 лет". И еще он сказал: "Три эскадрильи истребителей — и можно было спасти Крит". Но истребителей не было: англичане увлеклись бомбардировщиками, стратегической бомбежкой Германии.

Крит был потерян; 18 тыс. военных эвакуировались, 13 тыс. остались. Эти оставшиеся британские войска и все греческие войска попали в плен. Британский флот потерял 3 крейсера и 6 эсминцев, 2 линкора, единственный авианосец; 2 крейсера и 2 эсминец были так повреждены, что их нельзя было отремонтировать на месте.

Англичане утратили контроль над Эгейским морем, что на три года обеспечило немцам безопасные морские пути от Салоник до Констанцы. Немцы тоже заплатили дорогую цену. Правда, они завоевали Югославию, Грецию и Крит, потеряв убитыми всего 5 тыс. человек, но погибло очень много парашютистов и было уничтожено 220 самолетов. По словам английского военного историка Лиделла Гарта, у Гитлера оказалась тонка жила. Он отказался от мысли о воздушном нападении на Суэцкий канал или Мальту, лишь один Крит был захвачен в результате воздушного нападения.

Гитлер не посылал больше помощи Ираку, да, возможно, и не собирался этого делать. В начале июня англичане восстановили свой контроль над Ираком и свергли так называемое правительство мятежников. К тому времени все германские самолеты покинули Сирию, и правительство Виши отменило свое разрешение о доставке припасов Роммелю через Бизерту. Но де Голль убедил британское правительство, что французские войска отзовутся на призыв "Свободной Франции". Он ошибался. Уэйвелл повсюду сталкивался с трудностями, ему пришлось отвести значительные британские силы в Сирию. До конца июня шли бои, каждая из сторон потеряла убитыми примерно тысячу человек. И когда французы наконец сдались, почти никто не хотел присоединяться к де Голлю. В Сирии было создано управление "Свободной Франции". Англичане, стремясь умиротворить арабов, обещали им независимость после войны. Это укрепило уверенность де Голля в том, что англичане в качестве военных трофеев планируют забрать французскую империю; Черчилль вскоре пожаловался, что его крест — это крест Лорейна (символ де Голля).

Уэйвелл понимал, что после всех неудач его положение в опасности. Чтобы произвести впечатление на Черчилля, он в большой мере вопреки собственному мнению согласился начать наступление против Роммеля. Битва "Ось" — так ее претенциозно именовали — началась 15 июня. Она должна была привести к освобождению Тобрука и к изгнанию Роммеля из Киренаики. Роммель сотворил чудо, которое чудом вовсе не было. Германское 88-миллиметровое орудие, хотя и называлось "зениткой", имело фактически двойное назначение: оно было одинаково эффективно и против танков, и против самолетов. Англичане, сбитые с толку названием, не имели об этом понятия; им казалось, что Роммель гениально использовал орудие. Англичане потеряли 91 танк, немцы — 12, и британское командование считало, совершенно безосновательно, что немецкие танки лучше английских. Битва "Ось" прекратилась через три дня. Это было знаменательно. Благодаря противотанковым орудиям одержала верх оборона. В будущих битвах будут жестокие бои, но не прорыв через несколько часов.

Неудача битвы "Ось" означала для Уэйвелла конец. Черчилль полностью утратил к нему доверие. 21 июня его отправили главнокомандующим в Индию — подальше (так по крайней мере предполагалось). А генерал Клод Окинлек, прежний главнокомандующий в Индии, занял место Уэйвелла на Среднем Востоке. Но центр войны переместился, его больше не было на Среднем Востоке. 22 июня, на следующий день после назначения Окинлека, немцы напали на Советскую Россию. Началась настоящая война за мировое господство.

5. Война становится мировой.

Июнь — декабрь 1941 г.

Вторжение Германии в Советскую Россию было самым большим событием второй мировой войны, самым большим по масштабам и по последствиям. Последствия войны в большинстве своем носили консервативный характер, вернув все на круги своя. Границы в Европе были мало изменены, за исключением российских, и то же самое можно сказать о большинстве европейских режимов, за тем же исключением. В более широкой перспективе война лишь ускорила то, что уже происходило. Соединенные Штаты были мировой державой. Происходил закат Британской империи. Уже становилось ясно, и японские правители это сами понимали, что Китай продержится дольше, чем Япония; было почти так же ясно, что (как признавали некоторые американские наблюдатели) коммунисты станут в конце концов защитниками независимости Китая. Но Россия, по словам Черчилля, была страной, окутанной тайной. Была ли коммунистическая система на грани гибели? Была ли вообще Советская Россия великой державой? Ответ дала Великая Отечественная война. Гитлер хотел завоевать мир, но в конце концов проиграл и покончил с собой в бункере Имперской канцелярии. В результате победы над Гитлером Советская Россия стала мировой державой, и плоды этого мы пожинаем до сих пор.

Решение о вторжении в Россию было единственным решением, принятым Гитлером по собственной инициативе. До этого он только реагировал на события, использовал их. Чешский и польский кризисы были созданы Чемберленом и Даладье, Бенешем и Беком, так же как и Гитлером. Вторжение Германии в Норвегию и Францию было ответом на военные действия Англии и Франции, так же как и агрессия против Югославии и Греции была реакцией на британскую стратегию в Средиземном море. Другое дело — вторжение в Россию. Ровно двенадцать месяцев после окончания военных действий во Франции Гитлер обдумывал дальнейшие шаги.

С какой бы точки зрения он ни рассматривал этот вопрос — с идеологической, геополитической, стратегической, — ответ всегда был один и тот же: вторжение в Россию. 22 июня 1941 г. оно началось.

Можно рассматривать вторжение Гитлера в Россию как осуществление идей, которые он вынашивал с самого начала своей политической карьеры. Можно считать его и следствием сложившейся ситуации, когда он воевал против Великобритании и не знал, как заставить ее быстро капитулировать. Сам Гитлер выдвигал оба объяснения, зачастую почти одновременно. Это лучше всего поможет ответить на вопрос, осуществлял ли Гитлер долгосрочный план или добивался успехов, когда это было возможно. Агрессия против России была следствием взаимодействия обоих факторов.

Конечно, вторжение в Россию можно представить (оно так и было представлено Гитлером) как логическое следствие доктрин, провозглашавшихся им в течение примерно 20 лет. Он начал свою политическую карьеру как антибольшевик, поставил перед собой задачу разрушить советский коммунизм. Антисемитизм усилил его рвение в этой борьбе. Он спас Германию от коммунизма, как сам утверждал; теперь он спасет мир. Эта идея привлекла многих. Гитлер был единственным человеком, который на этом сыграл.

"Лебенсraum" (жизненное пространство) — такова была доктрина Гитлера, которую он заимствовал у геополитиков в Мюнхене вскоре после первой мировой войны. Германия должна обладать жизненным пространством, если она хочет стать мировой державой, а овладеть им можно только путем завоевания России. Жизненное пространство означало больше, чем просто захват территории, хотя на этот счет у Гитлера были противоречивые суждения. Иногда он говорил, что надо истребить жителей России и заменить их несуществующим избытком немцев. Иногда высказывался в том смысле, что его цель — завладеть ресурсами России. Это вполне соответствовало экономической цели Германии, стремившейся к автаркии. Приток сырья из России должен продолжаться. Советская Россия щедро снабжала Германию сырьем либо за счет своих собственных ресурсов, либо помогая перевозить его из третьих стран. Вторжение отнюдь не уменьшало нехватку сырья в Германии, наоборот, оно ее создавало: больше нет ни кавказской нефти, ни олова или резины с Дальнего Востока.

Учитывая это, Гитлер отбросил долгосрочные цели ради ближайших. Конечно, Россия снабжает Германию. Но сколько времени это будет продолжаться? Иногда Гитлер говорил, что Германия в безопасности, пока Сталин у власти. Чаше он утверждал, что Сталин готовится всадить нож в спину Германии, как только она глубже втянется в войну с Англией. Россия предъявила новые

требования Финляндии, и скоро возникнет угроза поставкам железной руды из Швеции в Германию. В августе 1940 г. Россия вернула себе Бессарабию и завладела Северной Буковиной. Она могла вторгнуться в Румынию и прервать поставки румынской нефти. Россия поддержала сопротивление Югославии Германии и препятствовала вступлению Турции в войну на стороне Германии. Ясно, что Россия продвигалась к Балканам и черноморским проливам. Гитлер видел и непосредственную угрозу. Русские увеличивали свои вооруженные силы. Гитлер скоро убедил себя и своих генералов, что вторжение в Россию будет превентивной войной. Наполеон использовал тот же довод более века назад.

Великобритания также оставалась в поле зрения [Германии]. Англичане фактически потерпели поражение или во всяком случае не смогли выиграть войну. Однако они продолжали воевать. Гитлер объяснял это лишь тем, что англичане рассчитывают на помощь России. Фактически такое объяснение было ошибочным. Если Россия потерпит поражение, англичане пойдут на уступки и согласятся на мирные переговоры. Снова Гитлер использовал противоречивые доводы. Он сказал, что важно осуществить вторжение в Россию прежде, чем Великобритания потерпит крах. Иначе немецкий народ не последует за ним в пучину новой большой войны.

Таково было наиболее реалистическое обоснование решения Гитлера. При любых долгосрочных решениях в пользу вторжения в Россию это — единственное, что он мог сделать практически. У Германии фактически не было военно-морского флота. Ее военно-воздушные силы оказались неспособными принудить англичан сдаться. Но у нее была большая армия, только в России ее можно было широко использовать. Если раньше Гитлер говорил о силе России, то в конце концов он стал заявлять о ее слабости, оправдывая вторжение. Немцы за шесть недель нанесли поражение французской армии, считавшейся самой сильной в Европе; завоевать Россию будет гораздо легче. Он утверждал, что Россия не обладает даже той силой, которой обладала во время первой мировой войны. Ее экономическая система — в состоянии хаоса, коммунистическая диктатура вызывает ненависть. Сталин уничтожил большинство русских генералов и офицеров во время крупной чистки.

Мы знаем, что получилось в результате, и поэтому считаем решение Гитлера катастрофической ошибкой. Все было не так, как представлялось. Практически все квалифицированные эксперты думали, что война закончится в течение нескольких недель. Никто из немецких генералов не выражал сомнений, как это имело место перед вторжением во Францию. Британская разведка давала русским десять дней. Криппс, британский посол в Москве, говорил о месяце. Дилл считал, что русские могут продержаться шесть недель.

В Америке военные советники Рузвельта пришли к выводу, что Германия будет полностью поглощена войной против России минимум месяц и максимум три месяца. Руководители американской стратегии полагали, что осенью, после разгрома России, опасность нависнет над Великобританией и Соединенным Штатам придется иметь наготове 300 дивизий; если же Германии суждено потерпеть поражение, в этом случае США хватило бы 100 дивизий.

Имеется еще более важное свидетельство. Сталин полагал, что Германия нападет на Россию только после поражения Великобритании. Поэтому он отвергал, подозревая провокацию, предупреждения британского и американского правительств. Он шел на любые уступки, лишь бы отсрочить вторжение Германии: советские поставки в Германию были увеличены без всякой взаимности; Советский Союз разрывал отношения с теми странами, которые подверглись германской агрессии, даже если раньше, как в случае с Югославией, Россия поддерживала с ними дружественные отношения. Когда немецкая армия вторглась в Россию, Сталин впервые поверил, что все потеряно. Он сказал после падения Киева: "Все, для чего Ленин работал, разрушено".

Одним словом, Гитлер решил вторгнуться в Советскую Россию не потому, что она представляла опасность, а потому, что ей будет очень легко нанести поражение. Правда, Гитлер всегда рисковал. А на этот раз думал, что делает ставку наверняка, что вторжение будет последней из его малых войн, а не первой крупной. Немецкие армии, которые вторглись в Россию, были ненамного сильнее тех, которые воевали во Франции. Материальных ресурсов хватило бы только на месяц "крупных военных затрат"; по приказу Гитлера осенью 1941 г. военное производство в Германии было сокращено на 40% на том основании, что оно больше не понадобится.

К тому же Гитлер не искал союзников, а он мог бы это сделать ради любой действительно крупной авантюры. Румыния была втянута в войну скорее как необходимый плацдарм для нападения, а не вследствие ее мощи. Венгрия также присоединилась, чтобы не проиграть в конкуренции с Румынией из-за Трансильвании. Но Гитлер не раскрывал своих планов Муссолини и был раздражен, когда последний настаивал на посылке итальянских войск на Восточный фронт. Со стороны Гитлера не было особых попыток объявить поход против коммунизма, и помощь фашистских государств, включая испанскую Голубую дивизию, была незначительна.

Отношения Гитлера с Японией были самые странные. Он рассматривал союз с Японией как средство против России, но, когда Мацуока, министр иностранных дел Японии, прибыл в Берлин в апреле 1941 г., ему ничего не сообщили о планах Германии, а просили повернуть японские силы на юг, против англичан в Син-

гапуре. Гитлер решил не делить с Японией трофеи, добытые в России. Он хотел, чтобы Япония не давала покоя англичанам и американцам на Дальнем Востоке, чтобы таким образом укрепились позиции Германии в Западной Европе во время вторжения в Россию. Мацуока принял рекомендации Гитлера. Возвращаясь домой, он подписал в Москве пакт о нейтралитете, который обе стороны соблюдали почти всю войну. Вернувшись в Токио, Мацуока потребовал нападения на Сингапур. Его коллеги по кабинету колебались, еще надеясь на соглашение с Соединенными Штатами, а Мацуока был вынужден уйти в отставку, когда оказалось, что вторжение Германии в Россию опрокидывает его расчеты. Но если отойти от формальностей, Германия и Япония двигались в одном направлении. Япония перестала представлять даже малейшую угрозу для России, и в этом была отчасти заслуга Гитлера.

Подготовка Германии к вторжению в Россию велась поспешно. Немцы исходили из предположения, что победа будет легкой и долгосрочные планы не понадобятся. У Генерального штаба было мало информации о силах России, Россию уподобляли Франции, имевшей разветвленную сеть шоссейных дорог и резервуаров с горючим. Для немецких танков наметили маршруты, но не позаботились о путях подвоза горючего. Следовательно, танковые дивизии и в еще большей мере остальные немецкие соединения зависели от хороших дорог, которых в России не было. Генеральный штаб признал, что продовольственное снабжение будет проблемой. Экономическая директива гласила: "Нет сомнения, что миллионы людей умрут от голода, если мы заберем у страны то, что нам нужно"; но немецких генералов это не волновало.

Главнокомандующие остались те же, что и во французской кампании, однако стратегические планы были гораздо менее точны. Генеральный штаб перебросил три армейские группы к советским границам. Группа Лееба на севере устремилась вдоль Балтийского побережья к промышленному Ленинграду. Бок, командовавший самой сильной армейской группой, двинулся на Москву. Армейская группа Рундштедта на юге направилась на Украину и имела конечной целью захват Кавказа. Не было определенности относительно главной цели. Гитлер считал, что сначала надо завоевать индустриальные и сырьевые районы, а затем окружить Москву и начать ее штурм. Генералы склонялись к быстрому броску на Москву — столицу России и центр важнейших коммуникаций.

Казалось, что разница в подходах не имеет особого значения. Предполагали, что бои на границах продлятся примерно четыре недели, после чего последует уничтожение рассеянных остатков русских армий. Фактически немецкий Генеральный штаб, обычно склонный все планировать заранее, на этот раз руководствовался

принципом Наполеона, который гласил: "Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уж видно будет". Результаты были плохие с самого начала. Во французской кампании очередное наступление двух армий, Бока и Рундштедта, уменьшало расстояние между ними. В России наступление трех армейских групп увеличивало разрыв в их линии фронта. Замешательство вызвало и то, что немцы не решили проблему, которая уже возникала во Франции: должны ли танковые дивизии решать самостоятельные задачи, или же они должны просто расчищать путь пехоте.

Немцы вторглись в Россию, опираясь на превосходство в военном искусстве и престиж победы, при этом силы противников были равны. У немцев, включая союзников, было 200 дивизий, у русских — 209. У немцев было 3350 танков — только на 600 больше, чем во время французской кампании. У русских имелось примерно 25 000 танков, в большинстве устаревшей конструкции, хотя танки Т-34, которых было сравнительно немного в начале войны, являлись лучшими танками того времени. У немцев — 3 тыс. самолетов, у русских — в 2 раза больше, причем тоже устаревших*. Немецкий Генеральный штаб не принял в расчет одного — пространства. Во Франции немецкие армии вначале продвинулись примерно на 250 миль и затем две недели отдыхали, перед тем как начать преследование разбитой французской армии на расстоянии еще 200 миль. В России были в 5 раз большие расстояния, а времени для передышки — немного. Во Франции у немцев было 10 самолетов на каждый километр фронта, в России — один. Как признался впоследствии Кейтель, "Гитлер говорил так, как будто русская кампания — дело верное... Но теперь, оглядываясь назад, я вижу, что это был страшный риск".

Целью русской кампании было завоевание, а не просто победа. Европейская Россия должна была стать немецкой колонией. Гитлер утверждал, что советская политическая структура рухнет в ходе первых ударов. Что должно занять ее место? Этот вопрос так и

* Ср. эти данные с опубликованными в журнале "Новая и новейшая история": "К 22 июня в приграничных военных округах и войсках резерва Главного командования, успевших сосредоточиться на западе, насчитывалось 186 дивизий, 2 стрелковые бригады, 4 воздушно-десантных корпуса, около 3 млн человек и 39 тыс. орудий и минометов, 9,5 тыс. танков и около 8,5 тыс. самолетов... К исходу 21 июня на территории сопредельных Советскому Союзу западных стран сосредоточилось 157 дивизий и 19 бригад армий Германии и ее союзников. 130 дивизий и 8 бригад из указанного числа вражеских соединений находились в полной готовности к наступлению и располагались в непосредственной близости от границы. Вся группировка войск противника насчитывала 3,4 млн человек, 31,1 тыс. орудий и минометов, около 4 тыс. танков и штурмовых орудий, 1,3 тыс. самолетов". Данные вооруженных сил Германии и ее союзников подсчитаны по штатной численности соединений (Новая и новейшая история. 1991. №3. С. 17—18):

не был решен. Розенберг, нацистский советник по русским делам, хотел склонить на свою сторону население, уничтожить Коммунистическую партию, освободить национальные меньшинства и возвратить колхозные земли крестьянам. В бывших Балтийских государствах [Латвии, Литве, Эстонии] эта программа выполнялась очень успешно. Необходимым средством ее проведения являлся террор, истребление. Все комиссары и коммунисты подлежали казни без суда — приказ, после некоторых колебаний принятый генералами. Было также сказано, что нет необходимости соблюдать законы войны, так как Советская Россия не подписывала Женевской конвенции*. Генералы приняли и это. Для них, как и для Гитлера, славяне являлись "унтерменшен". Рыцарство было забыто, и немецкие солдаты, действуя по приказам свыше, убили в ходе войны 2 млн военнопленных и свыше 10 млн гражданских лиц. Снова пришел Аттила.

Впоследствии считали, что осуществление плана "Барбаросса" — вторжения в Россию — первоначально было намечено на 15 мая, а затем отложено из-за событий в Югославии, таким образом был потерян целый месяц. Это — легенда, придуманная немецкими генералами для оправдания своего поражения в России и фактически ни на чем не основанная. Лишь 15 из 150 немецких дивизий, предназначенных для первого удара, были отвлечены на Балканы, вряд ли это серьезная потеря. Планы мобилизации в Германии для Восточного фронта не были выполнены к 15 мая по совершенно другой причине: вследствие недостатка снаряжения, особенно автотранспорта. Гитлер пытался начать тотальную войну, опираясь на экономику мирного времени. Даже при месячной отсрочке 92 немецкие дивизии, т.е. 40% общего числа, пришлось снабжать целиком или частично из французских ресурсов. Отсрочка, возможно, даже оказалась кстати, поскольку после весеннего таяния снега земля просохла к середине июня.

Осуществление плана "Барбаросса" началось 22 июня 1941 г., примерно в тот же день, когда Наполеон вторгся в Россию. Германия объявила войну, когда бои шли по всему фронту. Молотов сетовал: "Чем мы это заслужили?" Русские повсюду были застигнуты врасплох. 1,5 тыс. советских самолетов были уничтожены на аэродромах. Немецкие армии продвигались вперед быстрее, чем во Франции, однако даже в безнадежном окружении русские солдаты с нечеловеческим упорством продолжали сражаться, пока хватало боеприпасов. Значительные русские силы, окруженные немецкими танками, отступали через бреши в немецких линиях и снова шли в бой. Зачастую они пытались организовать отчаянное контрнаступ-

* Имеются в виду Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., к которым Советский Союз присоединился в 1942 г.

ление. В конце июня из-за сильных дождей все немецкие колесные машины на два дня вышли из строя. Гальдер говорил: "Сейчас наши войска вынуждены сражаться согласно боевому уставу. В Польше и на Западе они могли себе позволить поблажки, здесь не могут". Офицер-фронтовик имел другое мнение: "Ситуации иногда были такие запутанные, что неизвестно было, мы обходим врага или он обошел нас".

К концу июля немцы выиграли "битву на границах". Советские армии повсюду отошли. Группа армий "Центр" была на подступах к Смоленску, две другие приближались к Ленинграду и Киеву. Но главная цель не была достигнута. Советские войска не были уничтожены, хотя в первые дни войны царил неописуемый хаос. Из Москвы не поступали четкие приказы, за исключением приказа сражаться до последнего. Генералов, давших приказ об отступлении или хотя бы позволивших отступить, расстреливали. Через десять дней Сталин пришел в себя. 3 июля он обратился по радио к советскому народу. Слушателей удивил его грузинский акцент. Через несколько недель Сталин стал главнокомандующим. С этого момента он руководил военными действиями более непосредственно и самостоятельно, чем любой другой руководитель времен войны. Большинство лучших советских генералов были уничтожены в ходе большой чистки. Тимошенко был фигурой незаметной. Буденный примечателен только своими усами. Но ситуация начинала меняться. Жуков, вероятно, величайший генерал второй мировой войны, уже организовывал Резервный фронт на подступах к Москве.

Перед немцами встала дилемма: где наносить главный удар — в центре или на флангах? До сих пор наступали на всех направлениях. Больше так действовать они не могли, их силы таяли. Гальдер отмечал: "В начале войны мы рассчитывали на 200 русских дивизий. Мы уже насчитали 360". Когда Гудериан попросил увеличить количество танков, Гитлер ответил, что ничего не может выделить, и добавил: "Если бы я знал, что ваши данные о количестве русских танков соответствуют действительности, я бы наверняка не начал эту войну". Гудериан хотел двигаться прямо на Москву. Клюге, его непосредственный начальник, сказал ему: "Твои операции висят на волоске". А Гитлер отметил: "Моим генералам непонятны экономические аспекты войны". Почти месяц, вплоть до 23 августа, немецкие генералы, Генеральный штаб и Гитлер обсуждали дальнейшие шаги, в то время как их армии стояли на месте. Именно этот период бездействия, а не месяц до начала кампании был действительно большой потерей времени.

Реакция Англии на нападение на СССР была быстрой. Вечером 22 июня Черчилль, выступая по Би-би-си, сказал: "Могут ли быть сомнения относительно того, какой будет наша политика? У нас только одна задача и одна-единственная конечная цель. Мы полны решимости покончить с Гитлером и всеми следами нацистского режима... Следовательно, мы окажем любую возможную помощь России и русскому народу". Несомненно, это была приятная новость для Сталина, который в какой-то мере ожидал, что Великобритания поступит так же, как он поступил в 1939 г., и присоединится к Гитлеру. Заявление Черчилля было встречено рабочим классом с энтузиазмом. На более высоком уровне ситуация была иной. Лидеры лейбористов превзошли консерваторов в недоверии к России, они не верили ни в ее искренность, ни в ее силу. В Военном кабинете только Бивербрук горячо поддерживал Россию. Черчиллю и в голову не пришло (и в еще меньшей мере другим министрам), что Великобритания и США приобрели союзника, который выиграет для них войну против Германии.

Вторжение в Россию было большим препятствием для тех, кто в США поддерживал политику вмешательства. Помощь Великобритании — одно дело, помощь коммунистической России — совсем другое. Влиятельный сенатор Трумэн, который в конце войны сменил Рузвельта на посту президента, заявил, что западные державы должны отойти в сторону, пока русские и немцы будут бороться не на жизнь, а на смерть. Рузвельту приходилось учитывать мнение американцев. Хотя Гарри Гопкинс, его главный советник, в июле ездил в Москву и встречался со Сталиным, ленд-лиз был распространен на Россию только в ноябре, когда стало ясно, что она выстоит; в течение всей осени Рузвельт постоянно подчеркивал, что Соединенные Штаты не будут втянуты в войну. Однако как раз в это время Великобритания больше, чем когда-либо, нуждалась в американской помощи.

Жизненное пространство, такое, каким его себе представляли все англичане, скорее усиливало их беспокойство, а не приносило облегчения. Повсюду ожидали, что немецкие силы достигнут Кавказа к осени, и тогда возникнет угроза британским поставкам нефти из Персии и Ирака. Окинлек прервал подготовку к новому наступлению в Северной Африке и начал принимать меры предосторожности в Персидском заливе. Посетив Лондон, он сказал, что уйдет в отставку, если получит приказ вести наступление в Северной Африке. Еще сильнее англичан тревожил Дальний Восток. Они ожидали, как и Гитлер, что Япония, избавленная от опасности в Маньчжурии, повернет на юг и нападет на Сингапур. Англичане полагали, что успеют послать флот в Сингапур, если тот окажется под угрозой. Теперь они могли не успеть, но в любом случае у

них не было запасных кораблей. Они решили защищать Сингапур с помощью авиации, но не смогли послать и самолета. Тем не менее англичане обещали Австралии и Новой Зеландии покинуть Средний Восток, если Сингапур подвергнется опасности. До сих пор они бездействовали, надеясь, что японцы клюнут на дезинформацию о том, будто бы Сингапур беззащитен. Обман не удался, помощь американского флота Сингапуру была их последней надеждой.

Такова была цель первой из девяти встреч Черчилля с президентом Рузвельтом. В середине августа два великих человека и их советники беседовали на военном корабле в бухте Ардженшия, остров Ньюфаундленд. Цель англичан не была достигнута, американцы отказались обсуждать проблему Дальнего Востока, считая Средний Восток "обязательством, от которого англичане должны отказаться"; США отвергли идею, что Германию можно разгромить путем бомбардировок, без крупного сражения на суше. Вывод, очень неприятный для англичан, состоял в том, что они могут сами защищать Сингапур, если откажутся от навязчивой стратегической идеи насчет бомбардировок и Среднего Востока.

Рузвельт считал, что нужна декларация, которая окажет влияние на американцев. В результате появилась Атлантическая хартия — ряд общих положений, которые никого не вдохновляли и впоследствии почти не упоминались. Хартия не была даже официальным документом, несмотря на громкое название; это было просто неподписанное коммюнике. Однако до некоторой степени оно имело смысл. Англичане и американцы не стремились к переделу мира. Они просто сражались, никаких далеко идущих целей у них не было. В последний момент два великих человека вспомнили про Сталина, послали ему приветствие и дали неопределенное обещание о поставках в будущем. Им, конечно, в голову не пришло, что Россия может внести вклад в победу и что-то сделать для мира после нее.

Сталин просил у англичан помощи с самого начала германского вторжения. Он хотел немедленного открытия второго фронта: высадки англичан во Франции или на Балканах. Не добившись этого, Сталин просил послать 25 — 30 английских дивизий на Кавказ. Черчилль отклонил предложение, найдя его абсурдным; без сомнения, это было так. Фактически англичане могли помочь России в военном отношении не более, чем они смогли помочь Польше. В свое оправдание они заявили, что сам факт их участия в войне удерживал примерно 40 немецких дивизий в Западной Европе,

правда второстепенных, которые не особенно были нужны Гитлеру. Англичане также утверждали, что их бомбардировки Германии — прямой вклад в войну, однако в ноябре 1941 г. они их прекратили, поскольку сами при этом несли большие потери, чем немцы.

С поставками дело обстояло лучше. В сентябре Бивербрук и Гарриман, посол Рузвельта по особым поручениям, отправились в Москву. Американцы мало что могли предложить. Бивербрук, настроенный помогать России, отказался от большей части американских поставок, обещанных Великобритании, и таким образом часть просьб Сталина была удовлетворена. Вернувшись в Англию, Бивербрук столкнулся с противодействием министров и командующих видами вооруженных сил. Как писал Черчилль, "у командования вооруженных сил было такое чувство, словно с них сдирают кожу". Хотя Бивербрук временно добился своего, осуществление поставок в Россию было проблемой, так никогда полностью и не разрешенной.

Политическое соглашение с Россией также было связано с трудностями. Англичане были готовы подписать соглашение о военном союзе. Сталин хотел большего. Даже в этот отчаянный момент он настаивал, чтобы англичане признали Россию в границах 1941 г., включая восточную часть Польши и Балтийские государства. Англичане были удивлены, хотя раньше признавали, что восточная часть Польши не является этнически польской территорией. Рузвельт со своей стороны считал, что вопрос о границах не следует обсуждать до окончания войны. Что касается более практических соображений, то он учитывал наличие польских избирателей в Соединенных Штатах. Однако права России на Балтийские государства и восточную часть Польши были гораздо более обоснованными по сравнению с правом Соединенных Штатов на Нью-Мексико. Фактически англичане и американцы применяли к русским нормы, которых они не применяли к себе. Таким образом, уже в это время появились признаки "холодной войны".

Каковы бы ни были перспективы британских и американских поставок, Россия переносила военные невзгоды одна. 23 августа немецкие генералы приняли решение об очередном наступлении, или скорее Гитлер его им навязал, впервые открыто не послушавшись их совета и изменив направление удара. Группа армий "Центр" должна была остановиться. Две группы на флангах должны были уничтожить советские армии, противостоящие им. Затем все три группы объединятся для окончательного удара по Москве. После войны многие немецкие генералы утверждали, что это решение было ошибкой, что из-за него Гитлер проиграл войну. Жуков не согласился с ними: "В августе немецкие силы были не в состоянии

продвигаться вперед на Москву и захватить город, согласно планам некоторых немецких генералов. Следовательно, все попытки немецких генералов и историков приписать вину за поражение Гитлеру бесполезны".

Фактически не было альтернативы. Все три группы армий выбивались из сил, были истощены русским сопротивлением и огромными пространствами, на которых им приходилось действовать. Группа армий "Центр", самая сильная, могла бы укрепить группу армий "Юг", если бы сама оборонялась. Но ни одна из двух других групп не могла бы укрепить группу армий "Центр" или защитить ее фланги, если бы она устремилась вперед на Москву. Во всяком случае решение было принято. Танки Гудериана повернули обратно, отказавшись от наступления на Москву, и двинулись на юго-восток, против незащищенных флангов советских армий, оборонявших Киев.

Лееб на севере и Рундштедт на юге привели свои армии в движение. К началу сентября Лееб подошел к пригородам Ленинграда. Ему было приказано не вовлекать танки в уличные бои и не штурмовать город. Но Лееб желал своей собственной победы. Ему не приходило в голову, что его бронетанковые войска могут еще где-нибудь понадобиться. Немецкие танки продвигались вперед. В Ленинграде между Ворошиловым и Ждановым, руководившими обороной, были разногласия. Сталин подозревал, что они планируют сдать город и самостоятельно договориться о мире. Ворошилов был заменен и переведен в Комитет Обороны, Жуков принял командование и одержал первую из своих побед. Немцы были остановлены и никогда уже больше не штурмовали город. К ноябрю Ленинград был почти окружен и продолжал держаться только благодаря дороге, проложенной по льду Ладожского озера. Из 3 млн его жителей более трети умерли от голода до снятия блокады в 1944 г. Но Ленинград выжил. На оперативном уровне у Лееба не было бронетанковых войск для наступления на Москву.

На юге для немцев все складывалось хорошо. Это была битва, которую немцы называли самым большим "котлом" в истории. Русские армии под руководством Буденного, превышающие миллион человек, были плохо обучены, а в дальнейшем им был нанесен урон приказом Сталина, запретившим отступление. В то время как Буденный все еще собирал силы на подступах к Киеву, танки Клейста, пробивавшиеся с юга, встретились с войсками Гудериана, неожиданно прорвавшимися с севера на 100 миль в русский тыл. У русских не было сил для выхода из окружения. Немцы взяли в плен 665 тыс. человек, по их собственным подсчетам; возможно, цифра преувеличена. Они захватили или уничтожили 718 танков

и 3718 пулеметов. Рундштедт продолжал продвигаться на Украину, в Крым и Донбасс. В ходе этой операции немцы взяли в плен еще 400 тыс. человек и захватили или уничтожили 753 танка и 2800 пулеметов.

Это была большая награда, которую Гитлер стремился заполучить всей душой: не только победа, но завоевание крупного промышленного района России и главного источника ее продовольственного снабжения и сырья. Россия потеряла треть своей промышленной продукции, половину сельскохозяйственных площадей. К концу 1941 г. уровень промышленной продукции в Советском Союзе составлял менее половины довоенного. Германия приобрела "жизненное пространство". Однако все это было иллюзией. Русские, отступая, оставляли после себя выжженную землю. Они взорвали Днепрогэс, разрушили железные дороги и мосты, сожгли запасы продовольствия. Немцы ухудшали свое положение жестоким отношением к жителям. Вожденная Украина принесла мало выгод завоевателям.

Терпя поражение, русские добились успехов, обеспечивших их победу. Заводы и фабрики Украины вместе с их рабочими тихо и незаметно исчезали. До войны советское руководство начало создавать новый промышленный район к востоку от Урала, — район, который к 1941 г. уже производил треть промышленной продукции России. Сразу после начала войны русские стали перемещать заводы на восток. С Украины были эвакуированы примерно 500 заводов. Для перемещения одного лишь завода требовалось 8 тыс. железнодорожных вагонов, однако через четыре месяца он снова начинал работать. К 1942 г. советская промышленность производила 2 тыс. танков и 3 тыс. самолетов в месяц*. Сельское хозяйство было более трудной проблемой. Большинство крестьян были мобилизованы, а половина сельскохозяйственных угодий — потеряна. Снабжение продовольствием никогда не достигало довоенного уровня, и русские голодали во время войны.

К концу сентября немцы смогли возобновить наступление на Москву. В Берлине журналистам велели подготовить специальные сообщения о падении Москвы и окончании войны. 2 октября Гитлер обратился к немецкому народу: "Я говорю это сегодня, потому что в первый раз я вправе это сказать: враг разбит и никогда больше не сможет подняться". Опять казалось, что все идет хорошо. Был еще один "котел" — в Вязьме и Брянске. Восемь русских армий

* Ср. с данными, опубликованными в "Истории второй мировой войны": в I квартале 1942 г. в среднем ежемесячно выпускалось около 1,6 тыс. танков всех типов и 1,1 тыс. боевых самолетов всех типов. Лишь во II квартале стало выпускаться свыше 2 тыс. танков, а производство боевых самолетов приблизилось к 1,7 тыс. (см.: История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 158).

были разбиты: 673 тыс. человек взяты в плен, 1242 танка и 5432 пулемета захвачены или уничтожены. В Москве началась паника. Толпы людей осаждали вокзалы и поезда, идущие на восток. Было объявлено военное положение. [...] С течением времени эвакуация стала проходить более спокойно. Правительство и дипломатический корпус были отправлены в Куйбышев; примерно 2 млн жителей покинули Москву и устремились на восток. Сталин оставался в Москве, Жуков принял командование Центральным фронтом. 6 ноября, в канун годовщины Октябрьской революции, Сталин выступил на заседании Моссовета, проходившем на станции метро, а 7 ноября он приветствовал, как военный парад, но несколько меньших масштабов, колонны войск, марширующих мимо Мавзолея Ленина на Красной площади.

Немецкое наступление пробуксовывало. Падал снег, и была жуткая слякоть. Немецкий транспорт увязал в грязи, танки не могли двигаться вперед, солдаты без зимней одежды насмерть замерзали на своих постах. Русские партизаны выводили из строя железные дороги. 12 ноября немецкие генералы еще раз обсуждали дальнейшие шаги. Некоторые считали нужным остановиться и дожидаться весны. Как же это объяснить Гитлеру? Они ведь только что сообщали об окончательной победе! Гальдер прервал дискуссию: "фюрер желает", чтобы наступление продолжалось.

У Жукова были свежие резервы. 25 отборных советских дивизий находились на Дальнем Востоке. В начале ноября Сталин разрешил перебросить их на Московский фронт. Возможно, он действовал на основе информации Рихарда Зорге, советского разведчика в Токио, сообщившего, что японцы перемещаются на юг и Маньчжурский фронт в безопасности; возможно, информация поступала от "Люси", советской шпионской группы в Швейцарии; возможно, Сталин просто рисковал. Во всяком случае немцы больше не одерживали побед. Хотя замышлялось стратегическое сражение, на деле произошли отдельные тактические стычки. 27 ноября немецкий генерал-квартирмейстер сообщил: "Наши людские и материальные ресурсы исчерпаны".

29 ноября Советские Вооруженные Силы на юге отбили Ростов — это было первое поражение немцев в войне против России. 2 декабря немецкие подразделения достигли конечной остановки московской трамвайной линии и увидели вдали башни Кремля, освещенные заходящим солнцем. Бок сообщил Гитлеру: "Трудно понять, какой смысл продолжать наступление... особенно сейчас, ведь близится момент, когда силы войск будут совершенно исчерпаны". Ему нехотя ответили, что он может остановиться. Согласно

данным немецкой разведки, русские были недостаточно сильны, "чтобы осуществить крупномасштабное наступление". 5 декабря Жуков отдал приказ о генеральном наступлении на Московском фронте. Блицкриг был закончен.

Хотя англичане не помогали русским, осенние сражения в России облегчили их положение. Поскольку Кавказ был недоступен, во всяком случае временно, для Германии, Окинлек мог наконец позволить себе роскошь возобновить наступление в Северной Африке, которое долго откладывалось. Это была небольшая по русским масштабам кампания: примерно по 10 дивизий с каждой стороны, 710 британских танков действовали против 174 немецких и 146 устаревших итальянских*. Превосходство в танках больше не играло решающей роли. Роммель снова эффективно использовал противотанковые орудия, и, к большому удивлению англичан, их танковые подразделения опять потерпели поражение. Прошли времена, когда танки могли вступать в сражение без поддержки пехоты. Наступление англичан, целью которого было освобождение Тобрука, началось 18 ноября. За шесть дней они ничего не добились, и Каннингхэм, в прошлом освободитель Эфиопии, а теперь командующий 8-й армией, хотел прервать наступление. Окинлек, опасаясь недовольства Черчилля, сместил Каннингхэма и приказал продолжать наступление.

Было много беспорядочных сражений, представляющих интерес лишь для военных специалистов. Роммель, скорее король танковой войны, чем стратег, совершал вылазки далеко за британские линии и чуть было не попал в плен. Видя безрезультатность этих операций, Роммель, более благоразумный, чем Окинлек, решил сохранить силы и отошел на запад. Тобрук был освобожден. В начале 1942 г. англичане достигли Бенгази, вернувшись туда, где были год назад, после победы О'Коннора. В ходе боев каждая сторона потеряла примерно 2500 человек убитыми, что было крайне мало по русским масштабам.

Эта вторая победа англичан в Северной Африке была так же бесплодна, как и первая. Хотя Роммель потерял треть своих танков, англичане потеряли две трети. Кроме того, их положение в Средиземноморье становилось все более неопределенным. Немецкие подводные лодки, переброшенные из Атлантики, потопили авианосец "Арк Ройал" и линкор "Бэрхем". Итальянские аквалангисты вывели из строя еще 2 линкора в гавани Александрии. Флот ад-

* Ср. с данными, опубликованными в "Истории второй мировой войны": британские войска имели 6 дивизий и южноафриканский полк и насчитывали 924 танка, а итало-немецкие войска состояли из 7 итальянских и 3 немецких дивизий. На их вооружении было 552 танка (см.: История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 203—204).

мирала Каннингхэма сократился до 3 легких крейсеров и крейсера с зенитной артиллерией. Тем временем немецкий авиационный корпус прибыл в Сицилию и Северную Африку. Стало невозможно снабжать Мальту, которая была блокирована. Хуже всего, что рухнула основа британской стратегии. Япония нарушила нейтралитет, и дальневосточным владениям Британской империи угрожала неминуемая опасность.

События на Дальнем Востоке были тесно связаны с войной в России и возрастающими трудностями Великобритании. Японцам было ясно, что, если Рузвельту придется помогать Англии и России, его внимание будет отвлечено от района Тихого океана; это было так же ясно и самому Рузвельту. Япония и Соединенные Штаты в большей степени, чем когда-либо, нуждались в соглашении. Но, как и прежде, каждая сторона хотела подписать соглашение на собственных условиях. Японцы считали, что Рузвельт, внимание которого обращено на Европу, пойдет наконец на компромисс и согласится с их господством, хотя и скрытым, в Китае. Рузвельт полагал, что можно решить японскую проблему, только проявляя большую твердость. В июле 1941 г. японцы распространили свою власть на весь французский Индокитай, от севера до юга. Таким образом они достигли границ Сиамы и были на подступах к Сингапуру. В ответ на это Рузвельт заморозил японские капиталы и наложил эмбарго на поставки нефти в Японию. У англичан и голландцев не было иной альтернативы, как также принять участие в этом конфликте. Японская внешняя торговля сократилась на $\frac{3}{4}$, импорт нефти — на $\frac{9}{10}$. Японцы считали, что к весне их экономика, если они не смогут прорвать эмбарго, потерпит крах. Под японский нейтралитет была подложена мина замедленного действия.

Коноэ, премьер-министр Японии, был обеспокоен переговорами. Он предлагал встретиться с Рузвельтом. Рузвельт считал, что японцы еще не смягчили в достаточной мере свою позицию, и отказывался от встречи. 16 октября Коноэ ушел в отставку, а генерал Тодзио, военный министр, стал премьер-министром, возложив тем самым "ответственность непосредственно на армию". Возможно, Тодзио пошел бы на компромисс там, где Коноэ не осмелился. Японцы предложили вывести войска из Индокитая и признать принцип открытых дверей в Китае, хотя до соглашения с Чан Кайши выводить войска не собирались. В ответ Хэлл, государственный секретарь США, потребовал, чтобы Япония прежде всего разорвала союз с Германией. Этот союз никогда не был особенно выгоден для Японии. Но как раз в это время немцы настаивали на более тесных отношениях. Риббентроп, а возможно, и Гитлер понимали, что Япония может пойти на компромисс с

Соединенными Штатами и это освободит американский флот от атлантических операций. Поэтому они дали твердое обещание, что объявят войну Соединенным Штатам, если Япония перейдет в наступление. От такого предложения японцы вряд ли могли отказаться.

Время шло. Японцы считали 25 ноября датой, когда война станет для них неизбежной. 18 ноября они предложили не менять положения, или, как американцы называли его, *modus vivendi*. Америка отменит эмбарго на нефть и откажется от поставок Чан Кайши; Япония выведет свои войска из Индокитая. Рузвельт был готов к соглашению. Хэлл провел консультации с союзниками Америки. Китай, конечно, возражал. Голландцы выражали полное согласие. Англичане также соглашались, но не хотели нести ответственность за любой американо-японский компромисс и недооценивали готовность японцев начать войну с Британской империей и Соединенными Штатами. Поэтому Черчилль выразил неудовольствие тем, что Чан Кайши сажают на "очень скудную диету". Хэлл вышел из себя и отверг временное соглашение. В такой любопытной форме англичане, желавшие получить американскую помощь против Германии, а также избежать войны на Дальнем Востоке, фактически сделали окончательно неизбежной эту войну.

Сингапур был беззащитен. В этом суть позиции Англии. Там было лишь 158 самолетов, а нужно — минимум 582. К тому же англичане построили большое количество аэродромов для своих несуществующих военно-воздушных сил, — аэродромов, которые они не могли защитить и которые поэтому стали посадочными площадками для японцев. Армейские пополнения, которые могли пойти в Сингапур, вместо этого пошли к Окинлеку. А когда Дилл предложил отложить наступление в Северной Африке, Черчилль умышленно неправильно его понял и обвинил в предложении эвакуировать Средний Восток. У Черчилля было собственное оружие, или скорее это был блеф. Он стремился послать военно-морские силы в Сингапур, чтобы создать "смутную угрозу". 2 декабря адмирал Том Филлипс прибыл в Сингапур с линкором "Принц Уэльский" и боевым крейсером "Рипалс". Авианосец, который должен был присоединиться к ним, на Ямайке сел на мель. При отбытии Филлипса из Лондона главный маршал авиации Харрис сказал ему: "Том, не выходи из укрытия, иначе ты пропал". Филлипс не обратил внимания на это предупреждение, но признал, что его два корабля не могут противостоять всему японскому флоту, и собирался покинуть Сингапур, если начнется война. "Смутная угроза" на этом закончилась.

Англичане опасались, что Япония нападет на Сингапур, не вступив в войну против Соединенных Штатов, и тогда англичанам придется воевать с Японией в одиночку. Были сделаны отчаянные попытки вовлечь американцев в войну. 10 ноября Черчилль заявил, что, если начнутся боевые действия между Японией и Соединенными Штатами, Англия объявит войну "в течение часа". От американцев подобного заявления не последовало.

На самом деле японцы никогда не планировали отдельного нападения на Сингапур и британские владения на Дальнем Востоке. Уж если речь шла о войне, то они имели в виду завоевать "великое жизненное пространство в Азии" путем нанесения быстрых ударов. Затем, установив контроль над Малайей, Борнео и голландской Ост-Индией, они могли противостоять контрнаступлению американцев и ждать приемлемого компромисса. Японцы были уверены, что смогут бороться против военно-морских сил Англии, Голландии и США на Дальнем Востоке. Тень сомнения нависла над их расчетами. Основная часть американского флота находилась в Пёрл-Харборе, недостижимом, как казалось, для Японии. Эту задачу решил адмирал Ямамото, который, в отличие от большинства моряков, верил в возможности авиации. Благодаря ему японский флот был хорошо оснащен авианосцами. Ямамото, ободренный успешной операцией англичан в Таранто в ноябре 1940 г., предложил использовать авианосцы для уничтожения основной части американского флота путем внезапного нападения на Пёрл-Харбор. Японский кабинет принял его предложение. 1 декабря Императорский совет Японии решил, что не следует вступать в войну ради жизненного пространства, но Япония должна воевать, если ее национальное существование окажется под угрозой, и совет посчитал, что это произошло. Жребий был брошен.

Американцы знали о решении Японии и должны были предвидеть, что из этого последует. Они расшифровали японские коды и в течение нескольких месяцев читали все японские сообщения. Предупреждение о неизбежности войны было послано вовремя — 27 ноября. Но, охваченные беспокойством за Сингапур и Филиппины, американцы не думали о возможности нападения на Пёрл-Харбор и не обращали внимания на многие детали, указывавшие на это. Существует альтернативное объяснение, согласно которому президент Рузвельт умышленно не принял мер предосторожности в Пёрл-Харборе, чтобы спровоцировать нападение японцев и таким образом втянуть Америку в войну. Это кажется маловероятным. Ни один государственный деятель, даже беспринципный, не начнет

умышленно войну, связанную с потерей значительной части своего флота. Более того, полное пренебрежение мерами предосторожности в Пёрл-Харборе повлекло за собой такие последствия, которые невозможно было предусмотреть.

Надо учесть, что американцы получили ясное предупреждение о Пёрл-Харборе в последний момент. 6 декабря американские шифровальщики начали расшифровывать сообщение, состоявшее из четырнадцати частей и перечислявшее претензии японцев. Когда первые тринадцать частей были показаны Рузвельту в тот вечер, он сказал: "Это означает войну". На следующее утро американцы расшифровали последнюю часть, в которой содержалось указание японскому послу передать полное сообщение в час дня. Но 7 декабря было воскресенье. Почему японцы хотят передать важное сообщение днем в воскресенье? Офицеры, которые ломали голову над этим, нашли ответ. Пёрл-Харбор — единственная американская база на Тихом океане, где в это время взойдет солнце. Предположение оказалось правильным. Педантичные японцы собирались объявить войну за полчаса до нападения на Пёрл-Харбор. К несчастью, сообщение было слишком длинным, японский посол не смог расшифровать его вовремя и передал его только после нападения.

Разгадка шифров была задачей флота. Адмирал Старк признал значение сообщения японцев, но отметил, что оборона Пёрл-Харбора зависит от армии. Поэтому он послал телеграмму генералу Маршаллу, начальнику штаба армии. Маршалл отсутствовал, занимаясь верховой ездой. Вернувшись, он узнал, что армейские станции связи временно не работают. Гордость не позволила ему использовать станции связи ВМФ, он послал предупреждение на Пёрл-Харбор по коммерческой линии. Сообщение, переданное через Сан-Франциско, дошло до Пёрл-Харбора в 7 часов 33 минуты утра по местному времени. Там оно было передано вместе с другими телеграммами связному, ехавшему на мотоцикле. Мотоцикл поднимался в гору, к штабу, когда начали падать бомбы. Связной спрятался в канаве. Затем его, как японца, задержали возле дорожного заслона, обвинили, что он диверсант, и велели идти домой. Он упорствовал и честно передал сообщение в 10 часов 45 минут утра, когда все было кончено.

Американцы получили даже более ясное предупреждение. Вскоре после рассвета два оператора радиолокационных станций обнаружили неизвестный самолет на экране. Они сообщили об этом своему начальнику, который велел им прекратить работу в 7 часов утра и следить за церковной процессией. Они еще немного поработали, к этому времени вместо одного самолета появилось множество. Операторы решили, что это американские самолеты, взле-

тевшие с авианосца. Пёрл-Харбор был не защищен: самолеты скопились на аэродромах, линкоры застряли в гавани, большинство зенитных орудий не были укомплектованы личным составом, боеприпасы находились под замком.

Нападение японцев произошло до 8 часов утра и длилось меньше двух часов. В операции японцы использовали 6 авианосцев, 2 линкора и сопровождающие силы флота. Японцы ввели в действие 360 самолетов, из которых было сбито лишь 29. 4 американских линкора были потоплены, полностью потерял только один, еще 4 сильно повреждены. 10 других военных кораблей были потоплены или выведены из строя; 349 американских самолетов уничтожены или повреждены; среди убитых или раненых американцев — 3581 военный, 103 гражданских. К 10 часам утра американский флот на Тихом океане фактически перестал существовать. Операция японцев в Пёрл-Харборе, несмотря на ее вероломство, была гениальной с точки зрения военного искусства. В первой мировой войне с ней можно сравнить только прорыв немцев у Седана. Английский историк Гай Уинт писал: "Однажды победа японцев в Пёрл-Харборе предстанет в ином свете, она будет выглядеть не так, как неизбежно представлялась противоположной стороне в то время: вероломство забудется, в памяти останется боевой подвиг".

Тем не менее победа японцев могла быть еще более значительной. Все 4 американских авианосца отсутствовали в Пёрл-Харборе: 3 из них вышли в море, один ремонтировался в Калифорнии; как показали последующие события, ценность авианосцев была выше, чем линкоров. Японцы не сделали попытки уничтожить огромные американские запасы нефти на Гавайях, которые фактически были почти равны всем японским запасам. В дальнейшем японцы отвергли идею высадки войск на Оаху — остров, где расположен Пёрл-Харбор, так как надо было перебросить войска в другой район. Таким образом, у американцев оставалась первоклассная военно-морская база, хотя они потеряли надолго все свои линкоры.

Пёрл-Харбор послужил сигналом к мировой войне. Когда японский посол на полтора часа позже, чем следовало, посетил Хэлла, бомбы уже падали на Пёрл-Харбор, и объявление войны вряд ли требовалось. Уинстон Черчилль был на обеде в Чекерсе, когда вошел дворецкий и сказал: "Извините, сэр, мы только что слышали по радио на кухне, что японцы атакуют Пёрл-Харбор". Черчилль встал и вышел из комнаты, заявив с явным облегчением: "Я намерен объявить войну". На деле Англия не объявляла войну до следующего дня, тем не менее времени было достаточно, чтобы опередить решение конгресса о войне. Другие союзники последовали

этому примеру. Даже Китай наконец объявил войну Японии и Германии, чтобы воздать им полной мерой. Советской России, конечно, было чем заняться, и она не вмешивалась в войну на Дальнем Востоке до 1945 г.

Когда Гитлер узнал новость о Пёрл-Харборе, он сказал одному из своих друзей: "Мы воюем не с тем народом. Нам следовало сделать Англию и Америку своими союзниками. В силу обстоятельств мы совершили всемирно-историческую ошибку". Становится страшно при мысли о том, что могло произойти, если бы Гитлер объявил войну Соединенным Штатам хотя бы на несколько недель позже: к этому времени американцы были бы заняты Тихим океаном и отвернулись бы от Европы. Гитлер никогда не рассматривал всерьез этот курс, несмотря на свою первую реакцию. Аморальность действий японцев ему импонировала. Он сказал японскому послу: "Вы объявили войну правильно. Это единственно правильный метод. Надо бить как можно сильнее и не терять времени на объявление войны".

Вероятно, Гитлер хотел показать, что он может быть таким же верным союзником Японии, каким был Черчилль в отношении Соединенных Штатов; возможно, он считал, что война между Германией и США так близка, что все это уже не имеет значения; может быть, он был слишком взволнован важностью событий. Видимо, это наиболее правильное объяснение. Когда 11 декабря рейхстаг собрался, чтобы заслушать сообщение об объявлении войны Соединенным Штатам, Гитлер сказал: "Я могу быть лишь благодарен Провидению за то, что оно доверило мне руководство в этой исторической борьбе, которую в течение грядущих пятисот или тысячи лет будут считать решающей не только для истории Германии, но и для всей Европы и, конечно, для всего мира. Создатель повелел нам изменить историю". Муссолини также заявил, правда с меньшим пафосом, что Италия объявляет войну Соединенным Штатам. Круг замкнулся. Началась мировая война.

Гитлер никогда не хотел воевать против Англии или Америки, во всяком случае в течение предстоящих лет. Война против России была единственной войной согласно его собственному выбору. Японцы никогда не хотели воевать против Англии и Америки или даже против Китая. Муссолини никогда не хотел воевать против кого-либо сильнее Эфиопии или Греции. Державы "оси" осторожно продвигались вперед, ведя ряд малых импровизированных войн, пока нежеланная мировая война не настигла их. Италия уже практически оказалась на обочине. У Германии и Японии было

прочное положение. Германия владела всем Европейским континентом и ресурсами европейской части России. Япония вскоре собиралась овладеть великой Восточной Азией: Малайей, Бирмой, Калимантаном и голландской Ост-Индией.

Явные победители признавали свою основную слабость. Никто из них не мог выдержать длительную войну. Через несколько дней после задержки на подступах к Москве Гитлер сказал Йодлю, своему ближайшему военному советнику: "Если дольше затянется, победы нам не одержать". Ямамото писал сестре после Пёрл-Харбора: "Ну, наконец началась война. Но, несмотря на весь шум, который не утихает, мы можем ее проиграть". Своему соратнику, адмиралу, он сообщал: "Тот факт, что мы добились небольшого успеха в Пёрл-Харборе, ничего не значит. Следует обдумать события и понять, как серьезна ситуация". Именно у Черчилля, а не у Гитлера и Ямамото было больше всего оснований радоваться: "Итак, мы победили в конце концов".

6. Германия и Япония в своем зените. 1942 г.

В июне 1941 г. война носила характер безрезультатного поединка между Англией и Германией. Через шесть месяцев она стала мировой войной. В нее были вовлечены все великие державы и большинство маленьких стран. Война велась на Атлантическом и Тихом океанах и на всех континентах, кроме Америки. В течение ста дней после Пёрл-Харбора у японцев был последний период легких побед. С тех пор неожиданностей было мало, победа зависела от превосходства сил. Проблема больше не состояла в том, как перехитрить врага, она состояла в мобилизации более крупных резервов. Организация имела большее значение, чем военная хитрость. Мировая война, начавшаяся в декабре 1941 г., была упорным противостоянием сил, как и первая мировая.

Коалиция против Германии, Италии и Японии — Объединенные Нации, как ее стали называть, — была потенциально гораздо сильнее своих врагов: богаче материальными и людскими ресурсами, сильнее с точки зрения стратегической позиции. Хотя Германия и Япония значительно расширили свои владения, им не удалось прорвать окружение. Теоретически они были еще в осаде. Но Объединенным Нациям предстоял долгий путь, прежде чем они смогли осуществить эту осаду на самом деле. Соединенные Штаты были неуязвимы, несмотря на все тревоги, связанные с появлением японской подводной лодки у берегов Калифорнии. России и Англии приходилось все еще отбивать нападение держав "оси" — России на

собственной территории, Англии на Дальнем и Среднем Востоке и даже на своем острове. Россия и Англия были уже подготовлены к войне, Соединенные Штаты еще жили в мирных условиях. Миллионы людей надо было мобилизовать и обучить, промышленность перевести на военные рельсы. В конечном счете ресурсы Америки оказались так велики, что она смогла удовлетворять потребности войны и одновременно поднять уровень жизни своего народа.

У русских не было стратегической проблемы в самом широком смысле; единственной их задачей было поражение немецких армий, они всю войну сковывали $\frac{3}{4}$ немецких сухопутных войск. Англичане и американцы стояли перед предварительной важной задачей — вновь обрести господство на море в борьбе с японским флотом на Тихом океане и немецкими подводными лодками в Атлантике. После этого у них была свобода выбора — либо нанести сначала удар по Японии, как хотели многие американцы, либо одержать победу в Европе. Если выбор падал на Европу, то вставал вопрос, где следует действовать — в Северной Африке и на Средиземном море или совершить прямое вторжение во Францию? Может быть, можно рассчитывать на решающие результаты бомбежки? Существовала и более глубокая проблема. В декабре 1941 г. Великобританию, Россию и Соединенные Штаты связывала только их общая борьба против стран "оси". Что нужно сделать, чтобы Объединенные Нации стали настоящим союзом?

Таковы были проблемы, о которых Черчилль сообщил в Вашингтон вскоре после Пёрл-Харбора. Хотя англичане в большой мере зависели от американских поставок и были более слабым партнером, у них имелись некоторые преимущества. Они воевали более двух лет и приобрели кое-какой опыт. Американцы часто не учитывали этот опыт и несли тяжелые потери в перевозке грузов, например у Атлантического побережья, пока не предприняли конвоирование по английскому образцу. Сам Черчилль представлял большую ценность для Англии. Генерал Исмей так отзывался о нем: "Диапазон понимания стратегии, или "общая стратегическая концепция", как говорят наши американские друзья, — во всем этом он был на голову выше своих профессионалов-советников". Верны ли были стратегические идеи Черчилля — вопрос несколько спорный, но он, конечно, умел их талантливо изложить. У американцев, наоборот, не было определенной концепции дальнейших действий, главное — в войне надо победить.

Согласие по одному пункту было достигнуто сразу и фактически без дискуссий: поражение сначала Германии, а потом Японии. Это вытекало из переговоров до Пёрл-Харбора. Кроме того, действия в Тихом океане должны были вестись в основном силами флота,

но американская армия также хотела принимать участие в боевых действиях. Едва начав мобилизацию, она могла это сделать, лишь поддерживая англичан, а те были заняты на Европейском театре. Это имело важные последствия. Американцы стремились с самого начала организовать прямое наступление на Германию. Англичане же не воевали против Германии на суше, они сражались против Италии. Следовательно, американцы, решив не действовать сначала против менее важного врага — Японии, были вовлечены в войну против Италии — еще менее значительного противника. Это решение не было ясно сформулировано на первом совещании в Вашингтоне. Англичане предложили наступление на Германию, на фоне этого все остальное будет носить предварительный характер. Тем не менее на войне предварительные шаги превращаются в реальные дела, как произошло в данном случае. Фактически на первом совещании в Вашингтоне было принято решение отложить на два с половиной года кампанию против Германии на суше, второй фронт, как ее стали называть.

Эта разница в стратегии выявилась в будущем. Основным достижением встречи в Вашингтоне было укрепление дружбы между Великобританией и Соединенными Штатами, такой дружбы никогда не было прежде между союзниками в военное время. Это произошло случайно и носило личный характер. Не был восстановлен Высший военный совет, который союзники создали к концу первой мировой, а Великобритания и Франция — в первые месяцы второй мировой войны. Все государства, воевавшие со странами "оси" или с Японией, были должным образом признаны Объединенными Нациями, но только Россия и в меньшей мере Китай шли своим собственным путем. Остальные страны были сателлитами: британские доминионы и находящиеся в изгнании европейские правительства — у Англии; республики Южной Америки, насколько они были втянуты в войну, — у Соединенных Штатов; они подчинялись более или менее добровольно распоряжениям своих покровителей.

Руководство стратегией осуществлялось объединенным Комитетом начальников штабов: теоретически британским и американским комитетами совместно, практически же на совещании комитета в Вашингтоне англичане были представлены второстепенной делегацией, тогда как американский Комитет начальников штабов присутствовал в полном составе. По этой или иной причине Соединенные Штаты постепенно стали господствовать. Однако в декабре 1941 г. только англичане фактически воевали и, таким образом, ставили на карту свое право сохранить статус великой державы в изменившихся обстоятельствах.

Комитет начальников штабов действовал согласно стратегии, разработанной для него. Все важные решения принимали Черчилль и Рузвельт, англо-американский альянс основывался на их личных отношениях. Каждый из них господствовал в собственной стране: власть Черчилля теоретически была ограничена Военным кабинетом, власть Рузвельта никем не была ограничена. Черчилль излагал свои мысли на бумаге, Рузвельт раскрывал свои мысли редко. У Черчилля легко возникала эмоциональная привязанность к любому, с кем он был связан, — к Рузвельту и даже иногда к Сталину. У Рузвельта эмоциональных привязанностей, несмотря на его приветливость, не было. Он всегда оставался политиком.

Был еще один существенный элемент в англо-американских отношениях — экономическое и военное сотрудничество. Англия была страной, получающей помощь по ленд-лизу, и американцы обязались ее поддерживать, хотя не были слишком щедрыми. Уровень американского производства ненамного превышал уровень мирного времени. Импульс развернуть его исходил от Бивербрука, единственного министра кабинета, который сопровождал Черчилля в Вашингтон. Бивербрук сказал Рузвельту: "Производственные планы США на 1942 г., видимо, возможно увеличить по крайней мере на 50%". Рузвельт прислушался к Бивербруку. Планы производства были увеличены на 50%: например, в 1942 г. было намечено произвести 45 тыс. танков вместо 30 тыс. [...] Американский официальный историк писал: "Вмешательство лорда Бивербрука было кульминацией кампании за увеличение продукции, которая проводилась в течение 1941 г., и результаты были действительно замечательные".

Так же как на Англию и ее сателлитов, ленд-лиз был распространен на Советскую Россию, но на более благоприятных условиях. Англичане должны были отчитываться по каждому пункту за то, что получали. Русские получали все, что США могли выделить, а британские конвои — доставить. Если не считать ленд-лиза, союзники непосредственно сотрудничали только в Иране, где англичане и русские взяли под свой контроль железные дороги и немного позже свергли с престола шаха. Русские редко просили оказать прямую военную помощь после их сигналов осенью 1941 г., к тому же англичанам и американцам нечего было дать. Вместо этого русские настойчиво просили открыть второй фронт, под которым они подразумевали высадку союзников в Западной Европе, желательно в Северной Франции.

Эта просьба сильно противоречила британским планам, но мало повлияла на англо-американскую стратегию. Американцы настаивали, что следует готовиться к высадке на тот случай, если Россия окажется под неминуемой угрозой поражения; англичане, по-видимому, с этим согласились. Практически само существование

Восточного фронта приводило к отсрочке на неопределенный срок боевых действий на западе. Если русские будут продолжать сковывать основную массу немецкой армии, не понадобится немедленного открытия второго фронта. Если русские потерпят поражение, то Германия надолго станет неуязвимой на Европейском континенте, и западным державам придется укреплять свои позиции в Африке и на Средиземном море. Только по одному вопросу англичане и американцы не вели дискуссий в это время: о возможных мерах в случае полной победы русских.

Было еще одно серьезное упущение в дискуссиях о стратегии, проводившихся в Вашингтоне. Англичане готовились организовать крупные бомбардировки Германии в 1942 г., и сэр Артур Харрис, который вскоре должен был возглавить боевое управление бомбардировочной авиацией, был убежден, что в войне можно победить путем тотальных бомбежек. Командующие американскими ВВС были с ним согласны. Руководители других служб, британских и американских, дали подчеркнуто отрицательный ответ. Они были убеждены, что Германии будет нанесено поражение только в результате крупных сражений на суше. Спор этот не разрешился в Вашингтоне, о нем даже не упомянули. Таким образом, две стратегии уживались рядом свыше двух лет. Были подготовлены армии и составлены планы окончательного вторжения в Европу. Американский флот подготовился к сражениям против японцев. В то же время британские и американские военно-воздушные силы шли своим собственным путем и осуществляли самостоятельные бомбардировки Германии, с помощью которых, по их мнению, можно будет одержать победу в войне.

Эта кампания бомбардировок потрясла воображение людей больше, чем любое другое событие времен войны, и придала второй мировой войне особый характер. Почти все в Англии и Германии, а также большинство людей в других частях Европы слышали вой сирен и познали жизнь в бомбоубежищах. Впоследствии разрушенные города Европы — Лондон и Ковентри, Берлин, Гамбург и Дрезден — стали символами второй мировой войны. При отсутствии крупномасштабных сражений на суше бомбардировки дали англичанам возможность показать, что война ведется, и притом в форме наступления. Не многие обсуждали вопрос о моральной стороне стратегии, направленной против гражданского населения. Едва ли кто-нибудь понимал, что авиационное наступление, даже в при- сущих ему пределах, является страшной ошибкой.

До 1944 г. у англичан и американцев не было ни технических приемов, ни самолетов соответствующих типов для осуществления прицельного бомбометания — стратегии, которой предстояло стать действительно эффективной. Дневные бомбардировки, проводимые американцами, были жалкой неудачей. Англичане могли осущест-

влять бомбардировку только по ночам. Первоначально эта стратегия была направлена против германских заводов, и, когда она потерпела неудачу, ее целью стало подорвать боевой дух немцев. Ни одна из целей не была достигнута.

Беспорядочные бомбардировки нанесли больше вреда союзникам, чем немцам. Производство тяжелых бомбардировщиков требовало больших расходов. Оно составляло более трети всего военного производства Англии, кроме того, на это шла большая часть поставок по ленд-лизу. Оставалось меньше ресурсов для производства танков, а на производство десантных средств их вообще не хватало до 1943 г. Беспорядочные бомбардировки отвлекали авиацию от выполнения более насущных задач. Она требовалась британскому флоту для патрулирования в Атлантике против подводных лодок. Действия ВВС были более необходимыми и менее драматичными, чем бомбардировки Германии. Британские военно-воздушные силы отказывались выделять самолеты. Изредка вмешивался Военный кабинет, но ВВС тут же забирали самолеты назад. Патрули в Атлантике, Дальний и Средний Восток, второй фронт ничего не получили. И все ради стратегии бомбардировок, абсолютно безрезультатной.

Сэр Артур Харрис был хорошим публицистом. Совершив тысячу бомбардировочных налетов на Кёльн в мае 1942 г., он, например, рассчитывал оказать большее влияние на английское общественное мнение, чем на немецкое. В Кёльне, согласно официальному сообщению, жизнь в течение двух недель шла почти нормально. Британские газетчики этого не знали, и противники Харриса в правительстве не могли ничего противопоставить его утверждениям, требованиям. Харриса не смущало то обстоятельство, что бомбардировки не давали существенных результатов. Он утверждал, что командование бомбардировочной авиации извлечет уроки из неэффективной кампании и в будущем она станет эффективнее. Беспорядочные бомбежки имели смысл, это в сущности подтверждалось простым правилом: лучше делать что-нибудь неправильно, чем не делать ничего. Если бы англичане не бомбили Германию, то могло сложиться впечатление, что они не воюют. Таков был довод Хейга в пользу Соммы и Пассхендела, сэр Артур Харрис был "Хейгом второй мировой войны".

Какой-то эффект бомбежки все же давали. Более миллиона немцев отвлекались с заводов для принятия мер на случай воздушных налетов. Сами же заводы переключались с производства бомбардировщиков на производство истребителей, и немцам было все труднее совершать акты возмездия. Что еще важнее, немецкие истребители использовались для защиты городов Германии и почти исчезли на фронтах. Когда союзники высадились в Нормандии в

1944 г., они полностью господствовали в воздухе. Тяжелые зенитные орудия, эффективное, опасное средство против танков, также оставались в Германии. Таковы были непредвиденные положительные результаты бомбежек Германии.

На совещании в Вашингтоне рассматривались планы войны с Германией и Японией. Но в 1942 г. успех был все еще на их стороне, особенно на стороне Японии. С уничтожением основной части американского флота в Пёрл-Харборе ее путь стал ясен. Японцы никогда не предвидели такого положения, их успех был величайшей военной импровизацией. Он был достигнут очень малыми силами, обычно меньшими, чем у их противника. Основные силы японской армии оставались в Маньчжурии, а значительная часть остальных — в континентальном Китае. Японцы одерживали победы благодаря превосходству в скорости и ловкости, а также, конечно, благодаря господству на море, хотя и временному.

Теоретически у союзников было два опорных пункта: у американцев — Манила, у англичан — Сингапур. Они зависели от прибытия подкреплений морским путем, и ни англичане, ни американцы не предвидели потерю господства на море. Американцы одно время не исключали, что в случае войны придется покинуть Филиппины. Но летом 1941 г. сюда был послан командующим генерал Дуглас Макартур. Это был самый обаятельный американский генерал; он красил седину в черный цвет (краска текла в жаркую погоду), сам конструировал свою блестящую форму. Он был также самым старым американским генералом, ушел в отставку с должности начальника штаба армии в 1935 г., и даже его преемник Маршалл боялся его.

Макартур настаивал на том, что он может удержать Филиппины до прибытия подкреплений, и никто не пытался ему возражать. Дела шли плохо с самого начала. Большинство американских самолетов было выведено из строя на аэродромах в первый день, несмотря на предупреждение о нападении на Пёрл-Харбор. Американцы отступили на полуостров Батаан и затем к крепости Коррехидор, подкрепления не прибыли. 11 марта 1942 г. Макартур получил новое назначение. Перед отъездом он заявил: "Я вернусь". 6 мая Уэйнрайт, его преемник, сдался в Коррехидоре. Американцы и их филиппинские союзники потеряли 140 тыс. человек*. Потери японцев составили 12 тыс. Такую высокую цену пришлось заплатить за утверждение престижа Макарура.

* По данным "Истории второй мировой войны", на полуострове Батаан находилось 12,5 тыс. американцев и 67 тыс. филиппинцев. В крепости Коррехидор японцы взяли в плен 12 тыс. человек (см.: История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. С. 390).

У англичан нечто подобное произошло в Гонконге. Начальники штаба считали, что это — аванпост, непригодный к обороне во время войны. В августе 1940 г. они советовали его оставить. Вместо этого в октябре 1941 г. в Гонконг прислали два дополнительных батальона для обеспечения "более надежной" обороны. 8 декабря японцы напали на него с суши и в день Рождества одержали окончательную победу. Они взяли в плен 12 тыс. человек, которым была уготована тяжелая судьба. Потери японцев составили менее 3 тыс.

На Сингапур англичане возлагали большие надежды. Его можно было защитить, не допустив высадки японцев в северной части Малайи, а для этого необходимо было наступление англичан в Сиаме. Британские власти не решались нарушить нейтралитет Сиам, как это имело место в Бельгии в 1940 г., и во всяком случае Сиама был готов приветствовать японцев. Когда англичане приняли окончательное решение о боевых действиях, было слишком поздно, японцы уже начали высадку. Узнав об этом, адмирал Том Филлипс понял, что должен вывести большие корабли в безопасную зону. Но он не мог позволить себе отойти, не сделав сначала хоть что-нибудь для оказания помощи армии. 8 декабря 1941 г. днем корабли "Принц Уэльский" и "Рипалс" под командованием Филлипса двинулись на север, чтобы нанести удар по японским транспортным судам. Не было авиационного прикрытия, найти японские транспортные суда не удалось, Филлипс повернул назад, потом решил снова попробовать. Но местонахождение британских сил было установлено японской подводной лодкой. 10 декабря на них напали высотные бомбардировщики и торпедоносцы. Вскоре после полудня был потоплен "Рипалс", через час — "Принц Уэльский", японцы потеряли 3 самолета.

Этот удар окончательно решил судьбу Малайи и Сингапура. Японцы смогли высадить остальные войска, не встретив сопротивления: они господствовали в воздухе. Снова и снова почти без борьбы они окружали или обходили позиции англичан. В конце января японцы подошли к Сингапуру. Их потери составили 4,5 тыс. человек, потери англичан — 25 тыс., в основном пленными. Черчилль все еще не хотел верить, что Сингапур может пасть. Были посланы свежие войска; высаживаясь с транспортных судов, они сразу попадали в плен. 8 февраля японцы начали штурм Сингапура. Через неделю, в тот самый момент, когда у японцев иссякли припасы, Англия сдалась. Японские войска численностью 35 тыс. человек захватили Сингапур, взяв в плен 80 тыс. англичан. В английской истории это самая крупная и одна из самых позорных капитуляций.

Японские завоевания на этом не прекратились. В конце декабря 1941 г. они вступили в Бирму. Англичане хотели сначала защищать Рангун, а затем Мандалай, но генерал Александер, прибывший, чтобы принять на себя командование, пришел к заключению, что единственная оставшаяся возможность — отступление. Бирму оставили.

Путь отступления занял тысячу миль: в начале мая 1942 г. британские силы, примерно 60 тыс. человек, достигли наконец Ассама. 6 января японцы высадились в Индонезии и упорно продвигались вперед. В конце февраля адмирал Доорман, командовавший объединенными голландскими и британскими силами, пытался атаковать японские конвои. Но вмешались японские ВМФ, за три дня боев весь флот Доормана был уничтожен. 8 марта голландцы капитулировали, войска голландской Ост-Индии в количестве 98 тыс. человек сдались в плен.

Японцы подняли большую шумиху по поводу своих завоеваний. Территория Японской империи простиралась теперь от границ Индии до Австралии и в акватории Тихого океана. "Великая восточноазиатская сфера совместного процветания" была завоевана. Были опасения, что японцы пойдут дальше. Англичане боялись за Цейлон, австралийцы — за порт Дарвин. На Цейлоне англичане ухитрились наспех собрать военно-морские силы — 5 устаревших линкоров и 3 небольших авианосца. В апреле гораздо более мощный японский флот приплыл в Индийский океан. Британский адмирал Сомервилл располагал японскими шифровками и поэтому тайно укрылся на базе Адда (Мальдивские острова), в 600 милях к юго-западу от Цейлона. И когда японцы напали на Коломбо и потопили 2 крейсера, они не смогли найти флот Сомервилла. Затем они отошли и никогда больше не возвращались: у них не было войск для захвата Цейлона, расположенного далеко за пределами "сферы совместного процветания". Их морской рейд был просто попыткой повторить Пёрл-Харбор в меньших масштабах. Англичане этого не поняли и опасались, что японцы могут захватить военно-морскую базу на Мадагаскаре или даже соединиться с немцами на Среднем Востоке. Но фактически между Германией и Японией никогда не было ни малейшего согласования в их стратегии, к тому же японцы были слишком заняты Тихим океаном, у них не было времени на Индийский. Эти опасения лишь привели к британской оккупации Мадагаскара, начавшейся в мае и закончившейся в сентябре. Оккупация не улучшила отношений между Англией и "Свободной Францией".

Продвижение японцев к Австралии было также вскоре приостановлено. В начале апреля они планировали оккупировать Порт-Морсби на Новой Гвинее и двигаться к Австралии. Американцы, хорошо информированные своей разведкой, были готовы дать отпор. 8 мая два военно-морских флота встретились в Коралловом море. Силы были примерно равными — по 2 авианосца с каждой стороны. Битва в Коралловом море была необычной. Впервые в истории два флота сражались на расстоянии свыше 100 миль, не видя друг друга. Крупные линкоры были устаревшими, но авианосцы занимали подобающее им место. Американцы потеряли тяжелый авианосец "Лексингтон". Хотя японцы потеряли только легкий авианосец, но они внезапно прервали операцию.

Адмирал Ямамото был встревожен. Американцы восстанавливали свои силы гораздо быстрее, чем он ожидал. И Ямамото решил уничтожить остатки американского флота на Тихом океане, пока он еще слаб, и таким образом заставить американцев отойти обратно к побережью Калифорнии. Его целью был остров Мидуэй, расположенный на полпути к Пёрл-Харбору; он планировал отвлечь американский флот на север, предварительно напав на Алеутские острова. При этом сыграла свою роль разгадка американцами японских кодов — адмирал Нимиц, американский командующий, хорошо зная о плане Ямамото, избежал ловушки у Алеутских островов. Японцы, наоборот, даже не использовали радиолокацию, хотя у них было 2 радиолокационные станции, любезно предоставленные немцами. И при таких условиях казалось, что японцы несокрушимы. Они вышли в море, имея 11 линкоров, 8 авианосцев (4 из них тяжелые), 22 крейсера, 65 эскадренных миноносцев и 21 подводную лодку. Это была самая большая концентрация военно-морских сил в истории Тихоокеанского региона. Против японцев Нимиц сосредоточил 3 авианосца ("Мидуэй" — в качестве своего рода резервного авианосца), 8 крейсеров и 17 эскадренных миноносцев; линкоров у него не было.

4 июня японские самолеты, базировавшиеся на авианосцах, атаковали Мидуэй, будучи уверены, что американский флот далеко. Когда они вернулись на авианосцы, взлетели американские самолеты и за пять минут потопили все 4 крупных японских авианосца вместе с 330 самолетами. Американцы потеряли один авианосец — "Йорктаун". Крупные линкоры вообще не участвовали в сражении. Не было за всю историю более быстрого или более драматического изменения соотношения сил. Одно мгновение японцы господствовали на Тихом океане. Пятью минутами позже наступило равенство

по количеству авианосцев — весьма важного оружия. Через девять месяцев американцы имели 15 линкоров против 9 японских и 19 авианосцев против 10. Эти пять минут у острова Мидуэй означали окончательную гибель Японии.

Однако, судя по всему, у Японии были огромные достижения: в течение примерно трех месяцев она создала империю практически без потерь, сняла американскую блокаду. Она владела всеми мировыми запасами каучука, 70% мировых запасов олова и нефтью голландской Ост-Индии. После завоевания Бирмы Китай был отрезан от внешнего мира, и казалось, что Чан Кайши полностью зависит от Японии. Потеря Сингапура подорвала престиж Англии. В политическом плане японцы мало использовали свои успехи. Вместо того чтобы возглавить борьбу представителей желтой расы против белых, они эксплуатировали завоеванные территории, и скоро их стали ненавидеть больше, чем англичан и голландцев. "Сфера совместного процветания" оказалась пустым звуком.

Кроме того, у японцев уже было уязвимое место. 3 млн т нефти, получаемые в голландской Ост-Индии, могли удовлетворить их потребности в мирное время. Но теперь они вели войну с крупными военно-морскими силами вдоль очень протяженных морских коммуникаций. Вскоре американские подводные лодки попытались топить японские транспортные суда. С этих пор японцы ждали удобного случая. Первые победы японцев были одержаны над Америкой, находящейся фактически на мирных рельсах. Теперь же они столкнулись лицом к лицу с Америкой, мобилизовавшей свои силы для ведения войны. Поэтому японцы понимали, что силы не равны. Их надежды были связаны с Германией. Если Германия подорвет мощь Америки или, еще лучше, если Германия победит, то американцы, возможно, будут готовы после этого к мирному компромиссу.

В 1942 г. и даже позже казалось, что Германия может оправдать ожидания Японии и одержать победу в войне. Немцы почти разрушили коммуникации союзников в Атлантике, они дошли до Александрии, восстанавливали силы после поражения под Москвой, и создавалось впечатление, что они вскоре разобьют Россию. Осенью 1941 г. казалось, что англичане смогли противостоять угрозе немецких подводных лодок в Атлантике. Тем не менее скоро число потопленных объектов опять возросло. В июне 1942 г. общая цифра достигла угрожающих размеров — она составила 700 тыс. т. У немецкого адмирала Дёница было больше подводных лодок, чем когда-либо прежде, их было достаточно для осуществления его новой тактики — "охоты стаями". В течение 1942 г. водоизмещение потерянных союзниками судов составило почти 8 млн т, а постро-

енных — лишь 7 млн. Военно-воздушные силы Великобритании постоянно отказывались отвлечь свое внимание от бомбардировок Германии. Когда их в конце концов вынудили к совместным действиям, они сбросили 20 тыс. т бомб на базы подводных лодок, но ни одну лодку не вывели из строя.

Март 1943 г. был для союзников наихудшим месяцем войны в Атлантике. В британском Адмиралтействе отмечали: "Никогда не была столь велика опасность, что немцы разрушат коммуникации между Новым и Старым Светом, как в первые двадцать дней марта 1943 г.". Вскоре могли произойти резкие перемены. Англичане усовершенствовали два новых устройства: высокочастотную радиопеленгацию для обнаружения подводных лодок и радар, работающий на коротких волнах для создания маленьких радиолокационных станций для самолетов и небольших военных кораблей. Адмирал Макс Хортон, командующий подходами с запада, хорошо использовал эти средства. Вместо преследования подводных лодок в океане он организовал группы поддержки, наносившие ответные удары при попытке атаковать конвой.

4 мая две британские группы поддержки сражались с подразделением подводных лодок, 7 из них были потоплены, англичане потеряли только 12 торговых судов. Немного позже англичане потопили 5 подводных лодок, и ни одно торговое судно не пострадало. Дёниц не мог себе позволить такие потери. Он прервал боевые действия с использованием подводных лодок и сообщил Гитлеру: "Мы стоим перед лицом величайшего кризиса в войне подводных лодок; так как враг использует новые методы обнаружения, сражаться невозможно". Никогда не удавалось восстановить эффект подводной войны. Группы поддержки Хортон, использовавшие высокочастотную радиопеленгацию, центриметрические радиолокаторы и воздушные патрули, выиграли сражение в Атлантике.

Морские ресурсы Англии расходовались не только в Атлантике; в 1942 г. конвои, сопровождавшие грузы в Россию, также несли большой урон. Поставки были единственной помощью, какую могли оказать России англичане и американцы. Русские, находясь в отчаянном положении, вначале просили все, что можно прислать. В течение 1942 г. постепенно выяснилось, что они могут сами производить необходимые им танки и самолеты, и большинство поставок, осуществленных Западом такой ценой, оставались нераспакованными на причалах Архангельска. До 1943 г. американцы не посылали то, в чем русские действительно нуждались: продукты питания, лекарства и прежде всего десантно-транспортные летательные аппараты. Тем временем конвои пробивались сквозь ледяные северные воды. Первые 12 конвоев прошли без потерь. Угроза возникла с неожиданной стороны. Гитлер был убежден, что союз-

ники готовятся к высадке в Норвегии. Он приказал двум боевым крейсерам — "Шарнхорсту" и "Гнайзенау" — возвратиться из Бреста назад в Тронхейм, причем их проход через Ла-Манш взбудоражил англичан; он также послал "Тирпиц", самый мощный в Европе корабль, присоединиться к ним. Высадка в Норвегии никогда не была осуществлена, хотя Черчилль иногда поддерживал эту идею. Но с тех пор над каждым конвоем нависала угроза крупного морского сражения, и это в тот момент, когда военно-морское министерство не могло позволить себе потерять хоть один эскортный корабль.

Несчастье произошло в июле 1942 г. По настоянию Черчилля конвой "RQ-17" отправился в Архангельск, несмотря на долгие светлые ночи. Разведка военно-морского министерства по ошибке сообщила, что "Тирпиц" вышел в море. Дадли Паунд, первый лорд Адмиралтейства, отверг предложение командующего войсками региона и приказал эскрту отойти, а конвою рассредоточиться. Торговые корабли оказались во власти немецких подводных лодок и самолетов. 24 из 35 торговых судов были потоплены вследствие того, что позже оказалось ложной тревогой. Лишь два дополнительных конвоя в сопровождении авианосца были отправлены в течение оставшихся месяцев 1942 г., а в светлые месяцы 1943 г. — ни одного. Всего было 40 конвоев, потеряно 100 кораблей. По иронии судьбы, малое было достигнуто ценой таких огромных жертв. Три четверти помощи союзников России шли через Иран — более безопасным и менее драматичным путем.

Страшная ситуация в Атлантике и удары по конвоям, шедшим в Россию, сделали первые девять месяцев 1942 г. самым мрачным временем войны для английского народа. Пришлось сократить пищевой рацион. Запасы угля уменьшились. Рядовые люди, хотя, возможно, отнюдь не правящие классы, сожалели, что не удалось помочь России. Потеря Сингапура вслед за потоплением "Принца Уэльского" и "Рипалса" поколебала имперские настроения Англии, а когда австралийцы выразили недовольство, что Великобритания их не смогла защитить, империи стала угрожать еще более реальная опасность.

Сам Черчилль впервые подвергся нападкам. В конце концов он в значительной мере был виновником поражений на Дальнем Востоке: недооценил опасность, которая исходила от Японии, полагался на "смутную угрозу", исходившую от двух крупных кораблей, не защищенных авиацией, не учел предупреждений советников. Наступила кульминация, ведь много было случаев, когда Черчилль ради сохранения своего престижа готов был идти на бессмысленные жертвы. Обсуждался вопрос о создании независимого министерства обороны. Может быть, Уэйвелл станет новым Кром-

велем. Черчилль со свойственным ему красноречием отбил эти нападки, но в первый и последний раз во время войны пошел на реорганизацию своего правительства. Бивербрук, единственный министр, отстаивавший идею второго фронта, ушел в отставку. Сэр Стэффорд Криппс, которому совершенно безосновательно приписывали заслугу вовлечения России в войну, стал спикером палаты общин и номинальным главой правительства. Черчилль пошел затем на дальнейшие жертвы — позволил Криппсу отправиться в Индию, где тот безрезультатно пытался заинтересовать индийских лидеров перспективой получения после войны статуса доминиона. Ганди это отклонил как "чек с далеко отсроченным платежом". Кто-то из присутствовавших добавил: "Выписанный на обанкротившийся банк".

Красноречие Черчилля могло принести голоса на выборах в палату общин, но не одержать военную победу. Он пожертвовал Дальним Востоком ради Северной Африки; теперь надо было вновь, как в декабре 1940 г., одержать там победу. Времена изменились. Британский флот больше не господствовал в Средиземноморье. Мальта, перестав быть препятствием для конвоев стран "оси", сама подвергалась нападению германских самолетов и подводных лодок, ей трудно было устоять. В январе 1942 г. Роммель, пытаясь совершить танковый рейд, к своему удивлению, отбросил англичан до Айн-эль-Газалы, отобрав у них при этом $\frac{2}{3}$ завоеванной ими территории. После этого Мальта оказалась в центре событий. Черчилль и начальники штабов хотели предпринять новое наступление, в ходе которого авиация из Северной Африки должна была поддержать Мальту, — ситуация, прямо противоположная той, какая сложилась в декабре 1940 г., когда Мальта дала возможность англичанам совершить первое наступление в Северной Африке. Окинлек не позволил себя торопить, и Криппс по пути в Индию сообщал, что немедленное наступление было бы "непростительным риском". Военный кабинет обсуждал вопрос о смещении Окинлека, но вместо этого направил ему 10 мая категорический приказ осуществить крупное сражение, чтобы отвлечь противника от Мальты.

В то же время руководители стран "оси" решали, следует ли предпринять широкомасштабную атаку на Мальту. Редер, как всегда, на этом настаивал. По его мнению, если Мальта падет, силы стран "оси" смогут захватить Египет и Средний Восток. Гитлер припомнил тяжелые потери парашютно-десантных войск на Крите и стремился сохранить авиацию для предстоящего наступления в России. Роммель со своей стороны настаивал, что сможет достигнуть

Александрии без дополнительной помощи, и предпринял наступление, не дожидаясь специального приказа. Гитлер и Муссолини его инициативу одобрили, Муссолини отправился в Ливию, чтобы въехать в Каир первым на белом коне.

26 мая Роммель нанес удар. У англичан было больше танков (3:1) и орудий (3:2). Лиделл Гарт, чьи оценки вполне заслуживают доверия, утверждает: "У англичан было качественное и очень большое численное преимущество". Но ими плохо руководили. Помимо Окинлека, которому приходилось держать под своим контролем весь Средний Восток, заботиться о северном фланге на Кавказе и непосредственно руководить боями, никто в должной мере не соответствовал уровню решаемых задач. Англичане расформировали свои танковые войска; Роммель свои сохранил в целости. По словам Роммеля, "у англичан бронетанковые силы сражались по частям, и это дало нам возможность в каждом отдельном случае вводить в бой достаточное количество танков". Выдающимся событием явилась оборона Бир-Хакейма войсками "Свободной Франции", что стало началом военного возрождения Франции.

К середине июня англичане утратили боевую инициативу и начали отступление. Обороной Тобрука пренебрегли: его снабжение морским путем было для флота слишком большой обузой. Черчилль не понял ситуации и телеграфировал из Лондона: "Полагаю, в любом случае не может быть речи об оставлении Тобрука". Ритчи, командующий 8-й армией, оставил поэтому в Тобруке значительные силы и отступил к границе, надеясь через несколько дней опять взять его. Но Роммель действовал слишком быстро, взял за один день Тобрук и вдобавок 35 тыс. пленных — количество, превышавшее численность его войск*.

25 июня Окинлек подошел к границе и принял командование 8-й армией. Не захотев оставаться на своей позиции, где вокруг расстилалась пустыня и Роммель с юга мог окружить англичан, он решил отступить к Эль-Аламейну — оттуда до Александрии всего 60 миль. Здесь барханы не дадут окружить его. Рубежи Эль-Аламейна можно сломить лишь прямым нападением. Роммель теперь держался только благодаря захваченным у англичан ресурсам, у него осталось всего 60 танков. Итальянский генерал, теоретически его главнокомандующий, приказал остановиться, но Роммель бодро ответил, что "совета" не примет, и пригласил своего начальника пообедать вместе в Каире.

* Ср. с данными Уинстона Черчилля, опубликованными в его книге о второй мировой войне: фактически 33 тыс. английских солдат сложили оружие перед "противником, имеющим, возможно, вдвое меньшую численность" (Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3—4. М., 1991. С. 479).

Англичане едва выиграли гонку в направлении к Эль-Аламейну. 1 июля, когда они стали там занимать оборонительную позицию, Роммель их догнал. У него имелось лишь 40 танков, его импровизированная атака потерпела неудачу. А в Александрии была паника. Британский флот прошел через Суэцкий канал в Красное море, в британском посольстве начали жечь бумаги, посол распорядился держать в полной готовности специальный поезд, который сможет в любой момент вывезти его и остальных сотрудников посольства в сравнительно безопасную Палестину. Никто не знал, что худшее уже позади. 4 июля Роммель сообщил на родину: "Силы наши исчерпаны". Теперь немцы в свою очередь зависели от путей доставки снабжения, тянувшихся на тысячи миль в пустыне. Ресурсы у немцев кончились. Но англичане, лучше оснащенные, утратили веру в своих руководителей, кроме Окинлека. Прошло еще три недели отдельных боев. Немцы находились в 60 милях от Александрии, но дальше не пошли. Впервые Эль-Аламейн, как стали называть это сражение с расстроенными силами противника, сыграл решающую роль. Наступление стран "оси" в Северной Африке было остановлено окончательно.

В Англии сдача Тобрука и распространившиеся слухи о подготовке к оставлению Александрии произвели почти такое же впечатление, как падение Сингапура. Сам Черчилль впервые за всю войну приуныл, и его снова критиковала палата общин. Опять раздались призывы насчет независимого министра обороны и вдобавок предложение сделать герцога Глостерского главнокомандующим. Это было формальным выражением недоверия — оскорблением, которому никогда не подвергался Ллойд Джордж в первую мировую войну. За Черчилля было подано 476 голосов, против — 25, осмотнительно воздержавшихся — примерно 40. Но ему опять нужны были победы, а не голоса, и вопреки всем ожиданиям они не заставили себя ждать.

Северная Африка — театр военных действий небольшого масштаба, правда, не с точки зрения англичан; с каждой стороны — несколько сот танков, а победу часто завоевывают несколько десятков. Судьбу Германии, исход войны определяют события на Восточном фронте. После поражения под Москвой германское командование было в смятении. Рундштедт хотел отойти на ближний оборонительный рубеж, а когда его совет не был принят, ушел в отставку. Бок и Лееб вскоре последовали за ним. Браухич, главнокомандующий, не выдержал и тоже ушел в отставку. Преемника у него не было. Гитлер сам стал главнокомандующим на Восточном фронте, руководил операциями, вникая во все подробности. Одно-

временно он был верховным главнокомандующим германскими вооруженными силами, нацистским лидером и диктатором Германии. Четыре такие задачи — выше сил одного человека, но без Гитлера ничего нельзя было предпринять.

"Не отступать!" — был его первый приказ по Восточному фронту. Вспоминая отступления первой мировой войны, он утверждал, что они всегда снижали боевой дух. Немцы создали вокруг систему оборонительных позиций, о которые напрасно бились волны русского наступления. Через несколько недель, в декабре 1941 г., русские поверили, что уже выиграли войну. Сталин сообщил Идену, что, хотя Россия в данный момент ничего не может предпринять против Японии, "весной мы будем готовы и тогда поможем". Эти большие надежды не оправдались. Русские вернули себе обратно большую территорию и упрочили много рубежей, но ни один из германских опорных пунктов захватить не смогли. Силы русских в свою очередь были истощены, их наступление в феврале 1942 г. потерпело неудачу. Как верно подметил Алан Кларк, это был звездный час Гитлера. Возродилась уверенность германской армии. Но за это пришлось заплатить дорогую цену. Немецкой авиации всю зиму приходилось осуществлять транспортные перевозки, это ее подорвало. Возросло количество дивизий, но уменьшился их численный состав. Добавили около миллиона недоученных новобранцев. Германская армия больше не была той огромной боевой силой, какой предстала в июне 1941 г.

Немецкие генералы стремились теперь к ограниченному наступлению, а возможно, и вовсе не хотели наступать. В отличие от них Гитлер понимал, что 1942 год — последняя возможность для Германии выиграть войну. Когда русское контрнаступление потерпело неудачу, у него еще раз появилась надежда: на этот раз он навсегда уничтожит военную и экономическую мощь России. Он всегда предпочитал фланговые атаки лобовым, и теперь генералы не могли произвести впечатление своей старомодной стратегией. Это не должно было быть новым наступлением на Москву. На севере отвлекающий удар по Ленинграду оттянул бы силы русских. Но крупнейшей целью далеко на юго-востоке должен был стать Сталинград. Генеральный штаб, немного поворчав, согласился, что это реальная цель. Быть может, на пути к ней удастся уничтожить Красную Армию. В любом случае захват Сталинграда отрежет Центральную Россию от кавказской нефти.

Снова было непонимание между Гитлером и его генералами, как и по поводу плана "Барбаросса". Для генералов Сталинград был конечной целью кампании 1942 г., для Гитлера — лишь началом. Если только Сталинград будет взят, он повернет на север и окружит Москву, — стратегия обхода с фланга, которой он сле-

довал во Франции в 1940 г. и хотел следовать в России в 1941 г. А если русская армия будет еще слишком сильна, он повернет на юг и получит доступ к нефти Кавказа. Еще одна двусмысленность состояла в том, что Гитлер по секрету велел Клейсту, командующему самой южной армией, не беспокоиться по поводу Сталинграда и двигаться сразу на Кавказ.

Русские в какой-то мере облегчили немцам выполнение этой задачи вследствие совершенно неправильной стратегии. Введенные в заблуждение успехами, достигнутыми зимой, они считали, что могут перейти в наступление, имея равенство лишь в численном составе. Были предприняты три таких наступления на большом пространстве, все проведены старым, допотопным образом, причем Сталин все время настаивал, что их надо осуществить любой ценой. Все три наступления закончились полным провалом. В Крыму у русских 100 тыс. человек было взято в плен, и они потеряли 200 танков. Под Ленинградом русские потеряли целую армию, и Власов, ее командующий, сдался немцам, надеясь возглавить антисталинскую освободительную армию. Самой большой катастрофой закончилась попытка взять Харьков. Тимошенко, наступая с 600 танками, попал в "котел", как раз тогда, когда немцы стремились его уничтожить. Сзади стали смыкаться фланги русских. Тимошенко попросил разрешения приостановить наступление, но ему приказали продолжать продвижение и до тех пор приказывали, пока его армии не были стерты в порошок. Русские потеряли 240 тыс. пленными и около 1000 танков. Когда началось немецкое наступление, у русских на всем Южном фронте было лишь 200 танков.

Наступление немцев началось 28 июня. Три армии прорвали фронт русских с обеих сторон в районе Курска и устремились вперед. Казалось, весь юг России широко распахнулся перед ними. 20 июля Гитлер позвонил Гальдеру и заявил: "С Россией покончено". Гальдер ответил: "Похоже на то, я должен признать". На своем левом фланге наступающие немцы захватили плацдарм через реку Дон у Воронежа. Генералы предпочли бы отойти от Дона, чтобы обеспечить свой фланг, но Гитлер ответил, что это отвлечет их от настоящей цели, Сталинграда, и, поскольку русские не в состоянии наступать, сам Дон явится прикрытием для фланга. Немецкие армии смогут поэтому в полной безопасности устремиться вперед в широком коридоре между реками Дон и Донец.

Более того, в победном азарте Гитлер свои силы разделил. Клейст больше не имел отношения к Сталинграду, перед ним была поставлена крупная цель — захват кавказской нефти. Вначале его войска не встретили большого сопротивления. 8 августа перед немцами предстали нефтяные вышки Майкопа. Наступление замедли-

лось, когда немцы достигли горных районов. А когда в начале октября пошел снег, идти дальше стало невозможно. Так немцы и не дошли до основных нефтяных месторождений на Кавказе, о чем мечтал Гитлер.

Продвижение Клейста вовсе не означало, что от взятия Сталинграда отказались. Наоборот, Гитлер был уверен: у него достаточно сил, чтобы осуществить обе операции. Захват Сталинграда отрежет российские нефтяные запасы. И кроме того, это — город, носящий имя Сталина. Сталинград станет символом сталинского поражения. Паулюсу, командовавшему наступлением в центре, было приказано поторопиться. Ему достался более тяжелый участок, чем Клейсту. Прошел месяц тяжелых боев, прежде чем немцы достигли окрестностей Сталинграда. Сражения приобрели новый характер. Русские научились отступать. Они больше не отстаивали свои рубежи до последнего, а вместо этого отходили, как только их фланги оказывались под угрозой. Войска больше не попадали в окружение. Не было немецкого прорыва. Русские армии уцелели, хотя и понесли большие потери. Все время Москва посылала подкрепления. 23 августа Паулюс достиг Волги. Гитлер перевел свой штаб из Растенбурга в Винницу, на Украине. Он приказал сделать главное — "как можно скорее захватить весь Сталинград и берега Волги". Не было нужды волноваться по поводу фланга, находившегося на Дону: румынская и венгерская армии позаботятся об этом. Одновременно готовились и русские. На арену вышли генералы, которые потом войдут в историю. На Чуйкова было возложено командование в Сталинграде; Жуков, единственный советский генерал, никогда не знавший поражений, принял командование Южным фронтом. 24 августа, хотя никто не знал об этом, нацистская империя достигла своего зенита.

Эта империя, превосходившая японскую, была также создана в результате военных завоеваний. Больше не было никаких разговоров о "новом порядке" или объединении всей Европы под руководством Германии. Существовало лишь единство на основе эксплуатации. Немецкая промышленность существовала за счет рабского труда. Немецкая военная машина использовала ресурсы Европы, и благодаря им у немцев был высокий уровень жизни. В начале 1942 г. было принято решение, придавшее нацистской империи исключительно жестокий характер. Ликвидация евреев, или, как называл это руководитель СС Гиммлер, "окончательное решение", имела предысторию. Важнейшим элементом мышления Гитлера был антисемитизм, и с момента прихода к власти он стремился устранить евреев из жизни Германии. Их лишали возможности работать, толкали к эмиграции, и многие уехали, что привело к огромному интеллектуальному обеднению страны. До войны не

было их систематического истребления. Победы Германии увеличили число потенциальных жертв с 500 тыс. до 8—10 млн. Гитлер в 1940 г. после падения Франции планировал всех европейских евреев отправить на Мадагаскар. Многих заключили в концлагеря в порядке подготовки к этой акции. Но план относительно Мадагаскара не осуществился.

Такова была ситуация в начале 1942 г. Эсэсовцы в Польше и России уже уничтожили тысячи евреев; решение, принятое Гиммлером и другими эсэсовскими руководителями, должно было сделать подобные убийства "научными". Гитлер это горячо одобрил. 15 августа 1942 г. во время инспекционной поездки вместе с Гиммлером и группенфюрером СС Глобоником в лагерь смерти он торопил: "Всю операцию надо ускорить, значительно ускорить". Глобоник предложил замуровать бронзовые пластинки, где будет указано, кто именно "взял на себя смелость осуществить эту гигантскую задачу". Гитлер ответил: "Да, мой дорогой Глобоник. По-моему, вы совершенно правы".

"Окончательное решение"— это не просто убийства в огромных масштабах. Нет, здесь во зло была использована современная передовая наука. Антисемитизм и все разговоры о расовой проблеме должны были стать "наукой", которая была направлена на расовое уничтожение и выведение "чистокровных" людей. Химики разработали научные способы уничтожения. Врачи пытали евреев якобы для научных целей, а затем изучали трупы. Умелые специалисты строили лагеря смерти, совершенствовали крематории. Даже те, кто вначале колебался, почувствовали вскоре, что, как говорил Оппенгеймер о водородной бомбе, проблемы, связанные с "окончательным решением", исключительно увлекательны. Быть может, в условиях всеобщей военной бойни было не до угрызений совести. Во всяком случае никто из высокопоставленных руководителей не протестовал, и германские ресурсы, предназначенные для войны, тратились на убийство невинных людей. Сколько было таких жертв, никто никогда не узнает. Может быть, 4, может быть, 6 млн. А далеко в России один немецкий сержант по имени Антон Шмидт регулярно спасал евреев до тех пор, пока не был раскрыт и расстрелян. В условиях второй мировой войны — благороднейший немец.

Подчас другие народы поступали ненамного лучше нацистов. Французская полиция полностью сотрудничала с последними при загрузке "поездов смерти". Венгры передавали немцам всех иностранных евреев, хотя делали какие-то попытки сохранить своих собственных. Папа римский молчал. Но в Дании все прятали датских евреев, пока не удалось перевезти их в Швецию, где они могли быть в безопасности. Голландцы сделали бы то же самое,

если бы это зависело от них. Расовый психоз расширялся. У антисемитизма была долгая история, но никому до нацистов не приходила в голову мысль уничтожить цыган: теперь их также сгоняли и отправляли в газовые камеры. Французский историк Анри Мишель пишет об убийстве евреев: "Это было самое жестокое преступление во всей истории человечества. Гибель несчастных жертв никоим образом не способствовала успеху немецких армий. Их убили исходя из морали, основанной на стремлении к власти, на расизме, и на службу этой морали один из самых цивилизованных народов мира поставил свои организаторские способности и научные знания, потому что стремление к порядку и патриотизм увели его на ложный путь".

Память об Освенциме, о других лагерях смерти сохранится, в то время как все другие достижения нацистской империи забудутся.

7. Поворотный момент. 1942 г.

Пока русские отчаянно боролись за выживание, их великие союзники, казалось, только болтали. Но это лишь казалось. Великобритания и США, великие морские державы, не могли успешно вести войну, не восстановив своего господства на море. Это означало не только непрекращающуюся борьбу с подводными лодками, нужно было наращивать производство военных кораблей в Америке, чтобы восполнить потери. Эта борьба велась успешно. Высадка англо-американского морского десанта в Северной Африке в ноябре 1942 г. свидетельствовала об успехах союзников на этом пути.

Неизбежная задержка с открытием второго фронта была русским непонятна, их не могло успокоить направление конвоев в Архангельск. В мае 1942 г. советский министр иностранных дел Молотов впервые отправился на Запад. В Лондоне он проявил удивительную покладистость, не стал требовать признания границ России 1941 г., на чем прежде настаивал, и согласился на прямой союз с Великобританией, рассчитанный на 20 лет. Взамен он просил о немедленном открытии второго фронта. Черчилль рассказал об имеющихся проблемах, он готов был сделать все, что мог, но не стал связывать себя обещаниями. На переговорах в Вашингтоне Рузвельт, казалось, пошел навстречу русским, одоблив заявление о том, что "достигнуто полное взаимопонимание относительно срочного открытия второго фронта в 1942 г.". Разница между обоими деятелями заключалась не только в темпераменте, не только в том, что Рузвельт в беседе экспансивен и щедр, а Черчилль, когда кто-то пытается его подтолкнуть, оказывает сопротивление. Было

еще коренное различие во взглядах. В декабре 1941 г. на совещании в Вашингтоне было решено сначала разгромить Германию. Американцы, озабоченные налаживанием массового военного производства, предложили наступать, как только будут готовы, там, где враг сильнее. Англичане экономили свои ограниченные ресурсы; по их мнению, непосредственно штурмовать Германию следовало, лишь когда где-то в другом месте будут истощены ее силы. Руководители американского и британского штабов с апреля по июнь проводили длительные совещания. Американцев постепенно убедили, что широкомасштабная высадка в Северной Франции в 1942 г. невозможна. Американские силы еще не готовы к главной кампании. [Немецкие] подводные лодки наносили все больший урон судоходству, и американский военно-морской флот отказался отвлечь десантные суда с Тихого океана.

Американцы хотели, чтобы был создан хотя бы плацдарм в Шербуре, но англичане их убедили, что и это нецелесообразно, разве лишь в случае, если России будет угрожать разгром. 21 июня, когда Черчилль опять был в Вашингтоне, начальники штабов, входившие в объединенный Комитет, отвергли какую-либо высадку во Франции до 1943 г. Собирались ли обе великие державы бездействовать еще 12 месяцев? Единственной альтернативой казалась высадка во французской Северной Африке. Вначале эта идея пришла в голову "окольным путем": Рузвельт, которому очень не нравился де Голль, полагал, что сможет договориться с правительством Виши и в ответ на приглашение во французской Северной Африке смогут высадиться американские, а не британские силы. Но правительство Виши идею не поддержало. Стало ясно, что высадка в Северной Африке должна стать военной операцией. Начальники штабов доложили, что любые действия во французской Северной Африке будут отходом от главного направления боевых действий и потому нежелательны.

Это не устраивало обоих политических лидеров. После долгого периода неудач на Среднем Востоке Черчиллю нужно было действовать где-то еще. Кроме того, он боялся, что, если не предпринять какие-либо действия в Европе, американцы сосредоточат внимание на Тихом океане. Рузвельту также нужен был какой-то эффектный ход, чтобы повлиять на выборы, которые должны были состояться осенью. Он сказал советникам, что, если исключить Северную Францию, тогда "надо взять что-то второстепенное". Французская Северная Африка была единственным подходящим местом.

Англичане потеряли Тобрук, и последовавшее затем отступление к Эль-Аламейну окончательно подтолкнуло их к проведению отвлекающих действий. Одних американских сил было бы недостаточно при высадке десанта в условиях противодействия против-

ника. Англичанам также пришлось бы принять участие, какое бы это ни произвело впечатление на правительство Виши. Начальники штабов предупредили, что полномасштабная кампания в Северной Африке помешает высадке в Северной Франции не только в 1942, но и в 1943 г. Но ни Черчилль, ни Рузвельт не приняли во внимание это предостережение. Жизнь подтвердила потом правоту начальников штабов.

Для принятия решения можно было бы привести доводы стратегического характера. Овладение Средиземным морем спасло бы судоходство, хотя, конечно, в основном оно было утрачено из-за африканских кампаний. Завоевание французской Северной Африки даст англичанам и американцам опору, даже если Гитлер разобьет Россию и сохранит господство в Европе. Немцам придется прийти на помощь итальянским союзникам, их резервы будут направлены из России и Франции в Северную Африку. Таким образом, высадка явилась бы одновременно и эффективной заменой второго фронта, и подготовкой к нему. Решение было принято скорее из соображений политических, чем стратегических. В результате англо-американская акция была предпринята против недавнего союзника.

Перспектива совместных действий внесла изменения в систему военного командования. До сих пор у англичан каждый вид вооруженных сил имел свое независимое командование. Например, в Египте Окинлек руководил военными действиями на суше, Каннингхэм — на море, а Теддер, командующий ВВС, помогал тому или другому по своему усмотрению. Американцы жаждали иметь главнокомандующего по аналогии с президентом. Первая попытка в этом отношении была сделана в начале 1942 г., когда Уэйвелл стал главнокомандующим союзными силами в Индии и Индонезии. Командование вскоре перестало существовать в результате успехов, достигнутых японцами. Затем с учетом того, что война шла преимущественно на Тихом океане, главнокомандующим должен был быть назначен Нимиц, но при этом нельзя было обойти известного генерала Макартура. Поэтому главнокомандующими назначили обоих — Макартура в Австралии и юго-западной части Тихого океана, а Нимица в центральной части Тихого океана, а также всюду, где проводились военно-морские операции. Как и следовало ожидать, они осуществляли две независимые друг от друга, а подчас противоречащие друг другу кампании. Макартур устремился назад на Филиппины, Нимиц — прямо к Японии. Поскольку их силы почти полностью были укомплектованы американцами лишь с небольшим добавлением австралийцев, настоящей необходимости в объе-

диненном командовании не возникло. Первым настоящим главнокомандующим объединенными войсками союзников во второй мировой войне был генерал Эйзенхауэр, назначенный командовать высадкой десанта во французской Северной Африке.

О том, что в 1942 г. второго фронта не будет, кто-то должен был сообщить Сталину; сделать это согласился Черчилль. По пути в Россию он побывал в Каире и обнаружил, что британская армия сбита с толку отступлением, Окинлек полон опасений в связи с прибытием немецкой армии на Кавказ и тем, что посла ожидает специальный поезд. Черчилль собрал всех сотрудников посольства, осудил их за панику и гневно заявил: "Не будет отступления! Не будет! Не будет!" Специальный поезд был расформирован, и в тот же вечер в клубе "Гезира" появился внешне спокойный посол.

Окинлек отказался обсуждать вопрос о возобновлении наступления, и Черчилль решил подыскать более решительных или, возможно, более сговорчивых генералов. Окинлека сменил генерал Александер, командующим 8-й армией был назначен Монтгомери. Александер был прирожденным главнокомандующим: человек мягкий, дружелюбный, его не волновали ни враги, ни политика, ни собственные генералы. Монтгомери был самым лучшим боевым командиром со времен Веллингтона*: твердый и уверенный в себе, он явился в нужный момент, когда всевозможные импровизации сменились систематическим планированием. В конечном счете выбор Черчилля оправдался, но пока эти два генерала еще больше, чем Окинлек, не считали нужным торопиться.

В Москве Черчиллю удалось договориться легче, чем он ожидал. Впервые Сталин встретился с государственным деятелем высшего ранга; это означало, что Россия снова стала великой державой. В соответствии с новым своим постом Сталин появился не в прежней гимнастерке, а в маршальском мундире. Это была странная встреча: ведь Черчилль некогда участвовал в интервенции против большевиков, а Сталин в глазах всего мира олицетворял собой большевизм. И теперь они были едины в решимости разбить Гитлера. Сталин был недоволен, что открытие второго фронта отложено. Зато высадка в Северной Африке его воодушевила, он сказал: "Да поможет Бог в этом деле". Черчилль пообещал, что второй фронт откроется в 1943 г. Очевидно, он не внял предостережениям начальников штабов.

* Артур Уэлсли Веллингтон — герцог, английский фельдмаршал (1769 — 1852). В войнах против наполеоновской Франции командовал союзными войсками на Пиренейском полуострове и англо-голландской армией при Ватерлоо.

Пока на рубежах у Эль-Аламейна стояли англичане, а русские сосредоточивались под Сталинградом, 19 августа британские и канадские войска высадились в Дьеппе. Эта высадка была первой попыткой осуществления совместной операции. Командовавший там Монтгомери настаивал, что операция должна иметь достаточную поддержку военно-воздушных и военно-морских сил. Командование британских ВВС ответило, что выделить самолеты не может, командование флота также не желало рисковать ни одним из своих крупных кораблей. [...] Монтгомери, к счастью для своей репутации, уехал в Египет. Примерно 6 тыс. человек высадились в Дьеппе, прикрытие с воздуха было недостаточным, поддержку осуществляли всего несколько эсминцев. Никаких немецких опорных пунктов захватить не удалось, а потери при этом оказались тяжелыми: из 5 тыс. канадцев 3 тыс. не вернулись. Говорили, что из неудачи были извлечены уроки, хотя трудно сказать, какие именно. А подлинным уроком было предостережение — не импровизировать, где бы то ни было — в Галлиполи, Норвегии, Греции или, как теперь, в Дьеппе. Урок был воспринят: успешной высадке во Франции 6 июня 1944 г. предшествовали 18 месяцев детального планирования.

Наступил долгий период ожидания, или, как назвал его Черчилль, период "усилий и напряжения": никаких наступательных действий англичан в Египте до конца октября, никакой высадки во французской Северной Африке до 8 ноября, политическое недовольство в Англии, растущие потери в Атлантике. В Сталинграде передышки не было. Город протянулся на 20 миль по правому берегу Волги, его нельзя было окружить и по всем правилам организовать осаду, его надо было брать штурмом. В начале сентября немцы еще были гораздо сильнее — соотношение было 3:1 по числу людей и 6:1 по танкам. Но базы снабжения находились за тысячи миль. Русские отошли так далеко на восток, что все получали непосредственно с новых заводов, расположенных за Уралом. Тыловые части были у самой Волги, каждую ночь русские переправляли через нее людей и снаряжение. И еще одно, опасное для немцев, обстоятельство: по мере того как они все больше войск перебрасывали на Сталинградский фронт, приходилось поручать защиту открытого фланга вдоль реки Дон румынам и венграм, боевые качества которых были сомнительны.

Штурмовать Сталинград, как и Верден в первую мировую войну, смысла не было. Достигнув берегов Волги к северу и югу от Сталинграда, немцы прервали движение по реке, и взятие города им ничего бы не дало. Они продолжали борьбу за него ради своего престижа. Гитлера пленяла перспектива захватить город, носивший

имя Сталина. Гальдера заставили уйти в отставку, с ним вместе исчезли последние остатки армейской независимости. Гитлер, как и в предыдущем году, опережал события. 8 ноября он выступил на традиционном нацистском сборище в Мюнхене и заявил по поводу Сталинграда: "Знаете что? Мы скромны, но мы своего добились. И вы можете быть вполне уверены, что теперь никто не заставит нас уйти". А Геббельс объявил, что идет "величайшая война на истощение, какую когда-либо видел мир". Но истощение в первую очередь угрожало немцам. Русские удерживали Сталинград как приманку, ведущую немцев к гибели, боролись за каждый дом, каждый завод. Немецкие танки были ослаблены в бесконечных уличных боях. Тем временем Жуков держал Чуйкова и его 62-ю армию на скудной диете. За период с 1 сентября по 1 ноября лишь 5 русских пехотных дивизий переправились через Волгу. В то же время за Доном создали 27 новых пехотных дивизий и 19 бронетанковых бригад. Немецкие генералы посылали предупреждения, но Гитлер их отвергал. Наступление должно продолжаться: "Вопрос решит последний батальон". Ведь отступление означало бы разгром, а это "немыслимо в условиях всеобъемлющей направленности мировых политических сил". Во всяком случае предостережения были не особенно настойчивыми. Никто из немецких генералов не верил, что русские могут предпринять генеральное наступление.

Первое успешное осеннее наступление союзников произошло в Египте. Монтгомери постепенно накапливал силы. Роммель, которому отчаянно не хватало горючего, решил, пока не поздно, сорвать приготовления англичан. 30 августа он начал битву в горной цепи Алам-эль-Хальфа, ворвавшись в расположение противника тем же способом, который прежде часто обеспечивал ему победу. Монтгомери не позволил себя спровоцировать. Английские танки вели чисто оборонительный бой, находясь в полузакрытой позиции. Запасов горючего у Роммеля оставалось на один день, и он вышел из боя. А Монтгомери дал ему уйти. Импровизированные контрудары прежних кампаний были ему не свойственны. Роммель, будучи больным, уехал в Германию. Черчилль подгонял Монтгомери, но получил ответ: "Если начать наступление в сентябре, оно закончится неудачей, а если подождать до октября, то я гарантирую большой успех и разгром армии Роммеля; надо ли атаковать в сентябре?" Больше Черчилль его не торопил.

Отсрочка принесла пользу. В течение сентября лишь $\frac{2}{3}$ итальянских судов добрались через Средиземное море к месту назначения, за октябрь — лишь треть, при этом ни одного танкера. У держав "оси" танки располагали запасом горючего на три заправки, а не на 30, как рассчитывали. Тем временем через Суэцкий канал

беспрепятственно шел поток людей и американских припасов. Когда началась битва, у англичан было 230 тыс. человек, у государств "оси" — 80 тыс., танков — 1440 у англичан, 260 — у немцев и 280 устаревших — у итальянцев. Монтгомери намеревался умело использовать свое превосходство. Вместо былых дерзких налетов — упорная борьба, война на уничтожение. Монтгомери придерживался принципа, установленного сэром Уильямом Робертсоном, когда тот был начальником имперского Генерального штаба во время первой мировой войны: победа идет к тому генералу, у которого кошелек полнее; на этот раз в отличие от прошлого преимущество было на его стороне.

23 октября началась вторая, еще более знаменитая битва у Эль-Аламейна. Английские танки штурмовали позиции противника в наиболее укрепленном пункте. Через минные поля прорваться на простор не удалось. Монтгомери, любивший говорить, что все идет по плану, вынужден был отступить, а затем попытался наступать снова. Роммель, поспешивший возвратиться из Германии, опять его остановил. Но теперь в африканском корпусе немцев было менее 90 танков, а у Монтгомери по-прежнему около 800. Черчилль в Лондоне сердился по поводу медленного темпа наступления, даже Брук, начальник имперского Генерального штаба, стал беспокоиться: вдруг он "ошибся и Монти измотан"?

2 ноября англичане потеряли 200 танков, а у Роммеля их осталось всего 30, и он решил отступить. На следующий день категорический приказ Гитлера заставил его повернуть назад и попытаться любой ценой удержать позиции под Эль-Аламейном. В этой сумятице 4 ноября английские танки наконец прорвались. Казалось, это была великолепная возможность отрезать силы держав "оси". Но англичане продвигались слишком медленно. Их попытки окружить противника всегда были слишком ограниченными, осторожными, запоздалыми. Роммель ушел. Англичане захватили в плен 10 тыс. немцев и 20 тыс. итальянцев; по пути они также подобрали 450 брошенных танков и свыше 1000 орудий. Их собственные потери составили 13 500 человек. Монтгомери неуклонно продвигался вперед. Сначала Роммель хотел остановиться в 500 милях от Бенгази — таков был и приказ Гитлера. Но Роммель использовал против Гитлера Муссолини, который позволил ему отойти к границе Туниса; там к весне 1943 г. Роммель создал долговременные позиции.

Не только разгром под Эль-Аламейном заставил Роммеля отступить до самого Туниса, но и сообщение о том, что англичане и американцы 8 ноября высадились в Северной Африке. В силу стечения обстоятельств эта высадка, отчасти предпринятая, чтобы помочь попавшим в трудное положение английским войскам в

Египте, фактически состоялась вслед за решающей победой англичан и через неделю после выборов в конгресс. Высадка началась в обстановке неразберихи, путаницы; этого следовало ожидать, судя по первой попытке совместных действий. Американцы лишь намеревались создать небольшой плацдарм на Атлантическом побережье, англичане надеялись освободить от противника район Средиземноморья и высадиться прямо у границ Туниса. И те, и эти немного отклонились от задуманного плана. Американцы высадились в Касабланке — это была бессмысленная попытка, англичанам удалось добраться до Алжира, но оказалось, что этого недостаточно.

Были также политические осложнения. Американцы еще надеялись сотрудничать если не с правительством Виши, то хотя бы с французскими властями в Северной Африке. Англичане, таких надежд не питавшие, не смогли настоять на своем. Де Голлю не позволили участвовать в операции и даже о ней не сообщили. Видя, что правительство Виши не идет на контакты, американцы сделали ставку на Жиро, пожилого французского генерала, бежавшего из германской тюрьмы. Его привезли из Франции на подводной лодке. Он оказался весьма строптивым, требовал высадки десанта в самой Франции и назначения на пост главнокомандующего объединенными силами. Поэтому его вынуждены были задержать в Гибралтаре до тех пор, пока все не кончится. Как бы то ни было, французские власти в Северной Африке отказались его признавать. Там находились французские войска численностью 120 тыс. человек, тогда как союзники могли высадить лишь 10 тыс. В последний момент Дарлан, правая рука Петена, внезапно приехал из Алжира. Это было весьма кстати. Однако теперь известно, что он там оказался не случайно: американцы вели с ним переговоры, так же как и с Жиро. Дарлан имел намерение присоединиться к побеждающей стороне. После длительных колебаний он согласился сотрудничать с союзниками, как в свое время сотрудничал и с немцами. Его решению способствовало известие о том, что немцы вступили на неоккупированную территорию Франции, что правительство Виши утратило свою и без того сомнительную независимость. Один трофей ускользнул из рук немцев: 27 ноября, когда они достигли Тулона, французский адмирал вопреки приказу Дарлана присоединиться к союзникам потопил свой флот.

Администрация Виши в Северной Африке подчинилась приказу Дарлана прекратить сопротивление. Невзирая на протесты в Англии и в меньшей степени в США, Эйзенхауэр признал Дарлана верховным комиссаром. 15 ноября во всей Англии звонили церковные колокола в честь победы под Эль-Аламейном — победы в борьбе за свободу и одновременно победы британского оружия. Союзники

поставили у власти адмирала Дарлана, упорного и опасного коллаборациониста, сотрудничавшего с немцами. Было ли это результатом антифашистской кампании, которую обещали народам, связанным союзом? Рузвельт утверждал, что сделка с Дарланом "лишь временная мера, которую оправдывает лишь напряженность борьбы". Назревший вопрос разрешился в канун Рождества: Дарлан был убит молодым офицером-роялистом, который был осужден французским трибуналом и расстрелян. На освободившуюся должность поставили Жиро, поскольку такая замена вызывала меньше всего возражений. Но осталась проблема более глубокая: английское и американское правительства хотели не перемен в Европе, а устранения Гитлера.

Отсрочки в Алжире и невозможность высадиться дальше к востоку свели на нет крупнейшее достижение, которое высадка должна была принести. К тому времени, когда союзные силы начали наступление, немецкие и итальянские войска сосредоточивались в Тунисе, где с ними сотрудничал французский генерал-губернатор. Союзные операции осуществлялись плохо: солдаты были необстрелянные, командиры — без опыта. По словам Эйзенхауэра, "вот лучшая характеристика наших нынешних операций: они нарушили все общепризнанные принципы ведения войны, противоречат всем правилам оперативных действий и службы тыла, которые приводятся в учебниках, и в течение ближайших 25 лет их будут осуждать во всех классах Ливенворта и военных колледжей".

К середине декабря у стран "оси" имелись в Тунисе войска численностью примерно 25 тыс. человек, у союзников — около 40 тыс. Шли непрерывные дожди. В канун Рождества Эйзенхауэр отказался от наступления. Это окончательно исключало какую-либо возможность высадки во Франции в 1943 г.: несомненно, союзные войска надолго застряли в Северной Африке. В других отношениях отсрочка оказалась, по словам Лиддела Гарта, скрытым благодеянием. Гитлер и Муссолини получили время перебросить в Тунис 250 тыс. солдат — все свои остававшиеся в районе Средиземноморья боевые части.

Победа русских была третьей по счету, но более крупной по масштабу. 19 ноября шесть русских армий прорвали румынские и немецкие рубежи к северу и к югу от Сталинграда. 23 ноября возле Калача они встретились. Паулюс и его 6-я армия были отрезаны. Отступить Паулюс не решался: на карту был поставлен его престиж и престиж Германии, он еще надеялся удержать позицию для круговой обороны, как немцы под Москвой в 1941 г.

Гитлер, конечно, твердо придерживался того же мнения, особенно когда Геринг убедил его, и совершенно неверно, в том, что люфтваффе может дать 6-й армии возможность держаться, обеспечив ее снабжение по воздуху.

20 ноября Манштейн, по общему мнению, самый талантливый генерал, прибыл принять командование армиями в районе Дона. Он также колебался. В случае отступления Паулюса русские армии могли бы свободно разгромить все немецкие силы от Дона до Кавказа. Во всяком случае русские рубежи укреплялись, Паулюс больше не сможет прорваться, даже если соберется с силами. Его придется выручать. Бронетанковые силы под командованием Гота с трудом начали продвижение к Сталинграду. К середине декабря танки были на расстоянии всего 30 миль от города, но дальше пройти не смогли. Паулюс должен двигаться в том же направлении. 19 декабря сотрудник разведки Манштейна вылетел в Сталинград. Он утверждал, что отступление еще возможно. Начальник штаба Паулюса ответил, что отступление явилось бы "признанием поражения. 6-я армия по-прежнему будет на своих позициях. От вас требуется лишь одно — лучше ее снабжать".

Во всяком случае планы были самые разные, создавалась путаница. Манштейн предлагал операцию под названием "Зимняя гроза": Паулюс должен соединиться с Готом и таким образом открыть коридор, через который можно снабжать 6-ю армию. Паулюс отвечал, что, находясь в окружении под Сталинградом, не может направить бронетанковые силы к Готу, не оголяя передний край своей круговой обороны. Поэтому единственно возможная операция — "Удар грома", т.е. полный выход из боя. Он спрашивал, может ли Манштейн дать такой приказ, но тот не ответил. Дело было не только в запрещении Гитлера, для Манштейна важно было, чтобы 6-я армия осталась на своем месте. Русские снова прорвались в верховьях Дона, 6-я армия должна продолжать, находясь в окружении, удерживать русские войска численностью полмиллиона и треть всей русской артиллерии. 6-я армия была обречена. 31 января 1943 г. Паулюс, только что ставший фельдмаршалом, сдался в плен, 2 февраля капитулировали германские войска. Из 91 тыс. немцев, попавших в плен, впоследствии вернулись лишь 6 тыс. Гитлер удрученно заметил: "Паулюс не знал, как перешагнуть в бессмертие: ему надо было застрелиться". Геббельс объявил в стране траур на три дня и возвестил о начале "тотальной войны".

6-й армией пожертвовали не напрасно. Армия Клейста смогла теперь уйти с Кавказа, у Манштейна было время отойти назад и произвести перегруппировку. На этот раз Гитлер умерил свою непреклонность и согласился с предложением Манштейна "обменять

пространство на время": "здешнее поле боя оставляет возможность для стратегических операций". А русские продолжали наступать. На севере в результате наступления они прорвали блокаду Ленинграда, 15 февраля взяли Харьков. Теперь пришла их очередь оторваться от баз снабжения. Немцы нанесли ответный удар, и, хотя им не удалось окружить русские войска и они взяли только 9 тыс. пленных, 13 марта они опять захватили Харьков. Затем военная машина забуксовала в грязи весенней оттепели.

Сталинград, быть может, вопреки частым утверждениям не был решающей битвой второй мировой войны. Армии сателлитов — румын, венгров, итальянцев — были разбиты и уже не смогли оправиться от поражения. Но в марте 1943 г. немцы все еще стояли на рубежах, откуда начали наступление 1942 г. Они восстановили свой боевой дух и показали под Харьковом, что снова господствуют на поле боя. Именно немцы, а не русские предприняли наступление, когда начался сезон боевых действий 1943 г. Тем не менее победа русских под Сталинградом в гораздо большей мере, чем оборона Москвы год назад, развеяла миф о непобедимости Германии. Сам Гитлер сказал Йодлю: "Бог войны перешел на другую сторону".

Во время этих крупных событий на Волге и в Северной Африке не был обойден вниманием и Тихий океан. Американские начальники штабов игнорировали решение союзников поставить на первое место разгром Германии: за первую половину 1942 г. в район Тихого океана ушло вдвое больше американских ресурсов, чем на Европейский театр военных действий. И затем растущие нужды тихоокеанской кампании больше, чем нужды Средиземноморья, способствовали тому, что высадка в Северной Франции десантов была отложена до 1944 г. Два главнокомандующих, Нимиц и Макартур, по своей стратегии коренным образом отличались друг от друга. Макартур сетовал: "Из всех ошибок, допущенных на войне, быть может, самая не поддающаяся описанию — неспособность объединить командование на Тихом океане".

Нимиц предложил нанести удар по японцам в районе Соломоновых островов. Последовала битва за Гуадалканал, длившаяся с августа 1942 по февраль 1943 г. Борьба шла с переменным успехом, вначале с каждой стороны было по 6 тыс. человек, затем — по 50 тыс. Произошло шесть крупных военно-морских сражений. 7 февраля японцы отступили; они потеряли 25 тыс. человек, американцы — гораздо меньше. Но если продвигаться от Соломоновых островов до Токио американцам предстояло такими темпами, то их ждали мрачные перспективы.

Макартур намеревался пойти быстрее. Впервые приняв командование, он обнаружил, что австралийцы готовятся оставить Сидней и удерживают лишь южную часть континента. За три месяца он добился перемены, заставив их перейти в наступление. Полем битвы явилась Новая Гвинея. Почти два года плохо вооруженные австралийские войска вели в джунглях борьбу против японцев, и она закончилась полной победой австралийцев. Но такая война пришлась Макартуру не по вкусу. Война для него была творчеством, его стратегия — движение войск перекатами, с обходом японских опорных пунктов, чтобы противник не мог ими воспользоваться и они остались "гнить на корню". Имея небольшое количество кораблей и самолетов, он стал действовать таким образом, и в течение 1943 г., не подвергаясь прямому штурму, одна за другой пали японские позиции. О, превратности войны! В одно и то же время генерал Макартур осуществляет гибкую морскую стратегию, а адмирал Нимиц мыслит стандартными военными понятиями.

Одно наступление так и не состоялось в 1942 г., а в первые месяцы 1943-го не достигло цели. Американцы постоянно убеждали англичан выступить против японцев в Бирме и таким образом вновь открыть дорогу из Бирмы на Чунцин. Наблюдалась любопытная перемена ролей в Европе. Англичане верили де Голлю, американцы — нет. На Дальнем Востоке американцы верили, что у Чан Кайши огромная армия, что она стремится сражаться с японцами и в состоянии это сделать. Англичане эту веру не разделяли. В обоих случаях англичане были правы. Чан Кайши и его сподвижники лишь стремились набить карманы американскими долларами. У англичан хватало забот в Индии после крушения переговоров с конгрессом. Ганди снова провозгласил гражданское неповиновение, его еще раз посадили в тюрьму. Вернуть себе контроль над Индийским океаном англичане были не в состоянии; горы и джунгли, спасавшие их после отступления из Бирмы, теперь стали укрытием для японцев. После многих подстрекательств американцев англичане в декабре 1942 г. начали наступление на Бирму. Неудача была полнейшая, в мае 1943 г. британские войска отступили. С Дальним Востоком придется подождать — таково было мнение англичан, американцы его не разделяли.

Итак, закончился военный "сезон" 1942 года — последнего года побед государств "оси", первого года побед союзников. Победы последних носили в определенном смысле оборонительный характер. Остановлено было наступление государств "оси" под Эль-Аламейном и Сталинградом, наступление японцев в Новой Гвинее и Гуадалканале. Но немцы еще находились в глубине России, а войска государств "оси" — в Тунисе; Япония и ее союзники пока удерживали сферу своих интересов. Разгром Японии и всех держав "оси" был впереди.

8. Долгожданное наступление союзников. 1943 г.

В 1943 г. великие союзные державы наконец пришли в движение: русские гнали немцев, а к чему стремились англичане и американцы, было не совсем ясно.

В начале года состоялась волнующая встреча Рузвельта и Черчилля в Касабланке — впервые со времен Вудро Вильсона, который в 1919 г. присутствовал на Парижской мирной конференции, президент США вышел за пределы Америки. Рузвельт очень хотел очаровать Сталина, а Черчилль решил держаться как представитель великой державы. Но бои под Сталинградом и в районе Дона не позволили Сталину покинуть Москву, а для Рузвельта ехать туда было слишком далеко. Поэтому Рузвельт и Черчилль совещались в Касабланке с 13 по 24 января. По прибытии Черчилль телеграфировал Эттли: "Условия самые благоприятные. Если бы то же можно было сказать о проблемах".

Англичане знали, чего хотят: освободить Северную Африку и затем каким-то образом одолеть Италию, продолжать бомбежки Германии, закрепиться на Дальнем Востоке. Только Черчилль тревожился: "Это не то, что я обещал Сталину в августе прошлого года". Взгляды американцев не были столь определенными. Они считали, что военные действия в Средиземноморье носят временный и ограниченный характер. Если в 1943 г. в Европе не будет открыт второй фронт, они большую часть сил направят на Дальний Восток.

Как часто случалось, что решения скорее зависели от развития событий, чем от споров начальников штабов. Силы держав "оси" еще находились в Тунисе, необходимо было направить в Северную Африку подкрепления и завершить кампанию. К тому времени сосредоточивать силы для высадки в Северной Франции будет уже поздно, и те, что высвободятся в Северной Африке, за неимением более подходящих задач двинутся к Сицилии. Американцы считали завоевание Сицилии завершающей операцией по открытию средиземноморского судоходства союзников, англичане считали ее первым шагом в процессе разгрома Италии [...]. Нехватка судов — проблема, которую было не разрешить до середины года, — сделала невозможным для англичан какое-либо наступление в направлении Бирмы, хотя американцы имели в виду продвижение вперед на Тихом океане независимо от хода других событий. Обе стороны без споров согласились бомбить Германию, при этом американцы были убеждены, что их "летающие крепости" могут действовать в дневное время. Эта уверенность оказалась ошибочной.

В Касабланке были также предприняты политические шаги. Из Англии вызвали де Голля, и он обменялся рукопожатием с Жиро. Американцы ошибочно считали, что де Голль не свободен в своих действиях, однако тот был опытным политиком, а Жиро находился в полной растерянности. За несколько месяцев Жиро ловкими маневрами отстранили от должности, и он исчез из виду. В Алжире была создана Консультативная ассамблея, в нее вошли обосновавшиеся в Алжире французские представители и те, кому удалось бежать из Франции; это придало облику де Голля конституционную законность. Он являлся фактическим главой французского Сопротивления от коммунистов до правых националистов. Это было совсем не то, что имели в виду американцы, высадившись в Северной Африке. Но им пришлось смириться: нужно было, чтобы французские войска участвовали в борьбе. В последний день совещания в Касабланке Рузвельт объявил, что цель союзников и единственное условие окончания войны — "безоговорочная капитуляция стран "оси"". Он думал прежде всего о том, чтобы избежать неприятностей, на которые пошел президент Вильсон, согласившись заключить мир с Германией на основе 14 пунктов. Может быть, он также хотел дать Сталину какую-то гарантию, что западные державы не пойдут на компромисс при заключении мира. Черчилль пытался добиться, чтобы это требование не распространялось на Италию. Позднее он писал: "Союзникам надо поддержать Муссолини, даже когда исход войны определится"; однако это было его собственное мнение, британский Военный кабинет его не поддержал, а он не настаивал. Таким образом, "безоговорочная капитуляция" была официальной политикой союзников.

Впоследствии по этому поводу было много шума, жалоб, что это продлило войну, помешав заключению мира в результате переговоров. Но жалобы не имели смысла. Уже в августе 1940 г. Черчилль определил цель Англии в войне — уничтожение национал-социализма и полное аннулирование всех завоеваний Гитлера. Две другие союзные великие державы были с этим согласны. Никакая меньшая цель не могла обеспечить мир и свободу, не могла удовлетворить народы стран-союзниц. В любом случае, с кем должны союзные правительства вести переговоры? Конечно, не с нацистскими, не с фашистскими руководителями, ведь даже немцы — противники Гитлера хотели сохранить некоторые или все его завоевания, что, конечно, было неприемлемо. "Безоговорочная капитуляция" была не столько политикой, сколько признанием фактического положения вещей. Державы "оси" не уступят, пока не будут полностью разбиты, а их безоговорочная капитуляция — единственное средство это обеспечить.

Зимой 1942/43 г. союзники были еще далеки от этой цели. Англо-американские войска в Северной Африке еще не оправились от неудач, пережитых за период от Рождества 1942 до февраля 1943 г. В это же время к границам Туниса подошли войска Монтгомери. Роммелю представилась последняя возможность нанести удар по двум армиям, прежде чем они соединятся, и его кампания стала эхом наполеоновской кампании 1815 г. В середине февраля он ударил на севере по англо-американским войскам и погнал их назад в Кассерин. Объединенные силы, хотя их численность была выше, охватило сильное смятение, и, как замечает официальный историк, "враг был изумлен количеством и качеством оружия, более или менее неповрежденного, которое он захватил". Теперь Роммель мог свободно напасть на Монтгомери. Но было слишком поздно. К 6 марта, когда Роммель перешел в наступление у Меденина, Монтгомери имел превосходящие силы и, как 6 месяцев назад в горной цепи Алам-эль-Хальфа, упорно оборонялся.

Роммель в тот же вечер прекратил наступление, а через три дня навсегда оставил Африку. Вернувшись в Германию, он предупредил Гитлера, что для войск "оси" оставаться в Африке — "очевидное самоубийство". Гитлер ответил, что он просто струсил, надо лучше подготовиться, "чтобы командовать операциями против Касабланки". Монтгомери методично готовил атаку рубежей Марета, которую предпринял 20 марта. Но его фронтальный удар потерпел неудачу. 26 марта он переключился на фланг противника и на этот раз добился полного успеха. Оборонительный рубеж стран "оси" был не прорван, а уничтожен. Как и в Эль-Аламейне, Монтгомери не спешил использовать победу, и разгромленный противник ушел. В целом это была характерная для Монтгомери операция: неудача первоначальной атаки, импровизированное переключение на фланг, последующее утверждение Монтгомери, совершенно не соответствующее фактам, что все шло "по плану", и, наконец, неумение использовать победу.

У союзников теперь было 300 тыс. человек, 1400 боевых танков, а у стран "оси" — 60 тыс. человек, меньше сотни танков. Даже и при этом над союзниками довлели прежние неудачи, продвигались они медленно. Монтгомери хотел двинуться напрямую, но Александер, прибывший из Каира и принявший командование сухопутными силами, сказал ему, что главный удар следует наносить на севере из политических соображений — в сущности для того, чтобы американцы забыли об их прежних поражениях. В конце концов страны "оси" скорее были задушены блокадой союзников, чем

разбиты в бою. Авиация стран "оси" больше не господствовала в воздухе, и когда Дёниц прибыл в Рим для организации конвоя, то оказалось, что итальянский военно-морской флот почти перестал существовать в качестве боевой силы.

К началу мая силы "оси" остались без горючего и фактически без продовольствия. Их сопротивление слабело. 8 мая французский корпус официально вошел в Тунис, а 13 мая оставшиеся войска стран "оси" сдались, и лишь несколько тысяч смогли уйти. Союзники взяли в плен примерно 130 тыс. человек, в послевоенных отчетах эта цифра выросла до 250 тыс. Александер отправил Черчиллю высокопарное послание: "Сэр, мой долг повелевает сообщить Вам, что кампания в Тунисе закончена. Противник полностью прекратил сопротивление. Побережье Северной Африки находится под нашим контролем". Судоходство союзных держав на Средиземном море возобновилось, и 26 мая в Александрию прибыл первый конвой из Гибралтара. Итальянские военные силы фактически перестали существовать. Пять месяцев потребовалось объединенным силам США и Англии на то, чтобы разбить германские войска, состоявшие обычно из 2, максимум 4 дивизий.

В Вашингтоне с 12 по 25 мая с участием Черчилля и британских начальников штабов возобновились споры о том, что делать дальше. Англичане опять стояли за вторжение сначала в Сицилию, затем на Апеннины. Маршалл снова сокрушался по поводу "всасывающего" эффекта североафриканской кампании, но избежать его было нельзя. Перебрасывать войска и корабли в Англию, чтобы успеть в 1943 г. высадиться в Северной Франции, было уже слишком поздно. Между тем войскам, находившимся в Северной Африке, надо было чем-то заняться. Классический пример главного фактора, так часто определяющего ход войны: союзники были в Северной Африке и затем в Италии потому, что были. Один лишь Черчилль, как и во время первой мировой войны, полагал, что Средиземное море открывает черный ход в Европу. Считалось, что Италия — жизненно важный элемент "оси", что ее поражение решающим образом изменит баланс сил. На деле же это уменьшило стоявшие перед Гитлером проблемы, как поражение Франции — британские проблемы в 1940 г.

Вторжение на Сицилию потребовало подготовки в течение некоторого времени. У союзников не было опыта высадки десанта в условиях противодействия противника — их высадка в Северной Африке, почти не встретившая сопротивления, оказалась достаточно трудной. Эйзенхауэр однажды докладывал, что успех операции маловероятен, если ей будут противостоять свыше 2 германских дивизий. Черчилль в связи с этим негодовал: "Не могу себе представить, что подумает Сталин, когда на его фронте 185 немецких

дивизий". Монтгомери добавил забот, настаивая, что должна быть одна мощная операция под его командованием; американцам он отводил скромную роль — прикрывать его левый фланг. Монтгомери своего добился. Что касается противника, Гитлер тоже колебался, не зная, что делать. Его, по-видимому, ввел в заблуждение "никогда не существовавший человек": на трупе британского офицера, прибитом волной к испанскому берегу, были найдены планы вторжения в Грецию и Сардинию. Еще больше Гитлер боялся предательства со стороны итальянцев. Когда Роммеля спросили, какому итальянскому офицеру можно доверять, он ответил: "Нет такого". В конце концов на Сицилию были отправлены небольшие германские силы с приказом не считаться с итальянцами и думать лишь о собственной безопасности.

10 июля началось вторжение на Сицилию. Десант носил более широкомасштабный характер, чем даже 11 месяцев спустя в Нормандии: в первый день с более чем 3 тыс. десантных судов высадились 150 тыс. человек, их прикрывали с воздуха свыше тысячи самолетов; до конца кампании 500 тыс. солдат доставили на побережье. Силы Монтгомери высаживались, почти не встречая сопротивления, но через несколько дней они уже не могли продвигаться вперед. Паттон, лихой американец, вырвался из подчинения, и Александер, как всегда покладистый, допустил это. Первоначальный план был перевернут с ног на голову. Монтгомери вместо продвижения к Мессине застрял на склоне Этны, пока Паттон совершал затянувшееся путешествие по западному, а затем по северному побережью Сицилии. Этот поход, в конечном итоге успешный, имел негативные последствия. Если бы в Мессину первым прибыл Монтгомери, большая часть сил стран "оси" была бы отрезана. Паттон же фактически вытеснил их невредимыми. 22 июля он взял Палермо и 16 августа достиг Мессины. Там американцы встретили английские войска вопросом: "Где вы гуляли?" Большинство из войск стран "оси" благополучно и беспрепятственно переправилось через Мессинский пролив, причем немцы забрали с собой всю боевую технику.

Несмотря на небольшую военную победу, захват Сицилии завершил разгром итальянского фашизма. Итальянская экономика была близка к развалу, происходили забастовки в промышленных городах севера, Турине и Милане. Муссолини, находясь в тяжелом физическом состоянии, признал, что Италии необходимо выйти из войны. Он полагал, что единственный выход — заключение мира между Германией и Россией, с тем чтобы Гитлер мог затем двинуть свои армии на Итальянский фронт. Но когда оба диктатора встретились, Муссолини так и не осмелился высказать то, что думал. 19 июля они в последний раз встретились при полном параде — в

прежней блестящей форме, с прежними фашистскими и нацистскими приветствиями. Гитлер ораторствовал о необходимости железной воли, Муссолини молчал — он только что прочел сообщение, что союзники бомбили Рим.

А в Риме различные мелкие группировки искали способ свергнуть Муссолини. Пожилые политики говорили о восстановлении конституционного правления; некоторые генералы приглядывались к Бадольо, бывшему начальнику штаба; часть видных фашистов рассчитывала спасти свою шкуру. Виктор Эммануил III больше слушал генералов, чем политиков, и согласился обратиться к Бадольо в один из ближайших дней. После встречи в Фельтре он решил действовать. Но недовольные фашисты выступили первыми. 24 июля Гранди, фашист, всегда придерживавшийся больше проанглийской ориентации, чем стран "оси", потребовал созвать заседание фашистского верховного совета. На нем он предложил, чтобы Муссолини отказался от власти в пользу короля. Дискуссия продолжалась до глубокой ночи, в половине третьего утра состоялось голосование: 19 голосов — за предложение Гранди, 8 — против, один воздержался. Муссолини сказал: "Вы спровоцировали кризис режима" — и удалился без традиционного для дуче салюта.

На следующий день Муссолини посетил короля, уверенный в его поддержке. Виктор Эммануил отстранил дуче от власти и сообщил ему, что преемником его будет генерал Бадольо. А когда Муссолини вышел, его остановили карабинеры, вывели через боковую дверь и отправили на остров Липари якобы ради его собственной безопасности. Находившийся на острове интернированный социалист Ненни, в прошлом старый товарищ Муссолини, говорить с ним отказался. За одну ночь по всей Италии фашизм исчез. Фашистские лидеры бежали, некоторые — в Португалию, некоторые — в Германию. Фашистское ополчение распалось без малейшей попытки сопротивления. В смерти, как и в жизни, фашизм был лишь видимостью без всякой сути.

Бадольо надеялся совершить чудо — не обидев Гитлера и не сделав уступок союзникам, вывести Италию из войны. Гитлеру было сказано, что Италия будет продолжать воевать. В то же время эмиссары с противоположными сообщениями были направлены к представителям союзных держав. Гитлер ни на минуту не обманывался. Сразу после падения Муссолини Роммель принял командование над 8 германскими дивизиями и обеспечил им переход через Альпы. 28 июля немцы перехватили и расшифровали телефонный разговор между Рузвельтом и Черчиллем, в котором обсуждались условия капитуляции Италии. Когда союзники не смогли немедленно произвести высадку, Гитлер почувствовал себя увереннее и послал подкрепление Кессельрингу в Южную Италию.

Для обсуждения положения Черчилль и Рузвельт встретились в Квебеке. Американцы настаивали, что надо предпринять практические шаги по подготовке высадки десанта во Франции в 1944 г. Но искушение воспользоваться падением Муссолини оказалось непреодолимым. Союзникам даже казалось, что с помощью Бадольо можно занять Италию без борьбы. Таков парадокс: свержение фашизма с целью избавить Италию от ужасов войны на ее собственной территории фактически принесло ей эти ужасы.

Охваченные порывом оптимизма, союзники считали, что Италия у них в руках. Министерства иностранных дел Англии и Америки в истинно бюрократическом духе рассматривали каждую деталь безоговорочной капитуляции Италии. Военные в штабе союзников готовы были на любые условия, лишь бы Италия вышла из войны. В конце концов пришли к некоему секретному соглашению: итальянцев пригласят подписать сравнительно мягкие "краткосрочные" условия, а позднее им навяжут более жесткие "долгосрочные" условия. (Хотя эта тактика была оперативной, "жесткие" условия не были реализованы потому, что итальянское правительство добровольно сотрудничало с союзниками в меру своих слабых возможностей.)

Все это потребовало времени. 3 сентября Бадольо согласился на тайное подписание кратковременных условий и обещал сотрудничать с союзниками, если они высадят в Риме воздушный десант. Согласившийся было Эйзенхауэр, узнав, что в Риме уже находятся крупные немецкие силы, в последний момент воздушный десант отложил. В тот же день 8-я армия Монтгомери высадилась на побережье Италии прямо напротив Мессины. В Риме царил сплошной хаос. Итальянские войска приказов не получали, немцы их разоружили и заняли город. Бадольо и король бежали в Бари. В Греции и Югославии итальянские войска были также разоружены немцами. По совету Черчилля небольшие британские силы высадились на Эгейских островах, но вскоре потерпели поражение, что вряд ли воодушевило Турцию на вступление в войну. Лишь итальянскому флоту удалось уйти, адмирал Каннингхэм победоносно сообщал: "Итальянский боевой флот в настоящее время стоит на якоре под прикрытием орудий крепости Мальта".

Главная высадка союзников произошла в Салерно 9 сентября при полной их уверенности, что сопротивления не будет. Но у Кессельринга было время собрать 6 дивизий. Последовала такая жестокая борьба, что в какой-то момент американский командующий Марк Кларк предложил вернуться обратно на корабли, и лишь протесты британского адмирала этому помешали. 16 сентября из Калабрии подошла 8-я армия, и немцы отступили. Но союзникам потребовалось еще три недели, чтобы добраться до Неаполя. Пред-

полагалось, что Таранто, крупнейший порт на юге Италии, может стать легкой добычей союзников. Адмирал Каннингхэм был готов рискнуть: небольшая экспедиция, получившая название "Хлопушка", без особых трудностей 8 сентября заняла Таранто. Восточное итальянское побережье было также полностью доступно для вторжения, но не было сил, которые могли бы его осуществить, и опять немцы получили время для подготовки к обороне. Бои к северу от Неаполя успехов не принесли. К концу года союзники продвинулись от Салерно всего лишь на 70 миль, главным образом в первые несколько недель, и все еще до Рима оставалось 80 миль. Черчилль в бессильном гневе заявил: "Вялость всей кампании на Итальянском фронте становится просто позорной". Как заметил Лиддел Гарт, союзники совершили ошибку, следуя осторожному правилу банкиров: "Никакого аванса без надежного обеспечения".

Вторжение в Италию принесло с собой гораздо более серьезные политические проблемы, чем в Северной Африке. Несмотря на то что история с Дарланом явилась предостережением, союзники действовали, не руководствуясь четкими политическими принципами. В Сицилии, например, американцы опять вооружили мафию, сокрушенную фашизмом, и господство ее продолжается по сей день. Черчилль, Рузвельт и военное командование решили, что следует действовать через правительство Бадольо, которое 13 октября фактически объявило войну Германии. Но у Бадольо не было власти. Вновь появившиеся на юге политические партии открыто агитировали против него. В Риме Сопротивление создало тайный Комитет национального освобождения, деятельность которого была направлена как против немцев, так и против короля. На севере действовало вооруженное Сопротивление, борющееся за национальное возрождение. Для союзников освобождение означало просто устранение власти немцев и фашизма; для участников Сопротивления это имело гораздо более глубокий смысл.

Неблагодарность итальянцев сердила руководителей союзных держав, которые боролись не за социальные изменения, а за победу над Германией. Советское правительство тоже претендовало на участие в итальянских делах. И опять англичанам и американцам не пришло в голову, что, возможно, придется признать равные права русских. Не допустили русских в англо-американскую Контрольную комиссию, фактически управлявшую Италией, подсунули место в Консультативном совете, благополучно пребывавшем далеко в Алжире. Русские молча согласились, но собирались последовать англо-американскому примеру, когда настанет их черед освобождать

захваченные немцами страны. Англичане и американцы оставались в Италии монополистами, но утратили право на эффективное участие в решении проблем Румынии, Венгрии, Болгарии, даже Польши.

Произошло дальнейшее осложнение событий. 12 сентября Муссолини, которого отправили в горный район Гран-Сассо-д'Италия, освободили немецкие десантники. Муссолини самолетом вывезли в Мюнхен, состоялась его слезливая встреча с Гитлером и мнимое возвращение к власти. Обосновавшись в Сало на озере Гарда, он провозгласил национал-социалистскую фашистскую республику. По настоянию Гитлера фашистских лидеров, которые 25 июля голосовали против Муссолини, отдали под суд и всех расстреляли, включая зятя Муссолини — Чиано. Иначе возрожденный фашизм существовать не мог. Муссолини приходилось действовать через германских советников, он не мог распоряжаться собственными вооруженными силами и безучастно наблюдал за германским террором в Северной Италии. Немецкие агенты австрийского происхождения стали управлять в южном Тироле и Триесте. Казалось, началось расчленение Италии. Муссолини пристально смотрел на нескончаемый дождь и твердил: "Мы все умерли".

Американцы полагали, что с баз Южной Италии можно бомбить нефтяные месторождения Плоешти в Румынии. Эти воздушные налеты предпринимались по обычной схеме: сбрасывалось много бомб, терялось много самолетов — и все это не давало решающего эффекта. Когда русские в следующем году заняли Плоешти, полностью работала половина нефтяных скважин.

Присутствие в Италии союзников оказало, однако, глубокое влияние на балканскую политику. С 1941 г., со времени оккупации Югославии, там шла освободительная война. Михайлович, кадровый армейский офицер, обратился к старомодному сербскому национализму и стал сотрудничать с королевским правительством в изгнании. Стараясь избежать потерь, он часто заключал соглашения местного масштаба с итальянскими, а изредка даже с немецкими оккупационными силами. Тито, руководитель югославских коммунистов, создал движение другого характера. Его целью была поддержка объединенной коммунистической Югославии, он был уверен, что жертвы, как бы ни были велики, обеспечивали его партизанам всевозрастающую поддержку. Фабианская тактика Михайловича в точности напоминала ту, какую разработал британский исполнительный орган по спецоперациям, направлявший подрывную деятельность в Европе. Сопrotивлению во Франции и в других странах предлагалось вербовать и организовывать сторонников, стать раз-

ведывательными центрами и ждать приближения союзных армий, чтобы выйти из подполья. Михайлович следовал этой установке и, на свою беду, унесен был, по его собственным словам, разразившимся над миром ураганом.

Когда Италия вышла из войны, партизаны Тито разоружили итальянские войска и захватили их боевую технику. Партизанская армия насчитывала теперь миллион человек и отвлекала на себя 8 германских дивизий. Черчилль стремился поддержать действия на Балканском полуострове, хотя не было возможности выделить для этого войска. Казалось, что Тито решил вопрос. Английские представители, в том числе сын Черчилля Рэндольф, сообщали, что партизаны Тито сражаются с немцами, а люди Михайловича — нет. И того, и другого подвергли проверке. Сбросили им английские припасы, велели использовать их. Тито согласился, а Михайлович нет. К концу года все, какие имелись, припасы шли к Тито. Вскоре Михайловича вообще перестали признавать. Когда Фицрой Маклин, английский представитель у Тито, предупредил Черчилля, что это коммунист, Черчилль ответил: "Вы что, собираетесь после войны жить в Югославии? Нет? И я тоже". Англичане создали Тито, и нынешняя Югославия — творение англичан, хотя, конечно, многое сделали сами партизаны. Американцы Тито не одобряли, продолжали поддерживать Михайловича, но даже им его бездействие надоело. Еще более удивительно, что Сталин поддерживал Михайловича и пришел в ярость, обнаружив, что существует Тито. Может быть, Сталин хотел сделать приятное англичанам; возможно, предвидел, какие заботы причинит ему независимое коммунистическое государство. Ситуация во всяком случае забавная.

Поскольку внимание было сосредоточено на военных действиях в Северной Африке и Италии, могло показаться, что обе западные державы почти забыли о Германии. Но это не так. Сэр Артур Харрис, командующий английской бомбардировочной авиацией в Европе, во всевозрастающих масштабах продолжал ночные бомбардировки Германии. Американцы начали бомбить днем с помощью своих "летающих крепостей". Налеты на Рур происходили с марта по июнь, на Гамбург — с июля по ноябрь, на Берлин — с ноября 1943 по март 1944 г. На один только Берлин было сброшено 50 тыс. т бомб. Немецкие города были разрушены. Харрис писал: "Мы можем полностью снести Берлин, если примут участие американские ВВС. Это будет нам стоить 400—500 самолетов. Немцы заплатят поражением в войне".

Ожидания не сбылись. Убиты были многие тысячи немцев, десятки тысяч стали бездомными. Германская промышленность пострадала мало. Фактически в разгар бомбежек союзной авиации, в марте 1944 г., производство достигло небывало высокого уровня. Цифры говорят сами за себя. В 1942 г. англичане сбросили 48 тыс. т бомб; немцы произвели 36 804 единицы боевого оружия (тяжелые орудия, танки, самолеты). В 1943 г. англичане и американцы сбросили 207 600 т бомб; немцы произвели 71 693 единицы оружия. В 1944 г. англичане сбросили 915 тыс. т бомб; немцы произвели 105 258 единиц оружия. Конечно, впервые за время войны уровень жизни немцев снизился, хотя он никогда не опускался до британского. Но их боевой дух не пострадал. Наоборот, беспорядочные бомбежки отдали немцев в руки Геббельса с его пропагандой тотальной войны.

К марту 1944 г. Харрис признавал, что темпы британских потерь неоправданно велики. У американцев дело обстояло еще хуже. "Летающие крепости" оказались неспособными защитить себя в дневное время от немецких истребителей. В связи с этим препятствием союзники пришли к разным выводам. Харрис мог лишь предложить возобновить бомбежки тогда, когда командование бомбардировочной авиации восполнит потери. Американцы же усовершенствовали истребитель дальнего действия "Мустанг", который мог сопровождать бомбардировщики над Германией, и воздушное наступление возобновилось.

Самая крупная битва 1943 г. произошла не в воздухе, не в Средиземноморье, а в Курске и вокруг него с 5 по 12 июля. Эта битва оказалась решающей в ходе всей войны. Когда заглохли бои на Восточном фронте в марте 1943 г., русские уже вклинились в оборону противника перед Курском. Они стремились этот клин увеличить, а немцы — отсечь его. Русские от искушения удержались, немцы — нет. Сталин вспомнил про неудачное наступление русских под Харьковом, послужившее началом дальнейших бедствий в 1942 г. Отличаясь неисчерпаемым терпением, он решил дождаться немецкого наступления и разбить противника. Хотя Гитлер и сказал Гудериану, что его "тошнит при мысли о наступлении", он все-таки считал его неизбежным. Он стремился нанести русским сокрушительный удар, чтобы можно было направить войска на помощь Муссолини, и утешался мыслью, что летом немцы всегда побеждали.

Времена переменились. Русские воспряли духом после поражений, у них было теперь гораздо больше орудий, больше солдат, лучше, чем у немцев, танки. Они получали американские грузовики, консервы и стали более мобильными. Прежние неудачи научили их молодых генералов более гибкой тактике. И когда

немецкие танковые дивизии двинулись к Курскому клину, у русских имелась мощная противотанковая оборона. К началу июля у русских было четыре оборонительных рубежа глубиной 50 миль. Слабо защищенных участков, какие имелись во время прежних немецких наступлений, теперь не было. Подобно Монтгомери в Эль-Аламейне, немцы вынуждены были атаковать укрепленные пункты: у Монтгомери было намного больше ресурсов, чем у его врага; немцы были уже подчинены.

5 июля началось немецкое наступление на обоих флангах выступавшего вперед клина. Стремясь захватить противника в клещи, немцы на юге продвинулись на 20 миль, на севере им продвинуться почти не удалось. Шли танковые сражения, пехоте места не было; немецкие орудия не смогли стрелять. Прорыв не состоялся. Вместо него было состязание в силе удара. 12 июля русские начали контрнаступление. С каждой стороны участвовало по 1500 танков — это было крупнейшее танковое сражение за всю историю, во всяком случае вплоть до войны 1973 г. на Ближнем Востоке. В тот вечер Гитлер внезапно прекратил наступление. Впервые огромная армия национал-социалистской Германии была разбита в бою. С этого момента цель Гитлера, его единственная надежда — отсрочить поражение.

Немцы рассчитывали, что русские понесут очень большие потери и не смогут возобновить наступление. И снова ошиблись. В начале августа русские начали наступление, интенсивность которого не ослабевала до самого Берлина. Это не было наступление германского типа, когда одна мощная группировка вырывается вперед и противника окружают. Русские во многом следовали той стратегии, которая принесла победу Фошу и союзникам в последние месяцы первой мировой войны. Они, ведя атаку в слабом пункте, прерывали ее, как только встречали сильное сопротивление, чтобы где-нибудь еще возобновить наступление. Благодаря американским грузовикам русские могли быстро перемещаться от одного района к другому, а немцы зависели от того, с какой скоростью могли двигаться люди и лошади. [...]

С августа по декабрь 1943 г. русские наступали широким фронтом. Они достигли Днепра, переправились через него; севернее они расчистили подступы к Москве, снова заняли Смоленск. Несмотря на полное превосходство русских (6:1), им ни разу не удалось прорвать немецкую линию фронта. За четыре месяца кампании было взято в плен всего 98 тыс. немцев, а в ноябре Манштейн попытался осуществить контрнаступление — последнее в своем роде. Русские действовали методом истощения, а не методом стратегически важного прорыва, и это приносило успех. Гитлер сказал Мантейфелю, который участвовал в контрнаступлении под

командованием Манштейна: "В качестве рождественского подарка я вам дам 50 танков". Это все, что он мог предложить. Что еще оставалось? Лишь перспектива, на которую Гитлер всегда рассчитывал: что распадется великий альянс.

Пока с такой быстротой менялась обстановка в России и в Средиземноморье, казалось, "забыли" про войну на Дальнем Востоке. В Бирме было тихо, после того как там в мае неудачно закончилась британская кампания. Соревновались друг с другом Макартур и Нимиц в юго-западном и центральном районах Тихого океана. Даже при таких благоприятных условиях японцы решили в сентябре, что удержать все завоевания выше их сил, и ограничились "исключительно сферой национальной обороны", которую укрепляли перед предстоявшими в 1944 г. наступательными операциями американцев. Самым блестящим американским достижением было одно. В апреле 1943 г. американцы перехватили сообщение о том, что адмирал Ямамото отправляется в инспекционную поездку к Тихому океану. Его самолет был сбит, и адмирал погиб. Ямамото, благородный человек с огромным талантом стратега, был Гектором второй мировой войны — потеря для Японии невосполнимая. Американский генерал, замысливший его смерть, смог найти для него лишь такую эпитафию: "Я надеялся вести этого мерзавца по Пенсильвания-авеню в кандалах и чтобы все его избивали как можно больше".

В ноябре Сталин согласился наконец встретиться с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеране. Черчилль предложил провести свою предварительную встречу с Рузвельтом в Каире, а прибыв туда, обнаружил, что Рузвельт его перехитрил и пригласил еще и Чан Кайши. Никакой "группировки" против Сталина создать было нельзя, вместо этого Чан Кайши потребовал, чтобы английский военно-морской флот действовал в Бенгальском заливе, до того как будет направлен против японцев. Черчилль был вынужден согласиться, хотя это означало дальнейшее отвлечение существенных сил из Средиземноморья.

Таким образом, Черчилль и Рузвельт прибыли в Тегеран, не имея согласованного плана; Рузвельт хотел именно этого. Он теперь стремился к соглашению со Сталиным, даже без Черчилля. Потом Рузвельту были предъявлены серьезные обвинения: он целиком полагался на личные отношения, не понимая, что цель Сталина — установление коммунизма во всем мире. Хотя упразднение Коминтерна в мае 1943 г. само по себе значило мало, Сталин никогда не отходил от своей политики строительства "социализма в одной, отдельно взятой стране". Он использовал иностранных коммунистов в качестве своих агентов против нацистов. Он не хотел их собст-

венного успеха, часто ему препятствовал; так было с двумя независимыми коммунистическими вождями — Тито и Мао Цзэдуном. Сталин стремился разбить Германию, все остальное для него не имело значения, и, учитывая 20 млн погибших русских, это не удивительно. Рузвельт мог думать о мире свободной торговли, Черчилль — о восстановлении Британской империи. Сталин думал только о разгроме Германии.

Почти сразу был получен ответ на трудный вопрос. Черчилль полагал, что Сталина могли привлекать действия в Восточном Средиземноморье и открытие проливов. Председательствовавший Рузвельт спросил Сталина, специалиста в деле разгрома немцев, как следует действовать. Сталин без колебаний ответил: операция "Оверлорд", высадка союзников в Северной Франции. Рузвельт его поддержал; Черчилль неохотно согласился. Было принято важное решение: определен дальнейший ход войны. Союзники высадятся в Северной Франции, Средиземноморье отойдет на второй план. Две действительно великие державы навязали стратегию третьему, теоретически равному партнеру.

Вот еще один богатый источник будущих легенд. Полагают, что Сталин без зазрения совести отправил двух своих союзников на запад, а сам извлек большую выгоду на Балканах, будто бы центре европейских сил. Фактически Балканы ничего не значили. Румынские нефтяные месторождения были почти истощены, Югославия и Болгария стали полнейшей обузой. Чехословакия обладала кое-каким промышленным потенциалом, хотя меньшим, чем Бельгия, Венгрия — таким же, как Люксембург. С другой стороны, Западная Германия, куда Сталин адресовал западных союзников, была крупнейшей наградой в Европе, и у любого западного государственного деятеля, который признавал Балканы, в то время как русские брали Рур, она не выходила из головы.

В Тегеране обсуждали и другие проблемы, среди которых выделялась польская. В Лондоне польское правительство в изгнании по-прежнему мечтало о повторении чуда, которое произошло в 1918 г., — о разгроме Германии без победы России. Рузвельту не было дела до того, что происходит в Польше, лишь бы это не вывело из равновесия избирателей-поляков в Америке. Черчилль признавал обязательства, которые Англия дала Польше, гарантируя ее независимость, но одновременно он признал справедливость русских притязаний на районы, захваченные Польшей в 1921 г., — на земли, населенные белорусами и украинцами. Достигнуть соглашения по вопросу об этих территориях оказалось легко, и с точки зрения этнических принципов оно было справедливым. Польша отдаст России эти пограничные районы и получит в качестве компенсации большие куски территории Восточной Германии. В

конце концов Германия — противник и агрессор, и кто-то должен платить по счету. Когда три великих деятеля обсуждали проблему расчленения Германии и расстрела 50 тыс. или, как предлагал Рузвельт, 49 тыс. германских офицеров, потеря Восточной Пруссии или Силезии казалась делом второстепенным.

Была еще связанная с Польшей политическая проблема, которая смущала участников Тегеранской конференции и обсуждалась ими весьма деликатно. Черчилль и Рузвельт надеялись, что, после того как будет разрешен территориальный вопрос, к власти в Польше придет демократическое правительство, которое будет поддерживать свободные дружественные отношения с Советской Россией; они даже полагали, что правительство, находящееся в изгнании в Лондоне, сможет выполнить эти задачи. Но такой возможности уже не было. В апреле 1943 г. немцы объявили, что в Катыни обнаружены тела 4 тыс. убитых польских офицеров. Когда польское правительство потребовало, чтобы Международный Красный Крест произвел расследование, Советская Россия порвала с ним отношения. Кто совершил преступление в Катыни, точно установить невозможно. Даже если, что кажется вполне вероятным, это сделали русские, то 4 тыс. убитых — не так много по сравнению с 6 млн поляков, убитых немцами. Какова бы ни была истина, разрыв между Советской Россией и Польшей произошел, а затем в том же году еще углубился, поскольку польское правительство в изгнании отказалось рассматривать вопрос о передаче каких-либо довоенных польских территорий России. В конце концов Черчилль также порвал с ним отношения.

Кто займет его место? В Западной Европе, как подтверждали события, имелись демократические партии, готовые взять власть, партии, с точки зрения американцев, слишком левые, но все же демократические. В Польше и в других восточноевропейских странах таких партий не было, только националистические, реакционные политики яростной антирусской направленности или коммунисты, которые являлись агентами русских. Неудивительно, что в Тегеране государственные деятели не стали вникать в эти вызывающие беспокойство перспективы.

Было еще одно удивительное обстоятельство. Сталин пообещал Рузвельту, что Россия вступит в войну с Японией, когда Германия будет разбита. Это сильно упрощало задачу: русские, а не американцы примут на себя основной удар японской армии. В глазах Рузвельта акции Сталина поднялись еще выше. Предложение русских относительно Дальнего Востока облегчило положение Чер-

чилля. Когда Рузвельт вернулся в Каир, он сказал Чан Кайши, что операции англичан в Бенгальском заливе закончены. Поскольку Чан Кайши в любом случае не собирался действовать, эта новость его не огорчила.

Конференция в Тегеране при всех ее недостатках явилась важной вехой в международных делах. Две мировые державы, потерпевшие неудачу перед второй мировой войной, теперь сблизились, взаимные подозрения уменьшились, а то и вовсе исчезли. Три великие державы обязались быть вместе, пока не будет разгромлена Германия, и выполнили это обязательство. Всегда было ясно, что Гитлер обречен, если против него объединятся великие державы. Теперь они это сделали.

9. 1944 год — год освобождения

В начале 1944 г. все удары союзников принимали на себя захваченные Германией и Японией буферные территории. К концу года почти все завоевания были утрачены, и угроза нависла над территориями самих государств-агрессоров. Хотя в 1944 г. союзники еще не победили окончательно, для Западной Европы это был год освобождения.

Вообще говоря, Гитлер предлагал обмен — пространство на время. Но на деле он никакого пространства не собирался уступить без борьбы. В марте он заявил Манштейну: "Главное — упрямо вцепиться в то, чем владеем". Это упорство требовало военных ресурсов. По иронии судьбы, на Балканах и в Скандинавии, районах, куда союзники не проникли почти до конца войны, было сосредоточено больше германских дивизий, чем в Италии, — 44 против 22. Во Франции находилось примерно 50 германских дивизий — 35 из них севернее Луары. Это были главным образом второразрядные части, укомплектованные пожилыми солдатами и ранеными, которые снабжались за счет оккупированных территорий. Боевые силы германской армии находились на Восточном фронте. Здесь перед русскими стояли 180 дивизий, а также 60 дивизий сателлитов Германии, боеспособность которых вызывала сомнения.

Свои победы немцы одерживали довоенным оружием. Гитлер долго скупился тратить ресурсы на новое вооружение. Однако к 1944 г. обстановка изменилась. Немецкие изобретатели разрабатывали оружие, которое, как полагал Гитлер, положит конец периоду неудач, надо только суметь продержаться. Для военно-морского флота был разработан шноркель, который давал возможность подводным лодкам не всплывая перезаряжать батареи. Военно-воз-

душный флот получил реактивные самолеты, которые по скорости превосходили самолеты союзников. Немецкие ученые разрабатывали ракеты большой дальности, обещавшие превратить Лондон и Юго-Восточную Англию в пустыню. Кроме того, немцы уповали на беспилотные самолеты с дистанционным управлением. Если бы эти разработки были сделаны раньше, это могло бы изменить ход войны.

А союзники отставали. В самом начале войны в Англии было открыто управляемое расщепление атомного ядра. Черчилль передал это открытие американцам с условием (которое фактически не было выполнено), что те ознакомят англичан со своими достижениями. Американские ученые были близки к созданию атомной бомбы, но считалось, что ее не успеют сделать до разгрома Германии. У союзников имелись также прототипы реактивных самолетов, но они не стремились перейти к их производству, потому что тогда оказалось бы устаревшим огромное количество дореактивных самолетов и заводов, которые их производят. Таким образом, союзники рискнули перебиваться с имеющимся вооружением до самой победы. Единственная, хотя и несколько запоздавшая, инициатива американцев дала большой эффект. Это был истребитель дальнего действия "Мустанг", разработанный по указаниям британской закупочной комиссии еще в 1940 г. Благодаря Бивербруку, в то время министру авиационной промышленности, "Мустанг" был затем оснащен великолепным двигателем фирмы "Роллс-Ройс Мерлин". Когда Генри Форд отказался производить эти двигатели для воюющей стороны, Бивербрук финансировал производившую их фирму "Паккард"; по словам агента фирмы "Роллс-Ройс", "это было самое крупное, лучшее и выгодное дело из всех когда-либо предпринятых британским правительством". Когда на "Мустанге" установили сбрасываемый топливный бак — опять не новая идея, а использованная уже в гражданскую войну в Испании, — его дальность действия составила почти 1000 миль.

Долгое время те, кто ведал созданием бомбардировщика, полагали, что некоторые изменения в конструкции дадут образец надежной пулеметной защиты. В конце концов американцы, но не сэр Артур Харрис признали свою ошибку. В апреле 1944 г. американские бомбардировщики в сопровождении "Мустанга" начали дневные атаки на немецкие заводы синтетического жидкого топлива. Это причинило огромные разрушения. К сентябрю германская авиация, которой как минимум требовалось 160 тыс. т октанового топлива, получала всего около 10 тыс. т. Немецкие реактивные самолеты и шноркели подводных лодок не могли действовать эффективно, хотя их производили в большом количестве. Но это был один из блестящих успехов стратегического бомбометания, который пришел вовремя и сыграл решающую роль.

[...]. В зимние месяцы 1944 г. наступление русских не ослабевало. На севере была наконец полностью снята блокада Ленинграда, продолжавшаяся более двух лет. От голода умерло свыше миллиона его жителей, а те, кто уцелел, вполне заслужили, чтобы Ленинград стал городом-героем. Когда немцы отступили, они сумели на этот раз ограничить фронт, и русские до лета не могли выйти к Балтийскому побережью. 5 января советские войска перешли границу с Польшей — это было началом их вступления в Европу. Они очистили Украину от Днепра до Днестра, в марте достигли Румынии и Карпат. Последний рывок — освобождение Крыма в мае. К концу наступления практически вся довоенная советская территория была освобождена. Путь был открыт на Балканы, а германская линия фронта, вместо того чтобы стать короче, более растянулась в ширину и стала более уязвимой. Стало ясно: русские не остановятся у своих границ. Так поступил в 1812 г. Кутузов, этого теперь опасались западные наблюдатели. Русские будут идти вперед, пока не возьмут Берлин.

В первые месяцы 1944 г. западные союзники мало что могли противопоставить этим успехам. В Италии они были скованы линией Густава, которую немцы создали в горах южнее Рима; по настоянию американцев часть союзных войск перебрасывалась для высадки десанта в Северной Франции. Черчилль, как всегда изобретательный, нашел выход. Планировалась также операция под кодовым названием "Энвил" — предварительная высадка на юге Франции для отвлечения немецких сил с севера. До мая ее нельзя было предпринять, поэтому десантные средства можно было использовать в Италии за линией Густава. Так возникла идея высадки в Анцио — маневр, направленный не столько против немцев, сколько на то, чтобы не открывать второй фронт.

22 января союзные силы высадились в Анцио. Они почти не встретили сопротивления, перед ними был открыт путь на Рим. Но старая история с Галлиполи повторилась. Генерал Лукас, американский командующий, не верил в эту операцию и не стремился наступать. Александер, подобно Яну Гамильтону в Галлиполи, был слишком вежлив, чтобы его прогнать. Свыше недели генерал даже не пытался идти вперед, а когда собрался, немцы уже укрепили свои позиции. Теперь в опасности оказался плацдарм союзников. Предприняли высадку в помощь основным силам союзников, стоявшим перед линией Густава. Но этим силам пришлось самим идти в наступление, чтобы помочь высадке.

Центральным пунктом на линии Густава был монастырь Монте Кассино. Он гипнотизировал Александера и его генералов, они были уверены, что немцы, укрепив монастырь, используют его как наблюдательный пункт. На самом же деле немецкие войска никогда

его не использовали. Но здесь представился случай показать, что союзники в своей решимости разбить Германию готовы на все. Они систематическими бомбежками разрушали Монте Кассино, один из крупных исторических памятников Европы, а потом обнаружили, что разбитые камни — еще более страшное препятствие, чем сам монастырь. В конце концов линию Густава обошли французы, проникшие с тыла, через горы.

Немцы начали отступать. У армий, находившихся в Анцио, была возможность задержать и отрезать отступающие немецкие войска. Но генерал Марк Кларк, теперь полностью осуществлявший командование на плацдарме высадки десанта, хотел первым вступить в Рим. Несмотря на указания Александера, он оставил открытым путь отхода, направился прямо в Рим и вступил туда 4 июня. Тем временем немцы отошли дальше на север и закрепились на новом рубеже. Во время этого похода на Рим союзники потеряли 40 тыс., а немцы — 20 тыс. человек. [...] В дальнейшем из-за необходимости доставлять припасы к плацдарму Анцио нельзя было осуществить операцию "Энвил" до августа, когда высадка в Северной Франции давно уже произошла. В целом итальянская кампания показала, что Италия была слабым, второстепенным элементом "оси".

Одержимые мыслью о значении столиц — Парижа, позднее Берлина, союзники сделали своей целью Рим, они были уверены, что, если туда войдут, случится нечто грандиозное. Ничего не произошло. Виктор Эммануил III передал власть сыну Умберто, Бадольо ушел в отставку, а пожилой политик Бономи возглавил коалицию, включавшую разного толка антифашистов — от коммунистов до клерикалов. На севере Рима немцы укрепляли новый оборонительный рубеж. Александер доказывал, что при наличии пополнения его армии могут достичь к августу долины реки По и устремиться в Австрию через так называемую люблянскую брешь (еще одно вводящее в заблуждение географическое понятие). Черчилль был полон энтузиазма: прорыв с юга в Европу, за который он стоял во времена Галлиполи, наконец, 30 лет спустя, будет осуществлен. Британские начальники штабов относились к этому более скептически. Но они хотели, чтобы итальянская кампания продолжалась, хотя бы потому, что здесь Англия еще играла главную роль. Американцы настаивали: не надо делать того, что ослабит операцию "Энвил", даже если она отложена до августа (срок слишком поздний, чтобы помочь высадке десанта союзников на севере Франции). Между Рузвельтом и Черчиллем состоялся

ожесточенный спор, американцы настояли на своем. 7 из дивизий Александера и большая часть его авиационного обеспечения были выведены как раз в то время, когда Кессельринг получил 8 новых дивизий.

В Италии армии союзников, теперь уже вряд ли равные германским, продолжали упорное и в значительной мере бесполезное наступление. Немцы имели пространство для маневра в гористой местности между Римом и рекой По, они осторожно отступили лишь для того, чтобы укрепить новый рубеж, прежде чем туда вторгнутся союзники. К декабрю союзники достигли Равенны, но не смогли захватить Болонью. Долина По все еще была на расстоянии 50 миль.

С приближением союзных армий на севере Италии поднялись партизаны, потенциально революционная сила, посвятившая себя новому Возрождению. Летом 1944 г. они сковали 8 из 26 немецких дивизий в Италии. Около 50 тыс. партизан погибли. Их активность смущала союзников. Когда Александер на зиму прекратил кампанию, он публично объявил о демобилизации партизан. Это было приглашение немцам двинуться против партизан, невмешательство союзников гарантировалось. Немцы не преминули этим воспользоваться. Так немцы стали косвенными союзниками англичан и американцев, которые теперь больше боялись революции в Италии, чем противника.

В июне 1944 г. итальянские дела затмила высадка союзников на севере Франции. Открытия второго фронта требовали свыше двух лет. Теперь, по настоянию американцев и с большим опозданием, это свершилось. Может быть, задержка имела оправдание. На этот раз высадка десанта была тщательно подготовлена, а не предпринята в спешке, как аналогичные операции в прошлом. Было изучено французское побережье, собраны огромные силы: 1200 боевых кораблей против 15 немецких эсминцев, 10 тыс. самолетов против 500 немецких, 4126 десантно-высадочных средств, 864 транспортных судна. Имелись танки с тралами для проделывания проходов в минных полях, танки-амфибии, танки для разрушения бетона, танки, сами расстилавшие на дороге покрытие, танки для наведения мостов. Подготовили два искусственных порта под названием "Мэлбери", которые предстояло отбуксировать через Ла-Манш. Эйзенхауэр с редким остроумием заметил: "Только аэростаты заграждения, во множестве летавшие над Англией, удержали острова, не дав им уйти под воду".

Эйзенхауэра назначили главнокомандующим, якобы для равновесия (поскольку в Средиземноморье был британский главнокомандующий), а главным образом по причине подозрения американцев, что англичане-де без энтузиазма относятся к предстоящей операции. Личный состав укомплектовали с педантичной точностью в равной мере англичанами и американцами. В июле 1944 г. в него входило 4914 человек, к концу войны эта цифра выросла до 30 тыс. Заместитель Эйзенхауэра Теддер и командующие ВВС и ВМФ были англичане. Из Италии вызвали Монтгомери командовать высадкой первого эшелона десанта. Как только сосредоточение сил приведет к перевесу американцев, Монтгомери снова примет командование британской армейской группой, а Эйзенхауэр станет главнокомандующим. Этот несовершенный порядок объяснялся просто. Монтгомери не скрывал своего мнения о недостатках американцев, и американские генералы не захотят, чтобы он командовал, исключая первоначальную стадию.

Что касается командования ВВС, там тоже царила неразбериха. Гаррис и Спаатс, оба — командующие бомбардировочной авиацией, не желали терять свою независимость. Гаррис все еще жаждал бомбить районы без выбора одиночных целей, Спаатс — сбрасывать бомбы на заводы синтетического жидкого топлива. Во имя компромисса Теддер получил право отдавать им приказы во время высадки и непосредственно до нее. Эти операции приобрели ошеломляющий размах. Почти все мосты через Сену и большинство мостов через Луару были разрушены, выведена из строя французская железнодорожная система. Во Франции для снабжения германской армии требовалось в день 100 поездов, но к апрелю их число снизилось до 60, а к маю — до 32.

Этот так называемый план по транспортировке осуществлялся не без трудностей. Черчилль опасался, что бомбардировки вызовут большие жертвы среди мирного населения Франции. Его поддерживал Военный кабинет, но верх взял Рузвельт, который меньше считался с чувствами французов. Под рукой был, правда, более простой и эффективный способ. Участники французского Сопротивления заявили, что могут производить разрушения более регулярно и с гораздо меньшим риском для человеческих жизней. Но их доводы игнорировали. Ортодоксальные генералы не питали доверия к партизанской войне. А Рузвельт был полон решимости не сотрудничать с де Голлем, которому доверял гораздо меньше, чем русским. Игнорировалось французское Сопротивление и де Голль вместе с ним: ему не сообщили дату высадки, хотя находившаяся под его командованием французская армия воевала вместе с союзниками в Италии. Был разработан план объединенного военного правления во Франции как побежденной стране. В ответ де Голль

назвал подготовленные союзниками "оккупационные франки" фальшивыми деньгами. Американцы были против де Голля не по идеологическим соображениям. На него, как и на русских впоследствии, обижались за то, что он просто хотел быть независимым. Черчиллю, который зависел от американских поставок, приходилось быть более уступчивым; де Голль, никаких поставок не получавший, мог идти своим путем.

Восточнее или западнее Сены высадить десант? Берег к востоку от Сены хотя и ближе, но сильнее укреплен, и это не компенсировалось наличием крупных портов. К западу от Сены имелись более открытые участки для высадки, берег меньше укреплен, в случае победы можно взять под контроль Шербур. Эти плюсы оказались предпочтительнее. Были детально разработаны планы с целью дезинформации противника. В Кенте была создана фиктивная армия, через нее передавались радиogramмы в штаб Монтомери. На Па-де-Кале сбросили больше бомб, чем в Нормандии. Германским разведывательным самолетам было разрешено летать над Кентом, но не западнее. Немцы полагали, что у них в Англии много агентов. На самом деле отправлялись лишь радиogramмы, составленные под диктовку союзников.

Немцы понимали, что нападение близится, но не имели возможности узнать откуда. Рундштедт, которого отозвали, чтобы назначить главнокомандующим войсками на Западе, придерживался ортодоксального взгляда, согласно которому союзники должны высадиться в Па-де-Кале. Роммель, ставший тоже фельдмаршалом, фактически независимый командующий, имевший прямой доступ к Гитлеру, считал, что союзники высадятся в Нормандии, и Гитлер с ним согласился. На этот раз Гитлер не решился действовать по инструкции, не стал делать выбор между двумя фельдмаршалами, а держал в своих руках бронетанковые дивизии и распределял войска поровну — на запад и на восток от Сены.

Были и дополнительные сложности. Рундштедт хотел сосредоточить стратегический резерв и, после того как союзники высадят десант, начать контратаку. Роммель хотел встретить их на участках высадки. Опять Гитлер не пожелал решать, и к этим операциям готовиться не стали. Немцев также ввел в заблуждение шторм, разыгравшийся за три дня до высадки. Роммель, уверенный, что ничего не случится, отправился к Гитлеру в Германию. Командующий войсками в Нормандии проводил маневры в Бретани, его заместитель проводил ночь с девицей.

Шторм чуть не расстроил планы союзников. День "Д" был назначен на 5 июня. За два дня до этого начальник метеорологической службы Стэг предсказывал штормовую погоду, и Эйзенхауэр отложил операцию. На следующий день Стэг обещал некоторое

улучшение погоды, и Эйзенхауэр, зная, что если не теперь, то придется месяц ждать новой возможности, приказал начинать. В Париже германский метеоролог, по должности соответствующий Стэгу, не сумел заметить наступающее улучшение погоды. Судьба нации зависит от подобных случайностей!

6 июня, перед самым рассветом, началось вторжение во Францию. В тот день в морской операции участвовало около 200 тыс. человек, $\frac{2}{3}$ из них — англичане; было сделано 14 тыс. боевых вылетов. В 1940 г., когда немцы оккупировали Францию, на каждую дивизию первого эшелона приходилось 19 самолетов, а в 1941 г., когда напали на Россию, — 26. 6 июня 1944 г. у союзников было 260 самолетов на дивизию. Ни авиация немцев, ни подводные лодки не были способны воспрепятствовать высадке. К вечеру на побережье было уже 156 тыс. человек.

Стратегический план был весьма по душе Монтгомери. Британские и канадские силы должны были высадиться в восточном секторе побережья и взять Кан. Они вступят в бой с главной частью германских сил, особенно с танками, сломят сопротивление противника в упорной борьбе, как у Эль-Аламейна. Тем временем американцы должны были высадиться на базе полуострова Котантен, защитить Шербур и накапливать ресурсы для прорыва.

Все шло вовсе не "по плану" вопреки обычному утверждению Монтгомери. Американцы успешно высадились в одном пункте, в другом они высадились слишком далеко и в течение двух дней не могли обеспечить надежный плацдарм. Восточнее англичане попусту тратили время на пунктах высадки, как было некогда в Галлиполи. Они лишь днем достигли Кана, к тому времени в бой вступила немецкая бронетанковая дивизия, которая задержала наступление англичан и прорвалась к пунктам высадки, правда без особых результатов. Кан держался в течение месяца, вместо того чтобы пасть в первый день. Через три дня отдельные плацдармы высадки десанта соединились. Без боя был захвачен Байё и поэтому остался невредимым — почти единственный свидетель былой славы Нормандии. Через десять дней все передвижение союзников прервал шторм, самый сильный за последние 40 лет, он бушевал с 19 по 22 июня. Была разрушена одна из искусственных гаваней, авиация бездействовала, почти прекратилась доставка припасов. Тем не менее американцы отрезали Шербур, а 1 июля захватили его, взяв при этом в плен 30 тыс. человек. Немцы снесли портовые сооружения и блокировали гавань, так что достижение оказалось не столь большим, как рассчитывали. Американцам пришлось ждать три недели, пока им удалось накопить силы для прорыва.

По мнению Монтгомери, остановка англичан перед Каном не являлась серьезной неудачей при условии, что Гитлер проглотит приманку и сосредоточит там свои войска. Гитлер так и сделал. Он был уверен, что здесь предпримут попытку решающего прорыва, и направил против англичан большую часть немецких танков — семь бронетанковых дивизий из имеющихся десяти. Он также был уверен, что вторая высадка произойдет в Па-де-Кале, и не согласился перебрасывать оттуда немецкие силы. Да в любом случае немцы, вероятно, не смогли бы совершить переброску, поскольку бомбардировщики союзников уже разрушили все мосты через Сену и Луару. 9 июля, после месяца тяжелых боев, англичане взяли Кан. За город, где остались лишь два монастыря, а все остальное было полностью снесено, заплатили дорого.

Рундштедт признавал, что война проиграна. Когда Йодль его спросил: "Что будем делать?", он ответил: "Кончать войну. Что мы еще можем сделать?" Его сразу отстранили от должности; сменил его Клюге, ярый борец, прошедший Восточный фронт, исполненный высоких надежд, которым вскоре суждено было рухнуть. Роммель тоже исчез из поля зрения. 17 июля он был тяжело ранен, когда его машину атаковал самолет союзников. Через некоторое время эмиссар Гитлера поставил его перед выбором: совершить самоубийство, которое будет представлено как героическая гибель, или предстать перед судом. Роммель был связан с планами, направленными против Гитлера, которые, к несчастью, были раскрыты. Он предпочел самоубийство.

Немецкие генералы и консервативные политики давно обсуждали вопрос о свержении Гитлера, который, как они полагали, ведет Германию к поражению. Многие генералы говорили, что они приветствовали бы свержение Гитлера, но не хотят в этом участвовать. Другие надеялись, что, когда Гитлера не станет, Германии позволят сохранить все или хотя бы некоторые ее завоевания. Конспираторы говорили, но не действовали. Они ждали, что им дадут власть. Действовал один человек, полковник фон Штауфенберг, тяжело раненный на войне. 20 июля после ряда неудачных попыток он сумел пронести бомбу в ставку Гитлера, а когда она взорвалась, позвонил сподвижникам и сообщил, что Гитлер погиб. Они собрались в Берлине в министерстве обороны, готовые сформировать нефашистскую власть. В Париже армейские офицеры арестовали руководителей СС.

Но все получилось неудачно. Шел ремонт бункера, где Гитлер обычно проводил совещания, и бомбу пришлось подложить в деревянный гараж, это уменьшило силу взрыва. Сам Гитлер был прикрыт массивным столом и легко ранен. Он даже смог принять Муссолини, прибывшего в тот день с визитом, которому на этот

раз удалось вести себя с Гитлером покровительственно (всегда бывало наоборот). Телефонная связь гитлеровской ставки с Берлином не была перерезана. Геббельс взял на себя руководство, и верные Гитлеру нацистские офицеры арестовали заговорщиков, которые не имели поддержки. Некоторых сразу расстреляли, в том числе Штауфенберга, других после мнимого слушания дела в "народном суде" повесили, это сопровождалось страшными зверствами. И вызывает удовлетворение лишь тот факт, что судья, который вел заседания, сам погиб от бомбы союзников при исполнении своих зловещих обязанностей. В Париже офицеры-эсэсовцы были освобождены и распивали шампанское со своими бывшими тюремщиками. Бомба, взорвавшаяся 20 июля, не повлияла на ход войны, может быть, даже усилила решимость Гитлера продолжать войну. Если действие — мерило сопротивления, то единственным сопротивляющимся был фон Штауфенберг. Другие пассивно ждали сторонников, но никто не откликнулся. Немецкие генералы не были связаны с рядовыми солдатами и своим народом.

Большие надежды Гитлер возлагал на секретное оружие. Оно было пущено в ход вскоре после высадки и, конечно, сильно поубавило то воодушевление, которое охватило Англию. Но в остальных отношениях оно не смогло изменить ход событий. Беспилотные ракетные средства «Фау-1» разрушили 25 тыс. домов и убили 6184 человека, почти исключительно в Лондоне, однако к августу 80% беспилотных ракетных средств уничтожались, еще не успев причинить повреждений. Ракеты «Фау-2», появившиеся в сентябре, вызывали большую тревогу — против них не было защиты. Разрабатывались планы по эвакуации Лондона. Производить и запускать ракеты — дело дорогостоящее, каждая в 20 раз дороже, чем «Фау-1», но союзникам удалось обезвредить большинство пусковых установок, когда опасность стала катастрофической. 1115 ракетами было убито 2754 человека — операция великолепная, но тяжелая для населения Лондона.

Тем временем на полуострове Котантен американцы продвигались медленно и теряли больше людей, чем при высадке первого эшелона десанта. Монтгомери принял решение изменить маршрут следования и 18 июля начал наступление южнее Кана. Он утверждал, что таким образом разгромит немецкие рубежи и выведет свои войска к Сене. Вполне возможно, что за этим скрывалось его подлинное намерение: открыть огонь по немецким танкам, когда американцы уйдут с полуострова Котантен. Если так, то Монтгомери удалось ввести в заблуждение не столько противника, сколько своих. Когда наступление англичан прекратилось, Теддер и американские генералы уговаривали Эйзенхауэра отстранить Монтго-

мери, но он занял выжидательную позицию. Недовольство утихло 25 июля, когда началось продвижение американцев от Сен-Ло; 1 августа их танки достигли Авранша. Вся Франция была открыта перед ними. Но все равно достанется она дорогой ценой. Если бы англичане одержали победу к югу от Кана (Монтгомери теперь утверждал, что никогда об этом и не помышлял), были бы отрезаны все немецкие силы в Нормандии. Прорыв американцев западнее обеспечивал им безопасность.

Паттон, американский генерал, который командовал ворвавшимися во Францию войсками, оказался равным Роммелю. У него имелись танки, пути были открыты, и фактически никакого противодействия. Он должен был очистить Бретань и овладеть ее портами до того, как повернет на запад. Приказ этот — следствие важнейшей политической ошибки. Русские постоянно использовали почти полмиллиона партизан, действовавших в тылу у немцев, а западные союзники пренебрегли французским Сопротивлением. Эйзенхауэр признавал, что силы Сопротивления стоили 15 дивизий в то время, когда союзники высадились во Франции, но все равно союзное командование не верило, что французы могут самостоятельно освободить какой-либо район своей страны. Сопротивление не направляли, давали мало оружия, и, к своему удивлению, Паттон обнаружил, что его вторжение в Бретань излишне: эта провинция была уже занята борцами Сопротивления. Им не удалось лишь овладеть портами, что не удалось и Паттону. Через месяц боев захватили Брест, а Лорьян, Сен-Назер и Ла-Рошель до конца войны оставались в руках немцев.

Немцы потерпели поражение в битве за Нормандию. Ключе хотел отступать к Сене. Гитлер, как обычно, не позволил, наоборот, приказал предпринять наступление, которое нарушит американские коммуникации у Авранша, — великолепная операция, но против более 2 тыс. танков союзников у Германии было всего 145. Немцы дошли до Мортена и застряли. Союзникам вторично представился случай уничтожить в Нормандии всю немецкую армию. И они вновь опоздали. Войска Монтгомери двинулись в южном направлении, на Фалез. Паттон развернул войска и вышел на север Франции, а промежуток между двумя армиями остался открытым. При этом Паттон рвал и метал: "Дайте мне только пойти к Фалезу! Мы погоним в море англичан, это будет еще один Дюнкерк". Вряд ли стоило ему так говорить, ведь в 1940 г. между ним и немцами простирался Атлантический океан. Наконец ловушка закрылась, 50 тыс. немцев попали в плен. Однако большинство немцев и все оставшиеся танки ушли. Жертвой этого разгрома оказался и сам

Клюге. 15 августа он отправился на фронт, но на несколько часов утратил связь со штабом. Гитлер, полагая, что он отправился договариваться о капитуляции, приказал ему вернуться в Германию. На пути туда Клюге покончил жизнь самоубийством.

Теперь для немцев не было во Франции такого места, где бы они могли остановиться. Их раздробленные силы потянулись назад к германской границе. Наступление союзников превратилось в победный марш. 15 августа наконец осуществилась операция "Энвил". На юге Франции высадилось около 50 тыс. американцев, которые не встретили большого сопротивления и продвигались почти беспрепятственно вперед в долине реки Роны. Высадка на юге Франции в военном отношении существенного значения не имела, в любом случае находившимся там германским силам пришлось бы уйти, раз север занят противником. Операция "Энвил" оказалась маневром, скорее направленным против британских планов дальнейшего наступления в Италии, чем против Германии. Гитлер пришел к тому же выводу. При известии о высадке в Южной Франции он перебросил из Италии к Рейну 3 дивизии.

Союзники двинулись к Сене, переправились через нее, и перед ними встала проблема — Париж. Первоначально Эйзенхауэр собирался пройти мимо, оставить его под контролем немцев. Может быть, появятся услужливое правительство, что-то вроде кабинета Виши, или какие-нибудь старые клячи из Третьей республики, в сущности кто угодно, кроме де Голля. Парижане опрокинули эти планы. 15 августа забастовали работники метро, к ним присоединилась полиция. Начали действовать плохо вооруженные борцы Сопротивления. Гитлер отдал приказ полностью уничтожить Париж, но командовавший немецкими войсками в Париже фон Хольтиц не выполнил приказа. И все-таки существовала опасность, что силы Сопротивления будут сокрушены.

Де Голль потребовал, чтобы в столицу направили французскую бронетанковую дивизию под командованием Леклерка. Эйзенхауэр неохотно согласился: в конце концов лучше де Голль, чем коммунисты. 25 августа Леклерк вступил в Париж, за ним в тот же день последовал де Голль. Фон Хольтиц сдал ему город. Первым делом де Голль явился в военное министерство: "Прежде всего я хотел показать, что государство... возвращается на свое место". В отеле "Де Виль" он не стал провозглашать республику, заявив, что республика никогда не прекращала своего существования, а сам он — ее президент*. Коммунистическая опасность оказалась ложной тревогой, наоборот, коммунисты были самыми усердными

* В 1944 г. Шарль де Голль был премьер-министром Франции, а ее президентом — с 1958 по 1969 г.

приверженцами де Голля. Их руководитель Торез ссылался на то, что "во Франции при американцах революция бы погибла". Но подлинное объяснение в другом. Сталин был преисполнен решимости не допустить успеха коммунистов где-либо за пределами своей власти: скорее всего именно он, а не американцы способствовали сохранению буржуазной демократии. Был период беспорядков, когда силы Сопротивления казнили около 10 тыс. коллаборационистов. [...] За пару месяцев де Голль восстановил государственную власть во Франции. Лидеры Сопротивления сменили префектов, назначенных правительством Виши. Силы Сопротивления были частью разоружены, частью влились в регулярную армию. Франция возродилась если не как великая держава, то во всяком случае как самостоятельное государство. Заслуги Шарля де Голля перед республикой огромны.

Всю оставшуюся часть августа союзные армии шли вперед, освобождая Францию и Бельгию. Они не спешили. Как написал один историк, "в сознании человека из любого слоя общества преобладала теперь мысль: война выиграна". В это время во Франции было свыше 2 млн союзных войск, из них $\frac{3}{5}$ — американцы. 1 сентября Эйзенхауэр принял от Монтгомери командование объединенными наземными войсками. Это было важным моментом в истории Англии. Прежде равный партнер США, теперь она стала сателлитом: к концу войны в Европе было втрое больше американских солдат, чем английских.

Изменения в командовании вызвали резкий спор между Эйзенхауэром и Монтгомери. Монтгомери был за нанесение совместного удара, конечно, под его руководством, Эйзенхауэр — за широкое наступление на всех фронтах. За стратегическими доводами стояли расхождения политические. Эйзенхауэр не мог обидеть Паттона, американского генерала, ради Монтгомери, генерала английского. 15 сентября Эйзенхауэр заметил: "Мы скоро возьмем Рур, Саар и район Франкфурта".

Фактически в первую неделю сентября наступление союзников застопорилось, что вовсе не было связано с распределением ресурсов между Монтгомери и Паттоном. Коммуникации союзников стали очень растянутыми, а немецкие — короткими. Такие проблемы возникали и у русских после каждой крупной победы. По мере того как они шли вперед, наступление от рубежа к рубежу слабело и немцы имели время перегруппироваться. Монтгомери усугубил свои трудности тем, что не смог расчистить подходы к Антверпену, после того как взял сам порт. Затем он готов был предпринять дерзкий маневр без обычной тщательной подготовки. Он предложил захватить три моста через Рейн и таким образом обойти фланги линии Зигфрида.

Эта операция была воздушно-десантным повторением Анцио или Галлиполи — блестящая идея, предложенная в спешке и осуществленная слишком осторожно. Парашютно-десантные войска захватили два моста; третий, самый северный — у Арнема в Голландии, — не смогли. Командир больше заботился об "удачном спуске", чем о том, чтобы захватить врасплох немцев, и многие парашютисты приземлились в 8 милях от моста. Невезение было еще и в том, что в непосредственной близости 2 немецкие дивизии производили перегруппировку и там находился Модель, сменивший Клюге на посту главнокомандующего. Британские наземные силы прорваться не смогли. Некоторым парашютистам удалось отступить, остальных взяли в плен. К концу сентября немецкие оборонительные рубежи на западе стабилизировались. Антверпен был очищен лишь 28 ноября. Американцы взяли Ахен — единственный клочок немецкой территории в руках союзников. На юге американцы взяли Мец, а Леклерк — Страсбург. Теперь освобождена была вся Франция, кроме "котла" у Кольмара. Союзники расположились на зиму.

Германская империя разваливалась и на востоке. 23 июня русские начали летнее наступление. У них было 160 дивизий, 30 тыс. орудий, 5 тыс. танков. На этот раз они ударили по самому укрепленному пункту немцев — по группе армий "Центр" в Белоруссии. Как обычно, Гитлер запретил всякое отступление. Битва, хотя и не такая грандиозная, как в предыдущем году Курская, принесла еще более значительные результаты. За неделю русские разбили 28 германских дивизий, взяли 350 тыс. пленных — немцы потеряли вдвое больше, чем в Сталинграде. Немецкий центр был прорван, и весь июль русские армии наступали через равнины Польши. Они взяли Львов, а 1 августа достигли окраин Варшавы.

Русские прошли уже около 450 миль. Снабжение отставало, особенно потому, что все железные дороги надо было переводить на широкую колею. 29 июля 3 свежие немецкие дивизии остановили наступление русских. Эта остановка неудивительна, ведь крупные города были страшным препятствием, где часто гибли бронетанковые дивизии. Немцы это узнали в Ленинграде и Сталинграде, англичане — в Кане, русским предстояло с этим столкнуться в Будапеште и Берлине. А неизбежная задержка в Варшаве имела трагические последствия. Лондонские поляки давно планировали освободить Варшаву до того, как придут русские, точно так же как де Голль опередил в Париже американцев. Бур-Коморовский, командовавший подпольной армией, надеялся, что им удастся "самостоятельно выступить и, как хозяевам, встретить входящие в город советские армии". Теперь, казалось,

время настало. 1 августа польская армия подняла восстание. Русские мало ей помогли, да почти наверняка и не могли это сделать. Бои продолжались в Варшаве свыше двух месяцев; 55 тыс. поляков было убито и 350 тыс. вывезено в Германию. Город после боев лежал в руинах, а немцы систематически уничтожали то, что от него осталось.

Варшавское восстание и его ужасные последствия потрясли весь мир. Военно-воздушные силы Англии и Америки предложили доставить в Варшаву припасы для поляков, но русские отказывались предоставить им условия для высадки, пока восстание не было почти полностью подавлено. Казалось, что Сталин цинично оставил жителей Варшавы на произвол судьбы и позволил совершать над ними массовые убийства. Но это не так. Независимо от того, произошло бы восстание или нет, русским все равно пришлось бы перед Варшавой остановиться. И снабжение по воздуху с Запада ничего бы не изменило. Но Сталин, без сомнения, не жалел о случившемся, восстание было скорее антирусским, чем антинемецким. Русские разбили немцев, и поляки, относившиеся к русским враждебно, пытались этим воспользоваться. Это была игра человеческими жизнями; игра не удалась.

Но даже если бы восстание победило, не изменилось бы ничего. Русские могли подчинить себе польское Сопротивление, точно так же как англичане и американцы ликвидировали Сопротивление в Италии, как сделали бы во Франции, если бы де Голль слишком отстаивал свою независимость. В сентябре 1939 г. прекратила существование независимая Польша. Остался лишь выбор хозяев — Германия или Россия. Но русские все равно были на пути к победе, с Польшей или без нее. И все же то, что произошло в Польше, помогло заложить основы "холодной войны".

Даже когда восстание было подавлено, русские не двинулись на Варшаву, а вместо этого освободили оба своих фланга — на Балтике и на Балканах. 2 сентября Финляндия заключила мир — в высшей степени умеренный, обеспечивший сохранение демократической Финляндии до наших дней. Русские войска устремились к Балтийскому побережью и в октябре достигли Восточной Пруссии — их первого плацдарма на немецкой земле. А на юге вслед за свержением в Румынии 23 августа прогерманского правительства последовало перемирие 12 сентября. Румыния, первый капитулировавший сателлит Германии, получила свою награду — территорию Трансильвании, отнятую у нее Венгрией в 1940 г. Болгария никогда не была в состоянии войны с Россией, но с ней расправились быстро: русские объявили ей войну и довели дело до конца, заключив через восемь дней перемирие. 19 октября русские вступили в Белград и объединились с югославскими партизанами. Тито создал

в Белграде независимое правительство. Впоследствии он отмечал, что является единственным коммунистическим руководителем, который всю войну был в своей стране, а не вернулся в качестве освободителя в русском самолете, покуривая трубку.

Наступление русских на Балканах не обошлось без неудач. Действуя на таких огромных территориях при сравнительно небольших силах, русские не могли помешать немецкому отступлению из Греции и Югославии. Более того, они застряли в центре. В Словакии вспыхнуло восстание — на этот раз против чешской централизации, а не против русских. Русские не могли добраться туда наверняка, задержка произошла не по злему умыслу, — и восстание подавили немцы. В Венгрии адмирал Хорти собирался перейти на другую сторону, однако опоздал. Немцы создали фашистское правительство, и Хорти оказался в неволе. Русские проникли в Венгрию, однако их остановили и не допустили в Будапешт.

К концу года от германского рейха осталось что-то вроде уменьшенной в размерах монархии Габсбургов: Хорватия, Словения, большая часть Чехословакии, Венгрия, Северная Италия. Было еще одно значительное отступление. В ноябре Гитлер отбыл из ставки, находившейся в Растенбурге, в Берлин. Он больше не был завоевателем, как признал незадолго до самоубийства. Он сказал Йодлю: "Это самое главное в моей жизни решение. Мне его надо было принять еще в ноябре 1944 г. и никогда не уезжать из ставки в Восточной Пруссии".

На Дальнем Востоке близился закат японской империи. До сих пор американское наступление заключалось в "перепрыгивании с острова на остров" и давало возможность господствовать на море. Теперь американцы предвидели крупные сухопутные бои с японскими армиями в Китае, и японцы предвидели то же самое. Американцев прежде всего заботило, чтобы англичане вновь открыли путь из Бирмы в Китай. Японцы в той же мере стремились, чтобы этот путь оставался закрытым; таким образом они сами себя погубили. Ведь пока англичане ломали голову, как пробиться в Бирму, японцы им оказали услугу, нанеся первый удар. Японские силы окружили передовые позиции англичан у Импхала и двинулись в направлении Кохимы. Среди этих сил была индийская национальная армия численностью 7 тыс. человек, составленная из военнопленных, — армия, незначительная во время войны, а после нее ставшая помехой с политической точки зрения. Впервые на окруженную позицию успешно доставлялись припасы по воздуху. Японское наступление выдохлось; японцы потеряли 50 тыс. человек из 84 тыс., англичане — менее 17 тыс. Это было первое крупное

достижение генерала Слима, одного из самых способных британских командиров периода второй мировой войны. Когда операцию прервал муссон, путь для британского наступления на Бирму был открыт.

Еще более крупные проблемы были решены на Тихом океане. По настоянию Макартура началось наступление на Филиппины, где американцы могли соединиться с китайцами — так по крайней мере предполагал Макартур. Японцы со своей стороны считали, что могут навязать американцам новый Пёрл-Харбор; наступление американских сухопутных сил стало приманкой, побудившей японцев действовать. В середине июня, когда американцы высаживались на острове Сайпан, входящем в группу Марианских островов, японцы начали морское сражение за Филиппины. У них было больше линейных кораблей, но в воздухе они потерпели поражение. 19 июня, в день, который американцы прозвали днем "великого отстрела марианских индюков", японцы потеряли 218 самолетов, американцы — 29, к концу битвы потери японцев в целом составили: линейный корабль, 3 авианосца, 480 самолетов. Американцы потеряли 130 самолетов, но сохранили все корабли. А японская морская авиация так никогда и не оправилась после этого поражения.

Путь для высадки десанта на Филиппинах был открыт. Макартур 20 октября высадился на острове Лейте. Японцы решили, что появилась возможность уничтожить транспортные суда Макартура до прибытия основного американского флота. Последовало крупнейшее за все время морское сражение в заливе Лейте, в нем участвовало 282 военных корабля (а в сражении у полуострова Ютландия — 250); продолжалось оно четыре дня, применялись все приемы — от классического строя кораблей и маневров для сосредоточения артиллерийского огня на передовых кораблях противника до потопления линейных кораблей самолетами с отдаленных авианосцев. В один момент, когда основную часть американского флота заманили по ложному следу на север, японские силы — 4 линейных корабля и 6 тяжелых крейсеров — направились к беззащитным американским транспортным судам, которым нечего было противопоставить, кроме 6 эскортных авианосцев и небольшого эскортного эсминца. "Эскортные" представляли собой обыкновенные торговые суда, предназначавшиеся лишь для сопровождения конвоев. Но эти тихоходные маленькие корабли добились своего — потопили 2 тяжелых крейсера. Эванс, командир эсминца "Джонстон", отдал приказ: "Подготовиться к нанесению удара по главной части японского флота!" — и потопил третий тяжелый крейсер торпедой до того, как затонул его собственный корабль. Японцы повернули назад,

фактически находясь в пределах видимости своей жертвы. Они в целом потеряли 3 линейных корабля, 4 крупных авианосца и 6 тяжелых крейсеров; американцы — легкий авианосец и 2 эскортных крейсера. В сущности это был конец японского флота. В Пёрл-Харборе японцы продемонстрировали преимущество авиации перед линкорами, но уроки извлекли американцы, а не они. Ямамото лучше бы справился с задачей.

Теперь Макартур мог завершить освобождение Филиппин. Он подготовил планы высадки 5-миллионной армии в Китае. А затем ничего не произошло — китайцы никак не реагировали. На суше большая война так и не состоялась. Вместо этого Макартур, которому предназначено было победить Японию, сидел беспомощно в Маниле, пока ВМФ и авиация американцев довершали разгром Японии. В преддверии долгожданной победы уменьшилась необходимость встреч их главных руководителей: в 1944 г. не было совещаний до сентября, когда Черчилль и Рузвельт встретились в Квебеке. Черчилль стоял за координацию политической стратегии против русских, а Рузвельт эти планы не поддерживал. У Черчилля во всяком случае имелись и более существенные опасения. Англия была на пределе: запасы валюты истощены, утрачено $\frac{2}{3}$ экспорта. Для нее конец войны и прекращение поставок по ленд-лизу были катастрофой. Поэтому Черчилль предложил, чтобы Англия полностью участвовала в операциях на Тихом океане, когда война в Европе закончится. Американские адмиралы хотели отвергнуть это предложение. Но Рузвельт не поддержал их. Таковы любопытные обстоятельства участия Англии в войне на Тихом океане ради поддержания своей экономики.

Лишь одно оперативное решение было принято в Квебеке: авиация союзников должна перейти к независимому бомбометанию и, возможно, заставить Германию сдаться без дальнейших наземных боев. Было также принято ужасающее, хотя и недолговечное политическое решение. Черчилль и Рузвельт дали согласие на то, чтобы был составлен план ликвидации германской индустрии и превращения Германии в "страну в основном аграрную". Британский Военный кабинет возражал против такого решения. Вернувшись в Вашингтон, Рузвельт тоже передумал и пресекал всякие догадки о будущем Германии. План "аграризации" был отвергнут.

Не сумев настроить Рузвельта против русских, Черчилль решил взяться за самого Сталина и в октябре поехал в Москву. Сталин приветствовал разделение сфер влияния; это всегда было основой его политики. Черчилль написал на клочке бумаги: "Румыния —

90% русская; Греция — 90% английская; Югославия и Венгрия — 50/50%; Болгария — 75% русская". Сталин прочитал и "поставил птичку", крупно, синим карандашом. Наступила пауза, потом Черчилль сказал: "Не покажется ли несколько циничным, что мы так, экспромтом, уладили вопросы, настолько важные для миллионов людей? Надо сжечь бумагу". Сталин ответил: "Да нет, пусть она хранится у вас". На следующий день Молотов настаивал, чтобы Венгрия и Болгария стали русскими на 80%. Точные цифры не имели значения. Сияющий от радости Черчилль вернулся домой и 27 октября заявил в палате общин: "Наши отношения с Советской Россией никогда не были более тесными, близкими и сердечными, чем теперь".

Черчилль вскоре воспользовался полученным от Сталина обещанием. В Греции силы Сопротивления составляли 75 тыс. человек. Они были вооружены англичанами и наносили немцам тяжелые удары. Греческое Сопротивление отнюдь не было коммунистическим и не внимало советам коммунистов сотрудничать с прежними греческими властями; когда в октябре немцы отступили, оно было готово создать республику левой направленности. Но Черчилль игнорировал подлинный характер греческого Сопротивления. Он считал любое радикальное движение коммунистическим, а значит, и угрозой для британского господства на Средиземном море. В Афины были направлены британские войска. Черчилль писал командующему этими войсками: "Без колебаний действуйте, как в захваченном городе, где происходит восстание местного населения". Но Афины покоренным городом не являлись, а Сопротивление было сильнее британских войск. В Англии поднялся шум. Казалось, что это новая "операция Дарлана", соглашение с фашистами против радикальной демократии.

Черчилля это не отпугнуло. В день Рождества он сам поехал в Афины и навязал грекам временное правительство во главе с архиепископом Дамаскиносом, о котором отзывался конфиденциально с насмешкой: "Интригующий средневековый прелат". Сопротивление согласилось разоружиться, хотя это впоследствии не смогло помешать гражданской войне. И нельзя сказать, что послевоенная Греция явила собой яркий образец демократии. Часто осуждали советское иго в Восточной Европе. Но только Англия, последовав примеру немцев, предприняла военные действия против популярного народного движения, когда фактически война еще продолжалась.

Греция не была единственной заботой, одолевавшей союзников. Позиции союзников на море значительно улучшились, когда единственный остававшийся еще германский линкор "Тирпиц" был наконец потоплен в ноябре английским самолетом, атаковавшим его

из шведского воздушного пространства. К концу войны германский надводный флот сократился до 3 крейсеров и 15 эсминцев. Новые подводные лодки угрожали судоходству союзников, но строились они медленно, к тому же американские бомбежки выводили их из строя. Но казалось, на суше все идет хорошо. 15 декабря Монтгомери сказал Эйзенхауэру, что хотел бы поехать домой на Рождество, и на следующий день объявил войскам: "В настоящее время враг ведет оборонительную кампанию на всех фронтах; он в таком положении, что предпринять крупные наступательные операции не может". Но Монтгомери ошибался. В то же утро немцы начали наступление, которое могло разрушить весь фронт союзников. Это декабрьское наступление было последним взлетом стратегического вдохновения Гитлера. Он и внешне уже был похож на мертвеца: левая половина парализована, глаза потускнели, медленная, шаркающая походка. Он держался только благодаря всевозрастающим дозам лекарств. Оставалась лишь его неукротимая воля. Приходя к нему в мрачном настроении, люди уходили, охваченные воодушевлением. Он по-прежнему был готов дерзнуть в уверенности, что его ловкость позволит преодолеть нехватку ресурсов.

Генералы говорили Гитлеру, что наступление немцам не под силу. Он отвечал: "Оборонительная борьба может лишь отсрочить решение, но не изменит всю ситуацию... Если Германия сумеет нанести несколько сильных ударов, эта искусственная коалиция рухнет со страшным треском. Судьбу мы одолеем наверняка". Наступать Гитлер опять решил в Арденнах, где четыре года назад в один день он победил Запад. Германские силы снова прорвутся. На этот раз они повернут на север и возьмут Антверпен. Британская армия будет отрезана, будет новый Дюнкерк, англичане и, может быть, даже американцы от отчаяния сдадутся.

Американцы, как и французы до них, про Арденны забыли. 16 декабря там они могли противопоставить лишь 4 дивизии 28 немецким, среди которых было 10 бронетанковых. Когда началось немецкое наступление, Эйзенхауэр отсутствовал: играл в гольф. Брэдли решил, что наступление — всего лишь "отвлекающий удар". Немцам помогал туман, из-за которого свыше недели нельзя было осуществлять воздушные операции. Немцам удалось прорваться и повести наступление. Но с самого начала операция провалилась. Одно дело с отлично подготовленными войсками рвануть вперед в прекрасное майское утро и совсем другое — с войсками наспех собранными сражаться, преодолевая туман и снег. Американские солдаты в отличие от французских продолжали сопротивление, когда их линии коммуникаций были отрезаны. Оба фланга стойко

держались. Немцев загнали в узкий, длинный коридор, им не удалось взять Бастонь, пришлось идти обходными путями по проселочным дорогам. А когда командовавшему там американцу Маколифу предложили сдаться, он ответил: "Чокнутые!"

У немцев не хватало горючего, склады союзников поджигались до того, как туда доберется противник. Передовые части немцев уже были в 6 милях от реки Маас. Но дальше они не пошли. И даже при этом что-то вроде паники возникло на стороне союзников. В штабах за сотни миль от линии фронта прекращали работу, готовясь к эвакуации. Постепенно контрдействия союзников становились ожесточеннее. На юге Паттон повернул свою армию на 90° и двинул 133 тыс. машин на 75 миль для освобождения Бастони. Эйзенхауэр боялся, что Брэдли не сумеет в должной мере руководить американскими силами к северу и к югу от "клина", как стали называть передовую часть немцев. Поэтому он поручил Монтгомери командовать на севере. Это вызвало кое-какие тяжелые переживания. 20 декабря Монтгомери прибыл в штаб американского генерала Ходжеса, словно Христос, явившийся очистить храм. Впоследствии он поступил еще хуже, на пресс-конференции приписал всю победу себе.

Конечно, Монтгомери всегда способствовал согласованности частей, придавал битве эффективную форму. Но в этом сражении победили американцы, английские войска в нем участвовали мало. 24 декабря погода улучшилась, и самолеты союзников нанесли большой урон немецким танкам. Через два дня Паттон освободил Бастонь. Шансов на успех у немцев больше не было. Благодаря настойчивости Гитлера бои тянулись еще две недели. Немцы фактически потеряли все танки; американцы потеряли больше, но смогли восполнить потери, а немцы не смогли. Такова была последняя авантюра Гитлера — блестящая по замыслу, но неосуществимая. Бог войны не любит талантливых авантюристов, он любит крупные армии.

Наступление в Арденнах дало и побочный результат. В качестве отвлекающего маневра немцы предприняли наступление на Страсбург в первые дни января 1945 г. Эйзенхауэр, которому были нужны войска в Арденнах, отдал приказ оставить город, а де Голль вскочил в гнев и приказал французскому командиру не отступать. Страсбург удалось удержать, ссора между Эйзенхауэром и де Голлем была кое-как улажена. Эта ссора была предупреждением: в последний, победный год войны помимо прочих неприятностей произойдет раскол среди союзников.

10. 1945 г. Конец войны

*только с концом войны преследования Личини
7.е. СССР!*

В начале 1945 г. союзники, по иронии судьбы, усердно проявляли солидарность. Англо-американская высадка десанта во Франции обеспечила второй фронт и частично уменьшила для России напряжение борьбы. В январе 1945 г. западные союзники просили открыть советский второй фронт, чтобы снять с них часть напряжения. Когда шло немецкое наступление в Арденнах и в Страсбурге, Эйзенхауэр послал в Москву своего заместителя Теддера с просьбой о помощи. А Черчилль телеграфировал Сталину: "Бои на западе очень тяжелые. Считаю вопрос срочным". Сталин ответил вполне лояльно: обещал ускорить дату предстоящего советского наступления. Черчилль ответил, что "весьма благодарен за волнующее сообщение", а позднее писал: "Это был прекрасный подвиг со стороны русских — ускорить широкое наступление, несомненно, ценой человеческих жизней".

Сталин времени не терял. Советское наступление, которое планировалось на 20 января, началось 12 января. Русским противостояли 170 вражеских дивизий по сравнению с 70 на Западном фронте, из них 30 удерживали часть Балтийского побережья, где Гитлер еще надеялся подготовить новые подводные лодки, 28 сражались, отстаивая нефть и алюминиевую руду Венгрии. Лишь 75 дивизий защищали фронт протяженностью от Немана до Сана. У русских было людей больше в 5,5 раза, орудий — в 7,8, танков — в 5,7, самолетов — в 17,6 раза. И все же это была нелегкая операция. Падал густой снег, танки можно было различить лишь потому, что они двигались. Русские войска шли вперед со страшной скоростью. 17 января на центральном направлении Жуков занял Варшаву, южнее Конев ворвался в Силезию, второй по величине индустриальный район Германии, до этого фактически не знавший бомбежек. За 18 дней русские армии продвинулись на 300 с лишним миль — приблизительно на расстояние от Вислы до Одера. Там, возле Кюстрина, их передовые части были уже в 40 милях от Берлина.

Жуков приказал войскам закрепиться, а потом, "нанеся молниеносный удар, взять Берлин 15—16 февраля". 6 февраля Сталин позвонил ему из Ялты. Он спросил: "Где вы? Что делаете?" Жуков ответил: "Планируем Берлинскую операцию". Сталин сказал: "Зря теряете время" — и отменил наступление. По всей вероятности, остановка была сделана по сугубо военным соображениям. Сталин был осторожным командующим, русские всегда останавливали на-

ступление, пройдя 200 или 300 миль. А теперь они оторвались от баз снабжения. Познань и Бреслау, находившиеся в руках противника, мешали коммуникациям. Стал действовать закон "чрезмерной протяженности", как именовал его Лиддел Гарт.

Более того, передовые силы Жукова образовали опасный выступ, по обе стороны от него — немецкие армии, численность которых не была известна. Сталин не хотел повторить ошибку Гитлера в Сталинграде или собственную, допущенную в феврале 1943 г., когда немцы опять захватили Харьков. Опасения его не были безосновательными. Гудериан, теперь начальник германского Генерального штаба, увидел возможность контрнаступления и после длительных споров с Гитлером сделал такую попытку, длившуюся с 10 по 14 февраля. Наступление оказалось неудачным, но продемонстрировало, что могло произойти, если бы Жуков устремился дальше на запад.

Впоследствии решение Сталина вызвало кое-какие споры. В 1964 г. Чуйков, командовавший одной из советских армий, заявил, что Берлин можно было взять за 10 дней: "Это был бы конец войны". А приказ Сталина прекратить наступление изображался как главная ошибка, которую можно сравнить с приказом Гитлера остановить немецкие танки у Дюнкерка в 1940 г. Аналогичным образом критиковали Эйзенхауэра за руководство операциями на западе, особенно критиковал его Монтгомери. Видимо, союзные армии были лучше обеспечены генералами, которые могли руководить успешнее, чем Сталин и Эйзенхауэр. К счастью, историкам не нужно решать такие вопросы.

Возможно, Сталин был слишком осторожен. Но нет ни малейших свидетельств, что он при этом руководствовался политическими мотивами, и его, конечно, не беспокоило, что взятие Берлина встревожит западных союзников. Как и следовало ожидать, остановив наступление в центре, он возобновил наступление на юге. 11 февраля русские взяли наконец Будапешт. Немцы еще оказывали упорное сопротивление. В середине марта последнее наступление немцев отбросило русских от границ Австрии. Но вскоре они опять двинулись вперед, освободили Словакию, а 13 апреля взяли Вену. И когда через три дня они начали наступление на Берлин, вся Центральная Европа и часть Австрии находились под их контролем.

За блестящим фасадом великого альянса таились, конечно, взаимные подозрения. Опасались и Восток, и Запад. Не слишком ли выигрывает другой? Не заключит ли он сепаратный мир с немцами, не заручится ли даже их помощью? У Советской России для этого было больше оснований. Возможность советского соглашения с немцами полностью исключалась. Как говорил в 1943 г. Бивербрук: "На пути стоят мертвые русские. Нельзя с легкостью

перешагнуть через это кладбище". А на Западе Черчилль уже объявлял тревогу по поводу коммунистической опасности. Чуть позже он фактически приказал Монтгомери держать в сохранности немецкое оружие на случай, если его придется применить против русских. Но это — истолкование фактов в свете того, что произошло через месяцы и даже годы. Великий Ф.В. Мейтланд предостерегал других историков: "С трудом приходят на ум мысли о том, что события далекого прошлого некогда ожидались в будущем".

Что бы ни было в запасе у будущего, но когда три великих лидера в последний раз встретились в Ялте с 4 по 11 февраля, между ними не было раскола. Рузвельт и Сталин установили дружеские отношения, к большой досаде Черчилля. На этот раз состоялись серьезные переговоры, результатом которых было успешное сотрудничество. Сталин согласился с планами Рузвельта насчет Организации Объединенных Наций и с предложением Черчилля о предоставлении Франции оккупационной зоны в Германии. Черчилль и Рузвельт одобрили советские предложения об устройстве Польши, кроме ее западной границы. Рузвельт согласился, что Россия должна получать от Германии репарации натурой, хотя не дал согласия на их объем. Наиболее важным было соглашение о Дальнем Востоке. Американцы предвидели трудную борьбу против Японии и пришли в восторг, когда Сталин обещал вступить в войну на Дальнем Востоке в течение трех месяцев со времени окончания войны в Европе. В равной мере они были восхищены его заверением, что он полностью признает Чан Кайши и не имеет намерения содействовать победе китайских коммунистов, — заверение действительно правдивое, хотя причины были совсем не те, какие предполагали американцы.

Ялта была, говоря словами Меттерниха, "очень милым небольшим конгрессом", по видимости обещавшим, что на этот раз единство союзников сохранится и после победы. Американский госсекретарь Стеттиниус писал: "В Ялте уступки Советского Союза Соединенным Штатам и Англии были больше, чем их уступки Советам". Гарри Гопкинс, специальный советник Рузвельта, отозвался с еще большим энтузиазмом: "Мы действительно верили в душе, что это рассвет нового дня, о наступлении которого молились... русские доказали, что могут быть разумными и дальновидными. У Президента и у всех нас не было сомнений, что мы всегда в обозримом будущем сможем с ними жить мирно и сохранять хорошие отношения". Черчилль этот вывод разделял. 19 февраля он сообщил Военному кабинету: у него твердая уверенность, что Россия стремится к согласию с обеими англоязычными демократическими странами. Премьер Сталин — человек могущественный, которому он вполне доверяет.

Впоследствии Ялтинская конференция характеризовалась отрицательно. Сталин якобы обманул западные державы. Но вернее было бы сказать, что они сами себя обманули. Они воображали, что Советская Россия разгромит Германию для них, а затем отступит в пределы собственных границ — на худой конец тех, какие существовали в 1941, а не в 1939 г. Но у СССР были другие намерения. Когда рухнула власть немцев в Восточной Европе, в образовавшийся вакуум двинулась советская власть — это было неизбежным следствием победы. В политическом отношении русские во многом вели себя в Восточной Европе так же, как американцы и англичане на западе: сами заключали перемирие со странами-сателлитами, как поступили в Италии англичане и американцы. Они отстраняли от власти антикоммунистов, но англичане и американцы такие же меры принимали в Италии и Франции против коммунистов. В Румынии Вышинский навязал смену правительства тем же способом, каким и лорд Киллерн в Египте: он так же окружил королевский дворец танками.

Польша — вопрос особый. У англичан перед Польшей были обязательства: это был вначале их союзник, и, кроме того, польские войска сражались вместе с ними на западе. Поэтому англичане настаивали на свободных выборах. Но тут возникла неизбежная дилемма. Учитывая прежнюю историю польско-советских отношений, свободные выборы никоим образом не могли привести к власти дружественное Советской России польское правительство. Русские не стремились властвовать, не хотели распространять коммунизм. Они желали безопасности, и лишь коммунисты или их попутчики могли ее обеспечить. Но не это было основной причиной последующего недоверия к Ялтинской конференции. В феврале 1945 г. западные державы еще предвидели тяжелые и кровавые бои с немцами; британские начальники штабов даже думали, что европейская война может продлиться до ноября, и поэтому на первое место ставилось единство. А потом, когда победа неожиданно оказалась легкой, англичане и американцы жалели, что относились к Советской России так, словно считали ее равным партнером. Не потому нарушилось объединенное сотрудничество, что были заключены Ялтинские соглашения, а потому, что англичане и американцы от них отреклись.

В феврале проявились опасения союзников — были возобновлены бомбежки. Американцы опять сосредоточили внимание на заводах по производству жидкого топлива. Сэр Артур Харрис не считал эти бомбежки "панацеей" и настаивал на бомбометании без выбора одиночных целей. Он своего добился. Еще одна стремительная атака, "удар грома", — и боевой дух немцев будет сломен. А если это поможет русским, тем лучше. В качестве цели Харрис

выбрал Дрезден — город, ранее не подвергавшийся нападениям. 13—14 февраля его бомбили свыше тысячи самолетов. Противодействие не было оказано, город наполняли беженцы, спасавшиеся от наступления русских. Немцы утверждали, что количество убитых доходит до 250 тыс. 20 лет спустя городские власти установили, что точная цифра — 25 тыс. человек.

Бомбардировка Дрездена не отличалась от других, даже была менее тяжелой, чем многие другие. Но когда война закончилась всего через три месяца, она стала казаться ненужной, и все забыли, что еще в феврале сопротивление немцев считали страшным. Гражданские руководители, начиная с Черчилля, поспешили отречься от своей ответственности за налет на Дрезден, который они на самом деле одобряли. Было предано забвению командование бомбардировочной авиацией. Черчилль, выступая по радио, об этом не упомянул, по этому поводу не изготовляли памятных медалей. Сэр Харрис, единственный из победоносных командующих, не был вознесен в палату лордов. И все же беспорядочное бомбометание без выбора одиночных целей было в течение четырех лет британским достижением, которое и общественное мнение, и государственные деятели весьма ценили.

Победа, одержанная на западе, не обошлась без дальнейших споров между англичанами и американцами. На Мальте по пути в Ялту начальники Объединенного штаба так яростно спорили, что пришлось их дискуссию облечь "в благопристойно неясную форму закрытого заседания". Эйзенхауэр придерживался своей стратегии наступления широким фронтом, или, как это называли, "слон, опирающийся на дом". Монтгомери предпочитал одно мощное наступление на севере, доходящее до Балтийского побережья или даже до Берлина. Любопытно, что Монтгомери, на деле мастер постепенного подхода, постоянно играл роль командующего молниеносным наступлением. На Сицилии и затем в Нормандии он говорил, что собирается прорвать оборону противника, тогда как на деле его роль состояла в том, чтобы сковать основную часть германских сил, пока прорыв осуществят американцы под командованием Паттона где-нибудь в другом месте. Теперь обстоятельства снова навязывали решение, и старая схема повторилась. Пока Монтгомери две недели с боями продвигался к Рейну, южнее американцы обнаружили невзорванный мост в Ремагене и к 7 марта переправились через Рейн, потеряв лишь 14 человек. А войска Монтгомери только 23 марта переправились через Рейн. К тому времени танки Паттона расчищали впереди них восточный берег.

Следующий шаг Эйзенхауэра был неизбежным следствием сложившейся ситуации. Американские армии, составлявшие большую часть его сил, находились в Центральной Германии. Монтгомери должен был наступать на севере с британскими и канадскими войсками. Черчилль убеждал Эйзенхауэра обрушиться на Берлин и взять его раньше, чем это сделают русские. Эйзенхауэр не хотел заниматься тем, что считал задачей исключительно политической. Но даже и в политическом отношении это была задача бесполезная. Берлин перестал быть действующей столицей Германии, и ее захват решил бы не больше, чем прежде захват Рима. Кроме того, он безвозвратно входил теперь в советскую зону в соответствии с долгосрочным соглашением. Взятие Берлина обошлось русским в 300 тыс. человек, зачем было американцам нести такие потери? Эйзенхауэр имел в виду более неотложную цель. Все полагали, что немцы подготовили в Баварии последний национальный редут, последнюю свою позицию. На самом деле редут был воображаемый, плод фантазии журналистов. Но в последние недели войны он определял стратегию Эйзенхауэра.

Прежде чем начался заключительный штурм, две недели в начале апреля было затишье. 12 апреля президент Рузвельт, здоровье которого в течение последнего времени ухудшалось, внезапно умер. Может быть, вмешалась судьба, желая избавить его от разочарования и утраты надежд. Его преемник Трумэн был не только неопытным, но гораздо менее склонным к сотрудничеству с русскими, судя по его прежним высказываниям. Гитлер полагал, что смерть Рузвельта — чудо, вроде того, что произошло с императрицей Елизаветой и спасло Фридриха II в 1762 г. Но он скоро утратил иллюзии. Никаких мирных предложений от западных держав, никакого компромисса. 20 апреля Гитлер праздновал свой день рождения. Это были поминки по "третьему рейху". Через два дня уехали сподвижники Гитлера: Кейтель и Йодль — вести войну до последнего, Геринг — заключать мир с союзными державами, как он надеялся. Гитлер сказал Йодлю: "Буду бороться, пока рядом борются те, кто мне верен, а потом застрелюсь". В бункере с Гитлером остались только Геббельс и его семья.

И теперь все армии пришли в движение. В Италии генерал СС Вольф некоторое время вел переговоры с представителями союзников и этим вызвал у Сталина подозрения. Когда армии союзников наконец начали наступать в середине апреля, они встретили слабое сопротивление. 23 апреля они переправились через реку По. Бразильские войска взяли Турин, без сомнения несколько удивляясь, зачем они там. Американцы японского происхождения, которым было запрещено служить на Тихом океане, оказались первыми союзными войсками, достигшими французской границы.

Итальянские партизаны взяли Милан, Геную, Венецию. В Венеции Попский, неофициальный командующий неофициальной армией, повел свой джип на площадь Святого Марка, Муссолини явился из небытия, пытался вести переговоры с партизанами в Милане, затем в страхе присоединился к германскому конвою, отступавшему через альпийские перевалы. В Донго, на озере Комо, партизаны остановили конвой и сняли Муссолини с грузовика, где он прятался. Не зная, что с ним делать, партизаны отправили его и его возлюбленную Клару Петацчи, уезжавшую вместе с ним, на ферму в жилой дом.

На следующий день прибыл коммунист, партизанский полковник. Муссолини ему объявил: "Вы приехали меня спасти? Я вам отдам империю". Полковник провел их несколько сот метров вниз по дороге, поставил Муссолини к стенке, а когда Петацчи хотела его защитить, расстрелял обоих. Через несколько часов их тела увезли в Милан и повесили вверх ногами возле гаража. Муссолини вез с собой письма, надеясь с их помощью доказать свою невиновность. Возможно, он также вез с собой большую сумму в иностранной валюте и другие ценности. Это "сокровище Донго" исчезло, а те, кто его искал, заплатили за это своими жизнями. Муссолини был диктатором мелкого масштаба, а пытался играть крупного. Быть может, самый правильный приговор вынес ему граф Дино Гранди, фашистский ветеран: "Ничтожный Муссолини".

29 апреля немецкие войска в Италии сдались, их безоговорочная капитуляция вступила в силу 2 мая. К этому времени союзное командование больше заботилось о том, чтобы опередить партизан, итальянцев и югославов, чем о том, чтобы разбить немцев, которым было приказано сохранять оружие, пока не укрепится власть союзников. Итальянские партизаны неожиданно оказались послушными, по приказу коммунистов они сдали оружие. Организация Сопротивления формально была распущена, к началу июня 150 тыс. вооруженных людей исчезли, словно их никогда и не было. Тито причинил больше беспокойства: его партизаны вступили в Триест непосредственно перед новозеландцами и, таким образом, расставили декорации, правда, как оказалось, преждевременно, для первого акта "холодной войны".

В Германии западные союзники также почти не встретили серьезного сопротивления. Около 20 немецких дивизий были брошены на Западный фронт. Основные оставшиеся немецкие войска были сосредоточены в Руре. Их окружили и блокировали. 18 апреля 300 тыс. человек сдались, а Модель, командующий войсками, застрелился. После этого наступление союзников превратилось в победный марш. Монтгомери взял Гамбург, достиг побережья Балтийского моря, защитив этим Данию от русских. 25 апреля аме-

риканские и советские войска встретились в г. Торгау, на Эльбе, — волнующая и недолгая демонстрация их боевого товарищества. Дальше на юг одна часть французских войск взяла Штутгарт, другая проникла в Тироль. Паттон перешел границу с Чехословакией и надеялся освободить Прагу.

Русские давно наметили на середину апреля наступление на Берлин. Может быть, они торопились из-за ложного опасения, что западные союзники будут там раньше их. Во всяком случае известно, что Сталин сказал: "Союзнички хотят попасть в Берлин раньше Красной Армии". Он организовал свои собственные гонки: Жуков должен был атаковать с востока, Конев — с юга, успех — победителю. Эта последняя кампания была не легким делом. Уцелевшие еще остатки германской армии были в безвыходном положении. Русские развернули войска численностью 2 млн человек, 41 тыс. орудий, 6300 танков и 5 тыс. самолетов.

16 апреля началось русское наступление. Из своего бункера Гитлер направлял воображаемые армии, еще удерживая в своих руках власть диктатора. Он снял Гудериана с поста начальника штаба и назначил угодливого Кребса, которого Сталин когда-то обнимал на перроне железнодорожного вокзала [в Москве]. Гитлер отстранил сначала Геринга, потом Гиммлера, узнав, что они хотят вести переговоры о капитуляции. 29 апреля, когда в бункере стала слышна оружейная стрельба, Гитлер понял: это конец. Тогда он женился на своей давней возлюбленной, Еве Браун, составил завешание и назначил своим преемником адмирала Дёница, чтобы унижить генералов, так как ему казалось, что из-за них он потерпел поражение. Завешание его заканчивалось словами: "Самое главное, я поручаю вождям нации и их подчиненным тщательное соблюдение расовых законов и безжалостную борьбу со всемирным губителем всех народов — международным еврейством".

30 апреля Гитлер простился с небольшой горсткой оставшихся сподвижников, потом они с Евой Браун удалились в свою комнату. Она выпила яд, Гитлер застрелился. Тела их вынесли в сад, облили бензином и подожгли. Часовые дали прощальный залп и вернулись в убежище. Куда делся пепел, мы никогда не узнаем. Русские утверждают, что разыскали и уничтожили останки. Но это опознание вызывало сомнения. Вероятно, останки Гитлера навсегда исчезли. Достоверно, однако, что он застрелился и что "третий рейх" ненадолго его пережил.

На следующее утро Кребс пытался вести переговоры о частичной капитуляции. Он встретился с русским генералом Чуйковым, героем Сталинграда. Кребс сообщил ему, что Гитлер мертв, и затем, стараясь расположить к себе, заявил: "Сегодня 1 мая, великий праздник наших двух народов". Чуйков ответил: "Сегодня у нас

великий праздник. А как насчет вас, трудно сказать". Таким образом попытка зондировать почву была пресечена. Геббельс застрелил всю семью и себя. На следующий день сдался начальник Берлинского гарнизона и с ним 70 тыс. солдат. Сдача города не была организована. Есть сведения, что последняя немецкая позиция находилась в бомбоубежище зоопарка.

Дёниц пытался исполнять свои обязанности в качестве нового главы рейха — обеспечить капитуляцию на западе, пока продолжается война на востоке. Но Эйзенхауэр это предложение отверг. Капитуляция осуществлялась по частям. 4 мая на севере германские войска сдались Монтгомери в районе Люнебургской пустоши. В целом западные союзники захватили 3,5 млн пленных — 1 млн в Италии и 2,5 млн в Германии, среди последних было много бежавших с Восточного фронта, от русских. 7 мая в штабе Эйзенхауэра в Реймсе Йодль подписал акт о безоговорочной капитуляции. На следующий день подписание состоялось в Берлине в штабе Жукова. Что касается формального окончания войны, то здесь была некоторая путаница. Сталин хотел сделать сообщение после капитуляции в Берлине. Американский репортер нарушил запрет и распространил новость, что вовсе не огорчило Черчилля: западные союзники праздновали День Победы (победы в Европе) 8 мая, русские — 9 мая.

Капитуляция отдельных немецких частей состоялась уже после формального окончания войны. В Норвегии немецкие войска численностью 350 тыс. человек, никогда не участвовавшие в боях, капитулировали 8 мая, гарнизон Нормандских островов, 20 тыс. человек, — 9 мая. Последними сдались, по-видимому, немцы, находившиеся на острове Гельголанд, — они продержались до 11 мая. Последний в Европе бой состоялся, как ни странно, в Праге — городе, который до этого избежал всех ран войны. 5 мая чешское Сопротивление подняло восстание. Паттон был в Пльзени, русские — еще далеко. Эйзенхауэр, которому Трумэн сказал, что не склонен жертвовать жизнями американцев ради политических целей, запретил Паттону переброску войск. Чехи понесли тяжелые потери — в целом 8 тыс. человек. Но могли потерять больше. К Праге двинулась германская бронетанковая дивизия, отступавшая из Словакии. Но ее задержала армия Власова, сформированная из советских перебежчиков, чтобы воевать на стороне Германии. Теперь из безотчетной славянской солидарности эта армия преградила путь немцам на Прагу. Таким образом, Прага была спасена русскими — не Советской Армией, а предателями. Советские войска лишь 12 мая вступили в Прагу. Запоздалое раскаяние Власову не помогло: переданный русским, он был повешен.

Едва не возник еще один вооруженный конфликт, когда война уже официально закончилась, — конфликт между Югославией Тито и западными союзниками. В последние дни войны югославские партизаны оккупировали Истрию, население которой бесспорно составляли славяне (словенцы и хорваты), и Триест, где проживало значительное славянское меньшинство и который был окружен славянской территорией. Черчилль, уже разочаровавшийся в Тито и считавший его агентом Сталина, стремящимся получить базу на Адриатическом море для каких-то гнусных советских целей, спешил изгнать югославов из Триеста, даже "силой оружия", если понадобится. Трумэн вначале не решался идти против союзника, потом в свою очередь стал одобрять применение вооруженных сил. Сталин, уже фактически относившийся к Тито с некоторой неприязнью, настаивал на компромиссе. 9 июня югославские войска ушли из Триеста. Тито сказал: "Нам пришлось пойти на эту огромную жертву с тяжелым сердцем". Он не простил Сталину, что Советский Союз не сумел поддержать Югославию в Триесте. Это толкнуло Тито на путь, который привел его к разрыву отношений со Сталиным в 1948 г.

В Германии и Австрии проявлялась обеспокоенность, что без конфликта не удастся установить зоны, которые должны быть под контролем определенных союзников. Черчилль и по этому поводу был воинственно настроен. Он даже предполагал использовать ВВС для "удара по коммуникациям русских армий, если те решат продвинуться дальше, чем предусмотрено соглашением". Фактически вовсе не русские, а именно западные союзники так поступили и до 23 мая позволили существовать в качестве возможного союзника "остаткам" правительства Дёница. Американцы эти напоминания игнорировали. Невозможно было за одну ночь настроить общественное мнение против России. Кроме того, у союзников было в Западной Европе меньше половины того количества войск, что имели русские: в случае вооруженного конфликта победа маловероятна, даже если использовать на своей стороне разбитые германские силы. Англичане и американцы постепенно отошли на согласованные границы, зачастую отойти пришлось почти на 120 миль. Германия и Австрия были разделены, каждая на четыре зоны (Францию включили из вежливости), и все четыре союзных государства поделили между собой контроль над обеими столицами — Берлином и Веной. Были созданы объединенные контрольные комиссии для управления обеими странами. И только тогда, когда по всем этим вопросам были достигнуты соглашения, война в Европе действительно закончилась.

Дальневосточной войне еще только предстояло достигнуть кульминации. Весной 1945 г. британские силы пробились в Бирму и 2 мая взяли Рангун. Эта кампания была бесперспективной. Американцы потеряли интерес к активному сотрудничеству с Китаем, и англичане отвоевали Бирму лишь для того, чтобы впоследствии ее оставить. Поистине вся война Англии на Дальнем Востоке велась для того, чтобы восстановить империю, от которой вскоре придется отказаться, — занятие довольно бессмысленное. Стремясь по-прежнему считаться дальневосточной державой, англичане навязали американцам свою помощь на море, но американцы приняли ее неохотно, скептически. Американцам предстоял еще долгий путь, или им так казалось. Макартур предвидел, что потребуется 5 млн человек и потери составят миллион, прежде чем японцев заставят капитулировать. Конечно, сопротивление японцев было таким же упорным, как и всегда. В феврале захват острова Иводзима стоил американцам 5500 убитыми. Битва за Окинаву, следующий остров, который надлежало завоевать, длилась три месяца. Японцы использовали "Ямато" — самый крупный из действующих линейных кораблей, но во время налета 280 американских самолетов его потопили. Окинаву захватили в июне, при этом потери американцев составили 12,5 тыс. убитыми.

Японцы, несмотря на упорное сопротивление, были близки к полному краху. Две трети торговых судов было потоплено, из-за отсутствия угля и сырья остановились заводы, потребление продуктов питания на душу населения снизилось до 1200 калорий в день — даже ниже, чем в Германии в худший период первой мировой войны. Американские самолеты атаковали Японию, почти не встречая сопротивления. 8 марта во время лишь одного налета на Токио было убито 83 тыс. человек — на 20 тыс. больше, чем потеряли англичане во время воздушных налетов за всю войну.

В апреле барон Судзуки, пожилой адмирал, герой русско-японской войны, стал премьер-министром. И теперь, будучи добрым человеком, хотел мира. Японские миротворцы действовали осторожно, боясь, что военные восстанут при одном упоминании о мире, и не без оснований опасаясь за собственную жизнь. Они стремились избежать унижительной безоговорочной капитуляции, а главное — сохранить императорскую династию. Они хотели, чтобы посредником был Сталин. Однако, решив принять участие в войне на Дальнем Востоке, Сталин отклонил японское предложение, сославшись на его неопределенность. В июле на конференции в Потсдаме руководители трех великих держав сделали серьезное

предупреждение и призывали Японию капитулировать. Судзуки объявил, что ответного публичного заявления у него нет; это расценили, по-видимому ошибочно, как презрительное отношение к предъявленному ультиматуму.

Американцы сделали заключение, что войну надо продолжать, но их мнения разделились. Командование ВМФ было убеждено, что блокада заставит японцев быстро сдаться; командование ВВС в той же мере полагалось на результаты бомбежек. Трумэн, как и Рузвельт до него, помнил предостережение армейского командования о том, что военная победа над Японией обойдется в миллион человеческих жертв. Американцы, собственно, уже нашли выход: участие русских в войне на Дальнем Востоке. Сталин обещал это с возрастающей твердостью, и действительно, 8 августа русские вступили в войну, однако прежний энтузиазм американцев по этому поводу вскоре стал исчезать. После окончания войны в Европе им не хотелось быть обязанными русским за победу на Дальнем Востоке. Более того, после споров с русскими насчет европейских проблем американцам не хотелось, чтобы они подключились к последнему этапу войны, в которой они ранее не участвовали. Несомненно, русские вступили в войну по тем же причинам.

К лету 1945 г. у американцев уже имелись новые, свежие силы. В последние три года, позаимствовав методику у англичан, они вели работы в области управляемых ядерных взрывов. Три атомные бомбы уже имелись. Никто не знал точно, каков будет результат, однако надеялись: он будет настолько эффективным, что заставит японцев сдаться. Имелось и дополнительное преимущество: это произойдет раньше, чем русские смогут начать боевые действия. Однако не всех американцев это обрадовало. 18 июня генерал Маршалл высказал мнение, что "положение японцев безнадежно и вступление русских в войну может оказаться решающим, чтобы заставить их сдаться". А когда во время Потсдамской конференции Эйзенхауэру сообщили о намерении использовать бомбу, он подумал, что это "совершенно не нужно", или, как он позднее говорил: "Незачем наносить им удар этой отвратительной штукой". Макартура не спрашивали, но впоследствии он согласился с Эйзенхауэром.

Однако такие мнения ничего не значили. Решения принимали Трумэн и несколько человек, участвовавших в создании бомб, а мнения начальников штабов никогда не спрашивали. Желание опередить или предупредить русских было делом второстепенным. Решающим фактором было то, что бомбы уже существовали; значит, их надо использовать. Как писал один авторитетный деятель, "бомбу просто необходимо было использовать — столько денег на нее за-

тратили. Если бы она не сработала, как бы мы тогда оправдали огромные расходы? Какие бы это вызвало гневные протесты у общественности?.. Все, кто был с этим связан, почувствовали невероятное облегчение, когда бомба наконец была готова и сброшена".

Не многие предвидели, как за несколько лет возрастут вслед за этим возможности ядерных разрушений. Фактически никто себе не представлял, что в ближайшем будущем не только Соединенные Штаты, а любая страна сможет создать у себя ядерное оружие. Никто не думал о выпадении зараженных осадков после ядерного взрыва. Ядерное оружие было "просто другой бомбой". Когда Трумэн узнал, что на Хиросиму сбросили атомную бомбу, он воскликнул: "Это величайшее событие в истории!" Американцы применили против Японии атомную бомбу с особым удовлетворением. Италия или Германия не вызывали у них такого яростного возмущения, такого желания отомстить. Но после унижения, которое американцы испытали в Пёрл-Харборе, они были полны беспощадной решимости добиться от Японии безоговорочной капитуляции.

В США изготовили три бомбы. Первая успешно была взорвана на испытаниях в Аламогордо, штат Нью-Мексико, 16 июля. Вторую сбросили 6 августа на Хиросиму. Самолет, который ее доставил, получил благословение священника римско-католической церкви. В одно мгновение погибла 71 тыс. человек. А тех, кто погиб потом от ран, ожогов и лейкемии, никогда не подсчитывали.

Японское военное командование все еще хотело продолжать сопротивление, чтобы обеспечить "почетные условия" капитуляции. 9 августа третья, и последняя (хотя японцы об этом не знали), атомная бомба была сброшена на Нагасаки. Было 80 тыс. убитых. Наряду с известием о вторжении Советской Армии в Маньчжурию это вынудило принять решение. Император Хирохито, когда совет министров оказался в тупике, совершил первый в своей жизни самостоятельный поступок и заявил: "Нестерпимое надо вытерпеть". 14 августа японцы согласились на безоговорочную капитуляцию — фактически с условием, что сохранится император.

И последняя тревога. Было записано на пленку обращение Хирохито по радио к японскому народу, где говорилось о принятом решении. Но молодые офицеры-экстремисты ворвались во дворец и убили генерала, который там командовал. Однако они не смогли найти спрятанную в подвале пленку, а прикоснуться к священной особе императора не посмели. Утром 15 августа состоялась радиопередача. Как принято во дворце, речь Хирохито была цветистой, ритм — странным. По имеющимся сведениям, многие японцы вообще не поняли, что он говорил.

Американцам потребовалось некоторое время на организацию процедуры капитуляции. Макартур, предполагаемый правитель Японии, был далеко — на Филиппинах. Ему требовалось две недели, чтобы прибыть в Японию. 2 сентября на палубе линкора "Миссури" в Токийском заливе он принял официальную капитуляцию Японии. Указом Трумэна этот день был объявлен Днем Победы над Японией. С разрешения Макатура Маунтбэттен принял 12 сентября в Сингапуре капитуляцию японских сил в Юго-Восточной Азии. А русские не были допущены к этому акту, им пришлось довольствоваться возвращением того, что Япония отняла у них в 1905 г. Казалось, Чан Кайши достиг своей цели — победить без борьбы; теперь он обратил оружие против китайских коммунистов, но тут преуспел меньше.

Итак, со времени германского нападения на Польшу и до Дня Победы над Японией вторая мировая война продолжалась ровно шесть лет. От начала и до конца в ней участвовали только Англия и все британские доминионы, кроме Эйре. Была и другая крайность — некоторые страны, Турция например, вступили в войну лишь в марте 1945 г. — запоздалый жест, делавший их правомочными членами Объединенных Наций.

В разное время в войне участвовало 70 млн человек. 17 млн погибло: 1 человек из каждых 22 русских, 25 немцев, 46 японцев, 150 итальянцев, 150 англичан, 200 французов и 500 американцев. В отличие от предыдущих войн современности было убито больше гражданского населения, чем солдат, — некоторые погибли от бомбежек во время воздушных налетов, других немцы убили как партизан или заложников, еще больше было убито просто так, ради исполнения законов нацистской расовой теории, многие погибли от невзгод и голода — на принудительных работах в Германии, в блокадном Ленинграде, во многих других местах.

Польша, если учесть общую численность ее населения, пострадала больше всех: погибло 300 тыс. солдат, немцы убили 5,8 млн гражданского населения, треть из них — евреи, в целом потери составили 15%. Советская Россия потеряла 10% своего населения: в боях погибло 6 млн человек, 14 млн солдат и гражданского населения немцы просто убили. В Югославии потери составили 1,5 млн, из них 500 тыс. — боевые потери. 4,5 млн немцев погибли в боях, $\frac{3}{4}$ из них — на Восточном фронте; 593 тыс. гражданского населения Германии погибло от воздушных налетов. Япония потеряла в боях свыше миллиона человек и от бомбардировок 600 тыс. гражданского населения. От 3 до 13 млн человек погибло в Китае не столько в боях, сколько от всеобщих бедствий.

На западе Франция потеряла 200 тыс. солдат и 400 тыс. гражданского населения — некоторые погибли в рядах Сопротивления, другие умерли в германских лагерях для перемещенных лиц. 300 тыс. итальянцев были убиты, половина — солдаты, сражавшиеся на стороне Германии, половина — партизаны, сражавшиеся на стороне союзников. Англия потеряла 300 тыс. солдат, 62 тыс. гражданских лиц во время воздушных бомбежек, 35 тыс. моряков торгового флота. У США были наименьшие потери: погибло 300 тыс. военных — в Европе и в Азии почти поровну, а гражданское население не пострадало.

Самая тяжелая судьба постигла два лишенных защиты, невинных народа. В Европе из 9 млн евреев от 5 до 6 млн немцы убили в газовых камерах. Тем же способом цыгане Восточной Европы были фактически истреблены полностью.

Огромными были и материальные разрушения. В Советской России немцы разрушили 1710 городов, 70 тыс. деревень, 6 млн домов, 31 850 заводов, было вывезено 5 млн лошадей и 17 млн голов крупного рогатого скота. Промышленные ресурсы Польши сократились наполовину, Югославии — на $\frac{2}{3}$. Французские ресурсы также наполовину сократились — больше от воздушных бомбардировок союзников, чем от грабежей и разрушений, произведенных немцами. Италия пострадала меньше главным образом оттого, что в Северной Италии не было тяжелых боев: ресурсы уменьшились на 20%. В Германии было разрушено 2,5 млн домов, один Гамбург пострадал больше, чем вся Англия. Но благодаря рассредоточению германские промышленные объекты в период войны пострадали меньше — менее всего тяжелая промышленность, главный объект бомбардировок, производимых союзниками. Япония потеряла весь свой торговый флот, большая часть ее городов лежала в руинах. Англия потеряла половину торгового флота, 0,5 млн домов были разрушены, 4 млн — повреждены. В 6 раз вырос внешний долг Англии. Из всех воюющих государств лишь Соединенные Штаты вышли из войны заметно богаче по сравнению с довоенным уровнем.

В 1919 г., после первой мировой войны, в Париже состоялась большая мирная конференция. Державы-победительницы не смогли решить проблему Советской России, но сумели заключить мир со всеми бывшими врагами, хотя с Турцией не удалось до 1923 г. Результаты второй мировой войны были не столь удачными. С Болгарией, Финляндией, Венгрией, Италией и Румынией мир был заключен 10 февраля 1947 г. Договоры были подписаны в здании французского министерства иностранных дел; церемония происходила за тем самым столом, на котором лежал раненый Робеспьер, перед тем как его отправили на гильотину. Японцы причинили

больше хлопот. Русские хотели, чтобы условия мира продиктовали четыре великие азиатские державы — Китай, Англия, СССР и США. Американцы настаивали на более широком участии. Лишь они и их союзники подписали мирный договор с Японией в 1952 г. Советская Россия, Польша и Чехословакия отказались подписать мирный договор с Японией и позднее заключили с ней самостоятельные соглашения.

Австрия, как и Германия, была разделена между четырьмя великими европейскими державами. Франция при этом заняла место Китая. Оккупационные войска четырех держав оставались в Австрии ровно десять лет. Единственное в своем роде возрождение солидарности прежних союзников было достигнуто 5 мая 1955 г., когда был заключен Государственный договор [о восстановлении независимой и демократической Австрии] и оккупировавшие Австрию державы согласились уйти. Австрия стала независимой и в качестве условия приняла закон о постоянном нейтралитете.

Соглашение по поводу Германии не было достигнуто. В конце войны четыре великие державы договорились, что их Контрольный совет будет управлять объединенной Германией, пока немцы не будут "денацифицированы" и как-то приучены к демократии. Объем обязанностей, которые приняли на себя союзные державы, начал уменьшаться уже тогда, когда изменился состав руководителей, возглавлявших эти страны в период войны, — Трумэн вместо Рузвельта и Эттли вместо Черчилля. В новом составе они встретились в июле 1945 г. в Потсдаме. Были два главных камня преткновения — граница между Польшей и Германией и репарации. В Ялте Англия и США согласились, что Польша должна получить в качестве компенсации германскую территорию вместо тех земель, которые отобрала в 1921 г. у России и которые теперь Советская Россия требовала назад. Относительно точных размеров соглашение достигнуто не было. В конце войны русские просто передали Польше все территории к востоку от реки Одер и западнее Нейсе, за исключением части Восточной Пруссии, которая перешла к России, — единственная территория, непосредственно полученная Россией в итоге войны. Протесты западных держав ни к чему не привели. До 1973 г. германо-польская граница существовала де-факто, затем была признана де-юре.

Репарации представляли собой более серьезную проблему. В свое время Рузвельт снова дал неясные обещания о том, что Германия будет платить России репарации натурой, но количественных параметров установлено не было. Американцы вскоре передумали, особенно когда стали давать субсидии западным зонам

Германии. Русские беспрепятственно получали репарации в своих зонах. Постепенно западные союзники отгородили свои зоны от России. Со временем возникло два самостоятельных государства: Германская Демократическая Республика под контролем русских и Федеративная Республика Германии, тесно связанная с западными державами. Таким неожиданным образом было успешно достигнуто разделение Германии.

В 1919 г. резко изменились карты Европы, Ближнего Востока и Африки. Империя Габсбургов и Оттоманская империя перестали существовать. Возникли новые национальные государства. Германия потеряла свои колонии. После второй мировой войны крупных перемен не произошло, за исключением изменения польских границ. Не исчезли старые государства, не возникли новые. Страны восстанавливали свои довоенные границы; у России, правда, это были границы 1941, а не 1939 г., что весьма возмущало западные державы. [...] Италия утратила Истрию, которая перешла к Югославии. Триест стал свободным городом, а в 1955 г. перешел к Италии. Французы отобрали у Италии несколько альпийских перевалов. Англичане и французы, но не голландцы восстановили свои империи на Дальнем Востоке, но, как оказалось, ненадолго. Россия восстановила свое право на Порт-Артур и Дальний, которые потеряла в результате русско-японской войны, а также контроль над Маньчжурской железной дорогой, которую продала Японии в 1935 г. Ко всеобщему удивлению, эти приобретения тоже оказались временными. США установили опеку над островами, имеющими стратегическое значение, что фактически обеспечило их господство в Тихом океане. Лишь эти завоевания сохранились.

И все же подспудно произошли огромные изменения. Люди перемещались, невзирая на границы, — это началось еще во время войны. Гитлер призвал на родину так называемых фольксдойче — немцев, живших за пределами Германии, и расселил в завоеванной Польше 1,5 млн немцев. Сталин выселил немцев Поволжья и крымских татар в Сибирь. Даже американцы последовали его примеру: 250 тыс. американских граждан японского происхождения спешно были отправлены с калифорнийского побережья, где они жили, в лагеря внутри страны. Передвижения после войны приобрели более постоянный характер. До войны в Силезии, в Восточной и Западной Пруссии и Померании жило 7 млн немцев. Многие из них были убиты во время войны, другие бежали от наступающих русских армий. Остальных, от 2 до 4 млн, выслали поляки. 3 млн немцев были изгнаны из Чехословакии. Происходило под видом обмена и выселение меньших масштабов — венгров переселяли из Чехословакии и Югославии, греков из болгарской

Македонии, а немецкие меньшинства отовсюду, где они еще имелись. Таким жестоким способом ликвидировалась проблема национальных меньшинств. Некоторые люди никогда больше не вернулись домой, например большинство поляков, боровшихся всю войну на стороне Англии. Фактически антикоммунистическое польское правительство в изгнании все еще существует.

Победившие во второй мировой войне державы преследовали две цели, которые вызвали много суеты в конце первой мировой войны: наказание военных преступников и создание всемирной организации для поддержания мира. В Нюрнберге был учрежден Международный трибунал, по сути дела трибунал четырех великих держав-победительниц, и 21 германскому лидеру во главе с Герингом было предъявлено обвинение в совершении военных преступлений. Одиннадцать человек приговорили к смертной казни, троих — к пожизненному заключению, четверых — к различным тюремным срокам. Геринг отравился за час до казни, остальные десять были повешены. В Японии после аналогичного процесса были казнены семь руководителей.

Необходимо было доказать непреложность принципов правосудия. В военное или мирное время было совершено много подлинных преступлений — массовые убийства военнопленных, заложников, уничтожение евреев. Но что являлось преступлением против мира? Подготовка к агрессивной войне или ведение ее? Все державы готовились к войне, все были в обиде, что правительства союзников недостаточно к ней подготовились, что сами не сумели начать превентивную или в сущности агрессивную войну. По-видимому, агрессивной победители считали войну, которая велась против одного из них; Черчилль вынес мудрый приговор нюрнбергскому судопроизводству, когда заявил Исмею: "Надо нам с вами постараться не проиграть следующую войну".

Организация Объединенных Наций была самым ценным достижением второй мировой войны: организация действительно всемирная, с эффективными возможностями поддержания мира. Но ее сила зависела от сохранявшегося единства пяти великих держав, которые стали постоянными членами Совета Безопасности и каждая из которых обладала правом вето при принятии решений по процедурным вопросам. Это единство не продержалось дольше войны. Возникла трещина в отношениях между СССР и США, в то время как три другие великие державы в большей или меньшей степени были на стороне Америки. Трещина углублялась и превратилась в антагонизм, такой резкий, что он напоминал войну без сражений, "холодную войну".

Этот результат неудивителен. Два мира — коммунизм и буржуазная демократия. Общая опасность со стороны Германии и Японии заставила их объединиться. Когда миновала опасность, два враждебных друг другу мира вернулись к взаимным подозрениям, которые всегда были у них со времен большевистской революции 1917 г. В то время с подобным снисходительным объяснением соглашались немногие. Согласно одной точке зрения, Советская Россия пыталась установить коммунизм во всем мире. Согласно другой — США стремились к мировому господству и установлению принципов либерального капитализма.

Первая точка зрения была, конечно, неверной. Все действия Сталина во время войны, например во Франции, в Италии, Китае, показывали, что любое распространение коммунизма за пределы сферы влияния Советской России было для него совершенно неприемлемым. Установление коммунистического правления в государствах, граничивших с Россией, было следствием "холодной войны", а не ее причиной. Как удачно сказано, тревога насчет русской агрессии была самоосуществляющимся пророчеством: если ждешь от русских самого худшего, ты это и получишь. Но даже при этом Сталин терпимо относился к либеральной демократии в двух соседних государствах, Финляндии и Австрии, когда она соединялась с подлинно народной поддержкой.

То, что советская политика была напористой, если не агрессивной, не имело никакого отношения к коммунизму. Это — давнее стремление русских, чтобы с ними обращались, как с равными, стремление, которого западные державы не признавали во время войны, а после нее еще меньше. (Исключение составляет Ялта.) Ясное подтверждение этому — Средиземноморье. Советская Россия была ближе к нему, чем Англия или США, больше от него зависела, для нее это окно в мир. Англичане и американцы были возмущены вторжением русских в Средиземноморье, хотя каждый из них держал там крупный флот. От русских всегда требовали "идти на компромисс". Под этим западные страны в сущности подразумевали "безоговорочную капитуляцию" — отказ от коммунистического образа жизни. Они были бы сильно озадачены, если бы русские предложили компромисс: отказались бы, например, от НКВД и однопартийности при условии, что западные державы откажутся от частной собственности на землю и средства производства.

Обвинение американцев в агрессивности имело больше оснований. Большинство американцев не желало третьей мировой войны, однако многие верили, что их превосходство заставит русских отступить. Трумэн удачно забыл обещание, данное Рузвельтом, предоставить России заем на восстановление. На по-

следующих международных совещаниях американцы не стремились к поискам компромисса, они старались настоять на своем. Некоторые американцы даже говорили об "откате" русских назад из Европы и с Дальнего Востока. Все подобные планы постепенно исчезли отчасти потому, что пришло понимание: атомные бомбы исключительно орудие уничтожения и не годятся для войны освободительной. Может быть, появление коммунистического Китая, державы, независимой от Советской России и Соединенных Штатов, умерило соперничество обеих первых великих держав. К 70-м годам все на Западе признали, что "холодная война" — это ложная тревога, затея, ошибочная с самого начала, и, хотя русские никогда не признают, что были не правы, они тоже, вероятно, так считают.

Человечество было разочаровано, что за второй мировой войной немедленно не последовал всеобщий мир. Но не в этом состояла ее цель. Цель второй мировой войны — освободить народы от нацизма и в какой-то мере — от японской тирании. И это удалось осуществить, хотя и дорогой ценой. Невозможно, рассматривая нынешнюю ситуацию, не признать, что люди всюду счастливее, свободнее, зажиточнее, чем были бы в случае победы нацистской Германии и Японии; это в равной мере относится и к странам, находящимся под контролем коммунистов, и к миру буржуазной демократии. Будущие поколения могут счесть, что это всего лишь "еще одна война". Те, кто ее пережил, знают, что велась она ради праведных целей, которые были успешно осуществлены. И, несмотря на связанные с ней убийства и разрушения, вторая мировая война была праведной войной.

СОДЕРЖАНИЕ

Г.-А. Якобсен. 1939—1945. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. Хроника и документы

I. ТАК БЫЛА ПРОИГРАНА ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 7

II. ДОКУМЕНТЫ

- а). Путь к войне: 1933—1939 (док. № 1—6) 73
- б). Политика и ведение войны: 1939—1942 (док. № 7—44) 98
- в). Политика и ведение войны: 1943—1945 (док. № 45—62) 195
- г). Вопреки традициям (док. № 63—69) 245
- д). Германские нравы во время войны (док. № 70—73) 259

III. ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

- 1. Путь к войне: 1933—1939 270
- 2. Польская кампания 1939 г. ("План Вейс") 275
- 3. Военный год 1939-й 277
- 4. Военный год 1940-й 279
- 5. Германская оккупация Дании и Норвегии в 1940 г.
(операция "Везерское учение") 281
- 6. Поход на Запад 1940 г. ("Желтый план") 284
- 7. Политика и ведение войны летом и осенью 1940 г. 288
- 8. Военный год 1941-й 290
- 9. Германская кампания 1941 г. на Балканах (операция "Марита") . . . 293
- 10. Германо-итальянская кампания в Северной Африке 1941—1943 гг. . 296
- 11. Нападение Германии на Советский Союз в 1941 г.
(операция "Фриц" или "Отто", с декабря 1940 г.—план "Барбаросса") . 302
- 12. Военный год 1942-й 310
- 13. Восточная кампания: битва за Сталинград 314
- 14. Военный год 1943-й 319
- 15. Оборона "Крепости Европа" в 1943 г. 321
- 16. Военный год 1944-й 324
- 17. Оборона "Крепости Европа" в 1944 г. 328
- 18. Военный год 1945-й 339
- 19. Разгром на всех фронтах в 1945 г. 342
- 20. а). Война на море: 1939—1945 344
- б). Воздушная война: 1939—1945 364
- 21. Война на Тихом океане: 1941—1945 369

А.Тейлор. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Предисловие	375
1. Мировая война	377
2. Истоки	390
3. Европейская война. 1939—1940 гг.	403
4. Война на большом расстоянии. 1940—1941 гг.	421
5. Война становится мировой. Июнь — декабрь 1941 г.	447
6. Германия и Япония в своем зените. 1942 г.	468
7. Поворотный момент. 1942 г.	488
8. Долгожданное наступление союзников. 1943 г.	500
9. 1944 год — год освобождения	515
10. 1945 г. Конец войны	536

Вторая мировая война: Два взгляда. — М.: Мысль, В87 1995. — 556, [1] с. — Содерж.: 1939—1945. Вторая мировая война. Хроника и документы: Пер. с нем. Г.Я. Рудого / Г.-А. Якобсен. Вторая мировая война: Пер. с англ. З.П. Вольской / А. Тейлор.

ISBN 5-244-00699-1

В книге представлены взгляды двух известных историков Запада: западногерманского ученого Г.-А. Якобсена и английского ученого А. Тейлора — на события второй мировой войны. Исключительную ценность представляют также материалы справочно-энциклопедического и мемуарно-документального характера, большая часть которых впервые публикуется на русском языке.

Издание книги на русском языке приурочено к 50-летию окончания второй мировой войны.

ББК 63.3(0)62

Научная

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
ДВА ВЗГЛЯДА**

Г.-А. Якобсен
1939—1945

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Хроника и документы

А. Тейлор
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Редакторы *Н. И. Калашникова, Т. М. Найденова*
Оформление художника *В. А. Королькова*
Художественный редактор *Е. М. Омеляновская*
Технический редактор *В. Н. Корнилова*
Корректор *О. П. Кулькова*
Текст набран на компьютере
Оператор *М. Ю. Арефьева*
Верстку подготовила *О. М. Успенская*

ЛР № 010150 от 25.12.91

Сдано в набор 14.02.95. Подписано в печать 10.03.95. Формат 60 × 88¹/₁₆.
Бумага типограф., № 2. Гарнигура «Таймс». Офсетная печать.
Усл. печ. листов 34,30. Усл. кр.-отг. 34,54. Учетно-издат. листов 34,43.
Тираж 10000 экз. Заказ № 802.

Издательство «Мысль».
117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Отпечатано с готовых диапозитивов в АООТ «Московская типография № 11»
109088, Москва, ул. Угрешская, д. 12.

Уважаемые читатели!

*Информацию о книгах,
выходящих в издательстве "Мысль",
Вы можете получить из газеты "Книжное обозрение".*

БИТОПРА
МИРОБРА.
БООММММ.

АБА
БЭТЯ

ЯАА